

Самарский государственный социально-педагогический университет
Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
СООО «Самарское археологическое общество»

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ

Выпуск 10

Самара
2023

УДК 902.904
ББК 63.4 (4 Сам)
В74

Ответственные редакторы:
к.и.н. М.А. Турецкий, к.и.н. В.Н. Мышкин

Редакционная коллегия:
д.и.н. А.А. Хохлов, к.и.н. Р.Р. Саттаров, Ю.И. Колев

Рецензенты:
д.и.н. А.А. Выборнов, д.и.н. А.И. Юдин

ISBN 978-5-8428-1229-5

В74 Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 10. – Самара: СГСПУ, 2023. – 268 с., ил.

Юбилейный 10-й сборник научных статей «Вопросы археологии Поволжья» посвящен первому поколению самарских археологов, чьи 70-летние юбилеи пришлись на 2022-2023 гг. Они внесли значительный вклад в развитие самарской археологии. Многие археологические памятники Самарского края открыты и исследованы ими. Практически все наши юбиляры учились в Куйбышевском государственном университете и были выпускниками первого, второго и третьего выпусков исторического факультета 1974-1976 гг.

Отдельный блок статей посвящен следующему поколению самарских археологов, отметивших свои 60-летние юбилеи.

В сборник вошли статьи друзей, коллег и учеников юбиляров. Работы авторов сборника будут полезны всем, кто интересуется археологией, антропологией и историей древних народов нашего края.

ISBN 978-5-8428-1229-5

Сборник издан при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит — ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

На обложке: Муромский городок – памятник Волжской Болгарии, на раскопках которого в начале 70-х годов наши юбиляры начинали свой путь в археологии.

Фото Д.А. Сташенкова с дельтаплана. 1996 г.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Юбилейный 10 выпуск сборника «Вопросы археологии Поволжья» посвящен самарским археологам, которым в 2022-2023 гг. исполнилось 70 лет.

Наши юбиляры – Вера Александровна Скарбовенко, Сергей Александрович Агапов, Нина Леонидовна Моргунова, Людмила Валентиновна Кузнецова, Валентина Ивановна Пестрикова, Ирина Николаевна Васильева, Валентина Николаевна Зудина, Наталья Петровна Салугина. Они из когорты первых самарских археологов, которые пришли в науку в начале 70-х годов XX века. С этими именами нужно вспомнить и о Резе Салиховиче Багаутдинове, чей 70-летний юбилей состоялся раньше, о Александре Алексеевиче Выборнове и Ольге Викторовне Кузьминой, чьи юбилеи еще впереди. Надо вспомнить и тех, кто в разное время или уехали в Москву, или из России на Украину, или ушли из археологии, но оставили свой след в самарской археологии – Геннадии Григорьевиче Пятых, Владимире Дмитриевиче Кузнецове, Ирине Романовне Тихомоловой, Людмиле Николаевне Жигулиной, Алевтине Петровне Семеновой, Геннадии Григорьевиче Пенине, Николае Сергеевиче Добрынине.

Начав работать под руководством основателей самарской археологической школы Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева, они внесли значительный вклад в развитие самарской археологии. Многие археологические памятники Самарского края открыты и исследованы ими. Практически все наши юбиляры учились в Куй-

бышевском государственном университете и были выпускниками первого, второго и третьего выпусков исторического факультета 1974-1976 гг.

Об этом поколении первых молодых археологов хочется сказать особо. С них началась работа Средневожской археологической экспедиции. Они составляли костяк первых экспедиционных отрядов, которые проводили сначала разведки, а потом и раскопки открытых археологических памятников на территории Куйбышевской (Самарской) области. В статье «Итоги работ Средневожской археологической экспедиции 1969-1974 гг.», опубликованной в 1976 г. Г.И. Матвеевой в сборнике «Очерки истории и культуры Поволжья» описаны первые 46 разведочных маршрутов по районам Куйбышевской области (Матвеева, 1976. С. 5-73). Если первыми руководителями маршрутов 1969-1971 гг. были Г.И. Матвеева и И.Б. Васильев, то, начиная с 1972 г., все перечисленные выше юбиляры, тогда молодые студенты первых курсов исторического факультета университета, становятся руководителями разведочных отрядов. Сотни археологических памятников были открыты ими в результате этих разведок, десятки из них были исследованы, впервые введены в научный оборот, позволили обосновать открытие новых археологических культур, начиная с эпохи неолита и заканчивая эпохой позднего средневековья.

Все наши юбиляры состоялись как ученые-археологи. Многие из них стали кандидатами исторических

1971 г. Археологический кружок Куйбышевского университета.

Верхний ряд: Р. Багаутдинов, И. Васильев, С. Агапов, И. Тихомолова, Н. Габелко (Моргунова), В. Скарбовенко, Е. Усанова, Л. Беляева. Нижний ряд: Г.И. Матвеева, И. Мажанова (Васильева), Л. Жигулина.

наук, а некоторые защитили и докторские диссертации. Впрочем, дело не в званиях и степенях. Главное, что благодаря их самоотверженному труду, беззаветной преданности выбранному делу всей жизни, исследовательскому таланту состоялось то, что называется «Самарская археологическая школа». Они действительно были первыми, и за ними пошли следующие поколения самарских археологов, имея перед собой пример истинного служения науке. Многие из наших юбиляров (С.А. Агапов, В.И. Пестрикова, И.Н. Васильева, Н.П. Салугина) были руководителями археологических кружков во Дворцах пионеров и школах г. Куйбышева. Именно благодаря их энтузиазму и увлеченностью наукой в археологию пришли новые поколения самарских археологов. Будучи студентами исторического факультета, а позже сотрудниками археологических лабораторий Куйбышевского государственного университета и Куйбышевского государственного педагогического института, они организовывали археологические экспедиции, где принимали участие сотни школьников и студентов. Это было время, когда в нашей области шли большие стройки на объектах мелиорации, дорожного строительства, нефте- и газодобычи и других отраслях народного хозяйства. Археологические исследования памятников, попадавших в зоны строительства всех этих объектов, были многочисленными и большими

по своим объемам. 70-80-е годы XX века – это время настоящего археологического бума. Основную роль в проведении охранно-спасательных работ на территории Куйбышевской области на памятниках археологии, попадавших в зону строительных работ, сыграли две научно-исследовательских лаборатории в Куйбышевском государственном университете и Куйбышевском государственном педагогическом институте. Наши юбиляры были основными исполнителями этих многочисленных работ и руководителями экспедиций. Результаты этих исследований подробно освещены в статьях, посвященных 30-летию и 40-летию работ Средневолжской археологической экспедиции (Матвеева, Скарбовенко, 1999. С. 3-49; 40 лет Средневолжской..., 2010. С. 5-9).

Более 50 лет наши юбиляры отдают свои силы и знания на развитие археологической науки, которую они выбрали в молодости и идут по этому пути, оставаясь верными своему выбору. В их жизни было все – экспедиции, открытия, научные труды, диссертации, конференции, работа в научных и образовательных учреждениях, ученики, коллеги, друзья, близкие. Все это остается с ними. Мы, представители следующих поколений самарских археологов, идущие вслед, желаем нашим дорогим юбилярам здоровья, бодрости и долгих лет жизни!

ЛИТЕРАТУРА

Матвеева Г.И. Итоги работ Средневолжской археологической экспедиции 1969-1974 гг. // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. Вып. 2. С. 5-73.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Очерк тридцатилетних работ Средневолжской археологической экспе-

диции Самарского университета // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999. С. 3-49.

От редколлегии // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Самара, 2010. Вып. XV. С. 5-9.

М.А. Турецкий

1975 г. Научно-исследовательская археологическая группа (НИГ-7) Куйбышевского университета.
Верхний ряд: Р. Багаутдинов, Н. Добрынин, Г. Пятых. Нижний ряд: И. Мажанова (Васильева),
Н. Габелко (Моргунова), И. Тихомолова, Г.И. Матвеева, В. Скарбовенко.

1975 г. Научно-исследовательская археологическая группа (НИГ-7) Куйбышевского университета.
Верхний ряд: Н. Добрынин, С. Агапов, Р. Багаутдинов.
Нижний ряд: В. Скарбовенко, И. Мажанова (Васильева), Н. Габелко (Моргунова).

1972 г. Муромский городок.
Сверху вниз: И. Мажанова, И. Тихомолова, Н. Салугина, Л. Кузнецова, Р. Багаутдинов.

1972 г. Муромский городок.
И. Мажанова, В. Зудина, Н. Габелко, Н. Салугина, И. Тихомолова, Г.И. Матвеева.

Вера Скарбовенко

1972 г. Муромский городок.
В. Скарбовенко, И. Тихомолова, Н. Габелко.

Нина Габелко

Ирина Мажанова и Нина Габелко

Ирина Мажанова

1976 г.
В археологической лаборатории
на ул. Потапова.
В. Скарбовенко, И. Мажанова, Л. Кузнецова,
Н. Габелко, Н. Салугина.

Людмила Кузнецова

Наталья Салугина и Нина Габелко

Валентина Пестрикова и Людмила Жигулина

Валентина Зудина

Сергей Агапов

2006 г. Новосибирск. I Всероссийский археологический съезд.
И.Н. Васильева, Н.П. Салугина, Т.С. Малютина, Н.Л. Моргунова.

2006 г. Оренбург. Конференция по проблемам изучения ямной культурно-исторической области.
Н.П. Салугина, Н.Л. Моргунова, И.Н. Васильева.

2006 г. Оренбург. Конференция по проблемам изучения ямной культурно-исторической области. Поездка на Каргалы. М.А. Турецкий, И.Н. Васильева, Т.С. Малютина, Н.Л. Моргунова, Н.П. Салугина.

2007 г. Оренбург. Конференция, посвященная 30-летию Оренбургской археологической экспедиции. И.Н. Васильева, В.Н. Зудина, Н.П. Салугина.

02.07.2022 г. Оренбургская область, с. Каликино. Юбилей Н.Л. Моргуновой, встреченный в экспедиции.
Н.П. Салугина, Н.Л. Моргунова, И.Н. Васильева.

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА СКАРБОВЕНКО

Родилась 17 апреля 1952 года в Оловянинском районе Читинской области, на 74 разъезде (ныне станция Ясная) Забайкальской железной дороги, в семье офицера Советской Армии.

Детские годы Веры Александровны прошли в военных городках Забайкалья – вблизи знаменитого Цугульского дацана на р. Онон и на станции Даурия неподалеку от границы с Китаем. С этими местами связаны самые яркие впечатления её детства: бескрайние просторы степей Бурятии и манчжурские сопки, покрытые ковром жёлтых маков в начале лета, белые стены и причудливые строения буддистского дацана, ночёвки в бурятских стойбищах во время рыбацких вылазок вместе с отцом на р. Онон, непривычные национальные одежды и украшения бурятов, их маленькие лошадки и гордые стойки пустынь – верблюды. Интерес к истории и культуре Востока она сохраняет и по сей день.

Профессия отца была сопряжена с частыми переездами с одного места службы на другое и за время учёбы Вере Александровне пришлось сменить шесть школ. В первый класс она пошла в 1959 году на станции Даурия, но уже в 1960 году отца перевели из Забайкальского военного округа в Киевский, и следующие семь лет она провела на Украине, обучаясь в школах небольших городков Лубны Полтавской области и Смела Черкасской области. В 1967 году отец был направлен для прохождения службы в Группу советских войск в Германии, где местом учёбы Веры Александровны стала русская школа-интернат города Котбус на юго-востоке

ГДР. В 1968 году Вера Александровна уехала к родителям отца, в г. Куйбышев, куда семья планировала перебраться после окончания срока военной службы главы семьи. В 1969 году она окончила школу № 67 Советского района г. Куйбышева и поступила на историческое отделение гуманитарного факультета Куйбышевского государственного университета, открывшегося в том же году.

Во время обучения в университете Вера Александровна заинтересовалась археологией и выбрала её в качестве своей будущей профессии. Путь Веры Александровны в археологию начинался, как и у большинства студентов 70-х годов, со студенческого научного кружка, с экспедиций, с участия в региональных и всесоюзных (в те годы случались и такие) студенческих научных конференциях, с выбора темы, которая на долгие годы станет «своей». Дипломную работу Вера Александровна посвятила савроматским и сарматским памятникам Среднего Поволжья. В 1971 году, перейдя на третий курс обучения в университете, она получила свой первый Открытый лист на право проведения разведок, а в 1974 году, после защиты диплома – Открытый лист на проведение самостоятельных раскопок.

В 1974 году Вера Александровна окончила университет и была принята на работу в научно-исследовательскую археологическую группу (НИГ-7), созданную тогда же по инициативе Г.И. Матвеевой при кафедре до-reволюционной отечественной истории университета и преобразованную позднее, в 2002 году в научно-исследовательскую археологическую лабораторию. С университетом связана вся трудовая деятельность Веры Александровны, в его стенах она прошла путь от старшего лаборанта до начальника НИГ-7, а затем и заведующей археологической лабораторией. Не отказывалась она от сотрудничества и с другими профильными учреждениями, где работала в качестве приглашённого специалиста.

Научно-исследовательская археологическая группа университета, как и лаборатория, финансировались за счёт хозяйственных средств, поэтому основным направлением их деятельности было проведение спасательных археологических работ на территориях, подлежащих хозяйственному освоению. Вера Александровна руководила раскопками археологических памятников в зонах строительства Куйбышевского обводнительно-оросительного канала и оросительных систем, нефтепроводов, автомобильных дорог, территорий перспективного расширения городской застройки и других объектов. За 47 полевых сезонов, проведённых в качестве руководителя работ, ею исследовано (полностью или частично) 34 археологических памятника. Большинство раскопанных памятников находилось на территории нынешней Самарской области:

курганные могильники Красные Пески (Похвистневский район, 1974–1975 гг.), Андросовка II (Красноармейский район, 1975 г.), Новопавловка (Красноармейский район, 1976–1977 гг.), Песочное (Безенчукский район, 1978–1979 гг.), Нижнеозерцкое III, IV, V (Приволжский район, 1982 г.), Кряж I, II (Безенчукский район, 1983 г.), Владимировка II, Кряж IX (Безенчукский район, 1991 г.), Николаевка III (Волжский район, 1995 г.), Уваровка I (Сызранский район, 1995 г.), Верхний Сускан I (Ставропольский район, 1995 г.), Берёзки I (Волжский район, 1996–1997 гг.), Кинель I и Кинель II (Кинельский район, 1997 г.), Берёзовка I (Шигонский район, 1999 г.), Бобровка I (Кинельский район, 2000 г.), Заплавное I (Борский район, 2002 г.) и поселения Ош-Пандо-Нерь (Волжский район, 1995 г.), Подгоры I (Волжский район, 2000–2001 гг.), Шигоны III (Шигонский район, 2004 г.), Севрюкаево IV (Ставропольский район, 2003–2004 гг.), Яицкое II (Волжский район, 2016 г.), Кряж I (Волжский район, 2018 г.), некрополь Иверского монастыря (г. Самара, 2006 г.). Вере Александровне доводилось проводить спасательные археологические раскопки и за пределами Самарской области. В 1980 г. в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы на территории Краснодарского края ею исследованы курганные могильники Лебеди I, V, VII, VIII; в 1984–1985 гг. на трассе нефтепровода Холмогоры – Клин она руководила раскопками курганных могильников Канадей I в Ульяновской области и Новосёлки в Республике Татарстан; в 1986–1987 гг. в зоне Старо-Майнской оросительной системы на севере Ульяновской области она проводила спасательные работы на курганных могильниках Урень I и II.

Вера Александровна активно участвовала в различных региональных и федеральных программах по выявлению, паспортизации и картированию объектов археологического наследия; в сфере её интересов были

Безенчукский, Волжский, Красноармейский, Большеглушицкий, Алексеевский, Похвистневский и Приволжский районы Самарской области.

На протяжении многих лет основной научный интерес Веры Александровны лежал в области сарматской археологии; публикации материалов, раскопанных на территории Самарской области сарматских памятников посвящён ряд работ Веры Александровны. Сарматская археология до сих пор остаётся научным приоритетом Веры Александровны, однако необходимость введения в научный оборот материалов, исследованных ею в ходе спасательных раскопок памятников, большинство из которых относится к эпохе бронзы, заставила Веру Александровну обратиться к этому периоду и в последнее время уделять ему всё больше внимания; указанным обстоятельством вызвано появление в её библиографическом списке и публикаций средневековых памятников. В сферу научных интересов Веры Александровны входят и методические вопросы археологии, в частности, несколько её работ были посвящены методическим аспектам анализа и описания орнамента археологической керамики. Список научных публикаций Веры Александровны насчитывает более 70 работ, с выборочным перечнем некоторых основных читатели при желании могут ознакомиться ниже.

В 2015 году после вхождения Самарского государственного университета в состав Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева Вера Александровна окончательно перешла на работу в должности хранителя археологических фондов университета, которую она занимала по совместительству в течение ряда лет. Новая должность позволяет ей больше времени уделять работе с коллекциями раскопанных памятников, в том числе готовить к публикации обширные поселенческие материалы.

П.В. Ломейко, ученик и коллега

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ В.А. СКАРБОВЕНКО

1976

Скарбовенко В.А. Сарматские погребения у села Утёвка // Очерки истории и культуры Поволжья. Труды Средневожской археологической экспедиции. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1976. Вып. 2. С. 174–178.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Курганный могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Труды Средневожской археологической экспедиции. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1976. Вып. 2. С. 147–174.

1977

Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 77–92.

1979

Скарбовенко В.А. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья. Научные труды. Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт, 1979. Т. 230. С. 164–174.

1981

Скарбовенко В.А. Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1981. С. 5–25.

1982

Васильев И.Б., Скарбовенко В.А. Позднесарматские погребения могильника у с. Андреевка в Заволжье // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 106–124.

1985

Зудина В.Н., Скарбовенко В.А. Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1985. С. 51–78.

1987

Зудина В.Н., Скарбовенко В.А. Андросовский II курганный могильник (к вопросу о срубно-балановских связях) // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1987. С. 87–103.

1988

Скарбовенко В.А. Возможности метода симметрии применительно к дескриптивному анализу орнамента археологической керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1988. С. 22–44.

1991

Скарбовенко В.А. О структурных уровнях орнамента (применительно к задачам дескриптивного анализа) // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Тезисы докладов. Свердловск – Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический университет, 1991. С. 85–87.

1993

Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А. Могильник эпохи бронзы у д. Новосёлки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. Самара: Издательство «Самарский университет», 1993. С. 78–128.

1994

Скарбовенко В.А. Использование некоторых геометрических понятий для описания орнамента археологической керамики // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1994. С. 60–73.

1996

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Поволжья (по итогам раскопок 1974–1987 гг.) // Краеведческие записки. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. Вып. VIII. С. 196–222.

1999

Скарбовенко В.А. Структурные уровни орнамента // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Коллективная монография под ред. А.А. Бобринского. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 1999. С. 199–212.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Очерк тридцатилетних работ Средневожской археологической экспедиции Самарского университета // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции. Самара: Издательство «Самарский университет», 1999. С. 3–49.

Скарбовенко В.А. Николаевка III – могильник эпохи средней бронзы в долине р. Самары // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Издательство «Самарский университет», 1999. С. 143–159.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Сарматские курганы у с. Гвардейцы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Печатный дом «ДИМУР», 1999. Вып. III. С. 147–175.

2000

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 9–81.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. Вып. 1. С. 71–84.

Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А. Берёзовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2000. Вып. IX. С. 166–187.

2001

Скарбовенко В.А. Погребение кочевника салтовского времени в долине р. Самары // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара: Изд-во ЗАО «ФАЙН ДИЗАЙН», 2001. С. 197–199.

2004

Ломейко П.В., Скарбовенко В.А. Следы погребальных огненных ритуалов в средневожских памятниках срубной культуры // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Издательство «Самарский университет», 2004. Вып. 2. С. 155–162.

2005

Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Берёзки I // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 382–393.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Новые исследования селища Севрюкаево II // Краеведческие записки. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2005. Вып. XII. С. 35–58.

2006

Скарбовенко В.А. Раскопки Калиновского I курганного могильника. Исследование курганов 5 и 6 // Калиновский I курганный могильник. Коллективная монография. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2006. С. 24–41.

Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка II // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Издательство «Научно-технический центр», 2006. Вып. 4. С. 286–293.

2007

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Культуры кочевых племён раннего железного века // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Учебное пособие. Самара: Самарский Дом печати, 2007. С. 173–198.

2008

Ломейко П.В., Скарбовенко В.А. Территориальные особенности проявления огненных погребальных ритуалов в срубной культуре Самарского Поволжья // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 103–122.

2010

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Самара: ООО «Офорт», 2010. Вып. XV. С. 87–100.

2012

Скарбовенко В.А., Ломейко П.В. Курганный могильник эпохи бронзы Верхний Сускан I // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 179–197.

Матвеева Г.И., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Ломейко П.В., Серых Д.В., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Исследования городища Лбище в 2003 г. // Вояджер: мир и человек. Самара, 2012. № 3. С. 171–198.

Ломейко П.В., Скарбовенко В.А., Гасилин В.В. Погребение раннесредневекового кочевника на территории города Самары // Самарский край в истории России. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвящённой 160-летию Самарской губернии и 125-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 2012. Вып. 4. С. 73–76.

Ломейко П.В., Скарбовенко В.А. Погребение средневекового кочевника на юге Самарского Заволжья // Самарский край в истории России. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвящённой 160-летию Самарской губернии и 125-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 2012. Вып. 4. С. 77–79.

Скарбовенко В.А., Ломейко П.В. Комплекс с иранским стеклянным сосудом могильника Берёзки I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М.: Издательство ТАУС, 2012. Т. II. С. 19–23.

Скарбовенко В.А., Лифанов Н.А. Погребально-поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 году) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь – Тюмень, 2012. Вып. IV. С. 22–46.

2013

Skarbovenko V., Lomejko P. Grabkomplex mit einem iranischen Glasgefäß aus der Nekropole Berezki-I // Einflüsse der achämenidischen Kultur im südlichen Uralvoland (5.-3. Jh. v. Chr.). Band 2. Wien, 2013. P. 20–24.

Ломейко П.В., Скарбовенко В.А., Гасилин В.В. Поселение золотоордынской эпохи Губино I (по материалам раскопок 2007–2008 годов) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара, 2013. С. 277–298.

2015

Скарбовенко В.А., Ломейко П.В., Салугина Н.П. Курганный могильник эпохи бронзы Нижнеозерецкий III // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Издательство СамНЦ РАН, 2015. Вып. 5. С. 142–158.

2017

Скарбовенко В.А., Ломейко П.В. Курганный могильник золотоордынской эпохи Канадей I в Ульяновском Поволжье // Самарский край в истории России. Самара: ГБУК СОИКМ им. П.В. Алабина, 2017. Вып. 6. С. 211–23.

2018

Скарбовенко В.А., Ломейко П.В. Раннесарматские погребения могильников Бобровка I и Заплавное I в долине реки Самары // Археология ранних кочевников Евразии. Самара: ООО «Книжное издательство», 2018. С. 96–104.

НИНА ЛЕОНИДОВНА МОРГУНОВА

Родилась 2 июля 1952 года в г. Называевка Омской области.

Закончила Куйбышевский государственный университет в 1975 году. Дипломную работу на тему о гончарстве булгар по материалам Муромского городка успешно защитила под руководством Г.И. Матвеевой. Начиная с 1971 г. активно участвовала в экспедициях на раскопках Муромского городка, поселения Сухая Речка, Выползовского селища, в первых хозяйственных раскопках университета у совхоза им. Кирова и других, а также в разведочных работах в ряде районов Куйбышевской области.

В 1977 г. приехала в Оренбург, где на базе педагогического института (ныне – университета) создала хозяйственную археологическую лабораторию. Важнейшим направлением в работе лаборатории становится охрана археологического наследия в Оренбургской области. С этого времени археологические экспедиции на территории Оренбургской области проводятся ежегодно и планомерно, выявлены и поставлены на госучет более трех тысяч объектов культурного наследия, ис-

следованы многие десятки памятников неолита, энеолита, бронзового века, сарматской культуры и эпохи средневековья.

В 1997 г. Н.Л. Моргунова в Московском государственном университете защитила диссертацию на соискание степени доктора исторических наук на тему: «Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита-энеолита-ранней бронзы». Через год ей было присвоено профессорское звание. На кафедре истории России она прошла путь от рядового ассистента до профессора, читала курсы «Археология» и спецкурсы по «Древней истории Южного Урала», 16 лет руководила данной кафедрой.

В Оренбургской археологической экспедиции под руководством Н.Л. Моргуновой принимали участие многие поколения студентов университета, некоторые из них в настоящее время стали сотрудниками лаборатории, преподавателями кафедр исторического факультета, аспирантами. Семь ее учеников (ныне сотрудники лаборатории ОГПУ) защитили кандидатские диссертации. На базе университета по инициативе Н.Л. Моргуновой проводились всесоюзные и региональные конференции по археологии Евразии (1980, 1986, 1992, 1994, 2001, 2006, 2007, 2009, 2013, 2019 гг.).

Нина Леонидовна также активно участвует в работе научных конференций различного уровня, в том числе международных и за рубежом. Ее научные труды опубликованы в различных зарубежных изданиях стран СНГ, Западной Европы и США.

С 2000 г. и по настоящее время научная деятельность Н.Л. Моргуновой поддерживается Российскими научными фондами и Правительством Оренбургской области, благодаря которым проводятся комплексные археологические исследования совместно с представителями естественных наук. За успешную научную и научно-педагогическую деятельность Н.Л. Моргуновой присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы» (22.12.1999 г.).

Н.Л. Моргунова – автор более 260 научных и научно-популярных трудов, в том числе 8 монографий. Большой известностью в российской археологии пользуются сборники научных трудов «Археологические памятники Оренбуржья», ежегодно издаваемые под редакцией Н.Л. Моргуновой.

ПЕРЕЧЕНЬ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ Н.Л. МОРГУНОВОЙ

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке (монография). Екатеринбург, 1994. 153 с..

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья (монография). Оренбург, 1995. 222 с.

- Моргунова Н.Л. Становление комплексного общества эпохи ранней и средней бронзы на юге лесостепи Волго-Уральского междуречья // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск, 1999.
- Моргунова Н.Л. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта. М., 2002.
- Morgunova N.L. Yamnaya (Pit-Grave) Culture in the South Urals Area // Complex Societies of Central Eurasia from the 3-rd to the 1-st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. № 1. Washington D.S., 2002.
- Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 303 с. Коллективная монография: Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, А.Д. Дегтярева, Д.В. Мещеряков, Н.П. Салугина, М.А. Турецкий, М.В. Халяпин, О.С. Хохлова, А.А. Хохлов.
- Morgunova N.L., Khokhlova O.S. Kurgans and nomads: new investigations of mound burials in the southern Ural // Antiquity. 2006.
- Моргунова Н.Л. Вклад Оренбургской археологической экспедиции в изучение истории Южного Урала за последнее 30-летие // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. Вып. VIII.
- Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с. Коллективная монография: Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, А.Д. Дегтярева, А.А. Евгеньев, Л.В. Купцова, Н.П. Салугина, О.С. Хохлова, А.А. Хохлов.
- Моргунова Н.Л. Энеолит волжско-уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.
- Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.
- Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: ОГАУ, 2017. 300 с. Коллективная монография: Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А., Хохлова О.С.
- Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Салугина Н.П. Гончарные традиции населения Южного Приуралья – Самарского Заволжья в энеолите – бронзовом веке (по материалам Турганикского поселения) // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. К 80-летию Геннадия Борисовича Здановича. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2018. С. 125–147.
- Моргунова Н.Л. Файзуллин А.А. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum Plus. 2018. № 2. С. 35–60.
- Моргунова Н.Л. Производство первобытного искусства из погребения у поселка Пушкинского в Оренбургской области // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2020. Том 48. № 2. С. 14–21.
- Моргунова Н.Л. Металлопроизводство и его роль в культурогенезе Волго-Уралья на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. СПб., 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1248–1269.
- Кулькова М.А., Кашуба М.Т., Стрельцов М.А., Моргунова Н.Л., Кульков А.М., Ветрова М.Н. От метеорита до крицы. Железо III — первой половины I тыс. до н.э. в Восточной Европе.: коллективная монография / Отв. ред.: М.Т. Кашуба, М.А. Кулькова. СПб.; Берлин: ИИМК РАН, 2021. 216 с.
- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Четкина О.Ю., Медникова М.Б. Биоархеология детства в ямной культуре по материалам кургана 1 могильника Болдырево-4 в Южном Приуралье // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2022. Т. 50. № 2. С. 49–58.
- Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Краева Л.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Купцов Е.А., Файзуллин И.А. II курганный могильник у с. Второе Имангулово (курганы 3–16) // Археологические памятники Оренбуржья. Имангуловские курганы. Коллективная монография. Оренбург: ОГПУ, 2022. Вып. 16. С. 13–100.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АГАПОВ

Родился 17 августа 1952 года в г. Куйбышеве (Самаре).

1969–1970 – Государственный Подшипниковый завод, ученик слесаря, слесарь 1 разряда;

1972–1975 – Куйбышевский городской Дворец Пионеров, преподаватель археологического кружка, руководитель школьной археологической экспедиции;

1975–1976 – служба в ВВ МВД СССР, конвойная служба, стрелок, стрелок-пулеметчик;

1976–1985 – Научно-исследовательская археологическая лаборатория Самарского государственного педагогического института; младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, начальник отряда, начальник экспедиций в составе Средневожской археологической экспедиции;

1985–1988 – Институт археологии АН СССР, аспирант, сотрудник лаборатории естественнонаучных методов;

1989 – Научно-исследовательская археологическая лаборатория Самарского государственного педагогического института, старший научный сотрудник;

1991–1996 – НПФ «Гефест», зам. директора по науке;

1992–1994 – Институт истории и археологии УРО РАН, научный сотрудник;

1994–1995 – Институт истории и археологии Поволжья, ст. научный сотрудник;

1995 – Исполнительный директор Самарской региональной общественной организации Историко-экокультурной ассоциации «Поволжье»;

2000–2005 – Оценка социальных проектов американских программ IREX; Оценка организационного развития НКО, претендующих на статус «Благотворительная организация Самарской области»; Экспертиза заявок на Конкурсы проектов НКО Самарской области; Экспертиза заявок на конкурсы социокультурных проектов (Губернские гранты в области культуры и искусств), Экспертиза заявок на конкурсы проектов Приволжского федерального округа;

2004–2005 – Самарский филиал Санкт-Петербургского университета профсоюзов, доцент (почасовик);

2004–2005 – Музейный комплекс под открытым небом «Центр исторического моделирования «Древний мир»», директор по науке;

2005–2012 – МОУ ВПО Самарская академия государственного и муниципального управления, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма.

Общественная деятельность

Член совета по национальной политике при губернаторе Самарской области (до 2005 года);

Член редколлегии информационного вестника «Самарская область. Этнос и культура» (до 2005 года);

Член благотворительного совета Самарской области;

Член общественной палаты г.о. Самара;

Член рабочей группы Министерства культуры и молодежной политики Правительства Самарской губернии по определению возраста г. Самары;

Международная археологическая Школа Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань) совместно с Казанским (Приволжским) Федеральным Университетом и Болгарским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником. Руководитель секции Экспериментальной археометаллургии.

Образование

1959–1969 – обучение в начальной и средней школах № 75, 29, 92, 35, 114 г. Куйбышева;

1970–1975 – Куйбышевский государственный университет; студент исторического факультета. Специализация «Археология эпохи бронзы Восточной Европы». Специализация «Древняя металлургия Северной Евразии». Дипломная работа «Эпоха средней бронзы степного и лесостепного Поволжья»;

1985–1988 – Институт археологии АН СССР, аспирант;

1990 – защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (специальность 07.00.06) в ИА АН СССР. Тема диссертации – «Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века»;

2000 – Школа «Организация общественных кампаний для НКО», г. Москва, сертификат;

2001 – Первая международная школа оценки. Мониторинг и оценка проектов, обучающих и тренинговых программ, г. Новосибирск, сертификат;

2001 – Организационная структура, менеджмент и финансовая устойчивость НКО культуры США. Стажировка в США, Цинциннати, Огайо, сертификат.

Кандидат исторических наук, доцент.

Автор более чем 50 статей, заметок и 4 книг, изданных в СССР, России и за рубежом, по проблемам древней истории Северной Евразии, по проблемам функционирования «гражданских» сетей (интернет для гражданского общества), по проблемам въездного туризма и использованию ИКН в познавательном туризме, по использованию археологического наследия в музейно-экспозиционной деятельности, по проектированию и управлению проектами. Эксперт по деятельности и организации музеев под открытым небом.

Автор учебных программ и тренингов:

- Информационные технологии для НКО;
- Интернет с нуля;
- Дизайн и допечатная подготовка малотиражных изданий;
- Социальное проектирование для НКО;
- Теория краеведения;
- Народная художественная культура;
- Проектирование деятельности НКО;
- Проект: шаг за шагом;
- Управление проектами;
- Проектирование в сфере культуры;
- Социокультурное проектирование;
- Подготовка консультантов по проектированию в социокультурной сфере;
- Музеи под открытым небом. Зарубежный опыт;
- Российские музеи под открытым небом;
- Проектирование и управление проектами в туристском бизнесе;
- Проектирование экскурсионных услуг.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ С.А. АГАПОВА

1974

Агапов С.А. Могильник ямно-полтавкинской знати у с. Утёвка // VI Уральская научная студенческая археологическая конференция: тезисы докладов. Ижевск: УдГУ, 1974. 0,1 п. л.

1975

Агапов С.А., Васильев И.Б., Обыденнов М.Ф., Жигулина Л.Н., Скарбовенко В.А., Иванов В.А., Калинин С.Е., Матвеева Г.И. Работы Средневожской археологической экспедиции // АО-1974. М., 1975. 1,0 п. л.

Агапов С.А., Васильев И.Б. Покровский курганный могильник // Наш край. Куйбышев, 1975. 1,0 п. л.

1976

Агапов С.А., Багаутдинов Р.С., Габелко Н.Л., Жигулина Л.Н., Мажанова И.Н., Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., Пятых Г.Г., Тихомолова И.Р. Работы новостроечных отрядов Куйбышевского университета // АО-1975. М., 1976. 0,1 п. л.

Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры Куйбышевского Заволжья // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. 1,0 п. л.

Агапов С.А., Пенин Г.Г. Поселения срубной культуры в бассейне р. Безенчук // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. 0,2 п. л.

Агапов С.А. Деревянные погребальные сооружения срубной культуры на территории Куйбышевской области // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976. 0,2 п. л.

1977

Агапов С.А. Каменный топор из Подстёпок // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977. 0,3 п. л.

1978

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник // АО-1977. М., 1978. 0,2 п. л.

Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Работы на севере Саратовской области // АО-1977. М., 1978. 0,2 п. л.

Агапов С.А., Пестрикова В.И. Ватазина А.П. Работы северного новостроечного отряда КГПИ // АО-1977. М., 1978. 0,1 п. л.

Агапов С.А., Иванов А.Ю. Об одном типе украшений срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Т. 221. Куйбышев, 1978. С. 49–51.

1979

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Раскопки энеолитических могильников в Хвалынском районе Саратовской области // АО-1978. М., 1979. 0,1 п. л.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.А. Некоторые итоги исследования Хвалынского энеолитического могильника // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. 0,3 п. л.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы // Археология Восточно-Европейские лесостепи. Воронеж, 1979. 1,5 п. л.

Агапов С.А., Иванов А.Ю., Петров Ю.Э. Раскопки курганов в Приволжском районе Куйбышевской области // АО-1978. М., 1979. 0,15 п. л.

1980

Агапов С.А. Работы Приволжского отряда Средневожской экспедиции // АО-1979. М., 1980. 0,2 п. л.

1981

Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П. Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. 1,0 п. л.

1983

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семёнова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. 3,0 п. л.

1985

Агапов С.А., Васильев И.Б. Охранные работы на памятниках неолита и бронзового века Среднего Поволжья // Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985. 0,3 п. л.

1988

Агапов С.А. О культурной принадлежности топоров с гребнем // Хронология и культурная принадлежность памятников бронзового века Южной Сибири. Барнаул, 1988. 0,2 п. л.

Агапов С.А., Кузьминых С.В. Производство меди в Приуральском горно-металлургическом центре в древности // Медные рудники Западного Кавказа III-I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. Сухуми, 1988. 0,4 п. л.

Агапов С.А. Metallургия и металлообработка в восточной зоне общности культур с валиковой керамикой (эпоха поздней бронзы) // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М., 1988. С. 32–34.

1989

Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 178–197.

Агапов С.А., Кузьминых С.В., Терёхин С.А. Моделирование процесса древней плавки меди // Естественно-научные методы в археологии. М., 1989. 1,0 п. л.

Агапов С.А., Иванов А.Ю. Металлообрабатывающий комплекс пос. Липовый овраг // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989. 0,7 п. л.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция как система // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя (информационные материалы). Свердловск, 1989. 0,3 п. л.

1990

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990. 10,0 п. л.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Древнейшие финно-угры и индоевропейцы в рамках Евразийской металлургической провинции // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Summaria dissertationum. Debrecen, 1990. Т. 2 б. 0,1 п. л.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. 0,4 п. л.

Агапов С.А. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. 1,0 п. л.

1991

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кравцов А.Ю., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Моргунова Н.М., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О. О работах Волго-Уральской комплексной экспедиции в 1989–1990 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. 0,5 п. л.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Европейская зона Евразийской металлургической провинции // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Киев, 1991. С. 110–111.

1994

Агапов С.А., Кузьминых С.В. Металл Потаповского могильника в системе Евразийской металлургической провинции // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге. Самара, 1994. 1,0 п. л.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Барцева Т.Б., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю., Тенейшвили Т.О. О работах Восточноевропейской экспедиции // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 148–159.

1995

Агапов С.А. и др. Kargali: The Earliest Mining and Metallurgical Center in Northern Eurasia. A Russian-Spanish Project // European association of archaeologists. First Annual Meeting. Santiago, 1995. P. 106.

1997

Агапов С.А. Заметки к теории палеоэкологического моделирования // Проблемы взаимодействия природы и человека в Среднем Поволжье. Методы, задачи, перспективы. Самара, 1997. С. 54–56.

1999

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., Вальков Д.В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие) // Российская археология. 1999. № 1. С. 77–102.

2002

Агапов С.А., Дудкин С.А. Самарская гражданская сеть – проблемы и перспективы развития // 9 конференция представителей региональных научно-образовательных сетей RELARN-2002, Москва-Пушино, 2002, 0,2 п. л.

2004

Агапов С.А., Субботин И.П. Центр исторического моделирования «Древний Мир» – новый вид (объект) познавательного туризма. Самара, 2004. 0,4 п. л.

2005

Агапов С.А., Субботин И.П. Опыт интеграции результатов археологических исследований в сферу познавательного туризма. На примере деятельности центра исторического моделирования «Древний мир». Самара, 2005. 0,3 п. л.

2006

Агапов С.А. Проектирование и управление проектами. СРОО ИЭКА «Поволжье». Учебно-методическое пособие. Самара, 2006. 3 п. л.

Агапов С.А., Васильева И.Н., Кузьминых С.В. Игорь Борисович Васильев: основные вехи жизненного и научного пути // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. 1,0 п. л.

Агапов С.А., Пестрикова В.И. Проектное финансирование в НКО // Общинная жизнь. 2006. 0,5 п. л.

Агапов С.А., Кузьминых С.В. Памяти Игоря Борисовича Васильева // РА. № 2. М., 2006. 0,5 п. л.

Агапов С.А., Пестрикова В.И. Что лучше финансировать: текущую деятельность или проекты НКО, особенно если денег не хватает на то и другое одновременно? // <http://www.povolzje.ru/> 0,5 п. л.

2007

Агапов С.А. Металлургия и металлообработка эпохи раннего металла // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: САО, 2007. 1 п. л.

2010

Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Составитель и научный редактор С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. 584 с.: илл. ISBN 978–5–9900196–8–3 (64 п. л.)

2012

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур с वालीковой керамикой // Вестник археологии, археологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. № 3. 1 п. л.

2013

Sergei Agapov, Anna Degtjareva & Sergei Kuz'minych. Die Metallverarbeitung Kazachstans am Ende der Bronzezeit // Unbekanntes Kazachstan Archäologie im Herzen Aziens. В. II. Bochum, 2013. 1,5 п. л.

Агапов С.А., Гошко Т.Ю., Агапов Д.С. Проект по созданию каталога микроструктур эталонов литых бронз (предварительное сообщение). // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы Международной полевой научной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век» 6–12 августа 2012 г. Под ред. С.А. Агапова. Ульяновск, 2013. С. 187–202.

Экспериментальная археология. Взгляд в 21 век // Составитель и научный редактор С.А. Агапов. Ульяновск, 2013. 20 п. л.

2016

Агапов С.А., Борисов М.В. Центр исторического моделирования и реконструкции «Древний Мир» в Самаре // «Археология как социокультурная практика: опыт и перспективы управления наследием». Материалы Международ. науч. конф. (Самара, 2016 г.) Archaeology as Social and Cultural Practice: Experience and Prospect of Managing Heritage. Samara, 2016. [Текст] / М-во культуры РФ, СГИК; под ред. В.И. Ионесова. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, ЗАО «Сокол-Т», 2016. С. 32–37.

2018

Агапов С.О., Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В. Металеві казани з Великого Степу за доби пізньої бронзи. Київ: ІА НАН України, 2018. 36,5 п. л.

2021

Агапов С.А., Агапов Д.С. Модели плавки цветных металлов в древности (по результатам экспериментальных работ Самарской археометаллургической группы) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. / Российская акад. наук, Ин-т археологии [Отв. ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов]. М.: ИА РАН, 2021. Вып. 5.

2022

Anthony David W., Khokhlov A.A., Agapov S.A., Agapov D.S., Schulting R., Olalde I. and Reich D. «The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River» *Praehistorische Zeitschrift*, vol. 97, no. 1, 2022. P. 22–67. <https://doi.org/10.1515/pz-2022-2034>

Агапов Д.С., Агапов С.А. Технологические схемы плавки цветных металлов в древности. В печати. 0,5 п. л.

ЛЮДМИЛА ВАЛЕНТИНОВНА КУЗНЕЦОВА

Родилась 8 ноября 1952 г. в городе Брянске.

Закончила исторический факультет Куйбышевского государственного университета в 1976 году. Дипломная работа была посвящена материалам Постникова оврага – «Стоянки каменного века в устье Постникова оврага» (научный руководитель Г.И. Матвеева).

С 1976 по 1980 гг. работала младшим научным сотрудником в археологической лаборатории госуниверситета. За эти годы проводила полевые исследования могильников Звенигородка (1978 г.), Волчанка (1979 г.) в Самарской области и могильника Лебеди в Красно-

дарском крае (1980 г.). В эти же годы повышала квалификацию в палеолитической экспедиции в Костенках.

С 1980 по 1984 гг. обучалась в очной аспирантуре ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). В 1985 году защитила диссертацию на тему «Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья» (научный руководитель – Н.Д. Праслов). Во время учебы начала полевые исследования памятников палеолита в Волгоградской области, в частности местонахождения Родниковая балка в Дубовском районе Волгоградской области (1983 г.). Осмотрен (1983 г.) и опубликован материал (совместно с И.И. Дремовым) первого памятника эпохи палеолита в Саратовской области – стоянки Солёный Овраг.

С 1984 г. по 1992 г. продолжила работу в археологической лаборатории Куйбышевского госуниверситета. В 1985 году на границе Постникова оврага и Загородного парка была открыта мастерская каменного века конца верхнего палеолита Постников овраг XII. Основные полевые исследования проводились на территории Волгоградской области.

Под руководством Л.В. Кузнецовой был создан Нижневолжский отряд Средневолжской археологической экспедиции. Были открыты и исследованы среднепалеолитические памятники Челюскинец II (совместно с В.Я. Сергиным в 1986–1987 гг.) и Заикино Пепелище (1988–1991 гг.). В овражно-балочной системе у хутора Челюскинец было выявлено и зафиксировано 16 палеолитических местонахождений.

С 1992 по 1993 гг. работала заместителем директора по научной работе Самарского областного краеведческого музея. С 1993 по 2013 гг. – директор Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина.

С 2014 года по настоящее время главный научный сотрудник СОИКМ им. П.В. Алабина.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ Л.В. КУЗНЕЦОВОЙ

1982

Основные проблемы изучения раннего палеолита Русской равнины // Тезисы докладов XI международного конгресса ИНКВА. М., 1982. Т. III (в соавторстве с Н.Д. Прасловым.)

1983

Исследование палеолита на Волге // АО 1983 года. М., 1983.

Praslov N.D., Kuznetsova L.V. Main problems in the study of the early Paleolithic of the Russian Plain // Abstracts, XI International INQVA Congress. M., 1983. Vol. III.

1985

Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

Новые палеолитические местонахождения Поволжья // Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 1985.

1986

Солёный Овраг – первое палеолитическое местонахождение в Саратовском Поволжье // СА. № 2 (в соавторстве с И.И. Дремовым).

1987

Постников Овраг – археологический памятник эпохи камня - средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987 (в соавторстве с Т.Ю. Скуповой).

К проблеме классификации мустьерских орудий со сходящимися в острие лезвиями // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1987.

1988

Палеолитическое местонахождение Челюскинец II // АО 1986 года. М., 1988 (в соавторстве с В.Я. Сергиным).

1989

Исследование палеолитического местонахождения в Волгоградской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Методическая разработка для студентов второго курса дневного отделения исторического факультета Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев, 1989.

1991

Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. 1991. № 3 (в соавторстве с М.С. Седовой).

1992

Каменный инвентарь местонахождения Заикино пепелище // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья. Саратов: Саратовский университет, 1992.

1993

Итоги исследования местонахождения Заикино пепелище в 1988–1991 годах // Археологические исследования в Поволжье: Межвуз. сбор. статей. Самара: Изд-во Самарский университет, 1993.

Палеолит Поволжья. Некоторые итоги и перспективы // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

Раскопки палеолитического местонахождения Заикино пепелище // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1993.

1995

Археолог и художник Михаил Маткин // Краеведческие записки. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1995. Вып. 7.

1997

Роль Сухой Мечетки в развитии знаний о мустьерской культуре // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию отдела археологии МАЭ. СПб., 1997.

Остеологические материалы мустьерских местонахождений Нижнего Поволжья // Тезисы докладов Международной конференции «Каменный век Европейских равнин». Сергиев Посад, 1997.

1999

Местонахождение Челюскинец II // Археологический альманах. Донецк, 1999. № 8 (в соавторстве с В.Я. Сергиным).

2000

Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000.

2002

Гора Маяк – новый памятник каменного века в Самарском Заволжье (предварительные результаты исследования) // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур, СПб., 2002 (в соавторстве с Д.А. Сташенковым).

2003

О времени существования могильника «Гора Маяк» // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003 (в соавторстве с Е.В. Пономаренко).

2004

Комплекс памятников каменного века на Горе Маяк в Самарском Заволжье (предварительные результаты исследования) // РА. № 1 (в соавторстве с А.А. Ластовским, Д.А. Сташенковым, А.А. Хохловым).

2006

Географическая и геологическая характеристика Нижнего Поволжья. История изучения палеолитических памятников Нижнего Поволжья, Памятники среднего палеолита. Стоянка Соленый овраг // Археология Нижнего Поволжья. В 4 т. Каменный век. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. Т. 1.

2007

Глава «Палеолит» // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Учебное пособие. Самара, 2007.

2020

Палеолитическое поселение Сухая Мечетка (по материалам раскопок С.Н. Замятина). СПб.: ИИМК РАН, 2020. 144 с. (в соавторстве с Н.Д. Прасловым).

2021

Палеолит центральной части Среднего Поволжья // Археология Волго-Уралья. Каменный век. Казань, 2021. Т. 1.

Liudmila V. Kuznetsova. The Middle Palaeolithic of the Lower Volga River (Volgograd region, Russia) // UISPP. The Journal of the International Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences. Vol. 3. Issue 2. September. 2021.

2022

Троицкое 5 – новый памятник эпохи камня - бронзы в Самарском Поволжье // Самарский научный вестник. Самара, 2022. Т. 11. № 1 (в соавторстве с Д.А. Сташенковым, А.Ф. Кочкиной, Н.П. Салугиной, А.А. Ластовским).

Новые находки в Постниковом овраге (пункты XIII, XIV, XV) // Самарский край в истории России. Матер. меж-регионал. науч. конф. Самара, 2022. Вып. 8. С. 149–159.

2023

Постников Овраг III: этапы заселения памятника // Археология Евразийских степей. Казань, 2023. № 1. С. 195-210.

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ВАСИЛЬЕВА

Родилась 5 марта 1953 г. в г. Куйбышеве (Самаре).

Образование

1960–1970 – Курумоченская средняя школа (с. Курумоч Волжского района) – (с золотой медалью);

1970–1975 – Куйбышевский государственный университет, исторический факультет; диплом с отличием, специальность – историк, преподаватель истории и обществоведения;

1975–1979 – заочная аспирантура при кафедре археологии МГУ, научный руководитель – д.и.н., профессор Г.А. Федоров-Давыдов;

1983 – стажировка при лаборатории истории керамики Института археологии РАН под руководством д.и.н. А.А. Бобринского;

1989 – защита кандидатской диссертации «Технология гончарного производства населения Волжской Болгарии в X–XIV вв.» в Ученом совете исторического факультета МГУ. Научный руководитель – Г.А. Федоров-Давыдов; оппоненты: д.и.н. А.А. Бобринский, д.и.н. Р.Г. Фахрутдинов.

Работа:

1975–1990 – Куйбышевский государственный университет: лаборант, мнс, снс;

1990–1994 – Институт истории и археологии УрО РАН, снс;

1994–2013 – Институт истории и археологии Поволжья, снс;

2013–2019 – СамГПУ (НИЧ, снс, госзадание, гранты);

2020–2021 – СОИКМ им. П.В. Алабина, снс.

Гранты:

1) Участие в выполнении гранта РФФИ И.Б. Васильева «История древних индоевропейских народов» № 93-06-10695, 1993 г.;

2) Грант РФФИ И.Н. Васильевой «Гончарство населения Северного Прикаспия в VI–II тыс. до н.э.», № 97-06-80001 1997–98 гг.;

3) Участие в выполнении гранта РФФИ Н.П. Салугиной «К проблеме формирования гончарства населения ямной культуры Волго-Уралья» № 98-01-401, 1998 г.;

4) Участие в выполнении гранта Н.П. Салугиной (издательского) РФФИ «Актуальные проблемы изучения древнего гончарства» № 99-06-87079, 1999 г.;

5) Грант РГНФ И.Н. Васильевой «История древних производств: проблема зарождения древнего гончарства в Поволжье» № 05-01-26106а/В, 2005–2006 гг.;

6) Грант Министерства образования и науки Самарской обл. и ИЭКА «Поволжье» написание учебного пособия для студентов и старших школьников, выигранный Самарским археологическим обществом «Древние культуры и этносы Самарского края», 2007 г.;

7) Грант Министерства образования и науки Самарской обл. и ИЭКА «Поволжье» «Секреты древних ремесел», выигранный Самарским Дворцом детского и юношеского творчества;

8) Госзадание в СамГПУ под руководством А.А. Выборнова (2013–2019), грант РФФИ А.А. Выборнова (2022–2023);

10) 2020–2021 – грант Президентского фонда РФ «Не боги горшки обжигают»;

11) 2020 – грант Минобрнауки Самарской области – электронный каталог по керамической трасологии;

Профессиональная деятельность:

Разведки

1971 – Сызранский район, с Г.И. Матвеевой;

1971 – Волжский и Нефтегорский районы, с В.А. Скарбовенко;

1972 – Сергиевский и Иса克林ский районы, по р. Сок. Открытый лист (далее – ОЛ) (с В.Н. Зудиной);

1972 – Большеглушицкий район, с Р.М. Юнусовой;

1973 – Сергиевский и Иса克林ский районы. ОЛ (с В.Н. Зудиной);

1974 – Безенчукский и Волжский районы, зона строительства оросительной системы – Ставропольский и Волжский районы (в окрестностях Муромского городка с В.Н. Зудиной), Самарская Лука («Летучий отряд»); – Ставропольский район, севернее г. Тольятти; – Похвистневский район (с И.Р. Тихомоловой);

1976 – Оренбургская обл. (с И.Б. Васильевым);

1984 – Ульяновская обл., Татария – зона строительства газопровода Холмогоры-Клин (автомобильный маршрут);

- 1988 – Ставропольский и Сызранский районы (Самарская Лука) ОЛ;
- 1989 – Ставропольский и Сызранский районы ОЛ;
- 1992 – Курганская обл. ОЛ.
- Раскопки по Открытым листам**
- 1974 – русское поселение XVII-XVIII в. у с. Подгоры, Волжский р-н;
- 1975 – I Кировский могильник (Красноармейский район) (Срубная АК), Новопавловский мог-к, курган № 1 (Срубная АК);
- 1976 – могильник «Золотая Нива» Ставропольский р-н (Срубная АК);
- 1979 – Сухореченское поселение Похвистневский р-н (Золотая Орда);
- 1981 – Сухореченское поселение (Золотая Орда, XIV в.);
- 1982 – Федоровское поселение Приволжский р-н (Срубная АК);
- 1983 – курганный могильник у с.Кряж, Безенчукский р-н (Срубная АК);
- 1984 – Старо-Тимошкинское поселение (XIX в.) Ульяновская обл.
- 1985 – Новоселкинский могильник (Татария) (Срубная АК);
- 1986 – Старотинчалинское поселение (Татария) (Волжская Болгария);
- 1987 – Кременкинское поселение (Татария) (Волжская Болгария);
- 1988 – II Усинский грунтовый могильник Волжский р-н (Золотая Орда);
- 1989 – Междуреченское городище (Волжская Болгария);
- 1990 – Междуреченское городище;
- 1999 – 1) поселение «Сачково озеро», 2) могильник Мосты (Приволжский р-н), 3) могильник Приовражный (Хворостянский р-н) (Срубная АК);
- 2000 – поселение «Сачково озеро» Приволжский район, Лузановское поселение (Кошкинский район) (Срубная АК);
- 2001 – Федоровское поселение (Приволжский район) (срубная АК);
- 2001–2002 – Кашпирский одиночный курган (Приволжский район) (Ямная АК);
- 2003 – Федоровское поселение (Приволжский район Самарская обл.) (срубная АК); Курганные группы «Яминов лес I-II», Саратовская обл. (ржв – сарматы, меморативные курганы);
- 2004 – III Шигонское поселение (Шигонский район) XVII-XVIII вв.;
- 2005 – 1) I Кротовское поселение (срубная АК), 2) II Сарбайский ОК, 3) курган № 5 IV Ново-Михайловского могильника (срубная АК) – Кинель-Черкасский р-н Самарская обл.;
- 2006 – Федоровское поселение (Приволжский район Самарская обл.) (срубная АК);
- 2007 – Одиночный курган Рассвет I (Ставропольский район Самарская обл.);
- 2008 – I Кротовское поселение Кинель-Черкасский р-н Самарская обл.;
- 2011 – святилище Черноречье (Кировский мост г. Самары);
- 2012–2014 – поселение Федоровка, Приволжский р-н;
- 2016 – курганный могильник Садгород IV в Кинель-Черкасском районе Самарской области.
- Участие в раскопках**
- 1971–1975 – Муромский городок;
- 1971–1976 – Сухореченское поселение;
- 1974 – Бельджамен (Водянское городище) Волгоградская обл.;
- 1976 – Селитренное г-ще Астраханская обл.;
- 1981–1982 – Болгар (Татария);
- 1989–1990 – Междуреченское г-ще Сызранский р-н;
- 1995–1996 – Шигонское поселение (XVII–XVIII вв.) Шигонский р-н;
- 1997 – поселение Лебяжинка V;
- 2005 – КМ «Просвет»;
- 2006 – Иверский некрополь, р. 2.
- Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ)**
- 1990 – пос. Устье, Челябинская обл.;
- 1992–1993 – с. Нур, Волжский р-н;
- 1994 – пос. Прибрежный, Красноглинский р-н;
- 1995 – с. Утевка, Нефтегорский р-н;
- 1996–2003, 2005–2016 – пос. Прибрежный, Красноглинский р-н;
- 2017–2023 – с/л «Юность», Студеный овраг, г. Самара.
- Область научных интересов:**
1. Средневековая археология (Волжская Болгария, Золотая Орда, средневековые кочевники).
 2. Гончарство населения Волго-Уралья в эпохи неолита и энеолита.
 3. Происхождение гончарства.
 4. Применение научно-естественных методов в археологии.
 5. Трасология, микроскопический анализ, физическое моделирование, эксперимент в археологии.
 6. История древнейших производств.
- Научная плановая тема:**
- Гончарство населения Волго-Уральского региона в эпохи неолита и энеолита.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ И.Н. ВАСИЛЬЕВОЙ

(более 200 научных статей, монографий, коллективных монографий, статей в энциклопедиях, методических и научно-популярных изданий)

1974

1. Мажанова И.Н. К вопросу о сельском гончарном производстве волжских болгар в золотоордынский период по материалам Сухореченского поселения // VI Уральская научная студенческая археологическая конференция: тезисы докладов. Ижевск: УдГУ, 1974.

1975

2. Мажанова И.Н., Матвеева Г.И. Раскопки Сухореченского селища // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 162.

3. Багаутдинов Р.С., Габелко Н.Л., Жигулина Л.Н., Мажанова И.Н., Матвеева Г.И., Тихомолова И.Р., Юнусова Р.М. Раскопки и разведки на Самарской Луке // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 137–138.

1976

4. Мажанова И.Н. Материалы к археологической карте бассейна р. Сок // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев: КГУ, 1976. Вып. 2. С. 136–146.

1977

5. Васильева И.Н. Гончарный горн XIV века на дюне «Большой Шихан» // Средневожская археологическая экспедиция: межвузовский сборник. Куйбышев: КГУ, 1977. С. 122–133.

1979

6. Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древности Среднего Поволжья: межвузовский сборник. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 202–240.

1988

7. Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 103–150.

1989

8. Васильева И.Н. Технология гончарного производства населения Волжской Болгарии в X–XIV веках. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1989. 27 с.

1991

9. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Роль эксперимента в изучении древнего гончарства (к постановке проблемы) // Керамика как исторический источник: тезисы докладов. Свердловск – Куйбышев, 1991. С. 76–80.

1993

10. Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: УИФ Наука, 1993. 247 с.

1994

11. Васильева И.Н. Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжья // Тезисы докладов Международной конференции по применению естественнонаучных методов в археологии, посвященной Б.А. Колчину. СПб., 1994. С. 111

1997

12. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Не боги горшки обжигают. Самара: Самарский региональный фонд «Полдень. 22 век», 1997. 159 с.

1998

13. Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: межвузовский сборник. Самара: СамГПУ, 1998. С. 193–214.

1999

14. Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СамГПУ, 1999. Вып. 1. С. 72–96.

15. Васильева И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 1999. Вып. 3. С. 191–216.

16. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Экспериментальный метод в области изучения древнего гончарства // Актуальные проблемы изучения древней керамики. Самара, 1999. С. 181–198.

2000

17. Васильева И.Н., Иванов В.А. Волжская Печенегия и половцы (X–XIII вв.). Глава 10. // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 267–292.

18. Васильева И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья. Глава 11 // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 293–346.

2002

19. Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского могильника // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СамГПУ, 2002. Вып. 2. С. 15–49.

2003

20. Васильева И.Н., Козин Е.В., Краснова Л.В., Салугина Н.П. Методическое пособие по организации летних экспериментально-археологических экспедиций для школьников. Самара-Тольятти, 2003. 67 с.

2004

21. Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н. Курганные группы Золотая Нива I и II // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: СамГУ, 2004. Вып. 2. С. 181–195.

2005

22. Васильева И.Н. Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I-II Хвалынских могильников // РА. 2005. № 3. С. 76–84

2006

23. Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 426–439.

24. Васильева И.Н. О происхождении древнего гончарства // Современные проблемы археологии России. Т. I. Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2006. С. 243–245.

25. Васильева И.Н. Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уралья как источник по истории формирования ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. III Городцовские чтения. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 17–23.

2007

26. Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2007. Вып. VIII. С. 23–38.

2008

27. Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 40–47.

28. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. М., 2008. Т. III. С. 156–159.

2009

29. Васильева И.Н. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. С. 65–77.

2010

30. Васильева И.Н. К вопросу о развитии гончарных традиций в Поволжье в эпоху неолита // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности (Материалы Межрегионального научно-практического полевого семинара. Чувашская республика, Алатырский район. 31 июля – 4 августа 2008 г.). Чебоксары: Изд-во Чувашского государственного института гуманитарных наук, 2010. С. 97–118.

31. Васильева И.Н. Технология изготовления керамики II Хвалынского могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Т. 2. Самара, 2010. С. 180–216.

32. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Лоскутный налп // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. С. 72–87

33. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: Изд-во СОИКМ, 2010. С. 135–154.

2011

34. Васильева И.Н. Раннеэнеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. № 2 (46). С. 70–81.

35. Васильева И.Н. Гончарная технология неолитического населения Самарского Поволжья (по материалам стоянки Лебяжинка V) // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: ВГПУ, 2011. Вып. 14. С. 41–53.

36. Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Вып. 26. Екатеринбург – Сургут, 2011. С. 103–124.

2012

37. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2012. Вып. 10. С. 23–42.
38. A.A. Bobrinsky, I.N. Vasilyeva. Plastic raw materials in Neolithic pottery production // Documenta Praehistorica XXXIX. Ljubljana, 2012. С. 67–74.
39. Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГПУ, 2012. Вып. VIII. С. 33–50. ISBN 978-5-85218-616-4.
40. Васильева И.Н. Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 2012. Вып. 9. С. 5–22.

2013

41. Васильева И.Н. Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII–XIV веков Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2013. Вып. 9. С. 168–192.
42. Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани, 2013. № 1. С. 60–86.
43. Васильева И.Н. О выделении видов пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Тезисы докладов международного симпозиума. М., 2013. С. 17–18.
44. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Морфология и технология неолитической керамики стоянки Лебяжинка IV в Самарском Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения А.А. Алиховой. Пенза: ПИРО, 2013. Вып. 3.
45. Васильева И.Н. Древнейшая керамика. Комментарии. // Российский археологический ежегодник. СПб., 2013. № 3. С. 110–119.
46. A. Vybornov, I. Vasiljeva. Interdisciplinary research of the Neolithic Volga-Kama pottery // Documenta Praehistorica XXXX (2013). S. 1–9.
47. Васильева И.Н. Археологические исследования на Сухореченском поселении в 1979 и 1981 гг. // Средневековье: Великое переселение народов. Самара: Мин-во культуры Самар. обл., 2013. С. 187–235.
48. Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2013. № 4 (56). С. 75–83.

2014

49. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитическое гончарство населения Сурско-Мокшанского междуречья // Самарский научный вестник. Самара: ФГБОУ ВПО «ПГСГА», 2014. № 2 (8). С. 35–53.

2015

50. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. Вып. 41. С. 68–98
51. Васильева И.Н. Гончарная технология неолитического населения стоянки Лебяжинка I // Самарский научный вестник. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. № 4 (13). С. 10–23.

2016

52. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Ильинской стоянки: датировка и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во ООО ИПК «Университет», 2016. Вып. 12. С. 5–20, 197–198.
53. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // ПА. 2016. № 3 (17). С. 104–123.

2017

54. Турганикское поселение в Оренбургской области / Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова М.А. и др. / Под общей ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2017. 300 с.
55. Васильева И.Н. К вопросу о гончарных традициях неолитического населения Подонья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: ФГБУН «СНЦ РАН». Самара, 2017. Т. 19. № 3 (2). С. 370–379.
56. Васильева И.Н. Гончарная технология ранне-неолитического населения Подонья // Самарский научный вестник. Самара: СГСПУ, 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 109–123.
57. Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Раскопки курганного могильника Садгород IV в 2016 году // Самарский край в истории России. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2017. С. 172–196.
58. Васильева И.Н., Салугина Н.П., Кулакова Л.С. Кротовское поселение // Вопросы археологии Поволжья. Самара: ООО «Книжное издательство», СГСПУ, САО, 2017. Вып. 6. С. 391–473.

2018

59. Андреев К.М., Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV: морфология, технология, хронология. // Поволжская археология. Казань, 2018. № 1. С. 8–27.
60. Выборнов А.А., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Филиппсен Б. О времени появления и динамике распространения древнейших керамических традиций в степном Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2018. Т. 23. № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.1>.
61. Васильева И.Н. Некоторые итоги технико-технологического анализа керамики поселения Ракушечный Яр // Самарский научный вестник. Самара: СГСПУ, 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 137–153

2019

62. Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. Казань, 2019. № 1 (27). С. 33–44.
63. Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. Пермь, 2019. Вып. 1 (44). С. 34–47.
64. Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики из энеолитических слоев поселения Ракушечный Яр // Самарский научный вестник. Самара, 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 114–125.
65. Васильева И.Н. О выделении в древней керамике искусственной примеси дробленой обожженной сильно-ожеженной глины // Вестник «История керамики». М: ИА РАН, 2019. Вып. 1. С. 48–62.
66. Васильева И.Н., Королев А.И., Шалапинин А.А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка VI: морфология и технология // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 28–42.

2020

67. Васильева И.Н. Некоторые вопросы истории культурных традиций в неолитическом гончарстве Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во СГСПУ, 2020. Вып. 8. С. 48–65.
68. Васильева И.Н., Королев А.И., Шалапинин А.А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка III: морфология и технология // Самарский край в истории России. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения П.В. Алабина. Самара, 2020. Вып. 7. С. 199–210.
69. Vybornov Aleksandr, Vasilieva Irina. La dynamique des traditions céramiques néolithiques dans la région de Volga-Kama // Contribution of the ceramic technological approaches to the anthropology and archaeology. Paris, 2020. Sessin IV-3. S. 4–18.
70. Васильева И.Н. Культурные традиции в гончарстве населения Поволжья в эпоху неолита // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре в 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. 1. С. 128–130.
71. Выборнов А.А., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Ойнонен М., Посснерт Г., Нестерова Л.А. О древнейших керамических традициях населения Северного Прикаспия // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2020. Т. 25. № 1. С. 141–151.
72. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Электронный каталог эталонов по керамической трасологии // Сайт СООО САО, в открытом доступе. Самара, 2020. <http://www.archsamara.ru/>

2021

73. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Не боги горшки обжигают. Самара: Изд-во ООО «Слово», 2021. 328 с.
74. Васильева И.Н. Гончарная технология населения Среднего Поволжья в эпоху неолита. Гл. 12 // Археология Волго-Уралья. Каменный век. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. Т. 1. С. 374–389.

2022

75. Выборнов А.А., Васильева И.Н., Лактаева Э.М., Фролов И.К. Керамика из жилищ неолитической стоянки Каиршак III в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. Самара, 2022. Т. 11. № 2. С. 146–163.
76. Выборнов А.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Кулькова М.А. Новые данные о стоянке Курпеже-молла в Северном Прикаспии // Oriental Studies. 2022. Vol. 15. Is. 3.
77. Кочкина А.Ф., Васильева И.Н. Самарские изразцы: типология, технология (к постановке проблемы) // Самарский край. Самара: СОИКМ, 2022. С. 181–201.

ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА ЗУДИНА

Родилась 28 июля 1953 г. в г. Куйбышеве (Самаре).

Археолог, научный сотрудник, заведующая Музеем археологии, этнографии, истории Самарского университета. Окончила исторический факультет Куйбышевского (Самарского) государственного университета в 1976 г. Работала научным сотрудником археологической лаборатории КГПИ (1976–1980 гг.), КГУ (лаборантом в 1974–1975 гг., научным сотрудником в 1980–1993 гг.). С 1993 г. является заведующей Музеем археологии, а с созданием историко-этнографического отдела (1995 г.) – Музеем археологии, этнографии, истории (музей АЭИ СамГУ, с 2015 г. – Музей АЭИ Самарского университета). Занималась археологией раннего железного века, эпохи бронзы, первыми поселениями русского населения эпохи вхождения с состав Российского государства; в ходе музейной деятельности – археологией Среднего Поволжья в широком хронологическом диапазоне, что позволило выйти на ряд закономерностей исторического развития региона.

В 1970-х – нач. 1990-х гг. занималась активной полевой деятельностью.

Исследовала памятники эпохи бронзы: поселения – у с. Яковка, Шигоны, могильники – у сел Давыдовка, Кряж, Екатериновка, Подстепки, Выселки, Шигоны

в Куйбышевской (Самарской) области, курганные могильники – у сел Бурдыгино, Красная Дача, Красная Нива – в Оренбургской области, курганный могильник Канадей-IV в Ульяновской области, поселение Новоселки в Татарстане, а также городища раннего железного века: Задельная гора, Торновое, Лысая гора на Самарской Луке, Алексеевское городище в Саратовской области. Изучены раннеболгарский могильник у с. Новинки, русская деревня Новинки (с. Новокараульное Архангельское тож) у с. Рождествено (XVII-XVIII вв.). Принимала участие в раскопках Муромского городка, Сухореченского поселения, поселения Новый Путь, могильника у с. Съезжее, курганных могильников эпохи бронзы у сел Утевка, Рождествено, Подлесное, именьковских поселений у с. Заборовка, Выползово, Бахилово, Лбище и др.

Научные интересы В.Н. Зудиной связаны с эпохой поздней бронзы: различными аспектами срубно-алакульских взаимодействий, локальными особенностями групп памятников срубной культуры, изучением возможности местного изготовления древних фаянсов в эпоху бронзы. В разное время занималась архивными изысканиями. Собирала исторические свидетельства и описания края, изучала вклад ученых первого Самарского университета (1918–1927 гг.) в сохранение культурного наследия в регионе, археологии в частности, а также историю создания и деятельности Общества Археологии, Истории, Этнографии, взявшего на себя, по сути, функции научно-исследовательского института в провинции. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в рамках различных региональных и общероссийских программ инвентаризации, паспортизации, картирования объектов археологии, историко-культурного наследия и природного потенциала Самарской области проводила разведочные обследования Ставропольского, Кинельского, Сызранского, Шигонского, Приволжского, Алексеевского районов, Самарской Луки.

С 1990-х гг. занимается музейной деятельностью. За время работы в музее значительно пополнила источниковую базу. Вновь собраны тематические собрания: коллекции предметов культа, включающие артефакты основных мировых религий, костюмы народов мира, предметы бытокультуры конца XIX – сер. XX в., нумизматическая коллекция, небольшие коллекции минералов и палеонтологии, подборка артефактов к истории университета. Значительно расширились собрания по этнографии, археологии. В 1995 г. был открыт новый Историко-этнографический отдел университетского музея. В 1996 г., благодаря грантовой поддержке российских и зарубежных Фондов, появилась возможность расширить и частично концептуально обновить Археологический отдел, издать Справочник-путеводитель по его разделам. В 1997–1999 гг. первым в Самаре Музей

археологии, истории, этнографии Самарского университета был представлен в виртуальном пространстве интернета. В 2009–2011 гг. принимала активное участие в составлении Энциклопедии Самарской области (написано около 30 статей, подготовлены документированные фотографии археологических предметов, хранящихся в музее). Важная роль в работе музея отводилась выставочной деятельности, которая осуществлялась через ряд совместных проектов с СОИКМ им. П.В. Алабина, Епархиальным музеем, СОУНБ, МГМЦ, САО и т.д. Отдельной специальной темой работы являлся долгосрочный проект «Буддизм в Самарском крае: прошлое и современность» (2005–2013 гг.). Этот совместный

спонсорский проект-выставка был успешно представлен в СОИКМ им. П.В. Алабина, городах Тольятти, Ульяновске, Челябинске, Саратове, Екатеринбурге, а также для путешествующих буддистов из стран Европы. Проект сопровождался изданием ряда статей по истории тибетского буддизма на волжских землях. В 2020 г. была проведена реконструкция и в 2022 г. вновь открыта полностью обновленная археологическая экспозиция музея, в которой представлена современная концепция региональной истории по археологическим данным, построенная на результатах общих 50-летних исследований самарских археологов.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ В.Н. ЗУДИНОЙ

1977

Зудина В.Н., Кузьмина О.В. Поселения эпохи бронзы на юго-западе Куйбышевской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Научные труды. Куйбышев, 1977. Том 220. С. 63–72.

1981

Зудина В.Н. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Межвузовский сборник. Куйбышев, 1981. С. 88–107.

1985

Зудина В.Н., Скарбовенко В.А. Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья. Межвузовский сборник. Куйбышев, 1985. С. 51–78.

1991

Зудина В.Н. Курганный могильник Канадей-IV // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Межвузовский сборник статей. Самара, 1991. С. 59–75.

1993

Зудина В.Н., Крамарев А.И. Могильник эпохи бронзы у с. Екатериновка // Археологические исследования в Поволжье. Межвузовский сборник статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. С. 128–156.

1996

Зудина В.Н. Археологическое изучение русского селения Новинки (с. Ново-караульное Архангельское тож) // Краеведческие записки. Самара, 1996. Вып. VIII. С. 269–288.

1998

Зудина В.Н. Археологические древности Южного Средневожжья. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. 123 с.

2000

Зудина В.Н. (составитель). Раздел 1. Самарский край в эпохи древности и средневековья (до середины XVI в.) // Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. Самара, 2000.

2007

Зудина В.Н., Судариков О.В. Некоторые аспекты изучения бус в срубной культуре Волго-Уральского региона // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. Вып. VIII. С. 57–66.

2008

Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие самарского краеведения» / Составители Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина. Самара, 2008.

2009

Зудина В.Н., Перла Н.Ю. Тибетский буддизм в Самарском крае: история и современность // Буддизм Ваджраяны в России: история и современность. СПб., 2009. С. 418–428.

2010

Зудина В.Н. О состоянии изученности культур оседлого населения раннего железного века в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Самара, 2010. Вып. XV. С. 101–110.

2012

Зудина В.Н., Перла Н.Ю. Следы тибето-монгольской ветви буддизма Махаяны и Ваджраяны в Самарском крае в XVII-XIX вв. // Буддизм Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию. М.: Алмазный путь, 2012. С. 353–369.

Зудина В.Н., Перла Н.Ю. Ставропольские калмыки и буддизм в пространстве юго-восточного фронта Европейской России в XVIII-XIX вв. (к вопросу о сохранении традиционной веры) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия: История. Самара, 2012. № 8/2 (99). С. 87–100.

2013

Зудина В.Н. Сведения об ойратско-калмыцком буддизме, собранные физической экспедицией Императорской Академии наук в 1768–1774 годах на российских территориях // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия: История. Социология. Самара, 2013. № 8/2 (109). С. 38–54.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА САЛУГИНА

Родилась 9 сентября 1953 года в с. Новый Тукшум Шигонского района Куйбышевской области.

В 1976 г. окончила исторический факультет Куйбышевского государственного университета с присвоением квалификации «Историк, преподаватель истории и обществоведения». Под руководством Г.И. Матвеевой успешно защитила дипломную работу «Именьковская культура на территории Самарской области».

Начиная с 1972 г. участвовала в экспедициях на раскопках Муромского городка, поселений Сухая Речка, Выползовское, Утевского и Покровского курганных могильников, принимала участие в хозяйственных раскопках университета, а также в экспедициях Куйбышевского областного краеведческого музея.

В 1976–1982 гг. и с 1986 по 1988 г. работала в должности младшего научного сотрудника в научно-исследовательской группе при кафедре истории СССР Куйбышевского государственного университета, была, совместно с Г.И. Матвеевой, руководителем археологической практики студентов исторического факультета КГУ. За эти годы принимала участие в полевых исследованиях могильников Звенигородка (1978 г.), Волчанка (1979 г.), Новинки, Рождествено, поселений Михайло-Овсянка, Муромское, городища Лбище в Куйбышевской области, могильника Лебеди в Краснодарском крае (1980 г.).

В 1982–1986 гг. обучалась в очной целевой аспирантуре Института археологии АН СССР (г. Москва), в лаборатории «История керамики». Закончила аспирантуру с представлением диссертации по теме «Гончарное производство населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья» (научный руководитель А.А. Бобринский), которую защитила в 1988 г. в Диссертационном Совете Института археологии АН СССР.

В 1988–1994 гг. – научный сотрудник Отдела древних производств Института истории и археологии Уральского отделения АН СССР.

С 1994 по 2008 г. – старший научный сотрудник ООО «Институт истории и археологии Поволжья».

С конца 70-х годов до 2010 г. являлась руководителем археологического кружка школьников при Самарском Дворце детского и юношеского творчества. Является победителем Областного и лауреатом Всероссийского конкурсов авторских образовательных программ дополнительного образования. В период конца 80-х – первого десятилетия 2000-х гг. принимала участие в исследованиях поселений Сачково озеро, Федоровское, Кротовское I в качестве руководителя камеральной площадки, курганных могильников Рассвет, Просвет, Мосты, Сарбай, Ново-Михайловка и др.; совместно с И.Н. Васильевой организовала и является руководителем единственной в России экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства. В 2005 г. стала одним из инициаторов создания самарской областной общественной организации «Самарское археологическое общество» и первым председателем Совета САО.

С 2008 г. по 2022 г. Н.П. Салугина – доцент кафедры теории и истории культуры Самарского государственного института культуры. В 2017 г. ей было присвоено ученое звание доцента по специальности «Археология».

Награждена Почетными грамотами Губернатора Самарской области и Самарской областной государственной Думы за вклад в развитие культуры Самарской области.

С марта 2023 г. по настоящее время – старший научный сотрудник АНО «Центр палеоэтнологических исследований».

Н.П. Салугиной опубликовано более 120 научных работ, в том числе, главы в коллективных монографиях и научно-популярные работы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ Н.П. САЛУГИНОЙ

Главы в коллективных монографиях

Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) (соавтор И.Н. Васильева) // Актуальные проблемы из-

учения древнего гончарства (коллективная монография) / А.А. Бобринский, И.Н. Васильева, Н.П. Салугина [и др.]. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 181–198.

Технико-технологический анализ керамики из курганного могильника Лабазы // Лабазовский курганный могильник срубной культуры / Н.Л. Моргунова и др. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. С. 63–73.

Технико-технологический анализ керамики из курганного могильника Скворцовка // Скворцовский курганный могильник / Моргунова Н.Л. и др. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. С. 119–141.

Результаты технико-технологического анализа керамики из курганного могильника Боголюбовка // Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Коллект. моногр. Отв. редактор Н.Л. Моргунова. / Н.Л. Моргунова и др. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С. 131–159.

Турганикское поселение в Оренбургской области (соавторы Н.Л. Моргунова, И.Н. Васильева, М.А. Кулькова, Н.В. Рослякова, Н.П. Салугина, М.А. Турецкий, А.А. Файзуллин, О.С. Хохлова) / Под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2017. 300 с.

Не боги горшки обжигают (соавтор И.Н. Васильева). Самара: ООО «Слово», 2021. 328 с.

Статьи

1981

1. Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья: межвуз. сб. Куйбышев, 1981. С. 108–119.

1985

2. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья: межвуз. сб. Куйбышев, 1985. С. 156–172.

1986

3. Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // Культуры Восточной Европы I тысячелетия: межвуз. сб. Куйбышев, 1986. С. 105–117.

1987

4. Технология гончарного производства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именьковской культуры): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987. 21 с.

1991

5. Роль эксперимента в изучении древнего гончарства (к постановке проблемы) // Керамика как исторический источник: Подходы и методы изучения (соавтор И.Н. Васильева). Свердловск; Куйбышев, 1991. С. 76–80.

1994

6. Технологическое исследование керамики Потаповского могильника // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. С. 173–186.

1999

7. Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1999. Вып. III. С. 20–39.

8. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. С. 234–257 (соавтор И.Н. Васильева).

2000

9. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 216–246.

2003

10. Технико-технологическое исследование керамики эпохи бронзы II Шумаевского курганного могильника // Приложение в коллективной монографии: Моргунова Н.Л. и др. Шумаевские курганы. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2003. С. 314–331.

2005

11. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА. 2005. № 3. С. 85–92.

2006

12. Технология керамики населения раннего бронзового века Волго-Уралья (по материалам погребальных памятников) // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. III Городцовские чтения. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 76–80.

13. Технология изготовления керамики ямной культуры с территории Самарского Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. Вып. 4. С. 440–451.

2007

14. К проблеме формирования гончарства населения среднего бронзового века Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. Вып. VIII. С. 98–106.

2008

15. Слово об учителе // Самарский земский сборник: общественно-политический и научный журнал. № 1 (17). Самара, 2008. С. 12–15.

16. Керамика в погребальной обрядности населения раннего бронзового века Волго-Уралья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 339–341.

2009

17. Проблема перехода населения Волго-Уралья от раннего к среднему бронзовому веку (на основе анализа посуды из погребальных комплексов) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной полосы Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. С. 87–98.

2010

18. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки СОИМК им. П.В. Алабина. Самара, 2010. Вып. XV. С. 135–154 (соавтор И.Н. Васильева).

19. Лоскутный налеп // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения. М.: Институт археологии РАН, 2010. С. 72–87 (соавтор И.Н. Васильева).

2011

20. Результаты изучения технологии изготовления керамики ямной культуры Волго-Уралья как источник по истории населения // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. № 2 (46). С. 82–94.

21. Одиночный курган Рассвет I // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2011. Вып. 9. С. 118–137 (соавторы И.Н. Васильева, Л.С. Кулакова).

2012

22. Керамические традиции как показатель профессионального статуса (по материалам могильника Уранбаш) // Археологические памятники Оренбуржья». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. Вып. 10. С. 62–70.

2013

23. Особенности культурного состава населения Самарского Поволжья в первой половине I тыс. н.э. по данным технологического анализа керамики // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М.: Наука, 2013. Вып. 15. С. 236–250.

24. Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы международной полевой конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век» 6–12 августа 2012 г. с. Новая Беденьга Ульяновский р-н Ульяновской области. Ульяновск, 2013.

2014

25. Технично-технологический анализ керамики с поселения Студеный овраг // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Самара: АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2014. С. 72–81.

26. Керамика репинского стиля из поселенческих и погребальных памятников Поволжья и Приуралья (технологический аспект) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. Вып. 11. С. 60–69.

27. Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культурогенеза // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 643–646.

28. Керамическое производство в процессе культурогенеза позднего бронзового века Волго-Уралья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы международной научной конференции. 12–14 мая 2014 года. Самара: ПГСГА, 2014. С. 93–107.

2015

29. Технологический анализ керамики Новинковского V селища // Самарский край в истории России. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию П.В. Алабина. Самара, 2015. С. 144–147.

30. Социально-культурная интерпретация технологии изготовления керамики позднего бронзового века Волго-Уралья (по материалам срубной культуры) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2015. С. 133–142.

31. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // Самарский научный вестник. Самара, 2015. № 3 (12). С. 8–27 (соавтор И.Н. Васильева).

32. Опыт применения зонального лоскутного налепа в реконструкции способов изготовления крупных сосудов эпохи неолита // Самарский научный вестник. Самара, 2015. № 3 (12). С. 28–37 (соавтор И.Н. Васильева).

33. Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья населением именьевской культуры) // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 35–53 (соавтор Е.П. Казаков).

2016

34. Результаты технико-технологического анализа керамики репинского облика // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. Вып. 12. С. 60–69.
35. Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения искусственного или естественного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы междунаучной конференции 24–27 мая, Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 68–71.
36. Культурная и хронологическая принадлежность керамики бронзового века Турганикского поселения в Оренбургской области // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы междунаучной конференции 24–27 мая, Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 121–124.
37. Школьная археология в Самаре: этапы развития и современное состояние // Археология как социокультурная практика: опыт и перспективы управления наследием «Archaeology as Social and Cultural Practice: Experience and Prospects of Managing Heritage». Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2016. С. 109–118.
38. Керамический комплекс курганного могильника Садгород IV (технологический аспект) // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2016. Т. 18. № 6. С. 195–203.
39. Крупнотарные сосуды эпохи бронзы Турганикского поселения в Оренбургской области // Самарский научный вестник. Самара, 2016. № 4. С. 91–98 (соавторы Н.Л. Моргунова, М.А. Турецкий).

2017

40. Кротовское I поселение срубной культуры в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во «Книжное издательство», 2017. Вып. 6. С. 391–473 (соавт. И.Н. Васильева, Л.С. Кулакова).
41. Археологические исследования селища Светлое Озеро в Нурлатском районе Республики Татарстан // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во «Книжное издательство», 2017. Вып. 6. С. 502–525 (соавторы К.Э. Истомин, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков).
42. О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам исследования Жигулевского II грунтового могильника) // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М., 2017. Вып. 19. С. 311–317 (соавтор Д.А. Сташенков).

2018

43. Периодизация срубной культуры Западного Оренбуржья по археологическим и естественно-научным данным // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2018. Т. 46. № 1. С. 100–108 (соавторы Л.В. Купцова, Н.Л. Моргунова, О.С. Хохлова).
44. Гончарные традиции населения Южного Приуралья – Самарского Заволжья в энеолите - бронзовом веке (по материалам Турганикского поселения) // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сб. науч. тр. к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. С. 125–147 (соавторы Н.Л. Моргунова, И.Н. Васильева).

2019

45. Технология изготовления керамики репинской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2019. Вып. 7. С. 14–30.
46. Керамика из погребений Жигулевского грунтового могильника: морфология и технико-технологический анализ // Археология евразийских степей. Казань, 2019. № 6. С. 146–166 (соавторы А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков).
47. Металлургические шлаки в формовочной массе керамики позднего бронзового века: возможности историко-культурной интерпретации // Вестник «История керамики». М.: ИА РАН, 2019. Вып. I. С. 36–48.
48. Население Волго-Уралья в эпоху раннего бронзового века в свете данных технологического анализа керамики // Феномены культур энеолита-раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V – III тыс. до н.э. Сб. науч. ст. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 113–122.

2020

49. Петровская и алакульская керамика поселения Мочище в Южном Зауралье // РА. 2020. № 2. С. 45–59 (соавтор С.А. Григорьев).

2021

50. Формирование керамических традиций позднего бронзового века в Зауралье // Геоархеология и археологическая минералогия. Челябинск, 2021. Т. 8. С. 82–87 (соавтор С.А. Григорьев).
51. Formation of Ceramic Traditions of the Late Bronze Age in the Trans-Urals (Stanislav A. Grigoriev) // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy-2021 Proceedings of 8th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 20–23 September 2021. P. 163–170.

2022

52. Генезис ямной культуры в Волго-Уралье в свете изучения технологии гончарства // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта). Тезисы докладов конференции. М.: ИА РАН, 2022. С. 58–60 (соавтор Н.Л. Моргунова).
53. Matveeva, Galina I (Матвеева Г.И.) // Encyclopedia of Global Archaeology: Article 01058 – Reminder (Энциклопедия Глобальной археологии: Статья 01 058) Springer-EGA@spi-global.com

ВСЁ ЭТО БЫЛО, БЫЛО...

*Прошлое никогда не уходит,
оно в свернутом состоянии
живет в каждый момент моей жизни.*

Карл Густав Юнг

Когда я получил от своих самарских товарищей-коллег предложение поучаствовать в настоящем юбилейном сборнике, я столкнулся с дилеммой: выступить с традиционной статьей, посвященной какой-нибудь теме, связанной с научными интересами кого-то из юбиляров (всех я всё равно охватить не смог бы). Или рассказать о своем знакомстве и первых встречах с ними в те времена, «когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли...». С большинством из них я именно тогда встретился и познакомился. А с кем-то и подружился на всю, как говорится, оставшуюся жизнь. Писать я старался так, чтобы не идти строго по стопам тех археологов-мемуаристов, в памяти которых те времена и люди остались только «белыми, мягкими и пушистыми». Тем более, что таковыми мы, в моем представлении, и не были... Это, во-первых. Во-вторых, у психологов есть мнение, что наш мозг, когда мы начинаем о чем-то вспоминать, выдает нам информацию не о том, что реально было, а о том, как мы хотим, чтобы именно так оно и было. Поэтому мемуары и являются самым сложным и противоречивым видом исторических источников.

Живя в Уфе, я оказался свидетелем и отчасти участником становления самарской археологии в первые её годы следующим образом. Осенью 1969 года Галина Ивановна Матвеева, под руководством которой я участвовал в двух первых в своей жизни археологических экспедициях – практике 1968 г. и 1969 г. – переехала из Уфы в Куйбышев (Самару), куда её пригласили на работу в только что открывшийся Куйбышевский госуниверситет. Вскоре (по-моему, зимой 1970 г.) вслед за ней туда же переехал и Игорь Васильев, с которым мы к тому времени уже были друзьями. Приехав как-то в Уфу (ему тоже нужно было сдавать экзаменационную сессию на заочном отделении БГУ), Игорь передал нам приглашение от Г.И. Матвеевой приехать к ней в экспедицию в Куйбышевскую область – помочь ей провести археологическую практику студентов первого набора истфака КГУ, поскольку её нужны были «сахемы». Таким образом мы – члены созданного ещё Галиной Ивановной археологического кружка БГУ и отправились на лето «в Самару». Мы – это Р. Юнусова¹, Н. Рутто, В. Буяк и я.

Археологическую практику 1970 г. Галина Ивановна проводила на нескольких памятниках: городище

и селище Ош-Пандо Нерь, могильнике Шелехметь на Самарской Луке и Сухореченском селище на р. Большой Кинель. Там, на Самарской Луке, состоялся и мой «дебют» в качестве руководителя раскопок: Галина Ивановна вначале поручила мне раскопки на мордовском могильнике на окраине д. Шелехметь (Иванов, 1975; Малкова, 2013), а потом и на городище Каменная Коза. Там, в этой экспедиции, и началось мое знакомство с самарцами, среди которых многие сейчас являются признанными корифеями Волго-Уральской археологии. Тогда я познакомился с Геней Пениным и Колей Нефедовым (с ними мы потом на долгие годы стали добрыми приятелями), Геней Пятых². Было мимолетное знакомство с Володей Игольниковым, у которого я перенял написанные им белогвардейские песни, которые мы потом пели уже в наших уральских экспедициях³.

А вот с нынешними юбилярами я познакомился уже в 1971 г. Как и в прошлом году, Галина Ивановна отправила меня и моих друзей Г. Пенина и Н. Нефедова на Каменную Козу продолжать раскопки городища (фактически, как сейчас любят говорить, для этого памятника они оказались «крайними»). С нами была отправлена группа студентов-практикантов второго набора истфака КГУ. Это были девушки, члены археологического кружка и Галина Ивановна поручила нам более детально ознакомить их с полевой работой. Это были нынешние юбиляры: Ирина Мажанова, Нина Габелко, их подруга Люда Жигулина, а чуть позже к нам подъехала и Вера Скарбовенко⁴. Ещё Игорь Васильев отправил с нами свою двоюродную сестру Женю Иванову⁵.

Девушки – все как на подбор красавицы и умницы – археологическую практику воспринимали, действительно, как школу практической полевой работы. Я скажу так: если в 1970 г. на том же самом месте мы

² Пятых Г.Г. – личность в Волго-Уральской археологии хорошо известная, а по мнению некоторых коллег, и достаточно одиозная. После окончания аспирантуры в ИА АН СССР он остался там работать и, став уже признанным специалистом по археологии бронзового века, выступал с довольно резкой критикой своих коллег по региону.

³ В дальнейшем (это я уже узнал из интернета) Владимир Анатольевич Игольников стал общепризнанным поэтом, общественным деятелем, много лет работал в администрации Самарской области и ушел из жизни в результате тяжелого инфаркта в 2015 году.

⁴ С ней мы были уже знакомы, поскольку в марте 1971 г. она приезжала в Уфу для участия в III Уральской студенческой археологической конференции (УАСК).

⁵ Двоюродная сестра Игоря Васильева, тогда ещё школьница. Были и парни: двое студентов-практикантов и друг моего детства Лев Грудев – студент художественного училища им. Н. Фешина.

¹ Для Р.М. Юнусовой (Ключниковой) эта поездка оказалась началом её вхождения в самарскую археологию, т.к. в 1971 г., закончив обучение в БГУ, она окончательно перебралась в Куйбышев/Самару и начала там работать в Куйбышевском краеведческом музее.

Городище Каменная Коза (Винновское). 1971 г. В. Скарбовенко и Г. Пенин.

с другой девичьей командой жили и работали в духе «Пеппи – длинный чулок», то в 1971 г. это был уже дух «Мэри Поппинс».

Работали мы дружно, споро, без каких-либо конфликтов. Однако, работа – работой, но мы-то с Геней и Николаем уже ощущали себя «крутыми» археологами-полевыми, способными (и даже обязанными) произвести на этот цветник как можно более романтическое впечатление.

А производить было чем. Гена Пенин, например, на Каменную Козу приплыл на своей моторной лодке. Как старый шкипер-волгарь в свободное от работы время он развлекал девушек катанием по Волге («поедем, красotka, кататься, давно я тебя поджидал»). Катались они с удовольствием – Волга на Самарской Луке к тому располагает. Правда, в последний день наших раскопок на Козе, когда вывозить нас оттуда приехал на машине Игорь Васильев (времени у него было в обрез), он как раз и застал нас посередине Волги. Он в ярости метался по берегу, пытаясь криком и знаками заставить нас вернуться. Когда мы, наконец, причалили, я, как начальник раскопок, был встречен приглушенным, только мне слышимым матом.

Вечерами у костра Гена пел под гитару. Голоса у него не было, и на гитаре он брал только три аккорда, но зато знал множество бардовских песен. И даже присутствовал на первом Грушинском фестивале. Это, конечно,

но, создавало ему определенный имидж, но без «ажитации». Вера Скарбовенко, та вообще часто подтрунивала над ним, по-моему, даже специально.

Коля Нефедов рассказывал о раскопках в Средней Азии⁶. Он настолько увлек девушек, что в зимние каникулы самарские друзья поехали на экскурсию в Среднюю Азию, и он у них был чуть ли не главным экскурсоводом.

Я, конечно, тоже не стоял в стороне от этих «журавлиных танцев» и у меня тоже был свой конек, причем, в прямом смысле. Под предлогом проведения археологической разведки я в Винновке взял коня и предлагал девушкам посидеть в седле, чтобы понять, как это удобно и романтично проводить разведку верхом. Заинтересовалась этим одна только Люда Жигулина. А вообще-то в окрестностях Каменной Козы верхом можно было ездить только по распаханым полям, поэтому результаты моей разведки были предсказуемы...

В целом же девушки на наше донжуанство реагировали с поистине женской мудростью и пониманием, в духе лучших героинь русской классической литературы. Поэтому уехали мы с Каменной Козы будучи добрыми друзьями.

В августе того же года мы – Вера Скарбовенко, Игорь Васильев и я – под руководством Галины Иванов-

⁶ Он участвовал в них, будучи ещё школьником, т.к. в Куйбышев он приехал откуда-то из Средней Азии.

Городище Каменная Коза (Винновское). 1971 г.

Полулежат: ?, Л. Жигулина; сидят (слева направо): Л. Грудев, Е. Иванова, В. Скарбовенко, Н. Габелко.

ны отправились на раскопки Сухореченского селища на р. Большой Кинель. В этой поездке я познакомился ещё с двумя нынешними юбилярами: Сергеем Агаповым и Ризой Багаутдиновым⁷.

Сергей Агапов по сравнению с моими друзьями Г. Пениным и Н. Нефедовым заметно отличался и статью (высокий, темно-русый, с крупными кистями рук, свидетельствующими о его недюжинной силе), и характером (спокойный, с негромким голосом, не суетливый), и по-настоящему мужицкими ухватками (он постоянно был занят какой-то работой). Всё время что-то делал руками. В основном мастерски резал по дереву. Вырезал нового идола «Горпосемога», а каждому из нас – персонального идольчика-оберега. Причем, умудрялся как-то коптить их на костре, чем-то натирать, так что они приобретали совершенно древний вид. Своего идольчика я потом несколько лет носил в экспедициях на груди на шнурке, пока не сменил его на православный крест.

Что нас обычно привлекает в другом человеке? Как правило, те черты его натуры, которых не хватает нам самим. Тогда, в нашей молодости, лично мне в Сергее импонировало его умение отрешиться (я даже сказал бы – вознестись) от суеты и страстей «человека», от-

нюдь не всегда конструктивных. С ним можно было по душам поговорить «за жизнь» и обсудить, в меру нашего разума и понимания, возникающие проблемы нашего археологического и около археологического бытия. В молодости это часто бывает необходимо. У него была манера (судя по нашим сейчас, к сожалению, редким встречам, сохраняющаяся и по сей день) вести разговор, хотя и эмоционально, но без нарочитого аффекта. Именно таким я его воспринимаю и в настоящее время. Ведь кто сейчас Сергей Александрович Агапов? Крупнейший в регионе, да и в России знаток и специалист по металлургии бронзового века степной Евразии. Один из учеников выдающегося археолога Е.Н. Черных. Причем, Евгений Николаевич, с которым я хорошо знаком и неоднократно общался лично, считает Сергея одним из самых талантливых своих учеников. И прежде всего, как талантливого экспериментатора. С.А. Агапов – создатель экспериментальной лаборатории и школы молодых археологов, специализирующихся по бронзолитейному делу. Я по своим научным интересам от этой темы далек, но по беседам с молодыми коллегами могу судить, что летняя экспериментальная школа Агапова популярна и широко известна. Впрочем, я отвлекся от хронологии своего повествования...

На Сухой Речке я познакомился ещё с одним нынешним юбиляром. В один из пасмурных и дождливых

⁷ Р.С. Багаутдинова тоже можно назвать юбиляром, т.к. в 2023 г. ему исполняется 75 лет (Прим. редколлегии).

Путь на Сухую Речку. 1971 г.

Слева направо: В. Скарбовенко, ?, И. Васильев, С. Агапов, ?, идол «Горпосемог», шофер (кажется, дядя Саша).

дней (заканчивалось лето, и погода уже начинала портиться) туда пешком пришел (в компании с одним из своих сокурсников, имени которого я не помню) Риза Багаутдинов. Это сейчас всему археологическому сообществу Волго-Уралья, и возрастному, и молодому, хорошо известно имя ученого и преподавателя Ризы Салиховича Багаутдинова. А тогда он представился нам как Володя. В советские времена была довольно странная манера переименовывать тюркские имена на русский лад. Я так полагаю, что «Володей» Риза стал во время службы в Советской Армии, откуда он только что демобилизовался (меня он старше на два года). Суровая армейская служба быстро делала из парней мужчин. И на нашем фоне Риза выделялся не только своей коммуникабельностью, но и физической крепостью. За что Галина Ивановна и определила его в «главные копатели», ибо на раскопе он был незаменим в плане снять штык грунта, сдвинуть отвал. А во время перекуров (сам Риза никогда не курил и не курит) потихоньку от девушек он рассказывал нам «соленые» анекдоты и байки из своей армейской жизни. И получалось это у него со вкусом.

О нашей жизни в Сухой Речке Галина Ивановна в своих «Воспоминаниях» немного написала (Матвеева, 1998. С. 56–59). Мы копали поселение (именно тогда был найден прекрасно сохранившийся гончарный горн), а Игорь Васильев и Сергей Агапов проводили разведки

в окрестностях Сухой Речки. В любую погоду с ними уходила в разведку Аллочка Ватазина – ангелоподобное создание, изящная блондинка, с тихим голосом, в котором постоянно звучали удивленно-вопросительные интонации, очень внимательная и очень целеустремленная. Похоже, именно тогда Игорь и пробудил в ней интерес к археологии бронзового века (полушутя-полусерьезно он часто говаривал, что археология кончается на памятниках бронзового века)⁸.

Возвращаясь на ночлег в Сухую Речку, они всегда приносили с собой планы вновь открытых памятников и бутылку водки: мы-то с Ризой целый день находились на раскопе на глазах у Галины Ивановны, а Игорь и Сергей заходили и в окрестные деревни, где работали «сельмаги». Где-нибудь в укромном уголке мы вчетвером её распивали, чем вызывали нешуточные нарекания от Веры Скарбовенко (хотя Галине Ивановне она нас никогда «не закладывала»).

В феврале 1972 г. уфимцы и самарцы во главе с И. Васильевым теперь уже вместе поехали в г. Уральск⁹ на IV УАСК (фактически уже УПАСК). Как всегда, кон-

⁸ Сейчас Алевтина Петровна Семенова (Ватазина) – кандидат наук, известный исследователь многих памятников бронзового века в Самарском Поволжье, автор научных трудов (в настоящее время А.П. Семенова – сотрудник Музея истории города Самары им. М.Д. Челышева).

⁹ Уральск, кстати, родина Игоря Васильева.

«Компромат» на В. Зудину и О. Христинину. Май 1972 г.

ференция была и интересной, и весёлой. Помню, как шумно, с тостами и песнями, отгуляв завершающий «банкет», мы всей толпой отправились гулять по ночному Уральску. Оказавшись на центральной площади, где, как водится, стоял памятник В.И. Ленину, мы не нашли ничего иного, как спеть вождю «Интернационал». Удивленный дежурный милиционер, после того, как мы спели два куплета (а дальше слов никто не знал) подошел и корректно, но настойчиво предложил нам всё-таки разойтись.

В 1972 г. я уже заканчивал учебу в БГУ, и май и первая половина июня того года оказались у меня практически свободными: дипломная работа была написана, а госэкзамены мы сдали в начале мая. В Уфе делать было нечего, а в Самаре (Куйбышеве) Игорь Васильев затеял экспедицию археологического кружка Куйбышевского дворца пионеров в Хвалынский и предложил мне поучаствовать. В окрестностях города были уже давно известны городища эпохи РЖВ (городецкой культуры). Но Игорь ехал не за ними: от местного краеведа¹⁰ получил сведения о местонахождении там более ранних памятников.

Для меня же интересно было всё – и на теплоходе «вниз по матушке по Волге» проплыть до города с таким древним названием, и новые памятники покопать. От

¹⁰ Имя, которого я не помню, хотя мы и знакомились.

Самары до Хвалынского по Волге где-то порядка 190 км, на теплоходе – сутки хода. Кроме школьников-кружковцев, с нами были и студенты-первокурсники КГУ, тоже члены археологического кружка. В их числе – две девушки: Оля Христинина и Валя Зудина. Два настолько изящных, внешне субтильных создания, представить которых с лопатой на раскопе было ну очень сложно. Сидя за столиком на палубе теплохода, закутавшись в свои курточки (ветер дул отнюдь не теплый), они часами читали какую-то археологическую литературу. Мы же с Игорем, сидя тут же за соседним столиком, пили пиво, курили и постоянно отвлекали их от чтения своими приставаниями, типа «барышни, а пивка не желаете-с?». Пивка барышни упорно не желали, тогда мы решили их «скомпрометировать»: поставили на стол бутылку пива и быстро, пока они не успели среагировать, сфотографировали их.

Алексеевское городище мы копали длинным раскопом-траншеей, пущенной поперек площадки городища¹¹. Игорь с хвалынским приятелем-краеведом ежедневно ходил по окрестностям и осматривал места находок керамики и каменных орудий (у этого краеведа несколько ведер подобных находок хранилось дома в сарае). Но однажды, в солнечный погожий день нам

¹¹ Если я не ошибаюсь, это были первые и последние раскопки этого памятника.

**Вечеринка 1974 (?) года. Куйбышев/Самара.
Слева направо: В. Зудина, И. Васильев, А. Ватазина, О. Христинина.**

с ним было видение: мы сидели на городище и что-то «кумекали» над картой и планами, и вдруг мимо нас на фоне Волги, в лучах утреннего солнца, летящим бегом с развевающимися и сверкающими на солнце волосами, едва касаясь земли стройными ногами, промчалась Валя Зудина. Мы так и застыли с раскрытыми ртами... Амазонка, сошедшая с античной вазы! Полвека прошло с тех пор, а эта сцена так и стоит у меня перед глазами...

1972 год стал кульминацией нашей дружбы с представителями «первой волны» нынешних юбиляров. В начале в августе я, буквально со слезами грусти на глазах, проводил их из Уфы на раскопки в низовьях р. Белой (как начальник Московского отряда Нижнекамской АЭ ИА АН СССР, И. Васильев повез туда группу, состоящую из С. Агапова, Н. Габелко, Р. Багаутдинова, Л. Жигулиной, Н. Добрынина, а в Уфе к ним присоединились В. Горбунов, М. Обыденнов и Н. Рутто). Мне же предстояло отправиться учительствовать по месту распределения в с. Охлебинино.

Именно там и наступил кульминационный момент нашей дружбы с «первой волной» нынешних юбиляров. 5 декабря 1972 года – нерабочий День Конституции – разыгралась нешуточная пурга. А накануне я получил письмо из Уфы от В. Горбунова, в котором он сообщал мне, что самарцы приезжают в Уфу и что все они решили провести меня в моем сельском уединении. К при-

ему друзей я стал готовиться серьёзно: в сельмаге купил большой чугунок, в совхозе выписал здоровый кусок мяса, коллеги-учителя (в учительском доме, где у меня была отдельная квартира, жили ещё две учительские семьи) снабдили меня домашними соленьями, естественно, «затарился» спиртным. Но разыгравшаяся ещё с ночи пурга поставила нашу встречу под большое сомнение. Связи с Уфой у меня никакой не было, а соседи-старожилы сказали мне, что все дороги к Охлебинино замело, так что... Одним словом, ближе к полудню я решил уже никого не ждать и заняться делами по своему холостяцкому дому. Но чугунок с мясом в русскую печь на всякий случай поставил. И в это время в дверь ко мне застучали со страшной силой и чей-то хриплый голос прокричал: «учитель Иванов здесь живет?». На крыльце весь залепленный снегом стоял Риза Багаутдинов, а во дворе тоже с ног до головы заснеженные были мои друзья: Игорь, Сергей, Вера, Нина, Ирина, Володя Горбунов, Миша Обыденнов, Наташа Рутто, в общем все-все. Несмотря на непогоду, они на электричке приехали из Уфы на станцию Иглино, а там поймали какой-то шальной грузовик, пробивавшийся в Охлебинино, и более двух часов ехали 36 км в открытом кузове, закрывшись от пурги брезентом.

Сутки мы душевно, по-нашему, по-археологически, отгуляли, а вечером следующего дня (пурга утихла) я

проводил ребят пешком уже до другой станции Карламан, расположенной за 12 км от Охлебинина на другом берегу Белой. Они уехали в большую жизнь, а мое одинокое возвращение в сельские «палестины» по пустынной зимней дороге под холодным звездным небом было грустным...

Часто вспоминая тот день сейчас (коллеги-учителя потом тоже долго, и не без восхищения вспоминали, как к В.А. приезжали его друзья аж из Куйбышева), я думаю, как это пришлось кстати. Именно на то время, когда я с трудом уживался с осознанием того, что приехал я сюда, в село, не на выходные дни в гости, а на долгих три года. И тут такая душевная и духовная поддержка друзей.

Однако, по закону жанра за кульминацией наступает развязка, обусловленная целым рядом факторов.

Во-первых, по окончании университета, несмотря на мою успешную карьеру в студенческой археологии, направления в аспирантуру мне никто не дал. Во-вторых, предпринятая Галиной Ивановной попытка устроить меня в Ульяновский пединститут (там появилась вакансия преподавателя археологии и Древнего мира) успеха не имела. Я даже встречался с зав. кафедрой истории СССР Ю.И. Кизиловым, но пригласили все-таки не меня, а выходявшего тогда на защиту кандидатской диссертации В.И. Ледяйкина. В-третьих, неудачной оказалась и попытка зав. кафедрой Истории СССР досоветского периода БГУ Р.В. Филиппова забрать меня на кафедру ассистентом: ректор БГУ, узнав, что я уже работаю по распределению в селе, тут же пресек эту инициативу. Мотив: «я не хочу ссориться с Минпросом Башкирии, забирая уже распределенного специалиста». Одним словом, с какой стороны ни взгляни – кругом лузер.

Женщины лузеров не любят. И Галина Ивановна не скрывала своего разочарования в моем научном будущем. О чем без всяких обиняков сказала мне, когда я летом 1974 года по старой памяти приехал к своим подругам на раскопки Муромского городка. В разговоре с глазу на глаз (взяв с меня слово, что я не обижусь) она призналась мне, что, будь у неё такая возможность, она из своих уфимских учеников взяла бы в свои помощники Володю Горбунова или Мишу Обыденнова, высоко ставя их деловые качества и уже обозначившиеся перспективы в науке¹².

Ясно, что на таком фоне синусоида моего имиджа в глазах её самарских учениц шла резко вниз. Я это понял, но не сразу...¹³.

¹² В. Горбунов тогда уже был приглашен на должность старшего преподавателя на исторический факультет Башкирского пединститута. А М. Обыденнов, хотя и был ещё студентом 4 курса истфака БГУ, но уже вместе с И. Васильевым проводил раскопки курганов бронзового века в Куйбышевской области.

¹³ Уж не отголоском ли этого разговора и сложившегося тогда мнения явилось то, что в статье Г.И. Матвеевой и В.А. Скарбовенко, посвященной 30-летним работам Средневожской АЭ, я, в отличие от М. Обыденнова, не упомянут ни разу (Матвеева, Скарбовенко, 1999). Хотя к тому времени я уже и док-

В 1974 году Игорь Васильев перешел на постоянную работу в Куйбышевский пединститут, где сразу же создал хоздоговорную археологическую лабораторию. Кроме единственного штатного сотрудника Г. Пенина, в неё входили студенты (студентки), специализировавшиеся по археологии бронзового века. А археологи первого-второго наборов студентов КГУ – В. Скарбовенко, Н. Габелко, И. Мажанова, Р. Багаутдинов – уже активно занимались под руководством Г.И. Матвеевой эпохой РЖВ или средневековья.

Участвуя в 1974 г. в раскопках под руководством И. Васильева (в статье В.А. Скарбовенко и Г.И. Матвеевой это Второй отряд Средневожской экспедиции) какого-то из Утевских могильников¹⁴, я вновь встретился со своими старыми знакомыми: Аллой Ватазиной, Олей Христининой, Валей Зудиной. И в этом же году, вот не помню, в экспедиции это было или во время археологического «межсезонья», я познакомился с Натальей Салугиной – их однокашницей. В её натуре сразу бросалась в глаза прямота и несколько подчеркнутая независимость суждений. Шутить с ней нужно было осмотрительно, поскольку любая неудачная шутка не только с ней, но и вообще тут же вызывала ответную реплику с её стороны, после которой невольно в голову приходила мысль «а не дурак ли я?». Просматривая как-то книжку одной из своих внучек со сказкой Астрид Линдгрэн «Пеппи-длинный чулок», я там прочел методическую аннотацию, раскрывающую сущность главной героини: «Для этой девочки характерны мужество, доброта, искренность, умение не поддаваться хандре, общительность, щедрость. Пеппи учит нас принимать себя, быть оптимистами и верить в чудеса». Так вот, по моему, это как раз о той Наталье Салугиной, с которой я и познакомился 50 лет тому назад.

В один из праздников (то ли 7 ноября 1974 г., то ли на Новый 1975 год) Игорь позвал меня в Самару поприбавить в кругу друзей. Компания у нас собралась душевная: И. Васильев, Р. Багаутдинов, Р. Юнусова, О. Христинина, А. Ватазина, В. Зудина, Н. Салугина и я¹⁵. Встреча эта запомнилась мне ещё и тем, что там в душевном разговоре окончательно определилась моя дальнейшая судьба. «Сельская эпопея» у меня близились к завершению, а в уфимской археологии меня никто не ждал (да и негде было ждать). Игорь же и до этого неоднократно заводил со мной разговор (и писал в своих письмах) о том, чтобы после сельской отработки приехать в Самару к нему в лабораторию, где уже не

тором наук был, и профессором. Т.е. вроде как бы «реабилитировался» в своем научном потенциале. Да и Каменную Козу, и Шелехметский могильник копать начинал все-таки я. Равно как и в раскопках других памятников на территории Куйбышевской области в 1970–1974 гг. участвовал, что и отражено в соответствующих публикациях в ежегодниках АО.

¹⁴ Курган Утевка I, тот, где были найдены две литых золотых подвески в богатом погребении ямной культуры.

¹⁵ Помню всех поименно, потому что фото сохранились.

Май 2006 г. Казань. В.А. Иванов, С.Э. Зубов.

только Гена работал, но и подрабатывал Сергей Агапов. На моё окончательное решение повлияла ещё и уверенность друзей-подруг в том, что всё будет хорошо. Наташа Салугина так прямо и выразилась: «Что ты, Лякса-ныч, всё будет путем».

Однако в психологическом плане этот путь оказался для меня не таким уж и простым. С августа 1975 г. я начал работать у Игоря Васильева. Расправляющая свои крылья самарская археология переживала в это время не самые безмятежные времена. Галина Ивановна и Игорь – теперь уже два лидера – решали вопрос о соотношении своих исследовательских центров в эмпирическом пространстве средневожской археологии. Поскольку именно Игорь дал мне пристанище в своей «гавани», во всех возникавших коллизиях я, конечно, был на его стороне.

Вскоре также мне стало ясно, что статус гостя и статус постоянного члена коллектива, обладающего своей ментальностью, правилами и характером внутренних отношений – это разные статусы. Жить мне в Самаре было негде¹⁶, возникли также и matrimониаль-

¹⁶ Мы втроем, Игорь, Гена Пярых и я – ютились в комнате-пе-

ные планы, связанные опять-таки с Уфой. Одним словом, как ни хорошо мы жили в нашей лаборатории, но на душе у меня было грустно и беспокойно.

И вот именно в это время я сдружился с Валей Пестриковой, студенткой 5-го курса истфака КГПИ. Она специализировалась по археологии бронзового века и в работе лаборатории участвовала активно. Будучи на три года моложе меня и на целых пять лет моложе Игоря и Гены Пенина, Валя по своей женской психологии была лет на пять старше всех нас. На суть и смысл происходящего в лаборатории и вокруг неё она имела свой взгляд, который она открыто выражала. Ей «не слабó» было высказать свое мнение относительно тех или иных действий Игоря как начальника лаборатории (а этого он не любил). Своими действиями и словами она дисциплинировала нас с Геней. Вместе с Сергеем Агаповым¹⁷ они вели археологический кружок во Дворце пионеров, из которого потом вышла добрая часть самарских археологов.

нале, выделенной Игорю в преподавательском крыле общежития КГПИ.

¹⁷ Её будущим мужем.

Через 16 лет. Январь 2023 г. Уфа. С.Э. Зубов, В.А. Иванов.

Но главное – Валентина вскоре стала поверенным в моих душевных коллизиях и переживаниях. Поверенным чутким, внимательным и понимающим. Она немного знала мою невесту, тогда ещё студентку БГУ (лето 1975 г. мы все вместе работали в одной экспедиции), и знала о наших с ней планах после свадьбы вместе начать жить в Самаре. Но расценивала она эти наши планы вполне трезво (и скептически), в чем и была права.

Поэтому из всей нашей компании она единственная с пониманием отнеслась к моему решению, возникшему уже весной 1976 г., вернуться в Уфу, а там – что Бог даст. Так оно и случилось в июне того года.

На этом, собственно, шестилетний «самарский фейерверк» в моей жизни и погас. Дальнейшая судьба у каждого складывалась по-своему. Встречи наши стали редкими и нерегулярными, в основном – на общих для всего Урало-Поволжья археологических мероприятиях. Там я встречаюсь уже с дамами, облеченными учеными степенями и званиями. Встречаемся мы исключительно по-светски.

Впрочем, в 1980-е годы, когда, уже будучи сотрудником отдела археологии ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР, я рыскал по Урало-Казахстанским степям в погоне за средневековыми кочевниками, судьба не раз сводила нас с Ниной Габелко (теперь уже Ниной Леонидовной Моргуновой). В то время она героически и успешно

создавала свою археологическую школу в Оренбургском государственном педагогическом институте (сейчас Оренбургский ГПУ). Проезжая или вглубь Урало-Казахстанских степей, или, наоборот, возвращаясь домой в Уфу, мы считали своим долгом засвидетельствовать ей наш уважение. Нина Леонидовна встречала нас хотя и благосклонно, но с некоторой настороженностью – как-никак археология Оренбуржья, долгое время бывшая «беспризорной», имела теперь свою хозяйку.

Если нам было нужно, мы получали у неё и стол, и кров: особенно запомнилась археологическая лаборатория, размещавшаяся тогда в маленьком, но уютном полуподвальчике во дворе пединститута. Сейчас это мощный исследовательский центр с великолепным археологическим музеем. А после сенсационных раскопок А.Х. Пшеничнюка на Филипповских курганах и разразившегося затем скандала между Башкирским филиалом АН и администрацией Оренбургской области из-за прав на филипповское золото, Нине Леонидовне и воспринимать наезды уфимских археологов в Оренбуржье стало сложно. Впрочем, вскоре и времена изменились.

Ну а в общем-то (и я полагаю, что это диалектика бытия), в итоге всё сложилось по формуле Бернарда Шоу¹⁸.

¹⁸ «Я думал, друзей теряют в ссорах, а они просто растворяются во времени».

Однако судьба распорядилась так, что в 1990 г. на моем самарском горизонте зажглась новая звезда. Летом того года мы с моим другом и коллегой Г.Н. Гарустовичем «гонялись за средневековыми кочевниками» теперь уже на территории Куйбышевского Заволжья. В окрестностях с. Александровка Безенчукского района ещё в 1976 г. Р.С. Багаутдинов раскопал три кургана, в которых были найдены погребения золотоордынских кочевников, и он, зная мои научные интересы, посоветовал продолжить их копать. Курганы, которые копали мы, оказались разграбленными, и когда мы уже собирались возвращаться домой, к нам из Куйбышева/Самары на велосипеде приехал Сергей Зубов¹⁹. Вроде бы он приехал как представитель Куйбышевского НПЦ по охране памятников. Я с ним знаком ещё не был, а Г. Гарустович его уже знал (видимо, по студенческим конференциям).

Высокий, худой, но не хлипкий, с пышной темнорусой шевелюрой, громогласный Сергей сразу обаял весь наш отряд, особенно девушек. А меня он внутренне напряг – слишком уж его много было. Первая наша встреча была короткой: познакомились, вместе доехали до Куйбышева и там распрощались.

Но затем, то проездом, то специально приезжая, он стал бывать в Уфе часто, настолько, что среди уфимских археологов стал совсем своим. Причем настолько своим, что каждый его приезд стал напоминать эпизод из фильма «Жестокий романс»: «барин приехал, барин приехал!». Молодые коллеги – его ровесники – обзывали друг друга, узнавали, где, когда и у кого Зубов остановится, чтобы непременно с ним встретиться.

А начиная с 1996 г., когда он прикрепился к ИИЯЛ в качестве соискателя, он стал приезжать в первую очередь ко мне²⁰. Тема у него была готова своя – ранние болгары на Волге. Материал имелся, так что дело оставалось за малым – написать диссертацию. Встречаться с ним мы стали регулярно и даже подружились семьями. Мои теперь уже взрослые дочери с теплотой вспоминают его до сих пор.

Между началом соискательства Сергея и его защитой в 2006 г. прошло десять лет. И не потому, что у него

¹⁹ А это, между прочим, около 100 км.

²⁰ К тому времени я уже был и доктором, и профессором.

возникали проблемы с написанием – уж чего-чего, а научный потенциал Сергея просто зашкаливает. Но он по натуре личность очень деятельная и широкая. Пока он «созревал» для защиты своей диссертации, он стал известным и авторитетным ученым, автором многих статей, автором монографий, одна из которых, написанная в соавторстве с А. Богачевым и Р. Багаутдиновым вообще стала бестселлером (Багаутдинов и др., 1998). На территории Башкирии обрел свой «фирменный» памятник – Кипчаковский курганно-грунтовый могильник на р. Сюнь, материал которого существенно переворачивает наши представления об эпохе, переходной от РЖВ к Раннему средневековью. Успел побывать деятельным чиновником в Администрации самарского губернатора²¹. Одним словом, защита диссертации – это для него был акт формальный.

Но все эти годы я был очень недоволен им за его, как я полагал, разгильдяйство²² и медлительность. Это сейчас я понимаю, что, кроме науки, Сергей все эти годы ещё и дом свой строил и обустроивал, прилагая для этого максимум и физических, и духовных сил. А для этого одной только «чистой археологии» недостаточно. И это у него получилось тоже великолепно.

Завершить свое эссе о Сергее Зубове (писать и говорить о нем я могу долго и много, ибо вот уже четверть века жизнь моя протекает в постоянном и тесном контакте с ним), я хочу словами (перефразируя «пикейные жилеты» из «Золотого тельника»): «Зубов – это голова!».

Все, кого я здесь вспомнил, оставили каждый след в моей жизни. В науке их дела и достижения известны хорошо. А вот какими они были в моем видении полвека тому назад, такими я их и изобразил.

В качестве точки, завершающей моё повествование, приведу слова современного писателя Эльчина Сафарли: «В жизни, как в чашечке кофе, есть и сладость сахара, и горечь гуши. Как ни фильтруй, ни процеживай, без них кофе не кофе».

²¹ В память об этом и вообще в память о моих связях с Самарой он подарил мне эксклюзивный и дорогой значок с изображением Самарского герба.

²² В наших с ним разговорах с глазу на глаз я употреблял, конечно, другое, близкое по звучанию существительное.

ЛИТЕРАТУРА

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с.

Иванов В.А. Мордовский могильник у с. Шелехметь // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975. С. 142–149.

Малкова Н.М. Шелехметский 1-й грунтовой могильник на Самарской Луке // Средневековье. Великое переселение народов. Самара, 2013. С. 299–315.

Матвеева Г.И. Экспедиции в прошлое: записки археолога. Самара, 1998. 160 с.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Очерк тридцатилетних работ Средневожской археологической экспедиции Самарского университета // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. С. 3–49.

К 70-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АГАПОВА

С Сергеем Агаповым меня связывают годы дружбы и сотрудничества. Помню конкретный день, когда состоялось наше очное знакомство, – 10 декабря 1971 года, день открытия юбилейной студенческой научной конференции «25 лет археологическому кружку Казанского университета»; праздничное заседание состоялось на историко-филологическом факультете (Кузьминых, 2022). На конференцию прибыли делегаты от студенческих археологических кружков многих вузов страны, но в основном из Волго-Уральского региона. Куйбышевский университет представляли С.А. Агапов и Л.Н. Жигулина. В памяти остались приветственные поздравления Сережи (от самарцев), Раи Сагайдак (Воронеж), Гали Самокрутовой (Пермь), Вали Буяк (Уфа), Виктора Шитова (Саранск). С Сергеем нас сразу же сблизил интерес к проблемам древнейшей металлургии, и та казанская встреча стала началом дружбы длиною в жизнь.

С.А. Агапов родился 17 августа 1952 года в г. Куйбышеве, теперешней Самаре. 1969 год – год окончания средней школы – совпал с восстановлением в Куйбышеве университета и образованием в составе факультета гуманитарных наук исторического факультета (стал самостоятельным структурным подразделением университета в 1976 г.). Однако Сереже не посчастливилось стать студентом в тот год, зато начался отсчет его трудового стажа на 4 Государственном подшипниковом заводе, на который он пришел по родительским стопам учеником слесаря, став вскоре слесарем 1 разряда.

Вторая попытка поступить в университет в 1970 г. оказалась не просто удачной – она определила весь дальнейший жизненный путь Сергея Агапова, равно как и многих его сокурсников. В том году из Башкирского университета перешли на работу во вновь образованный Куйбышевский университет Г.И. Матвеева и И.Б. Васильев (Игорь на ту же лаборантскую должность, что и в Уфе в кабинете археологии). Приход в Куйбышевский университет Галины Ивановны и Игоря Борисовича сыграл судьбоносную роль в археологическом изучении юга Среднего Поволжья. Очень скоро вокруг них сплотился молодой коллектив археологов, выросший из первых наборов студентов. Базой сплочения коллектива стал университетский археологический кружок.

После первых же экспедиций волей-неволей произошло размежевание студентов по группам Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева. Галина Ивановна стала вести специализацию студентов в области средневековья и железного века, к Игорю Борисовичу потянулись те из них, кому оказались интереснее первобытные древности, прежде всего памятники эпохи раннего металла. Сергей Агапов с первых же экспедиционных сезонов стал одним из ближайших помощников Васильева в полевых работах, обработке новых материалов и старых коллекций областного музея. В студенческие годы

С.А. Агапов

(1970–1975) он участвует в раскопках курганных могильников Борминского, Лузановского, Каменновражского, Покровского, Владимирского, Утевских и др., грунтового могильника и поселения у с. Съезжее, поселений Михайло-Овсянка, Нур, Сосновских и др.; руководит разведочными отрядами, что обследовали берега Куйбышевского и Саратовского водохранилищ, бассейны рек Самара, Сок, Кондурча, Кинель (Васильев, 1971; 1973; 1974; Васильев, Матвеева, 1974; Матвеева и др., 1972; Агапов и др., 1975; 1976).

В годы учебы в университете археологическая специализация Сергея была связана с двумя направлениями исследований: «Археология эпохи бронзы Восточной Европы» и «Древняя металлургия Северной Евразии». Работы в рамках первого направления велись под руководством И.Б. Васильева. Результаты не заставили себя ждать и нашли отражение в серии статей (Агапов, Васильев, 1975; 1976), докладах на региональных студенческих и всесоюзной конференции «Проблемы археологии Поволжья и Приуралья» (Агапов, 1976; Агапов, Пенин, 1976), но прежде всего – в дипломной работе «Эпоха средней бронзы степного и лесостепного Поволжья».

Интерес ко второму направлению исследований закономерно вытекал из первого, но явным толчком здесь послужил выход книги Е.Н. Черных о древнейшей металлургии Урала и Поволжья, совпавший с годом поступления Сережи в университет (Черных, 1970). Ее появление во многом стало знаковым событием для молодых ученых региона, обострившим интерес к древнему металлу и придавшим импульс к его изучению. Для Сергея Агапова, равно как тогда же и для меня, ключевую роль в выборе направления научных исследований сыграло состоявшееся вскоре наше личное знакомство с автором книги – Евгением Николаевичем Черных, лидером археометаллургических исследований в нашей стране.

Г.И. Матвеева и И.Б. Васильев перенесли на самарскую почву опыт студенческого археологического кружка БГУ. Галина Ивановна восприняла традицию

кружковой работы со студентами в годы учебы в Пермском университете под началом О.Н. Бадера, который, в свою очередь, принял эстафету от своих учителей В.А. Городцова и особенно Б.С. Жукова, организовавших в начале 1920-х годов студенческие археологический и палеоэтнологический кружки на факультетах общественных наук и физико-математическом (при кафедре антропологии) 1-го МГУ (Кузьминых, Лопатина, 2024). Кружковая традиция пустила в Самаре глубокие корни, и не только в студенческой среде, но и в школьной (Васильев, 1994). Придя в Куйбышевский университет, Васильев создал школьный археологический кружок в городском дворце пионеров, а в 1972 г. передал его в руки студента Агапова. До окончания университета в 1975 г. Сергей преподавал в нем и руководил (вместе с В.И. Пестриковой) школьной археологической экспедицией. Через эту экспедицию прошли сотни учащихся Куйбышева и области, некоторые из них пошли по стопам учителей и стали профессиональными археологами (П. Кузнецов, М. Турецкий, Ю. Колев, Е. Козин, М. Седова, Н. Овчинникова, Д. Вальков, С. Зубов, М. Борисов и др.).

Для поколения студентов 1970-х гг. путь в археологию не был усыпан розами, хотя именно в те годы для выпускников региональных университетов и пединститутов открылось окно возможностей, связанное с созданием вузовских хоздоговорных археологических лабораторий. В Куйбышеве они были организованы при университете и пединституте, где с 1974 г. стал работать И.Б. Васильев. Приход Сергея Агапова по окончании университета в лабораторию КГПИ был вполне ожидаемым, но поначалу ему пришлось отдать долг Родине и пройти в 1975–1976 гг. срочную службу во внутренних войсках МВД СССР. Песня о чекистах как память об армейском прошлом стала частью репертуара вечерних посиделок в Сережиных экспедициях, а потом и на Каргалах. После демобилизации Сергей сразу же влился в коллектив лаборатории, в котором проработал до 1991 г., знакового в судьбах нашей страны.

Лаборатория новостроечных исследований, созданная в КГПИ И.Б. Васильевым, развернула в 1970-е – 80-е годы масштабные по географическому охвату и хронологическому диапазону охранные работы на новостройках Куйбышевской, Ульяновской, Саратовской, Волгоградской и Оренбургской областей. Очень скоро она стала одним из заметных археологических коллективов страны. Авторитет лаборатории завоевывался, безусловно, трудами и энергией ее лидера – И.Б. Васильева (Агапов и др., 2006), но без верных и надежных помощников осуществить намеченную и весьма значимую программу полевых и научных исследований было бы попросту невозможно, равно как и провести всесоюзные конференции по проблемам неолита и бронзы (1976 г.), срубной культурно-исторической общности (1978, 1982 гг.) и оперативно опубликовать серию сборников.

В когорте сподвижников И.Б. Васильева тех лет С.А. Агапову принадлежит особая роль. Я имею в виду не только полевые исследования отрядов Средневожской археологической экспедиции под руководством Сергея, совместные с Игорем Борисовичем раскопки ряда поселений и могильников энеолита и бронзового века. Изучение в 1970-е годы на юге Среднего Поволжья блока ямно-полтавкинских курганных могильников (в том числе «больших», «царских») вывело И.Б. Васильева на обобщение «ямной» проблемы, одной из наиболее крупных и ключевых в археологии бронзового века Восточной Европы, начиная с городцовских работ начала XX века. Но важно вспомнить и о том, что к разработке этой проблемы Васильев подключил студента Агапова, стимулировал его научные поиски. В итоге дипломная работа Сергея «Эпоха средней бронзы степного и лесостепного Поволжья» в значительной степени способствовала и кристаллизации взглядов самого руководителя (Васильев, 1979).

Если обратиться к полевым работам С.А. Агапова и его команды тех лет, то, прежде всего, необходимо отметить их неопределимый вклад в изучение памятников Хвалынского археологического микрорайона. В ходе первого выезда в район пос. Алексеевка Хвалынского р-на Саратовской области (Агапов и др., 1975) никто из участников Средневожской экспедиции в 1974 г. не мог предположить, какие открытия их ждут впереди. Данный микрорайон оказался поистине энеолитическим «Эльдорадо»: могильники Липовый овраг, Хвалынский I и II в корне изменили все представления об энеолите степной и лесостепной зон Восточной Европы. Работа с материалами этих некрополей продолжалась на протяжении многих лет (Агапов и др., 1978; 1979; 1990; Васильев, 1981; 1985; Васильев, Синюк, 1985; Агапов Д., 2010; Пестрикова, Агапов, 2010) и увенчалась изданием фундаментальной коллективной монографии «Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура» под редакцией С.А. Агапова (2010). Книга вышла только благодаря его терпению, настойчивости и помощи близких. Исследование материалов Хвалынских могильников на этом не закончилось: готовится к печати второй том монографии, проведено генетическое изучение популяции, оставившей уникальные волжские некрополи (Anthony et al., 2022).

Спустя годы картина давних раскопок в Хвалынском археологическом микрорайоне видится идеальной и благодатной. Но чего это стоило С.А. Агапову и В.И. Пестриковой, поведают могут только они. Сужу об этом не понаслышке: более 30 лет тому назад, проводя в ходе работ Волго-Уральской комплексной экспедиции изучение культурного слоя срубного поселения Липовый овраг (Черных и др., 1991), мне довелось услышать горестный рассказ Сережи о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться И.Б. Васильеву, В.И. Пестри-

ковой и ему при раскопках Хвалыньских могильников. Экспедиция все годы оставалась их личным делом. Вытянуть ее удавалось только благодаря налаженной кружковой работе и личным средствам руководителей: проведение раскопок в Хвалынском микрорайоне не подкреплялось бюджетным или хоздоговорным финансированием. Впрочем, для самарской археологии 1970-х – 80-х гг. опора на энтузиазм, самообеспечение и школьников-кружковцев была, пожалуй, не исключением, а правилом.

С началом работы в лаборатории новостроечных исследований КГПИ Сергею Агапову предстояло определиться с выбором темы будущего диссертационного исследования. Основной массив древнейшего металла, полученного в ходе раскопок Средневожской экспедиции, относился к достаточно представительным ямно-полтавкинским и срубным сериям. Казалось, выбор темы напрашивался сам по себе, но Е.Н. Черных его не поддержал. Для Евгения Николаевича это был уже проторенный путь: материалы данных культур в той или иной степени нашли отражение в ранних работах ученого (Черных, 1966; 1970).

В 1980-е годы Е.Н. Черных обратился к плановой исследовательской теме «Металлургия поздней бронзы и культуры валиковой керамики Евразии» (Кузьминых, 2005. С. 67). Результаты были опубликованы в достаточно лаконичной форме (Черных, 1983; 1984), но те статьи придали осознанный смысл всем последующим разработкам «валиковой» темы – весьма сложной и запутанной в археологии Северной Евразии конца бронзового века (см. работы Т.М. Потемкиной, С.Я. Зданович, В.В. Евдокимова, В.В. Варфоломеева, Н.М. Малова, Ю.Г. Екимова, В.Н. Горбова, А.Н. Усачука и др.). Со-

знавая, что им намечены лишь самые общие контуры проблемы общности культур с валиковой керамикой, Евгений Николаевич предложил взяться за дальнейшее исследование металла ОКВК Сергею Агапову.

Разработка темы осложнялась тем, что ее невозможно было выполнить за три аспирантских года. Ареал ОКВК большей частью охватывал азиатские пределы страны. Рисунки и фото вещей, сборы проб металла в архиве лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР относились, прежде всего, к территории Восточной Европы. Сергею в непростых реалиях интенсивных хоздоговорных работ пришлось еще до аспирантуры объехать археологические центры Волго-Уралья и Казахстана, обработать коллекции металла и отобрать пробы для спектрального анализа. Причем ему удалось собрать в этих поездках материалы как «валиковые», так и других культур бронзового века, создав задел для последующего изучения металла Азиатской части Евразийской металлургической провинции.

В 1985–1988 гг. С.А. Агапов проходил обучение в очной аспирантуре Института археологии АН СССР. В эти годы он провел аналитическую обработку металла ОКВК, подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию «Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века» (Агапов, 1990), опубликовал серию статей по проблемам древнейшей металлургии Северной Евразии, выступил на всесоюзных и международных конференциях (Агапов, 1988а; 1988б; Агапов, Иванов, 1989; Агапов, Кузьминых, 1988; Агапов и др., 1989; Кузьминых, Агапов, 1989). На 2-м советско-американском симпозиуме по проблемам древнейшей металлургии в Грузии (Сигнахи–Телави, 1986 г.) одним

Фото 1. Обследование рудопроявления в окрестностях укрепленного поселения Устье 1 в 1989 г. (С.В. Кузьминых, Е.Н. Черных, С.А. Григорьев, С.А. Агапов). Фото Н.Б. Виноградова.

из ведущих стал доклад «Евразийская металлургическая провинция как система», с которым выступили Е.Н. Черных, С.А. Агапов и я. Остается сожалеть, что он был опубликован нами только в виде тезисов (Черных и др., 1989; 1990а; 1990б; 1991).

С благодарностью вспоминаю помощь Сережи при подготовке к печати нашей с Е.Н. Черных книги о сейминско-турбинском феномене (Черных, Кузьминых, 1989): его дружеская поддержка была особенно важна в ситуации, когда при очередном обострении я оказался в клинике Института ревматологии. В лаборатории до сих пор помнят золотые руки Сергея Агапова, первый пущенный им «под откос» зарубежный персональный компьютер («Правец») и вечно булькающий чайник.

По окончании аспирантуры С.А. Агапов вернулся в 1989 г. на прежнее место работы – в археологическую лабораторию КГПИ, но ситуация в коллективе уже была иной. Лаборатория переживала не лучшие времена. Экономический коллапс «эпохи перемен» разрушил прежнюю систему хозяйственных отношений вузовской науки с хозяйственниками. Эту нишу стали активно занимать небольшие по числу сотрудников коммерческие организации. В одной из них (НПФ «Гефест») С.А. Агапов состоял в должности зам. директора по науке (1991–1996) параллельно с работой в Волго-Уральской вузовско-академической лаборатории Института истории и археологии УрО РАН (1992–1994) и Института истории и археологии Поволжья (1994–1995). В две последние структуры Сережу привлек И.Б. Васильев, который, не прекращая основной деятельности в Самаре, в 1989–1994 гг. был зав. отделом археологии и этнографии и заместителем директора по науке (с 1990 г.) ИИА УрО АН СССР/РАН. В Волго-Уральской лаборатории Сергей Агапов, наряду с другими самарскими коллегами (И.Н. Васильева, Н.П. Салугина и др.), включился в работу над проектом «История древних производств». Он продолжил начатые исследования в области древней металлургии (Агапов, Кузьминых, 1994; Агапов, 1997), в том числе экспериментальные (Агапов и др., 1989), и принял участие в полевых работах Волго-Уральской (Каргалинской) комплексной археологической экспедиции (Черных и др., 1991; 1994; 1999) (фото 1).

Но по большому счету первая половина 1990-х гг. отнюдь не стимулировала научные поиски – для многих коллег, и для Сергея Агапова в том числе, эти годы стали временем нарастающего разочарования. Причин тому было несколько, и одна из них – физический отрыв от московской лаборатории, образовавшийся вакуум профессионального общения и невозможность продолжить разработку начатых крупных научных проектов. Пришло осознание того, что в условиях резко меняющегося мира с его предложением новых возможностей нужно кардинально поменять сферу деятельности.

В 1995 г. С.А. Агапов становится исполнительным директором Самарской региональной общественной

организации Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье», оставаясь в этой должности до 2022 года. За прошедшие годы Ассоциация реализовала множество социально значимых проектов и несколько раз меняла направления деятельности и основных программ. Она начинала работать как историко-культурная организация. В этой связи не случайно участие ИЭКА «Поволжье» как организатора в проведении конференции «Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии» (1996 г.), издании сборника «Проблемы взаимодействия природы и человека в Среднем Поволжье: (Методы, задачи, перспективы). Самара, 1997», включая доклад С.А. Агапова (1997), и организации других форумов с участием археологов, этнографов, историков и экологов. С 1996 г. и по сей день ИЭКА «Поволжье» является базовым центром поддержки НКО в Самарской области. В настоящее время ее деятельность носит в основном консультационный и экспертный характер.

За годы работы в Ассоциации послужной список С.А. Агапова пополнился публикациями и разработками учебных (обучающих) программ по проблемам функционирования «гражданских» сетей (интернет для гражданского общества), въездному туризму и внедрению ИКН в познавательном туризме, использованию археологического наследия в музейно-экспозиционной деятельности, проектированию и управлению проектами. Вот только некоторые названия разработанных С.А. Агаповым учебных программ и проведенных тренингов, предназначенных сотрудникам различных учреждений социальной сферы: информационные технологии для НКО; интернет с нуля; дизайн и допечатная подготовка малотиражных изданий; социальное проектирование для НКО; теория краеведения; народная художественная культура; проектирование деятельности НКО; проект: шаг за шагом; управление проектами; проектирование в сфере культуры; социокультурное проектирование; подготовка консультантов по проектированию в социокультурной сфере; музеи под открытым небом – зарубежный опыт; российские музеи под открытым небом; проектирование и управление проектами в туристском бизнесе; проектирование экскурсионных услуг (Агапов, 2006). Эти программы были адаптированы С.А. Агаповым в лекционные курсы, прочитанные в Самарском филиале Санкт-Петербургского университета профсоюзов (2004–2005) и Самарской академии государственного и муниципального управления на кафедре социально-культурного сервиса и туризма (2005–2012).

При большой занятости в ИЭКА «Поволжье» Сергей Агапов включился в подготовку учебного пособия «Древние культуры и этносы Самарского Поволжья», инициированного Самарским археологическим обществом, написав для него главу «Металлургия и металлообработка эпохи раннего металла» (Агапов, 2007). Это пособие и спустя годы является базовым для тех, кто хо-

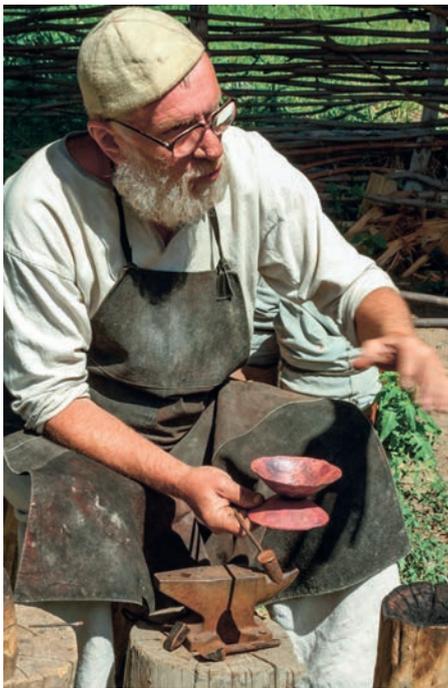

Фото 2. Мастер за экспериментом.

Фото 3. Рождение сосуда в руках мастера.

чет получить представление об археологии Самарского края. Тогда же для каталога выставки «Unbekanntes Kazachstan. Archäologie im Herzen Aziens» в Музее горного дела (г. Бохум, Германия) была подготовлена статья о металлопроизводстве восточной зоны общности культур валиковой керамики (Агапов et al., 2013), параллельно вышедшая и в России (Агапов и др., 2012). В ней дана характеристика горно-металлургического производства в Казахстане в конце бронзового века (алексеевско-саргаринская культура). В основу статьи легли результаты диссертационного труда С.А. Агапова (1990), дополненные новейшими материалами и исследованиями.

С начала 2000-х гг. Сергей Александрович выдвинулся в число видных российских экспертов по деятельности и организации музеев под открытым небом. Это признание принесли не теоретические разработки (хотя и они сыграли свою роль), а практическая работа на посту заместителя директора по науке музейного комплекса под открытым небом «Центр исторического моделирования «Древний мир»». Центр стал принципиально новой интерактивной моделью экспонирования археологического наследия, объектом для познавательного (просветительского) туризма и исторического образования детей и взрослых, а также научно-экспериментальным полигоном для специалистов-археологов (Субботин, Субботина, 2013).

Именно последнее направление деятельности Центра стало решающим для С.А. Агапова, когда он получил приглашение влиться в команду «Древнего мира». Руководя в 2004–2005, 2007–2020 гг. экспериментальной историко-металлургической площадкой Центра, Сережа осуществил свои давние планы по организации экспериментов в области древней металлообработки.

Первые опыты такого рода были начаты еще в середине 1980-х гг. в ходе работ Уральской археологической экспедиции на оз. Иткуль в Челябинской области (Агапов и др., 1989). Площадка «Древнего мира» дала возможность проводить эксперименты не только с просветительской целью для школьников и взрослых, но позволила наметить и последовательно осуществить серию научных экспериментов (Агапов, Борисов, 2016), частично нашедших отражение в печати (Агапов и др., 2013; Агапов С., Агапов Д., 2021).

Результаты, полученные С.А. Агаповым в ходе экспериментальных работ двух последних десятилетий, обсуждались на международной полевой научной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век», состоявшейся в 2012 г. в с. Новая Беденьга Ульяновской области. Эта конференция в целом была посвящена проблемам теории и практики эксперимента в археологической науке и перспективам развития экспериментальных методов в археологических исследованиях. Площадка «Древнего мира» во многом подготовила почву для ее проведения, и, конечно, на Сергея Александровича легла основная нагрузка по подготовке конференции и изданию сборника по ее итогам (Агапов, 2013).

Работа по осмыслению результатов экспериментальных работ параллельно велась С.А. Агаповым в те годы и на другой площадке – Болгарского городища. В течение нескольких лет он являлся руководителем секции «Экспериментальная археометаллургия» в рамках Международной археологической школы, организованной Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казанским (Приволжским) федеральным университетом и Болгарским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником. У участников Школы был до-

Фото 4. Повторение опыта бушменов Африки на площадке ИЭКА «Поволжье».

Фото 5. Нравится... В подмастерьях чл.-корр. РАН В.В. Напольских. Болгарская школа.

Фото 6. Лекция в Болгарской школе.

Фото 7. С.А. Агапов и С.В. Кузьминых. Самара, 2018 г., Уральское археологическое совещание.

вольно богатый выбор тренингов и лекций, но, по словам многих очевидцев, экспериментальная площадка, на которой кудесничал Сергей Александрович, являлась постоянным центром притяжения. При этом важно отметить, что помимо учебных и просветительских целей в ходе экспериментов удалось получить ряд важных научных результатов. (фото 2–6).

Площадки Центра «Древний мир» в Самарской области, археометаллургической секции Болгарской школы в Татарстане, полевой конференции «Экспериментальная археология» в с. Новая Беденьга Ульяновской области, безусловно, привлекли внимание к проблемам теории и практики эксперимента в археологической науке, сыграли важную роль в распространении опыта экспериментальных работ С.А. Агапова. К участию в них потянулись специалисты из разных научных центров, в том числе из стран СНГ. В итоге сотрудничество с Т.Ю. Гошко и В.В. Отрощенко из киевского Института археологии вылилось в проведение серии экспериментов, создание каталога микроструктур эталонов литых бронз (Агапов и др., 2013) и подготовку монографического исследования о котлах позднего бронзового века степного пояса Северо-Восточной Евразии (Агапов, Гошко, Отрощенко, 2018).

Книга о ковanej металлической посуде эпохи поздней бронзы содержит полную информацию о каждом из 37 котлов, включенных в каталог, с подробным описанием объектов, фотографиями и графическими изображениями, географическими привязками, описанием условий и обстоятельств находок, химического состава металла и результатов металлографического исследования. Морфологическое сходство кованных котлов с формами глиняной посуды культур позднего бронзового века позволило авторам надежно синхронизировать многочисленные случайные находки котлов именно с

этим временем. Базовыми признаками для реконструкции технологии изготовления металлической посуды стали следы орудий на поверхности и использование только кованных или литых деталей с их последующей кузнечной доработкой. Технология литья включала использование: 1) одноразовых литейных форм, сделанных по выплавляемой модели для отливки колец и поддонов; 2) земляных литейных форм, изготовленных по отпечатку твердой модели; 3) многоразовых литейных форм для отливки восковой модели ручек. В итоге эта книга оказалась востребованной не только археологами-бронзовниками, но и стала настольным пособием для хранителей музейных коллекций, в которых многие котлы, и это не секрет, не имели культурно-хронологической привязки.

С нашей первой встречи в 1971 г. прошло уже более полувека. Со студенческих лет наши пути в науке шли в связке или параллельными курсами, и когда они расходились, я продолжал, тем не менее, с большим интересом воспринимать те перемены, которые судьба уготовила Сереже.

Не могу еще раз не вспомнить о товарищеской поддержке и помощи моего друга: его надежное плечо поддерживало меня и в дни радости, и в часы испытаний. Именно в эти моменты осознаешь, чего стоит настоящая дружба, – и я очень ею дорожу (фото 7).

Высокий авторитет в профессиональной среде для С.А. Агапова – не повод почитать на лаврах, а напротив – стимул быть в постоянном поиске и творческой работе. У каждого из нас есть свои текущие и долгоиграющие планы и обязательства, но еще... мечты. И я очень надеюсь, что еще многие из них Сергей Агапов воплотит в явь. Доброго здоровья и творческих удач тебе, Сережа, на долгие-долгие годы!

ЛИТЕРАТУРА

Агапов Д.С. Медные изделия в погребальном обряде Хвалынских энеолитических могильников // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Офорт-Пресс, 2010. С. 257–282.

Агапов С.А. Деревянные погребальные сооружения срубной культуры на территории Куйбышевской области // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) / Ред. Е.И. Медведев и др. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 69–70.

Агапов С.А. Металлургия и металлообработка в восточной зоне общности культур с валиковой керамикой (эпоха поздней бронзы) // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.: ИА АН СССР, 1988а. С. 32–34.

Агапов С.А. О культурной принадлежности топоров с гребнем // Хронология и культурная принадлежность памятников бронзового века Южной Сибири: Тез докл.

и сообщ. / Отв. ред. А.П. Деревянко. Барнаул: ИИФФ СО АН СССР, АГУ, 1988б. С. 85–86.

Агапов С.А. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1990. 17 с.

Агапов С.А. Заметки к теории палеоэкологического моделирования // Проблемы взаимодействия природы и человека в Среднем Поволжье: (Методы, задачи, перспективы) / Отв. ред. В.И. Матвеев, И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1997. С. 54–57.

Агапов С.А. Проектирование и управление проектами: Учебно-методическое пособие. Самара: ИЭКА «Поволжье», 2006. 46 с.

Агапов С.А. Металлургия и металлообработка эпохи раннего металла // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья: Учебн. пособие / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Самар. дом печати, 2007. С. 339–357.

Агапов С.А. (ред., сост.). Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культу-

ра. Исследования материалов. Самара: ИЭКА «Поволжье», 2010. 584 с.

Агапов С.А. (ред., сост.). Экспериментальная археология. Взгляд в 21 век. Ульяновск: Обл. тип. «Печатный двор», 2013. 319 с.

Агапов С.А., Агапов Д.С. Модели плавки цветных металлов в древности (по результатам экспериментальных работ Самарской археометаллургической группы) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов / Отв. ред., сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2021. Вып. 5. С. 70–77.

Агапов С.А., Багаутдинов Р.С., Габелко Н.Л., Жигулина Л.Н., Мажанова И.Н., Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., Пятых Г.Г., Тихомолова И.Р. Работы новостроечных отрядов Куйбышевского университета // АО-1975 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 153–154.

Агапов С.А., Борисов М.В. Центр исторического моделирования и реконструкции «Древний мир» в Самаре // Археология как социокультурная практика: опыт и перспективы управления наследием / Ред. В.И. Ионесов. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2016. С. 32–37.

Агапов С.А., Васильев И.Б. Покровский курганный могильник // Наш край. Вып. II / Науч. труды КППИ. Т. 165 / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1975. С. 3–12.

Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2 / Труды Средневожской археологической экспедиции. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 113–135.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Обыденнов М.Ф., Жигулина Л.Н., Скарбовенко В.А., Иванов В.А., Калиниченко С.Е., Матвеева Г.И. Работы Средневожской экспедиции // АО-1974 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1975. С. 133–135.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник // АО-1977 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 149.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1979. С. 36–63.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: СГУ, 1990. 160 с.

Агапов С.А., Васильева И.Н., Кузьминых С.В. Игорь Борисович Васильев: основные вехи жизненного и научного пути // Вопросы археологии Поволжья / Отв. ред. И.Н. Васильева, М.А. Турецкий. Самара: Науч.-техн. центр, 2006. Вып. 4. С. 5–17.

Агапов С.А., Гошко Т.Ю., Агапов Д.С. Проект по созданию каталога микроструктур эталонов литых бронз (предварительное сообщение) // Экспери-

ментальная археология. Взгляд в XXI век / Сост., ред. С.А. Агапов. Ульяновск: Обл. тип. «Печатный двор», 2013. С. 187–202.

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2012. № 3. С. 44–59.

Агапов С.А., Иванов А.Ю. Металлообрабатывающий комплекс пос. Липовый овраг // Поселения срубной общности / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1989. С. 133–143.

Агапов С.А., Кузьминых С.В. Производство меди в Приуральском горно-металлургическом центре в древности // Медные рудники Западного Кавказа III-I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения: Тез. докл. Башкапсар. полев. арх. семинара / Отв. ред. В.В. Бжания. Сухуми: ИА АН СССР, АбхИЯЛИ, 1988. С. 47–51.

Агапов С.А., Кузьминых С.В. Металл Потаповского могильника в системе Евразийской металлургической провинции // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самар. ун-т, 1994. С. 167–173.

Агапов С.А., Кузьминых С.В., Терехин С.А. Моделирование процесса древней плавки меди // Естественнонаучные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1989. С. 100–108.

Агапов С.А., Пенин Г.Г. Поселения срубной культуры в бассейне р. Безенчук // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) / Ред. Е.И. Медведев и др. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 70–71.

Васильев И.Б. Раскопки курганов на р. Самара // АО-1970 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 161–162.

Васильев И.Б. Раскопки курганов в Среднем Поволжье // АО-1972 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1973. С. 165–166.

Васильев И.Б. Раскопки в Куйбышевской области // АО-1973 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 135–137.

Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья / Науч. труды КППИ. Т. 230 / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 24–56.

Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья: Степь и лесостепь: Учеб. пособие. Куйбышев: КГПИ, 1981. 129 с.

Васильев И.Б. Могильник мариупольского времени в Липовом овраге на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 3–19.

Васильев И.Б. I – XXV Урало-Поволжские археологические студенческие конференции // XXV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция.

1993 год: Тез. докл. Самара, 1994. С. 3–6.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник и поселение у с. Съезжее // АО-1973 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 137–138.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи: (Вопросы происхождения и периодизации культур): Учеб. пособие. Куйбышев: КГПИ, 1985. 117 с.

Гошко Т.Ю., Агапов С.О., Отроценко В.В. Металеві казани з Великого Степу за доби пізньої бронзи. Київ: ІА НАН України, 2018. 328 с.

Кузьминых С.В. Из «медного» Кронида поколень...: К юбилею Е.Н. Черных // Российская археология. 2005. № 4. С. 61–69.

Кузьминых С.В. Археологическому кружку Казанского университета – 25 лет (воспоминания очевидца) // Археология евразийских степей. 2022. № 1. С. 278–284.

Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале / Отв. ред. В.Д. Викторова, Н.Г. Смирнов. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 178–197.

Кузьминых С.В., Лопатина О.А. Б.С. Жуков в истории отечественной археологии: к юбилею ученого // Российская археология. 2024. В печати.

Матвеева Г.И., Иванов В.А., Васильев И.Б., Рутто Н.Г., Скарбовенко В.А., Юнусова Р.М., Буяк В.А., Пятых Г.Г., Пенин Г.Г. Работы в Куйбышевской области // АО-1971 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 192–196.

Пестрикова В.И., Агапов Д.С. Хвалынский I энеолитический могильник как исторический источник // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов / Сост., ред. С.А. Агапов. Самара: Офорт-Пресс, 2010. С. 11–118.

Субботин И.П., Субботина В.В. Актуальные проблемы развития музейных комплексов под открытым небом в современных условиях на примере центра исторического моделирования «Древний Мир» // Экспериментальная археология. Взгляд в 21 век / Сост., ред. С.А. Агапов. Ульяновск: Обл. тип. «Печатный двор», 2013. С. 291–300.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы / МИА. № 132. М.: Наука, 1966. 144 с.

Черных Е.Н. 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 181 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БГУ, 1983. С. 81–99.

Черных Е.Н. Общность культур валиковой керами-

ки Евразии: (К постановке проблемы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья / Отв. ред. Л.А. Гиндин. М.: Наука, 1984. С. 246–258.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кравцов А.Ю., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Моргунова Н.М., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О. О работах Волго-Уральской комплексной экспедиции в 1989–1990 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1991. С. 159–162.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Барцева Т.Б., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю., Тенейшвили Т.О. О работах Восточноевропейской экспедиции // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 148–159.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция как система // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя: Информац. матер. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 5–10.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Томск. ун-т, 1990. С. 34–37.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Древнейшие финно-угры и индоевропейцы в рамках Евразийской металлургической провинции // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. T. 2B. Debrecen, 1990. С. 150.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Европейская зона Евразийской металлургической провинции // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.) / Отв. ред. Е.В. Яровой. Киев, 1991. С. 110–111.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., Вальков Д.В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие) // Российская археология. 1999. № 1. С. 77–102.

Anthony David W., Khokhlov A.A., Agapov S.A., Agapov D.S., Schulting R., Olalde I. and Reich D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // Praehistorische Zeitschrift. 2022. Bd. 97: 1. Pp. 22–67. <https://doi.org/10.1515/pz-2022-2034>.

Agapov S., Degtjareva A. & Kuz'minych S. Die Metallverarbeitung Kazachstans am Ende der Bronzezeit // Unbekanntes Kazachstan. Archäologie im Herzen Aziens. Bd. II. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 182–199.

С.В. Кузьминых

К ЮБИЛЕЮ И.Н. ВАСИЛЬЕВОЙ И Н.П. САЛУГИНОЙ

2023 г. в истории отечественной археологической науки, помимо других важных событий, ознаменован юбилеем двух ведущих ученых – Ирины Николаевны Васильевой (5 марта 1953 г.р.) и Натальи Петровны Салугиной (9 сентября 1953 г.р.). Обе они внесли значительный вклад в развитие наших знаний о древней керамике как источнике исторической информации о населении Восточной Европы от эпохи неолита до средневековья.

Начиная со студенческой скамьи, научная жизнь этих двух исследователей неразрывно связана друг с другом. Свою археологическую деятельность они начали в экспедициях на территории Среднего Поволжья, возглавляемых Галиной Ивановной Матвеевой и Игорем Борисовичем Васильевым (позднее мужем И.Н. Васильевой). Еще в студенческие годы у обеих проявился интерес к изучению древней керамики. После окончания исторического факультета Куйбышевского государственного университета и И.Н. Васильева и Н.П. Салугина начали работать в археологической лаборатории Куйбышевского госуниверситета, созданной Г.И. Матвеевой.

С 1975 по 1980 г. Ирина Николаевна проходила обучение в заочной аспирантуре на кафедре археологии МГУ им М.В. Ломоносова под руководством одного из ведущих преподавателей – доктора исторических наук Г.А. Федорова-Давыдова. Объектом ее исследования стала керамика Волжской Болгарии, а методической основой – работы Т.А. Хлебниковой.

Весной 1975 г. И.Н. Васильева, будучи в Москве на Всесоюзной археологической студенческой конференции, познакомилась с А.А. Бобринским, руководителем Группы «История керамики» Института археологии, который как раз в это время завершал работу над докторской диссертацией о методах изучения гончарной технологии. Несколько дней общения показали молодой исследовательнице, что есть методика, которая открывает новые перспективы изучения древней керамики как источника исторической информации. Однако только в 1983 г. оказалось возможным попасть в Москву на длительную стажировку. Хотя официальным научным руководителем Ирины Николаевны оставался Г.А. Федоров-Давыдов, исследование керамики Волжской Болгарии уже велось по новой методике. В 1989 г. на историческом факультете МГУ состоялась защита, на которой А.А. Бобринский выступил официальным оппонентом, высоко оценив сделанную работу. Позднее этот труд был опубликован в виде отдельной монографии (Васильева, 1993).

Несколько по-иному сложилась научная жизнь Н.П. Салугиной. Наталья Петровна студенткой начала по рекомендации Г.И. Матвеевой исследовать керамику

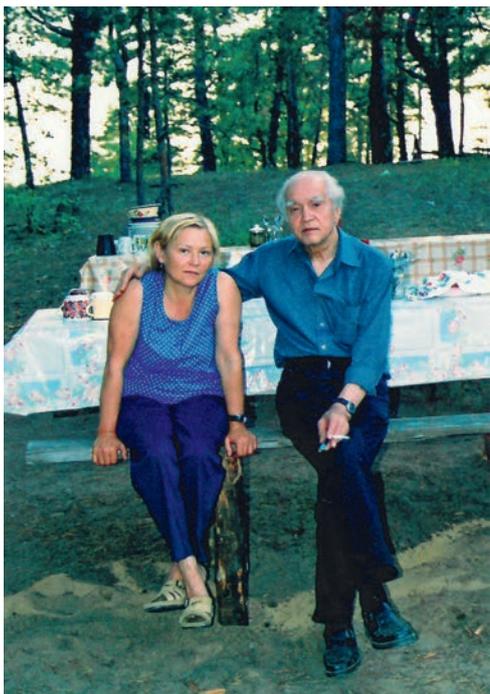
именьковской культуры, которая была изучена еще очень слабо.

В 1978 г. в издательстве «Наука» было издано фундаментальное исследование А.А. Бобринского «Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения», где было изложено совершенно новый подход к исследованию древней керамики. Первое знакомство Натальи Петровны с книгой А.А. Бобринского было, по ее рассказам, нерадостным – все очень сложно и непонятно.

Однако осенью 1979 г. Г.И. Матвеева, будучи в Москве, зашла в лабораторию А.А. Бобринского, которая только недавно переехала из подвала в новое здание по ул. Кржижановского, д. 14. Вместе с ней была и Наталья Петровна. В разговоре с А.А. Бобринским Галина Ивановна высказала мысль о том, что хорошо было бы начать изучать технологию керамики Среднего Поволжья по новой методике. На это Александр Афанасьевич ответил, что трудно найти человека, который бы взялся за такую работу. «Да, вот он перед Вами», – ответила Галина Ивановна: «Наташа! Ты согласна заняться технологией именковской керамики?». Будучи в некотором шоке, Наталья Петровна ответила: «Да!» Спустя немного времени Н.П. Салугина поступила в аспирантуру Института археологии АН СССР и начала работать под руководством А.А. Бобринского. Итогом ее многолетнего труда стала защищенная в Институте археологии в 1987 г. диссертационная работа «Технология гончарства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именковской культуры)». Это было первое большое исследование, выполненное по новой методике.

За время подготовки диссертационных исследований Наталья Петровна и Ирина Николаевна не только полностью освоили всю систему технико-технологического изучения керамики, но и стали ведущими специалистами по применению историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским. Это привело к тому, что Самарская археологическая школа, созданная усилиями Николая Яковлевича Мерперта, Галины Ивановны Матвеевой и Игоря Борисовича Васильева, получила в свое распоряжение двух высококлассных специалистов по древней керамике. В связи с тем, что в 1980-е гг. на территории Среднего Поволжья в результате интенсивных раскопок были накоплены новые, исключительно важные материалы по неолиту и бронзовому веку, включая естественно и керамику, обе исследовательницы значительно расширили тематику своих исследований. Ирина Николаевна начала специализироваться на изучении неолитической керамики региона, а Наталья Петровна – на анализе керамики культур бронзового века.

И.Н. Васильевой изучалась неолитическая керамика Северного Прикаспия, Волго-Уралья, Нижнего

А.А. Бобринский и И.Н. Васильева на базе СЭИДГ в пос. Прибрежном. 2001 г.

Л.В. Кузнецова, Ксения Салугина, Н.П. Салугина за работой на базе СЭИДГ в пос. Прибрежном. 2005 г.

Справа налево: И.Н. Васильева, А.А. Бобринский, Н.П. Салугина, Л.В. Краснова, Л.С. Кулакова на базе СЭИДГ в пос. Прибрежном. 2007 г.

Н.П. Салугина за изготовлением сосуда на базе СЭЭИДГ в пос. Прибрежном. 2009 г.

Доклад И.Н. Васильевой. Москва, 2013 г.

И.Н. Васильева. Сосуды после обжига. Поселок Прибрежный, 2015 г.

Н.П. Салугина за микроскопом в экспедиции в с/л «Юность», Студеный овраг, г. Самара, 2017 г.

Н.П. Салугина и И.Н. Васильева во время международного симпозиума «Современные проблемы изучения древней керамики в археологии» 29-31 октября 2013 г., Институт археологии РАН. Москва.

Поволжья, Подонья, Н.П. Салугиной – керамика эпохи бронзы, в том числе курганов у пос. Подлесный, Кашпирского кургана, Потаповского могильника и др. Особенно их привлекала проблема формирования гончарства эпохи неолита и бронзового века (Васильева, 2006а, 2006б, 2013; Салугина, 2007, 2009, 2011).

Большое внимание И.Н. Васильева и Н.П. Салугина уделяли популяризации знаний о древней керамике. Ими была подготовлена книга «Не боги горшки обжигают», выдержавшая два издания в 1997 г и 2021 г. Именно эта книга, написанная на самом высоком научном уровне, но в то же время просто и увлекательно, привлекла внимание многих молодых археологов к древней керамике.

Уже первые результаты изучения технологии керамики эпохи неолита и бронзового века Среднего Поволжья, проведенные Ириной Николаевной и Натальей Петровной, показали их высокую перспективность. В научный оборот был введен совершенно новый пласт конкретных данных, которые позволили совершенно по-новому взглянуть на многие вопросы истории древнего населения этого обширного региона. Как только археологи Среднего Поволжья и соседних территорий увидели на практике огромные возможности керамики как нового источника исторической информации, обе исследовательницы оказались буквально засыпанными просьбами изучить технологию керамики, добытой при раскопках.

В ходе этой работы Н.П. Салугиной и И.Н. Васильевой пришлось столкнуться со значительно более разнообразным материалом. И здесь закономерно возникла проблема, которая потребовала своего решения. При изучении керамики разного времени регулярно попадались следы, происхождение которых нельзя было объяснить, опираясь на уже имеющиеся знания. Из опыта работы с А.А. Бобринским было понятно, что ответ на возникшие вопросы можно было получить только с помощью специальных научных экспериментов. Так возникла идея организации Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ). Эта идея была одобрена и всячески поддержана А.А. Бобринским, который с первых дней работы экспериментальной экспедиции стал ее постоянным консультантом и научным руководителем.

Экспериментальная экспедиция по изучению древнего гончарства была организована в 1990 г. на базе Института истории и археологии УрО РАН и проведена в рамках полевого археологического советско-американского семинара около с. Устье Челябинской области, а потом переместилась на территорию Самарской области. В 1991 г. она проходила в с. Усолье Шигонского района Самарской области, когда в ней, помимо руководителей, было всего несколько участников. С тех пор экспедиция работает ежегодно уже более 30 лет (кроме двух сезонов), и число ее участников обычно достигает

30–35 человек. Деятельность экспедиции охватывает практически все аспекты изучения гончарства и идет по следующим основным направлениям: 1) создание эталонной базы экспериментальных образцов по всем ступеням гончарной технологии; 2) физическое моделирование технологических приемов, зафиксированных по древней керамике и этнографическим данным; 3) обучение студентов, аспирантов и молодых исследователей приемам изучения технологии изготовления керамики. До настоящего времени наши юбиляры остаются бесшумными руководителями этой экспедиции.

Рассказывая о работе И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной, нельзя не сказать об их значительном вкладе в разработку новых методов технико-технологического анализа древней керамики. Назовем только некоторые из их научных достижений.

Прежде всего следует остановиться на серии написанных совместно статей о методике экспериментального изучения древней керамики (Васильева, Салугина, 1999а, 1999б; 2007; 2008; 2013а, 2013б). Эти статьи посвящены не только изложению методики, но и освещению основных итогов работы экспериментальной экспедиции.

Одним из наиболее важных достижений И.Н. Васильевой было открытие совместно с А.А. Бобринским нового вида исходного пластично сырья, которое широко использовалось древнейшими гончарами – речь идет о разного вида илах (Васильева, 1994; Бобринский, Васильева, 1998). Впервые использование древними гончарами илистого сырья, богатого естественной органикой растительного и животного происхождения, было обнаружено в неолитической керамике Северного Прикаспия. Данная работа проводилась И.Н. Васильевой совместно со специалистами ботаниками и геологами. Позднее ею было предложено выделять еще и промежуточное состояние между илами и глинами, получившее название – илистая глина (Васильева, 1999а, 1999б).

Анализируя керамику из могильников эпохи бронзы, Н.П. Салугина обратила внимание на разную по внешнему виду и по прочности дробленую раковину моллюсков, присутствующую в формовочной массе в качестве искусственной добавки. Выяснение причин этого явления потребовало проведение обширной программы экспериментальных исследований. В результате Наталья Петровна пришла к важному выводу о том, что древние гончары вводили в глину раковину как в «сыром» виде, так и после нагревания на углях (Салугина, 1994; 1999а, 1999б; 2006, 2016). Одной из важных задач при выделении гончарных традиций является определение степени пластичности глинистого сырья. Неоднократные попытки установить пластичность глины по обожженной керамике из раскопок не дали положительного результата, поскольку на это свойство глинистого сырья влияет множество разных факторов.

Недавно Н.П. Салугина предложила заменить эту характеристику глины определением степени ее запесоченности, поскольку именно этот признак часто использовали сельские гончары. Ею были разработаны единые критерии оценки степени запесоченности глинистого сырья, которые можно применять при изучении археологической керамики (Турганикское поселение, 2017. С. 156).

Важной задачей, на решение которой были направлены усилия Н.П. Салугиной и И.Н. Васильевой, было стремление объединить усилия археологов, занимающихся изучением древней керамики. В 1991 г. по их инициативе и при их непосредственном участии в Куйбышеве была организована Всесоюзная конференция «Керамика как исторический источник (подходы и ме-

тоды изучения)», а в 2015 г. на базе СЭИДГ – Международная научная конференция «Современные методы и подходы к изучению археологической керамики», в работе которой, помимо отечественных специалистов, приняли участие исследователи Казахстана, Великобритании, Болгарии, Германии, Дании и Франции.

В настоящее время благодаря многолетней деятельности наших юбиляров Самара стала одним из важнейших научных центров изучения археологической керамики и древнего гончарства в целом.

Все друзья, коллеги, ученики, сотрудники СЭИДГ горячо поздравляют Наталью Петровну Салугину и Ирину Николаевну Васильеву с юбилеем и желают им новых творческих успехов в нелегком деле – исследовании древней керамики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А.А., Васильева И.Н.* О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. С. 193–214.
- Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X – XIV вв. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 247 с.
- Васильева И.Н.* Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжского региона // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти доктора исторических наук Б.А. Колчина. Программа конференции. Тезисы докладов. Санкт-Петербург. 27–30 ноября 1994 г. СПб.: СПГУ, 1994. Т. II. С. 111–112.
- Васильева И.Н.* Технология керамики энеолитического могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Печатный дом «Димур», 1999а. Вып. III. С. 15–49.
- Васильева И.Н.* Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999б. Вып. 1. С. 72–96.
- Васильева И.Н.* О происхождении гончарства // Современные проблемы археологии России. Том 1. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006а. С. 243–246.
- Васильева И.Н.* К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во «Научно-технический центр». 2006б. Вып. 4. С. 426–439.
- Васильева И.Н.* Древнейшая керамика Восточной Европы. Комментарии // Российский археологический ежегодник. СПб., 2013. № 3. С. 110–119.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Самарский ГУ, 1999а. С. 181–198.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999б. С. 234–257.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург – Сургут: Изд-во «Магеллан», 2007. С. 15–20.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М.: ИА РАН, 2008. Т. III. С. 156–159.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Экспериментальные работы Самарской экспедиции по изучению древнего гончарства // Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2008: експеримент у сучасній керамології / За редакцією докт. іст. наук Олеса Пошивайло. Опішне: Українське народознавство, 2013а. Кн. IV. Т. 1. С. 309–317.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Ульяновск: Изд-во «Печатный двор», 2013б. С. 57–89.
- Салугина Н.П.* Раковина в составе древней керамики (к постановке проблемы) // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти доктора исторических наук Б.А. Колчина. Программа конференции. Тезисы докладов. Санкт-Петербург. 27–30 ноября 1994 г. СПб.: СПГУ, 1994. Т. II. С. 148.
- Салугина Н.П.* Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья.

Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1999а. Вып. 3. С. 20–39.

Салугина Н.П. Гончарное производство населения Северного Прикаспия в эпоху ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999б. Вып. 1. С. 116–134.

Салугина Н.П. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 379.

Салугина Н.П. К проблеме формирования гончарства населения среднего бронзового века Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. Вып. VIII. С. 98–107.

Салугина Н.П. Проблема перехода населения Волго-Уралья от раннего к среднему бронзовому веку (на основе анализа посуды из погребальных комплексов) //

Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. С. 87–97.

Салугина Н.П. Результаты изучения технологии изготовления керамики ямной культуры Волго-Уралья как источник по истории населения // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. 2011. № 2 (46). С. 82–94.

Салугина Н.П. Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения естественного или искусственного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: материалы междунар. науч. конф. 24–27 мая. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 68–71.

Турганикское поселение в Оренбургской области: монография (Под общ. ред. Н.Л. Моргуновой). Оренбург: ОГПУ, 2017. 300 с.

Ю.Б. Цетлин, Е.В. Волкова

КРЕМЕНЬ, ПАЛАШИ, ВЕНЕДЫ... (К ЮБИЛЕЮ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ)

Подготовленный к публикации юбилейный сборник посвящен не только «поколению первых», то есть тем, кто пришел в самарскую археологию сразу же после открытия в Куйбышеве университета в 1969 году и начала работы в нем Галины Ивановны Матвеевой и Игоря Борисовича Васильева. О них многое сказано в статье «Они были первыми».

В 2022 году еще три самарских археолога перешли в ту возрастную категорию, когда ученые-гуманитарии, накопив опыт научной работы, находятся на пике своих творческих возможностей. Это Аркадий Иванович Королёв, Сергей Эдгардович Зубов, Алексей Владимирович Богачев. Им в 2022 г. исполнилось по 60 лет.

Лев Николаевич Гумилев в своей блестяще написанной и увлекательной книге «В поисках вымышленного царства» рассматривал исторические процессы, происходившие на территории средневековой Евразии в нескольких приближениях, в том числе: при самом близком приближении – образно, «взгляд из мышиной норы», при большем удалении от объекта исследования – «с высоты кургана» и, наконец, при наибольшем удалении – «с высоты птичьего полета». При обращении к истории зарождения и развития явления, которое иногда называют «Самарская археологическая школа», мы, похоже, уже можем рассматривать ее с точки, находящейся если не на вершине кургана, то, по крайней мере, на полпути к ней. С этой точки зрения наши коллеги, отметившие свое 60-летие, входят в число тех, кто закладывал основы современной самарской археологии. Да, они пришли в археологию позже поколения самой первой волны учеников Галины Ивановны Матвеевой и Игоря Борисовича Васильева. В 70-80-е годы XX века, когда начала развиваться археология в Куйбышеве (ныне – Самара), это казалось существенным различием. Сейчас же, спустя 50 лет, всех, кто пришел в археологию тогда, можно рассматривать как археологов одного поколения.

Немного о названии предлагаемого читателю текста. В нем обозначены некоторые темы, которые являются или когда-то являлись сферами научных интересов юбиляров.

Сфера научных интересов Аркадия Ивановича Королева – неолит, энеолит и неотъемлемая часть этих эпох – кремневый инвентарь, а также полевая археология. Она определилась во время экспедиции 1984 года, которую возглавлял Александр Алексеевич Выборнов. Экспедиция работала в Мордовии и осуществляла раскопки ряда интереснейших стоянок неолита и энеолита. Почти 35 лет Аркадий Иванович работает в Самарском государственном социально-педагогическом университете (ранее КГПИ, СГПУ, ПГСГА, СГСПУ) – высшем учебном заведении, которое окончил в 1987 году, пройдя все ступеньки должностной лестницы вуза.

Младший научный сотрудник, ассистент, старший преподаватель, доцент, декан исторического факультета – таков этот путь. Аркадий Иванович – преподаватель от Бога. В экспедициях он всегда со студентами, объясняет, показывает, организует. Даже занимая весьма ответственную и столь же хлопотную должность декана, находит возможность и время для выезда со студентами на археологическую практику. Участвуя в разведочных работах и раскопках, объездил всю Самарскую область, работал в Рязанской, Ульяновской, Московской, Тамбовской, Пензенской, Владимирской областях, Ханты-Мансийском округе, на территории Мордовии, Чувашии, Марий Эл. До распада Советского Союза участвовал в хозяйственных работах на Украине. Среди наиболее интересных памятников археологии, которые были исследованы А.И. Королевым за последние годы, следует назвать энеолитические могильники – Екатериновский мыс (работы осуществлялись совместно с А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенковым) и Максимовка I (работы осуществлялись совместно с А.А. Шалапининым).

Первоначально основная сфера научных интересов Сергея Эдгардовича Зубова – история оседлого населения Волго-Камья в раннем железном веке, прежде всего, его вооружения и военного дела. Однако деятельность С.Э. Зубова как исследователя-археолога связана и с другими эпохами – ранним и развитым средневековьем, новым временем. Он занимался и занимается историей ранних болгар и мадьяр на Волге. В настоящее время С.Э. Зубов руководит междисциплинарным научно-исследовательским проектом «Военный поход Амира Тимура в Дешт-и-Кыпчак (Золотую Орду) в 1391 году». Среди наиболее значимых результатов работ археологических экспедиций, организованных и возглавляемых Сергеем Эдгардовичем, следует указать исследование Кипчаковского I курганно-грунтового могильника эпохи раннего железа в Башкортостане и раскопки остатков крепостного вала деревянно-земляной крепости Самары эпохи Петра Великого (1703–1706 гг.). Сложилось так, что научную и преподавательскую деятельность С.Э. Зубов чередовал с работой в органах государственного управления Самарской области, где в его функции входила реализация проектов историко-краеведческой направленности. С 2013 года он работает научным руководителем научно-исследовательской лаборатории археологии в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева.

Алексей Владимирович Богачев еще в студенческие годы определился с тематикой своих изысканий. Сферой его научных интересов стало Среднее Поволжье в эпоху раннего средневековья. История гуннов и ранних болгар, именьковская культура на протяжении

длительного времени оставались в центре внимания исследователя. В последние годы А.В. Богачев расширил поле своего научного поиска и обратился к изучению культурно-исторических процессов, протекавших на территории Европейского континента в I тысячелетии. В результате им совместно с другими авторами были написаны несколько статей и монографий, посвященных этой тематике. Одна из последних – монография «Венеды: индоевропейский контекст», вышедшая в свет в 2022 году. Особо следует отметить деятельность Алексея Владимировича Богачева по популяризации исторических знаний и археологии как науки. Он снимал документальные фильмы, посвященные археологам, археологическим памятникам, народам и различным периодам в истории Поволжья. Он является

автором энциклопедического словаря по археологии Самарского края, соавтором нескольких научно-популярных и монографических изданий по истории Поволжья, двух историко-фантастических книг, создал и ведет в интернете канал «Археология+». Алексей Владимирович работал научным сотрудником, преподавателем, заведующим кафедрой, деканом в разных научно-исследовательских организациях, вузах Самары, и в любом качестве оставался верен выбору своей юности – археологии.

Аркадий Иванович Королев, Сергей Эдгардович Зубов, Алексей Владимирович Богачев сделали многое в археологии и для археологии. Уверен, их ждут новые интересные исследования и открытия. Успехов вам, друзья и коллеги!

В.Н. Мышкин

А.И. Королев на раскопках курганного могильника Просвет I. 2005 г.

А.И. Королев со студентами-практикантами перед началом раскопок могильника Екатериновский мыс.
2018 г.

А.И. Королев с находками из погребений могильника Екатериновский мыс.

С.Э.Зубов, А.М. Губайдуллин, Р.Ф. Шарифуллин.
Казань. 2006 г.

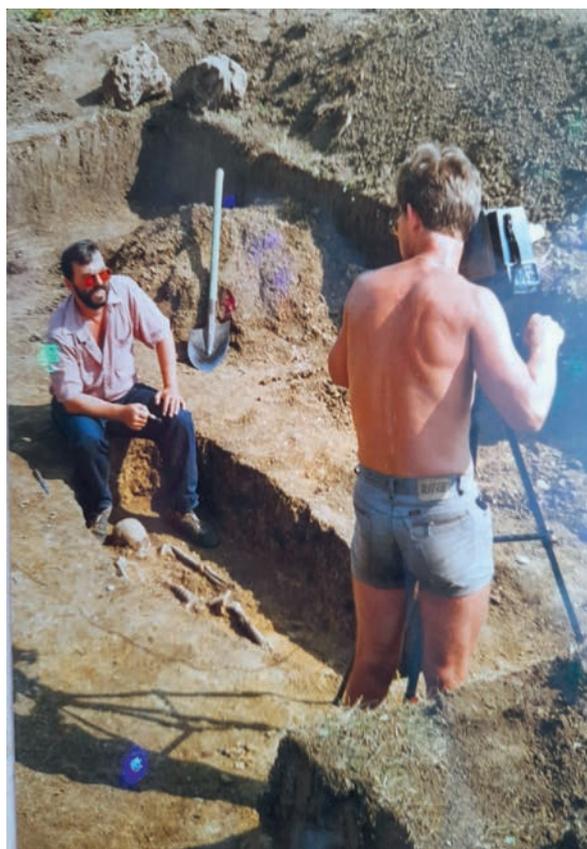
С.Э. Зубов выступает на VII Международном
Золотоордынском форуме. Казань. 2022 г.

А.Д. Таиров, А.Х. Пшеничнюк, С.Э. Зубов. VIII Сарматское совещание. Уфа. 2014 г.

Алексей Богачев с В.Б. Ковалевской
на некрополе Даргавс. Сев. Осетия. 1988 г.

А.В. Богачев на раскопках
Брусянского II могильника. 1996 г.

А.В. Богачев в Музей археологии г. Гамбурга, Германия. 2019 г.

АРКАДИЙ ИВАНОВИЧ КОРОЛЕВ

Родился 18 февраля 1962 г. в г. Ангарске Иркутской области. В школу пошел в г. Братске Иркутской области. В 1970 г. его семья переехала в Киргизскую ССР, а в 1975 г. переехала в г. Тольятти, где он и закончил среднюю школу № 45. В школьные годы возникло увлечение историей. После окончания школы в 1979 г. Аркадий Иванович несколько лет работал в механосборочном производстве ВАЗа. Однако интерес к истории не пропал, и в 1982 г. Аркадий Иванович поступил на исторический факультет Куйбышевского государственного педагогического института им. В.В. Куйбышева. В качестве специализации была выбрана археология. Сфера научных интересов в археологии – неолит и энеолит – определилась во время экспедиции под руководством Александра Алексеевича Выборнова. В 1984 г. экспедиция работала в Мордовии, и студенты имели возможность участвовать в раскопках таких интересных стоянок как Имерка IА, Имерка VII, Новый Усад IV вместе с известными археологами В.П. Третьяковым, В.Я. Шумкиным, В.С. Бузиным. С этого времени территория Примокшанья стала, хотя и с перерывами, местом экспедиций с участием или под руководством Аркадия Ивановича Королева, а энеолит этого региона стал его научной темой.

В 1985 г. Аркадий Иванович по рекомендации И.Б. Васильева и А.А. Выборнова организовал школьный археологический кружок, работой которой руководил в течение 15 лет. Кружковцы принимали участие в раскопках, осуществлявшихся на территории Куйбышевской (сейчас Самарской) и Рязанской областей, в Мордовии. В 1987 г. после окончания вуза Аркадий Иванович стал работать учителем истории

в школе № 78, где продолжил заниматься школьной археологией.

В 1989 г. он был принят младшим научным сотрудником в археологическую лабораторию КГПИ. В 1991 г. стал работать ассистентом на кафедре археологии и истории Древнего мира КГПИ, а затем старшим преподавателем. С 1998 г. А.И. Королев часто совместно с археологами из других регионов (В.В. Никитиным, В.В. Сидоровым, В.П. Челябиновым, А.В. Вискалиным, Н.С. Березиной, А.Ю. Березиным) исследовал памятники неолита и энеолита на территории Мордовии (Широмасово II), Ульяновской (Ховрино), Рязанской (Городок I), Московской (Минино II), Тамбовской (Кипец I), Пензенской (Озименки II, Усть-Кадада), Владимирской (Дмитриевская Слобода) областей, в Республике Марий Эл (Сутыри V) и Чувашской Республике (Утюж I). Результаты раскопок становились основой докладов А.И. Королева на научных конференциях, из которых необходимо выделить семинар «Тверская земля и сопредельные территории в древности», ежегодно проводимый в Твери Игорем Николаевичем Черных.

А.И. Королев под руководством А.А. Выборнова написал кандидатскую диссертацию «Энеолит Примокшанья и Верхнего Посурья», которую успешно защитил в 1999 г. в Удмуртском государственном университете (Ижевск).

В 2000 г. Аркадий Иванович был переведен на должность доцента кафедры археологии и истории Древнего мира, с 2005 г. работал заместителем декана по учебной работе исторического факультета, затем по заочному отделению. В ноябре 2012 г. был назначен исполняющим обязанности декана исторического факультета, в 2013 г. избран и по настоящее время работает деканом исторического факультета в Самарском государственном социально-педагогическом университете (ранее КГПИ-СГПУ-ПГСГА).

А.И. Королев ежегодно на протяжении многих лет руководит археологической практикой студентов 1 курса исторического факультета своего вуза. Он участвовал в исследованиях поселения и рудника Михайло-Овсянка, поселения Нижняя Орлянка II, стоянок Троицкое V, Лебяжинка IV и Чекалино IV, поселений Лебяжинка V и VI, курганов у с. Лозовка и с. Новые Ключи на территории Самарской области. Вместе со студентами-практикантами также участвовал в раскопках памятников, расположенных в Московской области (Красная Пахра), Мордовии (Имерка VIII, Волгапино), Чувашии (Утюж I, Молёбное озеро II). С 2013 г. археологическая практика проводится на могильниках энеолита Самарской области. В содружестве с сотрудниками СОИКМ им. П.В. Алабина А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенковым в Безенчукском районе был изучен крупный энеолитический могильник Екатериновский

мыс, включающий 100 погребений. С 2018 г. вместе с научным сотрудником археологической организации «Метрикум» А.А. Шалапининым А.И. Королев проводит раскопки на грунтовом могильнике Максимовка I.

Аркадий Иванович Королев является автором 118 научных работ. Сфера научных интересов – неолит, энеолит, полевая археология.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ А.И. КОРОЛЕВА

1990

Королев А.И., Третьяков В.П. Энеолитические памятники Примокшанья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 28–40.

1995

Королев А.И. Поселение волосовской культуры Имерка IБ на реке Вад // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995. С. 191–205.

Выборнов А.А., Королев А.И. Поселение Имерка IV в Примокшанье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995. С. 110–122.

1996

Королев А.И. Многослойное поселение Имерка VIII на реке Вад // Историко-археологические изыскания. Самара, 1996. Вып. 1. С. 113–148.

1998

Королев А.И., Ставицкий В.В. Поселение Волгапино на реке Мокше // Исторические исследования. Самара, 1998. Вып. 2. С. 226–253.

1999

Королев А.И. Материалы по хронологии энеолита Примокшанья // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1. С. 103–111.

2000

Выборнов А.А., Глущенко С.А., Королев А.И. Поселение волосовской культуры Парат XII в Марийском Поволжье // Исторические исследования. Самара, 2000. Вып. 3. С. 299–312.

Королев А.И. К вопросу о финале волосовской культуры в Примокшанье и Верхнем Посурье // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 337–343.

2002

Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Поселение Ховрино в Посурье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2. С. 58–80.

2003

Королев А.И. Волосовская керамика Примокшанья и Верхнего Посурья // Тверской археологический сборник. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 332–341.

2004

Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В., Челябинцев В.П. Ранний комплекс поселения Городок 1 на реке Ранова в Рязанской области // Исторические исследования. Сборник научных трудов. Самара, 2004. Вып. 5. С. 162–193.

2006

Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитическая керамика поселения Озименки 2 // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 113–120.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза, 2006. 202 с.

2008

Королев А.И. Глава 5. Энеолит // Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы. Саранск, 2008. С. 107–133.

2009

Королев А.И., Ставицкий В.В. Поселение и могильник эпохи раннего металла у с. Широмазово // Древности Окско-Сурского междуречья. Саранск, 2009. Вып. 3. С. 5–22.

Королев А.И., Овчинникова Н.В. К вопросу о культурно-хронологической принадлежности керамики «с внутренним ребром» с поселений Самарского Поволжья // Тверской археологический сборник. Тверь, 2009. Вып. 7. С. 296–304.

2010

Королев А.И., Шалапинин А.А. Радиоуглеродное датирование ранних материалов волосовской культуры Среднего Поволжья // Известия СНЦ РАН. Самара, 2010. Т. 12. № 2 (34). С. 256–260.

2011

Королев А.И. Материалы лесного круга со стоянки Чекалино IV лесостепного Заволжья (по результатам раскопок 2007 года) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2011. Вып. 8. С. 219–228.

2012

Королев А.И. К вопросу о месте материалов поселения Лебяжинка III в энеолите Средней Волги // Проблемы истории, археологии, образования. Сбор. науч. трудов. Самара: ПГСГА, 2012. С. 31–42.

2013

Королев А.И. Поселение эпохи раннего металла Сутырское V в Марийском Поволжье (по результатам раскопок 2000 года) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2013. Вып. 9. С. 295–312.

Королев А.И., Кулькова М.А., Шалапинин А.А. Новые данные об абсолютном возрасте энеолитических материалов Гундоровского поселения лесостепного Заволжья // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2013. С. 150–152.

2014

Королев А.И., Шалапинин А.А. К вопросу о хронологии и периодизации энеолита степного и лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Самара, 2014. Т. 16. № 3. С. 266–275.

Королев А.И., Рослякова Н.В. Хозяйственная деятельность в энеолите лесостепного Поволжья (по материалам поселения Лебяжинка VI) // Археология озерных поселений IV-II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. Материалы международной конференции СПб.: Эрмитаж, 2014. С. 254–258.

2015

Королев А.И. О культурных связях лесного и лесостепного Среднего Поволжья в неолите // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье: сбор. статей. АЭМК. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. Вып. 31. С. 126–135.

Королев А.И., Косинцев П.А. Хозяйство волосовского населения Примокшанья (по данным поселения Имерка VIII) // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 295–298.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН. Самара, 2015. Т. 17. № 3 (2). С. 514–517.

2016

Королев А.И., Шалапинин А.А., Козин С.В. Каменный инвентарь жилища 1 поселения Лебяжинка VI (к постановке вопроса) // Известия СНЦ РАН. Самара, 2016. Т. 18. № 6. С. 188–194.

Королев А.И., Шалапинин А.А., Яниш Е.Ю. К изучению рыболовства в энеолите лесостепного Поволжья (по материалам раскопок поселения Лебяжинка VI в 2013–2014 гг.) // СНВ. Самара, 2016. № 4 (17). С. 89–91.

2017

Королев А.И., Шалапинин А.А. Поселение Лебяжинка VI – памятник эпохи энеолита в Самарском Поволжье (итоги раскопок 2013–2014 гг.) // ПА. Казань, 2017. № 1 (19). С. 71–91.

2018

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. К изучению обряда порчи вещей по данным могильника Екатериновский мыс // Археология восточноевропейской лесостепи: сбор. науч. статей междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко (г. Белгород, 14–16 декабря 2017 года) / Отв. ред. В.А. Сарапулкин. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. С. 3–10.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В., Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // Поздняя предыстория Евразии: социальные модели и культовая практика. *Stratum plus*. 2018. № 2. С. 285–302.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский мыс // ПА. Казань, 2018. № 3 (25). С. 58–67.

Korolev A., Kulkova M., Platonov V., Rosljikova N., Shalapunin A., Yanish E. Archaeological materials of eneolithic settlements in forest-steppe zone of the Volga region: a source for diet and chronology. *Radiocarbon*. 2018. Vol. 60. № 5. P. 1587–1596.

2019

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Керамика грунтового могильника Екатериновский мыс (по материалам раскопок 2013–2016 гг.) // ПА. Казань, 2019. № 1 (27). С. 18–32.

Королев А.И., Ставицкий В.В., Хохлов А.А. О вооруженном насилии в эпоху раннего металла (по материалам грунтового могильника Кипец I в верховьях р. Вороны) // Вражда и ваджра: Сила и слава праистории. *Stratum plus*. 2019. № 2. С. 225–236.

Korolev A., Kochkina A., Stashenkov D. The Early Eneolithic burial ground at Ekaterinovskiy Cape in the forest-steppe Volga region // *Documenta Praehistorica*. XLVI. 2019. С. 388–397.

Васильева И.Н., Королев А.И., Шалапинин А.А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка VI: морфология и технология // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V – III тыс. до н.э. Сбор. науч. статей. Оренбург, 2019. С. 28–42.

2020

Васильева И.Н., Королев А.И., Шалапинин А.А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка III: морфология и технология // Самарский край в истории России. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения П.В. Алабина / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. Вып. 7. С. 199–210.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Вещь в контексте жертвенного комплекса по данным могильника Екатериновский мыс // Вещь в контексте погребального обряда. Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. Материалы международной конф. М.: РГГУ, 2020. С. 24–34.

2021

Королев А.И., Мышкин В.Н., Шалапинин А.А. Результаты работ на грунтовом могильнике Максимовка I в лесостепном Поволжье в 2018 г. // *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. Is. 3. С. 515–530.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Хвалынская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: Изд-во АН РТ, 2021.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Памятники лебяжинского типа // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: Изд-во АН РТ, 2021.

Королев А.И. Памятники позднего энеолита лесостепного Поволжья // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: Изд-во АН РТ, 2021.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Имеркская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: Изд-во АН РТ, 2021.

Королев А.И. Поздняковская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: Изд-во АН РТ, 2021.

2023

Королев А.И., Шалапинин А.А. Грунтовый могильник и селище Максимовка I в лесостепном Поволжье (результаты исследований в 2020 г.) // Прочнее меди. Сборник статей к 80-летию В.А. Дергачева // *Stratum Plus*. Университет Высшая антропологическая школа; составитель и ответственный редактор: Л.В. Дергачева; редколлегия: Д.А. Топал [и др.]. Кишинэу, 2023. С. 137–157.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Каменный инвентарь погребений могильника Екатериновский мыс // Археология Евразийских степей. Казань, 2023. № 1. С. 288–300.

Королев А.И., Шалапинин А.А. Скорченные погребения грунтового могильника Максимовка I эпохи энеолита // Археология Евразийских степей. Казань, 2023. № 1. С. 314–327.

Выборнов А.А., Королев А.И., Кулькова М.А., Моргунова Н.Л., Пархомчук Е.В., Шалапинин А.А. Радиоуглеродная хронология могильника у с. Съезжее // Археология Евразийских степей. Казань, 2023. № 4. С. 212–220.

СЕРГЕЙ ЭДГАРДОВИЧ ЗУБОВ

Родился 30 августа 1962 года в Куйбышеве (Самаре).

После окончания средней школы в 1979 году и до призыва в ряды Советской Армии (1980–1982 гг.) работал на машиностроительном заводе им. Фрунзе оператором станков с программным управлением. Являлся неосвобожденным секретарем комсомольской организации цеха № 20.

После окончания в 1988 году исторического факультета Куйбышевского государственного университета работал учителем географии в средней школе № 15, руководителем археологического кружка в Городском Дворце пионеров и преподавал исторические дисциплины в Куйбышевском речном техникуме.

До 1993 года работал научным сотрудником в археологических лабораториях Куйбышевского государственного университета и Самарского государственного педагогического института. В период с 1991 по 1992 год работал начальником сектора археологии Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Управления культуры Самарского облисполкома. С 1993 по 1997 год был директором межрегиональной межведомственной научной историко-культурной ассоциации «Артефакт».

С 1997 по 2000 год работал в департаменте по социальной политике и аппарате Администрации Самарской области. Курировал отдельные направления историко-культурного, национального и конфессионального характера.

В течение этого времени был разработчиком областной программы «Самарская область на пути к культуре мира» и координатором по Самарской области одноименного проекта в рамках Программы ЮНЕСКО «Культура мира» и пилотного проекта Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО «Культура мира в России – год 2000». Был инициатором и одним из разработчиков Закона Самарской области «О наградах Самарской области». В составе рабочей группы в 2000–2001 гг. принимал участие в организационно-методической работе по строительству памятника воинам-интернационалистам, погибшим в локальных войнах на пл. Памяти в г. Самаре, инициировал установку памятного знака на месте будущего памятника князю Г.О. Засекину, основателю и первому воеводе Самары, а в дальнейшем принимал участие в организации создания и установки памятника в 2014 г. Являлся координатором по Самарской области Всероссийского проекта «Исторические города и регионы России» и ответственным разработчиком проекта областной программы Празднования 150-летия Самарской губернии, затем – ответственным секретарем Оргкомитета по подготовке и проведению празднования 150-летия Самарской губернии под председательством вице-губернатора области В.А. Казакова. Являлся координатором благотворительного издательского проекта по изданию книги Г.Ш. Сагирова «Неповторимая мелодия» на татарском и русском языках и ответственным редактором этого издания (1999 г.). С 2000 года был руководителем проекта и председателем организационного комитета по проведению Всероссийских и областных передвижных фотовыставок «На главной улице России». Большой объем материала позволил создать ряд тематических выставок для экспонирования на экономических миссиях Администрации Самарской области и Торгово-промышленной палаты в различных регионах России и странах Европы, в волжских городах при проведении благотворительной акции «Волга Православная», в городах и районах области.

В 2001 году из Аппарата Губернатора Правительства Самарской области переведен в Самарский губернский фонд поддержки общественных инициатив, созданный в соответствии с Постановлением Губернатора Самарской области К.А. Титова № 322 от 19.10.2000 г., на должность генерального директора.

За это время под руководством С.Э. Зубова было реализовано более пятидесяти крупных проектов областного значения, десять телепроектов историко-краеведческой направленности и более двадцати издательских проектов. Среди них «Деревянное зодчество Самары» В.Г. Каркаряна и «История градостроительства Самарской области» А.К. Синельника, статистические сборники «150 лет Самарской губернии», «Города и районы Самарской области», «Самарский статистиче-

ский ежегодник», краеведческий двухтомник «Годы и события. Хроника» (1851–2000 гг.), брошюра «Символика Самарской области», книги «Самарские имена в современной цивилизации». Под руководством С.Э. Зубова и М.Г. Федорова была издана фундаментальная историко-церковная энциклопедия «Православные святыни Самарского края», второе издание которой было подготовлено и осуществлено по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго к Всероссийскому празднованию Дня славянской письменности и культуры (май, 2004, Самара) в формате мультимедийной энциклопедии.

В 2004 году являлся членом Оргкомитета по подготовке и проведению в г. Самаре Всероссийского празднования Дня славянской письменности и культуры (День святых равноапостольных Кирилла и Мефодия) (май, 2004).

В мае 2005 года вышла в свет книга «Нравственно обязан» – историко-публицистические очерки о традициях благотворительности в Самарской губернии на рубеже XIX–XX веков, где С.Э. Зубов совместно с Председателем Правительства Самарской области С.А. Сычевым являлся соруководителем проекта и ответственным редактором издания.

В 2001–2005 гг. С.Э. Зубов курировал деятельность областной геральдической комиссии под председательством вице-губернатора Самарской области. Им были разработаны геральдические символы ряда муниципальных образований области и сельских поселений, которые были одобрены Геральдическим Советом при Президенте РФ и внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации. Плодотворная деятельность в разработке геральдических символов Самарской области была неоднократно отмечена в докладах Главного герольдмейстера РФ академика В.Г. Вилинбахова.

В мае 2006 года на заседании диссертационного совета при Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан С.Э. Зубовым была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 «археология» на тему «Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв. (к вопросу об этнокультурной компоненте)».

С сентября 2006 по февраль 2012 год С.Э. Зубов преподавал курсы ряда дисциплин по истории туризма и гостеприимства, историческому и экологическому туризму, региональному историко-культурному и экскурсионному ресурсоведению, туристскому и экскурсионному менеджменту на кафедре социально-культурного сервиса и туризма Самарского муниципального института управления (СМИУ). С апреля 2007 г. по май 2008 г. С.Э. Зубов работал в Самарском филиале Российского государственного университета туризма и сервиса заместителем директора по научной работе. С сентября

2008 г. – заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Самарского муниципального института управления (с января 2010 г. СМИУ переименован в Самарскую академию государственного и муниципального управления – САГМУ). В течение 2012 года работал в научно-исследовательском центре индустриальной археологии, музеологии и туризма Самарского государственного технического университета (СамГТУ) в должности директора НИЦ и в Автономной некоммерческой организации «Новая стратегия» в должности консультанта директора по вопросам культуры, науки и образования.

С 2013 года по настоящее время работает в Самарском университете в Научно-исследовательской лаборатории археологии, являясь ее научным руководителем. Доцент кафедры социологии и культурологии Самарского университета.

За это время под его руководством проведено множество археологических экспедиций, часть из которых была проведена в рамках хозяйственного освоения земельных участков при выполнении договоров по проведению государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, отводимых под нужды нефтегазовой, строительной, дорожной и других экономических отраслей страны.

Под общим руководством С.Э. Зубова археологам Самарского университета (2013–2014 гг.) удалось выявить остатки крепостного вала деревянно-земляной крепости Самары эпохи Петра Великого (1703–1706 гг.). Уникальные археологические исследования в исторической части Самары привлекли внимание министра культуры РФ В.Р. Мединского, Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе М.В. Бабица, депутата Государственной Думы А.Е. Хинштейна, председателя Самарской Губернской Думы В.Ф. Сазонова, Главы г.о. Самара Д.И. Азарова и др., которые приняли участие в презентации материалов на месте раскопок.

В научно-исследовательской работе археологического кластера Самарского университета С.Э. Зубов выстроил эффективную модель совместных исследований, объединяющих различные научные направления университета, а ведущая научная тема лаборатории обозначена как «Применение естественнонаучных и инженерно-технических методов исследования в археологии».

Кроме успешной организации работы научного подразделения Самарского университета С.Э. Зубов проводил и продолжает работу по научному руководству ряда проектов российского и международного уровня.

В 2015–2016 гг. являлся научным руководителем успешно реализованного Президентского гранта «Хлебная площадь – территория исторической памяти».

В течение 2015–2016 гг. был научным руководителем разработки Концепции развития территории Хлебной площади г.о. Самара как социокультурного и рекреационно-туристского объекта г. Самары «Меняющаяся площадь в меняющемся городе» по субсидии Минэкономразвития Самарской области.

С 2019 года С.Э. Зубов является руководителем международного мультидисциплинарного научно-исследовательского проекта «Ранние мадьяры на Волге». В рамках данного проекта разработан пилотный проект Виртуального музея археологии и разрабатываются новые подходы к организации музейных археологических выставок.

В 2022 году осуществлял научное руководство проекта «Применение естественнонаучных и инженерно-технических методов исследования в археологии», одобренного Дирекцией Программы развития Самарского университета на 2021–2030 годы в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» Министерства науки и высшего образования РФ.

В 2023 году С.Э. Зубов в качестве руководителя научных исследований запустил пилотный проект Международного междисциплинарного научно-исследовательского проекта «Военный поход Амира Тимура в Дешт-и-Кыпчак (Золотую Орду) в 1391 году», рассчитанный на 5 лет. Авторский коллектив под руководством С.Э. Зубова проводит исследования по локализации места крупнейшего сражения средневековья между войсками Хана Тохтамыша и Амира Тимура в 1391 году на Кондурче. Данный проект направлен не только на археологические исследования, позволяющие выявить точное место сражения, но и расширить исторические знания по вовлеченности территорий нашего региона в большую политику Евразии в XIV–XV вв. Результаты данного проекта позволят усилить туристическую привлекательность Самарского края и значительно расширить совместную научно-исследовательскую деятельность между высшими учебными заведениями Самарской области и Республики Узбекистан.

С.Э. Зубов является автором более 100 научных статей по древней истории народов Поволжья, в том числе, четырех учебных пособий историко-краеведческого характера в соавторстве с ведущими учеными области («Древние культуры и этносы Самарского Поволжья» (2007), «Ресурсы этнического туризма в Самарской области» (Самара, 2007), «Самарское краеведение: религии и конфессии» (Самара, 2008), «История туризма» (Самара, 2010) и трех монографических исследований «Праболгары на Средней Волге» (Самара, 1998), «Андреевский курган в системе археологических культур Восточной Европы» (Казань, 2009) и «Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв. н.э.)» (Saarbrücken, Germany, 2011).

В издательстве «Бук Хауз» (Москва, 2005) вышли в свет два тома научно-популярной энциклопедии «Вели-

кое переселение» и «Перед нашествием» в серии «Сокровища ойкумены» / «История мировой культуры», где С.Э. Зубов выступил автором разделов в соавторстве с другими учеными страны. Работы С.Э. Зубова опубликованы в Башкирской энциклопедии (Уфа, 2007) и в многотомной «Истории башкирского народа» (Уфа, 2009, 2010), многотомном издании «Археология Волго-Уралья» Института археологии Академии наук Республики Татарстан (Казань, 2021).

Результаты исследований С.Э. Зубова были неоднократно представлены на крупнейших научных форумах России, а также Германии, Венгрии, Болгарии, Узбекистана и Казахстана.

Последние научные достижения в области истории и археологии опубликованы им в популярной форме в ряде областных периодических изданий и представлены в виде прямых эфиров на телевидении и радио.

Административную, научную и педагогическую работу С.Э. Зубов совмещает с общественной.

В 2002 году принимал участие в разработке, организации и проведении Учредительного съезда «Лиги самарских землячеств», в дальнейшем являясь постоянным участником Лиги (2004, 2006, 2008). В период с 2003 по 2004 годы являлся членом организационного комитета по разработке областной целевой программы «Имиджевая политика Самарской области». С 2004 года является членом Научно-методического координационного экспертного Совета при Министре культуры и молодежной политики Правительства Самарской области. В марте 2005 года на областном археологическом съезде был избран в Совет Самарского археологического общества и был его руководителем на общественных началах в должности исполнительного директора САО до 2009 года.

В 2006–2010 гг. участвовал в работе общественной экспертной комиссии по культуре при Самарской Губернской Думе, где курировал вопросы культуры, истории, туристской деятельности и региональной имиджевой политики. С 2010 года – член Научно-методического экспертного Совета по вопросам сохранения историко-культурного археологического наследия Самарской области. В 2011–2015 гг. являлся членом Общественного совета по туризму при Министерстве спорта, туризма и молодежной политике Правительства Самарской области. С 2015 по 2020 год являлся членом Коллегии Управления государственной охраны объектов культурного наследия Самарской области. С 2023 года является членом Совета по международным отношениям при губернаторе Самарской области.

С.Э. Зубов имеет различные виды наград, удостоверяющие публичное признание его заслуг и ряд многочисленных благодарственных писем, в том числе:

Медаль Лауреата Всероссийского Выставочного Центра, март, 2000 г.

Благодарственное письмо Главы города Новокуйбышевска А.П. Нефедова за разработку эскизов и содействие в изготовлении нагрудного Знака главы города, 2001 г.

Наградной знак «Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий» II степени за труды на ниве православной культуры и просвещения, 21 мая 2004 г.

Почетная грамота Губернатора Самарской области К.А. Титова за большой вклад в организацию и проведение Всероссийского праздника Дня славянской письменности и культуры 23–25 мая 2004 года, октябрь 2004 г.

Медаль «К 100-летию М.А. Шолохова» за издательскую деятельность историко-краеведческой направленности, май 2005 г.

Благодарность за участие в движении милосердия, за помощь в акции «Волга – Православная 2005», июнь 2005 г.

Благодарственное письмо директора Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина Л.В. Кузнецовой за помощь в проведении фестиваля «Битва Тимура и Тохтамыша на реке Кондурче», июль 2005 г.

Благодарственное письмо Главы муниципального района Алексеевский А.А. Перова за организацию и проведение научно-исследовательских работ по археологическому изучению сельской усадьбы великого русского писателя графа Л.Н. Толстого у пос. Гавриловский Алексеевского района Самарской области, 2007 г.

Почетная грамота Главного герольдмейстера РФ Г.В. Вилинбахова за большой вклад в развитие отечественной геральдики, плодотворную работу по разработке официальных символов муниципальных образований Самарской области, 2010 г.

Почетная грамота II степени Главы городского округа Самара Д.И. Азарова за многолетний безупречный труд и значительные заслуги перед городом Самарой, 2014 г.

Благодарственное письмо ректора Самарского университета Е.В. Шахматова за большой вклад в организацию и проведение юбилейной Всероссийской (с международным участием) L Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых, 2018 г.

Благодарственное письмо Губернатора Самарской области Д.И. Азарова за значительный личный вклад в социально-экономическое развитие региона и укрепление институтов гражданского общества Самарской области, 2018 г.

Диплом Самарской Губернской Думы за многолетний плодотворный труд и высокие достижения в сфере науки и высшего образования, 2019 г.

Благодарственное письмо Губернатора Самарской области Д.И. Азарова за участие в реализации первого этапа Международного мультидисциплинарного научно-исследовательского проекта «Ранние мадьяры на Волге», 2019.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ С.Э. ЗУБОВА

Монографии, каталоги и альбомы

Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с. 38 усл. печ. л. (в соавт. с Р.С. Багаутдиновым и А.В. Богачевым).

Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII-VIII вв. (к вопросу об этно-культурной компоненте). Специальность 07.00.06 – археология. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань – 2006. 318 с.

Андреевский курган в системе археологических культур Восточной Европы. Казань: Институт Истории АН РТ, 2009. 173 с., ил. 21,7 усл. печ. л. (в соавт. с В.В. Гришаковым).

Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв. н.э.). Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. 2011. 208 с., илл. 13 усл. п. л.

Потомки хана Кубрата (Материалы к археологической выставке). Самара. 2001. 32 с. 2,0 усл. печ. л. (в соавт. с Р.С. Багаутдиновым, А.В. Богачевым, Д.А. Сташенковым).

Золото серебряных болгар // Великое переселение (серия «Сокровища ойкумены» / «История мировой культуры»). Москва: «Бук Хауз», 2005. С. 86–89 (в соавт. с Р.С. Багаутдиновым, А.В. Богачевым).

Всадники без головы // Перед нашествием (серия «Сокровища ойкумены» / «История мировой культуры»). Москва: «Бук Хауз», 2005. С. 40–41 (в соавт. с А.В. Богачевым).

Научные статьи

Междуреченское городище // Краеведческие записки. Самара, 1995. Вып. VII. С. 208–225 (в соавт. с Г.И. Матвеевой, С.И. Приказчиковым).

Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во: «Самарский университет», 2004. Вып. 2. С. 267–279.

Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII-VIII вв. (к вопросу об этно-культурной компоненте). Специальность 07.00.06 – археология. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 22 с.

Ранние палаши Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во: ЮУрГУ, 2007. С. 124–133.

Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1990–1966). Материалы Международной конференции (20–22 апреля 2007 г.). Уфа: Изд-во «Китап», 2007. С. 239–246.

Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. Уфа: Изд-во «Гилем», 2007. Вып. 6–7. С. 72–88.

Пьяноборская культура // История башкирского народа: в 7 т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. М.: «Наука», 2009. Т. I. С. 255–267.

Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // Уфимский археологический вестник. Уфа: Изд-во «Гилем», 2010. Вып. 10. С. 64–84.

О военной структуре среднебельских племен раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника) // Уфимский археологический вестник. Уфа: Изд-во «Гилем», 2012. Вып. 12. С. 108–123.

Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. // Уфимский археологический вестник. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. Вып. 14. С. 94–104. (в соавт. с О.А. Радюшем).

Декапитация и воинские трофеи в погребальной обрядности памятников раннего железного века Волго-Уралья. К постановке проблемы // «Поволжские финны и их соседи в древности и средние века», IV Всероссийская науч. конф. (2016; Саранск). IV Всероссийская научная конференция «Поволжские финны и их соседи в древности и средние века», 28 октября 2016 г.: [материалы] / Редкол.: В.В. Гришаков (отв. ред.) [и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2016. С. 28–36.

История изучения памятников писеральско-андреевского типа // Археология евразийских степей. Эпоха Великого переселения народов. Материалы Всероссийской научной конференции «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.». Казань, 2018. № 1. С. 9–16.

Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 210–214. (в соавт. с Р.Р. Саттаровым).

Новые материалы позднесарматского времени в Самарском Заволжье (курганный могильник Конезавод I) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 103–111 (в соавт. с Р.С. Багаутдиновым).

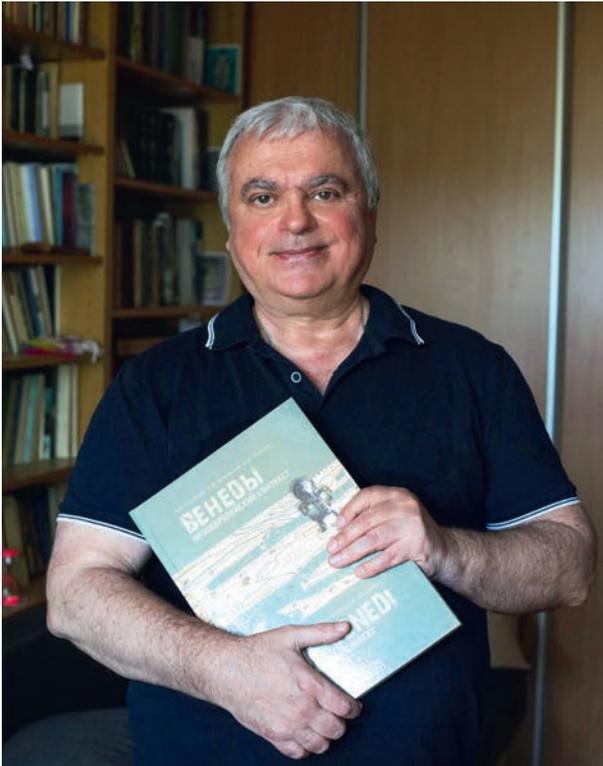
Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // Археология евразийских степей. Казань, 2021. № 2. С. 261–300 (в соавт. с Р.Р. Саттаровым, Ф.М. Тагировым).

Животный мир в культурах и украшениях пьяноборской культуры: к постановке проблемы (по материалам памятников Бельско-Сюньского междуречья) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2021. Т. 21. № 1. С. 78–88. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.007>

Памятники писеральско-андреевского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Институт археологии АН НМ (Отв. ред. А.А. Чижевский). Казань: ИА АН РТ, 2021. Гл. 2. С. 392–409 (в соавт. с В.В. Гришаковым и Н.С. Мясниковым). Раздел в коллективной монографии.

Кипчаковский комплекс памятников раннепьяноборского времени // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Институт археологии АН НМ (Отв. ред. А.А. Чижевский). Казань: ИА АН РТ, 2021. Гл. 5. С. 503–526 (в соавт. с Р.Р. Сатаровым и Ф.М. Тагировым). Раздел в коллективной монографии.

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БОГАЧЕВ

Родился 9 сентября 1962 года в городе Хвалынске Саратовской области, но был зарегистрирован в городе Куйбышеве (Самаре).

После окончания средней политехнической школы № 25 г. Куйбышева в 1979 г. был зачислен на очное отделение исторического факультета Куйбышевского государственного университета.

1979–1984 гг. – учеба в КГУ.

1984–1986 гг. – служба в рядах Советской Армии (ЗабВО).

1987–1992 гг. – работа на кафедре дореволюционной отечественной истории КГУ, в Институте истории и археологии УрО АН СССР (г. Свердловск), в отделе охраны памятников Министерства культуры Самарской области.

Параллельно учеба в аспирантуре Института археологии АН СССР, где в 1994 г. А.В. Богачев успешно защищает диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук.

В 2000 г. в Институте истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) успешно защищает диссертацию на соискание степени доктора исторических наук.

В 1995 году выступает инициатором создания и становится председателем правления общественной организации Самарский региональный общественный фонд социальных и культурологических программ «Полдень. XXII век». Цель фонда – широкое историко-культурное просвещение жителей Самарского региона.

С 2001 по 2003 г. работает в должности профессора на кафедре археологии и истории древнего мира СГПУ, а с 2004 г. заведует кафедрой Социально-культурного сервиса и туризма в Самарской академии государственного и муниципального управления. С 2009 г. – профессор кафедры в САГМУ.

С 2012 по 2018 год работал Деканом факультета гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» и заведующим кафедрой «Социология, политология и история Отечества».

Результатом научной деятельности А.В. Богачева стали более чем 180 научных работ, вышедших как в России, так и в США, Греции, Израиле, Германии, Венгрии, Болгарии. В их числе 11 монографий и 4 учебных пособий.

В рамках возглавляемого А.В. Богачевым в 1990-е годы Самарского регионального фонда социальных и культурологических программ «Полдень. XXII век» им в качестве автора было создано свыше 20 научно-популярных фильмов о культуре, истории и народах Самарского Поволжья. В 2021 году им был создан научно-просветительский ютуб-канал «Археология+».

В разные годы являлся создателем и главным редактором ряда журналов: «Вопросы Социально-культурного сервиса и туризма», «Вояджер: мир и человек», «Технополис Поволжья».

Некоторые награды и благодарности:

2013 г. – диплом лауреата Губернской премии в области науки и техники.

2014 – благодарность Министерства образования и науки Российской Федерации.

2016 г. – диплом лауреата Губернской премии в области культуры и искусства за цикл литературно-художественных произведений для детей и юношества.

2017 г. – почетная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации.

Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 08.12.2017 г. № 2043 назначен уполномоченным специалистом (экспертом) на осуществление экспертизы.

**СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ
И МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ А.В. БОГАЧЕВА**

Монографии, главы в монографиях и учебные пособия:

1. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов Среднего Поволжья V-VIII вв.). Самара: «Артефакт», 1992. 207 с.
2. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: «Полдень. XXII век», 1998. 286 с. (в соавторстве с Р.С. Багаутдиновым, С.Э. Зубовым).
3. Кочевники лесостепного Поволжья V-VIII вв. Самара, 1998. 108 с.
4. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: «Наука», 2000. Главы V, VI, VII.
5. Самарская область как объект историко-культурного и экологического туризма. Самара: СМИУ, 2005. Введение, глава 2.
6. Древние культуры и этносы Самарского Поволжья: Учебное пособие. Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2007. С. 5–21, 223–228.
7. Самарское краеведение: археологические эпохи. Самара: СМИУ, 2008. 164 с.
8. Рынок туристских услуг Самарского мегаполиса: монография. Самара: Изд-во «Самарский муниципальный институт управления», 2009. 168 с. (в соавторстве с И.А. Пяткиной).
9. Археология Самарского края: энциклопедический словарь. Самара: «Полдень. XXII век», 2010. 336 с.
10. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. LAP LAMBERT Academic Publishing. Саарбрюкен, 2011. 348 с.
11. Племена Среднего Поволжья во второй половине I тысячелетия нашей эры // История башкирского народа в семи томах. Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2012. Т. II. С. 84–98 (в соавторстве с С.Э. Зубовым).
12. Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII – начало X в.: монография. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2012. 340 с. (в соавторстве с Д.А. Французовым).
13. Средневековые культуры и этносы Самарского края. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2014. 126 с.
14. Рутены – руги – русь: века, дороги, судьбы: монография. Самара: Изд-во «Вояджер: мир и человек», 2019. 336 с. (в соавторстве с А.В. Кузнецовым, А.А. Хохловым).
15. Венеды: индоевропейский контекст: монография. Самара: Изд-во «Вояджер: мир и человек», 2022. 336 с. (в соавторстве с А.В. Кузнецовым, А.А. Хохловым).

Художественные книги, поэтические сборники

16. Перебирая четки века. Стихи. Самара: Самарский региональный фонд социальных и культурологических программ «Полдень. XXII век», 2002. 77 с.
17. Сокровища великого хана. Историко-фантастическая повесть. Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2003. 256 с.
18. Цена снов. Стихи. Самара: Самарский региональный фонд социальных и культурологических программ «Полдень. XXII век», 2004. 75 с.
19. Офицер для личных поручений. Историко-фантастический детектив. Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2006. 256 с.
20. Лабиринты: стихи. Самара: ОАО «Самарский дом печати», 2007. 128 с.
21. Сокровища великого хана: Историко-фантастическая повесть. М.: Аквилегия-М, 2008. 352 с. ISBN 978-5-901942-75-8.
22. Зверята-букварята. Азбука для Лизы: Стихи. Самара: «Инсома Пресс», 2014. 64 с.

Некоторые статьи, очерки, тезисы

23. Новый могильник эпохи переселения народов на Средней Волге // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Sessiones sectionum dissertationes historica, archaeologica et antropologica. Debrecen, 1990. С. 15–19 (в соавторстве с С.Э. Зубовым).
24. Хронология раннесредневековых культур Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья // Congressus septimus internationalis Fenno-Ugristarum. 2B. Debrecen, 1990. С. 148.
25. Хронология поясных украшений IV-VIII вв. Среднего Поволжья (к процедуре археологического датирования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 18 с.

26. К эволюции калачиковидных серег IV-VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 99–114.
27. К вопросу о поздней дате древностей «гуннского круга» // РА. № 3. 1996. С. 186–189.
28. Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 83–98 (в соавторстве с С.Ф. Ермаковым, А.А. Хохловым).
29. The northern border of the Khazar Khaganat in the Eighth Century // The Khazars. International colloquium. Jerusalem, 1999. P. 6.
30. Кочевники лесостепного Поволжья V-VIII вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2000. 39 с.
31. Проблемы этнокультурного взаимодействия оседлых и кочевых племен Среднего Поволжья в середине I тысячелетия // Russian History / Histoire Russe 28, 1–4 [Festschrift for Th.S. Noonan, Vol. I, ed. by R.K. Kovalev & H.M. Sherman] (2001). P. 105–136.
32. The horse of the Pre-bulgarians of the Middle Volga region // 8th EAA annual meeting. Abstracts Book. Thessaloniki, 2002. P. 228–229.
33. В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия нашей эры (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 155–168.
34. Сталин в Куйбышеве (Самаре): информация к размышлению // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. Самара, 2012. № 2. С. 3–6.
35. К истокам биритуализма погребальной обрядности племен именьковской культуры // Вестник Самарского муниципального института управления. Самара, 2013. № 4. С. 33–39.
36. Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области): Научно-популярное издание / Отв. редактор А.В. Богачев. Самара, 2013. С. 119–163 (в соавторстве с Л.А. Вязовым, В.В. Гасилиным, В.Н. Мышкиным, Д.В. Серых).
37. Серьги с многогранником V-VII вв. на Средней Волге и в Предуралье (к вопросу о гото-аланском присутствии в регионе) // Вояджер: мир и человек. Самара, 2016. № 6. С. 7–56.
38. К вопросу об археологической идентификации рогов списка «воинственных северных племен» Иордана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 6. С. 219–223.
39. «Роги/руги» Иордана в свете новых археологических открытий в Волго-Камье // Вояджер: мир и человек. Самара, 2017. № 8. С. 7–35.
40. Расселение рогов/рогов по данным топонимики (таблицы, карты, краткий комментарий) // Вояджер: мир и человек. Самара, 2018. № 10. С. 7–29. (в соавторстве с А.А. Богачевым, О.В. Герасимовым, Я.В. Подлобошниковым).
41. Лемовии Тацита в контексте начальной истории ругиев (к вопросу этнической атрибуции племен) // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2018. Вып. 7. С. 180–193 (в соавторстве с Л.Б. Захаровой, А.В. Кузнецовым).
42. От Вислы до Оби: восточное направление готской экспансии в свете данных письменных источников, топонимики и археологии // Вояджер: мир и человек. Самара, 2018. № 11. С. 5–53 (в соавторстве с Л.Б. Захаровой, А.В. Кузнецовым, А.А. Хохловым).
43. К вопросу о гото-венедских контактах в Прибалтике // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В - т. / Отв. редактор А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 140–142 (в соавторстве с А.В. Кузнецовым, А.А. Хохловым).
44. Браслеты, перстни и гривны со спиралевидным декором в Евразии в позднем бронзовом – раннем железном веке (предварительная публикация) // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М.: ИА РАН, 2021. С. 237–254.

КОМПЛЕКСЫ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ, ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ НАКОЛАМИ, СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ, КАМСКО-ВЯТСКОГО И СУРСКО-МОКШАНСКОГО МЕЖДУРЕЧИЙ

© 2023 К.М. Андреев*, А.С. Кудашов, А.В. Сомов

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья»*

Аннотация. В работе представлены некоторые итоги анализа неолитической посуды, орнаментированной наколами, памятников Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий. Для определения характерных черт и систематизации информации по рассматриваемым керамическим комплексам осуществлена их статистическая обработка. Источниковая база исследования насчитывает 1810 условно выделенных сосудов, подавляющее большинство из которых были непосредственно проанализированы авторами. Стоит отметить, что в силу объективных причин приведенные количественные показатели могут несколько отличаться от таковых в соответствующих публикациях. С целью выявления локальных особенностей керамические комплексы рассматриваемых в работе памятников территориально допустимо разделить на следующие микрорегионы: южная часть лесостепного Поволжья (бассейн реки Самара), северная часть лесостепного Поволжья (бассейн реки Сок), Волжское Правобережье, Приустьевое Прикамье, лесное Среднее Поволжье, Камско-Вятское междуречье, Среднее Посурье, Верхнее Посурье, Примокшанье, район озера Имерка. Также анализируемые материалы были градированы по представительности коллекций. В связи с высокой фрагментированностью материала авторы не настаивают на абсолютности приведенных данных, количественные и процентные показатели могут немного измениться, однако в комплексах репрезентативных стоянок корректировки будут являться незначительными. Рассмотренные коллекции керамики, орнаментированной наколами, имеют определенные локальные различия, которые проявляются как на уровне формообразования сосудов (венчики и донца), так и в системе орнаментации. Авторы данной работы осознанно воздерживаются от интерпретации данных особенностей, анализ которых должен стать предметом специальных публикаций. Представленная формализованная характеристика посуды, орнаментированной наколами, Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречья даст возможность в дальнейшем проводить более обоснованное статистическое сопоставление с материалами синхронных неолитических культур сопредельных территорий.

Ключевые слова: неолит, керамика, накольчатый орнамент, Среднее Поволжье, Камско-Вятское междуречье, Сурско-Мокшанское междуречье, типологический анализ, морфологический анализ, статистический анализ.

COMPLEXES OF NEOLITHIC CERAMICS DECORATED WITH PRICKS IN THE MIDDLE VOLGA REGION, KAMA-VYATKA AND SURA-MOKSHA INTERFLUVES

© 2023 K.M. Andreev*, A.S. Kudashov, A.V. Somov

Abstract. The article presents some results of the analysis of Neolithic ceramics decorated with pricks, sites of the Middle Volga region, the Kama-Vyatka and Sura-Moksha interfluves. To determine the characteristic features and systematize information on the considered ceramic complexes, their statistical processing was carried out. The source base of the study includes 1810 conventionally identified vessels, the vast majority of which were directly analyzed by the authors. It should be noted that, due to objective reasons, the given quantitative indicators may differ slightly from those in the relevant publications. In order to identify local features, the ceramic complexes of the monuments considered in the work can be territorially divided into the following microregions: the southern part of the forest-steppe Volga region (the basin of the Samara River), the northern part of the forest-steppe Volga region (the Sok river basin), Volga Right Bank, mouth of the Kama River, forest Middle Volga, Kama-Vyatka interfluve, Middle Sura, Upper Sura, Primokshanye, Lake Imerka area. The analyzed materials were also graded according to the representativeness of the collections. Due to the high fragmentation of the material, the authors do not insist on the absoluteness of the data presented, the quantitative and percentage indicators may change slightly, however, in the complexes of representative sites, the adjustments will not be significant. The considered collections of ceramics decorated with pricks have certain local differences, which are manifested both at the level of shaping of vessels (rims and bottoms) and in the system of ornamentation. The authors of this work consciously refrain from interpreting these features, the analysis of which should be the subject of special publications. The presented formalized characteristics of pottery ornamented with pricks of the Middle Volga, Kama-Vyatka and Sura-Moksha interfluves will make it possible in the future to conduct a more reasonable statistical comparison with the materials of synchronous Neolithic cultures of adjacent territories.

Keywords: Neolithic, ceramics decorated with pricks, Middle Volga region, Kama-Vyatka interfluve, Sura-Moksha interfluve, typological analysis, morphological analysis, statistical analysis.

Посуда, изготовленная из глины или близких по характеристикам пластичных материалов, становится одним из важнейших культурно-определяющих признаков, начиная с неолита, и не теряет своего значения в последующие исторические периоды. На территории вынесенных в заглавие статьи регионов, охватывающих ощутимую часть Восточной Европы, в новом каменном веке получают распространение сосуды, орнаментированные наколами.

Во избежание двусмысленных трактовок, и чтобы договориться о терминах приведем достаточно про-

странную цитату из работы Ю.Б. Цетлина: «Наколыча-тый элемент орнамента возникает в результате вдавления инструментов с различной формой рабочей части (овальной, каплевидной, треугольной, трапециевидной). Эти отпечатки характеризуются небольшими размерами и глубиной, наносились перпендикулярно или чаще под углом к поверхности сосуда. Их отличительной особенностью является то, что инструмент погружался в глину и извлекался наружу по одной и той же оси. Положение рабочей части инструмента легко реконструируется по направлению наклона отпечатка» (Цетлин, 2008. С. 21).

Таблица 1. Толщина фрагментов, визуально определяемые примеси и обработка поверхностей сосуда.

Регион	Стоянка (кол-во сосудов)	Толщина (в мм) в %			Примеси в %							Обработка поверхности в %					
		<5	6-9	>10	Б/п	П	Ш	Р	П+Ш	П+Р	Р+Ш	внешняя			внутренняя		
												За	Ло	Ра	За	Ло	Ра
I	Ивановская (134)	8	85	7	33	5	11	50	1	-	-	90	10	-	100	-	-
	Виловатовская (156)	8	88	4	67	27	1	4	-	1	1	64	35	1	86	3	11
	Ст.Елшанка II (9)	-	89	11	78	11	11	-	-	-	-	89	11	-	100	-	-
II	Ильинка (26)	46	54	-	50	34	8	-	8	-	-	66	27	7	81	-	19
	Чекалино IV (5)	20	80	-	40	40	20	-	-	-	-	60	40	-	100	-	-
	Б.Раковка II (13)	8	92	-	15	54	-	8	15	8	-	86	7	7	70	-	30
	Красный Яр VII (26)	4	96	-	46	31	15	4	4	-	-	50	38	12	85	3	12
	Калмыковка I (24)	12	84	4	17	66	-	-	17	-	-	100	-	-	100	-	-
	Лебяжинка IV (148)	5	86	9	56	27	4	5	3	3	2	76	22	2	90	-	10
	Лебяжинка I (50)	2	92	6	46	6	-	42	-	6	-	68	30	2	94	-	6
Лужки II (47)	-	75	25	15	56	8	-	15	6	-	72	28	-	83	-	17	
III	Елшанка XI (16)	6	94	-	94	-	-	-	-	-	-	56	44	-	100	-	-
	Л.Никольское III (19)	-	79	21	100	-	-	-	-	-	-	58	42	-	100	-	-
IV	Щербетская II (57)	33	67	-	61	2	37	-	-	-	-	56	44	-	100	-	-
	Тетюшская IV (18)	22	78	-	95	-	5	-	-	-	-	89	11	-	100	-	-
	Ага-Базарская III (38)	16	84	-	21	50	21	-	8	-	-	97	3	-	100	-	-
V	Сокольный XII (55)	16	84	-	27	-	73	-	-	-	-	9	91	-	100	-	-
	Сокольный XVII (32)	28	72	-	37	-	63	-	-	-	-	9	91	-	100	-	-
	Сокольный VII (9)	78	22	-	22	-	78	-	-	-	-	22	78	-	100	-	-
	Дубовская III (91)	68	30	2	67	-	30	-	-	-	-	56	44	-	100	-	-
	Дубовская VIII (54)	54	41	5	55	-	45	-	-	-	-	26	74	-	100	-	-
	Дубовская VII (21)	57	43	-	47	-	53	-	-	-	-	29	71	-	100	-	-
	Сутырская V (67)	73	27	-	55	-	45	-	-	-	-	40	60	-	100	-	-
	Сутырская VII (24)	75	25	-	58	-	42	-	-	-	-	42	58	-	100	-	-
Отарская VI (185)	50	50	-	54	-	46	-	-	-	-	46	54	-	100	-	-	
VI	Кыйлуд II (64)	17	77	6	2	6	92	-	-	-	-	23	77	-	100	-	-
	Кыйлуд III (41)	24	66	10	-	5	95	-	-	-	-	25	75	-	100	-	-
	Кыйлуд IV (36)	25	67	8	-	5	95	-	-	-	-	25	75	-	100	-	-
	Кочуровское I (125)	22	66	12	-	12	88	-	-	-	-	50	50	-	100	-	-
VII	Ср. Посурье (34)	41	59	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-
	Потодеево (14)	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-
	Имеркские (72)	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	87	-	13
	Примокшанские (48)	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-
	В. Посурье (ран.) (24)	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-
	В. Посурье (поз.) (28)	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-

Б/п – без примеси, П – песок, Ш – шамот, Р – раковина, За – заглаженная поверхность, Ло – лощенная поверхность, Ра – горизонтальные расчесы.

Здесь и далее в таблицах: I – южная часть лесостепного Поволжья (бассейн реки Самара); II – северная часть лесостепного Поволжья (бассейн реки Сок); III – Волжское Правобережье; IV – Приустьевое Прикамье; V – лесное Среднее Поволжье; VI – Камско-Вятское междуречье; VII – Сурско-Мокшанское междуречье.

Посуда с накольчатым орнаментом в рассматриваемых нами регионах относится исследователями к раннему неолиту, либо к его развитому, реже – к позднему этапу. Относительно культурной принадлежности существует несколько точек зрения на обозначенные комплексы: волго-камская (Халиков, 1969; Археология..., 2021. С. 261–278), волго-уральская (Моргунова, 1995), средневожская (Бадер, 1981; Васильев, Выборнов, 1988; Выборнов, 2000; 2008), дубовско-отарская (Никитин, 2013). Зачастую в представленных концепциях одни и те же памятники получают различную культурную атрибуцию и одновременное бытование данных образований становится невозможным. В этой ситуации употребление определенной терминологической дефиниции встает в прямую зависимость от принадлежности исследователя к той или иной «школе».

Наконец, в последнее время по материалам большинства из рассмотренных нами стоянок получена серия радиоуглеродных датировок, преимущественно по органике из керамического теста (см: Радиоуглеродная..., 2016), которые способствуют их позиционированию на временной шкале, однако не являются бесспорными и требуют некоторых ухищрений при использовании и интерпретации.

При введении в научный оборот керамических комплексов анализируемых регионов зачастую преобладал эмоционально-описательный подход. Лишь в отдельных обобщающих работах представлялись региональные варианты формализации признаков с применением статистического анализа (см: например, Гусенцова, 1993; Ставицкий, 1999; Никитин, 2011). Стоит отметить, что В.В. Никитиным была предпринята попытка

Таблица 2. Форма среза венчика и его орнаментация.

Регион	Стоянка (венчики сосудов)	Форма среза в %					Орнаментация среза в %									
							%								изнутри	
I	Ивановская (64)	59	25	9	7	-	28	-	61	-	39	-	-	-	-	
	Виловатовская (94)	45	36	6	13	-	37	8	28	-	60	-	4	-	-	
	Ст.Елшанка II (5)	20	80	-	-	-	40	50	-	-	50	-	-	-	-	
II	Ильинка (16)	37	32	6	19	6	25	-	-	-	-	-	25	75	-	
	Чекалино IV (3)	67	-	33	-	-	0	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Б.Раковка II (6)	50	17	-	33	-	33	-	-	50	-	50	-	-	-	
	Красный Яр VII (12)	58	25	8	8	-	33	-	25	25	50	-	-	-	-	
	Калмыковка I (16)	12	56	7	25	-	56	11	23	-	55	-	-	11	-	
	Лебяжинка IV (48)	46	27	21	4	2	33	12	32	-	56	-	-	-	-	
	Лебяжинка I (28)	50	7	32	11	-	50	-	14	7	57	-	-	7	14	
Лужки II (35)	49	28	11	9	3	20	-	29	-	43	-	14	-	14		
III	Елшанка XI (7)	29	42	29	-	-	14	-	100	-	-	-	-	-	-	
	Л.Никольское III (7)	71	29	-	-	-	0	-	-	-	-	-	-	-	-	
IV	Щербетьская II (13)	76	8	-	16	-	32	-	100	-	-	-	-	-	-	
	Тетюшская IV (6)	68	16	16	-	-	50	-	100	-	-	-	-	-	-	
	Ага-Базарская III (1)	-	-	-	100	-	0	-	-	-	-	-	-	-	-	
V	Сокольный XII (19)	40	50	10	-	-	5	100	-	-	-	-	-	-	-	
	Сокольный XVII (14)	79	7	7	7	-	0	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Сокольный VII (4)	-	75	-	25	-	50	-	50	-	50	-	-	-	-	
	Дубовская III (40)	42	42	5	8	3	0	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Дубовская VIII (14)	21	44	14	7	14	14	50	-	-	50	-	-	-	-	
	Дубовская VII (6)	-	84	-	16	-	16	100	-	-	-	-	-	-	-	
	Сутырская V (32)	25	63	12	-	-	6	-	50	-	50	-	-	-	-	
	Сутырская VII (6)	32	52	16	-	-	0	-	-	-	-	-	-	-	-	
Отарская VI (76)	44	36	6	6	8	5	-	50	-	50	-	-	-	-		
VI	Кыйлуд II (17)	41	41	6	12	-	59	-	50	-	40	-	-	-	10	
	Кыйлуд III (17)	18	24	-	46	12	53	-	100	-	-	-	-	-	-	
	Кыйлуд IV (16)	12	31	-	45	12	19	-	100	-	-	-	-	-	-	
	Кочуровское I (81)	34	32	10	24	-	19	-	87	-	13	-	-	-	-	
VII	Ср. Посурье (19)	32	37	16	5	10	16	-	67	-	33	-	-	-	-	
	Потодеево (5)	40	-	60	-	-	0	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Имеркские (20)	45	-	55	-	-	0	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Примокшанские (16)	56	19	25	-	-	0	-	-	-	-	-	-	-	-	
	В. Посурье (ран.) (13)	54	31	15	-	-	8	-	100	-	-	-	-	-	-	
В. Посурье (поз.) (10)	40	30	30	-	-	10	-	-	-	-	-	-	-	100		

рассмотрения данного вопроса на широкой сравнительной базе, однако при его решении использовались публикации, которые не всегда содержали надежные количественные показатели и устойчивые выборки (Никитин, 1996. С. 108–112). Наконец, авторы этих строк осознанно воздерживаются от формально-классификационных аналитических процедур и далеко идущих культурно-исторических выводов, которые должны явиться предметом специального исследования.

Сразу оговоримся, что посуда с различными вариантами накольчатого орнамента представлена достаточно широко, встречаясь на Верхней и Нижней Волге, в Зауралье, на Дону и в Днепо-Донецком междуречье. Однако невозможно «объять необъятное» и авторы работы сосредоточили внимание на комплексах, с которыми имели возможность либо в полном объеме, либо частично поработать непосредственно. Источниковой базой исследования послужили коллекции стоянок Ивановка (134 сосуда) (Моргунова, 1988; 1995), Виловатое (156 сосудов) (Васильев и др., 1980), Старая Елшанка II (9 сосудов) (Васильев, Пенин, 1977), Лебяжинка I (50 сосудов) (Барынкин, Козин, 1995), Ильинка (26 сосудов) (Мамонов, 1988; 2002), Лебяжинка IV (148 со-

судов) (Выборнов и др., 2007), Калмыковка I (24 сосуда) (Андреев и др., 2018), Чекалино IV (5 сосудов) (Андреев и др., 2018), Большая Раковка II (13 сосудов) (Барынкин, Козин, 1991), Лужки II (47 сосудов) (Сомов и др., 2022), Красный Яр VII (26 сосудов) (не опубликованы), Елшанка XI (16 сосудов) (Вискалин, 2004), Лесное Никольское III (19 сосудов) (Вискалин, 1997), Щербетская II (57 сосудов), Тетюшская IV (18 сосудов), Ага-Базарская (38 сосудов) (Габяшев, 2003), Сокольный VII (9 сосудов) (Андреев и др., 2020), Сокольный XII (55 сосудов), Сокольный XVII (32 сосуда) (не опубликованы), Дубовская III (91 сосуда) (Никитин, 1984), Дубовская VIII (54 сосуда), Дубовская VII (21 сосуда) (Никитин, 2011), Сутырская V (67 сосудов) (Выборнов и др., 2004; Никитин, 2011), Сутырская VII (24 сосуда) (Николаев, 2007), Отарская VI (185 сосудов) (Никитин, 2011), Кыйлуд II (64 сосуда), Кыйлуд III (41 сосуда), Кыйлуд IV (36 сосудов), Кочуровское I (125 сосудов) (Гусенцова, 1993), Среднее Посурье (Утюж I и Черненькое Озеро III) (34 сосуда) (Березина, 2021), Потодеево (14 сосудов) (Выборнов, Третьяков, 1988; Ставицкий, 1999), Имеркские (Имерка Ia, III, IV, VII, VIII, X) (72 сосуда) (Выборнов, Третьяков, 1988; Ставицкий, 1999), Примокшанские

Таблица 3. Форма шейки сосуда и ее оформление.

Регион	Стоянка (венчики сосудов)	Форма шейки сосуда в %															Ямочно-жемчужный поясок в %					
		прямая			закрытая			открытая			сильно S-видная			слабо S-видная			■	■	■	■	■	■
		ЯЖП	ЯЖП	ПРК	ЯЖП	ЯЖП	ПРК	ЯЖП	ЯЖП	ПРК	ЯЖП	ЯЖП	ПРК	ЯЖП	ЯЖП	ПРК						
I	Ивановская (64)	54	28	-	4	4	-	2	3	-	-	-	-	3	-	-	26	-	11	-	-	63
	Виловатовская (94)	12	65	-	1	8	-	3	8	-	-	-	-	-	2	-	54	-	22	2	-	25
	Ст.Елшанка II (5)	20	60	-	-	-	-	20	3	-	-	-	-	-	-	-	60	-	-	-	-	40
II	Ильинка (16)	19	75	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	69	6	6	-	-	19	
	Чекалино IV (3)	33	-	-	-	-	-	33	-	-	33	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	100
	Б.Раковка II (6)	-	68	-	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16	-	33	-	50	-	-	17
	Красный Яр VII (12)	8	42	-	-	24	-	-	-	-	-	8	-	-	16	-	33	8	50	-	-	8
	Калмыковка I (16)	32	56	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	6	-	26	-	37	-	-	-	37
	Лебяжинка IV (48)	4	68	-	4	8	-	2	8	-	-	-	-	6	-	52	-	31	-	-	-	17
	Лебяжинка I (28)	-	46	-	7	36	-	4	4	-	-	-	-	-	4	-	21	4	64	-	-	11
Лужки II (35)	-	63	-	-	23	-	-	14	-	-	-	-	-	-	-	97	3	-	-	-	-	
III	Елшанка XI (7)	14	14	-	-	58	-	-	-	-	-	-	-	14	-	28	-	44	-	-	28	
	Л.Никольское III (7)	46	28	-	14	-	-	-	-	-	-	-	-	14	-	14	-	14	-	-	72	
IV	Щербетская II (13)	15	53	-	-	-	-	15	15	-	-	-	-	-	8	-	15	-	55	-	-	30
	Тетюшская IV (6)	16	68	-	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	66	-	-	-	-	-	34
	Ага-Базарская III (1)	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	100	-	-	-
V	Сокольный XII (19)	39	5	10	10	10	16	5	-	-	-	-	-	5	-	16	5	-	-	27	52	
	Сокольный XVII (14)	7	50	7	14	14	6	-	-	-	-	-	-	-	-	58	7	-	-	14	21	
	Сокольный VII (4)	75	-	-	25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	100
	Дубовская III (40)	12	8	30	5	-	23	5	-	5	-	2	-	-	2	8	12	-	-	-	65	23
	Дубовская VIII (14)	50	-	43	-	-	-	-	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	50
	Дубовская VII (6)	33	-	67	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	67	33
	Сутырская V (32)	44	-	50	-	-	-	-	-	-	3	-	-	3	-	-	-	-	-	-	50	50
	Сутырская VII (6)	17	-	49	17	-	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	67	33
VI	Отарская VI (76)	12	-	47	1	-	30	3	-	3	-	-	-	1	-	3	-	-	-	-	83	17
	Кыйлуд II (17)	50	-	23	23	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	24	76
	Кыйлуд III (17)	30	-	30	17	-	17	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	47	53
	Кыйлуд IV (16)	37	-	37	26	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	38	62
	Кочуровское I (81)	45	-	16	20	-	7	5	-	2	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	26	74
VII	Ср. Посурье (19)	5	16	16	10	32	16	5	-	-	-	-	-	-	-	42	-	5	-	-	35	18
	Потодеево (5)	20	40	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	40	-	-	20	20	-	-	-	60
	Имеркские (20)	20	80	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	80	-	-	-	-	-	20
	Примокшанские (16)	12	50	-	-	32	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	81	-	-	-	-	19
	В. Посурье (ран.) (13)	38	46	8	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	61	-	-	-	-	-	39
В. Посурье (поз.) (10)	10	60	-	10	20	-	-	-	-	-	-	-	-	-	80	-	-	-	-	-	20	

ЯЖП – ямочно-жемчужный поясок, ЯЖП – ямочно-жемчужный поясок отсутствует, ПРК – сквозные отверстия под срезом (проколы).

(Машкино I и III, Ковыляй I, Широмасово III) (48 сосудов) (Ставицкий, 1999), Верхнее Посурье, ранний комплекс по В.В. Ставицкому (Подлесное VII и VIII, Грабово III) (24 сосуда) (Ставицкий, 1999), Верхнее Посурье, поздний комплекс по В.В. Ставицкому (Подлесное V, Пензенские стоянки) (28 сосудов) (Ставицкий, 1999). Материалы данных памятников были непосредственно проанализированы авторами в 2012 и 2016–2023 годах и находятся на постоянном или временном хранении в фондах Археологической лаборатории СГСПУ, ГБУК Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, ГБУК Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея, ГБУК Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина», музея археологии Республики Татарстан при Институте археологии им. А.Х. Халикова, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ), ГБУК Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, Учебного кабинета (Археологического музея) Удмуртского государственного университета. Наконец, комплексы памятников Сурско-Мокшанского междуречья обработаны авторами не в полном объеме и данные о них представляются на основании как непосредственных наблюдений, так и соответствующих

публикаций (Березина, 2021; Третьяков, Выборнов, 1988; Ставицкий, 1999). Количественные показатели могут несколько отличаться от таковых в специальных статьях и монографиях, что обусловлено доступностью материала и не всегда благоприятными условиями его хранения, а также его неполным введением в научный оборот в соответствующих работах.

Обозначенные выше памятники допустимо разделить на несколько микрорегионов: южная часть лесостепного Поволжья (бассейн реки Самары); северная часть лесостепного Поволжья (бассейн реки Сок); Волжское Правобережье; Приустьевое Прикамье; лесное Среднее Поволжье; Камско-Вятское междуречье; Среднее Посурье; Верхнее Посурье; Примокшанье; район озера Имерка. Также анализируемые комплексы необходимо градировать по репрезентативности коллекций: на высоко репрезентативные – 100 и более условно выделенных сосудов, достаточно репрезентативные – 50–100 сосудов и слабо репрезентативные – менее 50 сосудов. Для определения каких-либо значимых закономерностей развития ведущую роль играют высоко и достаточно репрезентативные комплексы стоянок, остальные имеют вспомогательное значение. Наконец, подчеркнем, в связи с высокой фрагментированностью материала авторы не настаивают на абсо-

Таблица 4. Форма донцев сосудов и их орнаментация.

Регион	Стоянка (донца сосудов)	Форма дна в %				БЕЗ орнамента																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																											

лутности приведенных данных, количественные и процентные показатели могут немного измениться, однако в комплексах отмеченных выше репрезентативных памятников корректировки будут являться незначительными. Большинство рассмотренных стоянок представляет собой палимпсесты, в которых стратиграфически или планиграфически невозможно проследить условия и специфику залегания посуды, орнаментированной наколами, и предложить ее внутреннюю периодизацию. Кабинетный типологический анализ, не привязанный к надежным «полевым» контекстам, зачастую уязвим, в этой связи комплексы памятников нами анализируются суммарно.

Переходим к непосредственному рассмотрению характерных черт посуды, орнаментированной наколами, Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий.

Толщина фрагментов (табл. 1) почти во всех проанализированных нами микрорегионах находится в диапазоне 0,6–0,9 см, данные метрические показатели присущи для 60–70% и более сосудов, еще по 5–10% имеют большую или меньшую толщину стенок. При этом важно отметить, что для лесного Среднего Повол-

жья характерна более тонкостенная посуда, здесь около 50% фрагментов имеют толщину 0,5 см и менее, исключением являются комплексы стоянок Сокольный XII и XVII. Показательно, что в соседних регионах – Камско-Вятском междуречье, Приустьевом Прикамье и Среднем Посурье фиксируется 20% и более тонкостенных сосудов. Также интересно отметить, что четверть сосудов стоянки Лужки II имеют толщину 1,0 см и более.

Обработка внешней поверхности в большинстве случаев представлена простым заглаживанием (табл. 1), однако в лесном Среднем Поволжье и Камско-Вятском междуречье преобладает посуда с подлощенной внешней поверхностью. Высок процент лощеной посуды (около 30–40%) на стоянках Волжского Правобережья, Щербетьской II, Виловатое, Красный Яр VII, Лебяжинка I, Лужки II, Ильинка. Внутренняя поверхность у абсолютного большинства сосудов заглажена. Лишь на памятниках лесостепного Поволжья встречаются единичные фрагменты с расчесами на внешней поверхности и относительно чаще на внутренней (около 10%).

Визуально определяемые примеси в тесте посуды (табл. 1) на абсолютном большинстве памятников Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мок-

Таблица 5. Элементы орнамента.

Регион	Стоянка (элементы орн.)	Отступающие в %					Разреженные в %														
						Всего													Всего		
I	Ивановская (139)	27	-	46	1	74	6	14	4	1	-	1	-	-	-	-	-	-	26		
	Виловатовская (166)	39	3	38	4	84	4	9	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	16		
	Ст.Елшанка II (11)	18	-	37	-	55	9	-	18	-	9	-	-	-	9	-	-	-	45		
II	Ильинка (27)	12	12	12	-	36	33	7	7	-	-	3	11	3	-	-	-	-	64		
	Чекалино IV (6)	-	-	-	-	0	17	17	17	-	-	-	-	17	-	16	16	-	100		
	Б.Раковка II (13)	15	-	8	23	46	30	-	-	-	8	-	8	8	-	-	-	-	54		
	Красный Яр VII (22)	19	-	16	4	39	7	16	30	4	-	-	-	-	-	-	4	-	61		
	Калмыковка I (26)	12	4	-	-	16	14	4	18	14	14	-	14	4	4	-	-	-	84		
	Лебяжинка IV (152)	48	2	3	-	53	25	10	5	1	-	1	1	1	2	-	-	1	47		
	Лебяжинка I (50)	18	-	2	4	24	8	14	20	-	2	-	-	-	28	-	-	4	76		
	Лужки II (52)	48	4	11	11	74	4	6	-	-	2	-	2	-	4	-	-	6	26		
III	Елшанка XI (18)	22	-	-	-	22	29	11	17	-	5	-	11	5	-	-	-	-	78		
	Л.Никольское III (20)	60	-	30	-	90	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10		
	Щербетьская II (58)	81	-	12	-	93	5	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	7		
IV	Тетюшская IV (18)	90	-	-	-	90	-	5	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	10		
	Ага-Базарская III (38)	66	-	5	-	71	26	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	29		
	Сокольный XII (55)	64	4	2	-	70	4	8	8	2	2	-	2	-	2	-	-	2	30		
V	Сокольный XVII (32)	58	12	12	6	88	-	3	-	-	-	-	9	-	-	-	-	-	12		
	Сокольный VII (9)	-	-	-	-	0	22	34	11	-	-	-	-	22	-	11	-	-	100		
	Дубовская III (99)	49	-	3	-	52	32	6	5	-	1	-	1	-	-	3	-	-	48		
	Дубовская VIII (55)	20	-	4	-	24	34	9	8	5	5	5	-	8	-	-	2	-	76		
	Дубовская VII (20)	15	-	-	-	15	35	10	10	10	5	-	-	15	-	-	-	-	85		
	Сутырская V (70)	20	-	3	-	23	34	7	13	2	2	4	-	3	-	-	7	2	77		
	Сутырская VII (27)	11	-	-	-	11	48	15	15	-	4	-	-	-	-	7	-	-	89		
	Отарская VI (203)	26	-	7	-	33	29	9	14	4	1	4	1	1	1	-	2	1	67		
VI	Кыйлуд II (71)	30	-	48	3	81	8	2	4	-	-	-	-	2	-	3	-	-	19		
	Кыйлуд III (41)	24	-	49	20	93	2	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7		
	Кыйлуд IV (22)	40	-	18	14	72	5	9	9	-	-	-	-	5	-	-	-	-	28		
	Кочуровское I (169)	37	-	31	5	73	16	3	6	-	2	-	-	-	-	-	-	-	27		
VII	Ср. Посурье (35)	29	-	11	3	43	28	6	-	3	-	3	11	-	-	-	-	-	6		
	Потодеево (14)	93	-	-	-	93	-	-	-	-	-	-	7	-	-	-	-	-	7		
	Имеркские (73)	43	-	27	16	86	5	7	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	14		
	Примохшанские (45)	30	4	16	2	52	14	6	4	2	4	6	2	-	-	-	4	6	48		
	В. Посурье (ран.) (26)	23	-	23	4	50	30	4	-	-	-	-	8	-	-	-	4	4	50		
В. Посурье (поз.) (40)	59	-	20	-	79	5	5	2	-	-	-	5	-	-	-	2	2	21			

мых культурно определяющих признаков, связанных с формой шейки, среза и орнаментацией верхней части посуды памятников, и представленные ниже выводы несколько уязвимы в плане репрезентативности выборок и соответствующих процентных показателей. Нами было выявлено пять основных видов оформления верхней части (табл. 2). Чаще всего в комплексах представлены венчики с округлым или плоским срезом, при этом на стоянках Сурско-Мокшанского междуречья достаточно распространены приостренные, а в Камско-Вятском междуречье (особенно на стоянках Кыйлуд III и IV) – скошенные внутрь. Скошенные наружу срезы эпизодически встречаются в лесном Среднем Поволжье, Среднем Посурье и Камско-Вятском междуречье, в остальных микрорегионах они отсутствуют. Важно отметить, что в наиболее репрезентативных комплексах лесостепного Поволжья преобладает традиция округлого оформления среза, почти в два раза меньше сосудов имеют плоский. При этом, в лесном Среднем Поволжье зачастую, напротив, преобладают венчики с плоским срезом или наблюдается паритет между двумя обозначенными традициями, как и на стоянках Среднего Посурья, Кыйлуде II и Кочуровском I.

Примерно на 1/3 венчиков стоянок лесостепного Поволжья по срезу фиксируется орнамент, традиция

украшения торца также достаточно представительна на сосудах Камско-Вятского междуречья, Среднего Посурья и Приустьевого Прикамья. Причем, в остальных микрорегионах орнамент на срез венчика не наносился или фиксируется единично. В Камско-Вятском междуречье и Среднем Посурье орнаментация среза представлена исключительно насечками и овальными или округлыми вдавлениями. В Приустьевом Прикамье встречены только насечки. При этом, в лесостепном Поволжье при общем преобладании насечек и овальных или округлых наколов эпизодически встречаются подтреугольные, подпрямоугольные и точечные вдавления. Также лишь на отдельных стоянках лесостепного Поволжья выявлены факты украшения торца венчика оттисками двузубого и гребенчатого штампа. Наконец, только на единичных сосудах Пензенских стоянок, Лебяжинки IV, Лужков II, Кыйлуда II фиксируются случаи орнаментации внутренней части венчика (табл. 2).

Около 60% и более венчиков имеют прямую шейку, реже встречается прикрытая (20–30%), открытая форма фиксируется лишь у 5–10% сосудов отдельных стоянок, в то время как сильно- или слабопрофилированная представлена единично (табл. 3). Более рельефно региональные различия проступают при рассмотрении характера орнаментации шейки сосуда, а именно наличия

Таблица 7. Мотивы орнамента.

Регион	Стоянка (кол-во мотивов)																						
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20		
I	Ивановская (140)	51	13	1,5	-	0,7	0,7	0,7	3	4	11	0,4	1,5	1,5	1,5	1,5	2	-	1,5	0,7	0,7	0,7	
	Виловатовская (190)	37	13	2	2,6	1,5	3	-	4	4	5	0,5	5	7	0,5	1,5	0,5	-	1	-	-	0,5	
	Ст.Елшанка II (9)	67	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
II	Ильинка (31)	58	13	6	3	-	6	3	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Чекалино IV (5)	80	-	-	-	-	-	-	-	20	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Б.Раковка II (13)	38	15	8	8	-	-	-	-	8	-	15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Красный Яр VII (25)	56	4	16	4	-	-	-	-	4	-	8	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Калмыковка I (23)	52	-	22	4	-	4	-	-	8	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Лебяжинка IV (166)	47	15	6	7	-	0,6	0,6	3	1	2	0,6	-	-	-	-	4	0,6	-	-	-	-	-
	Лебяжинка I (50)	62	4	10	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-
Лужки II (60)	28	7	3	2	2	-	3	11	3	7	-	3	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	
III	Елшанка XI (16)	69	-	-	6	-	-	-	-	-	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Л.Никольское III (19)	5	26	-	44	-	5	-	5	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	
IV	Щербетьская II (63)	37	8	8	24	-	2	-	3	6	2	3	-	3	-	2	-	-	-	-	-	-	
	Тетюшская IV (19)	16	10	-	33	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	5	-	5	-	-	-	-	
	Ага-Базарская III (36)	24	8	6	32	3	-	-	3	-	6	3	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	
V	Сокольный XII (66)	24	31	3	28	-	-	-	-	-	1	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Сокольный XVII (42)	7	27	2	39	-	-	-	-	-	2	12	2	-	-	5	-	-	-	-	-	-	
	Сокольный VII (8)	88	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Дубовская III (94)	32	23	3	29	-	1	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	
	Дубовская VIII (55)	49	6	4	23	-	2	2	-	-	2	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	
	Дубовская VII (21)	80	5	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Сутырская V (74)	49	22	-	19	-	1	-	-	-	1	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Сутырская VII (24)	62	17	-	17	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
Отарская VI (209)	37	19	-	30	-	1	1	0,5	-	2	1	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-		
VI	Кыйлуд II (62)	33	11	9	6	-	2	5	14	2	9	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Кыйлуд III (37)	41	11	5	8	-	-	-	8	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Кыйлуд IV (35)	35	8	3	11	-	6	-	6	-	14	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	
	Кочуровское I (151)	40	5	-	-	1	-	1	11	1	13	7	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	
VII	Ср. Посурье (32)	64	9	6	6	-	-	-	9	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Потодеево (15)	28	6	6	20	-	-	6	28	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Имеркские (79)	38	10	5	4	-	4	4	21	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Примошанские (54)	38	4	7	-	4	-	2	15	-	4	-	7	-	-	7	4	-	-	-	-	2	
	В. Посурье (ран.) (26)	52	8	12	4	-	-	-	8	-	4	4	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	
В. Посурье (поз.) (34)	20	6	9	-	-	-	-	12	3	20	3	12	-	-	-	3	-	3	-	-	-	-	

или отсутствия ямочно-жемчужного пояса или сквозных отверстий под срезом. Для стоянок Камско-Вятского междуречья и лесного Среднего Поволжья характерно изготовление сосудов без данных элементов или со сквозными отверстиями под срезом, при этом ямочно-жемчужный пояс отсутствует, исключением являются лишь стоянки Сокольный XII и XVII, и Дубовская III. Примечательно, что сквозные отверстия под срезом имеют около 1/3 венчиков сосудов Среднего Посурья, при этом здесь широко представлены ямочно-жемчужные вдавления. Для памятников остальных микро-регионов наличие ряда сквозных отверстий под срезом нехарактерно, вместо него наносился в 60% и более ямочно-жемчужный пояс, или же он отсутствовал. На большинстве стоянок преобладают именно ямочные вдавления под срезом, достигая 100% в комплексе Лужки II. Интересно отметить, что лишь на памятниках бассейна реки Сок (за исключением Лужки II и Ильинка), а также на стоянках Елшанка XI и Щербетская II 30% и более сосудов украшены жемчужным пояском, на Виловатовской стоянке он составляет около 20%, а на остальных представлен менее чем в 10% случаев, полностью отсутствуя в Сурско-Мокшанском междуречье. Важно заметить, что для южной части лесостепного Поволжья характерно наличие 1/4 и более венчиков без

ямочно-жемчужного пояса, на Ивановской стоянке таких сосудов 63%, в то время как севернее, на реке Сок, таковых менее 20%, аналогичная ситуация наблюдается и в Сурско-Мокшанском междуречье (табл. 3).

Меньшим количеством данных мы располагаем при анализе донцев и придонных частей сосудов Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий, они сохранились в лучшем случае для 1/3 или 1/4 части, а чаще около 10% сосудов от комплекса той или иной стоянки (табл. 4). Округлые и приостренные донца встречаются только на памятниках Сурско-Мокшанского междуречья, единичные остро- и округлодонные сосуды также выявлены на стоянках Ивановка и Большая Раковка II, на Отарской VI представлена лишь пара миниатюрных чашечек с острым дном. Большинство донцев плоские или плосковогнутые. Для 1/3 и более сосудов лесного Среднего Поволжья, Камско-Вятского междуречья и Среднего Посурья характерно плосковогнутое дно, в то время как в других регионах они представлены единично или вовсе отсутствуют, вместо них господствуют плоские формы. В лесостепном Поволжье, за исключением стоянки Лебяжинка IV, 1/3 и более донных частей не имеет орнамента, в то время как в лесном Среднем Поволжье, Камско-Вятском и Сурско-Мокшанском междуречьях,

Таблица 8. Мотивы орнамента (продолжение).

Регион	Стоянка (кол-во мотивов)																				
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
I	Ивановская (140)	1,5	0,7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Виловатовская (190)	6	0,5	0,5	1	1	2	0,5	0,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Ст.Елшанка II (9)	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
II	Ильинка (31)	-	3	-	-	-	-	-	3	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Чекалино IV (5)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Б.Раковка II (13)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Красный Яр VII (25)	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Калмыковка I (23)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Лебяжинка IV (166)	7	-	-	-	-	-	2,5	-	0,6	-	-	0,6	0,6	-	-	-	-	-	-	-
	Лебяжинка I (50)	10	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
Лужки II (60)	2	-	3	-	-	-	-	-	3	-	7	-	-	3	7	2	-	-	-	-	
III	Елшанка XI (16)	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Л.Никольское III (19)	5	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Щербетская II (63)	6	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
IV	Тетюшская IV (19)	16	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Ага-Базарская III (36)	6	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сокольный XII (66)	3	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-
V	Сокольный XVII (42)	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сокольный VII (8)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Дубовская III (94)	2	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
	Дубовская VIII (55)	4	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Дубовская VII (21)	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сутырская V (74)	3	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сутырская VII (24)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Отарская VI (209)	3	-	-	-	-	-	1	1	0,5	-	-	-	-	-	-	-	-	0,5	-	0,5
VI	Кыйлуд II (62)	2	2	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Кыйлуд III (37)	16	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Кыйлуд IV (35)	11	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Кочуровское I (151)	16	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
VII	Ср. Посурье (32)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Потодеево (15)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Имерские (79)	-	-	-	-	-	2	-	7	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
	Примокшанские (54)	2	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	В. Посурье (ран.) (26)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	В. Посурье (поз.) (34)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	3	-	-	-	3

напротив, менее 1/3 донцев лишены орнамента. При этом для лесостепного Поволжья характерны простые радиальные мотивы или штриховка, а для лесного Среднего Поволжья и Камско-Вятского междуречья присущи наряду с обозначенными и более сложные композиции (елочка со стеблем, косая решетка, треугольники, кресты, разного рода взаимопроникающие штриховки) (табл. 4). В комплексах стоянок других рассматриваемых нами микрорегионов донца единичны, и каких-либо существенных взаимосвязей проследить не представляется возможным.

Количество элементов, узоров и мотивов орнамента зачастую превышает число сосудов, выделенных в комплексе, в связи с нанесением нескольких из них на одну емкость. При анализе элементов орнамента (табл. 5) можно отметить следующие, на наш взгляд, значимые черты. На стоянках лесного Среднего Поволжья, за исключением Сокольного XII, XVII и Дубовского III, наколы наносились в отступающей манере менее чем 1/3 случаев. При этом в соседних регионах Приустьевого Прикамья и Камско-Вятского междуречья наблюдается обратная картина, а именно более 70% вдавлений нанесены скорописно. Близкая картина на-

блюдается на памятниках бассейна реки Сок, где, кроме стоянки Лужки II, более половины сосудов украшено разреженными наколами. Высок процент посуды, орнаментированной в отступающей манере также на Имеркских стоянках, поздней накольчатой керамике Верхнего Посурья и бассейна реки Самара. Стоит отметить, что для комплексов отдельных памятников обозначенных регионов, а также Примокшанья и ранней накольчатой посуды Верхнего Посурья присущ паритет в традициях нанесения накольчатого орнамента.

Ведущими формами вдавлений, которые получили распространение почти во всех рассмотренных микрорегионах, являются треугольные, округлые/овальные, квадратные/прямоугольные, а остальные представлены менее чем в половине комплексов. В южной части лесостепного Поволжья (бассейн реки Самара), а также на Красном Яру VII и Лебяжинке I из бассейна реки Сок наколы округлой и овальной формы в отступающей и разреженной манере наносились в два и более раз чаще чем треугольные. Аналогичная картина наблюдается лишь на части стоянок Камско-Вятского междуречья (Кыйлуд II и III). На памятниках лесного Среднего Поволжья, напротив, преобладают нанесенные в строчку и

Таблица 9. Композиции орнамента.

Регион	Стоянка (кол-во композиций)																			
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
I	Ивановская (131)	50	10	12	1,5	1,5	0,7	0,7	1,5	1,5	4	1,5	1,5	0,7	0,7	0,7	0,7	1,5	0,7	0,7
	Виловатовская (158)	39	4	9	4	1,2	2	-	2,5	6	0,6	2,5	1,2	1,2	1,2	-	1,2	4	-	-
	Ст.Елшанка II (9)	66	-	-	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	-	-
II	Ильинка (27)	67	-	7	-	11	4	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Чекалино IV (5)	80	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Б.Раковка II (13)	54	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	-	-	-
	Красный Яр VII (25)	56	-	4	-	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-
	Калмыковка I (23)	52	4	-	-	22	4	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-
	Лебяжинка IV (150)	51	2	7	4	7	0,6	0,6	0,6	-	3	2,5	-	-	-	-	-	7	-	-
	Лебяжинка I (50)	62	4	4	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10	-	-
Лужки II (45)	40	4	-	7	4	-	4	-	-	-	4	2	-	-	-	-	2	-	-	
III	Елшанка XI (16)	69	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Л.Никольское III (19)	10	-	5	10	-	-	5	-	5	5	-	-	-	-	-	-	5	-	-
IV	Щербетская II (57)	33	2	2	2	9	2	-	-	3	2	-	-	-	-	-	3	7	-	-
	Тетюшская IV (18)	17	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	5	-	-	-	17	-	-
	Ага-Базарская III (38)	26	8	3	-	5	-	-	-	3	3	-	3	-	-	-	5	-	-	-
V	Сокольный XII (55)	29	2	14	9	2	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-
	Сокольный XVII (32)	9	3	6	9	3	-	-	3	-	-	-	3	-	-	-	-	3	-	-
	Сокольный VII (8)	88	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Дубовская III (85)	32	1	10	9	3	1	-	2	-	2	1	-	1	-	-	-	2	-	-
	Дубовская VIII (54)	52	2	5	2	4	2	2	2	-	2	-	-	-	-	-	-	4	-	-
	Дубовская VII (21)	80	-	5	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сутырская V (67)	54	1	15	5	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-
	Сутырская VII (24)	62	4	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Отарская VI (182)	38	2	11	5	0,5	0,5	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	
VI	Кыйлуд II (58)	33	9	7	3	9	2	5	3	-	-	14	2	-	-	-	-	2	-	-
	Кыйлуд III (34)	43	9	3	3	6	-	-	3	-	-	6	-	-	-	-	-	18	-	-
	Кыйлуд IV (34)	34	15	3	3	3	6	-	-	-	3	6	3	-	-	-	-	12	-	-
	Кочуровское I (124)	42	3	2	3	-	-	1	2	-	4	5	12	1	-	-	-	12	-	-
VII	Ср. Посурье (30)	65	3	3	3	7	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-
	Потодеёво (14)	29	-	7	-	7	-	7	-	-	-	29	-	-	-	-	-	-	-	-
	Имеркские (72)	45	-	4	5	4	4	4	1	-	-	17	-	-	-	-	1	-	-	-
	Примокшанские (54)	44	-	-	2	8	-	2	4	-	-	12	2	2	-	-	-	-	-	-
	В. Посурье (ран.) (26)	58	4	-	8	8	-	-	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-
В. Посурье (поз.) (34)	25	17	7	-	7	-	-	-	-	3	13	-	-	-	-	-	7	-	-	-

разреженно оттиски треугольных наколов, в этом плане им близки стоянки Приустьевого Прикамья, Потодеевская, Лесное Никольское III и Лебяжинка IV. На остальных треугольные наколы составляют около 50% от всех вдавлений. Наколы квадратной и прямоугольной форм, как правило, в комплексах встречаются часто, но в небольшом количестве, и лишь на стоянках Калмыковка I и Дубовская VII составляют более 10%, что во многом может быть связано с репрезентативностью выборки. Интересно заметить, что спаренные наколы единично, но относительно регулярно фиксируются лишь в комплексах стоянок бассейна реки Сок, Сурско-Мокшанского междуречья и стоянки Виловатовская, для остальных территорий они не характерны. При этом узкие и длинные наколы, напоминающие короткие прямые насечки, выявлены в основном на памятниках лесного Среднего Поволжья. Тычковые наколы единично встречены в части комплексов бассейна реки Сок и лесного Среднего Поволжья. Каплевидные, полулунные и крупные округлые наколы обнаружены в материалах отдельных стоянок в небольшом количестве, относительно большой серией последние представлены толь-

ко на Лебяжинке I и Сокольном VII. Наконец, скобковидные наколы обнаружены лишь в материалах стоянок Лужки II, Сутырская V и в Среднем Посурье, а вдавления «полой кости» на одном сосуде Чекалино IV (табл. 5).

Последующий анализ орнаментации проводился на трех уровнях – узоры, мотивы и композиции орнамента – методической основой данной работы послужили исследования Н.Н. Гуриной (1988), Ю.Б. Цетлина (2008. С. 18–28) и Е.В. Волковой (1996. С. 39–47). Всего нами было выделено 15 узоров орнамента (табл. 6). Стоит оговориться, что они объединены по крупным структурным группам, например, если на сосуде представлен «графический знак» треугольника, то не делалось принципиального различия, образован он отдельно стоящими наколами, отступающими вертикальными или диагональными линиями вдавлений или как-то иначе, они все включены в одну позицию. При рассмотрении узоров орнамента наблюдается определенная региональная специфика. Чаще всего на сосудах Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий наколы образовывали длинные горизонтальные линии, которые почти везде составляют 50%

Таблица 10. Композиции орнамента (продолжение).

Регион	Стоянка (кол-во композиций)																	
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		
I	Ивановская (131)	1,5	0,7	0,7	2	0,7	-	-	0,7	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Виловатовская (158)	0,6	-	0,6	1,2	-	2	2	-	0,6	0,6	0,6	0,6	1,2	1,2	0,6	0,6	-
	Ст.Елшанка II (9)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11
II	Ильинка (27)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Чекалино IV (5)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Б.Раковка II (13)	-	-	15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	-
	Красный Яр VII (25)	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Калмыковка I (23)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4
	Лебяжинка IV (150)	-	-	0,6	-	-	-	-	-	-	-	-	0,6	-	-	-	-	0,6
	Лебяжинка I (50)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Лужки II (45)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	-	-	2	
III	Елшанка XI (16)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Л.Никольское III (19)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
IV	Щербетьская II (57)	2	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
	Тетюшская IV (18)	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Ага-Базарская III (38)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
V	Сокольный XII (55)	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сокольный XVII (32)	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сокольный VII (8)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Дубовская III (85)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
	Дубовская VIII (54)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Дубовская VII (21)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сутырская V (67)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
	Сутырская VII (24)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Отарская VI (182)	-	-	1	-	-	-	-	-	0,5	-	-	-	-	-	-	0,5	-	
VI	Кыйлуд II (58)	2	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
	Кыйлуд III (34)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Кыйлуд IV (34)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Кочуровское I (124)	-	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
VII	Ср. Посурье (30)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Потодеево (14)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7
	Имеркские (72)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Примокшанские (54)	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	2	-	-	-	-	2
	В. Посурье (ран.) (26)	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-
В. Посурье (поз.) (34)	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	

и более, за исключением лесного Среднего Поволжья и Приустьевого Прикамья, где зачастую их меньше 50%. Посуда большинства стоянок лесостепного Поволжья, Приустьевого Прикамья и Сурско-Мокшанского междуречья в 10–20% случаев украшена длинными диагональными линиями наколов, которые в Волжском Правобережье, Камско-Вятском междуречье и лесном Среднем Поволжье встречаются единично. При этом в лесном Среднем Поволжье и Приустевом Прикамье, а также на стоянке Лесное Никольское III 30–50% сосудов орнаментированы горизонтальными рядами из диагонально ориентированных коротких линий наколов, данный узор в 10–20% представлен также в Камско-Вятском и Сурско-Мокшанском междуречьях, а в лесостепном Поволжье он получил меньшее распространение, за исключением отдельных памятников. На стоянках лесостепного Поволжья часто более 10% посуды орнаментировано горизонтальным зигзагом, сопоставимое количество фрагментов с подобным орнаментом обнаружено в Приустевом Прикамье и на Елшанке XI, при этом максимум фиксируется в материалах памятников Камско-Вятского междуречья.

В небольшом количестве почти на половине стоянок Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий также выявлены узоры в виде длинных вертикальных линий, косой решетки и треугольников. Остальные узоры представлены единично в комплексах отдельных памятников, а такие, как полукруглые радиальные или горизонтальные переходящие в диагональные линии, встречены только в некоторых микрорегионах.

Мотивы орнамента более многочисленны по сравнению с узорами, их выявлено 43 вида (табл. 7–8), при этом относительно массовыми являются всего 11 из них, остальные встречаются единично, либо менее чем на половине стоянок. Наиболее распространен мотив из горизонтальных линий, образованных наколами, им в среднем орнаментировано более 1/3 сосудов, хотя есть исключения, на стоянках Лесное Никольское III, Тетюшская IV, Сокольный XVII, Пензенские он представлен в меньшей степени. В лесном Среднем Поволжье и Приустевом Прикамье, а также на Лесном Никольском III 20–30% сосудов украшено горизонтальными рядами из коротких диагональных однонаправленных или

Таблица 11. Композиции орнамента (продолжение).

Регион	Стоянка (кол-во композиций)																		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
I	Ивановская (131)	-	-	-	-	-	-	-	-	0,7	-	0,7	-	-	-	-	-	-	-
	Вилатовская (158)	0,6	-	-	-	-	-	1,2	2	1,2	1,2	0,6	-	-	-	-	-	-	-
	Ст.Елшанка II (9)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
II	Ильинка (27)	-	-	-	4	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Чекалино IV (5)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20	-	-	-	-	-	-	-
	Б.Раковка II (13)	-	8	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Красный Яр VII (25)	4	8	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-
	Калмыковка I (23)	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-
	Лебяжинка IV (150)	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	0,6	0,6	0,6	0,6	2	0,6	0,6	-
	Лебяжинка I (50)	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
	Лужки II (45)	9	2	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
III	Елшанка XI (16)	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-
	Л.Никольское III (19)	-	45	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-
IV	Щербетская II (57)	-	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	3 2
	Тетюшская IV (18)	-	30	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	11 5
	Ага-Базарская III (38)	-	36	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
V	Сокольный XII (55)	-	24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-
	Сокольный XVII (32)	-	27	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16	-	-	-	3 -
	Сокольный VII (8)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Дубовская III (85)	-	21	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	-	-	1 1	-
	Дубовская VIII (54)	-	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-
	Дубовская VII (21)	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сутырская V (67)	-	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1 -
	Сутырская VII (24)	-	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Отарская VI (182)	-	28	0,5	-	-	0,5	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	2 -
VI	Кыйлуд II (58)	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Кыйлуд III (34)	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-
	Кыйлуд IV (34)	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-
	Кочуровское I (124)	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	5	-	-	-	-
VII	Ср. Посурье (30)	3	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Потодеево (14)	-	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Имеркские (72)	-	3	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-
	Примокшанские (54)	-	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	В. Посурье (ран.) (26)	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	В. Посурье (поз.) (34)	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

разнонаправленных линий наколов, в то время как на других памятниках этот мотив встречается единично. Также на большинстве стоянок лесного Среднего Поволжья и Лесном Никольском III около 20% фрагментов орнаментировано короткими вертикальными или диагональными рядами наколов, отходящими от горизонтальных линий. Интересно, что аналогичный по построению мотив орнамента из длинных вертикальных или диагональных линий, отходящих от горизонтальных, представлен на 10–15% сосудов других регионов – Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий. Мотивы, включающие построение орнамента в виде зигзага, широкое распространение получили в Камско-Вятском междуречье и Приустьевом Прикамье, достигая здесь 15–20%, также они относительно многочисленны на отдельных стоянках лесостепного Поволжья, особенно его южной части, и на Сокольном XVII. В лесостепном Поволжье и Сурско-Мокшанском междуречье встречаются мотивы, включающие треугольные фигуры. Наконец, на большинстве стоянок для небольшого процента сосудов присущ мотив длинных диагональных линий наколов и вертикальных или диагональных линий с отходящими горизонтальными. Остальные мотивы

представлены единично и либо характерны для какой-то отдельной стоянки, либо фиксируются на паре-тройке памятников и региональной зависимости проследить не позволяют.

В связи с сильной фрагментированностью материала зачастую анализ орнамента на уровне композиции не представляется возможным. Вместе с тем доминируют достаточно простые мотивы, которые одновременно образуют и композицию орнамента. Всего выявлено 77 видов композиций (табл. 9–12). Большинство представлены «уникальными», характерными для одного-двух сосудов одной или нескольких стоянок. Наблюдения над организацией композиций орнамента показало, что они повторяют те же закономерности, которые были прослежены для мотивов, и позволяют дополнительно характеризовать зафиксированные региональные особенности. В то же время некоторые частные моменты проступают рельефнее. Кратко остановимся на наиболее показательных. Для лесостепного Поволжья, Среднего Посурья и Елшанки XI характерно украшение более половины сосудов композициями из простых горизонтальных рядов наколов. Композиции из горизонтальных рядов коротких диагонально ориентированных

Таблица 12. Композиции орнамента (продолжение).

Регион	Стоянка (кол-во композиций)																
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
I	Ивановская (131)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Виловатовская (158)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Ст.Елшанка II (9)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
II	Ильинка (27)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Чекалино IV (5)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Б.Раковка II (13)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Красный Яр VII (25)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Калмыковка I (23)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Лебяжинка IV (150)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Лебяжинка I (50)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Лужки II (45)	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	2
III	Елшанка XI (16)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Л.Никольское III (19)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
IV	Щербетьская II (57)	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Тетюшская IV (18)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Ага-Базарская III (38)	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
V	Сокольный XII (55)	-	-	-	-	-	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сокольный XVII (32)	-	-	-	-	-	-	-	3	3	3	-	-	-	-	-	-
	Сокольный VII (8)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Дубовская III (85)	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Дубовская VIII (54)	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Дубовская VII (21)	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сутырская V (67)	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
	Сутырская VII (24)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
VI	Отарская VI (182)	-	-	-	-	-	2	-	-	-	0,5	0,5	0,5	0,5	-	-	-
	Кыйлуд II (58)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Кыйлуд III (34)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Кыйлуд IV (34)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Кочуровское I (124)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
VII	Ср. Посурье (30)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-
	Потодеево (14)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Имеркские (72)	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	4	-	3	-	-
	Примокшанские (54)	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	2	-	2
	В. Посурье (ран.) (26)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	В. Посурье (поз.) (34)	-	-	-	3	3	-	3	-	-	3	-	-	-	-	-	3

однонаправленных или разнонаправленных линий наибольшее распространение (20–30%) получают в лесном Среднем Поволжье, Приустьевом Прикамье и на стоянке Лесное Никольское III, несколько меньше их в Камско-Вятском междуречье и Среднем Посурье (10–15%). Также в лесном Среднем Поволжье фиксируются (около 10–20%) композиции из длинных горизонтальных линий с отходящими короткими диагональными. Орнаментация посуды, включающая в себя горизонтальный зигзаг, как и в случае с аналогичными мотивами, представлена в Камско-Вятском междуречье и Приустьевом Прикамье в 10–20% случаев. Наконец, отдельные композиции характерны для конкретных микрорегионов: длинные диагональные линии для лесостепного Поволжья и Сурско-Мокшанского междуречья (около 10%), длинные горизонтальные ряды с отходящими длинными вертикальными или диагональными линиями для

Сурско-Мокшанского междуречья (около 10–15%) и так далее.

Таким образом, рассмотренные комплексы керамики, орнаментированной наколами, имеют определенные локальные различия, которые проявляются как на уровне формообразования сосудов (венчики и донца), так и в системе орнаментации. Авторы данной работы осознанно воздерживаются от интерпретации данных особенностей, рассмотрение которых должно стать предметом специальных публикаций. Представленная формализованная характеристика посуды, орнаментированной наколами, Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий даст возможность в дальнейшем проводить более обоснованное статистическое сопоставление с материалами синхронных неолитических культур сопредельных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев К.М., Васильева И.Н., Выборнов А.А.* Неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV: морфология, технология, хронология // Поволжская археология. Казань, 2018. № 1 (23). С. 8–27.
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н.* Стоянка Калмыковка I – новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2018. Вып. 11. С. 143–160.
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Кудашов А.С., Аleshинская А.С., Васильева И.Н.* Поселение Сокольный VII – новый памятник раннего неолита республики Марий Эл // Поволжская археология. Казань, 2020. № 3 (33). С. 64–83.
- Археология Волго-Уралья. В 7 т. Каменный век. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. Т. 1. 444 с.
- Бадер О.Н.* Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. № 15. С. 44–51.
- Барынкин П.П., Козин Е.В.* Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара: СГПУ, 1991. С. 94–119.
- Барынкин П.П., Козин Е.В.* Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 136–163.
- Березина Н.С.* Каменный век Чувашского Поволжья // Археология Евразийских степей. Казань, 2021. № 1. 261 с.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г.* Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 151–189.
- Васильев И.Б., Пенин Г.Г.* Елшанские стоянки на р. Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзо-
- вый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев: КГПИ, 1977. С. 3–22.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.
- Васильева И.Н.* О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2007. Вып. 8. С. 23–38.
- Васильева И.Н.* Гончарные традиции населения средневолжской культуры (к вопросу о многокомпонентном составе) // XXI Уральское археологическое совещание. Самара: «Порто-принт», 2018. С. 17–19.
- Васильева И.Н.* Раннеэнеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. № 2. С. 70–81.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А.* Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2015. С. 68–98.
- Вискалин А.В.* Новые данные по неолиту Ульяновского Поволжья // Историко-археологические изыскания. Самара: СГПУ, 1997. Вып. 2. С. 27–41.
- Вискалин А.В.* Елшанка XI – новая стоянка средневолжской неолитической культуры на Верхней Свияге // Исторические исследования. Самара: СГПУ, 2004. Вып. 5. С. 144–154.
- Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 122 с.
- Выборнов А.А.* Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 177–215.
- Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
- Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В.* Не-

олитический комплекс Сутырского V поселения // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Самарский университет, 2004. Вып. 2. С. 27–40.

Выборнов А.А., Мамонов А.Е., Королев А.И., Овчинникова Н.В. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник СГПУ. Исторический факультет. Самара: СГПУ, 2007. С. 107–155.

Выборнов А.А., Третьяков В.П. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 80 с.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры Казань: Изд-во «Фэн», 2003. 224 с.

Гурина Н.Н. О некоторых методах обработки неолитической керамики // КСИА. 1988. Вып. 193. С. 3–8.

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдГУ, 1993. 237 с.

Мамонов А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск: Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. С. 92–105.

Мамонов А.Е. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. Самара: СГПУ, 2002. Вып. 5. С. 148–162.

Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 106–122.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПИ, 1995. 222 с.

Никитин В.В. Ранненеолитические поселения у поселка Дубовский // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. Вып. 8. С. 5–19.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

Никитин В.В. Неолитизация лесного Волго-Камья. // Поволжская археология. Казань, 2013. № 1 (3). С. 22–31.

Николаев В.В. Сутырское VII поселение (к проблеме изучения раннего неолита Марийского Поволжья) // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. 116–130.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: коллективная монография. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.

Сомов А.В., Андреев К.М., Рослякова Н.В. Неолитическая стоянка Лужки II в лесостепном Поволжье (первые результаты исследования) // Самарский научный вестник. Самара, 2022. Т. 11. № 4. С. 166–181.

Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999. 196 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. М.: ИА РАН, 2008. 350 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200 с.

ПОСЕЛЕНИЕ ВОЛГАРЬ III

© 2023 О.В. Кузьмина, А.А. Ластовский, Н.В. Рослякова, М.А. Турецкий

Аннотация. В статье публикуются результаты исследования поселения Волгарь III. Памятник находится на территории Куйбышевского района города Самары, в пределах левобережной части долины реки Самары.

Памятник разрушен строительными работами. Археологически исследована площадь 304 кв. м. В нижней части культурного слоя обнаружены материалы каменного века. Это кремневые и каменные изделия – нуклеусы, отщепы, готовые орудия. В верхней части культурного слоя обнаружены материалы срубной культуры. Это остатки сооружения и керамика. На поселении найдены также единичные фрагменты средневековой керамики.

Ключевые слова: каменный век, каменные орудия, нуклеусы, срубная культура, сооружение, средневековая керамика.

VOLGAR III SETTLEMENT

© 2023 O.V. Kuzmina, A.A. Lastovskiy, N.V. Roslyakova, M.A. Turetskiy

Abstract. The article publishes the results of a study of the Volgar III settlement. The settlement is located on the territory of the Kuibyshevsky district of the city of Samara. The settlement is located within the left-bank part of the Samara river valley.

The monument was destroyed by construction work. Archaeologists explored an area of 304 sq. m. Materials of the Stone Age were found in the lower part of the cultural layer. These are flint and stone products – cores, flakes, tools. In the upper part of the cultural layer, materials of the Srubnaya culture were found. These are the remains of a building and ceramics. Single fragments of medieval ceramics were also found at the settlement.

Keywords: Stone Age, stone tools, cores, Srubnaya culture, building, medieval ceramics.

Статья посвящается публикации материалов поселения Волгарь III. Исследование памятника стало необходимым вследствие его разрушения в ходе строительства жилого дома на территории городского округа Самара. Раскопки велись в 2008 году археологической лабораторией Самарского государственного педагогического университета. Участниками экспедиции стали сотрудники лаборатории О.В. Кузьмина, А.А. Ластовский, Н.В. Рослякова, А.П. Семенова, М.А. Турецкий и студенты исторического факультета Самарского государственного педагогического университета.

Памятник был обнаружен в 2007 году в результате археологической экспертизы земельного участка, отводимого под строительство объекта «Жилой район «Волгарь» в Куйбышевском районе г. Самары». Руководил работами В.А. Цибин. Об обнаружении памятника было сообщено строителям. Несмотря на это, весной 2008 года строительство на этом участке началось до проведения археологического исследования памятника. При осмотре памятника в июне 2008 года было зафиксировано наличие котлована строящегося дома и обширный выброс суглинка и песка на территорию памятника. Мощность выброса достигала 1 м. В котловане была собрана большая коллекция подъемного материала из разрушенного культурного слоя поселения, включавшая предметы из кремня, фрагменты керамики эпохи бронзы и кости животных. В связи со сложившейся ситуацией было возможно вскрытие лишь сохранившейся части площади памятника, прилегающей к

котловану. Раскопками было установлено, что наибольшим разрушениям подвергся культурный слой эпохи бронзы. Залегающий ниже культурный слой эпохи неолита разрушен только в верхней части, примерно на 10–15 см.

Поселение Волгарь III находится (рис. 1–2) в Куйбышевском районе городского округа Самара, между посёлками Сухая Самарка, Волгарь и Кряж, на землях КСП «Волгарь», в пределах левобережной части долины р. Самары. Данный участок характеризуется низким рельефом с абсолютными отметками высот в интервале от 29,5 до 33,5 м. С севера и востока он ограничен руслом старицы, которая к настоящему времени превратилась в цепь старичных озёр, называемых Дубовый Ерик. Рельеф участка относительно ровный, расчленённый котловинами старичных озёр, отделённых друг от друга невысокими, плавно очерченными возвышенными грядами. С запада участок, на котором расположен памятник, ограничен руслом р. Татьянки и лесным массивом.

Формирование делювиальных отложений на данном участке местности определяется слиянием р. Волги и второй по величине реки в Самарской области – Самары. Именно в этой части долин обеих рек в настоящее время отчетливо выражены обширные по площади понижения, которые продолжаются в западном и восточном направлениях на 50 км. Террасовые уровни в пределах понижения отстоят далеко от русел рек. Вся эта площадь состоит из размытых надпоймен-

ных террас, многочисленных останцов террас и избыток протоками.

Непосредственно в месте расположения памятника размывы террасового уровня сопровождаются отложениями делювиальных суглинков, перемытых и поэтому необычайно плотных. В настоящее время эта местность приподнята над собственно поймой, но в недалеком прошлом она являлась самостоятельным пойменным понижением, сформировавшимся в течение голоцена в результате совместной работы двух рек – Волги и Самары, поскольку коренные отложения хвалынских глин залегают здесь на 11-метровой глубине, что значительно ниже современного уровня р. Волги и Саратовского водохранилища.

Раскопом исследована разрушенная часть памятника площадью 304 кв. м (рис. 3–4).

В результате проведенных раскопок памятника выяснилось, что культурные, археологические остатки приурочены к двум почвенным горизонтам (рис. 5–6). Обе почвы развились на гумусированных делювиальных суглинках, перекрывающих морские песчаные палеоценовые отложения. На делювиальный характер отложений указывают большая плотность, отсортированность, а также однородный механический состав гумусированных суглинков. Общая мощность делювия, залегающего над материком на площади, отведенной под раскопки, достигает 0,75 м.

В пределах этой мощности фиксируются два горизонта почв, не различающихся по механическому составу, но разных по степени окраски гумусом.

Нижний, равномерно окрашенный почвенный слой залегают непосредственно на материке – оранжево-желтом плотном и вязком суглинке, также делювиального происхождения. Этот нижний слой представлен вязким темно-серым суглинком. С ним связано залегание находок эпохи неолита, которые фиксируются фактически только в нижних 30 см.

Выше располагается почва, представленная вязким, темно-серым суглинком, окрашенным вкраплениями прокала. Эта почва связана с распространением культурного слоя эпохи бронзы.

Выше расположена верхняя почва, представленная вязким темно-серым суглинком. В ней обнаружены отдельные находки керамики и костей животных. Эта

Описание находок, обнаруженных на поселении Волгарь III

Каменный инвентарь

При исследовании поселения Волгарь III в раскопе и за его пределами было собрано 162 каменных и кремневых предмета (таблица 1). На разрушенной части памятника, на дне северного котлована для современного строительства был собран 91 кремневый и каменный предмет, включая как расщепленный кремль, преимущественно отщепы, так и готовые изделия: нуклеусы и орудия. Большинство находок залегало на уровне песчаного дна котлована в переотложенном

почва сформировалась после прекращения жизни на поселении эпохи бронзы. Верхняя ее часть распахана.

Сооружение 1. В раскопе зафиксированы остатки сооружения (рис. 7), которое представляло собой углубление в слое вязкого темно-серого суглинка. Оно было зафиксировано на глубине –235–243 см от 0. Сооружение ориентировано длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. От уровня фиксации сооружения углублено на 25 см. Котлован сооружения вырыт с уровня древней поверхности эпохи бронзы и не входит в материк. Юго-западная его часть разрушена современным котлованом. Возможно, изначально, сооружение имело прямоугольную форму. Лучше всего сохранилась восточная торцовая стенка сооружения. Длина этой стороны 2,6 м. Длина сооружения не менее 3,8 м.

В центральной части сооружения, на дне углубления лежал яркий прокаленный суглинок большой концентрации. Мощность его до 10 см. Прокал образовался в результате сильного горения дерева внутри сооружения.

На дне сооружения фиксируется суглинок, насыщенный сажей, углями и органикой. Мощность его до 15 см. Вероятно, это остатки сгоревшей деревянной конструкции сооружения.

В заполнении котлована сооружения на слое угля и сажки отдельными пятнами и полосами лежал яркий прокаленный суглинок малой концентрации, который к краям сооружения сменяется ярким прокаленным суглинком большой концентрации. Мощность этого прокаленного суглинка до 9 см.

Сооружение сверху перекрыто вязким темно-серым суглинком с вкраплениями прокала.

По периметру сооружения на уровне фиксации отмечены отдельные пятна суглинка с золой. Маленькие пятна имеют размеры 10×8 см. Большие пятна имеют размеры 64×17 см.

В северо-восточной части сооружения 1 зафиксировано скопление кусков обожженной глины. Возможно, это остатки глиняной обмазки деревянной конструкции, каких-то плах или досок с ровной поверхностью.

В непосредственной близости от сооружения концентрировались находки фрагментов керамики и костей животных, в основной своей массе кальцинированные, а также кусочки обожженной керамической массы.

В состоянии, несколько предметов было извлечено из стенок котлована из темно-серого суглинка, непосредственно перекрывающего материковый суглинок. Дно современного котлована находилось ниже уровня материковой поверхности на 50–80 см и представляло собой мелкий плотный палеогеновый песок, содержащий к тому же ископаемые раковины морских моллюсков. Кремневые предметы были спроецированы на уровень морского песка из вышележащих разрушенных слоев.

В раскопе, на всей его площади был найден только 71 каменный и кремневый предмет. Таким образом, совокупная плотность находок, учитывая артефакты, перемещенные с уровня непосредственного залегания в вышележащие слои, составляет всего 0,2 находки на 1 кв. м. Выявленная стационарными раскопками картина распределения кремневых предметов полностью соответствует данным разведочной шурфовки памятника, когда на 2 кв. м обнаруживались лишь 1–2 отщепа, а в некоторых шурфах кремневых предметов не было совсем.

Все кремневые предметы, найденные в раскопе, нивелировались по глубине залегания и заносились на план с помощью условных знаков. Подавляющее количество находок залегало в слое суглинка выраженного темно-серого цвета, подстилаемого материком. Находки располагаются редко, за исключением одного случая, когда в квадратах А.3, А.4, Б.3, Б.4 обнаружено локальное скопление расщепленного кремня. Скопление состояло из 32 предметов, среди которых есть нуклеус (рис. 9, 4), два техноскола и отщепы, в том числе с ретушью (рис. 11, 4). Таким образом, можно уверенно говорить об обнаружении определенного места, связанного с хозяйственной деятельностью. Но находки неоднородны по кремневому сырью, поэтому мы не можем предполагать наличие на этом месте производственной площадки по расщеплению сырья. Хотя предположение об ином характере производственной площадки будет не лишено смысла. Отметим также, что в непосредственной близости друг от друга в квадратах Г.1 и Д.1 были найдены два однотипных наконечника (рис. 12, 3–4).

Меньшая часть кремневых предметов найдена не на месте изначального залегания, а в вышележащих слоях, а именно, в слое, сопоставимом с уровнем залегания находок эпохи бронзы. Расположение нескольких кремневых предметов в слое срубной культуры вызвано естественными процессами перемещения артефактов внутри почвенной толщи. Другая часть неолитических находок оказалась перемешана с современным строительным отвалом, состоящим из палеогенового песка и сильно перемешанного, переотложенного в ходе рытья котлована суглинка.

Поскольку немногочисленный комплекс кремневых предметов, учитывая его приуроченность к определенному литологическому слою и типологическую определенность, представляется гомогенным, все кремневые находки вынесены на один план уровня темно-серого суглинка (рис. 3–4). В случае, если кремневый предмет залегал выше этого уровня, на плане, помимо глубины его залегания, указано из какого литологического слоя данный предмет происходит.

Поскольку кремневое сырье, использованное для расщепления, собранное в раскопе и на разрушенной части памятника представляется одинаковым, допусти-

мо все найденные кремневые предметы рассматривать в рамках одной коллекции.

Малочисленность кремневых находок и орудий, в частности, заставляет рассматривать полученный комплекс, как комплекс кратковременной стоянки или ряда стоянок, по территории не совпадающих друг с другом. Расщепленный и обработанный кремль рассеян на значительной площади, что и позволяет предполагать наличие нескольких стоянок.

Раскопом было исследовано одно из локальных скоплений, равнозначных кратковременной стоянке. Как устанавливается по найденным артефактам, на стоянке велось расщепление кремневого сырья и изготовление отдельных орудий. В качестве отбойников использовались гальки, то есть жесткий отбойник. Найденный отбойник представляет собой уплощенно-овальную гальку со следами сильных, точечных ударов по периметру гальки и на уплощенных поверхностях (рис. 8, 1). Вместе с тем, отдельные найденные сколы позволяют говорить об использовании также мягких отбойников.

Судя по найденным нуклеусам, расщепление на стоянке осуществлялось в двух техниках: технике призматического расщепления (рис. 9, 3–4) и плоскостного расщепления (рис. 9, 1; 10, 1).

Первая техника предусматривала получение узких (6–10 мм) и средних (11–15 мм) призматических пластин. Несмотря на то, что собственно пластин почти не найдено, о направленности на призматическое расщепление свидетельствуют как сами нуклеусы, так и определенные сколы, также найденные при исследовании памятника – поперечные, продольные, краевые (рис. 8, 4–6; 10, 2–3).

Вторая техника направлена на получение широких сколов, подобных пластинчатым отщепам, получаемым при неудачном призматическом расщеплении. В данном случае эта техника является независимой и не равна призматической. Она представлена преимущественно соответствующими нуклеусами (рис. 9, 1; 10, 1), так как дополнительных подправочных сколов эта техника не требует. К этой же технике мы отнесли два нуклеуса, не имеющих соответствующего уплощения, находящиеся в начальной стадии утилизации. Расщепление ведется с одной площадки в одной плоскости или с двух площадок во встречных направлениях (рис. 8, 2–3).

Два предмета из немногочисленной коллекции позволяют говорить о том, что техники существуют параллельно друг другу, но технические приемы одной техники могут дополняться техническими приемами другой. Два ребристых скола (по формальной классификации) были получены не как результат поднятия рельефа призматической плоскости расщепления, для чего собственно и служат такие сколы. Оба скола слишком широкие для обычных ребристых сколов, они снимают не край фронтальной поверхности, а всю

фронтальную поверхность призматического нуклеуса. В то же время негативы, образующие ребристую поверхность рассматриваемых сколов, слишком длинные и правильные, чтобы быть обычными подправочными сколами. Фактически негативы пересекают всю фронтальную плоскость, а, учитывая их регулярность, можно предположить, что речь идет не об обычных подправочных сколах, с помощью которых была сформирована ребристая поверхность. Речь идет о снятии, таким образом, самостоятельных пластинчатых сколов, но не с призматической, а плоской поверхности. То есть можно предположить, что нуклеус, имея достаточную ширину фронтальной поверхности, мог служить как для получения призматических пластин, так и, при соответствующем переоформлении, для получения непризматических пластинчатых отщепов или близких по морфологии снятий (рис. 10, 1, 3). Сколы, получаемые при сочетании вышеуказанных техник, вероятно, могут выглядеть следующим образом (рис. 10, 4). Следует отметить, что указанный скол имеет неконическое начало и, следовательно, мог быть получен только при использовании мягкого отбойника. Вопрос об использовании мягкого отбойника в технике плоскостного расщепления остается открытым.

Пластин, пригодных для технологических определений, найдено мало. Имеющиеся экземпляры (рис. 10, 5–6; 11, 1) имеют неровные края, неправильную огранку и лишь в общем смысле соответствуют призматическим нуклеусам, найденным на памятнике. Отметим, что большинство найденных пластин оформлены как орудия. Также большинство морфологически выраженных орудий изготовлено из пластин: угловой резец (рис. 10, 6), скребок-«ложкарь» (рис. 11, 1), вкладыш с краевой ретушью (рис. 11, 6). Угловой резец и вкладыш выглядят типичными изделиями, характерными для большого круга культур и памятников каменного века. Вкладыш обожжен и частично утратил первоначальные очертания.

Скребок-«ложкарь» изготовлен из полупервичной пластины с корочным покрытием одной из граней спинки. Рабочий край оформлен крутой скребковой ретушью как выпукло-скошенный. По краям пластины со спинки и с брюшка имеются участки нерегулярной ретуши – утилизации.

Другие орудия – из отщепов и прочие также малочисленны. Найдено три отщепа с усечением, скребковидное орудие из отщепа, два долотовидных нетипичных орудия, нуклевидный резец, сломанный при изготовлении крупный наконечник или нож, два фрагментированных более мелких наконечника, обломок рубящего шлифованного орудия, фрагмент кремня с бифасиальной обработкой, отщеп-скол со шлифовальника и небольшая серия отщепов с различной ретушью.

Ниже приводится более подробная характеристика найденных орудий.

Усеченные концы отщепов оформлены крутой или отвесной ретушью. Ретушью обработаны сравнительно небольшие участки, не занимающие всю ширину отщепа. Два экземпляра имеют прямо усеченный конец (рис. 10, 7; 11, 3), один экземпляр – косо усеченный конец (рис. 11, 4). Усеченные или тронкированные изделия характерны для верхнепалеолитической эпохи, для эпохи мезолита и эпизодически встречаются в коллекциях неолитического времени.

Скребоквидное орудие (рис. 11, 2) изготовлено из первичного отщепа, полученного при начальной оббивке кремневой гальки или конкреции. Орудие не имеет характерных, типичных признаков скребка. Детали вторичной обработки позволяют предполагать использование данного предмета в качестве скребка. Окончание отщепа имеет выраженный карниз, обработанный встречной ретушью, с помощью которой образовано подобие скребкового лезвия и устранены неровности.

Оба долотовидных орудия также нетипичны. Они различаются как выбранной заготовкой, техникой изготовления, так и размерами. Первое орудие изготовлено из массивного, возможно, первичного отщепа, что следует из наличия остатков корки на спинке скола. Дистальная часть отщепа уплощена двумя глубокими сколами со спинки и с брюшка и дополнительно подправлена мелкими нерегулярными сколами, также с двух сторон. Проксимальный конец выровнен и уплощен серией сколов. Остаточный отщеп обработан уплощающей ретушью по краям и с двух сторон. Практическую целесообразность изготовления подобного бифаса можно объяснить только попыткой создания долотовидного орудия. Но орудие, судя по хорошо сохранившимся подготовленным участкам, так и не использовалось в работе (рис. 9, 2). Второе орудие изготовлено из мелкого куска кремня с остатками корочного покрытия и сохранившимся участком естественной поверхности. Морфологические признаки этого орудия указывают на то, что форма и обработка орудия определяются утилизацией: мелкий кусок кремня расщепился в результате использования его, как долота. Далее следы утилизации развивались согласно предполагаемой функции – чешуйчатые сколы, длинные и короткие, возникли на обоих концах орудия (рис. 11, 5). Нетипичным данное орудие выглядит, главным образом, из-за своего размера, но по остальным признакам соответствует типу долот в большей степени, чем предыдущее изделие. Долотовидные или чешуйчатые орудия также относятся к верхнепалеолитическому списку типов, но встречаются в разных культурах вплоть до неолита. Алгоритм появления этих орудий неясен, отметим только их серийность в большинстве наблюдаемых случаев.

Орудия с резцовыми сколами, как и резцовая техника в целом, почти не представлены на нашем памятнике. Кроме вышеупомянутого углового резца на пластине, найден один нуклевидный резец, изготовленный

на остаточном нуклеусе с беспорядочным расположением негативов снятий. Подчетыреугольный нуклеус с двух сторон покрыт такими негативами. Три из четырех углов выделены специальными сколами, образующими резцовые кромки (рис. 10, 8). В целом облик орудия более характерен для неолитической эпохи, чем для предшествующих периодов каменного века.

В коллекции представлены орудия с бифасиальной обработкой – наконечники. Один из них – крупное орудие с двумя обломанными концами. Один конец наконечника сломан при изготовлении, на что указывает характер повреждения – не поперечный, а диагональный излом с выраженным началом слома (точка приложения силы) и таким же ясным окончанием (выход скалывающей силы на поверхность, противоположную направлению приложения силы). Наконечник изготовлен, скорее всего, в технике оббивки, и затем с применением техники отжима. Данное орудие можно было бы рассматривать как заготовку ножа, но оно более тонкое, чем известные ножи с бифасиальной обработкой. На наш взгляд, толщина орудия более соответствует толщине известных в регионе неолитических наконечников листовидной формы с обоюдоострыми концами (рис. 12, 2).

Два других наконечника, более мелкие по размерам, но они также сломаны, вероятно, при их использовании. Оба изготовлены с помощью отжимной ретуши, у одного обломано острие, у второго насад (рис. 12, 3–4). Указанные наконечники встречаются в регионе на памятниках позднего неолита – начала энеолита и совсем неизвестны в предшествующие эпохи.

Среди находок есть несколько предметов, свидетельствующих о применении техники шлифовки рубящих орудий: два отщепы со следами шлифовки, один из которых, судя по ретуши утилизации, использовался в качестве какого-то инструмента (рис. 11, 10), и обломок (обушковая часть) собственно рубящего орудия со сплошной шлифовкой. Обух орудия без шлифовки, со следами утилизации в муфте. Судя по сохранившейся части, орудие было массивным, овальным, почти круглым в сечении. Оно могло использоваться как долото (желобчатое?) Орудия такого типа более характерны для завершающей стадии неолита и особенно для энеолита (рис. 12, 5). Рубящее орудие и упомянутые отщепы со следами шлифовки изготовлены из одного материала – мягкого кремневого известняка.

С типологическим обликом наконечников и рубящего орудия согласуется присутствие в коллекции би-

фасиально оббитой заготовки. Предмет представляет собой бесформенный кусок кремневого известняка с известковой коркой с двух сторон. Один из краев обломка несет следы систематической оббивки. Судя по характеру этой оббивки, заготовка в начальной стадии обработки и не завершена. Вначале, на одной стороне заготовки полукруглой оббивкой была создана площадка, с которой затем осуществлялась плоская оббивка противоположной стороны. Типологически это орудие (или заготовка) не выражено, но технологически оно вписывается в круг поздне-неолитических-энеолитических предметов (рис. 12, 1).

Из сопутствующих орудий найден скол-отщеп со шлифовальника. Само орудие, вероятно, было изготовлено из крупной гальки или валуна с хорошо различной кристаллической структурой. Скол бесформенный, с одной неровной поверхностью, несущей характерные следы пришлифовки (рис. 12, 6).

Как практически в любой коллекции, относящейся к каменному веку, в описываемой содержатся морфологически неопределимые орудия – отщепы со следами утилизации или участками нерегулярной ретуши. Характер и расположение ретуши указывают на случайность и непродолжительность использования этих предметов (рис. 11, 7–9, 11).

Все перечисленные орудия ввиду их единичности не образуют групп, поэтому мы не можем говорить о типичности (массовости) того или иного орудия для данной коллекции. Но указанные орудия в том или ином сочетании встречаются в других памятниках и периодах каменного века, относящихся к продолжительному времени. Совокупность типов изделий, представленная в данной коллекции, позволяет определенным образом говорить о том, что памятник оставлен населением, существовавшим в конце неолитической эпохи, возможно, на рубеже неолита – энеолита. Эти представления основаны на присутствии в коллекции памятника двух техник расщепления, и, в том числе, призматической, характерной именно для неолитической эпохи в регионе. О неолитическом возрасте коллекции говорит присутствие архаичных типов изделий – усеченных сколов, долотовидных орудий, а также типа, характерного именно для неолита – скребка-«ложкаря». О позднем времени существования памятника в пределах неолитической эпохи говорят присутствие шлифованного долотовидного орудия, выраженной техники бифасиальной обработки, представленной наконечниками поздних для каменного века типов.

Описание культурного слоя эпохи бронзы

Памятник эпохи бронзы, судя по керамическому материалу, представляет собой остатки поселения срубной культуры. Культурный слой эпохи бронзы слабо насыщен фрагментами керамики и костями домашних животных. Находки распределяются по стратиграфическим слоям следующим образом.

В слое пашни, а также в выбросе из строительного котлована, обнаружено 36 фрагментов керамики. Это находки из разрушенного культурного слоя поселения.

В почве над слоем эпохи бронзы находилось 73 фрагмента керамики. В основном керамика залегала

в юго-восточной и восточной части раскопа. Это тоже перемещенные находки из культурного слоя поселения.

Самым насыщенным по количеству фрагментов керамики является слой эпохи бронзы, залегающий в основном в третьем и четвертом штыках. Единичные фрагменты найдены в 5 штыке. Здесь обнаружено 180 фрагментов керамики. Особая концентрация керамики отмечается в квадрате Д.11 и в прилегающих частях квадратов Д.10, Е.10, Е.11, Е.12.

Керамический комплекс (рис. 13; 14, 1–9) из культурного слоя поселения представлен 287 фрагментами керамики эпохи бронзы. Фрагменты керамики имеют средние и маленькие размеры. Керамика сильно раздроблена.

В коллекцию входят фрагменты 15 венчиков, 266 стенок и 6 днищ сосудов.

Судя по венчикам, в коллекции выделяется 5 баночных и 10 горшковидных сосудов.

Баночные сосуды имеют прямые стенки, реже устье стянуто.

Горшковидные сосуды слабо профилированы. У одного горшковидного сосуда венчик отогнут, образуя ребро на внешней поверхности. Сосуды имеют внутренние и внешние закраины у края венчика. Срез венчика плоский, реже округлый.

Орнаментированы 3 фрагмента венчиков. Композиция орнамента не ясна из-за небольших размеров фрагментов. Фиксируются лишь мелкие округлые ямки, глубокие, овальные, наклонно расположенные насечки.

Орнаментированные стенки представлены 17 фрагментами небольших и средних размеров, что не позволяет представить композицию орнамента в целом. Один фрагмент стенки имеет следы расчесов по внешней поверхности и отпечатки крупнозубчатого штампа. На остальных фрагментах есть такие элементы орнамента, как ямки – округлые, овальные, прямоугольные; насечки, отпечатки крупнозубчатого штампа, резные горизонтальные или наклонные линии, ногтевые вдавления, защипы. В одном случае стенка сосуда орнаментирована вертикальной резной елочкой, подчеркнутой двумя горизонтальными резными линиями. Одна стенка имеет сквозное круглое отверстие.

Неорнаментированные стенки представлены 249 фрагментами мелких и средних размеров. Толщина стенок 5–6 мм. Иногда встречаются стенки толщиной от 7 до 10 мм. Профилированные стенки единичны. Цвет внешней и внутренней поверхностей преобладающего количества фрагментов светло-коричневый. В отдельных случаях стенки имеют светло-коричневую внешнюю поверхность и почти черную внутреннюю поверхность. Некоторые стенки имеют черный цвет и внешней, и внутренней поверхности. Поверхности стенок ровные, лишь единичные фрагменты имеют на внешней поверхности следы обработки зубчатым штампом.

В керамической коллекции поселения представлено 6 экземпляров днищ. Все они плоские, без закраин или с небольшими закраинами. Диаметр днищ не восстанавливается. Толщина днищ от 5 до 12 мм. Если сохранилась стенка придонной части сосуда, то в одних случаях толщина днища и стенки одинаковая – 9 или 10 мм, в других случаях днище толще стенок (соотношение 15 мм к 7 мм).

Рецепты приготовления формовочных масс лепной посуды были исследованы Н.В. Ивановой по методике А.А. Бобринского. Для их изучения был использован микроскоп МБС-9.

В составе формовочной массы присутствуют следующие компоненты:

– ожелезненная глина средней степени запесоченности, естественными примесями в которой являются цветной песок, слабо окатанный, размером от 0,2 мм и менее, и бурый железняк оолитовой формы, размерами от 2 мм;

– искусственные примеси: шамот, концентрацией 1/4, размером от 3 мм и менее, в шамоте фиксируется ожелезненная глина средней степени запесоченности, и органический раствор.

Лишь один фрагмент имеет несколько иной состав формовочной массы. В составе формовочной массы ожелезненная глина малой степени запесоченности. Естественные примеси в ней: песок цветной, окатанный, размером от 1 мм и менее; пылевидная слюда; бурый железняк оолитовой формы, размером до 2,5 мм. Искусственные примеси: шамот концентрацией 1/4, размером от 6 мм и менее. В шамоте фиксируется ожелезненная глина малой степени запесоченности, раковина, органика, и дробленая раковина концентрацией 1/4, слоистая, частично выгоревшая, а также навоз.

Анализ керамики показывает, что она имеет все характеристики керамики срубной культуры развитого этапа как по формам и орнаменту, так и по рецептам формовочных масс. Единичными фрагментами представлена более поздняя керамика. Это сосуды со скошенными внутрь венчиками (рис. 13, 4, 6, 10). Один из них украшен крупными ямками, сделанными с внешней стороны сосуда (рис. 13, 2).

Куски обожженной глины (рис. 14, 10–12; 15) из сооружения 1 были исследованы Н.В. Ивановой по методике А.А. Бобринского. Для их изучения был использован микроскоп МБС-9.

Форма исследованных фрагментов позволяет предположить, что какая-то горизонтальная площадь была покрыта слоем глиняной формовочной массы, которая была разглажена в горизонтальном направлении. Заглаживание производилось твердым орудием с ровной рабочей поверхностью. Предположительно по краям были сформированы бортики, прямоугольные в сечении, шириной 1,8–2,5 см. Отдельные фрагменты

слабо уплощены и заглажены с трех сторон. Высоту по сохранившимся фрагментам установить не удалось.

Некоторые участки горизонтальной поверхности были покрыты слоем ожелезненной глины средней степени запесоченности без искусственных примесей. Вероятно, в процессе высыхания образовывались трещины, которые были замазаны.

Практически все фрагменты обмазки темно-серого или черного цвета. Вероятно, обжиг производился при малом доступе кислорода, в восстановительной среде. Несколько фрагментов частично окрашено в коричневый цвет, видимо, на этих участках доступ кислорода к ним был больше.

Все фрагменты глиняной обмазки сделаны из одного вида формовочной массы. В составе нее выявлены следующие компоненты. В качестве основного пластичного сырья использовалась смесь двух глин:

– ожелезненная глина средней степени запесоченности, дробленая во влажном состоянии. Естественные примеси: песок кварцевый, частицы слабо окатанные, размером менее 0,02 см и бурый железняк оолитовой формы концентрацией 1/6, размером частиц 0,1–0,25 см и менее;

Описание находок эпохи средневековья

На изученной части поселения обнаружены 2 фрагмента круговой керамики. Их исследование проведено Н.В. Ивановой.

Фрагмент венчика (№ 23, Г.6, шт. 3). Обе поверхности и излом красно-коричневого цвета, что свидетельствует о качественном обжиге изделия в горне. Срез венчика горизонтальный, плоский. На внутреннем крае среза фиксируется лощение. Внешний край частично разрушен, фиксируемые полосы образованы, возможно, в результате заглаживания. Толщина венчика 0,6 см.

В составе формовочной массы отмученная (удалена относительно крупная фракция песка), ожелезненная глина средней степени запесоченности. Включения песка естественного характера не превышают 0,01 мм, бурого железняка оолитовой формы – 0,5 мм.

Фрагмент неорнаментированной стенки (№ 127, Д.8, шт. 4). Обе поверхности красно-коричневого цвета,

– ожелезненная глина малой степени запесоченности, дробленая в сухом виде, с естественной примесью пылевидной слюды. Искусственно введенными примесями являются шамот и навоз во влажном состоянии. Шамот концентрацией 1/3, размер частиц до 0,8 см. В составе шамота основное пластичное сырье, аналогичное описанному выше. Навоз концентрацией около 1/4. Фиксируется данная примесь по наличию в изломах фрагментов растительных отпечатков с обугленными остатками травянистой структуры длиной до 0,8–1,0 см, шириной около 0,3 см; фрагментов зерен или семян и их оболочек; пустот округлой формы диаметром до 0,5 см от выгоревших стеблей растений; отпечатков, вероятно, шерсти, диаметром около 0,02 см, длину которых точно установить не удалось. Фиксируются также потеки черного или коричневого цвета, покрывающие стенки аморфных пустот и обволакивающие частицы шамота. Следует отметить, что формовочная масса промешана крайне неравномерно, на отдельных участках одного и того же относительно крупного фрагмента концентрация искусственных примесей различна.

излом в середине серый (некачественный обжиг в горне). Толщина венчика 0,8 мм.

В составе формовочной массы отмученная ожелезненная глина средней степени запесоченности. Включения песка естественного характера не превышают 0,01 мм. В качестве искусственной примеси использовалась, вероятно, органика. В изломе фиксируются единичные рыхлые окатанные включения бежевого цвета, размером около 1 мм и единичные отпечатки растительности (стебли, травянистые частицы). Можно предположить использование выжимки навоза.

Фрагменты круговой керамики датируются эпохой позднего средневековья. Традиции изготовления круговой посуды по описанным рецептам распространяются в Среднем Поволжье с образованием Волжской Болгарии и существуют довольно длительное время.

Остеологическая коллекция

Остеологическая коллекция из раскопок поселения Волгарь III включает в себя 179 фрагментов костей животных. Все кости, скорее всего, связаны с культурным слоем эпохи бронзы. Естественная сохранность костного материала оценивается как неудовлетворительная (2 балла по пятибалльной шкале). Кости сильно раздроблены. Часть определимых до видового уровня остатков составила лишь 30,7% всей костей, поэтому, представление коллекции сводится только к определению таксономической принадлежности костей. Все определимые кости принадлежат домашним видам: крупному рогатому скоту (*Bos taurus*) – 35 фрагментов, мелкому рогатому скоту – овце (*Ovis aries*) или козе (*Capra hircus*)

– 3 фрагмента, лошади (*Equus caballus*) – 3 фрагмента и собаке (*Canis familiaris*) – 1 фрагмент. Кроме этого, найдены раковины моллюсков – 13 экземпляров. Костей неопределимых до вида – 124 фрагмента.

На 57 костях имеются следы воздействия огня и высоких температур (2 обожженные, 55 кальцинированные), что составляет 33% всех костей. На одной кости остались следы от разбивания ее тяжелым тупым предметом.

В котловане, вырытом строителями, было собрано еще 17 фрагментов костей животных. Они представлены 4 костями крупного рогатого скота, 1 фрагментом кости мелкого рогатого скота, 1 целой и 4 фрагментами

раковин моллюсков, 2 костями рыбы и 5 костями млекопитающих, неопределимых до вида.

В заключение описания материалов, полученных при раскопках, нужно отметить, что несмотря на многочисленность находок, обнаруженных при ис-

следовании разрушенного памятника – поселения Волгарь III, культурная принадлежность этих находок вполне определена, что делает этот памятник важным источником для изучения древней истории Самарского Поволжья на этапе каменного и бронзового веков.

Таблица 1. Стоянка Волгарь III. Техничко-типологический состав коллекции 2008 года.

технологические типы							всего по типам
наименования технологических типов			в т.ч. со вторичной обработкой				
	из культурного слоя	подъемный материал	из культурного слоя		подъемный материал		
галька	4		отбойник	1			
куски	3	6	долотовидная утилизация	1	бифасиальная оббивка	2	
					нуклевидный резец	1	
нуклеусы	2	2					
нуклевидные	1						
техносколы							
сколы с площадок нуклеусов	3						
продольные фронтальные сколы	1	1					
краевые фронтальные сколы	2	3					
ребристые сколы		1	1				
пластины							
целые							
проксимальные							
медиальные	1	2	с краевой ретушью	1	угловой резец	1	
дистальные	1		скребок	1			
отщепы							
целые	25	20	шлифовка	2	чешуйчатая долотовидная подтеска	1	
			крутая ретушь	1	концевой скребок	1	
			с пологой ретушью	1			
			чешуйчатая ретушь	1			
проксимальные	1	20			крутая ретушь	1	
медиальные	9	5	с крутой ретушью	1			
			со шлифовкой	1			
			с полукрутой ретушью	1			
дистальные	13	31			полукрутая ретушь	1	
осколки	1						
рубящее	1		оббивка, шлифовка	1			
наконечник	2		бифасиальная ретушь	2			
всего по условным комплексам	71	91	15		8		162
всего	162		23				

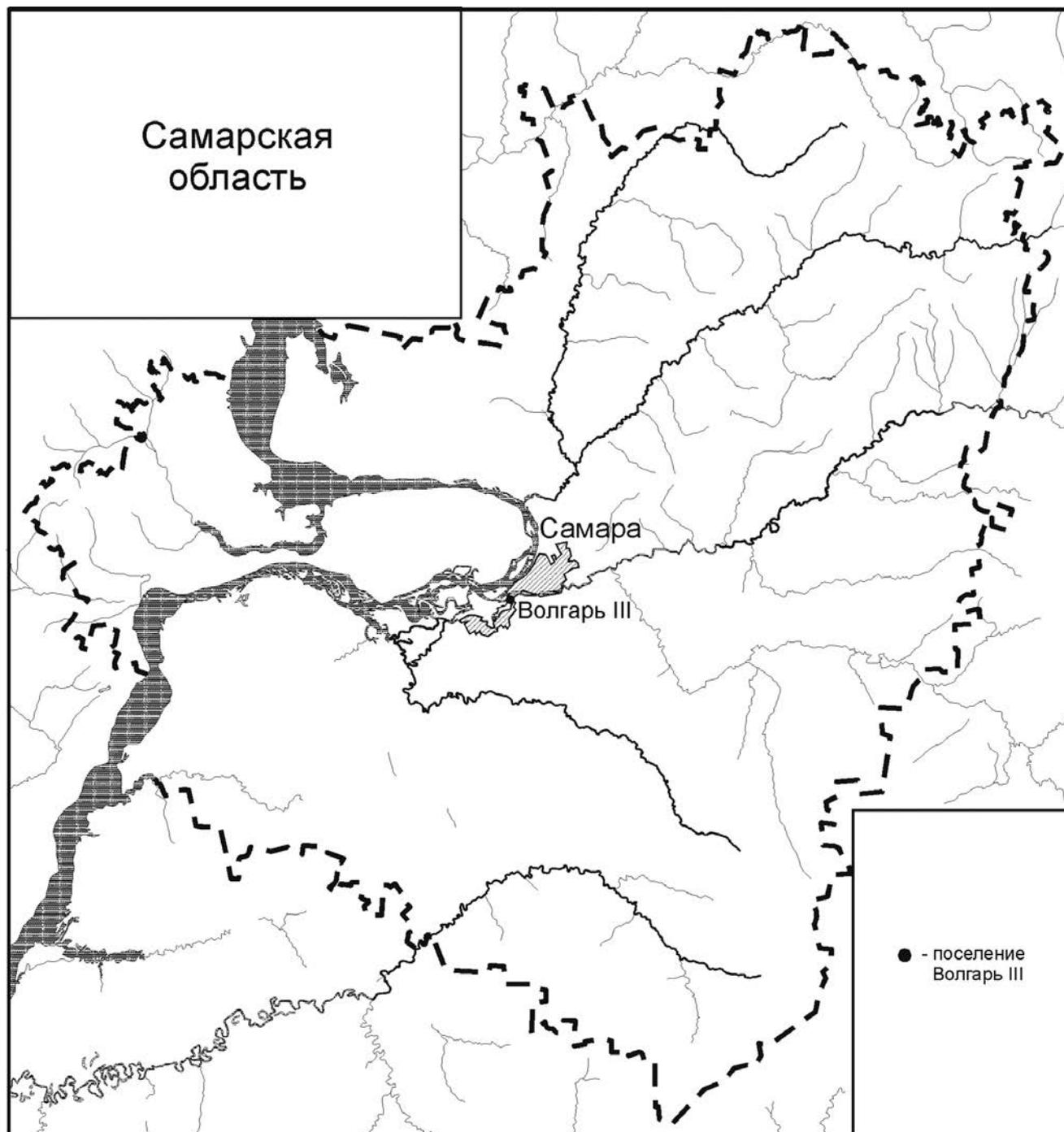
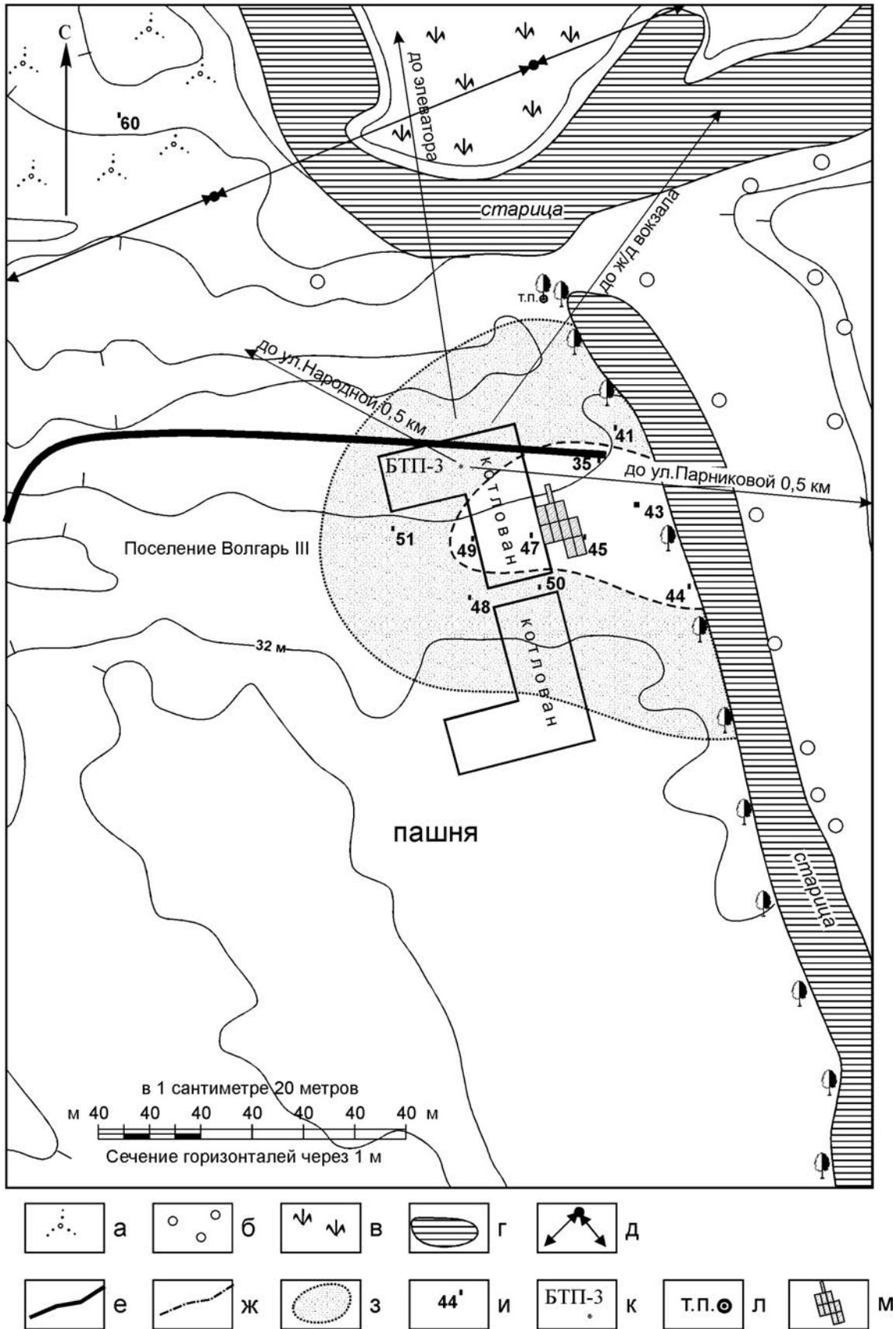

Рис. 1. Поселение Волгарь III. Расположение памятника на карте Самарской области.

Условные обозначения: а – кустарник; б – деревья; в – заболоченные участки; г – старица; д – ЛЭП; е – грунтовая дорога; ж – границы памятника; з – охранный зона; и – шурфы; к – базовая точка привязки; л – точка привязки раскопа; м – раскоп 2008 г.

Рис. 2. Поселение Волгарь III. Расположение памятника, шурфов и котлована строящегося дома на плане местности.

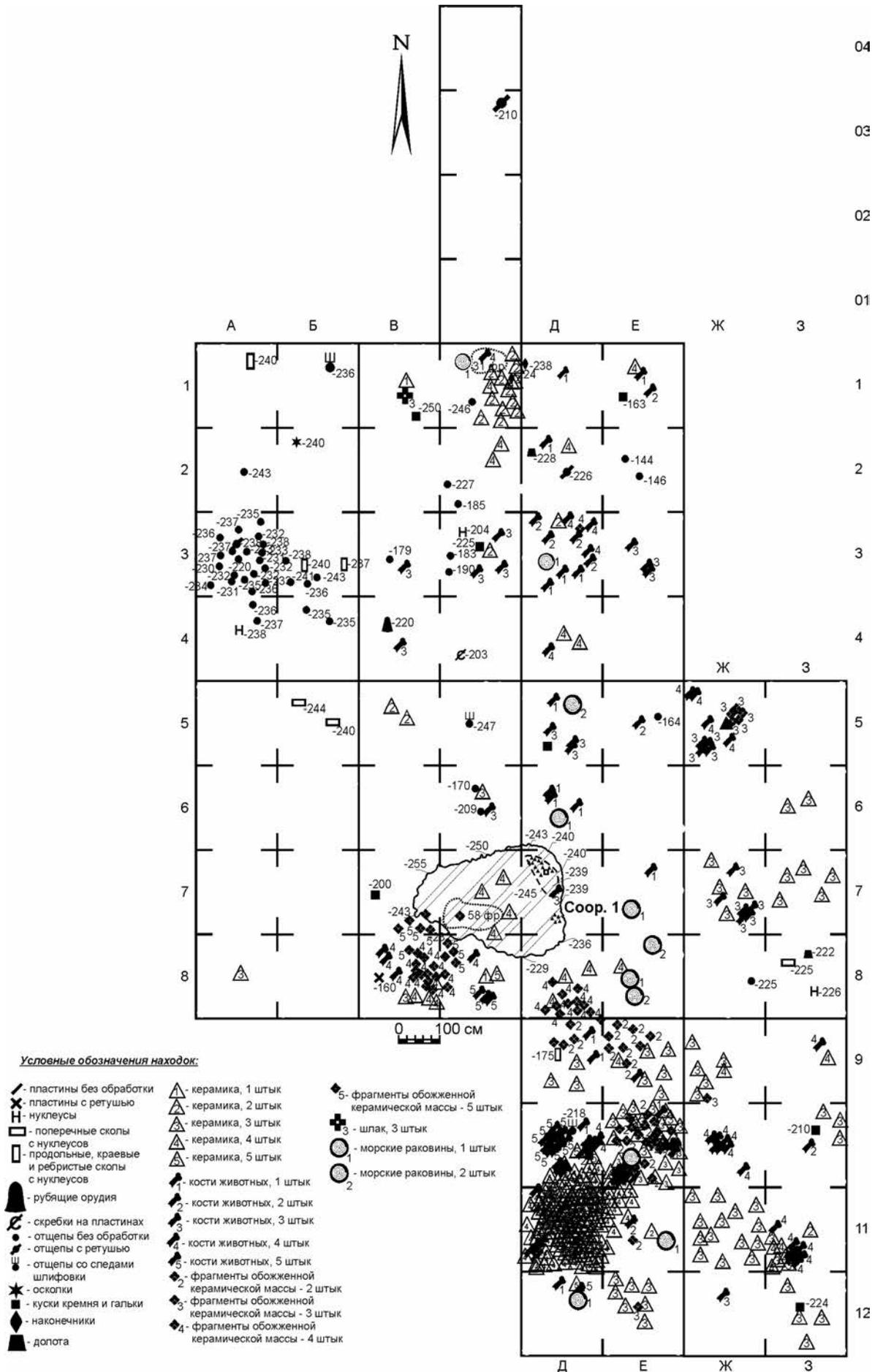

Рис. 3. Поселение Волгарь III. План раскопа.

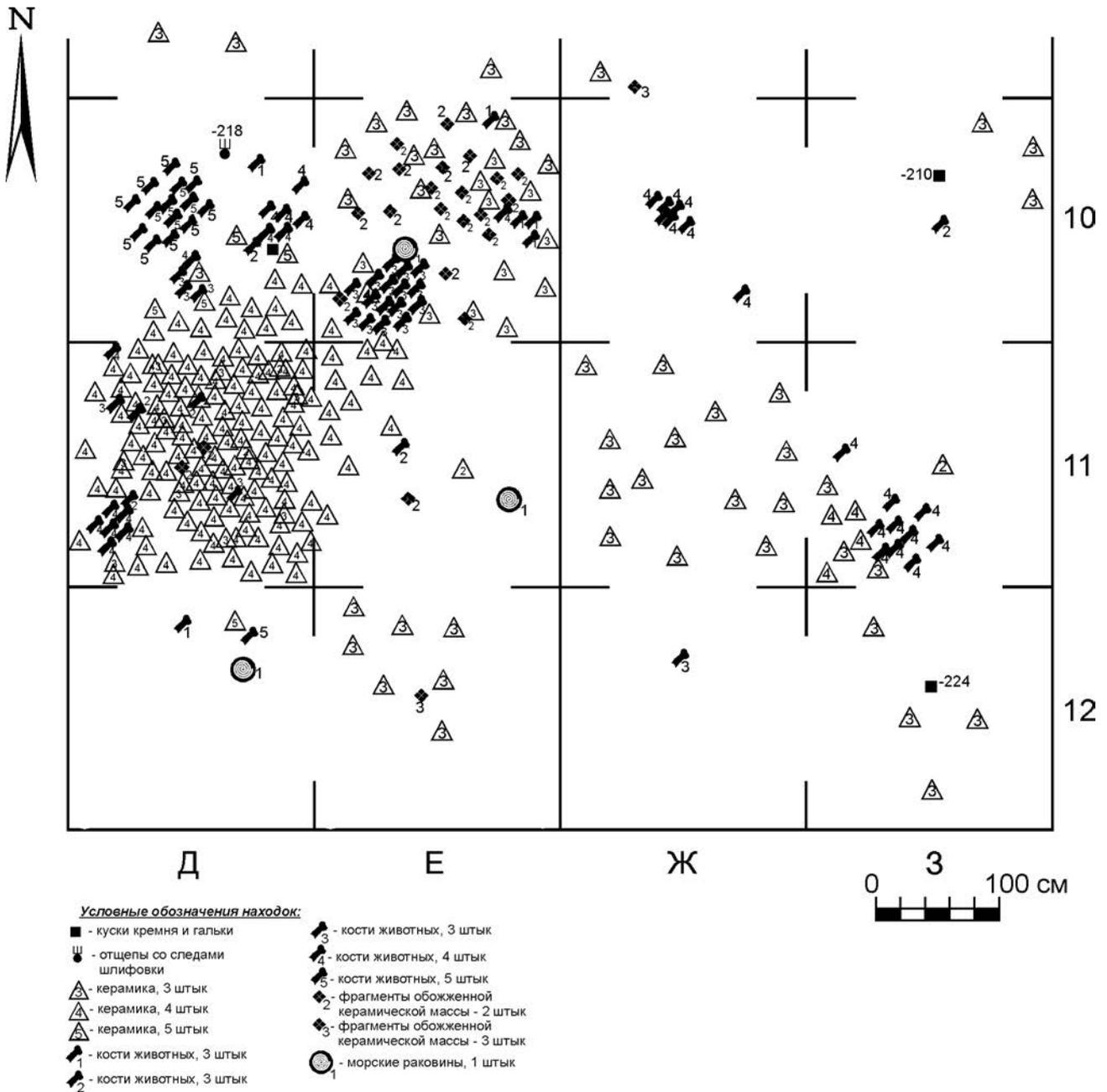
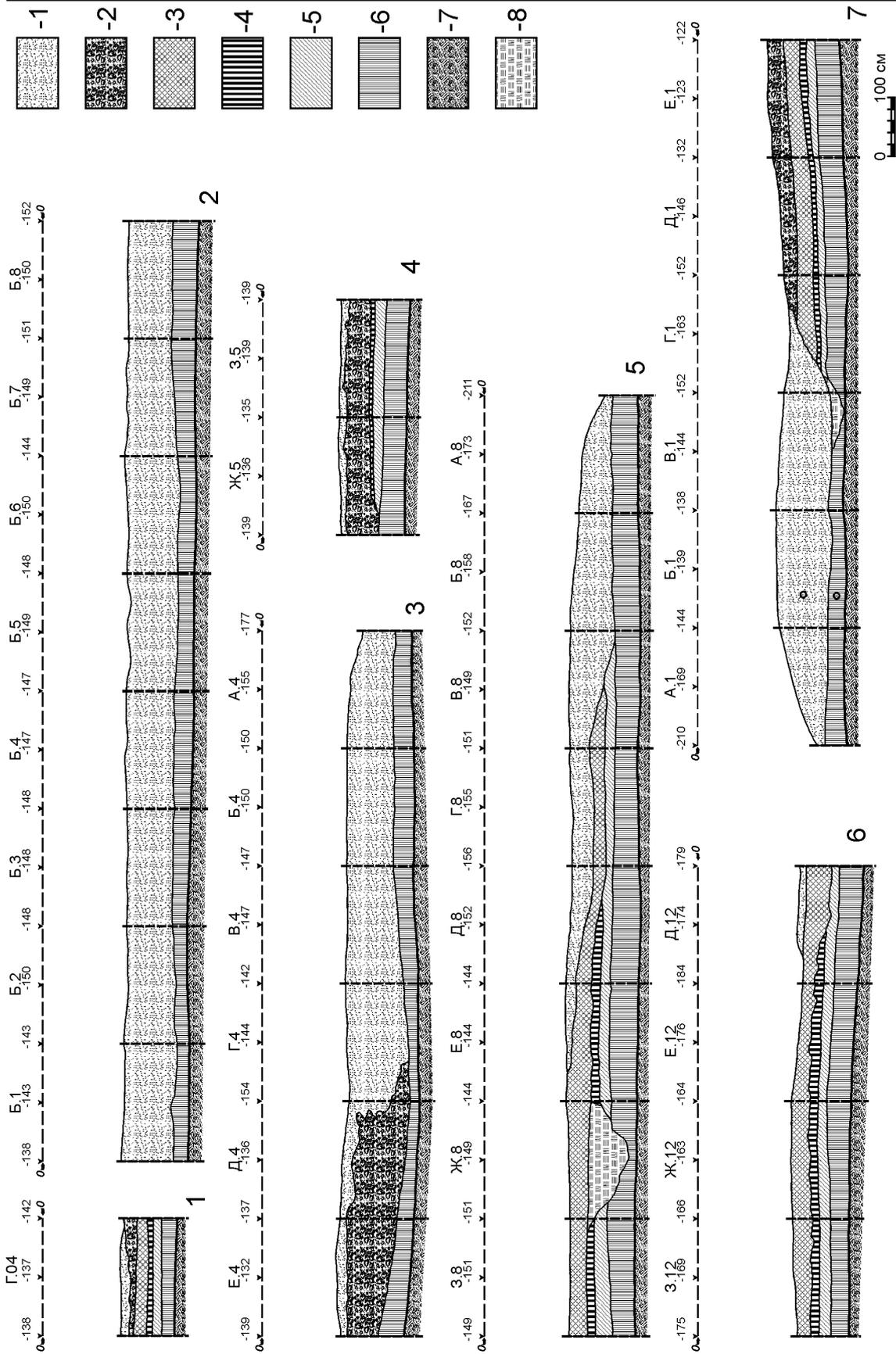
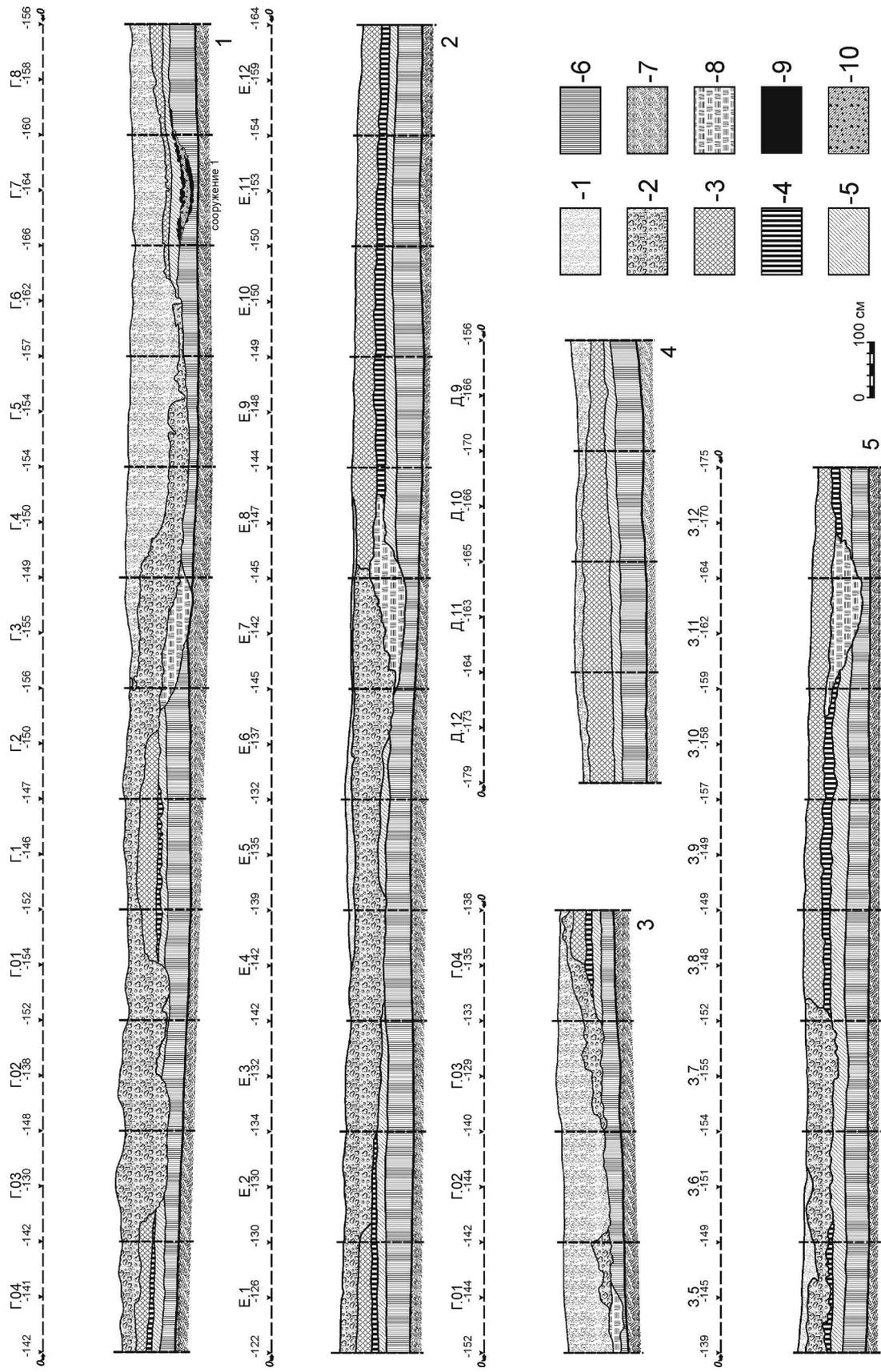

Рис. 4. Поселение Волгарь III. Вырезка из плана раскопа.

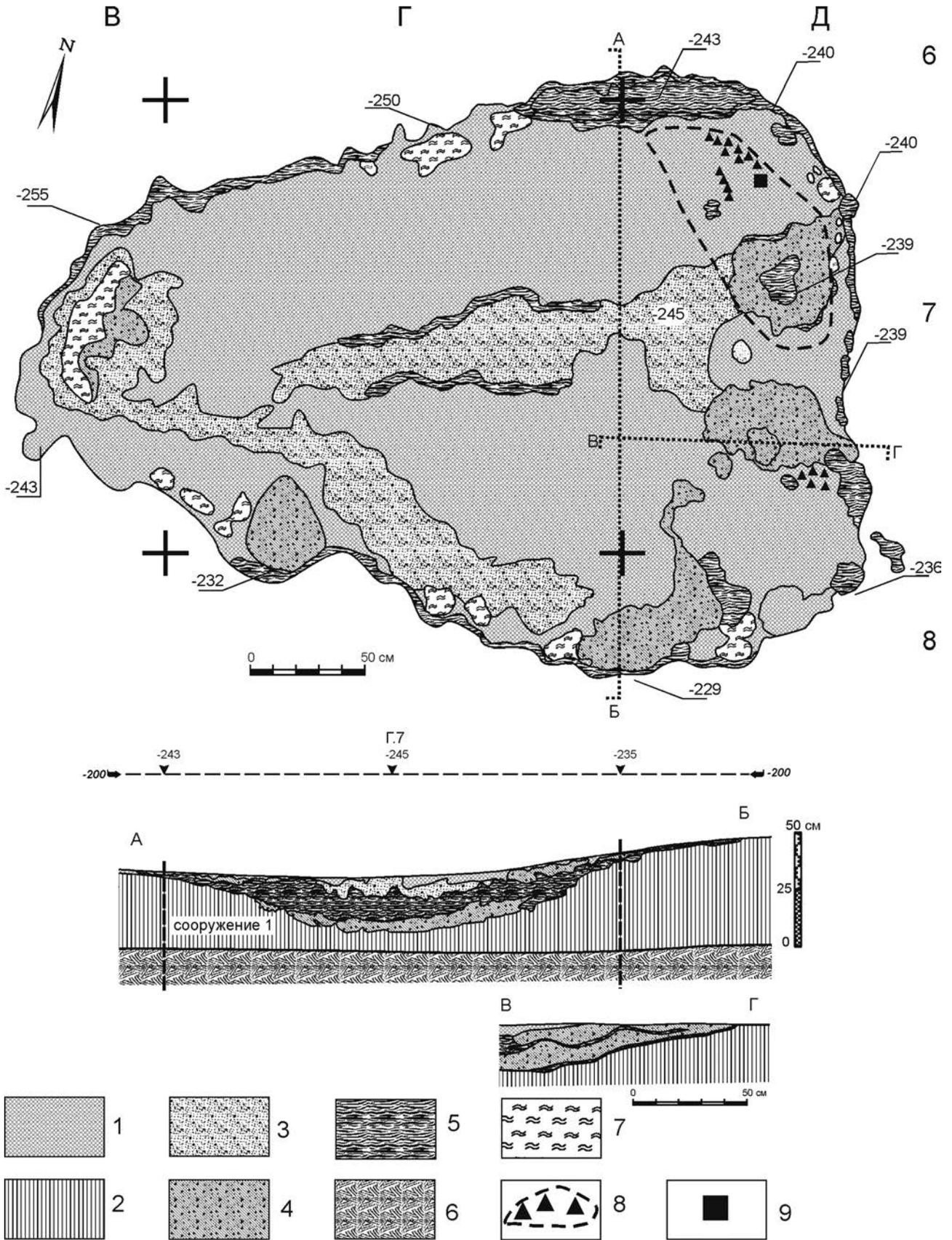
Условные обозначения: 1 – отвал из строительного котлована, песок; 2 – отвал из строительного котлована, перемешанный суглинок; 3 – серый, спрессованный суглинок, пахотный слой; 4 – вязкий, темно-серый суглинок, верхняя делювиальная почва; 5 – вязкий, темно-серый суглинок с вкраплениями прокала – горизонт залегания находок эпохи бронзы; 6 – вязкий, темно-серый суглинок с находками эпохи неолита – нижняя делювиальная почва; 7 – вязкий, желто-оранжевый суглинок, материк; 8 – вязкий, перемешанный светло-коричневый суглинок – заполнение современной канавы.

Рис. 5. Поселение Волга III. Профили раскопа.

Условные обозначения: 1 – отвал из строительного котлована, песок; 2 – отвал из строительного котлована, перемешанный суглинок; 3 – серый, спрессованный суглинок, пахотный слой; 4 – вязкий, темно-серый суглинок, верхняя делювиальная почва; 5 – вязкий, темно-серый суглинок с вкраплениями прокала – горизонт залегания находок эпохи бронзы; 6 – вязкий, темно-серый суглинок с находками эпохи неолита – нижняя делювиальная почва; 7 – вязкий, желто-оранжевый суглинок, материк; 8 – вязкий, перемешанный светло-коричневый суглинок – заполнение современной канавы; 9 – яркий прокаленный суглинок; 10 – суглинок, насыщенный сажей, углями и золой.

Рис. 6. Поселение Волгарь III. Профили раскопа.

Условные обозначения: 1 – вязкий, темно-серый суглинок с вкраплениями прокала – горизонт залегания находок эпохи бронзы; 2 – вязкий, темно-серый суглинок с находками эпохи неолита; 3 – яркий, прокаленный суглинок, малая концентрация; 4 – яркий, прокаленный суглинок, большая концентрация; 5 – суглинок, насыщенный сажой, углями и органикой; 6 – вязкий, желто-оранжевый суглинок, материк; 7 – суглинок с золой; 8 – участок концентрации фрагментов керамики и наиболее крупные фрагменты; 9 – не сгоревший фрагмент коры.

Рис. 7. Поселение Волгарь III. План и профили сооружения 1.

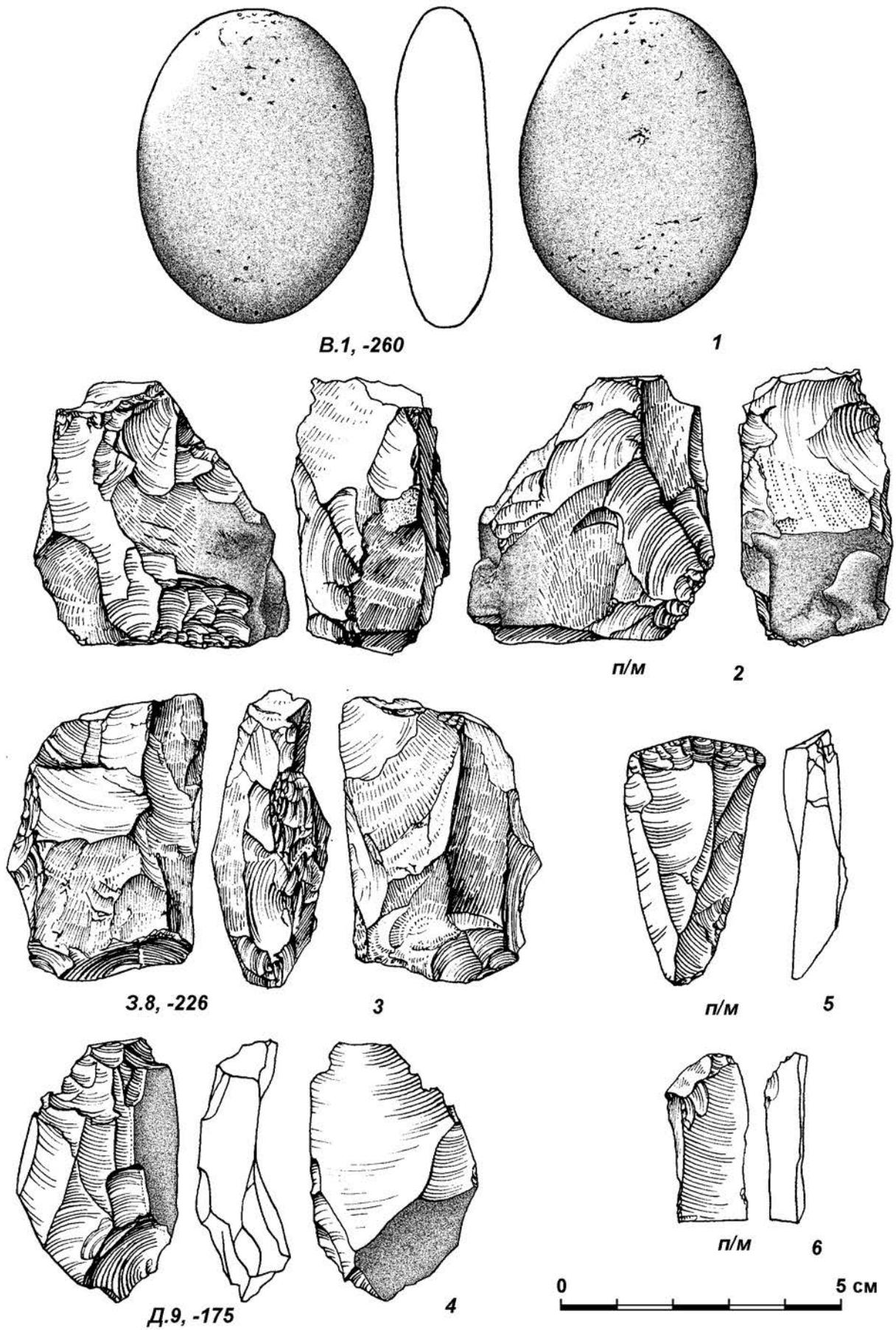

Рис. 8. Поселение Волгарь III. Каменный инвентарь.

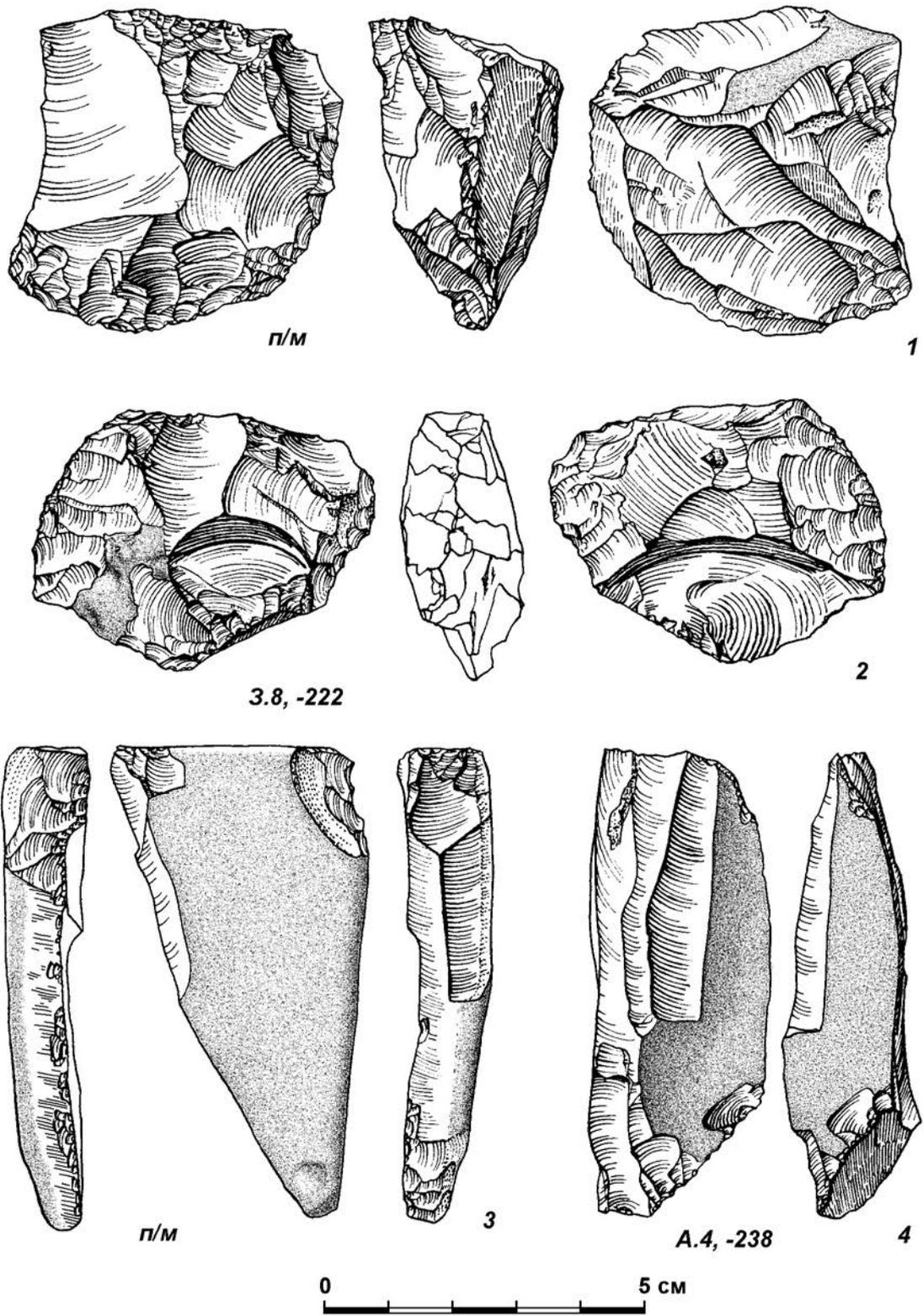

Рис. 9. Поселение Волгарь III. Каменный инвентарь.

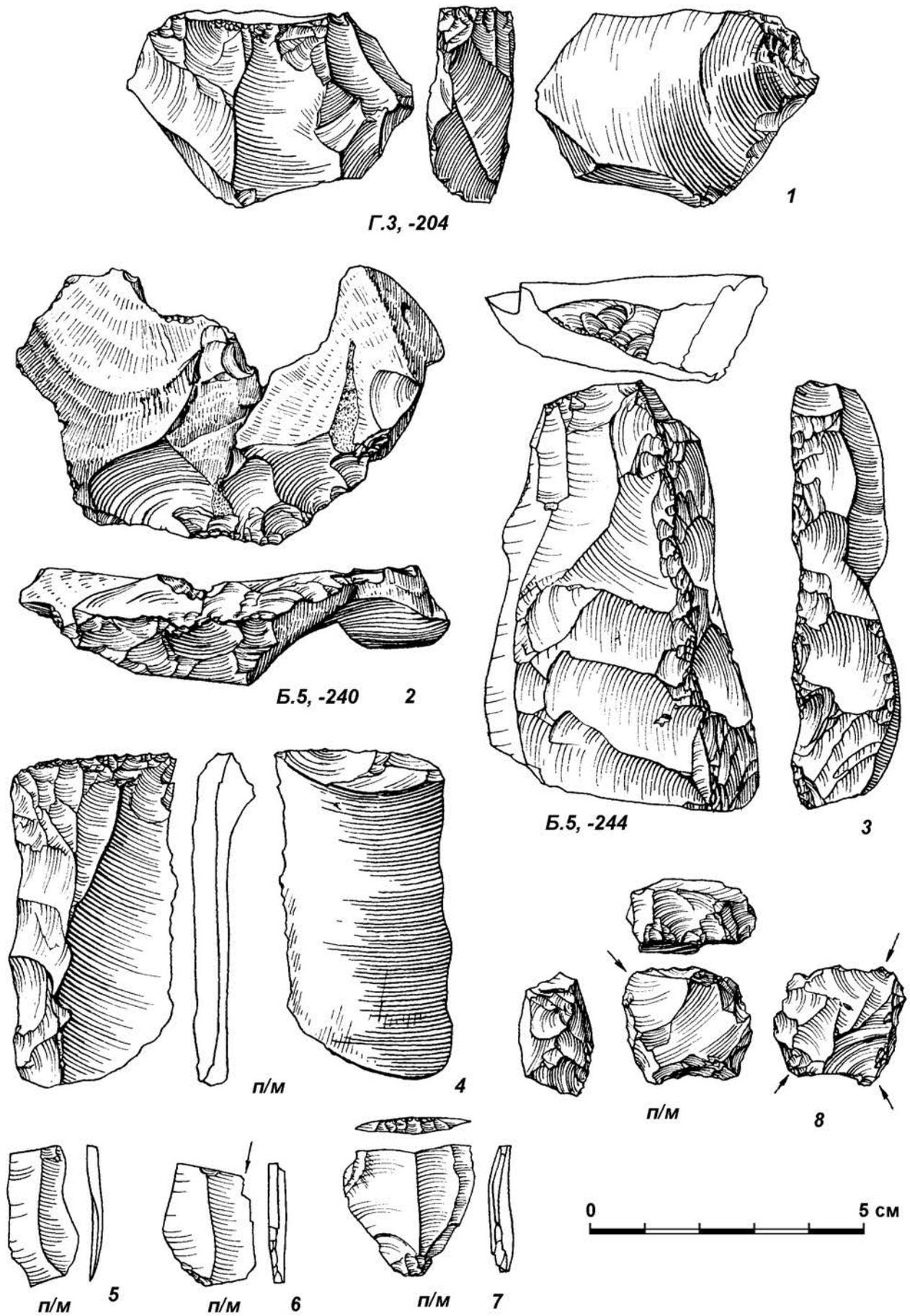

Рис. 10. Поселение Волгарь III. Каменный инвентарь.

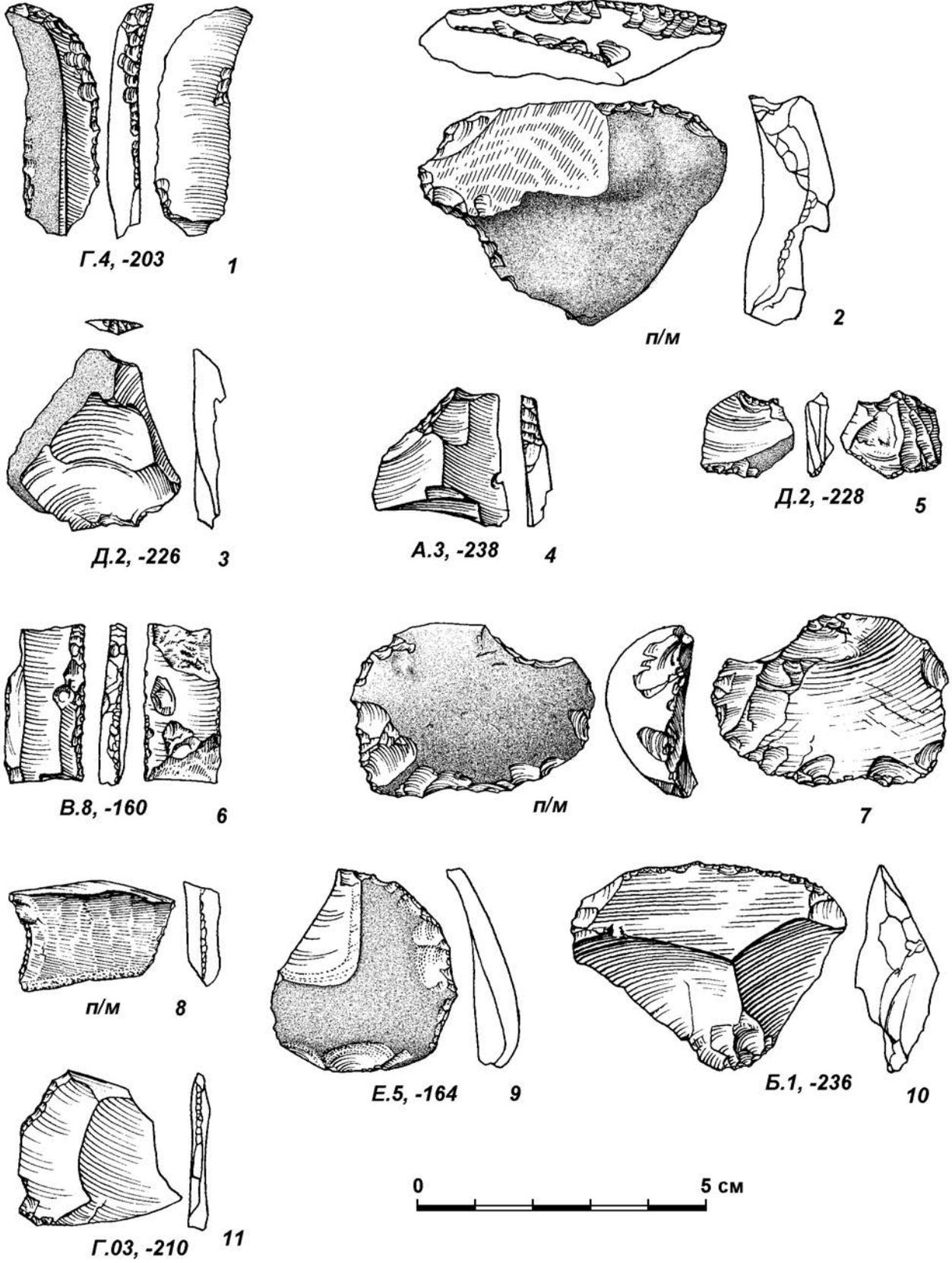

Рис. 11. Поселение Волгарь III. Каменный инвентарь.

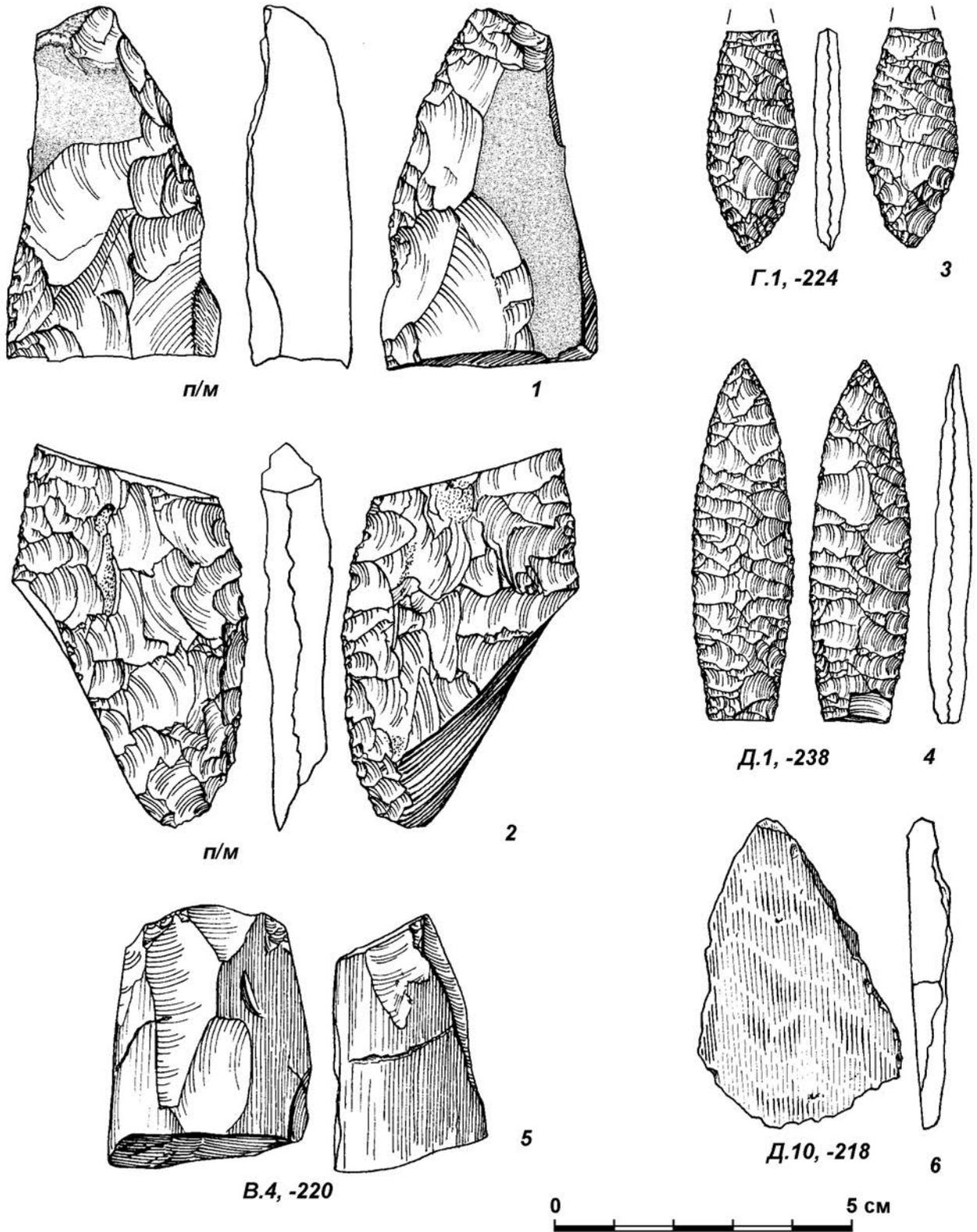

Рис. 12. Поселение Волгарь III. Каменный инвентарь.

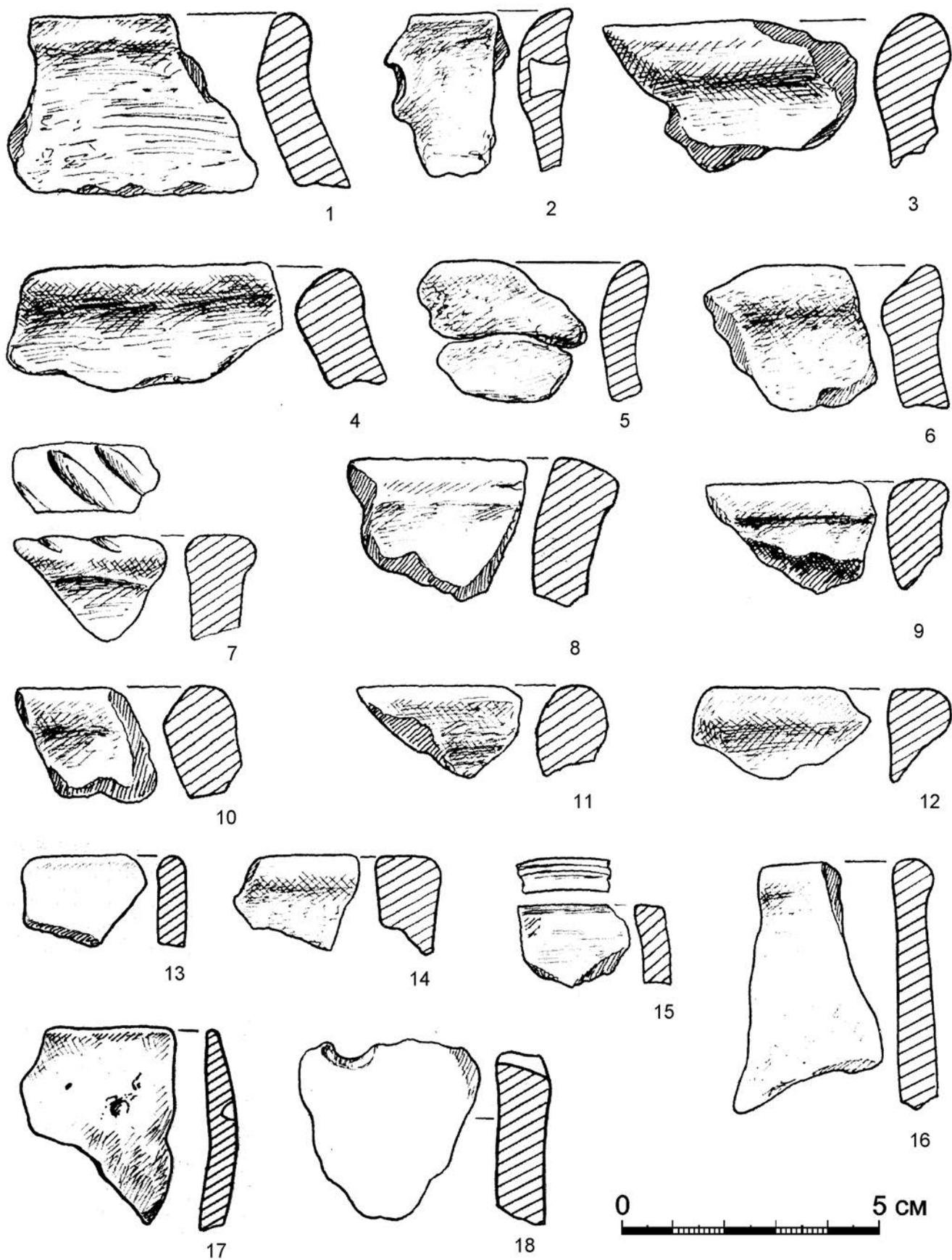

Рис. 13. Поселение Волгарь III. Керамика.

1 – кв. Д.11, шт. 4; 2 – кв. З.12, шт. 3; 3 – кв. Д.11, шт. 4; 4 – кв. Д.11, шт. 4; 5 – кв. Ж.7, шт. 3; 6 – кв. Е.10, шт. 3; 7 – кв. Д.11, шт. 4; 8 – кв. Е.9, шт. 3; 9 – кв. З.11, шт. 2; 10 – кв. Д.11, шт. 4; 11 – кв. Д.11, шт. 4; 12 – кв. Д.11, шт. 4; 13 – кв. Г.8, шт. 5; 14 – кв. Д.8, шт. 4; 15 – кв. Г.6, шт. 3; 16 – кв. З.7, шт. 3; 17 – кв. Г.2, шт. 4; 18 – кв. В.8, шт. 3.

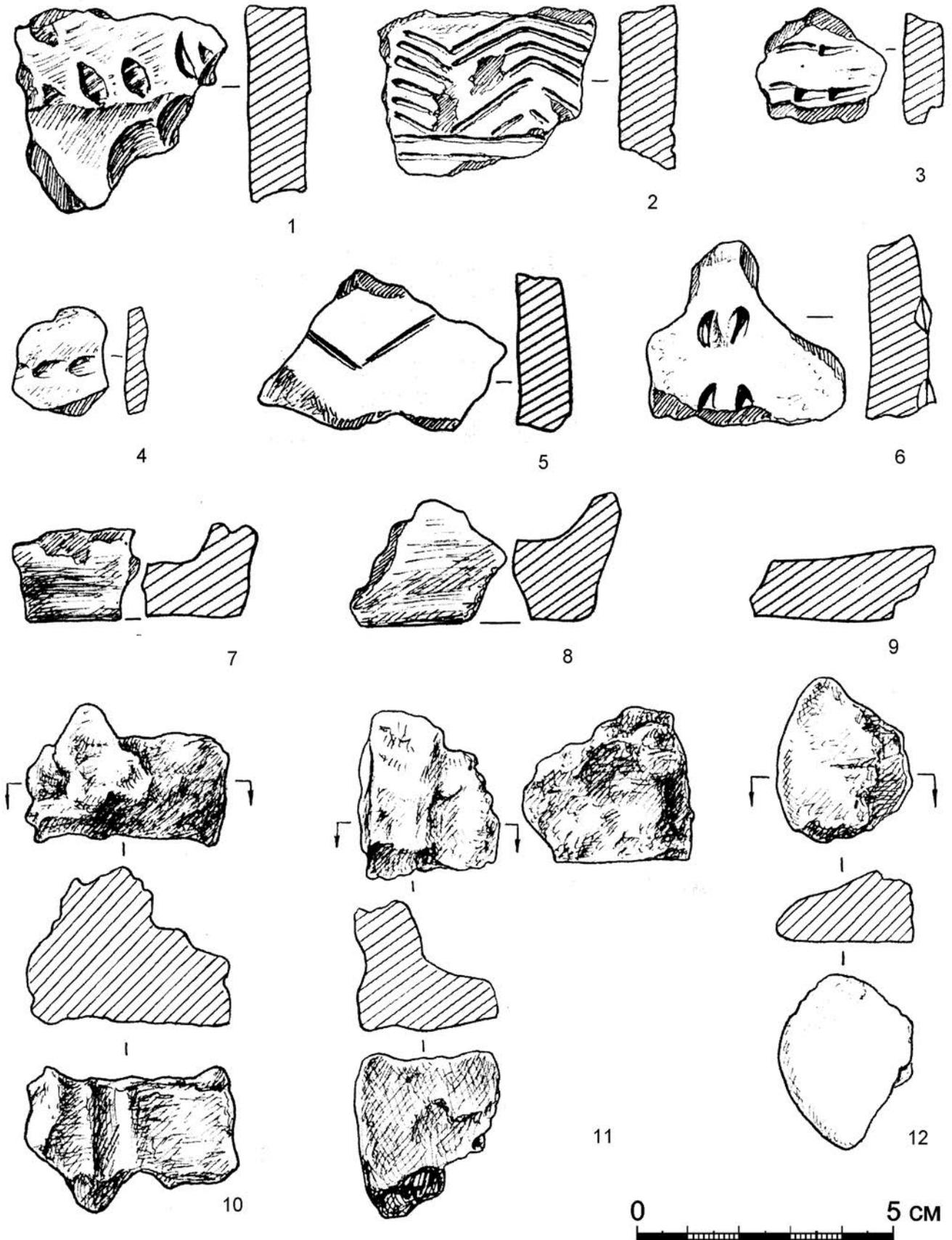

Рис. 14. Поселение Волгарь III. Керамика (1–9) и куски обожженной глины из сооружения 1 (10–12).

1 – кв. Ж.11, шт. 3; 2 – кв. Д.11, шт. 4; 3 – кв. Г.1, шт. 2; 4 – кв. Г.1, шт. 2; 5 – кв. Ж.11, шт. 3; 6 – кв. Е.11, шт. 4; 7 – кв. Д.11, шт. 4; 8 – кв. Ж.11, шт. 3; 9 – кв. В.1, шт. 1.

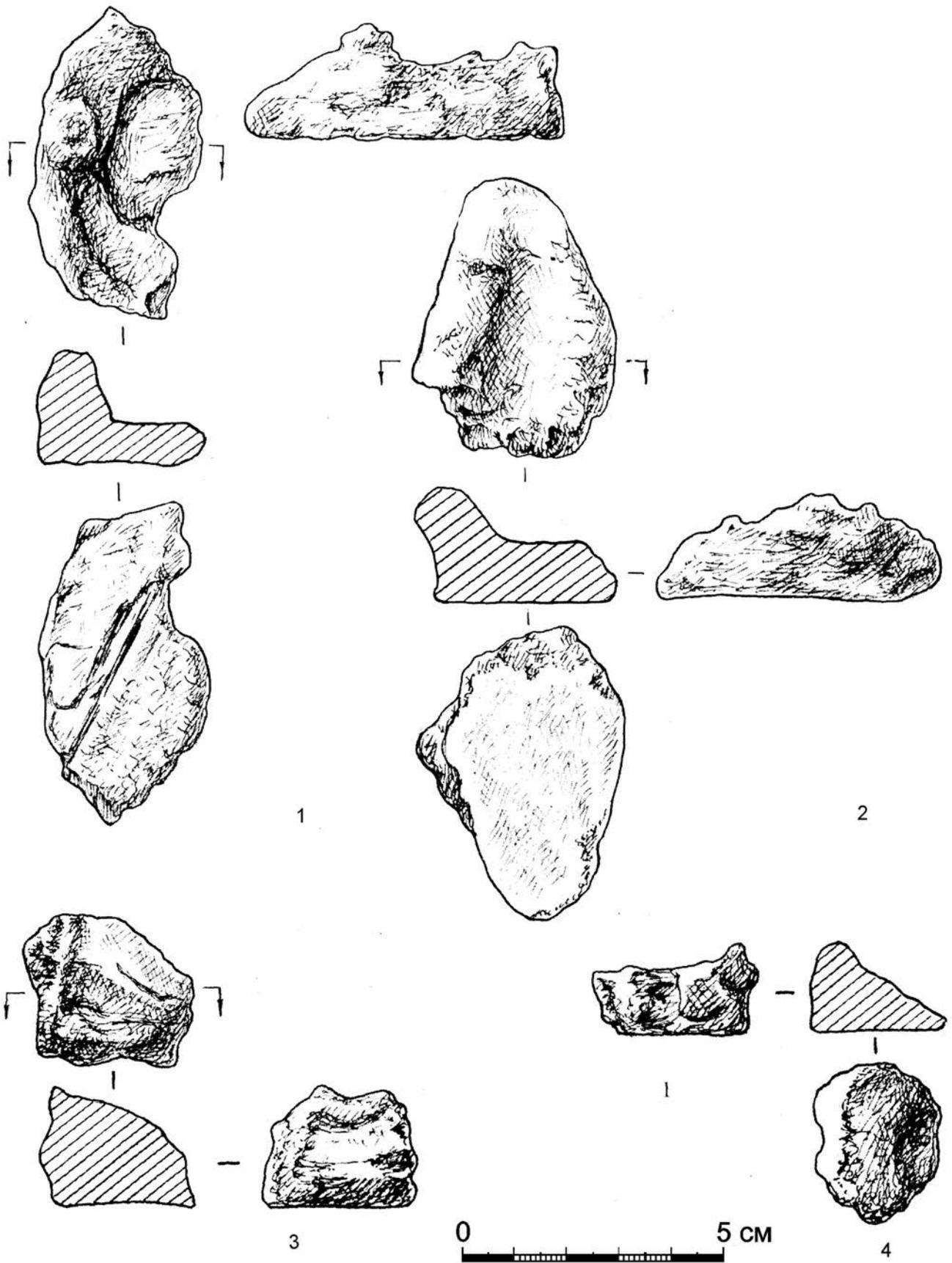

Рис. 15. Поселение Волгарь III. Куски обожженной глины из сооружения 1.

ХВАЛЫНСКИЙ I ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК: НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ

© 2023 Н.И. Шишлина*

**Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 21-18-00026 «Ресурсы и человек в эпоху бронзы-средневековья: динамика использования аридных регионов юга России»*

Аннотация. Новые радиоуглеродные УМС-даты, полученные по образцам изделий из костей животных из могильника Хвалынский I и результаты сравнительного анализа этих данных с радиоуглеродным возрастом человека позволили верифицировать общую хронологию поволжских Хвалынских I и II могильников и предложить интервалы, основанные на радиоуглеродном возрасте наземных образцов, не подверженных влиянию резервуарного эффекта. Начало формирования Хвалынских могильников можно отнести к интервалу 4426–4350 гг. до н.э. (1σ) или 4508–4340 гг. до н.э. (2σ). Финал маркируется интервалом 4334–4249 гг. до н.э. (1σ) или 4346–4171 гг. до н.э. (2σ). Хронология этих могильников важна для периодизации энеолитических культур степного и лесостепного Поволжья и их хронологического соотношения, а также при анализе внутренней хронологии хвалынской культуры, ареал которой выходит за пределы локализации Хвалынских могильников. Новые хронологические реперы также важны при сопоставительном хронологическом анализе энеолитических групп, обитавших в Поднепровье, Подонье, Северном Кавказе, Прикаспии.

Ключевые слова: энеолит, Поволжье, Хвалынский I могильник, УМС-датирование, стабильные изотопы азота и углерода.

THE ENEOLITHIC KHALYNSK I CEMETERY: NEW RADIOCARBON DATES

© 2023 N.I. Shishlina

Abstract. New radiocarbon AMS dates obtained on the items made of the animal bones which have been found at Khvalynsk I and results of the comparative analysis of these data and the radiocarbon age of the humans provided an opportunity to verify the general chronology of the Volga Khvalynsk I and Khvalynsk II cemeteries and offers the intervals based on the radiocarbon age of the terrestrial samples not influenced by the reservoir effect. The early stage of the Khvalynsk cemeteries occupation can be set at 4426–4350 BC (1σ) or 4508–4340 BC (2σ). The final stage falls within 4334–4249 BC (1σ) or 4346–4171 BC (2σ). The chronology of these cemeteries is of tremendous significance for the periodization of the Eneolithic cultures of the steppe and forest-steppe Volga regions and their chronological relations as well as the analysis of the chronology within the Khvalynsk contexts, which go far beyond the localities of the Khvalynsk cemeteries. New chronological markers of these two cemeteries are also relevant for comparative chronological analysis of the Eneolithic populations that inhabited the Dnieper region, the Don region, the northern Caucasus and the Caspian region.

Keywords: Eneolithic, Volga region, Khvalynsk I cemetery, AMS-dating, $\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$.

Введение

Одними из самых знаменитых могильников эпохи энеолита являются Хвалынские I и II могильники. Они расположены на Нижней Волге в Саратовской области, характеризуются особым погребальным обрядом, инвентарем, включающим каменные топоры и скипетры, глиняные сосуды, украшения из кости и раковин, самую значительную по количеству коллекцию медных изделий (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990; Пестрикова, Агапов, 2010; Черных, Орловская, 2010; Anthony et al., 2021).

Хронология поволжских Хвалынских могильников важна в связи с изучением связей восточных степных территорий с металлургическими центрами Балкано-Карпатья (Черных, Орловская, 2004); она имеет огромное значение для периодизации энеолитических культур степного и лесостепного Поволжья и их хронологиче-

ского соотношения (Королев, Шалапинин, 2014). По мнению Е.Н. Черных, металл этих могильников связан с Балкано-Карпатской металлургической провинцией медного века (Черных, Орловская, 2010). Материалы Хвалынских могильников используются при анализе древней ДНК и семейных взаимоотношений (Anthony et al., 2021).

Первые радиоуглеродные даты были получены по костям человека и бусин из раковин из погребений Хвалынского I могильника (Агапов и др., 1990. Табл. 5). Однако сразу было отмечено, что дата по кости костяка 13, скорее всего, омоложена, а даты по бусинам из раковин – спорные в связи с малым весом образца. Кроме этого, предполагалось, что они, возможно, изготовлены из ископаемых раковин (Агапов и др., 1990. С. 86).

На протяжении более 25 лет как из Хвалынского I, так и Хвалынского II могильников отбирались образцы

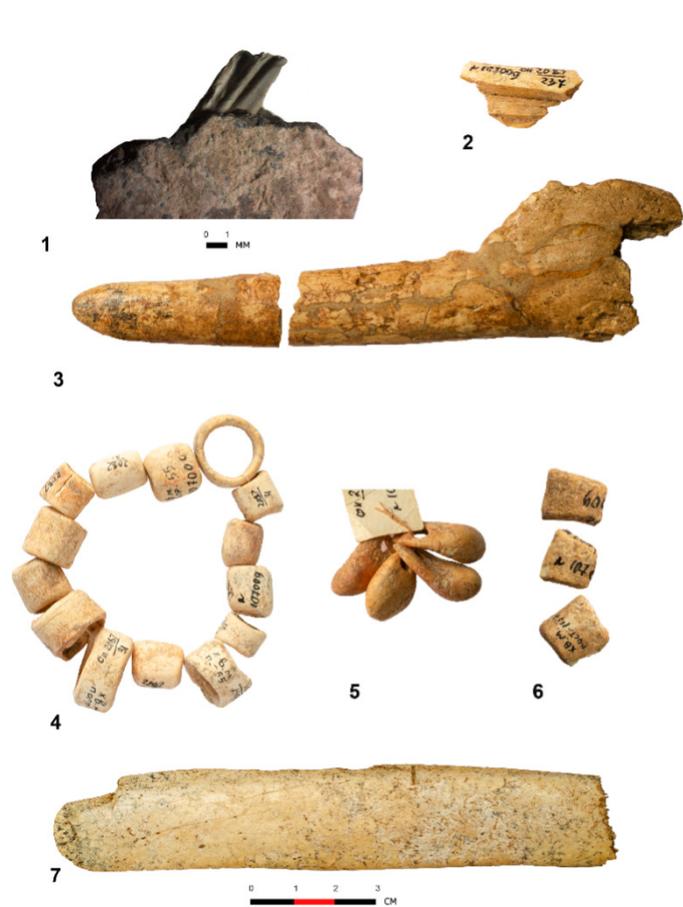

Рис. 1. Хвалынский I могильник:

1 – фрагмент глиняного сосуда с примесью – рыбной костью, культурный слой; 2 – фрагмент клыка кабана, костяки 147/148; 3 – костяное изделие, костяк 24; 4 – костяное кольцо, костяк 55; 5 – зубы оленя, скелет 75; 6 – костяная про-
низь, костяк 148; 7 – костяной нож, костяк 97.

для радиоуглеродного датирования, результаты анализируются и предлагались разные хронологические интервалы: 5500–4700 гг. до н.э.; 5000–4500 (5000–4300) гг. до н.э.; 5030–4550 гг. до н.э.; 5300–3900 гг. до н.э. (95,4%) / 5250–4550 гг. до н.э. (Черных и др., 2000; Черных, Орловская, 2004; Трифонов, 2001; Королев, Шалапинин, 2014; Королев, Ставицкий, 2021).

Продатированные углеродсодержащие образцы из коллекции Хвалынского I могильника – изделия из костей животных, хранящиеся в Историческом музее в Москве, позволили начать проект верификации хронологии могильника, основанного на радиоуглеродных датах, полученных по раковинам и костям человека. ^{14}C возраст костяного изделия из погребения 127 (рис. 1, 3) оказался практически таким же, что и кости человека из погребений 10 и 24 Хвалынского II могильника. Изотопный состав костной ткани этого предмета ($\delta^{13}\text{C} = -20,7\text{‰}$ и $\delta^{15}\text{N} = 14,6\text{‰}$) аналогичен изотопному составу людей, похороненных в Хвалыньских I и II могильниках (Shishlina, 2008; Anthony et al., 2021). Это позволило предположить, что изделие изготовлено из кости консумента, в системе питания которого был достаточно высокий процент водного компонента. Можно предположить, что это кость собаки, рацион которой включал компоненты системы питания человека (Fisher et al.,

2007; Losey et al., 2013). Для более точного определения требуются дополнительные исследования. Это вызвало удревление радиоуглеродного возраста образца, который получился такой же, как и радиоуглеродный возраст погребенных людей. Только вторая дата по кости клыка кабана¹, сопровождающего костяки 147/148, оказалась на 300–350 лет моложе, чем радиоуглеродные даты, полученные по кости человека и раковин. Изотопный состав костной ткани этого образца ($\delta^{13}\text{C} = -17,9\text{‰}$ и $\delta^{15}\text{N} = 11,6\text{‰}$) отличен от изотопного состава костной ткани погребенных в могильниках людей, хотя и отличается относительно высокими величинами как углерода, так и азота. Кабаны относятся к травоядным, хотя в их рацион могут входить и компоненты животного происхождения (Царев, 2011), что и могло отразиться на изотопном составе костной ткани кабана, отличном от изотопного состава травоядных животных.

Это позволило выдвинуть гипотезу, согласно которой к радиоуглеродным датам, полученным по костям индивидов, похороненных в могильниках, должна быть применена поправка на резервуарный эффект $\Delta R = 300\text{--}350$ гг. Тогда же был предложен интервал хро-

¹ Повторный анализ коллекции ГИМ Хвалынского I могильника позволил уточнить, что был продатирован фрагмент клыка кабана, а не кость овцы.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования костей животных из Хвалынских I и II могильников

№	Лаб. №	Образец/возраст	курган/ погребение	14C возраст (BP)	Калиброванное значение (до н.э.) [начало: конец] вероятность	$\delta^{13}\text{C}$, ‰ VPDB	$\delta^{13}\text{C}$, ‰ VPDB
Хвалынский I							
1	DeA-38095	Фрагмент кольца из кости копытного	курган 55	5446±24	68.3% вероятность 4340BC (24.3%) 4323BC 4290BC (43.9%) 4262BC 95.4% вероятность 4348BC (36.1%) 4312BC 4302BC (59.3%) 4251BC	–	–
2	IGANams-9188	Нож из кости животного/ копытное	курган 97	5440±30	68.3% вероятность 4338BC (21.7%) 4322BC 4293BC (46.6%) 4259BC 95.4% вероятность 4348BC (95.4%) 4248BC	-19,8	7,5
3	IGANams-9189	Зуб оленя (<i>Cervus elaphus</i>)*	курган 75	5520±25	68.3% вероятность 4440BC (17.1%) 4424BC 4366BC (51.2%) 4338BC 95.4% вероятность 4445BC (23.9%) 4414BC 4406BC (71.6%) 4332BC	-19,37	7,3
4	Poz-137344	Пронизь из диафиза крупных трубчатых костей млекопита- ющих средних раз- меров*	скелет 148	5400±40	68.3% вероятность 4341BC (23.7%) 4318BC 4296BC (44.5%) 4256BC 95.4% вероятность 4358BC (92.4%) 4234BC 4191BC (3.1%) 4172BC	–	–
5	GrA-29178	Обломок клыка каба- на (<i>Sus scrofa refus</i>)	скелет 147/148	5565±40	68.3% probability 4444BC (25.0%) 4417BC 4404BC (43.3%) 4356BC 95.4% probability 4488BC (2.5%) 4476BC 4458BC (93.0%) 4341BC	-17,86	11,6
Хвалынский II							
6	GrA-34100	Кость <i>Bos taurus</i> *	погребение 10	5570±40	68.3% probability 4445BC (25.6%) 4416BC 4406BC (42.7%) 4358BC 95.4% probability 4491BC (3.8%) 4472BC 4460BC (91.6%) 4342BC	-20,0	7,5

* определения И.В. Кирилловой (Кириллова, 2010)

нологии Хвалынского I могильника: 4400–4300 гг. до н.э. (Shishlina, 2008. P. 203).

Чуть позже в рамках этого же проекта было проведено параллельное датирование разных углеродсодержащих образцов – кость человека и кость быка (*Bos taurus*) из захоронения 10 Хвалынского II могильника. Кость человека оказалась древнее кости быка на 220±45 радиоуглеродных лет в результате влияния резервуарного эффекта на радиоуглеродный возраст человека (Shishlina et al., 2009).

Поскольку среди материалов Хвалынских могильников найдены позвонки сомовых рыб, кости рыб встречены в качестве примеси глиняной посуды (рис. 1, 1), а среди погребального инвентаря рыболовные крючки и гарпуны, то рыболовство, как один из компонентов экономической стратегии местного населения, не вызывает сомнений. Кроме этого, изучение изотопного состава костной ткани погребенных в Хвалынских I и II могильниках людей (Шишлина, 2007; Shishlina, 2008; Anthony

et al., 2021) также подтвердило, что в системе питания индивидов хвалынской культуры достаточно большое место занимали продукты питания водного происхождения, например, рыбы, употребление которых должно было вызывать удревание радиоуглеродного возраста человека. Для примера приведем радиоуглеродную дату образца рыбы *Zanders zunders*, выловленную в 1915 г. в низовьях Волги (коллекция Зоологического музея Московского университета). Он оказался удревлен примерно на 1200 радиоуглеродных лет (ван дер Плихт и др., 2016).

Удревание дат, полученных по раковинам, было позже подтверждено их дополнительным радиоуглеродным датированием. Даты по ископаемым раковинам *Glycymeris*, *Scaphopoda*, *Serpulidae*, сопровождающие костяки 21, 104 и другие комплексы Хвалынского I могильника, уложились в интервал 43960–42550 гг. до н.э. Радиоуглеродный возраст изделия из речной раковины *Unio* – 6200–6050 гг. до н.э. (Kirillova et al., 2017. Table 2).

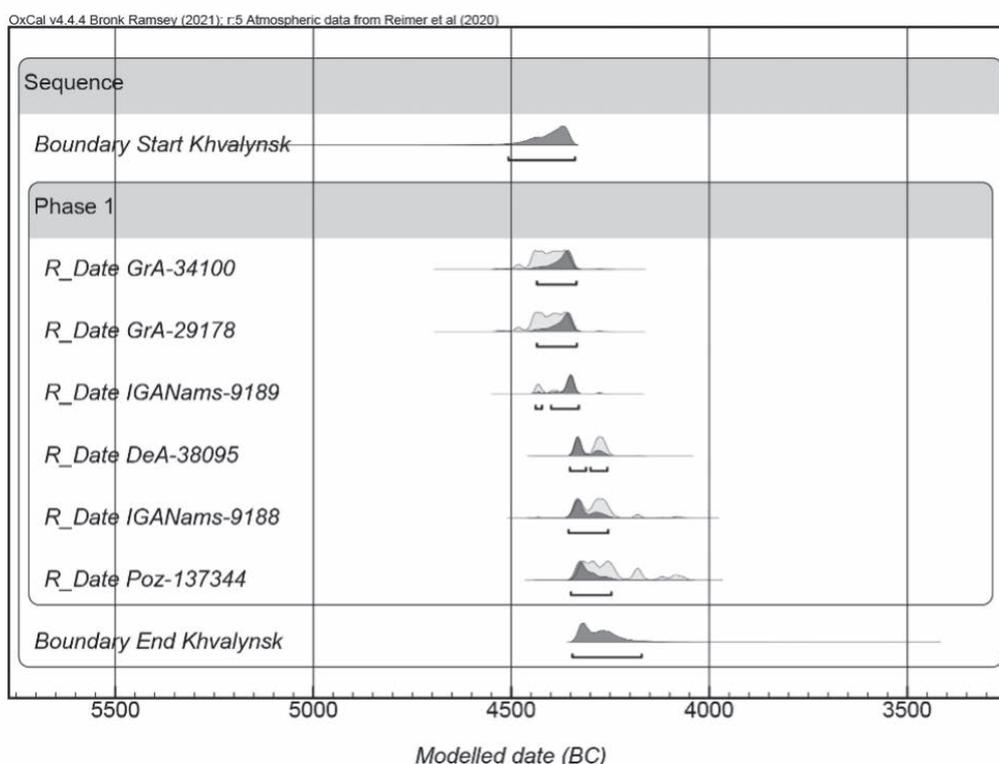

Рис. 2. Хвалынские I и II могильники: смоделированные радиоуглеродные даты, полученные по костям животных.

Параллельное датирование аналогичной раковины *Unio* и кости овцы из одного и того же комплекса более позднего времени соседнего региона (Могильник Му-Шарет-1, курган 6, погребение 4, Калмыкия) также показало, что раковина *Unio* оказалась древнее, чем кость овцы на 4355 радиоуглеродных лет (Shishlina, 2008. P. 290).

В недавно опубликованной работе, посвященной общей характеристике обоих могильников, были приведены 28 новых радиоуглеродных дат, полученные по костям погребенных людей из Хвалынского I (4) и II (24) могильников (Anthony et al., 2021). И хотя один из авторов публикации отмечает, что, скорее всего, кости человека удревлены из-за резервуарного эффекта и предлагает общую хронологию могильников с поправкой на резервуарный эффект, основанную на двух парах: кость овцы и кость человека из погребения 147 Хвалынского I могильника и уже упомянутая пара – кость человека и кость быка из погребения 10 Хвалынского II могильника, российские коллеги полагают, что исключать радиоуглеродный возраст людей из хронологии Хвалынских I и II могильников неправомерно². Кроме этого, для анализа привлекается массив радиоуглеродных данных, полученных по фрагментам керамики, анализ которых только размывает хроно-

логические границы Хвалынских I и II могильников (Королев, Шалапинин, 2014).

Таким образом, хронология Хвалынских могильников по-прежнему остается очень актуальной. Задачей данной публикации является обсуждение новых радиоуглеродных дат, полученных по изделиям из кости животных из Хвалынского I могильника; проведение сравнительного анализа новых дат с радиоуглеродным возрастом человека; и верификация общей хронологии Хвалынских I и II могильников.

Образцы, результаты датирования и обсуждение

Из 7 захоронений Хвалынского I могильника было отобрано пять образцов для датирования методом ускорительной масс-спектрометрии – фрагменты изделий из костей животных, сопровождавшие костяки 10, 47, 55, 75, 97, 147 и 148 (рис. 1). В двух образцах не сохранился коллаген. Два образца были продатированы в Институте географии РАН совместно с Университетом Джорджия, США; один – в Познанской радиоуглеродной лаборатории, еще один – в лаборатории Isotoptech Zrt., Debrecen, Hungary. Полученные радиоуглеродные данные калибровались при помощи программы OxCal 4.4 (Bronk Ramsey, 2017) и калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al., 2020). Результаты представлены в таблице 1 и на рис. 2 вместе с ранее опубликованными ¹⁴C датами (Shishlina, 2008. P. 202, 284).

Полученные по костной ткани животных радиоуглеродные даты значительно отличаются от дат по костям человека (Anthony et al., 2021. Table 1), которые намного древнее. Как уже отмечалось, имеющиеся в

² Доклад Д. Энтони, А. Хохлова, С. Агапова, Д. Агапова, Р. Шультинга, И. Олальде «Хвалынский энеолитический могильник на Волге (археология, радиоуглеродное датирование, антропология, палеогенетика)» на отделе бронзового века ИА РАН 28 апреля 2022 г.

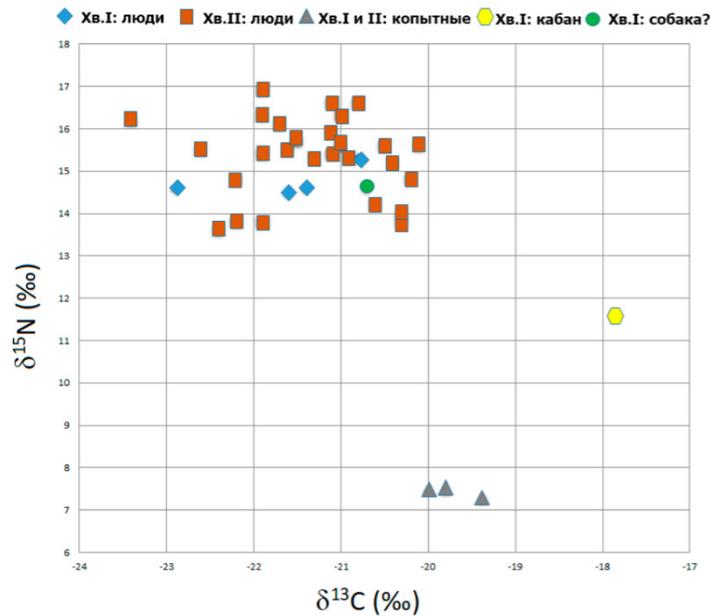

Рис. 3. График результатов соотношения изотопного состава азота ($\delta^{15}\text{N}$) и углерода ($\delta^{13}\text{C}$) в коллагене костей людей, погребенных в Хвалынских I и II могильниках, и изделий из костей животных.

настоящее время две пары параллельного датирования костей человека (кость человека из погребения 10 Хвалынского II могильника была повторно продатирована и оказалась на 600 лет древнее, чем кость быка; см.: Anthony et al., 2021) и костей травоядных животных показывают, что кости человека удревнены в среднем на 401 ± 288 радиоуглеродных лет (Anthony et al., 2021).

Изотопный состав травоядных копытного, оленя и быка (среднее $\delta^{13}\text{C} = -19.72 \pm 0.26\text{‰}$; $\delta^{15}\text{N} = 7.43 \pm 0.10\text{‰}$) также отличен от изотопного состава погребенного человека (рис. 3). Ранее данные по изотопному составу азота и углерода, полученные по дополнительным материалам из поволжских энеолитических Хвалынского II и Лебяжинского V могильников ($\delta^{13}\text{C} = -21.5 \pm 1.0$ и $\delta^{15}\text{N} = 14.3 \pm 0.9$), уже позволили Р. Шультингу и М. Ричардсу обосновать комплексную систему питания энеолитического населения Среднего Поволжья, включающую рыбный компонент (Schulting, Richards, 2016).

Сравнительный анализ данных по изотопному составу костной ткани погребенных людей и травоядных животных из Хвалынского могильника показал, что данные по человеку (Anthony et al., 2021) и по травоядным животным находятся в разных полях графика; изотопный состав образца изделия из кости, предположительно, собаки, сопровождающего скелет 127, совпадает с изотопным составом людей. Такая ситуация была идентифицирована и при анализе изотопного состава людей и собак для других памятников Евразии (Fischer et al., 2007; Losey et al., 2013). Предположительно, в рацион питания собак входили пищевые отходы, включающие и продукты водного происхождения. Изотопный состав дикого кабана занимает отдельное поле. К сожалению, пока нет данных по изотопному со-

ставу костей рыб из Хвалынского могильника.

Тем не менее, изотопные данные подтверждают, что в системе питания людей, похороненных в Хвалынских могильниках, значительное место должны были занимать компоненты водного происхождения. Вполне возможно, что мясо травоядных животных употреблялось в значительно меньшем объеме, чем водные продукты питания, по крайней мере, людьми, которые были похоронены в Хвалынских могильниках. Хотя Д. Энтони с соавторами (Anthony et al., 2021) подсчитали, что в обоих могильниках в жертву была принесена 151 особь млекопитающих; если исключить из этого количества диких лошадей, то остается 135 животных. Жертвенники в виде головы и копыт предполагают, что мясо этих животных было съедено во время погребальной церемонии, которая устраивалась при погребении представителей «сакрального меньшинства – воинов и торговцев» (Anthony et al., 2021). Однако установить, кто конкретно принимал участие в такой церемонии, невозможно. Имеющиеся в настоящее время данные по изотопному составу азота и углерода костной ткани людей (27 мужчин и 8 женщин), похороненных в Хвалынских могильниках, свидетельствуют, что в их системе питания преобладали водные компоненты. Однако отметим, что родственники и члены семей, представители которых были похоронены в Хвалыньском II могильнике, не включали такие семейные группы, как мать-сын и отец-дочь, и, таким образом, система питания полных семейных групп пока не отражена в имеющейся выборке.

Заключение

Результаты нового проекта по радиоуглеродному датированию изделий из костей животных, сопровождающих погребенных в Хвалыньском I могильнике

людей, и анализ ранее опубликованных данных позволил уточнить хронологию Хвалынских I и II могильников, предложив интервалы, основанные на радиоуглеродном возрасте наземных образцов (рис. 2), не подверженных влиянию резервуарного эффекта.

Начало формирования Хвалынских могильников можно отнести к 4426–4350 гг. до н.э. (1σ) или 4508–4340 гг. до н.э. (2σ). Финал маркируется интервалом 4334–4249 гг. до н.э. (1σ) или 4346–4171 гг. до н.э. (2σ). Этот период соотносится с предполагаемым интервалом в 140 лет (средний возраст человека 28 лет), в течение которых в Хвалынском II могильнике хоронили примерно пять поколений родственников (Anthony et al., 2021).

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. 159 с.
- Выборонов А.А., Кулькова М.А., Дога Н.С. Природно-климатические кризисы как фактор культурной и хозяйственной изменчивости в неолите-энеолите Нижнего Поволжья // Уральский исторический вестник. 2021. № 3. С. 15–21.
- Кириллова И.В. Изделия из органических материалов в погребениях II Хвалынского могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Отв. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 359–378.
- Королев А.И., Ставицкий В.В. Хвалынская культура // Археология Волго-Уралья. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. Т. 2. С. 40–60.
- Королев А.И., Шалапинин А.А. К вопросу о хронологии и периодизации энеолита степного и лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3. С. 266–275.
- Пестрикова В.И., Агапов Д.С. Хвалынский I энеолитический могильник как исторический источник // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Отв. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 11–120.
- ван дер Плихт Й., Шишлина Н.И., Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект. Тр. ГИМ. М.: Палеограф, 2016. Вып. 203. 101 с.
- Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: Самарский педагогический университет, 2001. С. 120–125.
- Царев С.А. Биология зверей: поведение и экология кабана: учебное пособие. М.: Изд-во РГАЗУ, 2011. 162 с.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000. 95 с.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-восточной Европы: результаты и проблемы исследования // РА. 2004. № 4. С. 24–37.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология Хвалынских некрополей // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Отв. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 121–129.
- Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.). Тр. ГИМ. М.: ГИМ, 2007. Вып. 165. 399 с.
- Anthony D.V., Khokhlov A.A., Agapov S.A., Agapov D.S., Schulting R. et al. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // Praehistorische Zeitschrift 97(1). 2022. P. 22–67.
- Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. Radiocarbon, 59(2). 2017. P. 1809–1833.
- Fischer A., Olsen J., Richards M., Heinemeier J., Sveinbjornsdottir A.E., Benike P. Coast-inland mobility and diet in the Danish Mesolithic and Neolithic: evidence from stable isotope values of humans and dogs // Journal of Archaeological Sciences. Vol. 34. 2007. P. 2125–2150.
- Kirillova I.V., Levchenko V.A., Ippolitov A.P et al. The origin of objects of invertebrate descent from the Khvalynsk Eneolithic cemeteries (Northern Caspian region) // Quaternary International, <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2017.08.037>.
- Loosey R.J., Garvie-Lok S., Leonard J.A., Katzenberg M.A., Germonpre M. et al. Burying Dogs in Ancient Cis-Baikal, Siberia: Temporal Trends and Relationships with Human Diet and Subsistence Practices. PLoS ONE 8(5):

e63740. doi:10.1371/journal.pone.0063740. 2013.

Reimer P.J. et al. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 kcal BP). *Radiocarbon*, 62. 2020. P. 725–757.

Schulting R.J., Richards M.P. Stable isotope analysis of Neolithic to Late Bronze Age populations in the Samara Valley // D.W. Anthony, D.R. Brown, A.A. Khokhlov, P.F. Kuznetsov, O.D. Mochalov (eds.). A Bronze Age landscape in the Russian steppes. The Samara Valley Project.

Monumenta Archaeologica 37. UCLA: Cotsen Institute of Archaeology Press. 2016. P. 127–148.

Shishlina N.I. Reconstruction of the Bronze Age of the Caspian steppes. Life styles and life ways of pastoral nomads (British Archaeological Reports international series 1876). Oxford: Archaeopress, 2008. 299 p.

Shishlina N.I., Zazovskaya E.P. et al. Paleoeology, subsistence, and ¹⁴C chronology of the Eurasian Caspian steppe Bronze Age. *Radiocarbon*, 51 (2). 2009. P. 481–499.

МАКРОЛИТИЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ В ЯМНОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО ДАННЫМ ОРЕНБУРГСКОЙ И САМАРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

© 2023 Н.Л. Моргунова, А.А. Файзуллин, И.В. Горашук, Д.В. Семин

Исследование проведено при поддержке Гранта РФФ: проект № 23-68-10006 на тему «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

Аннотация. В статье рассмотрены макролитические каменные орудия труда из погребений ямной культуры как показатель особого социального статуса по данным Западного Оренбуржья и Самарского Поволжья. На основании трасологических исследований выделены группы орудий для металлопроизводства (преобладают), для обработки растений и для обработки камня. Обращено внимание на помещение орудий в неординарные курганы и погребения. Сделан вывод, что назначение всех каменных макролитических орудий из погребальных комплексов ямной культуры Самарской области и Оренбуржья связано с переработкой пищевых или престижных материалов – сырья для производства медных орудий труда и престижных предметов из металла. Помещение данных предметов имело неслучайный характер, указывало и на профессиональный, и на социальный статус покойных.

Ключевые слова: каменные орудия, погребальные комплексы, ямная культура, Оренбуржье, Самарское Поволжье.

MACROLITIC TOOLS AS A SPECIAL CATEGORY OF BURIAL EQUIPMENT IN THE YAMNAYA CULTURE (ACCORDING TO THE ORENBURG AND SAMARA REGIONS)

© 2023 N.L. Morgunova, A.A. Fayzullin, I.V. Gorashchuk, D.V. Semin

Abstract. The article considers macrolitic stone tools from the burials of the Yamnaya culture as an indicator of a special social status according to the data of the Western Orenburg region and the Samara Volga region. On the basis of tracological studies, groups of tools for metal production (predominate), for processing plants and for processing stone have been identified. Attention is drawn to the placement of tools in extraordinary mounds and burials. It is concluded that the purpose of all stone macrolitic tools from the burial complexes of the yamnaya culture of the Samara region and Orenburg region is associated with the processing of food or prestigious materials – raw materials for the production of copper tools and prestigious metal objects. The placement of these items was not accidental, indicating both the professional and social status of the deceased.

Keywords: stone tools, burial complexes, yamnaya culture, Orenburg region, Samara Volga region.

Наличие развитого металлопроизводства у населения ямной культуры в Волжско-Уральском регионе – доказанный факт (Черных, 1966; Моргунова, 2021). По материалам Турганикского поселения, по находкам металлических изделий в погребениях, а также по данным радиоуглеродного датирования установлено, что начало эксплуатации Каргалинского меднорудного месторождения и становление на его базе самодостаточного ГМЦ было положено на раннем, репинском этапе (Горашук, Моргунова, 2020; Моргунова, Горашук, Файзуллин, 2021; Моргунова, Файзуллин, 2021). Металлурги ямной культуры уже на раннем этапе осуществляли все необходимые операции – от добычи и переработки руды до литья и обработки готовых изделий, существовала специализация, что отчетливо показал трасологический анализ поселенческих памятников с соответствующей керамикой. На развитом этапе технологии производства и ассортимент изделий становятся существенно разнообразнее, создается множество новых и оригинальных форм, неизвестных в других очагах металло-

производства этого времени, в том числе биметаллических с применением метеоритного железа (Моргунова, 2014; Моргунова, Кулькова, Кульков, 2021).

В связи с открытием в Южном Приуралье множества артефактов, свидетельствующих о большой роли цветной металлургии в хозяйственной деятельности ямной культуры, следует обратить внимание на находки крупных каменных орудий из погребений, составляющих не столь большую, но достаточно представительную коллекцию. Было сделано предположение, что, возможно, всесторонний анализ этих орудий позволит выявить новые данные по вопросу о месте металлургов в социальной структуре ямного общества.

Материалы, местонахождение и морфология

Всего в Западном Оренбуржье (Южное Приуралье) и на примыкающей к нему территории Самарской области обнаружено 17 каменных макроизделий в 12 погребальных сооружениях ямной культуры (рис. 1; табл. 1). Из них в трех курганах находилось соответственно по два и три орудия. В могильнике Каликино II все 4 круп-

ных камня со следами сработанности найдены в кольцевых рвах (курган 1 – 3 предмета, курган 7 – 1 предмет). Кроме того, во рвах каликинских курганов встречались крупные камни без следов сработанности.

По данным трасологического анализа, которые в полном объеме приведены ниже, все макролитические предметы подразделяются на орудия металлопроизводства (11 экз.), песты для обработки растительности (4 экз.) и орудия ударного действия (2 экз.). При этом на 5-ти орудиях отмечено первоначальное использование в металлопроизводстве, а позже как орудия по обработке растительности. Из орудий, связанных с металлообработкой, большинство являлись пестами для дробления медной руды и кузнечными молотами (таблица 1).

Кузнечный молот представлен в уникальном комплексе предметов из меди и метеоритного железа под одним из самых крупных курганов ямной культуры в кургане 1 могильника Болдырево I (Моргунова, Кулькова, Кульков, 2021). Как кузнечный молот была использована крупная уплощенная галька овальной формы (рис. 2, 6; 4, 1). Один из концов был заострен сколами, другой – стерт и уплощен.

Пест для дробления руды обнаружен в погребении 3 кургана 6 могильника Изобильное I (Моргунова, Кравцов, 1994). Размеры кургана небольшие, однако могильная яма отличалась огромными размерами со сложной ступенчатой конструкцией. К сожалению, она была ограблена в древности. Но этот факт наряду с размерами комплекса и сохранившимися находками свидетельствуют о его неординарности. Пест изготовлен из уплощенной гальки подтрапециевидной формы с плоских сторон (рис. 2, 2; 6, 2–2А). Широкая сторона торца уплощена и слегка отбита, верхний узкий торец закруглен. Вся поверхность изделия гладкая, местами залощена. Помимо песта в могиле найдена односторонняя керамическая литейная форма для отливки плоских тесел (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 48. Рис. 25).

Целый комплекс предметов происходит из двух курганов в могильнике Тамар-Уткуль VII, которые, как и все курганы данного могильника, отличаются необычайной насыщенностью медными артефактами и усложненной конструкцией погребальных сооружений (Моргунова, Кравцов, 1994).

В кургане 1 диаметром около 30 м и высотой 1,8 м была захоронена женщина преклонного возраста, за ней в наших публикациях закрепилось определение как жрица, поскольку вместе с ней найдены предметы сакрального назначения – крупный медный нож с костяной рукояткой, костяная булава-амулет, подвески из меди и камня. В заполнении ямы находились многочисленные крупные камни, в том числе определены три предмета для металлургического производства – наковальня (рис. 3, 1; рис. 5, 1–1А), пест для дробления руды (рис. 3, 2; рис. 5, 2В–2С) и кузнечный молоток (рис. 3, 3; рис. 5, 3–3Д).

Курган 4 отличался крупными размерами, более 36 м в диаметре, высотой 2,5 м. В основной могиле № 9, совершенной в большой яме со ступеньками, был погребен мужчина в возрасте около 35 лет в ямной традиции с медным ножом и шилом. На уровне погребенной почвы было зафиксировано сопутствующее погребение 7. Скелет взрослого человека покоился скорченно на правом боку головой на северо-восток, при котором было найдено орудие, сочетающее функции кузнечного молотка и гладилки по обработке готовых медных изделий (рис. 2, 3; 5, 4).

Обращает на себя внимание тот факт, что с наборами металлических орудий из тамар-уткульских курганов в полной мере сопоставляется набор изделий (нож, втульчатый топор и др.) из кургана 1 могильника Утевка I (Васильев, 2015. С. 6). В данном комплексе, который отличается высокими трудовыми затратами (высота кургана 3,5 м, диаметр кургана 110 м), наряду с каменным пестом (рис. 4, 3) обнаружен набор орудий и оружия из металла (нож, тесло, шило, топор, бронзовое стилетообразное орудие с железным наконечником, два фрагмента метеоритного железа), а также украшения (две золотые подвески) и сосуд. В кургане 2 данного могильника, имевшего внушительные размеры, диаметр 70 м, высота 2 м, каменный пест (рис. 7, 5) обнаружен в комплексе с богатым набором орудий и украшений. Инвентарь в захоронении представлен украшениями (спирали из серебряной проволоки, медные бусины-подвески грушевидной формы, медные спиралевидные подвески, костяная бусина, красная сердоликовая бусина, крупная коричневая бусина из стекловидного вещества, костяные заколки), орудиями (шило с упором, каменный пест, штыковидное орудие с упором, короткое шильце, нож), кусками медной руды и сосудом (Васильев, 2015. С. 9).

Еще одним примером нахождения каменного песта в кургане с высокими трудовыми затратами является комплекс погребения 1 из кургана 1 (диаметр 84 м, высота 3 м) в могильнике Красносамарское I. В погребальной камере усложненной конструкции обнаружено погребение взрослого человека. Погребальный инвентарь представлен крупным каменным пестом (рис. 4, 4), изделием из кожи с медными гвоздиками и глиняной лепешкой (Васильев, Кузнецов, 1988. С. 42).

В кургане 7 могильника Каликино II (материалы памятника пока не опубликованы, раскопки Н.Л. Моргуновой 2021–2022 гг., на одном из участков кольцевого рва найден кузнечный молот (рис. 3, 7; 7, 1). Кроме того, в кургане 1 на разных участках рва найдены каменные орудия – два отбойника по камню (рис. 7, 2, 4) и пест для перетиранья растительных материалов (рис. 7, 3).

В коллекцию макролитических орудий из погребений ямной культуры Приуралья входят только два песта для обработки растительности. Они найдены в двух курганах. Однако, как следует из заключения трасоло-

гического исследования, многие песты использовались первоначально как орудия металлопроизводства (молоты для дробления руды или кузнечные молоты и др.), а позже находили применение для растирания растительных волокон. Подобный пест был обнаружен также в погребении 2 кургана 7 Переволоцкого могильника (Моргунова и др., 2016).

Однако песты, имевшие только одну функцию – поперетиранию растительности, также, как и орудия для металлопроизводства, найдены в весьма выдающихся погребальных сооружениях.

1. Курган 6 в могильнике Хутор Барышников возглавлял группу подкурганых захоронений ямной культуры и выделялся размерами выше средних и по диаметру 40 м, и по высоте 3,3 м (Моргунова, Турецкий, 1998). Основное погребение было совершено в огромной и глубокой яме со ступеньками и принадлежало мужчине зрелого возраста. В комплекте с уникальными предметами из меди находился каменный пест (рис. 2, 4; 6, 3–3С).

2. Курган 6, погребение 6 в могильнике Шумаево II. В погребении находилось деревянное колесо, что говорит о высоком социальном статусе погребенной в могиле женщины преклонного возраста (Моргунова, Турецкий, 2003). Погребальная яма была декорирована большим числом подстилок, ковриков из растительных волокон, для обработки которых мог использоваться пест из крупной гальки (рис. 2, 5).

Трасологический анализ. Результаты и выводы.

Трасологическое исследование проведено И.В. Горашуком и Д.В. Семиным. Методическая база исследования основывается на разработках Санкт-Петербургской школы трасологии, по шестиблочной схеме фиксации следов на орудиях (Коробкова, Щелинский, 1996).

К сожалению, материал орудий определен без участия специалиста-геолога, поэтому наши определения сделаны, исходя из собственного опыта, и носят предварительный характер, авторы предполагают их уточнить после проведения петрографического анализа. Однако во всех случаях, по нашему мнению, в основном использовалась крупная, обладавшая необходимым весом и формой галька, хорошо окатанная.

Орудия по растиранию растительных материалов

Курганный могильник Хутор Барышников. Курган 6, погребение 3. Крупный пест для растирания растительных материалов, изготовленный из мелкозернистого сливного песчаника, имеет форму усеченного конуса. Поверхности выпуклые, имеют идентичный износ. Выровненные поверхности и линейные следы показывают направление движений при растирании (рис. 6, 3–3С).

Курганный могильник Шумаево II. Курган 6, погребение 6. Плитка неправильных в плане очертаний и уплощенно-овальная в профиле использовалась для

растирания растительных материалов (рис. 6, 4). Поверхность стабилизирована. Вершины микрорельефа сглажены при растирании. Линейные следы представляют собой единичные или группирующиеся длинные царапины, фиксирующие ход растирания (рис. 6, 4А).

Курганный могильник Каликино II. Курган 1, ров, Х22. Орудие изготовлено из мелкокристаллической кварцитово-породы. Представляет собой обломок артефакта аморфной формы, рабочая поверхность сохранилась частично, представляет собой заглаженную закругленную поверхность (рис. 7, 3). Следы на поверхности представлены линейными следами, в виде тонких линейных царапин, яркой не проникающей заполировкой. Орудие является обломком песта для перетирания растительных материалов (рис. 7, 3А).

Курганный могильник Утевка I. Курган 2, точное место находки неизвестно, в публикации памятника данная находка не упоминается. Артефакт обнаружен нами в фондах музея археологии Самарского университета. Пест изготовлен из овальной в профиле и плане окатанной гальки мелкозернистого сливного песчаника (рис. 7, 6). Размеры артефакта 118×95×71 мм, вес изделия 1394 гр. Рабочие поверхности расположены на торцовых сторонах изделия. Сами рабочие площадки имеют округлую форму, выпуклую в профиле. Большая рабочая поверхность 92×84 мм, меньшая 40×38 мм. На боковых поверхностях встречаются следы красного пигмента (охра), в самой породе встречаются включения «полос ожелезнения». На аккомодационной поверхности фиксируется кожаная проникающая заполировка от удержания в руке. Рабочая поверхность заглажена: на микроуровне вершины микрорельефа заглажены (рис. 7, 6). Следы представлены линейными следами нескольких видов. К первым относятся длинные царапины они хорошо заметны под косым освещением. Вторые тонкие короткие царапины в основном вытянуты вдоль длинной оси рабочей поверхности. По боковым поверхностям фиксируется забитость (мелкие выщербины, меньшая сработанность) Следы на рабочих поверхностях идентичны. Это пест по растительным материалам. Орудие представляет собой пест ручного удержания, т.к. на аккомодационной поверхности фиксируется кожаная проникающая заполировка от удержания в руке (рис. 7, 6В).

Орудия для металлопроизводства

Курганный могильник Переволоцкий. Курган 7, погребение 2. Орудие в профиле и в плане имеет овальные очертания, форму орудия можно охарактеризовать и как конусообразную. Следы сработанности обнаружены на широком уплощенном торце орудия (рис. 6, 1). По боковым граням, примыкающим к рабочему участку орудия, зафиксированы повреждения в виде сколов, образовавшихся от работы. Рабочий участок имеет округлые в поперечном сечении очертания и овальные в продольном, т.е. поверхность слегка выпуклая.

Последняя функция использования – пест для размельчения органических материалов, о чем, кроме специфических кометообразных линейных следов, красноречиво свидетельствует и фитоцит, обнаруженный по центру ударной поверхности орудия (рис. 6, 1А).

На периферийных участках рабочей поверхности зафиксированы включения рудных минералов в виде зерен зеленоватого цвета, проникших в неоднородности и западины рабочей поверхности (рис. 6, 1А). Поэтому первая функция инструмента – пест для измельчения руды.

Из сказанного следует, что *пест для дробления руды был впоследствии использован как пест по растительным материалам.*

Курганный могильник Изобильное I. Курган 6, погребение 3. Изготовленное из крупной гальки сливного песчаника орудие имеет грушевидные очертания в плане и овальное сечение в профиле. При работе использовались оба торца заготовки. Рабочие поверхности имеют овальные очертания в поперечном сечении и выпуклую форму ударной части (рис. 6, 2).

Износ обеих частей идентичен: он характеризуется стабилизированной несильными ударами поверхностью, с забитыми выпуклыми участками микрорельефа. На этой поверхности заметны кометообразные или закругленные линейные следы от поворота орудия для усиления эффекта растирания (рис. 6, 2А). Обе поверхности использовались первоначально для растирания и дробления руды. Особенно показательны следы на широкой ударной поверхности, где кроме выкрошенности и линейных следов есть включения рудных материалов, оставшихся в углублениях микрорельефа (рис. 6, 2А).

Меньшая по размеру ударная поверхность кроме следов от перетирания руды демонстрирует *вторую функцию – переработку растительных материалов* (рис. 6, 2А).

Пест удерживался в руках, обхватом рукой боковой части орудия.

Курганный могильник Болдырево I. Курган 1, погребение 1. Орудие, изготовленное из гальки сливного песчаника, использовалось как *кузнечный молот для горячейковки* (рис. 4, 1). Галька укреплялась на Т-образную рукоять и ковка производилась двумя выпуклыми торцами.

Изделия подобного типа проверены нами при ковке меди экспериментально (рис. 4, 2).

Курганный могильник Тамар-Уткуль VII. Курган 1, погребение 1. Представлен тремя предметами. Первый изготовлен из естественного валунчика, представляющего собой близкий по очертаниям к параллелепипеду артефакт из плотного, крупнозернистого сливного песчаника. Он имеет неправильные, напоминающие в плане трапециевидные уплощенные боковые поверхности и массивные торцы (рис. 5, 1). Трасологическое исследование выявило следы от использования

в качестве *наковальни* одной уплощенной поверхности. Износ можно охарактеризовать следующими признаками. Выровненная и стабилизированная рабочая поверхность, на которой фиксируются вкрапления окислов в углублениях микрорельефа и короткие отковки царапины линейных следов. Особенно важно отметить термические повреждения, свидетельствующие о ковке горячего металла (рис. 5, 1А).

Второй предмет представляет собой овальную в плане и уплощенную в профиле гальку плотного мелкозернистого сливного песчаника. В работе использовались оба выпуклых торца изделия. Размеры рабочих участков одинаковы и износ на них идентичен. Этот износ характеризуется сильной выкрошенностью рабочих поверхностей, с растрескиванием и разбиванием зерен материала. Линейные следы представлены широкими овальными царапинами. Картину износа дополняют глубоко впитавшиеся в микроуглубления рельефа вкрапления частиц рудного материала (рис. 5, 2А-2В).

Такие рабочие участки характерны для молотов-пестов по рудному материалу. То, что орудие удерживалось рукой, свидетельствует жирная, проникающая в микроуглубления рельефа заполировка (рис. 5, 2С).

Третий предмет представляет собой орудие из овальной в плане и уплощенной в профиле гальки плотного крупнозернистого сливного песчаника (рис. 5, 3). Для *ковки металла* использовались оба торца гальки. Износ орудия показателен. Он представляет собой спекшуюся от термического воздействия гладкую корку, пропитанную синеватыми и зеленоватыми окислами (рис. 5, 3А-3В). Различия в картинах износов заключаются лишь в патине из солей, которая закрыла один из торцов (рис. 5, 3А).

Молот был закреплен на Т-образной рукояти, о чем свидетельствует полоса яркой деревянной заполировки от прилегавшей к гальке рукояти (рис. 5, 3С). Эта рукоять крепилась с помощью обмотки кожаным ремнем, потертость от которого фиксируется на боковой поверхности (рис. 5, 3Д).

Курганный могильник Тамар-Уткуль VII. Курган 4, погребение 7. Своими размерами и очертаниями артефакт из гальки мелкозернистого песчаника напоминает современную головку молотка, без отверстия (рис. 5, 4).

Трасологический анализ выявил использование инструмента в двух кузнечных операциях. Первая из них, следы от которой зафиксированы на плоском торце, ковка по горячему металлу. Следы от нее – выровненная ударами поверхность, с характерным блеском и термическими повреждениями (рис. 5, 4А). Вторая, а по всей вероятности, изначальная функция – гладилка для удаления литейных браков. Следы от нее обнаружены на скошенной поверхности гальки. Представлены короткими, широкими царапинами линейных следов, фиксируемых на выглаженной поверхности (рис. 5, 4В).

Как было сказано выше, эта функция первая, начальная при использовании гальки. Далее, на плоской стороне была прикреплена Т-образная рукоять, оставившая полосы деревянной заполировки (рис. 5, 4С), потертость от ремней, некогда стягивавших рукоять перекрывает следы от гладилки (рис. 5, 4Д).

Курганный могильник Каликино II. Курган 7, ров, ХЗ. Размеры артефакта 140×89×87 мм, вес изделия 1322 гр. Орудие изготовлено на крупной овальной гальке сливного песчаника. На артефакте фиксируются следы обработки на боковых выступающих поверхностях (рис. 7, 1). Они обработаны пикетажем для более удобной и надежной фиксации артефакта в руке при удержании инструмента в работе. Имеется крупный скол с одного из торцов изделия. Его появление может объясняться разрушением второго рабочего участка и попыткой его оживления. Рабочая поверхность сохранилась на противоположном торце. Ее износ характеризуется следующими чертами. Рабочая поверхность стабилизирована, уплощена. На микроуровне вершинки микрорельефа замяты, есть участки потемнения поверхности. На рабочем участке фиксируются следы в виде мелких и средних выщербин, и линейные следы в виде царапин разной направленности (рис. 7, 1Б). Такие следы характеризуют *кузнечный молот* ручного удержания. На боковых поверхностях фиксируется кожаная проникающая заполировка от удержания орудия в руке (рис. 7, 1А).

Могильник Красносамарское I. Курган 1, погребение 1 (СОИКМ КП-18549/8). Орудие по форме в виде усеченного конуса, одна длинная сторона уплощенная ближе к большой рабочей поверхности. Размеры изделия 317×54,1×64,2 мм, вес артефакта 2305 гр. Две рабочие площадки, размеры большой рабочей поверхности 59,2×54,1 мм, размеры маленькой рабочей поверхности 44,4×33,6 мм. Обе площадки слегка выпуклые в профиле (рис. 4, 4). На боковых поверхностях присутствует кожаная заполировка от удержания орудия в руке, а также следы пикетажа. Следы на малой и большой поверхностях идентичны, разница лишь в интенсивности износа. Наиболее интенсивный износ фиксируется на малой рабочей поверхности, он связан с функцией дробления. Следы на рабочих участках представлены выщербинами, линейными следами в виде как прямых, так и закругленных царапин. Также на рабочей поверхности фиксируется распространение минерального пигмента коричневого и синего цвета. Данный износ характерен для *песта по дроблению и растиранию минералов и руды* (рис. 4, 4; 4А-4Б). Стоит отметить, что на рабочих участках сохранились плоские заглаженные участки, на которых фиксируются тонкие линейные следы в виде закругленных царапин, вероятно, сохранившиеся следы от *другой функции* – *перетирания растительных материалов*.

Курганный могильник Утевка I. Курган 2, погребение

1¹. Пест изготовлен из гальки (валунчика) коричневой яшмы (яшмоид). Артефакт трапециевидной формы в плане и профиле. Судя по распространению кожаной заполировки на боковых поверхностях изделия, орудие удерживалось в руке. Основные рабочие площадки расположены на противоположных торцевых сторонах изделия. Размер большой площадки 56×38 мм, меньшей 43×52 мм. На меньшей рабочей поверхности следы от работы более рельефны, представлены мелкими и крупными выщербинами, поверхность использовалась недолго, следы указывают на использование изделия в качестве ударного орудия, вероятно, для дробления минералов (рис. 7, 5В). Следы на большой рабочей поверхности отличны, сама поверхность имеет больший износ. Следы представлены мелкими выщербинами, наиболее интенсивны по краям поверхности, тонкими длинными царапинами. Следы на поверхности указывают на использование орудия как ручного кузнечного молотка (ковка с оттяжкой) (рис. 7, 5А).

Курганный могильник Утевка I. Курган 1, погребение 1 (СОИКМ КП-28073/3). Пест изготовлен из плотного материала (полевого шпата?). Размеры артефакта 207×67,4×64,0 мм, вес орудия 1457 гр. Изделие по форме напоминает усеченный конус, рабочая поверхность находится на торцевой стороне орудия, размеры поверхности 60×52 мм, рабочая поверхность овальной формы, слегка выпуклая за счет скошенных скругленных краев, по одной из сторон фиксируются сколы (рис. 4, 3).

Следы на рабочей поверхности представлены кометообразными линейными следами и деревянной заполировкой, характерными свидетельствами использования орудия в качестве песта *по растиранию растительных материалов*. Эти следы перекрыты свидетельствами повторного использования в иной функции. Второй блок следов имеет следующие признаки: мелкие выщербины, линейные следы в виде длинных прямых царапин. Эти следы можно отнести к повторному *использованию орудия в качестве наковальни*, которая крепилась в деревянный паз, о чем свидетельствуют следы на противоположном торце, где фиксируются незначительные участки деревянной заполировки на выпуклой поверхности от фиксации орудия в деревянном пазу.

Следы на рабочей поверхности *дополняют включения прикипевшего металла, причем, судя по железистым включениям, как черного, так и цветного* (рис. 4, 3А).

Следы на аккомодационной поверхности представ-

¹ Авторы признательны Валентине Николаевне Зудиной, заведующей музеем археологии Самарского университета, Анне Федоровне Кочкиной, Михаилу Александровичу Турецкому, сотрудникам Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, за возможность провести необходимые исследования материалов из курганов 1 и 2 могильника Утевка I и кургана 1 могильника Красносамарское I.

лены кожаной проникающей заполировкой от удержания в руке (рис. 4, 3А).

Отбойники по обработке камня

Курганный могильник Каликино II. Курган 1, ров.

1. Х19. Орудие изготовлено из овальной в плане и профиле гальки сливного песчаника (рис. 7, 2). На боковых поверхностях фиксируется кожаная заполировка от удержания орудия в руке при его использовании. Рабочая поверхность расположена на торцевой стороне изделия. Она выпуклая. Следы представлены крупными выщербинами с неровными острыми краями, на микроуровне зерна поверхности разбиты (рис. 7, 2А). Орудие является *отбойником (пикетером?)*.

2. Х23. Орудие изготовлено на овальной окатанной гальке сливного песчаника. На боковых поверхностях фиксируются участки с пикетажем для удобного удержания в руке (рис. 7, 4). С торцов имеется серия крупных сколов, практически уничтоживших рабочую поверхность (рис. 7, 4А). Остались следы в виде забитости поверхности. По ним можно сделать вывод, что артефакт использовался, как *ударное орудие ручного удержания*. Сохранившееся часть рабочего участка не дает представления о обрабатываемом материале.

Плоские боковые поверхности использовались как наковальни для дробления минералов, о чем свидетельствуют следы, представленные крупными выщербинами и минеральным пигментом на поверхности орудия. На боковых поверхностях фиксируется красный, желтый минеральный пигмент (охра), синий (азурит).

Выводы по результатам трасологии

Укажем на некоторые закономерности, объединяющие изученные предметы.

Во-первых, 15 из 17 орудий связаны с переработкой пищевых или престижных материалов (руда, металл). Исключение составляют лишь 2 отбойника из курганного могильника Каликино II. Косвенно, но данные орудия указывают на наличие пищевых и /или престижных материалов.

Во-вторых, в половине случаев орудия представлены полифункциональными инструментами или использованными в нескольких функциях. Все это очень хорошо вписывается в систему общетехнологических представлений обществ ранних скотоводов. Так на Турганинском поселении при анализе литейных форм мы пришли к выводу, что отливались не сами орудия (Горашук, Моргунова, 2020). Делались заготовки, из которых при ковке можно вытянуть практически любое орудие или украшение. Как мы предполагали, такой подход свойственен для обработки камня, когда сначала производится заготовка (пластина или преформ бифаса) и лишь после вырабатывается орудие.

В нашем случае мы видим те же закономерности. Орудия легко перетекают одно в другое. Песты использовались дважды как для растирания растительных, так и для минеральных материалов, а также мог быть ис-

пользован при необходимости и как наковальня. Таким образом, для технологического подхода ямной культуры характерен принцип универсальности.

Заключение

Таким образом, исследованы и получены данные об использовании и функциональном назначении 17 макролитических орудий из погребений ямной культуры Волго-Уралья (в основном, из Южного Приуралья, т.е. располагавшихся в непосредственной близости от Каргалинского месторождения медной руды). Все орудия представляли собой в основном изделия в виде массивных и тяжелых по весу удлинённых пестов из крупного галечного камня. Трасологический анализ каменных макроизделий показал, что большинство из них являлись орудиями для металлообработки, в том числе песты для дробления и измельчения медной руды, а также кузнечные молоты и молотки, гладилки, часть использовалась как наковальни. В ряде случаев при повторном использовании песты использовались как орудия для растирания растительных материалов. Возможно, повторное использование пестов имело чисто утилитарное значение. Следы от растирания растений перекрывают следы работы с рудой и металлом. Данному факту можно дать следующее объяснение. Поскольку в погребальных церемониях представителей ямной культуры в большом количестве использовались различные растения, в том числе с очень толстым и жестким стеблем (камыш, рогоз, луговые травы) для плетения подстилок, покрывал, подушек и перекрытий, каменные песты-молоты могли использоваться в обработке и подготовке растений непосредственно при подготовке и совершении погребального церемониала для изготовления погребальных растительных циновок. Возможно и другое применение, например, для получения каких-то церемониальных поминальных напитков, каких именно, к сожалению, на этот вопрос пока дать ответ невозможно.

Понятно, что первая функция, связанная с металлопроизводством, использовалась до совершения погребений и всего погребального ритуала, а помещение таких изделий в комплекс инвентаря захоронения, вероятно, отмечает связь погребенного с металлургическим производством, наиважнейшим производством для населения ямной культуры Волго-Уралья. При этом нужно отметить, что курганы и погребения под ними, в которых обнаружена данная группа артефактов, отличаются высокими трудовыми затратами и пышным погребальным ритуалом. Кроме того, предметы из камня дополнены орудиями труда, оружием, сакральными символами и украшениями из металла. А если посмотреть контекст самих захоронений, то можно предположить, что некоторые погребенные могли принадлежать к группе мастеров-металлургов, либо являться лидерами, контролирующими процесс добычи и обработки приуральской меди (например, погребенный в курга-

не 1 могильника Болдырево I). Могильники Тамар-Уткуль VII и VIII отличает большое количество медного инвентаря буквально во всех курганах. Этот могильник мог принадлежать родовой общине, тесно связанной с металлопроизводством.

В хронологическом плане все находки каменных макроорудий приходится на погребальные комплексы развитого и конца развитого этапа ямной культуры, которому соответствует расцвет ямного металлопроизводства в Южном Приуралье. Особо отметим выявленный факт, что в кургане 1 могильника Утевка I на песте-наковальне обнаружены следы работы как с черным, так и с цветным металлом, а поверх них и следы работы с растительностью. Напомним, что в данном комплексе найдено биметаллическое орудие. Полная аналогия ему имеется в одном из комплексов могильника Тамар-Уткуль VII. Изделия, в которых сваривали медь и метеоритное железо, входят в комплект инвентаря погребения 1 в кургане 1 могильника Болдырево I.

Поэтому находка на утевском песте следов работы и по меди, и по железу одновременно представляется весьма важным артефактом.

Итак, назначение всех каменных макролитических орудий из погребальных комплексов ямной культуры Самарской области и Оренбуржья связано с переработкой пищевых или престижных материалов – сырья для производства медных орудий труда и престижных предметов. Исключение составляют лишь отбойники по обработке камня из Каликино. Исходя из того, что песты были использованы для получения жизненно важных продуктов и материалов, можно предположить, что вполне вероятно, помещение столь дорогих орудий (и по объему затраченного на их изготовление и труда, и материала) в число погребального инвентаря, они действительно являются указанием/пожеланием престижа и изобилия погребенному в новой жизни, одновременно указывая и подчеркивая его значимый для общества еще при жизни социальный статус.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев И.Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СамНЦ РАН, 2015. Вып. 5. С. 4–51.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф.* Полтавкинские могильники у с. Красносамарское в лесостепном Заволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж: ВГПУ, 1988. С. 35–59.
- Горащук И.В., Моргунова Н.Л.* Новые данные о металлургии и металлопроизводстве ямной культуры (по итогам трасологического анализа каменных орудий Турганикского поселения в Оренбургской области) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара, 2020. Т. 1. С. 248–249.
- Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е.* Методика микромакроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК, 1996. 80 с.
- Моргунова Н.Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.
- Моргунова Н.Л.* Металлопроизводство и его роль в культурогенезе Волго-Уралья на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. СПб., 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1248–1269.
- Моргунова Н.Л., Горащук И.В., Файзуллин А.А.* Результаты трасологического анализа каменных и косяных орудий Турганикского поселения // Археологи-
- ческие памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2021. Вып. 15. С. 11–30.
- Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Харламов П.В., Файзуллин И.А.* Переволоцкий курганный могильник в Оренбургской области: предварительные результаты исследования // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2016. Вып. 12. С. 21–51.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 152 с.
- Моргунова Н.Л., Кулькова М.А., Кульков А.М.* Метеоритное железо в производственной и ритуальной практике ямной культуры Приуралья // КСИА. М., 2021. Вып. 262. С. 190–206.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А.* Курганный группа у хут. Барышникова // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 1998. Вып. 2. С. 3–16.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А.* Ямные памятники у с. Шумаево: новые данные о колесном транспорте у населения Западного Оренбуржья в эпоху раннего металла // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3. С. 144–159.
- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А.* Новые данные о начале функционирования Приуральского (Каргалинского) горно-металлургического центра // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2021. Т. 20. № 1. С. 5–15.
- Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966. 144 с.

Таблица 1. Размеры каменных орудий и функциональное назначение

№	Памятник	Назначение (по данным трасологии)	Дли- на см	Ширина см	Толщина см	Вес гр.
1	КМ Переволоцкий, 7/2	Пест. 1-я функция – для дробления медной руды. 2-я функция – для растирания растительных волокон.	15,1	8,1	7,5	1404
2	КМ Изобильное I, 6/3	Пест. 1-я функция – для дробления медной руды. 2-я функция – для растирания растительных волокон.	12,4	5,6 8,1	6,0	716
3	КМ Тамар-Уткуль VII, 4/7	1. Ковка по горячему металлу. 2. Гладилка для удаления литейных браков.	11,2	4,3	4,8	430
4	КМ Хут. Барышников, 6/3	Пест для растирания растительных материалов	15,6	7,5	5,2	1032
5	КМ Шумаево II, 6/6	Пест для растирания растительных материалов	10,6	10,0	2,1	411
6	КМ Болдырево I, 1/1	Кузнечный молот	11,6	6,6	4,4	423
7	КМ Тамар-Уткуль VII, 1/1	Наковальня	13,6	8,4	5-6	1526
8	КМ Тамар-Уткуль VII, 1/1	Молот-пест по рудному материалу	14,7	5,6	4,0	664
9	КМ Тамар-Уткуль VII, 1/1	Молот дляковки металла	9,1	5,1	3,5	275
10	КМ Каликино II. Курган 7. Ров, X3	Кузнечный молот	14,0	8,9	8,7	1322
11	КМ Каликино II. Курган 1. Ров, X19	Отбойник	5,5	3,8	3,9	118
12	КМ Каликино II. Курган 1. Ров, X22	Пест для перетирания растительных материалов	5,6	4,4	3,6	160
13	КМ Каликино II. Курган 1. Ров, X23	Ударное орудие, ручного удержания	9,0	6,0	6,0	350
14	КМ Утевский I, 2/1	Кузнечный молоток	12,9	9,6	9,7	1810
15	КМ Утевка I, 1/1	1. Пест по растительным материалам. 2. Наковальня для работы как с черным, так и с цветным металлом.	20,7	6,74	6,4	1457
16	КМ Красносамарское I, 1/1	1.1. Пест для дробления и растирания минералов и руды. 2.2. Пест по обработке растительных материалов.	31,7	5,41	6,42	2305
17	КМ Утевка I. Курган 2: точное местонахождение неизвестно	Пест по обработке растительных материалов.	11,8	9,5	7,1	1394

Примечание: КМ – курганный могильник, №/№ – курган/погребение.

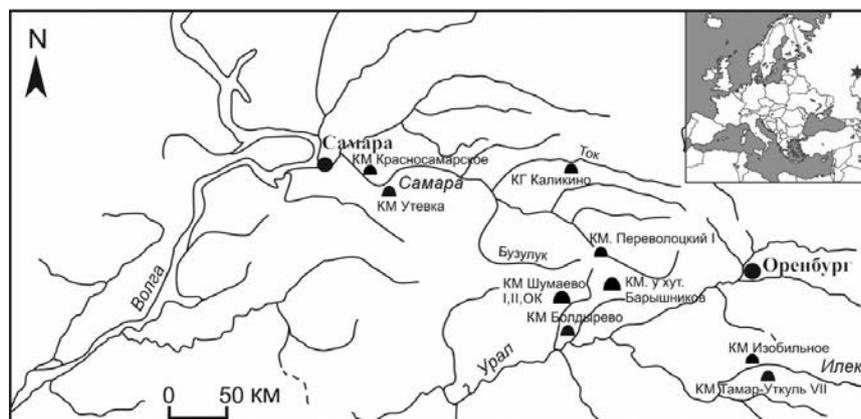

Рис. 1. Карта расположения курганов ямной культуры с макролитическими орудиями.

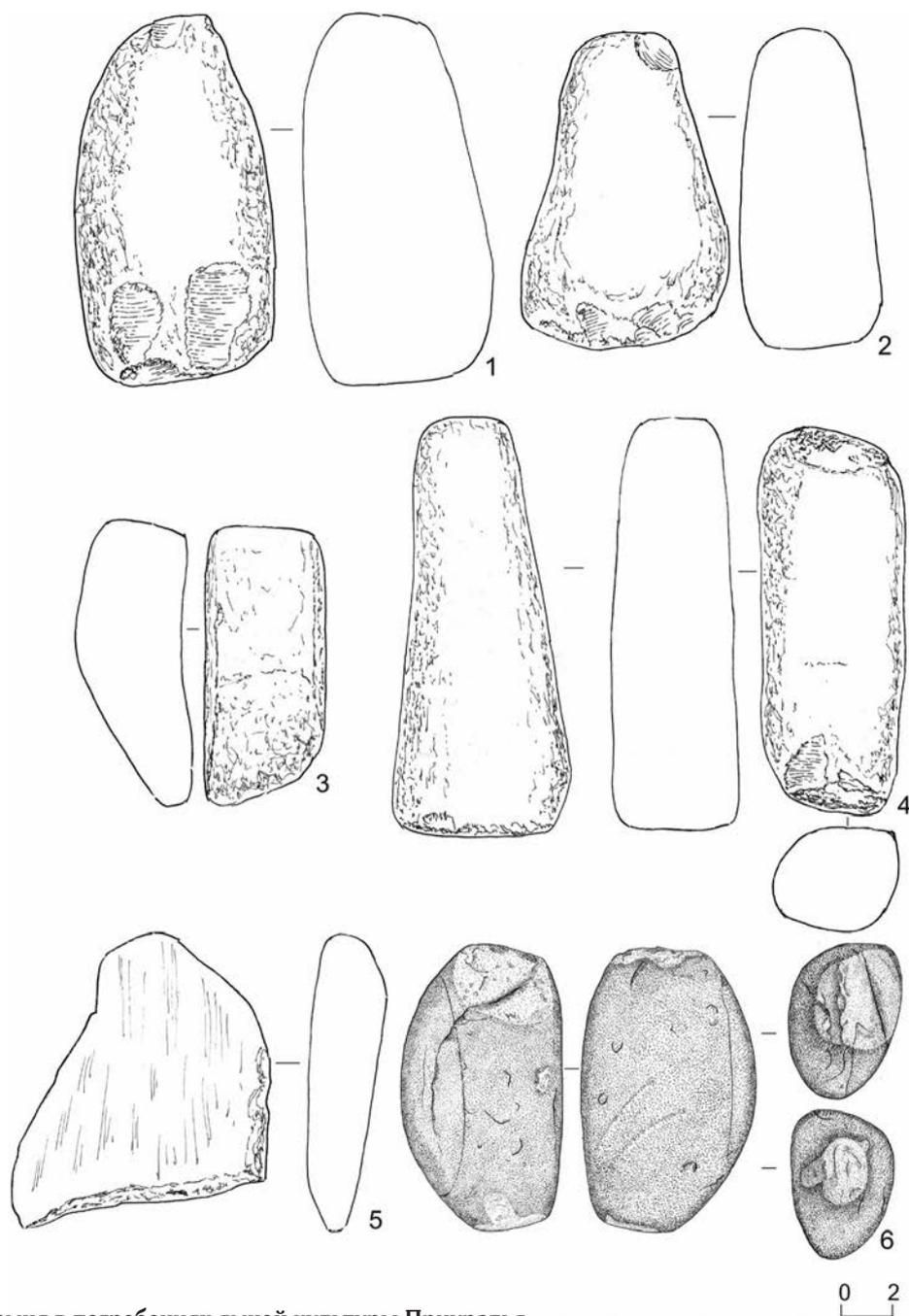

Рис. 2. Орудия из камня в погребениях ямной культуры Приуралья.

1 – КМ Переволоцкий, 7/2; 2 – КМ Изобильное, 6/3; 3 – КМ Тамар-Уткуль VII, 4/7; 4 – КМ Хутор Барышников, 6/3; 5 – КМ Шумаево II, 6/6; 6 – КМ Болдырево I, 1/1.

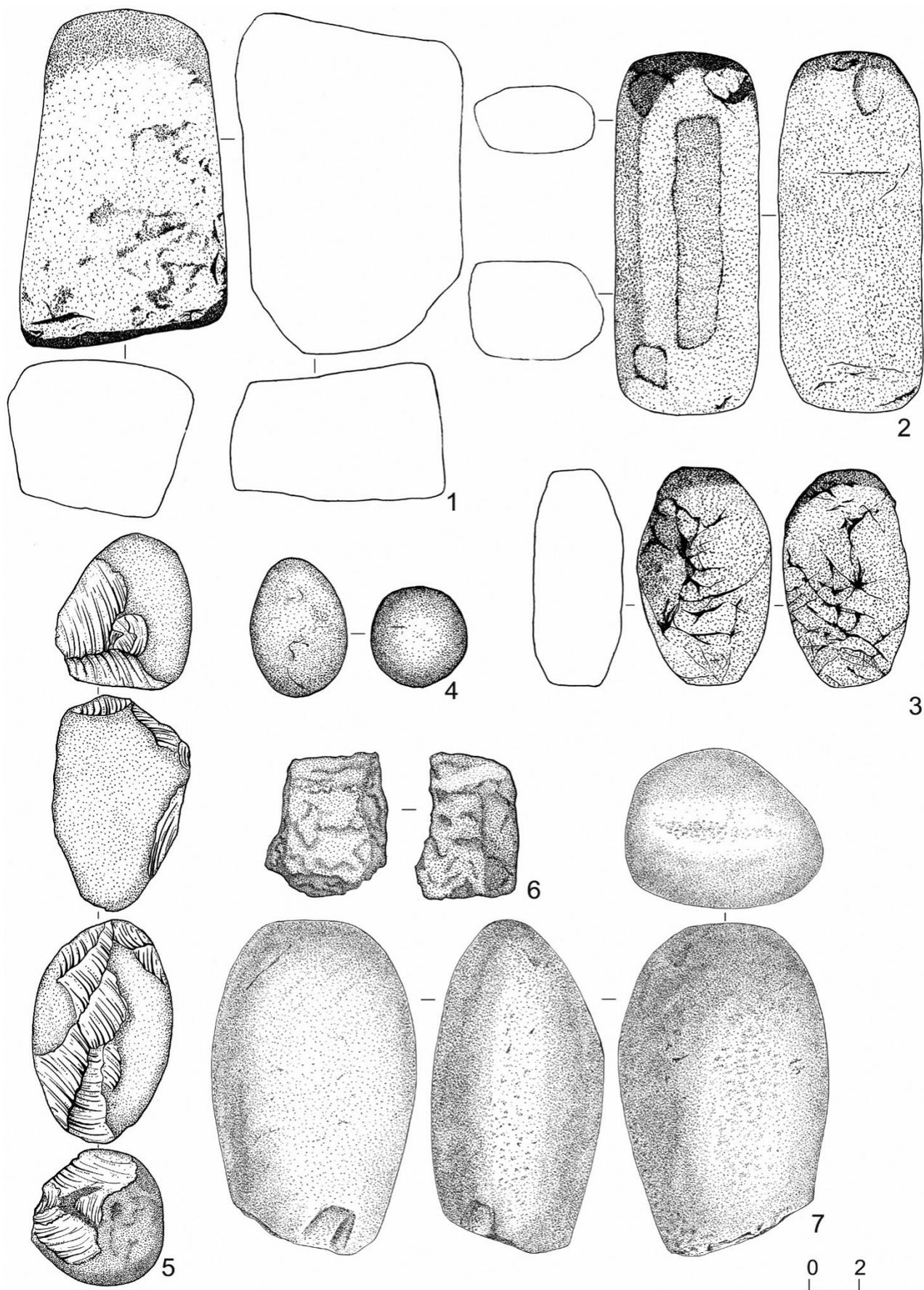

Рис. 3. Орудия из камня в погребениях ямной культуры Приуралья.

1–3 – КМ Тамар-Уткуль VII, 1/1; 4–6 – КМ Каликино II. К. 1; 7 – КМ Каликино II. К. 7, ров.

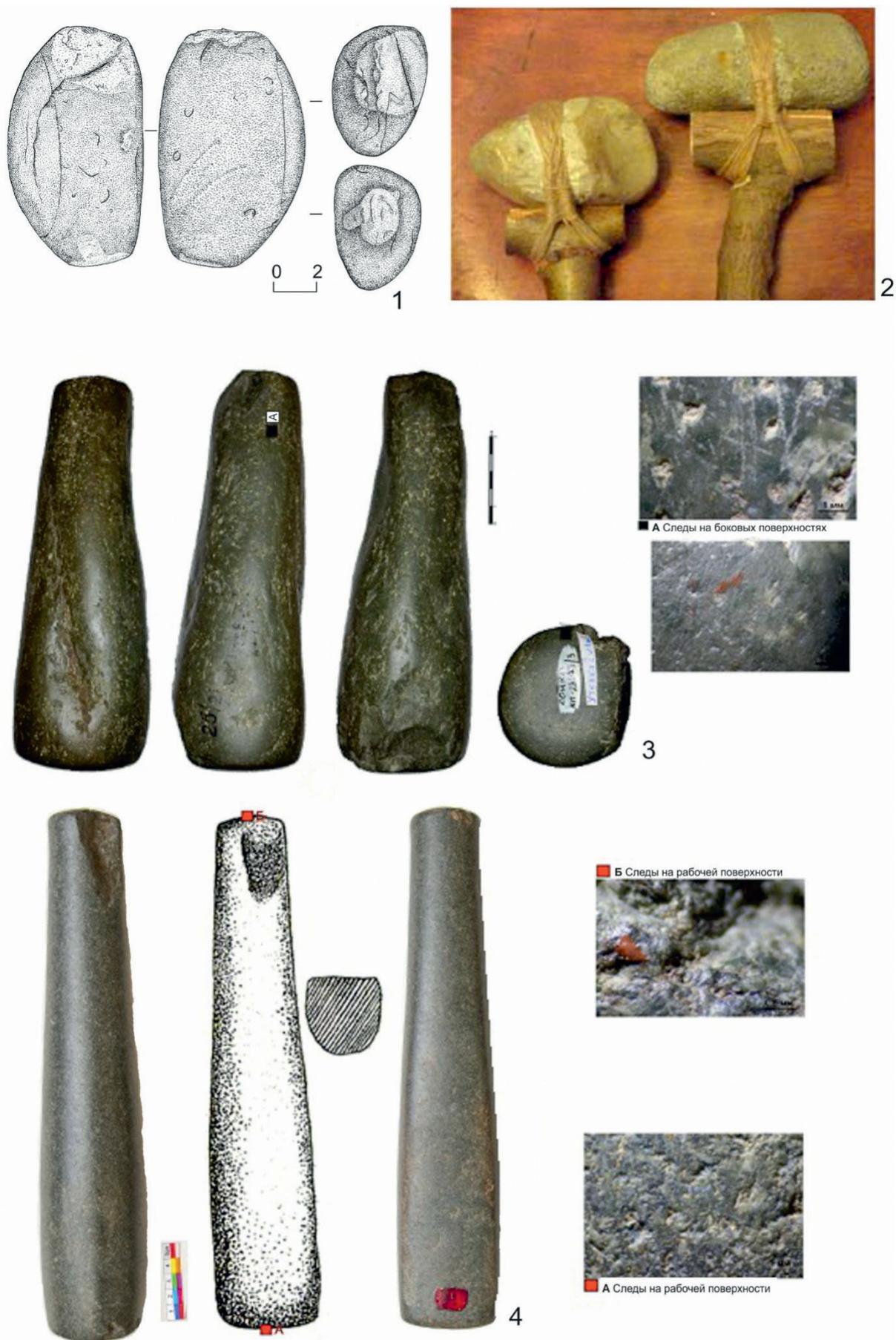

Рис. 4. Каменные орудия из курганов ямной культуры и микрофотографии износов на рабочих поверхностях: 1 – Болдырево I, 1/1; 2 – эксперимент по ковке меди; 3 – 3А – пест и наковальня КМ Утевка I, 1/1; 4 – 4Б – пест Красносамарское I, 1/1.

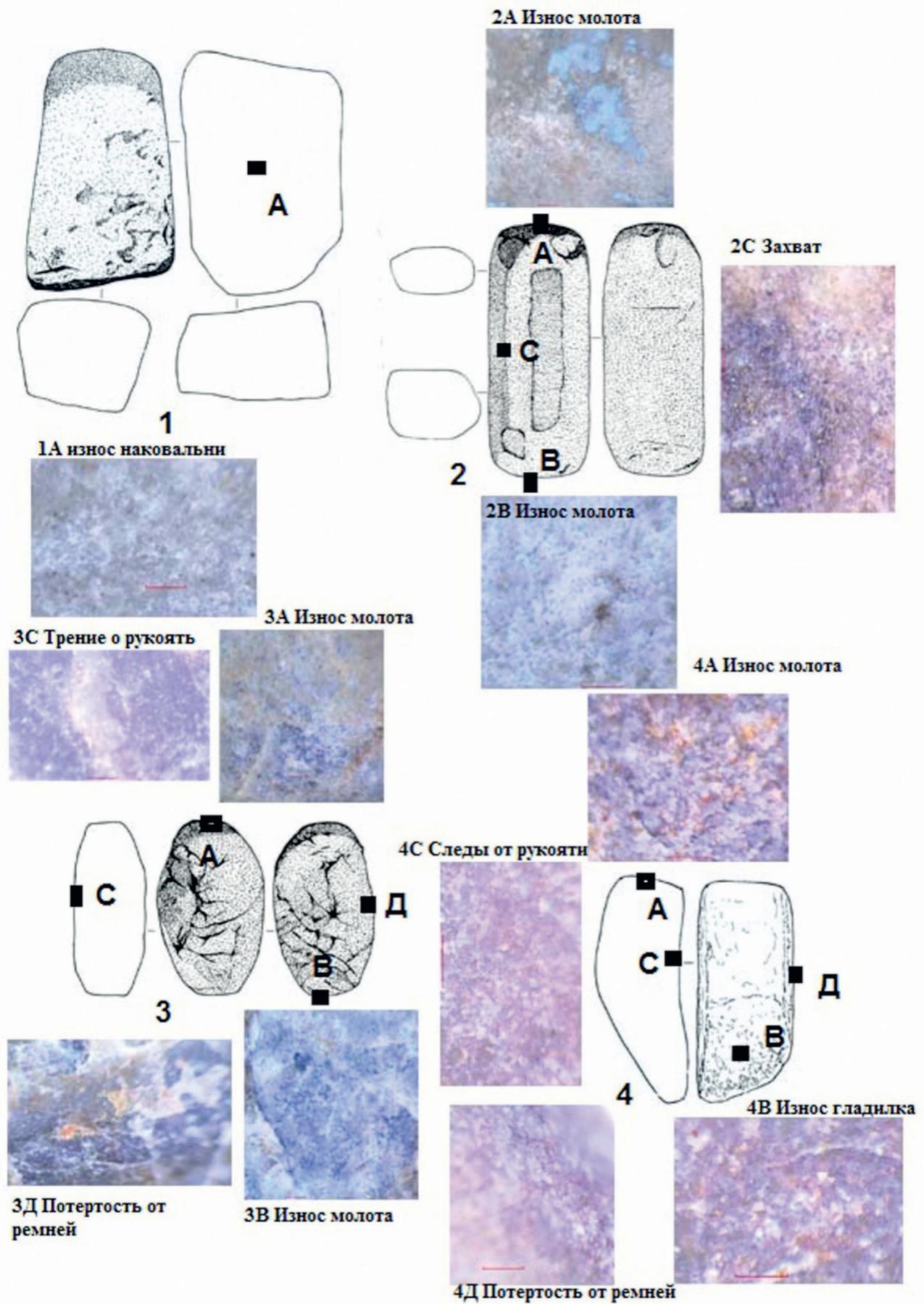

Рис. 5. Каменные орудия могильника Тамар-Уткуль VII, 1/1 и микрофотографии износов на рабочих поверхностях: 1 – 1А – наковальня; 2 – 2С – молот кузнечный; 3 – 3Д – кузнечный молот; 4 – 4Д – Тамар-Уткуль VII, 4/7 – молот и гладилка.

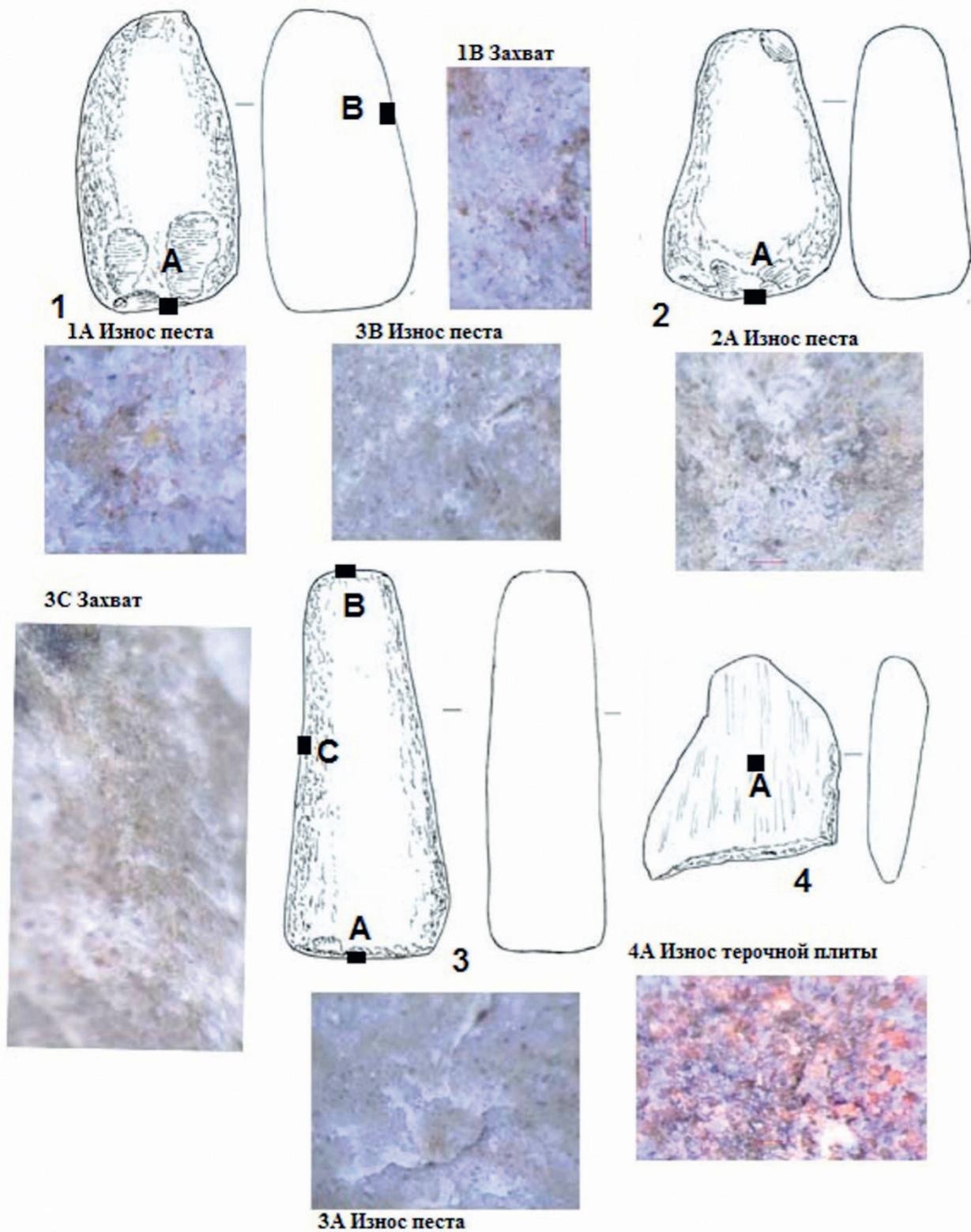

Рис. 6. Каменные орудия из курганов ямной культуры и микрофотографии износов на рабочих поверхностях: 1 – 1В – пест КМ Переволоцкий, 7/2; 2 – 2А – пест КМ Изобильное, 6/3; 3 – 3С – пест КМ Хутор Барышников, 6/3; 4 – 4А – пест КМ Шумаево II, 6/6.

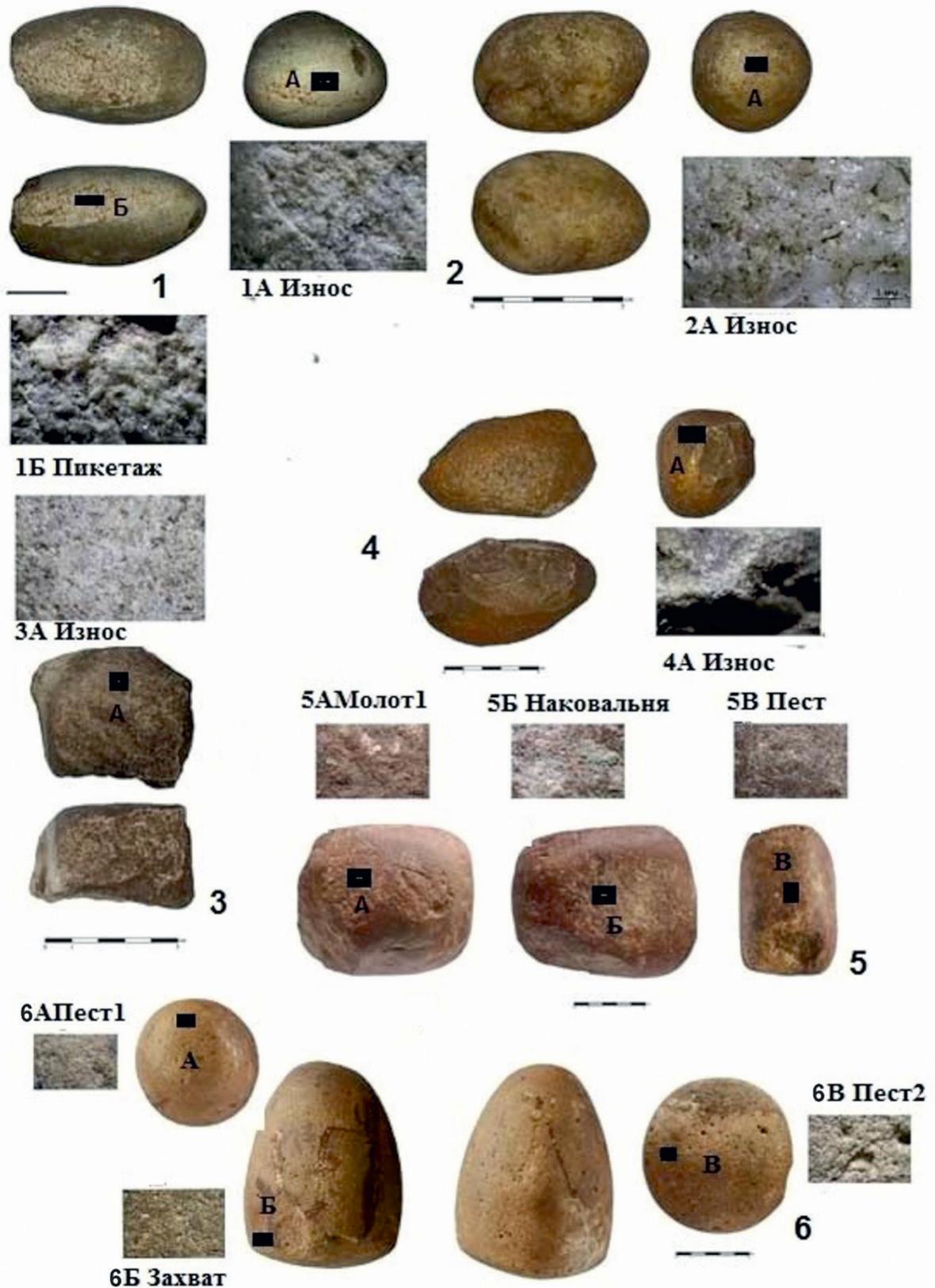

Рис. 7. Каменные орудия из курганов ямной культуры и микрофотографии износов на рабочих поверхностях: КМ Каликино II: 1 – К. 7, ров, ХЗ – кузнечный молот; 2 – К. 1. Х19 – отбойник; 3 – К. 1. Х22 – пест; 4 – К. 1. Х23 – ударное орудие; 5 – КМ Утевка I, 2/1 – пест и наковальня; 6 – КМ Утевка I. Курган 2. Пест по обработке растительных материалов.

КУРГАН ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В МОГИЛЬНИКЕ БОБРОВКА I НА Р. САМАРЕ

© 2023 В.А. Скарбовенко, П.В. Ломейко, В.В. Гасилин, А.А. Хохлов

Работа выполнена при поддержке проекта РНФ № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

Аннотация. В статье публикуются материалы кургана эпохи средней бронзы, раскопанного в 2000 году в могильнике Бобровка I, расположенном в долине р. Самары на территории Самарского Заволжья. Курган диаметром 42 м и высотой 0,84 м был сооружён из земляных блоков и окружён рвом, врезанным в материк. Под насыпью кургана выявлена могильная яма с уступом, которая содержала погребение пожилого мужчины в возрасте 55–65 лет, захороненного в скорченном на спине положении, головой на СВ. В радиоуглеродной лаборатории Университета штата Пенсильвания методом AMS получена абсолютная дата кости погребённого: 4185 ± 20 BP, Cal 2880–2700 BCE. Погребение безынвентарное, но рядом на пашне найден металлический нож.

Ключевые слова: Волго-Уральское междуречье, эпоха средней бронзы, курганный могильник, ямная культура, полтавкинская культура.

THE MOUND OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN THE BOBROVKA I BURIAL GROUND ON THE SAMARA RIVER

© 2023 V.A. Scarbovenko, P.V. Lomeyko, V.V. Gasilin, A.A. Khokhlov

Abstract. The article presents the information of Middle Bronze age kurgan № 1 excavated in 2000 year at the Bobrovka cemetery in the Samara River Valley. Kurgan was 42 m in diameter, its preserved height was 0,84 m. It was built with earthen blocks and surrounded by deep circular ditch and into the clay subsoil. Under the mound there was the central grave of an elderly man 55 to 65 years buried in pit with a large rectangular step around the grave. The skeleton was positioned on his back. His legs were placed vertically but then fell upon each other to the right. His head was ornamented to the northeast. No artifacts accompanied the burial. A radiocarbon date on bone from this burial was obtained at the Pennsylvania State University (4185 ± 20 BP, Cal 2880–2700 BCE).

Keywords: Volga-Ural interfluve, the Middle Bronze Age, kurgan burial ground, yamnaya culture, poltavka culture.

В 2000 году экспедицией Самарского университета были проведены спасательные раскопки курганного могильника Бобровка I, расположенного в 0,8 км к северо-востоку от одноимённого села Кинельского района Самарской области, на краю второй надпойменной террасы правого берега р. Самары (рис. 1). Могильник возник в эпоху средней бронзы – вначале как одиночный курган, возведённый на приподнятом участке террасы и по этой причине заметный с дальнего расстояния; при раскопках этому кургану присвоен порядковый номер 1. В таком виде могильник просуществовал без малого тысячу лет – до тех пор, пока в эпоху поздней бронзы рядом с курганом 1 не были насыпаны курганы 2 и 3. Настоящая работа посвящена публикации результатов раскопок одного из курганов, а именно кургана 1 эпохи средней бронзы.

Современный диаметр кургана 1 составлял $40,6 \times 42,0$ м, уровень залегания его подошвы относительно высшей точки насыпи варьировал в интервале 0,67–0,85 м (рис. 2). Поверхность кургана длительное время распахивалась.

Под насыпью кургана обнаружен ров округлой (несколько неправильной) в плане формы. Ров ограничи-

вал по периметру подкурганную площадку диаметром 26,0 м, перекрытую первичной насыпью. В центре подкурганной площадки было совершено основное погребение 1. На уровне древней поверхности, погребённой под первичной насыпью кургана, ширина рва колебалась в пределах 2,0–3,5 м, ширина дна рва уменьшалась до 0,35–1,20 м, составляя в среднем 0,60–0,70 м. В поперечном разрезе ров имел форму трапеции с наклонными или наклонно-уступчатыми стенками. Общая глубина рва, считая от древней поверхности подкурганной площадки, варьировала в интервале от 0,71 м до 1,15 м. На уровне материка кольцо рва было разомкнуто в четырёх местах; существовали ли эти перемычки выше, на поверхности древней почвы, проследить не удалось, но учитывая крайне малую ширину перемычек (20–40 см), ответ может быть скорее отрицательным.

Одна из перемычек находилась в северо-восточном секторе рва, остальные три располагались напротив, рассекая юго-западную дугу рва. На противолежащих западной-северо-западной и восточной-юго-восточной сторонах ров довольно резко (и как будто преднамеренно) сужался; вблизи линии восточного сужения на

дне рва найден обломок обработанной прямоугольной известняковой плиты размером 25×9×7 см. В расположении перемычек прослеживаются оппозиции север – юг и запад – восток, однако осознанный выбор этих оппозиций не очевиден, подтвердить его сможет лишь статистически значимая повторяемость этой детали оформления рва в других погребальных памятниках рассматриваемого периода. В наклонные стенки рва были врезаны четыре ступеньки с горизонтальными или слабо покатыми поверхностями. Длина ступенек лежит в интервале 0,60–1,00 м, ширина – в интервале 0,30–0,45 м. Наибольший интерес представляет ступенька, устроенная в северо-восточном секторе рва, на 0,30 м выше уровня его дна: на поверхности ступеньки обнаружены лежащие в беспорядке кости ребёнка в возрасте менее 6 месяцев и кости конечностей овцы (рис. 3, 1). В состав остеологического комплекса входят кости обеих передних конечностей взрослой особи в возрасте до 3,5 лет – от предплечий до пальцев включительно, лежавшие в анатомическом порядке, а также две пары передних фаланг (вторая и третья) пальцев, лежавшие по отдельности, причём связки фаланг окостенели, что, вероятно, создавало трудности при передвижении и вызывало хромоту животного. Описанный комплекс, скорее всего, следует рассматривать в качестве остатков жертвоприношения, совершённого за пределами первичной насыпи. Остальные три ступеньки были врезаны в стенки противоположащего юго-западного сектора рва и не содержали никаких объектов на своих поверхностях. Стратиграфические наблюдения, сделанные в процессе раскопок кургана, свидетельствуют о том, что ров был внешним относительно первичной насыпи и окружал её по периметру. Материковый грунт, вынутый из рва, при последующей досыпке кургана не использовался, что отличает описываемый курган от приуральской группы погребальных памятников Волго-Уральского междуречья.

В центре подкурганной площадки было совершено погребение 1 (рис. 3, 2; 4). Могильную яму и окружающее её пространство перекрывала линза материкового выброса, образовавшаяся вследствие выборки грунта из ямы. Линза занимала собой площадь 5,0×5,5 м. После обрушения деревянного надмогильного перекрытия центральная часть линзы провалилась в полость могильной ямы. Могильная яма имела подпрямоугольную форму, её длина на уровне древней поверхности достигала 3,95 м. Вдоль торцевой северо-восточной стенки ямы в слое погребённой почвы была вырезана ступенька шириной 0,2 м и высотой 0,3 м, поверхность которой совпадала с уровнем материка. На уровне материка длина ямы составляла 3,70 м, ширина колебалась в пределах 2,30–2,70 м. На глубине 0,51–0,60 м от поверхности погребённой почвы вдоль всего периметра могильной ямы был оставлен уступ шириной 0,25–0,75 м с горизонтальной, а местами – слабо пока-

той поверхностью (подобные уступы в литературе иногда называют заплечиками или просто ступеньками). На уступ опирались концы надмогильного деревянного перекрытия – широкие и тонкие плахи, уложенные вдоль длинной оси могилы, в направлении с северо-востока на юго-запад. Центральная часть перекрытия провалилась в полость могильной ямы и была зафиксирована в её придонной части, в том числе на костяке погребённого. Вероятно, кроме уступов плахи перекрытия опирались ещё и на поперечные лаги, фрагменты которых также были прослежены в заполнении могилы. Вместе с остатками деревянного перекрытия в верхней части могильной ямы найдено несколько обломков рёбер мелкого рогатого скота. Уступ обрамлял центральную часть могилы размерами 2,15×1,35–1,70 м, стенки которой с небольшим наклоном уходили вглубь материка ещё на 1,62–1,67 м. Размеры дна могильной ямы сократились до 2,05×1,45 м. Общая глубина могильной ямы от уровня поверхности погребённой почвы составляла 2,19–2,27 м. На дне ямы прослежены остатки подстилки в виде слоя чёрного тлена органического происхождения, не достигавшего стенок могилы.

В могильной яме был погребён мужчина крупного телосложения, возраст которого определён в интервале 55–65 лет. Он был захоронен на спине, с подогнутыми ногами. Правая рука свободно лежала вдоль тела, но кисть её была резко согнута в запястье и вывернута кверху ладонью. Левая рука согнута в локте и помещена кистью на животе. С течением времени ноги погребённого упали вправо, что автоматически повлекло за собой небольшое отклонение всей левой половины корпуса в сторону упавших колен. Погребённый ориентирован головой на СВ, азимут тела составлял 46°. Стопы погребённого были посыпаны порошком охры; охрой окрашены также кости плечевого пояса. Вблизи левого плеча найден овальный комок охры. Под черепом погребённого обнаружена кость запястья мелкого рогатого скота, которая первоначально лежала справа от головы.

По данным антропологического анализа, посткраниальный скелет мужчины имел очень длинные, крупные в сечении, рельефные кости. Длина его тела при жизни была примерно в диапазоне 187,0–190,0 см. Череп погребённого массивный, со значительно выраженным макрорельефом. Мозговая коробка низкая, очень длинная и узкая, особенно относительно продольного диаметра (сагиттальная дуга 385 мм, поперечная дуга – около 300 мм). По черепному указателю она, видимо, гипердолихокранная. Лоб среднеширокий (94,0 мм), сильно наклонный; затылочная кость сильно выступающая в профиль. Лицевой отдел скорее высокий (высота лица по линии назион – простион не менее 70,5 мм, высота носа – 57,4 мм, высота тела нижней челюсти – 37,0 мм). Горизонтальный профиль резко клиногнатный. Носовой отдел среднеширокий (25,0–26,0 мм), по

указателю лепторинный (44,4), имеет длинные, высокие, сильно выступающие носовые кости ($36,0^\circ$ – $37,0^\circ$). Орбиты очень крупные, мезоконхные, косо наклонные в латеральном направлении. Зубы крупные, с длинными корнями. По совокупности краниологических черт погребённый может быть отнесён к южноевропеоидному типу.

Скелет погребённого носит на себе следы прижизненных повреждений и болезней. На верхней челюсти отсутствуют зубы, утраченные ещё при жизни, их альвеолы стёрты. На больших берцовых костях фиксируются следы периостита. На суставных поверхностях многих костей, в том числе на фалангах стоп и отчасти кистей хорошо развиты остеофиты. У правого плечевого, левых тазобедренного и лучезапястного суставов зашлифованы участки сочленовных поверхностей, что свидетельствует о деструкции соединительной ткани. Головка левой бедренной кости и суставная впадина тазовой кости сильно перфорированы и имеют значительно развитую остеофитную ткань, что указывает на наличие у погребённого заболевания, существенно ограничивавшего при жизни его передвижения.

К северу от могильной ямы в погребённой почве была выкопана неглубокая (25–40 см) яма, очертания которой фиксировались слабо, притом местами; в полости ямы обнаружен мелкий таксономически неопределимый фрагмент кости крупного млекопитающего.

После совершения захоронения подкурганная площадка была перекрыта первичной насыпью, не выходящей за пределы кольцевого рва. Насыпь сооружена из крупных земляных блоков толщиной в среднем 20 см, вырубленных вместе с дёрном из гумусового горизонта почвенного пласта и уложенных в один слой. Заготовка земляных блоков производилась в стороне от территории могильника, поскольку на второй надпойменной террасе в границах могильника толщина гумусового почвенного горизонта находилась в интервале 12–15 см, к тому же блоки ощутимо превосходили по плотности гумусовый горизонт почвы, погребённой под насыпью кургана. Блоками была выложена практически вся поверхность подкурганной площадки – от рва до линзы материкового выброса, однако местами край насыпи не достигал внутренней границы рва. При этом сама линза материкового выброса составляла, собственно, центральную часть первичной насыпи кургана.

На поверхности первичной насыпи обнаружены остатки двух костяков. Один из них (рис. 5, 1) находился в 0,7 м к северо-востоку от могильной ямы центрального погребения, располагаясь большей своей частью на материковом выбросе из этого погребения; на плане кургана он обозначен как погребение 2, хотя помещение его в курган вряд ли можно рассматривать как погребение в полном смысле этого слова. Костяк принадлежал крупному мужчине в возрасте 25–35 лет. Он лежал на правом боку, сильно склонившись на грудь,

лицом вниз. Его правая рука была свободно вытянута вдоль тела и обращена ладонью вниз, причём плечевая кость находилась под грудной клеткой. Левая рука соскользнула вниз по корпусу и согнулась в локте, её кисть обращена ладонью вверх и собрана в неполный кулак. Головой костяк ориентирован на ЮЗ. У костяка отсутствовала практически вся нижняя половина, включая поясничный отдел позвоночника, крестец, таз и кости ног (за исключением одной малой берцовой кости, найденной под грудной клеткой). На фоне полной сохранности всех, даже мелких, костей грудной клетки и рук, отсутствие крупных костей нижней половины скелета не представляется случайным, тем более, что костяк располагался под бровкой кургана и никоим образом не мог быть повреждён в процессе снятия насыпи. По всей видимости, останки человека были помещены на поверхности первичной насыпи именно в том виде, в каком они обнаружены при раскопках кургана. Умерший характеризовался массивным скелетом, его рост определён в интервале 175–180 см. Особых патологий на костях не выявлено, за исключением трёх невысоких гребней на эмали верхнего латерального резца, свидетельствующих, скорее всего, о гипоплазии зубной эмали вследствие повторяющихся периодов недостаточного питания.

В 0,5 м севернее костяка 2 и практически на одном с ним уровне обнаружены остатки скелета подростка в возрасте 10–12 лет, обозначенные на плане как погребение 3 (рис. 5, 2). Этот костяк также оказался неполным, но, в отличие от костяка 2, у него отсутствовала вся верхняя половина; в наличии были только таз и кости ног, а также часть кисти правой руки. Судя по положению остатков, умерший лежал на животе, со скрещенными в области берцовых костей ногами, его тело было вытянуто вдоль оси 3–В.

Положение обоих костяков абсолютно не соответствует погребальным стандартам эпохи бронзы и носит достаточно случайный, непреднамеренный характер; необычно и место их размещения – вне могильных ям, непосредственно на поверхности первичной насыпи кургана. Перечисленные признаки указывают на то, что эти люди не рассматривались создателями кургана как лица, достойные отдельного погребения, но по каким-то причинам должны были сопровождать персону, погребённую в центральной могиле. Остается лишь выяснить – в каком именно качестве. Из исторических источников известно, что переход из мира живых в мир мёртвых мог сопровождаться захоронением вместе с умершим зависимых от него людей, но всё же, как правило, это были именно люди, а не фрагменты их тел. Второй возможный вариант – помещение в курган человеческих тел или их фрагментов в контексте жертвенных ритуалов, сопровождавших обряд погребения; наличие остатков скелета младенца вместе с костями животных в составе жертвенного комплекса,

выявленного на ступеньке опоясывающего курган рва, даёт в данном конкретном случае некоторое основание именно для такой интерпретации описываемой детали погребального обряда, зафиксированного в кургане Бобровского могильника.

Завершающим этапом создания погребального памятника была его достройка до нужной высоты путём укладки земляных блоков поверх первичного ядра кургана. Эти блоки имели меньшие размеры и заготавливались в ином месте, нежели блоки первичной насыпи: мощность гумусового слоя у них заметно меньше и при вырубке блоков из массива почвенного пласта вместе с гумусовым захватывался частично и смежный предматериковый горизонт почвы. Приблизительный общий объём насыпи составил 590 куб.м; соответственно, первоначальная высота кургана находилась вблизи отметки 2,5 м. Первый и второй этапы возведения кургана, возможно, разделял некоторый временной промежуток, в пользу которого свидетельствует пестроцветный слой на дне рва, сформировавшийся до начала завершающего этапа сооружения кургана. Представляется, что обрядовые действия, сопровождавшиеся жертвоприношениями, производились на втором этапе, непосредственно перед достройкой кургана: земляные блоки фактически законсервировали фрагменты человеческих тел и части туш животных, сохранив их анатомический порядок, что вряд ли оказалось бы возможным, если бы они оставались какое-то время под открытым небом.

Основное погребение 1 не содержало инвентаря, но на поверхности пашни неподалёку от кургана, примерно в 20–25 м к северо-западу от него при разведочном обследовании могильника был обнаружен металлический нож эпохи средней бронзы (Имайкин, 1975. С. 2. Рис. 8). Поскольку остальные курганы могильника оставлены носителями покровской культуры эпохи поздней бронзы, нож с большой долей вероятности принадлежит кургану 1: он был выпахан из насыпи или оставлен вблизи неё строителями погребальной церемонии. Нож имеет слабо выраженное трапециевидное завершение черенка, слегка наклонные, почти горизонтальные плечики и листовидное рабочее полотно, максимальная ширина которого приходится примерно на середину высоты (рис. 6). Нож довольно крупный: его длина составляет 21,13 см, ширина рабочего полотна 5,7 см. Экземпляр из могильника Бобровка I является продукцией Приуральского очага металлургии и металлообработки: он изготовлен из меди металлургической группы медистых песчаников (Кореневский, 1977. С. 52, 53. Табл. 3), но моделью для него послужил тип ножей, распространённый на территории степного Предкавказья, Прикубанья и Приазовья. Подобные ножи встречены в поздних ямно-новотиторовских комплексах Нововеличковская 2, к. 1, п. 4 и Кавказский 2, к. 4, п. 8 (Гак, Калмыков, 2009. Рис. 1, 36, 37), в ранне-

катакомбном погребении № 168 Большого Ипатовского кургана (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 60. Р. 51.4), в северокавказском погребении 5 кургана 4 могильника ВМПБ, 67 на правом берегу Восточного Маныча (Шишлина, 2007. Рис. 68, 1); крупные размеры сближают бобровский нож скорее с ямно-новотиторовским экземпляром из могильника Кавказский 2. На территории Волго-Уральского междуречья ножи интересующего нас типа найдены в погребении 1 кургана 2 могильника Утёвка I (Васильев, 2015. С. 10. Рис. 15, 14) и в погребении 1 кургана 1 могильника Тамар-Уткуль VII (Моргунова, Кравцов, 1994. Рис. 3, 1); последний из перечисленных ножей имеет абсолютную дату 4105 ± 38 BP, калиброванное значение которой с вероятностью 1 к 68% составляет 2848–2600 BC (Моргунова, 2014. С. 194. Табл. 16).

В радиоуглеродной лаборатории Университета штата Пенсильвания (США) методом AMS была получена абсолютная дата кости человека, погребённого в основной могиле 1 публикуемого памятника. Значение даты образца PSUAMS-42756: 4185 ± 20 BP, cal BCE 2880–2700 с вероятностью 1 к 68,2% (рис. 5, 3).

В последнюю четверть века, в основном, благодаря неустанным стараниям Н.Л. Моргуновой и П.Ф. Кузнецова накоплена значительная база абсолютных дат погребальных комплексов эпох ранней и средней бронзы Волго-Уралья, которая в принципе позволяет проводить работу по синхронизации памятников этого региона и сопредельных территорий. Параллельно с накоплением базы данных становилось очевидным, что абсолютные даты, полученные в разных лабораториях и разными методами – LSC и AMS, с учётом поправок на изотопное фракционирование и без таковых, оказываются не вполне сопоставимыми, что влияет на точность синхронизации памятников и делает результаты этой работы приблизительными, что следует иметь в виду при сравнении кургана 1 могильника Бобровка I с другими памятниками Волго-Уральского региона.

В группе погребальных памятников Приуралья, прошедших процедуру абсолютного датирования, наиболее близкими по времени сооружения к публикуемому кургану 1 являются: одиночный курган Шумаево II, п. 2 (4183 ± 123 BP) и могильник Шумаево II, к. 6, п. 6 (4193 ± 104 BP) (Моргунова, 2014. С. 163. Табл. 14), могильник Тамар-Уткуль VII, к. 8, п. 4 (4145 ± 35 BP), могильник Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1 (4165 ± 35 BP), могильник Нижняя Павловка V, к. 1, п. 2 (4175 ± 35 BP), могильник Пятилетка V, к. 5, п. 2 (4140 ± 35 BP). Перечисленную группу памятников Н.Л. Моргунова относит к поздней фазе В классического этапа ямной культуры, датированной ею 3000/2900–2600/2500 гг. до н.э. Не в последнюю очередь культурная интерпретация памятников базируется на присутствии в погребениях интересующей нас группы (в частности, в могильниках Тамар-Уткуль VII и VIII) круглодонных сосудов «класси-

ческого» типа (Моргунова, 2014. С. 201). Однако в западной части Волго-Уральского региона, на территории Самарского Поволжья в этот период картина складывается несколько иная.

В группе датированных погребальных комплексов Поволжья наиболее близкими по времени публикуемому кургану являются: могильник Уваровка II, к. 2, п. 2 (4195±20 ВР; Кузьмина, Михайлова, Фадеев, 2003. С. 199–202), могильник Грачёвка I, к. 1, п. 2 (4220±20 ВР; Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018. С. 10), могильник Красносамарский IV, к. 3, п. 8, 9 и жертвенник (4236±47 ВР и 4239±49 ВР; Anthony et al., 2016. P. 458. Table 2.1). Из погребальных комплексов, не имеющих абсолютной даты, с большой долей вероятности к этой же группе принадлежит курган 2 могильника Утёвка I, где, как уже упоминалось, найден нож того же типа, к которому относится нож из Бобровки I. Перечисленные поволжские комплексы также попадают в хронологический интервал 2900–2600/2500 гг. до н. э., однако в них встречаются уже плоскодонные сосуды полтавкинского типа.

Можно констатировать, что в интервале между 3000 и 2600/2500 гг. до н. э. (напомним опять же: приблизительно) в северной полосе Волго-Уральского региона сооружались курганы, демонстрирующие сходные, а местами и тождественные формы погребального обряда (отметим в скобках, что и в Поволжье, и в Приуралье для захоронения умерших в этот период довольно широко использовали могильные ямы с уступами). На протяжении обозначенного временного отрезка обитатели региона применяли металлические орудия одних и тех же типов, являвшиеся продукцией Приуральского очага металлургии. При этом обитатели восточной, Приуральской части региона продолжали пользоваться керамикой, свойственной ямной культуре, в то время как на территории Поволжья уже входила в употребление керамика полтавкинского типа. Отсюда проистекает различная интерпретация памятников первой половины III тыс. до н.э. разными исследователями. Н.Л. Моргунова, ориентируясь в первую очередь на преемственность некоторых базовых культурных черт интересующей нас группы памятников от культурных характеристик ямных памятников более раннего времени, рассматривает их в контексте ямной культуры (Моргунова, 2014. С. 193–195). В противоположность этому подходу, П.Ф. Кузнецов опирается в первую очередь на появление новых черт в погребальном обряде и материальной культуре населения, оставившего памятники, датируемые в пределах этого же хронологического отрезка, и предлагает считать их не ямными, но раннеполтавкинскими (Кузнецов, 2008. С. 318). К новым культуuroобразующим чертам он отнёс могильные ямы сложных конструкций, в том числе с уступами вдоль стенок, и, разумеется, плоскодонную керамику типа, за которым уже давно закрепилось название «полтавкинского».

Следует заметить, что могильные ямы с уступом вдоль всего периметра стенок распространены на обширной территории: регион Волго-Уралья является её северо-восточной периферией, на юго-западе граница их ареала доходит до Северо-Западного Причерноморья, на юге – до Северного Предкавказья. Именно этот тип могильных ям чаще других сопровождается деревянными повозками или помещением в могилу их деталей, например, колёс. Не будучи узко локальным явлением, ямы с уступами требуют более широкого подхода к их рассмотрению, выходящего за рамки отдельно взятой культуры. Необходимо выяснить время и место появления этого типа могильных ям, их культурные истоки, а также пути распространения в степной полосе Восточной Европы, если в процессе решения первых двух вопросов окажется, что они имели один центр происхождения. Без изучения всей обозначенной «сюжетной линии» мы не можем быть уверенными в культурной принадлежности могильных ям с уступами на любой территории в обозначенных выше пределах, тем более, что около половины их общего количества обычно безынвентарны.

Следует обратить специальное внимание на антропологические характеристики лиц, погребённых в курганах первой половины III тыс. до н.э. Выше упоминалось, что умерший, захороненный в основной могиле кургана у с. Бобровки, принадлежит к южноевропеоидному антропологическому типу с долихокранным, резко клиногнатным краниологическим комплексом. Этот же комплекс присущ некоторым погребённым в курганных могильниках Тамар-Уткуль VII и VIII, Нижняя Павловка V, Грачёвка, Болдырево I и в кургане Большой Дедуровский Мар Южного Приуралья (Хохлов, 2017. С. 78). Южноевропеоидный тип с долихокранным, склонным к лептоморфии краниологическим комплексом отличается от гиперморфного мезо- и брахикранного комплекса носителей волго-уральской группы ямной культуры. Наиболее вероятно, первый из них имеет самостоятельный генезис и связан с миграцией в Волго-Уральский регион носителей юноевропеоидного степного краниологического типа (Хохлов, 2017. С. 87–88). Истоки и время появления юноевропеоидного типа в Волго-Уральском междуречье ещё не установлены. С позиций решения этого вопроса несомненный интерес представляет погребение 1/2 в кургане 3 могильника Николаевка III, исследованного в Волжском районе Самарской области (Скарбовенко, 1999. С. 145–147. Рис. 3 и 4). Погребение совершено в двухкамерной могиле с уступом вдоль периметра стенок. В камере 2 по обычному ямному обряду – на спине, скорченно, головой в восточном направлении – был захоронен взрослый мужчина, характеризовавшийся брахикранным краниологическим комплексом. В соседней камере 1 был захоронен скорченно на правом боку ребенок 7–8 лет с черепом долихокранного типа и ямным по-

гребальным инвентарём: круглодонным сосудиком-курильницей, «флейтой Пана» из обрезанных птичьих костей и набором украшений из костяных и медных очковидных подвесок. В этом погребении встретились два разных обряда захоронения и два столь же различных антропологических типа, и встреча эта произошла на позднем этапе ямной культуры Поволжья. Ближайшая аналогия двухкамерной могиле из кургана 3 Николаевского III могильника обнаружена в Прикубанье: в такой же двухкамерной могиле с уступом было совершено

погребение 15 в кургане 2 могильника Останний, относящееся к поздней новотиторской культуре; автор публикации этого комплекса упоминает о наличии еще двух подобных могильных ям в Северном Причерноморье, на Нижнем Днепре и Южном Буге (Гей, 2000. С. 92–96, 123. Рис. 33). Приведённые аналогии позволяют наметить как минимум одно из возможных направлений на пути поиска исходной территории, откуда мог осуществиться приток южноевропейского долихокранного населения в Волго-Уральский регион.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев И.Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утёвка в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015. Вып. 5. С. 4–51.
- Гак Е.И., Калмыков А.А.* Ямно-новотиторское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной части Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. С. 104–119.
- Гей А.Н.* Новотиторская культура. М: ИА РАН, 2000. 224 с.
- Имайкин Н.И.* Отчёт об археологических разведках в Кинельском районе Куйбышевской области по Открытому листу № 250 // Архив ИА РАН. 1975. Р-1. № 5499.
- Корневский С.Н.* О древнем металле бассейна р. Самары // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского университета, 1977. С. 44–65.
- Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.: Наука, 2007. 229 с.
- Кузнецов П.Ф.* Ямная культура Волго-Уралья: периодизация, хронология, межрегиональный контекст // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 317–319.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энто-ни Д.У.* Грачёвские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. 195 с.
- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г.* Ува-ровский курганный могильник (результаты раскопок 2002 года) // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2003. Вып. 3. С. 198–218.
- Моргунова Н.Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. 348 с.
- Моргунова Н.Л., ван дер Плихт Й.* Результаты радиоуглеродного датирования Тамар-Уткульских курганов в Оренбургской области // Известия СНЦ РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2013. Том 15. № 5. С. 261–268.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994. 153 с.
- Скарбовенко В.А.* Николаевка III – могильник эпохи средней бронзы в долине р. Самары // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во Самарский университет, 1999. С. 143–159.
- Хохлов А.А.* Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: Изд-во СГСПУ, 2017. 374 с.
- Шишлина Н.И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия). М.: Гос. Ист. музей, 2007 (Труды Государственного исторического музея; Вып. 165). 400 с.
- Anthony David W., Brown Dorcas R., Mochalov Oleg D., Khokhlov Aleksandr A., Kuznetsov Pavel F.* A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes: The Samara Valley Project. UCLA; Cotsen Institute of Archaeology Press, 2016. 513 p.

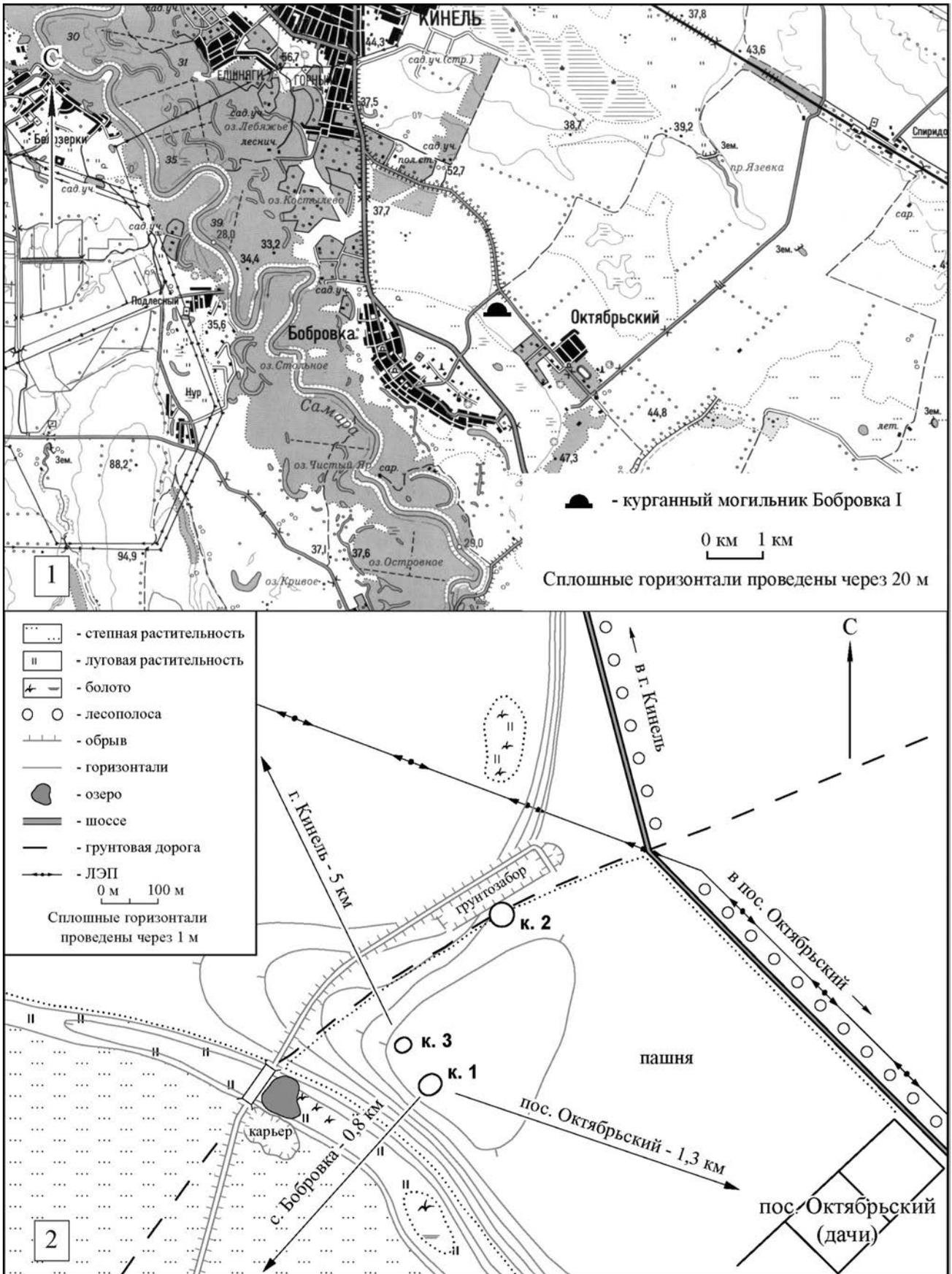

Рис. 1. Местоположение и план курганного могильника Бобровка I.

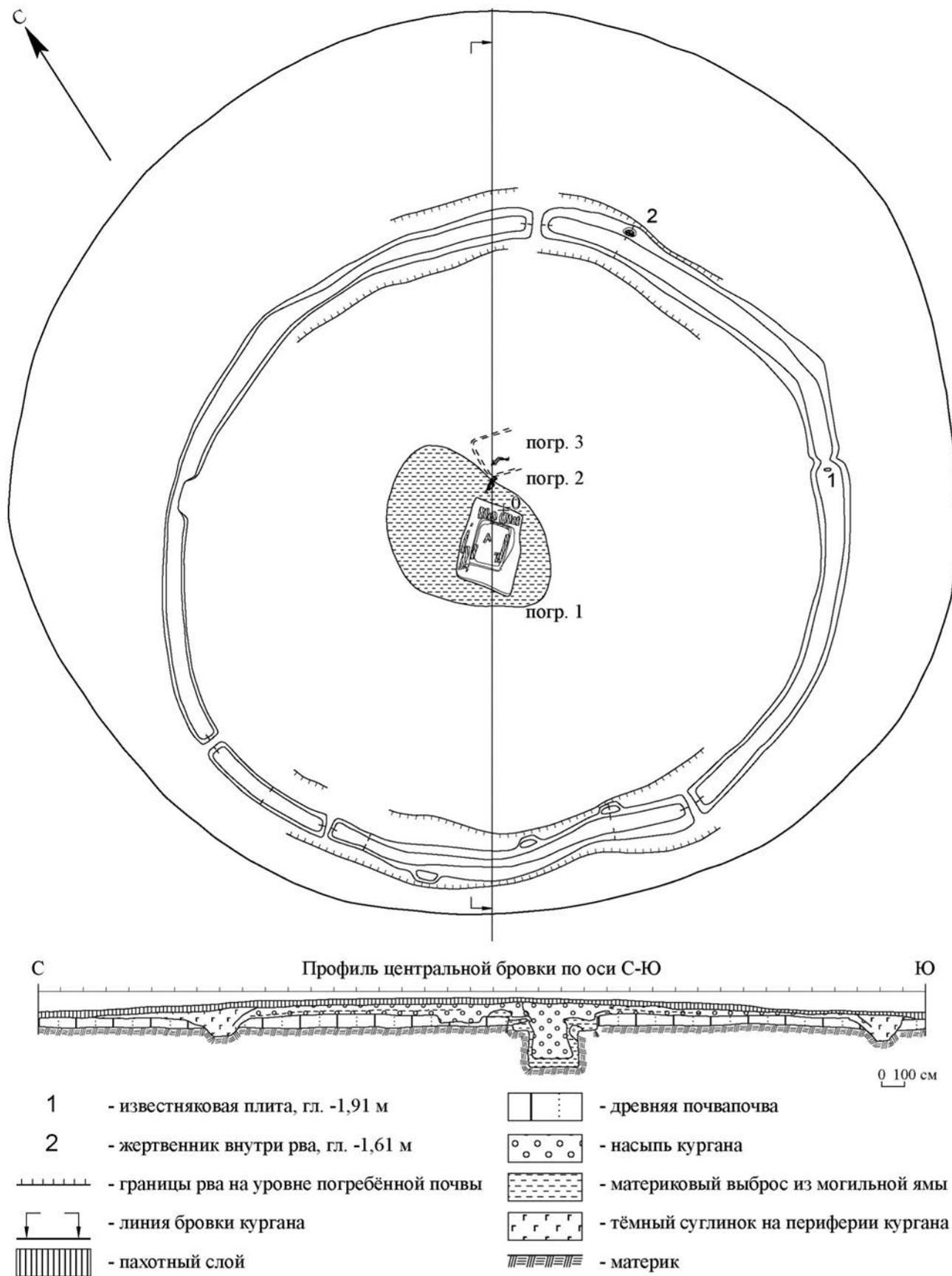

Рис. 2. План и профиль кургана I.

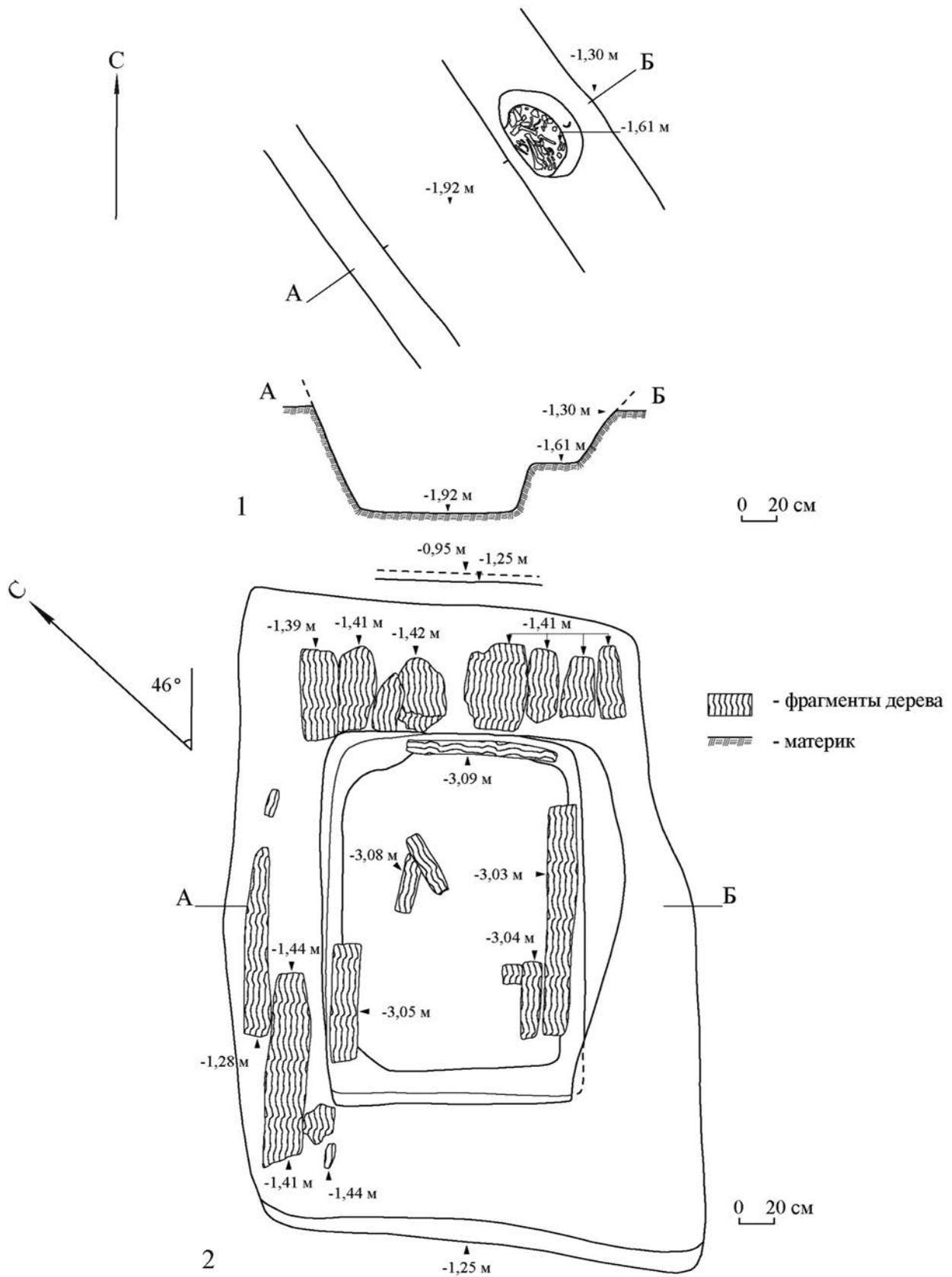

Рис. 3. Курганный могильник Бобровка I, курган 1:

1 – жертвенный комплекс на ступеньке северо-восточного сектора рва, 2 – план погребения 1 на уровне деревянного перекрытия.

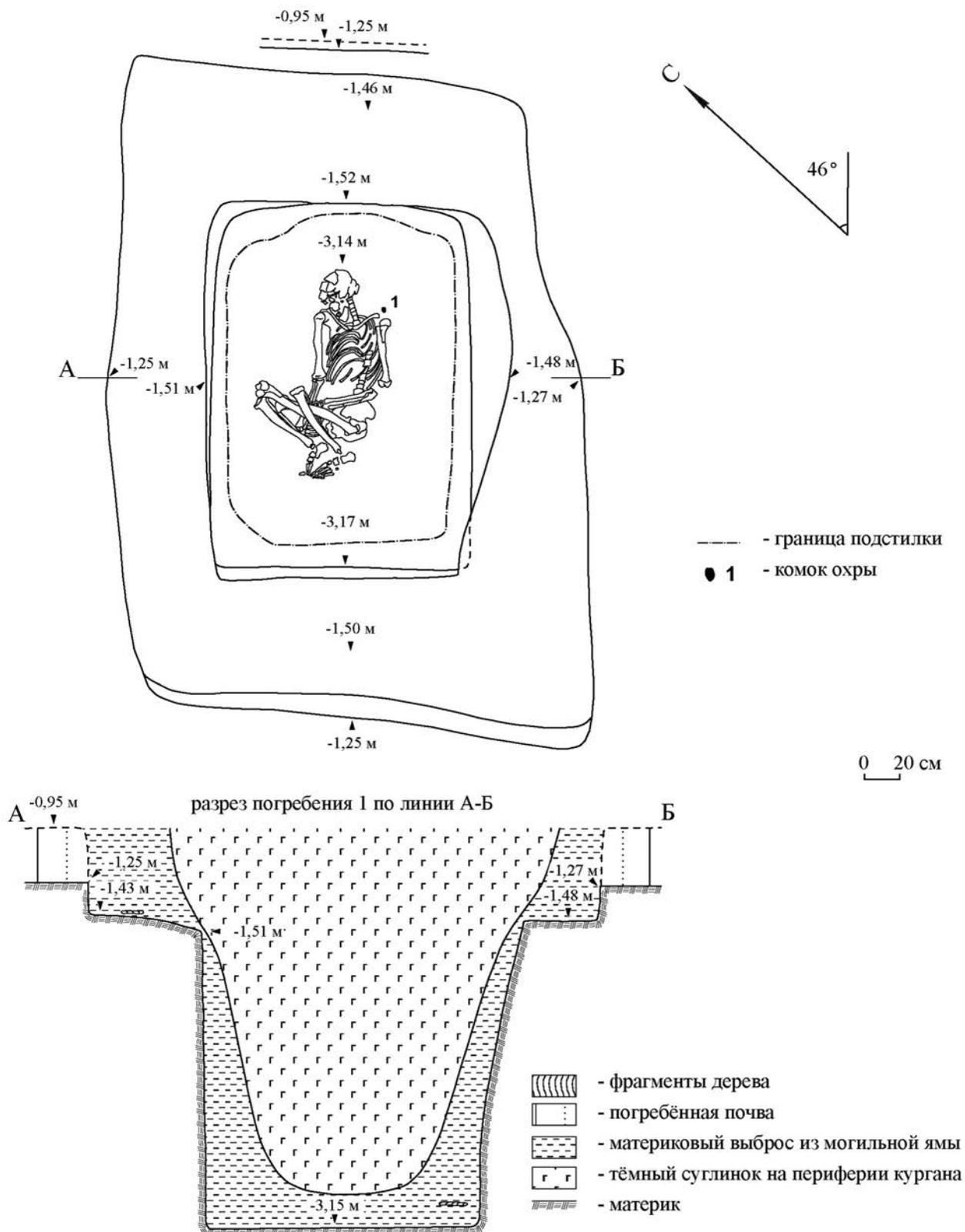
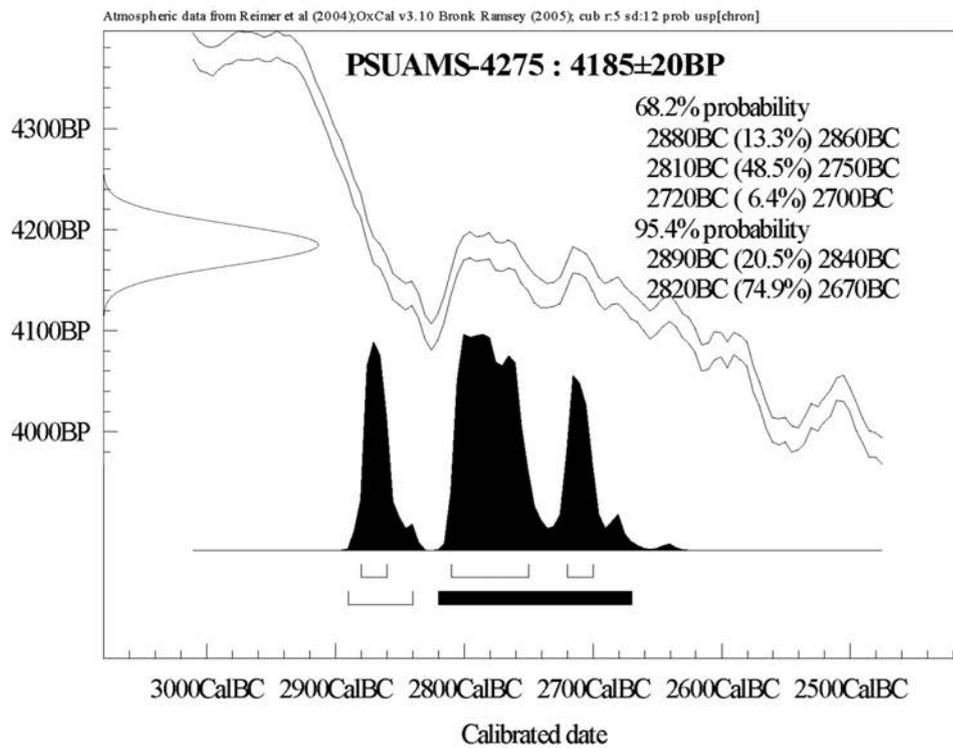
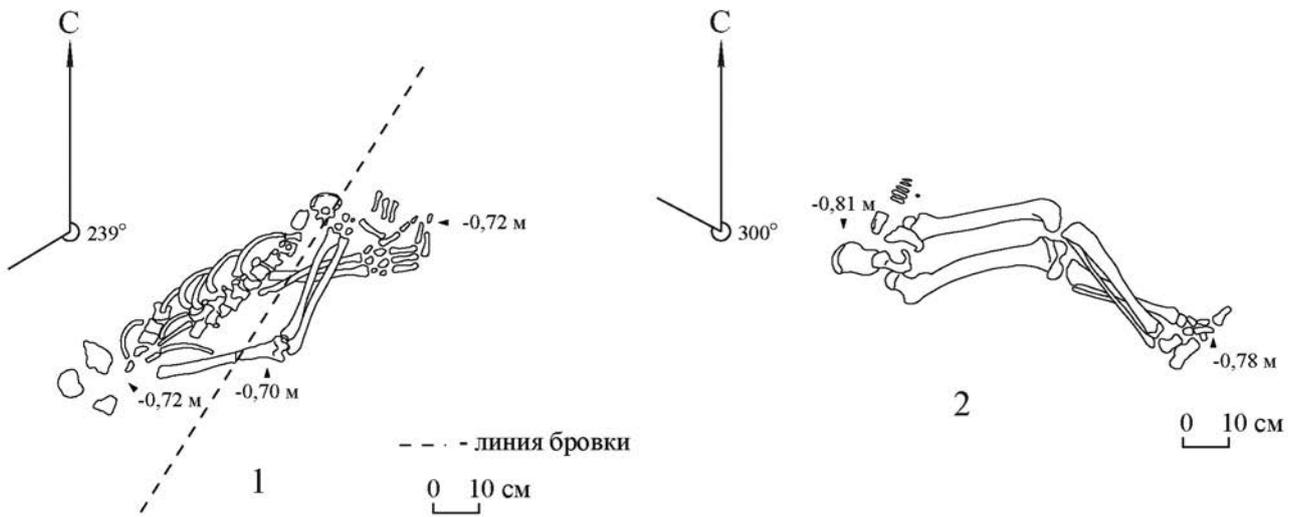

Рис. 4. Курганный могильник Бобровка I, курган 1. План погребения 1.

3

Рис. 5. Курганный могильник Бобровка I, курган 1:

1 – план погребения 2, 2 – план погребения 3, 3 – графическое отображение калиброванного интервала радиоуглеродной даты погребения 1.

Рис. 6. Курганный могильник Бобровка I.
Медный нож, найденный на пашне рядом с курганом 1.

ЛОПАТИНСКИЙ II КУРГАНЫЙ МОГИЛЬНИК В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

© 2023 П.Ф. Кузнецов, В.Н. Мышкин, А.А. Хохлов

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

Аннотация. Статья посвящена материалам, полученным в результате исследования в 1986 году Лопатинского II курганного могильника в Самарском Заволжье. В трех раскопанных курганах (№ 1–3) находились разновременные захоронения, относящиеся к культурам эпохи бронзы, начиная с ямной, и до раннего железного века. Погребальный инвентарь в сумме представлен лепными глиняными сосудами, костяными и кремневыми наконечниками стрел, костяными фигурками, кремневым орудием с роговой рукоятью. Полученные абсолютные даты позволили уточнить время начала функционирования могильника и совершения некоторых проблемных в этом аспекте захоронений. Для ямного времени получены также генетические определения, позволяющие представить родственные связи населения, и проследить его исторические корни.

Ключевые слова: Самарское Заволжье, курганный могильник, эпоха бронзы, предскифское время, погребальный обряд, радиоуглеродная дата, антропология, генетика.

LOPATINSKY II BURIAL MOUND IN THE SAMARA TRANS-VOLGA REGION

© 2023 P.F. Kuznetsov, V.N. Myshkin, A.A. Khokhlov

Abstract. The article is devoted to materials obtained as a result of a study in 1986 of the Lopatinsky II burial mound in the Samara Trans-Volga region. The three excavated mounds (№ 1–3) contained burials of different periods dating back to the cultures of the Bronze Age, from the Yamnaya to the Early Iron Age. The total burial goods are represented by molded clay vessels, bone and flint arrowheads, bone figurines, and a flint tool with a horn handle. The obtained absolute dates made it possible to clarify the time when the burial ground began to function and when some burials, which were problematic in this aspect, took place. Genetic definitions have also been obtained that make it possible to imagine the family ties of the population and trace its historical roots for the Yamnaya time.

Keywords: Samara Trans-Volga region, burial mound, Bronze Age, Pre-Scythian time, funeral rites, radiocarbon date, anthropology, genetics.

Летом 1986 г. археологическая экспедиция под руководством П.Ф. Кузнецова исследовала Лопатинский II курганный могильник в Красноярском районе Самарской области (Кузнецов, 1987). Результаты раскопок опубликованы (Васильев и др., 1994. С. 47–53). К настоящему времени появились новые данные, в частности, радиоуглеродные даты и генетические определения,

Курганы имели следующие размеры:

№	Диаметр, м	Высота, м
1	29	0,54
2	18	0,56
3	14	0,32
4	15	0,4

Курганы 2 и 3 имели слившиеся полы, насыпь последнего была нарушена установленной опорой линии электропередачи. Курган 4 находился на распаханном поле. Через территорию памятника проходила грунтовая дорога.

В процессе исследования могильника были раскопаны курганы 1–3. Их насыпи снимались бульдозером. Для стратиграфических наблюдений оставалась

позволившие уточнить время организации захоронений, их культурную принадлежность, степень антропологической близости между погребенными.

Лопатинский II курганный могильник располагается к северо-востоку от с. Лопатино на краю первой надпойменной террасы р. Сок (рис. 1). Он состоял из четырех курганов.

центральная бровка. Поскольку курганы 2 и 3 частично слились, при их раскопках была оставлена единая центральная бровка, ориентированная по линии СЗ-ЮВ и проходящая через центры насыпей.

Курган 1

Курганный насыпь (рис. 2, 1) имела округлую в плане форму. Ее диаметр составлял 29 м, высота 0,54 м.

В кургане прослежена следующая смена слоев сверху вниз:

1. Дерн – плотный черный гумус, мощностью до 0,15 м;

2. Насыпь – серый гумус, плотный мелкозернистый, с вкраплениями песка и в меньшем количестве частиц глины, максимальная мощность слоя составляла 0,4 м;

3. Погребенная почва – светло-серый гумус с бурым оттенком, плотный, мелкозернистый, с включениями песка и в большей степени частиц глины, мощность слоя составляла 0,35–0,43 м;

4. Материк – желтая глина, зафиксированная на глубине от -0,9 м до -0,98 м от условной нулевой отметки.

В 1 м к СВ от центра кургана на глубине от -0,65 м до -0,72 м от нулевой отметки, то есть в погребенной почве обнаружены разрозненные кости человека (скелет 1): череп, тазовые, локтевая, плечевая, фаланги пальцев правой руки в сочленении; лопатка; берцовые кости левой ноги. В 50–55 см к северу от черепа обнаружены кости левой руки и ребра. Кости ног отсутствовали (рис. 4, 8).

Под насыпью обнаружена одна могильная яма, которая располагалась в центре кургана (рис. 2, 1). Могильная яма имела в плане неправильную подовальную форму и была ориентирована длинной осью по линии С-Ю (рис. 3, 1). Размеры ямы на уровне фиксации: максимальная длина 3,3 м; наибольшая ширина 2,2 м. Глубина ямы составляет – 1,22–1,26 м от нулевой отметки. Заполнение могилы состояло из материковой глины. В ее южной части зафиксирована яма прямоугольной формы, заполнение которой состояло из гумуса и глины. В ней обнаружены отдельные кости человека.

Могильная яма содержала костные останки трех человек. От скелета № 1 обнаружены только берцовая кость и стопа правой ноги (рис. 3, 1). На костях имеются следы охры. Остальные кости этого скелета зафиксированы выше (на глубине от -0,65 м до -0,72 м от нулевой отметки) при снятии гумуса в заполнении ямы.

Скелет № 2 не имел анатомического порядка, был или разрушен вмешательством дополнительного перекопа, или представлял вторичное захоронение. Кости этого погребенного обнаружены в заполнении ямы на глубине от -0,19 м до -1,10 м от нулевой отметки. Скелет принадлежал молодому мужчине 25–35 лет.

Среди костей обнаружены фрагменты придонной части и дна лепного сосуда. Судя по фрагментам, сосуд имел плавный без закраины переход от стенки к днищу. В глине фиксируется примесь песка. На некоторых фрагментах сосуда имеются горизонтальные расчески.

Скелет 3 (рис. 3, 1) обнаружен на дне могильной ямы, в ее северной части. Мужчина, умерший в возрасте около 40–45 лет, был погребен на спине головой на запад. Череп лежал лицевой частью на север. Руки погребенного

были слегка согнуты в локтях, левая при этом отведена от туловища, а её кисть находилась напротив таза. Кисть правой руки отсутствовала. Левая слегка согнутая нога, вероятно, была поднята коленом вверх и впоследствии завалилась налево.

У локтя левой руки погребенного лежали два предмета. Один из них – костяной наконечник стрелы, четырехгранный, ромбовидный в поперечном сечении с внутренней втулкой и опущенными ниже основания шипами (рис. 3, 2).

Второй предмет (рис. 3, 3–4) представляет собой какое-то орудие с роговой рукоятью и рабочей частью (скребком?), изготовленной из кварцита. Рукоять орудия изготовлена из спиленного и обработанного отростка рога. Одно ее окончание заострено, во втором, более широком, имеется углубление, в которое был вставлен кварцитовый скребок. В средней части рукояти поперек его продольной оси просверлено отверстие округлой формы. В районе этого отверстия имеется круговая сработанность (потертость) поверхности изделия. Еще два отверстия округлой формы имеются ближе к приостренному окончанию рукояти. Они сделаны костяными стерженьками-«шпешеньками».

Вещи лежали в слое органического тлена красноватого цвета, вероятно, остатках какого-то чехла или мешочка.

Курганы 2 и 3

Насыпи этих двух слившихся курганов (рис. 2, 2–3) снимались одновременно с оставлением единой центральной бровки. За нулевую отметку был принят центр кургана № 2, от которого приведены все нивелировочные отметки.

В кургане прослежена следующая смена слоев сверху вниз:

1. Дерн – плотный черный гумус, мощностью до 15 см;

2. Насыпи курганов, сформированные серым гумусом, плотным мелкозернистым, с вкраплениями песка и частиц глины. Мощность насыпи кургана 2 составляла 60 см, кургана 3 – 15 см;

3. Погребенная почва – светло-серый гумус с бурым оттенком, плотный, мелкозернистый, с вкраплениями песка и включениями частиц глины. В 8,5 м к ЮЮВ от центра кургана 2 зафиксирован участок протяженностью 1,5 м с почти черным цветом и более плотной мелкозернистой структурой, который, вероятно, являлся первоначальной границей между насыпями двух курганов;

4. Материк – желтая глина.

В кургане 2 обнаружены четыре погребения (рис. 2, 3).

Погребение 1 (рис. 4, 1) находилось в центре кургана. На глубине -0,66 м от нулевой отметки были обнаружены кости ног, рук и ребра человека. Берцовые кости лежали на линии В-3. Обе стопы погребенного

направлены на восток. Бедренные кости также лежали по линии восток-запад, как и берцовые, но они были повернуты на 180°. Судя по расположению костей, погребение 1 являлось вторичным, совершенным на уровне погребенной почвы. Вокруг костей и на них лежали угольки, однако следы горения не обнаружены.

К северу от погребенного находились кости животных, к юго-западу – фрагменты стенок сосудов, имеющих желтый цвет. В глине фрагментов визуальнo фиксируется примесь толченой раковины. На их внешней поверхности нанесены параллельные ряды желобков.

На глубине -0,84 м от нулевой отметки в 10 см к северу от бедренных костей погребенного лежал набор из 15 костяных и 4 кремневых наконечников стрел (рис. 5). Наконечники лежали плотной кучкой и, вероятно, были положены рядом с погребенным в каком-то чехле-«колчане».

Все костяные наконечники (рис. 5, 1–15) черешковые, имеющие треугольные, ромбовидные или квадратные в сечении головки (ударные части). Черешки в поперечном сечении круглые или овальные, их окончания заострены. Одиннадцать из пятнадцати экземпляров имеют опущенные вниз шипы, число которых варьирует от одного до трех (рис. 5, 1–3, 6–8, 10–13, 15). Три наконечника имеют плавный переход от головки к черешку (рис. 5, 4, 5, 14), у одного наконечника ударная часть не отделена от насада (рис. 5, 9). Общая длина наконечников варьирует пределах от 6 до 15,5 см.

Кремневые наконечники (рис. 5, 16–19) имеют лавролистную форму. Один из них – черешковый (рис. 5, 16), у трех других основание ровное или скругленное (рис. 5, 17–19). Их длина варьирует от 3,0 до 5,5 см.

Описание комплекса.

Наконечник № 1 (рис. 5, 1). Имеет один шип и приостренный черешок. Общая длина изделия равна 23,1 см. Длина жала 13,5 см, окончание приостренной части черешка 2,2 см. Наконечник в сечении треугольный, черешок округлый.

Наконечник № 2 (рис. 5, 2) имеет один шип и приостренное окончание черешка. Общая длина наконечника 11,7 см. Длина жала 4,5 см, черешка 7,2 см, приостренной части черешка 2,4 см. Наконечник в сечении ромбической, размерами 1,35×0,6 см. Черешок в сечении округлый, диаметром до 0,75 см.

Наконечник № 3 (рис. 5, 3). Имеет один шип. Черешок обломан. Общая длина сохранившейся части изделия равна 11,5 см. Наконечник в сечении ромбический, размерами 18,5×7,0 см. Диаметр черешка до 0,7 см.

Наконечник № 4 (рис. 5, 4). Общая длина 12,1 см. Длина жала 6,3 см. Общая длина черешка 5,8 см. Наконечник в сечении ромбический, имеющий плавный переход к черешковой части. В сечении 1,3×6,5 см. Черешок в сечении подчетыреугольный. Длина граней равна 0,75 см.

Наконечник № 5 (рис. 5, 5). Общая длина 9,2 см. Длина жала 5,3 см. Общая длина черешка 3,9 см. Длина приостренной части черешка 2,5 см. Наконечник в сечении квадратный с длиной стороной до 0,9 см. Черешок округлый, его диаметр до 0,8 см.

Наконечник № 6 (рис. 5, 6). Имеет два шипа. Окончание черешковой части обломано. Общая длина сохранившейся части наконечника равна 6,0 см. Длина жала 2,7 см. Черешок в сечении овальный – 1,5×6,5 см.

Наконечник № 7 (рис. 5, 7). Имеет два шипа. Длина 6,7 см. Длина жала 2,7 см, черешка 4,0 см. Сечение наконечника ромбическое, шириной 1,0×0,5 см. Черешок в сечении трапециевидный, имеет небольшую естественную выемку. Приостренная часть черешка выделена, имеет овальное сечение шириной до 0,65 см.

Наконечник № 8 (рис. 5, 8). Имеет два шипа и приостренный черешок. В средней части черешка фиксируется небольшое утолщение. Черешок обломан. Длина наконечника 6,9 см. Длина жала 2,6 см. Наконечник в сечении ромбический, 1,4×0,6 см. Черешок – овальный. Размер сечения 0,8×0,6 см.

Наконечник № 9 (рис. 5, 9). Его длина 8,0 см. Длина жала 2,7 см, черешка 5,3 см. Имеет плавный переход к черешку. Жало в сечении подромбическое.

Наконечник № 10 (рис. 5, 10). Имеет два шипа. Острие обломано. Длина 10,0 см. Длина приостренной части 2,4 см. Жало в сечении ромбическое, 1,7×0,6 см. Черешок в сечении округлый, диаметр до 0,7 см.

Наконечник № 11 (рис. 5, 11). Имеет три выделенных шипа. Общая длина наконечника 15,5 см. Длина жала 0,9 см, черешка 6,5 см, его приостренной части 2,4 см. Черешок в сечении округлый, диаметр до 0,7 см.

Наконечник № 12 (рис. 5, 12). Имеет один шип и приостренное окончание. Длина наконечника 9,75 см. Длина черешка 5,75 см. Перо в сечении треугольное, 0,95×0,8 см. Черешок – овальный, 0,75×0,55 см.

Наконечник № 13 (рис. 5, 13). Имеет два шипа, приостренный черешок. В средней части черешка есть утолщение. Длина наконечника 8,1 см. Длина жала 1,8 см. Длина черешка 6,3 см. Длина шипов вдоль длинной оси наконечника 1,0 см. Длина приостренного окончания черешка 3,5 см. В сечении наконечник ромбический, 1,2×0,6 см. Черешок в сечении овальный, 0,75×0,5 см. Окончание черешка в сечении округлое, диаметром до 0,55 см.

Наконечник № 14 (рис. 5, 14). Имеет два овальных выступа и выделенное приостренное окончание черешка. Длина наконечника 6,3 см, длина жала 3,2 см, длина приостренной части черешка 1,8 см. Наконечник в сечении ромбический. Его размеры 1,4×7,5 см. Черешок в сечении овальный, 0,9×0,75 см. Окончание черешка в сечении округлое.

Наконечник № 15 (рис. 5, 15). Имеет два шипа. Изготовлен из трубчатой кости, т.к. имеет овальное углубление с одной стороны. Окончание черешка при-

стренное. Длина наконечника 7,4 см, длина жала 2,5 см, длина черешка 4,9 см, длина приостренного окончания 2,7 см. Наконечник в сечении шестигранный, размерами 1,3×0,45 см. Окончание черешка в сечении почти округлое 0,55×0,45 см.

Кремневый наконечник № 1 (рис. 5, 16). Изготовлен из светло-серого камня. Имеет усеченное основание. Длина наконечника 3,2 см, ширина основания 1,5 см.

Кремневый наконечник № 2 (рис. 5, 17). Изготовлен из светло-серого камня. Имеет усеченное основание. Длина наконечника 4,1 см, ширина основания 1,3 см.

Кремневый наконечник № 3 (рис. 5, 18). Изготовлен из светло-серого кремня. Имеет усеченное основание. Длина наконечника 3 см, ширина основания 1,5 см.

Кремневый наконечник № 4 (рис. 5, 19). Изготовлен из серо-зеленого кремня. Наконечник черешковый. Длина изделия 5,5 см, ширина основания 2,2 см.

Погребение 2 (рис. 4, 2) располагалось в поле кургана к ЮЮВ от его центра. На уровне материка на глубине 0,55 м от 0 обнаружен скелет ребенка, умершего в возрасте до 1 года. Погребенный лежал на спине, головой на СВ. Левая рука была согнута в локте и направлена к тазу. Кости правой руки не сохранились. Ноги были согнуты в коленях и поставлены вертикально. Впоследствии они завалились вправо, но остались несколько приподнятыми. В области ступней и под черепом зафиксированы следы охры. В 15 см ниже стоп погребенного обнаружен плоский камень без явных следов обработки. Камень имеет подтреугольную форму и размеры 12×9×5 см.

Слева у тазовой кости находился сосуд (рис. 4, 3), имеющий горшковидную форму, отогнутый венчик, округлое тулово и закраину у дна.

Погребение 3 (рис. 4, 4) располагалось в центре кургана. Захоронение совершено в могильной яме подпрямоугольной в плане формы, ориентированной длинной осью по линии В-З. Размер ямы: глубина 1,82 м, ширина 1,38 м, глубина -1,33 м от 0.

На дне ямы лежал скелет мужчины, умершего в возрасте около 50–55 лет. Погребенный был уложен на спину, головой на восток с небольшим отклонением к югу. Полусогнутые руки погребенного были отведены в стороны от туловища. Ноги первоначально были поставлены вертикально, со временем под давлением заполнения могилы неестественно сложились на ее дне. В области черепа, рук, ребер и бедренных костей зафиксирована обильная окраска охрой. Очевидно, что посыпка охрой осуществлялась уже после того, как погребенный был уложен в яму. Два пятна охры были на дне ямы слева и справа от черепа, охрой посыпаны кости рук в местах локтевых сгибов, а также отчасти и тазовые кости. На костяке лежали остатки покрывала – тонкая органическая прослойка темно-коричневого

цвета и мощностью до 0,5 см. На дне ямы обнаружены остатки подстилки из органики темно-коричневого цвета мощностью до 1 см.

В 10 см к югу от черепа лежал наконечник стрелы (рис. 4, 5), изготовленный из темно-красного кремня. Наконечник имеет треугольную форму и выемку в основании. Между ребер погребенного под грудной костью обнаружен наконечник стрелы (рис. 4, 6), изготовленный из кремня светло-зеленого цвета. Наконечник треугольной формы с намеченной выемкой в основании. Своим острием наконечник направлен к голове погребенного. Возможно, мужчина был убит стрелой с этим наконечником.

Погребение 4 (рис. 4, 7) располагалось в поле кургана к ЮЮВ от его центра под погребением 2. Совершено в яме подпрямоугольной в плане формы. Длинной осью могила ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Ее размеры на уровне материка: длина 85 см, ширина 75 см, глубина 80 см от нулевой отметки.

На дне ямы обнаружены отдельные кости ребенка. На фрагменте черепа, найденном в юго-восточном углу ямы прослежены следы охры. Подсыпка охры зафиксирована в северо-восточном углу ямы на ее дне.

В 4,5 м к югу от центра кургана на уровне погребенной почвы обнаружен прокол мощностью до 15 см. В плане прокол имел округлую форму и диаметр около 50 см. В его заполнении встречались зола, мелкие угольки и обожженные фрагменты костей животных.

Курган 3

Насыпь кургана первоначально имела округлую в плане форму (рис. 2, 2). При его исследовании обнаружены 3 погребения.

Погребение 1 (рис. 6, 1) располагалось в южной поле кургана. Могила, обнаруженная на уровне поверхности материка, имела в плане подпрямоугольную форму. Длинной осью яма была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Ее длина 1,95 м, ширина – 1,4 м, глубина -1,36 м от нулевой отметки.

На дне могилы покоился скелет юноши 15–17 лет. Умерший был положен на спину с согнутыми руками и подогнутыми в коленях ногами, поставленными вертикально, которые со временем сместились вправо на дно могилы.

Погребенный лежал головой на северо-восток. На плечевых костях, костях таза и в области ног зафиксирована подсыпка охры. На дне ямы обнаружен тлен бурого цвета толщиной до 1,5 см, являющийся, вероятно, остатками органической подстилки. Вся подстилка была посыпана охрой. У левой стороны черепа лежала створка речной раковины, на которой также имеются следы охры. Следы обработки или сработанности на раковине визуально не фиксируются.

Погребение 2 (рис. 6, 2) располагалось северо-западнее центра кургана. Могильная яма имела в плане форму прямоугольника с округлыми углами и была

ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Длина ямы равнялась 1,38 м, ширина составляла 0,97 м, глубина -1,16 м от условного нуля.

В заполнении ямы обнаружена костяная фигурка в виде «рогатки» с отверстием в центре (рис. 6, 3). Длина изделия 78 мм, максимальная ширина до 10 мм. Стержень «рогатки» имеет уплощенную форму, «рожки» – округлую. Диаметр отверстия от 8 мм и до 4 мм. Оно имеет биконическую форму, что свидетельствует о его сверлении с двух сторон.

На дне ямы лежал скелет ребенка. Погребенный был ориентирован головой на СВ. Кости имели плохую сохранность, поэтому поза погребенного не установлена. На черепе и в области ног прослежена посыпка охры.

К ЗСЗ от черепа лежала вторая костяная фигурка в виде рогатки (рис. 6, 4). В ее центре также имеется отверстие. Длина изделия 61 мм, максимальная ширина до 11 мм. Стержень «рогатки» имеет уплощенную форму, «рожки» – овальную. Диаметр отверстия от 5 мм и до 2,5 мм. Оно имеет биконическую форму, что свидетельствует о его сверлении с двух сторон. Кроме того, одно сквозное вертикальное отверстие есть на одном из ответвлений. Диаметр до 2 мм. В районе центрального отверстия отчетливо видны ряды горизонтальных и наклонных насечек.

Северо-западнее черепа располагался глиняный лепной сосуд (рис. 6, 5) горшковидной формы с отогнутым венчиком, выделенной шейкой, округлым туловом и яйцевидным дном. На внутренней стороне стенок сосуда имеются ребро и желобок. В глине визуальное фиксируется примесь толченой раковины.

Погребение 3 находилось к юго-западу от условного центра кургана. Могильная яма имела в плане форму подпрямоугольника с закругленными углами. Длинной осью могила была ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ. Ее длина равнялась 2,05 м, ширина – 0,93 м, глубина в материке -116 от 0. На дне ямы головой на ЮЗ лежал скелет взрослого человека. Умерший был погребен лежа на спине с вытянутыми руками и ногами. Левая рука лежала вдоль тела, правая рука была отведена в сторону. Погребальный инвентарь в могиле отсутствовал.

Исходя из описания материалов, начало функционирования Лопатинского II курганного могильника связывается с эпохой ранней бронзы, с населением, представляющим ямную археологическую культуру. К ней относятся четыре захоронения: к. 2, п. 3 / к. 2, п. 4 / к. 3, п. 1 / к. 3, п. 2. По особенностям погребального обряда этот этап ямной культуры Волго-Уралья можно обозначить как «кутулукский» (Кузнецов, 2008. С. 318). Для одного из погребений (к. 2, п. 3) получена дата: Beta-392492; 4180±30 BP. Калибровка ее значения с 95,4% вероятности указывает на временной интервал 2890–2660 BC. Эта дата является одной из

наиболее поздних среди всех дат ямных погребальных комплексов.

Детское погребение 2 кургана 2, впущенное в погребение 4 ямного времени, судя по форме и орнаменту обнаруженного в нем сосуда (рис. 4, 3), может быть отнесено к позднему этапу **полтавкинской** культуры.

Погребение 1 кургана 2 совершено еще позднее, может быть отнесено к **потаповской** культуре начала поздней бронзы. В арсенале его орудий 15 костяных и 4 кремневых наконечника стрел (рис. 5). Костяные наконечники имеют прямые аналогии среди наконечников из погребения 3 кургана 4 Потаповского могильника, расположенного в 2,5 км к ССЗ от Лопатинского II могильника (Васильев и др., 1994. Рис. 28, 16; 41, 15).

Из перечисленных материалов эпохи бронзы имеется информация по двум ямным черепам (Хохлов, 1998, 2017). Череп скелета (к. 2, п. 3) средней массивности, имеет длинную, низкую, долихокранную по указателю мозговую коробку, широкий и наклонный лоб, широкое и низкое лицо, сравнительно хорошо профилированное лицо с низковатым относительно переносьем, европеоидного типа. Второй череп (к. 3, п. 1) принадлежит мужчине раннего юношеского возраста (15–17 лет), также европеоидного облика. С учетом его возможных размеров «взрослого» он характеризуется как мезокранный, с средневысокой мозговой коробкой, широким лбом, широким и средневысоким, резко профилированным на обоих уровнях лицом. Черепа несколько различаются между собой. Первый своеобразен, в его структуре прослеживаются отдельные черты древнего местного антропологического пласта, связываемого происхождением с северными популяциями. Второй по комплексу признаков представляет достаточно характерный тип для носителей ямной культуры Самарского Поволжья. На правой теменной кости этого черепа фиксируется сравнительно обширное (примерно 18,0×36,0 мм) удлинненное сквозное отверстие своеобразной формы. Оно интерпретировано как прижизненная травма, с последствиями летального исхода, полученная от проникновения лезвия ударно-рубящего оружия типа каменного топора (Хохлов, Китов, 2019. С. 273, 274)¹.

Для этих двух мужских скелетов (к. 2, п. 3 и к. 3, п. 1) были получены генетические данные (шифры: I25026 и I0443 / Д. Райх, США). По Y-хромосомной ДНК у них единая гаплогруппа: R1b1a1b1, соответствующая субкладу R-L23. На сайте, который администрирует Д. Райх, указано, что они являются родственниками 1-й степени родства: отец – сын (<https://reichdata.hms.harvard.edu>). Учитывая, что первый мужчина (к. 2, п. 3) умер в возрасте около 50–55 лет, а второй (к. 3, п. 1) – в возрасте около 15–17 лет, вопрос о предке и потомке может быть решен в пользу отцовства первого.

¹ В данной статье череп ошибочно обозначен как Лопатино I, 3/1. Он происходит из могильника Лопатино II.

Следует отметить, что у них различные митохондриальные гаплогруппы (H13a2b2a и W3a1a), свидетельствующие об отсутствии между ними родства по материнской линии. К слову, женская гаплогруппа «H13a2b2a» также присутствует у человека из ямного захоронения могильника Лещево I (к. 2, п. 1), который по мужской линии (R1b1a1a, субклад R-Y13200) может быть связан происхождением с местными поволжскими энеолитическими популяциями. На рисунке № 7 представлена схема эволюции гаплогруппы «R1b1», восходящая к ямным субкладам.

Соседство двух курганов (№ 2 и № 3), в которых погребены близкие родственники, является дополнительным подтверждением мнения о неслучайном характере возведения насыпей в курганном могильнике для одной общей культурно-родственной среды.

В настоящее время известно более 60 определений ямных погребений. Из них более 40 – мужские. Все они представлены субкладами Y-хромосомной гаплогруппы R1b. Субклад R собственно ямной культуры достаточно много – не менее шести. Это субклады R-Y13200; R-M269; R-L23; R-Z2103; R-Z2106; R-L51. Две субклады: R-L52 и R-S14328 к ямным отнесены условно. Важно здесь то, что они являются вышестоящими, т.е. производными от безусловно ямного субклада R-L51. Своим происхождением ямные субклады R1b восходят к энеолиту степной зоны Восточной Европы. В Хвалынских I и II могильниках и погребение на поселении Лебяжинка IV имеют непосредственно предшествующие ямным такие субклады, как R-L389; R-P297. Но авторы публикации результатов ДНК людей хвалынской культуры утверждают, что прямая генетическая преемственность здесь отсутствует и что у хвалынцев доминирует мужская группа (субклад) R-L754 (гаплогруппа R1b1), а у ямников – R-Z2103 (R1b1a1b1b) (Anthony et al., 2022. P. 38, 39). Большинство мужчин, имеют субклад R-L754 (Anthony et al., 2022. Tabl. 6). Но данный субклад появился в позднем палеолите и тогда же исчез, трансформировавшись в процессе нескольких точечных мутаций (<https://www.yfull.com/tree/R/>). Исчезнув на 10 тысяч лет, откуда он вдруг вновь появляется в хвалынской культуре и затем бесследно исчезает? Но еще более парадоксальную картину мы видим в сопроводительных материалах к статье «Геномика популяций каменного века Евразии» (Allentoft et al., 2022). Здесь указано, что в могильнике Голубая Криница в Среднем Подонье выявлена гаплогруппа R1 (Allentoft et al., 2022. Supplements/490594_file04.xlsx). Этот памятник хронологически близок Хвалынским могильникам. Но указанная гаплогруппа исчезла 26000 лет до н.э. (<https://www.yfull.com/tree/R/>). Объяснить противоречивый феномен несоответствия хронологии памятников и древностью гаплогрупп возможно недостатком лабораторного прочтения, не выявившего все точечные мутации. То есть образцы были явно недотипированы. Возможно,

что исходный материал для лабораторного анализа был существенно поврежден.

Непосредственным предшественником всех гаплогрупп ямной культуры является субклад R-P297. Он есть у мужчины из погребения 1 на поселении неолита-энеолита Лебяжинка IV (https://reichdata.hms.harvard.edu/pub/datasets/amh_repo/curated_releases/V52/V52.2/SHARE/public.dir/v52.2_1240K_public.anno). В свою очередь, субклад R-P297 своим происхождением через одну точечную мутацию восходит к погребениям Хвалынских могильников – субклад R-L389.

Один погребенный из погр. 30 Хвалынского I могильника имеет субклад I2a-L699. Такой же субклад есть и в могильнике Дериевка в Поднепровье (Mathieson, Pinhasi, Reich et al., 2017. Suplem. D.1). Близкие ей субклады «I» есть у ямных погребенных из Калмыкии (Ulan IV) и Болгарии (Mednikarovo 2/1). В результате 6 хвалынских мужчин имеют субклады, близкие к ямным, что составляет более 20% от всех определений. Не все гаплогруппы были переданы последующим поколениям. Возможно, за пятьсот-семьсот лет, отделяющие грунтовые могильники хвалынской культуры от ямных курганов, произошли мутации, которые закрепились в новую, ещё доямную эпоху, в виде новых субклад. Таким образом, достаточно отчетливо прослеживается генетическая преемственность, связующая людей энеолита и раннего бронзового века (ямная культура) всей степной зоны Восточной Европы.

Курган 1, содержащий одно захоронение с тремя погребенными, оказался наиболее сложным в интерпретации. Все три захоронения, с учетом полученных радиоуглеродных дат по двум из них (скелет № 2 и скелет № 3), разновременными. Сильно фрагментированный скелет № 1 с наличием на костях охры, скорее самый ранний и может быть условно отнесен к одному из этапов существования ямной культуры. По скелету № 2 получена радиоуглеродная дата: SPb_3949 – 3100±45 BP. При вероятности 95,4% калибровочный возраст этого захоронения укладывается в рамки 1492–1230 гг. до н.э. При этом следует выделить временной отрезок, в течение которого с наибольшей вероятностью (92,6%) было совершено захоронение этого умершего – 1451–1258 гг. до н.э., то есть период, приходящийся на середину – третью четверть II тыс. до н.э. (рис. 8). Таким образом, захоронение может быть отнесено к числу памятников финального этапа эпохи бронзы. Имеющийся череп мужчины целый, имеет длинную, относительно низкую, мезокранную мозговую коробку, относительно среднее по указателю гетеропронное лицо, с сильно выступающим в профиль носом, относительно высокими орбитами и очень узким носом. По краниологическому комплексу он европеоидный, индивидуально специфичен, не имеет аналогий среди имеющихся черепов срубной культуры Среднего Поволжья. Сложно найти ему подобия и среди малочисленных ма-

териалов финальной бронзы региона. Вследствие этого его нужно иметь в запасе до получения дополнительных, более масштабных сравнительных источников.

По скелету № 3 (сравнительно полный) получена дата GIN 11454–2570 ± 40 BP (рис. 9). При вероятности 95,4% калибровочный возраст этого захоронения укладывается в рамки от 820 г. до н.э. по 540 г. до н.э. При этом следует выделить временной отрезок, в течение которого с наибольшей вероятностью (55,2%) было совершено захоронение этого умершего – 820–730 гг. до н.э. Следует также указать, что с вероятностью 26,4% эта дата приходится на период с 650 г. до н.э. по 540 г. до н.э. (рис. 9).

Таким образом, последняя четверть IX – третья четверть VIII в. до н.э. представляется наиболее вероятным временным интервалом, в пределах которого было совершено захоронение погребенного в северной части могильной ямы (скелет № 3), хотя нельзя исключать возможности датировать этот комплекс второй половиной VII в. до н.э. – первой половиной VI в. до н.э. Для степной зоны Поволжья это время рассматривается как переходное от бронзового века к раннему железному и начало эпохи железа, а также предсавроматский (или предскифский) период (Дворниченко, 1982. С. 59–63. Рис. 1; Дворниченко, Кореняко, 1989. С. 148. Табл. 60; Дьяченко, 2021. С. 40–43. Рис. 1, 2, 5, 9; 2, 1, 3).

Положение погребенного вытянуто на спине, головой на ЮЗ, также указывает на то, что захоронение могло быть совершено в раннем железном веке.

Обратимся к многочисленному погребальному инвентарю, обнаруженному около скелета № 3. Прежде всего, следует обратить внимание на орудие с роговой рукоятью и кварцевой рабочей частью (рис. 3, 3, 4). Первоначально назначение роговой части этого предмета, судя по поперечным отверстиям, одному сквозному и двум заделанным, а также характеру сработанности поверхности могло быть иным. Можно предположить, что это изделие являлось частью конской узды и его следует отнести к группе так называемых «природных» псалиев.

«Природные» псалии часто имеют минимальную обработку стержня, так как натуральный поверхностный слой рога обладает большой физической прочностью к нагрузкам (Поляков и др., 2022. С. 67). Подобные роговые псалии встречаются у населения различных регионов Евразии в первой половине I тыс. до н.э. «Природные» трёхдырчатые псалии с отверстиями в двух плоскостях использовались с начала I тыс. до н.э. и позже бытовали в VIII–VI вв. до н.э. в Казахстане, Приаралье, Китае и других регионах. С IX–VIII вв. до н.э. начали проявляться иные тенденции в оформлении таких псалиев и в итоге все три отверстия были перенесены на одну плоскость (Поляков и др., 2022. С. 67, 69).

В качестве наиболее близких аналогий лопатинскому псалию, выполненному из отростка рога, с тремя

отверстиями, выполненными в одной плоскости, одним заостренным окончанием и вторым – уплощенным, большего диаметра – можно указать находки, сделанные в разных регионах Евразии. Это трехдырчатые роговые псалии, найденные в погребении 4 кургана 59 могильника «Царский» и в ст. Соленовской на Нижнем Дону, отнесенные к предскифскому времени (Лукьяшко, 1999. С. 45, 158. Рис. 30, 2; 102, 1). Аналогичный псалий найден в погребении 9 могильника Фарс на Северо-Западном Кавказе, датированного временем в пределах первой половины – третьей четверти VIII в. до н.э. (Лесков, Эрлих, 1999. С. 50, 72–76. Рис. 11, 5; Поляков и др., 2022. Илл. 24, 25). Костяные псалии роговидной формы с тремя отверстиями в одной плоскости происходят из погребения 3 кургана 2 у с. Константиновка в Нижнем Поднепровье (Либеров, 1951. С. 142. Рис. 45в). Этот погребальный комплекс датирован ранним VI в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 94–95). Близкие по форме роговые трехдырчатые псалии найдены в Приаралье: в курганах 45 и 47 могильника Южный Тагискен, датированных VII – серединой VI в. до н.э. (Итина, Яблонский, 1997. С. 18, 23, 57, 70. Рис. 30, 1, 5; 33, 8; 47, 11; 72, нижний ряд); и в кургане 47 могильника Уйгарак, отнесенного к VI в. до н.э. (Вишневецкая, 1973. С. 101, 122. Табл. XV, 7–8). Псалии, аналогичные лопатинскому, входят в число древностей тасмолинской культуры VII–VI вв. до н.э., обнаруженных на территории Центрального Казахстана. В частности, это экземпляр, происходящий из кургана 2 могильника Тасмола V (Вишневецкая, 1992. С. 134. Табл. 52, 59).

Костяной втульчатый наконечник (рис. 3, 2), найденный около скелета № 3, имеет форму, характерную для заключительной фазы позднего бронзового века. Это соответствует IV периоду позднего бронзового века и датируется временем после середины II тыс. до н.э. (Бочкарев, 2017. С. 172, 173). Костяные наконечники стрел такой формы встречаются и в начале I тыс. до н.э. В частности, он может быть отнесен к группе, которая, по наблюдениям А.И. Мелюковой, характерна для камышевахско-черногорских памятников степного Северного Причерноморья (Мелюкова, 1989. С. 13. Табл. 2, 43–49). Эти памятники, по мнению А.И. Тереножкина, могут быть датированы началом IX – серединой VIII в. до н.э. (Тереножкин, 1976. С. 208), а А.М. Лескова – серединой VIII в. до н.э. – началом последней четверти VII в. до н.э. (Лесков, 1984. С. 147–152). Немногочисленные костяные ромбовидные в сечении наконечники стрел встречены в предсавроматских погребальных комплексах IX – начала VIII в. до н.э. – конца VII–VI в. до н.э. в восточной части европейских степей (Дворниченко, Кореняко, 1989. С. 14. Табл. 62, 28).

Таким образом, и погребальный инвентарь, обнаруженный около скелета № 3 в погребении 1 кургана 1 Лопатинского II могильника, не противоречит его дате, приходящийся на последнюю четверть IX – третью

четверть VIII в. до н.э. Череп этого скелета хорошей сохранности, характеризуется короткой, низкой, брахи-краний мозговой коробкой, очень широким, средне-высоким, среднепрофилированным лицом при сильно выступающих в профиль носовых костях. Сразу нужно подчеркнуть, что он не имеет сходства с предшествующими по времени краниумами финальной бронзы сусканской и ивановской культур Среднего Поволжья (Шигоны III, Студенцы, у с. Утевка (Хохлов, 2009)). Более многочисленные савромато – раннесарматские черепа с характерными для них вариантами так называемого типа «восточного европеоида» также отличаются. Можно осторожно наметить наличие в его характеристиках метисных признаков от неких европеоидно-уралоид-

ных смешений, возможно при участии представителей прикамских или западносибирских популяций. Здесь так же, как и со скелетом № 2, следует ожидать накоплений сопоставительных материалов.

В итоге нужно сказать, что материалы могильника Лопатино II демонстрируют наличие разных хронологических этапов эксплуатации этой погребальной территории, начало которой было положено коллективом ямной культуры ранней бронзы и завершилось в самом начале РЖВ. Наиболее загадочное захоронение (к. 1, п. 1) оказалось не единым, трижды в разные исторические периоды претерпевшее включения со стороны общин разных археологических культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарев В.С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. 2017. Vol. 2. С. 159–204.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. 208 с.
- Вишневецкая О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. По материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 159 с.
- Вишневецкая О.А.* Центральный Казахстан // *Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М.: Наука, 1992. С. 130–140.
- Дворниченко В.В.* Погребения предскифского времени на Нижней Волге // *КСИА*. М., 1982. Вып. 170. С. 50–64.
- Дворниченко В.В., Коренько В.А.* Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье // *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М.: Наука, 1989. С. 148–151.
- Дьяченко А.Н.* Новые погребения предскифского времени с территории Волгоградской области. Проблемы интерпретации // *Нижеволжский археологический вестник*. Волгоград, 2021. Т. 20. № 1. С. 39–50.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев: Наукова Думка, 1983. 380 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) // *М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)*, 1997. 187 с.
- Кузнецов П.Ф.* Отчет о раскопках в Красноярском и Нефтегорском районах Куйбышевской области в 1986 году. Куйбышев, 1987 // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 11424.
- Кузнецов П.Ф.* Ямная культура Волго-Уралья. Периодизация, хронология, межрегиональный контекст // *Труды второго Всероссийского археологического съезда*. Суздаль, 2008. С. 317–319.
- Лесков А.М.* О хронологическом соотношении па-
- мятников начала железного века на юге Европейской части СССР // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М.: Наука, 1984. С. 147–152.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р.* Могильник Фарс / Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.: Гос. музей Востока, 1999. 162 с.
- Либеров П.Д.* Курганы у села Константиновки // *КСИИМК*. М.-Л., 1951. Вып. XXXVII. С. 137–143.
- Лукьяшко С.И.* Предскифский период на нижнем Дону. Донский древности. Вып. 7. Азов: Азовский краеведческий музей, 1999. 240 с.
- Мелькова А.И.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М.: Наука, 1989. С. 10–16.
- Поляков А.В., Марсадилов Л.С., Лурье В.М.* Поселение Каменный Лог I на Среднем Енисее (по материалам раскопок М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой). СПб.: ИИМК РАН, 2022. 188 с.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.
- Хохлов А.А.* Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998. 210 с.
- Хохлов А.А.* Палеоантропологические материалы финала поздней бронзы лесостепного Поволжья // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Магнитогорск, 2009. Вып. 4 (26). С. 3–13.
- Хохлов А.А.* Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: Изд-во СГСПУ, 2017. 368 с.
- Хохлов А.А., Китов Е.П.* Дефекты травматического происхождения на палеоантропологических материалах эпохи раннего металла Волго-Уралья // *Вражда и Ваджра: Сила и слава праистории*. *Stratum plus*. № 2. Археология и культурная антропология. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2019. С. 267–280.

Allentoft M.E., Willerslev E. et al. Population genomics of stone age Eurasia. BioRxiv preprint doi: <https://doi.org/10.1101/2022.05.04.490594>. 70 p.

Anthony D.W., Khokhlov A.A., Agapov S.A., Agapov D.S., Schulting R., Olalde I., Reich D., 2022. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // *Praehistorische Zeitschrift*. DOI.org/10.1515/pz-2022-2034.

Mathieson I., Pinhasi R., Reich D. et al. The Genomic History of Southeastern Europe. BioRxiv preprint first posted online May. 9, 2017; doi: <http://dx.doi.org/10.1101/135616>. 30 p.

https://reichdata.hms.harvard.edu/pub/datasets/amh_repo/curated_releases/V52/V52.2/SHARE/public.dir/v52.2_1240K_public.anno.

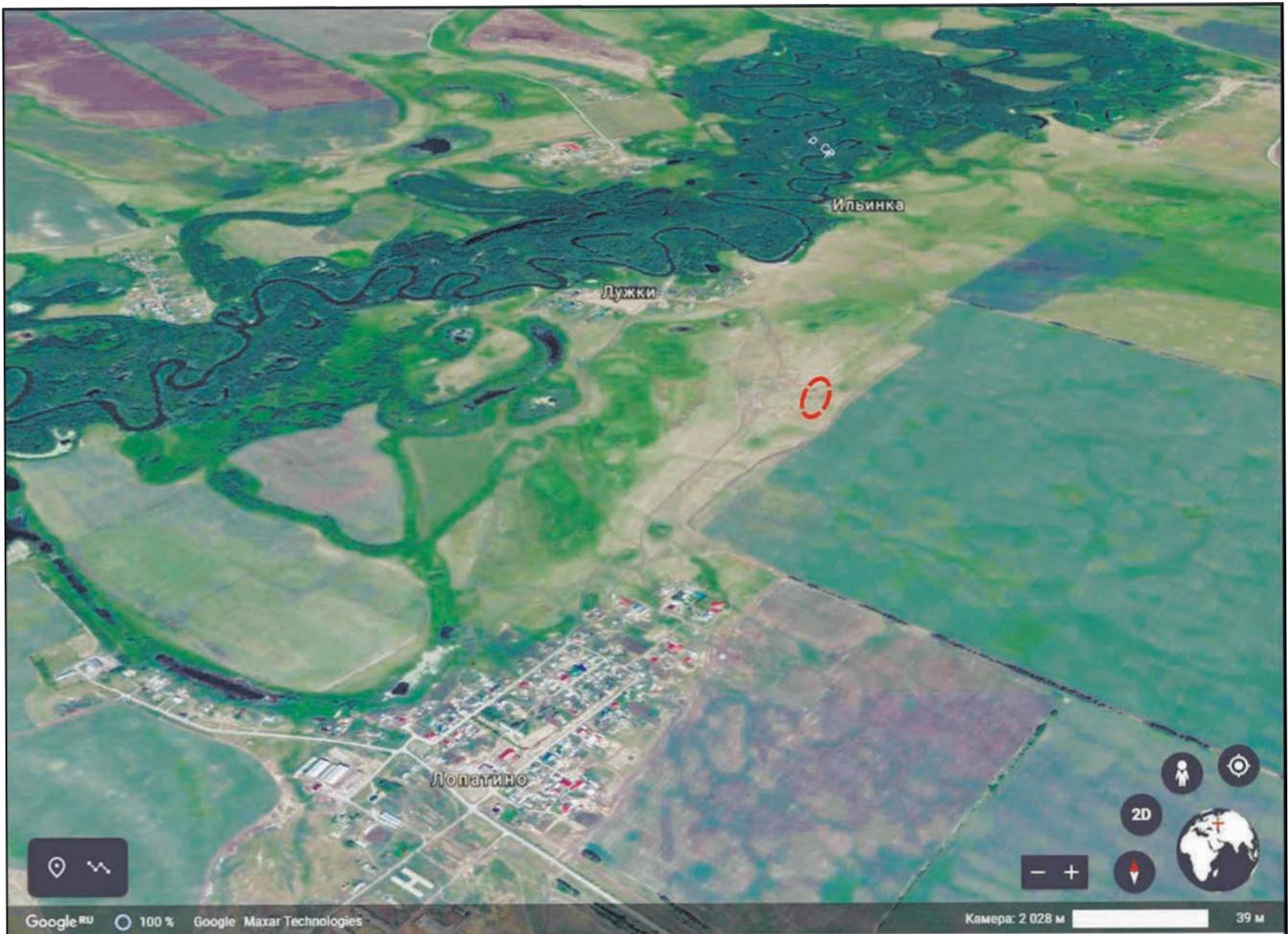

Рис. 1. Местоположение Лопатинского II курганного могильника.

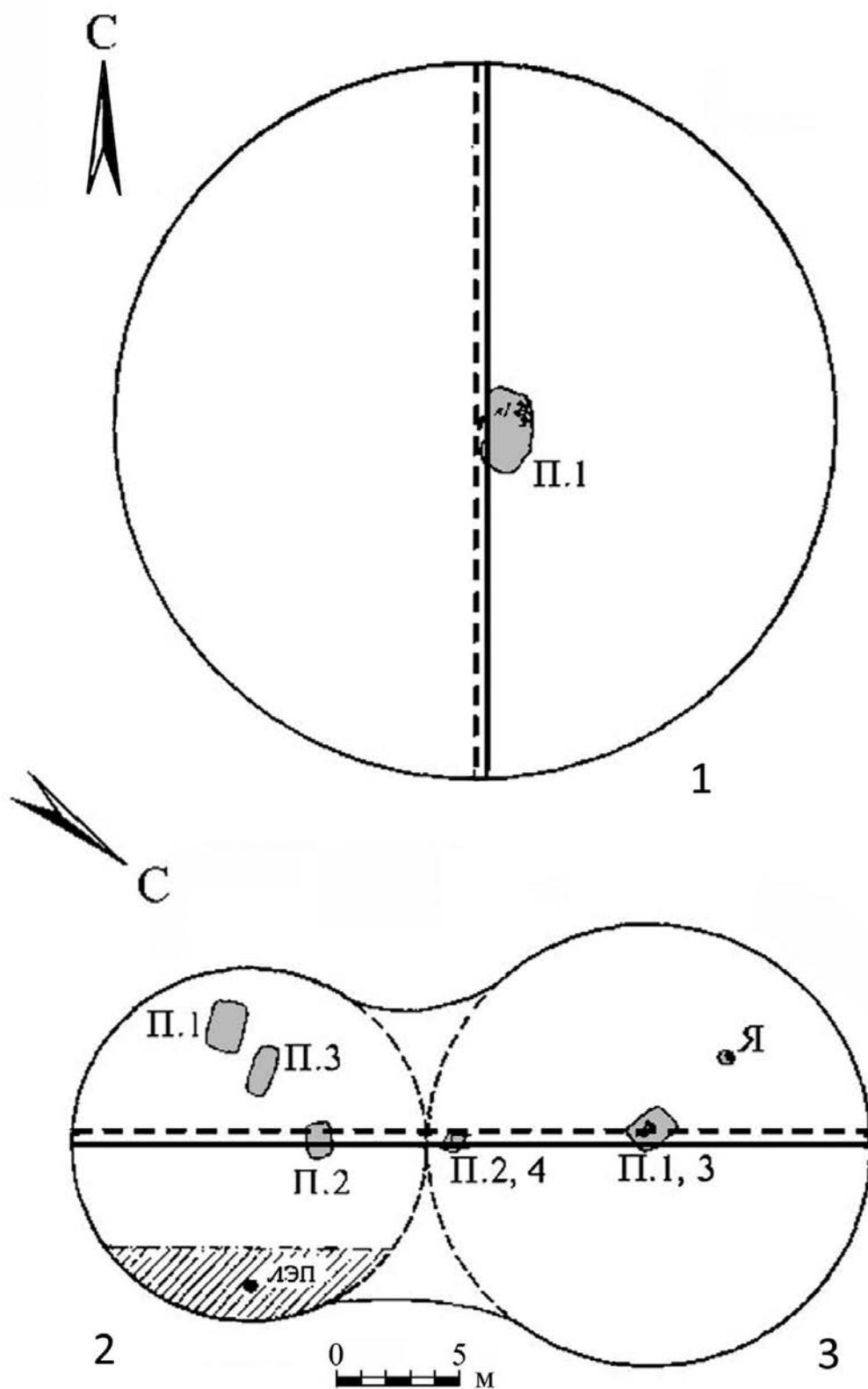

Рис. 2. Лопатинский II курганный могильник. Общие планы курганов.
1 – курган 1; 2 – курган 3; 3 – курган 2.

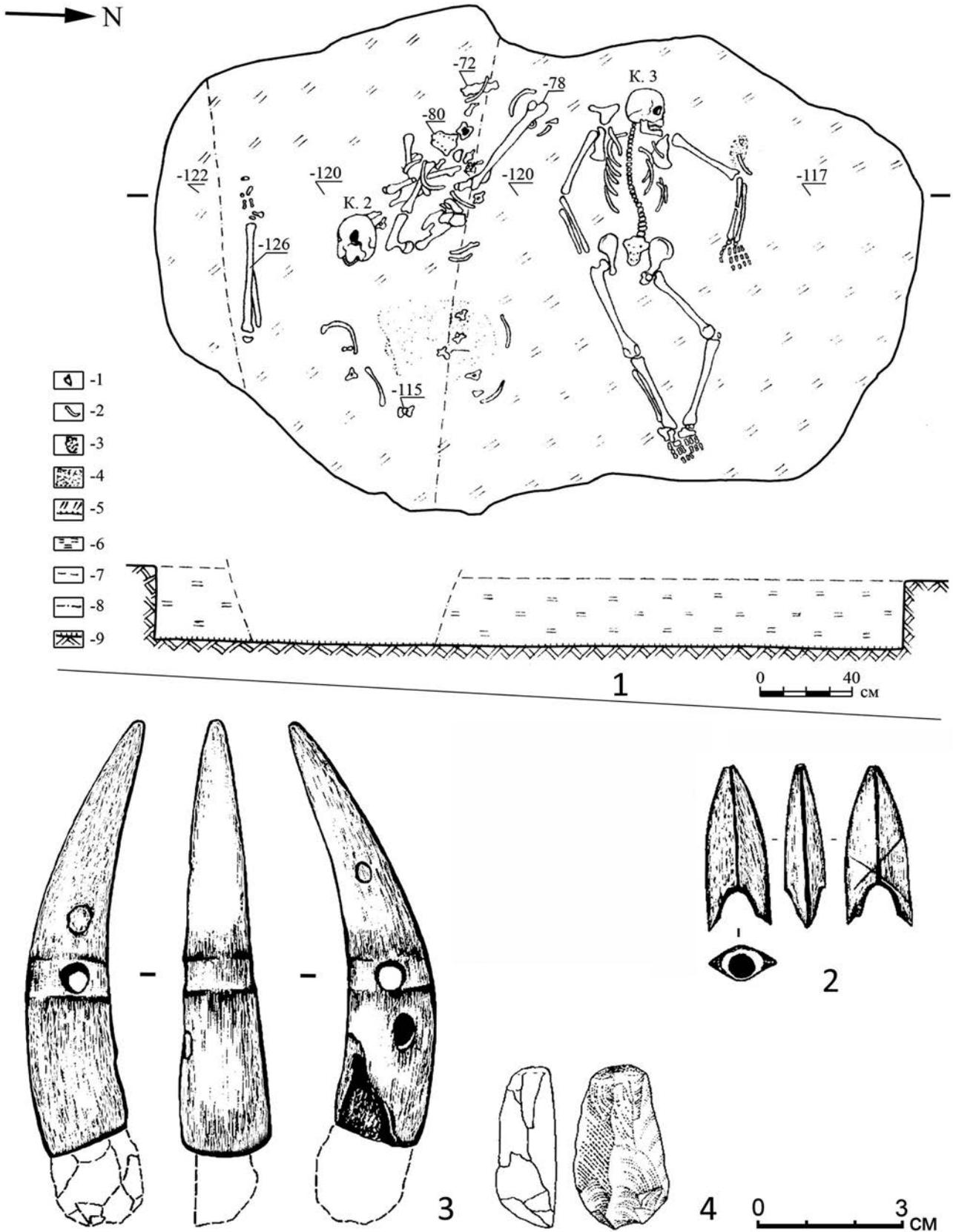

Рис. 3. Лопатинский II курганный могильник. Курган 1, погребение 1.

1 – план и разрез погребения; 2 – костяной наконечник стрелы; 3 – роговая рукоять орудия, изготовленная из псалия; 4 – кремневый скребок.

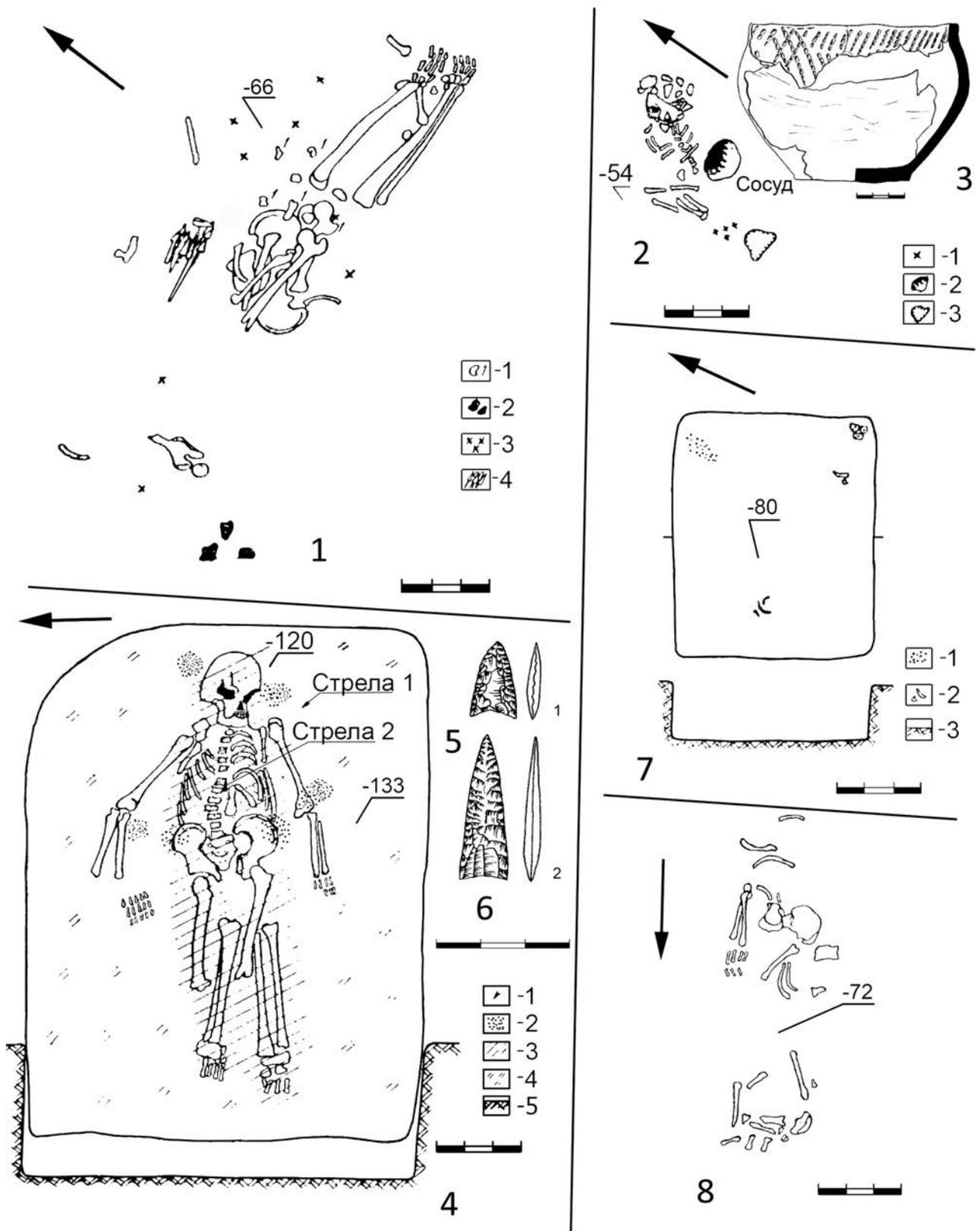

Рис. 4. Лопатинский II курганный могильник. Курганы 1 и 2.

1 – погребение 1; 2 – погребение 2; 3 – глиняный сосуд из погребения 2; 4 – погребение 3; 5, 6 – кремневые наконечники из погребения 3; 7 – погребение 4; 8 – скелет 1 в погребении 1 кургана 1.

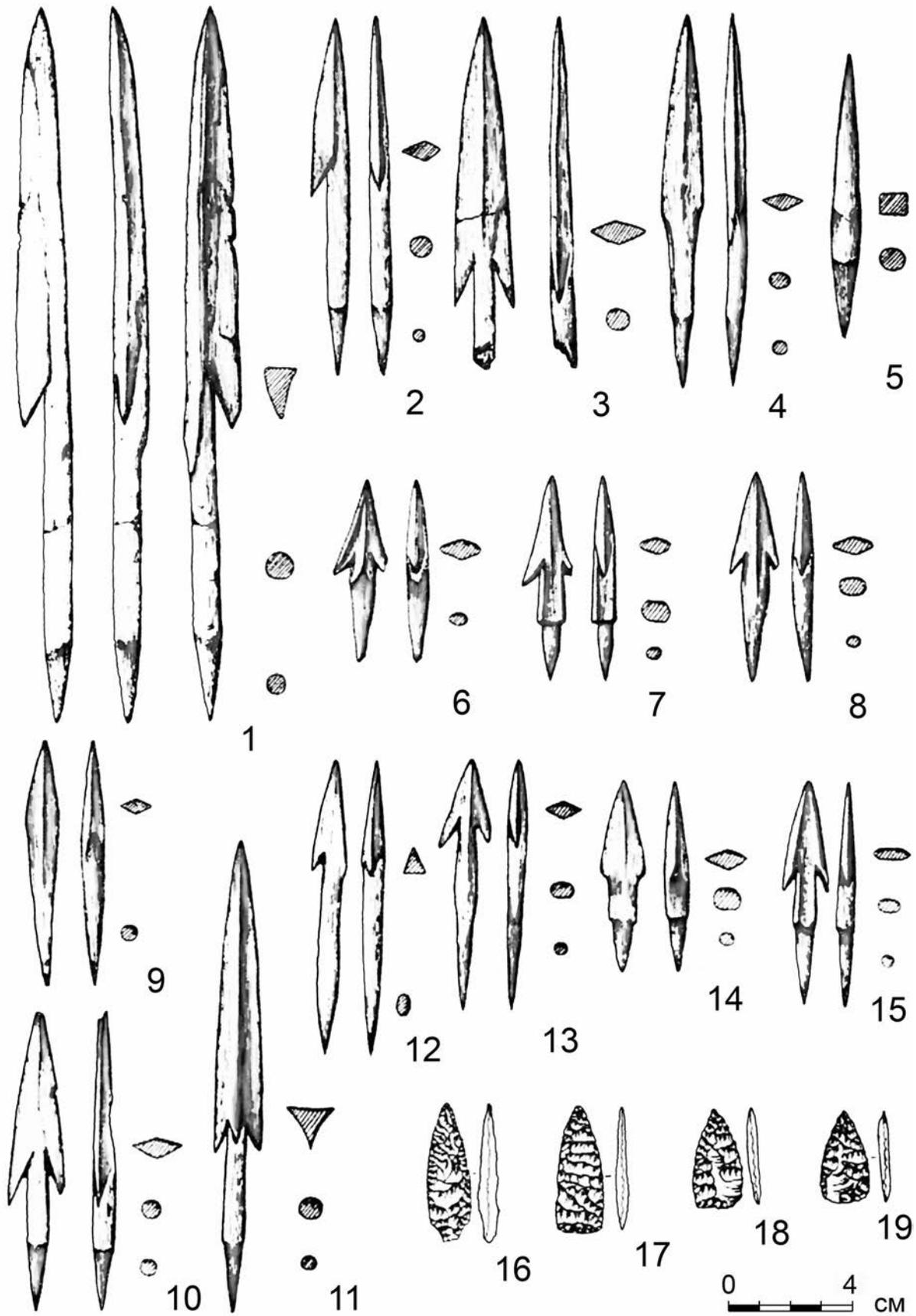

Рис. 5. Лопатинский II курганный могильник. Курган 2. Погребальный инвентарь из погребения 1. 1–15 – костяные наконечники стрел; 16–19 – кремневые наконечники стрел.

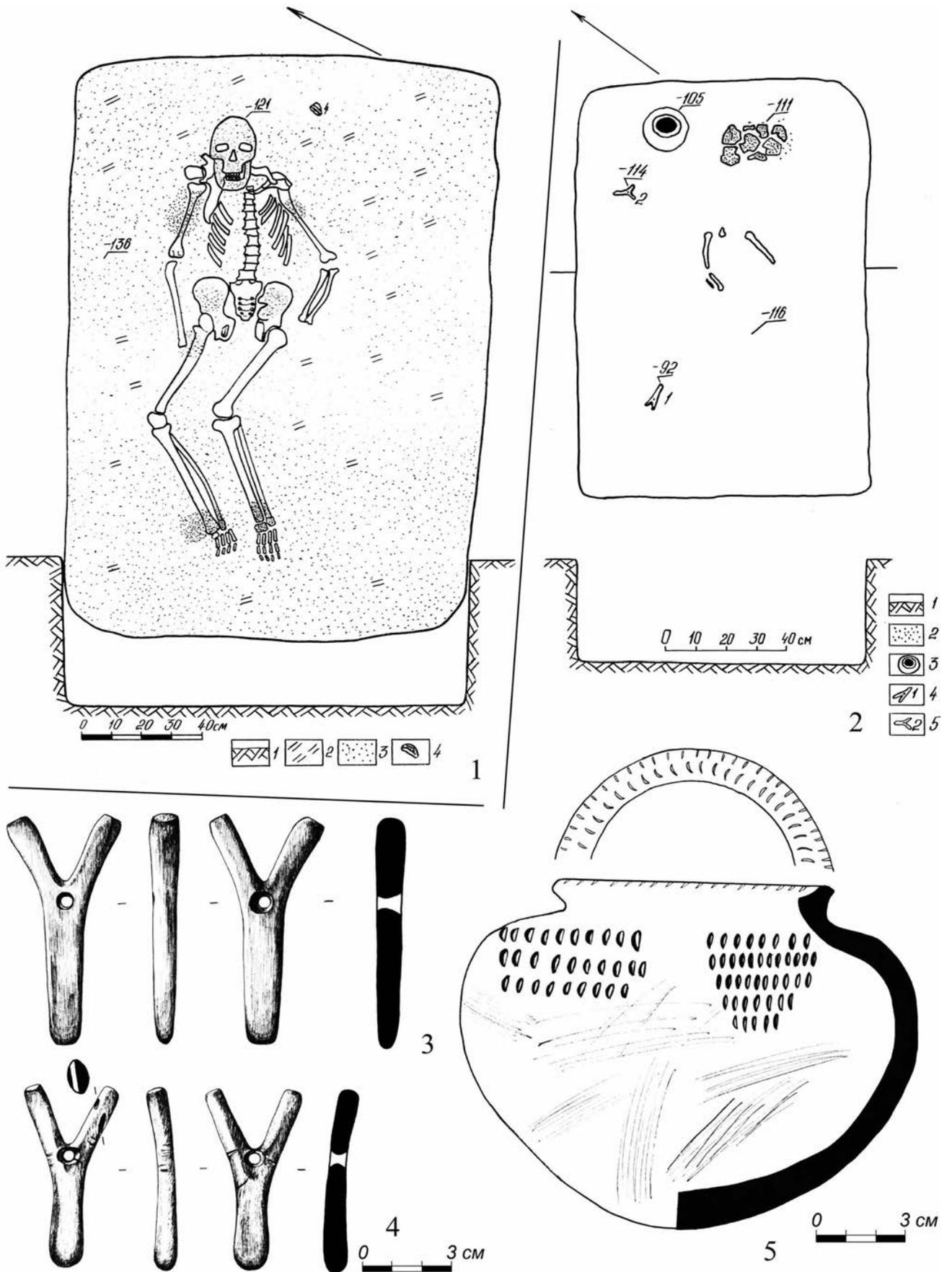

Рис. 6. Лопатинский II курганный могильник. Курган 3. Погребения 1 и 2. Планы погребений и погребальный инвентарь.

1 – план и профиль погребения 1; 2 – план и профиль погребения 2; 3, 4 – костяные фигурки из погребения 2; 5 – глиняный сосуд из погребения 2.

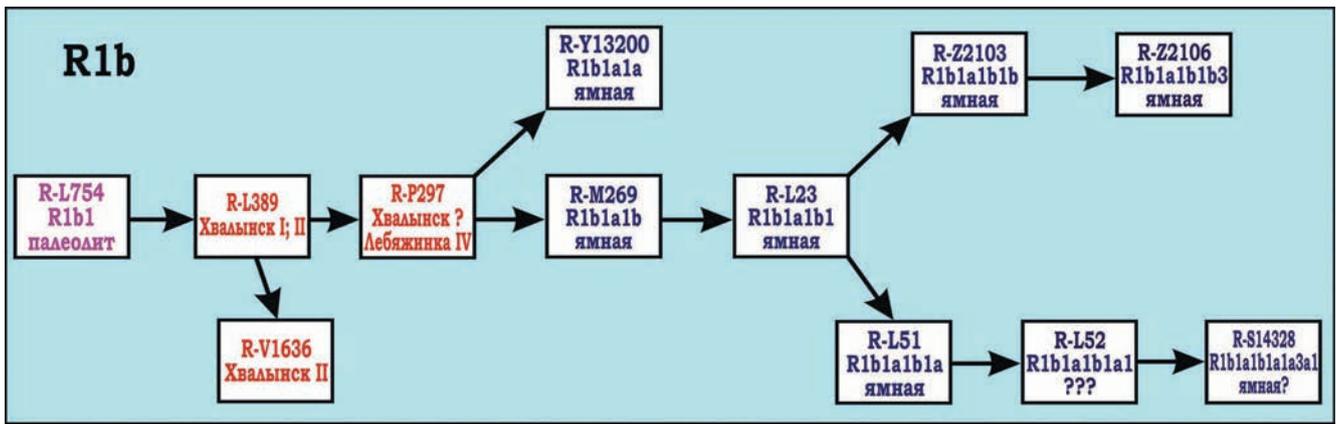

Рис. 7. Схема эволюции гаплогруппы «R1b1» от эпохи камня, восходящая к ямным субкладам.

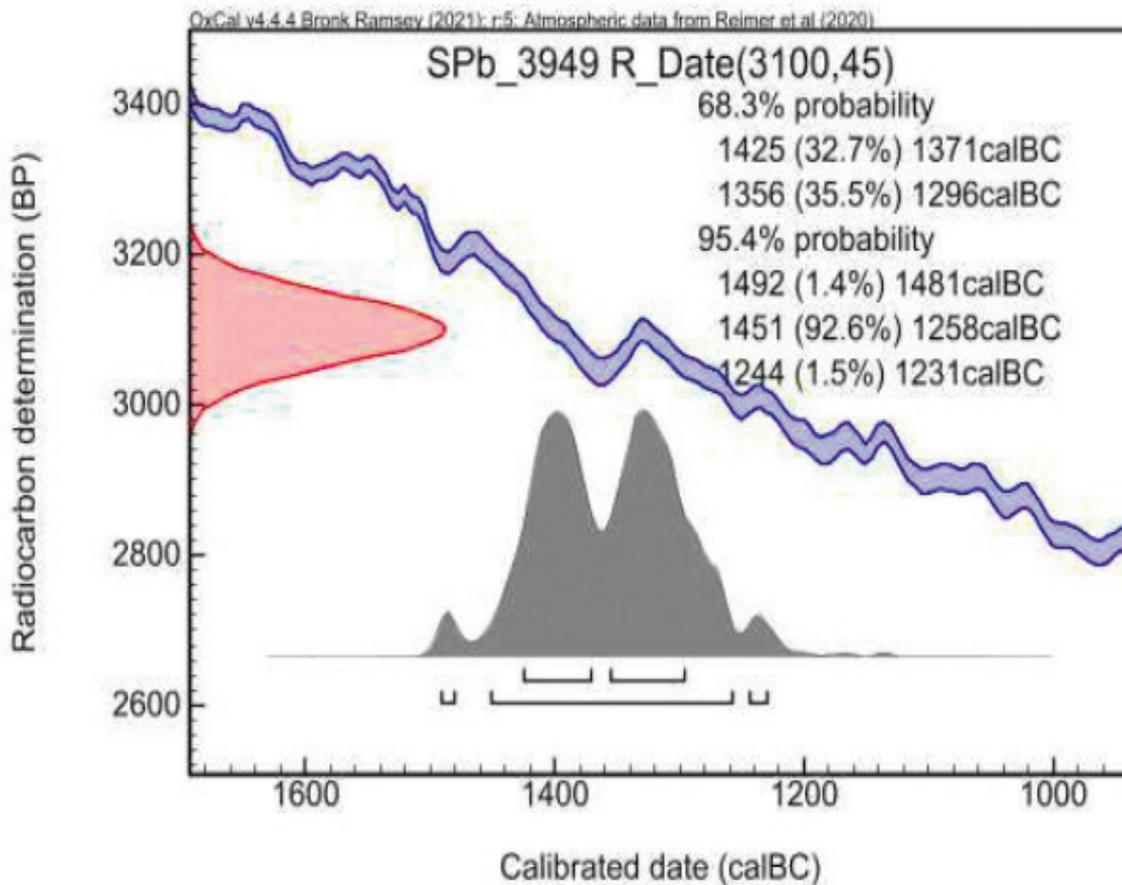

Рис. 8. Лопатинский II курганный могильник. Курган 1. Погребение 1. Скелет 2. Радиоуглеродная дата.

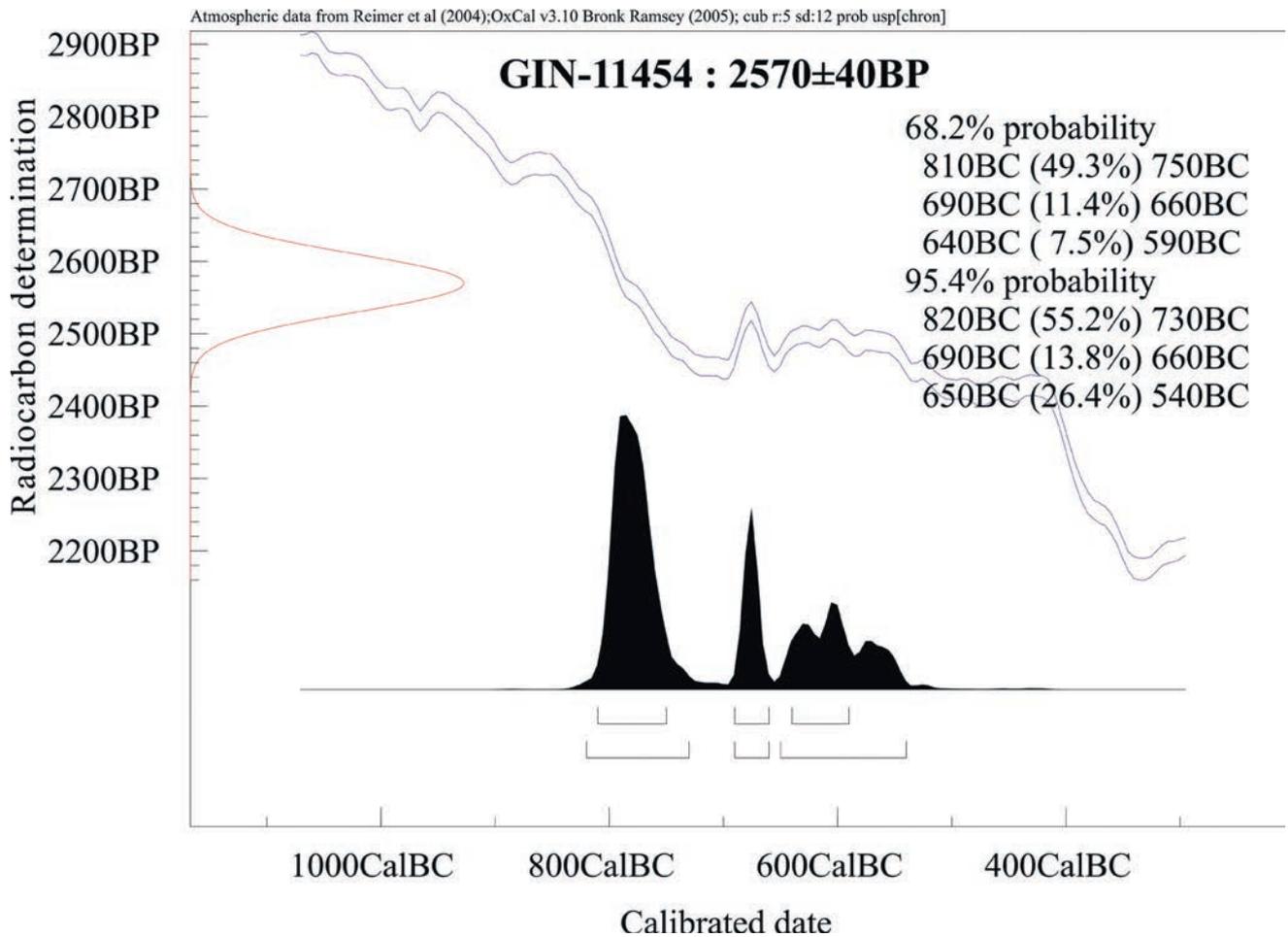

Рис. 9. Лопатинский II курганный могильник. Курган 1. Погребение 1. Скелет 3. Радиоуглеродная дата.

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТАЙДАКОВО I

© 2023 О.В. Кузьмина, О.В. Михайлова

Аннотация. В статье представлены результаты исследования могильника Тайдаково I. Памятник расположен в правобережье Самарского Поволжья. В кургане 2 обнаружено 14 погребений эпохи бронзы. Значительный интерес представляет собой погребение 2, расположенное в центре кургана. Оно совершено в срубе, поставленном на уровне древней дневной поверхности. Сруб имел деревянное перекрытие. В погребении находились остатки двух трупосожжений, три керамических сосуда и деревянный сосуд с бронзовой обкладкой. Остальные погребения располагались по кругу и содержали детские и подростковые захоронения, сопровождавшиеся 1–2 сосудами. Памятник относится к срубной культуре. Методом радиоуглеродного датирования по дереву из перекрытия погребения 2 получена дата. Калиброванное значение ее (95%) 1741–1631 гг. до н.э.

Ключевые слова: погребальный памятник, срубная культура, радиоуглеродное датирование.

MATERIALS OF THE BRONZE AGE OF THE TAIDAKOVO I BURIAL GROUND

© 2023 O.V. Kuzmina, O.V. Mikhailova

Abstract. The article presents the results of a study of the Taidakovo I burial ground. The monument is located on the right bank of the Samara Volga region. There were 14 burials of the Bronze Age in mound 2. The central burial 2 is of considerable interest. The burial was made in a log cabin, which was placed on the level of the ancient surface. The burial contained the remains of two cremations, three ceramic vessels and a wooden vessel with a bronze lining. The rest of the burials were located in a circle and contained the burials of children and adolescents. Each burial contained 1–2 vessels. The monument belongs to the Srubnaya culture. The date was obtained by radiocarbon dating on wood of burial 2. The calibrated value of her (95%) is 1741–1631 BC.

Keywords: funerary monument, Srubnaya culture, radiocarbon dating.

Курганный могильник Тайдаково I находится в правобережье Волги, на высокой надпойменной террасе правого берега реки Маза, в 4 км западнее места ее впадения в Ольгинский залив Куйбышевского водохранилища. Памятник расположен в 2,5 км к северо-западу от северной окраины села Тайдаково Шигонского района Самарской области (рис. 1, 1).

Могильник состоит из 2-х курганных насыпей, расположенных по линии ЮЗ-СВ, на расстоянии 1,25 км друг от друга. На вершине кургана 1 установлен триангуляционный знак. Территория могильника распахивается (рис. 1, 2).

Памятник был выявлен в 2000 году в ходе разведки, проведенной Самарским региональным отделением ВООПиК. В этом же году были осуществлены охранные раскопки кургана 2, что обусловлено строительством автодороги Тайдаково – Левашовка. Раскопки велись на основании Открытого листа № 785 по форме № 4, выданного на имя О.В. Михайловой. В составе экспедиции принимали участие НП «Палеоантропологическая лаборатория» Университета Наяновой, сотрудники СРО ВООПиК, студенты Тольяттинского филиала Самарского государственного педагогического университета, а также учащиеся самарских средних школ.

Курган 2 имел округлую в плане форму (рис. 2, 1). Его размеры по оси север-юг – 29 м, по оси запад-восток – 28 м. Высота кургана 0,2–0,66 м от современной поверхности.

Для изучения профиля кургана были оставлены три стратиграфические бровки (рис. 2, 2). Пахотный слой (темно-серый мешанный суглинок) имел мощность 0,1–0,2 м. Ниже слоя пахоты в центральной и северной части центральной бровки зафиксирован слой древней насыпи кургана, не затронутый распашкой. Мощность древней насыпи от 0,1 до 0,4 м. Насыпь сложена из гумусированного суглинка серого цвета, аморфного и плотного по структуре. Под слоем насыпи залегал слой погребенной почвы, мощностью 0,3 до 0,45 м. Погребенная почва представлена очень плотным, однородным по структуре и темно-серым по цвету суглинком. В ряде мест она прорезана норами землеройных животных. Ниже слоя пахоты в северных и южных частях профилей кургана зафиксирован подпахотный гумусово-аккумулятивный слой, мощностью 0,3–0,7 м. Слой имеет черную окраску, хорошо оструктурен и слабо уплотнен. Слой насыпи и погребенной почвы в центральной части разреза разделяла тонкая прослойка светло-серого золистого суглинка. Протяженность прослойки в общей линии разреза 10 м, мощность её 0,05–0,1 м. Материк представлен желтым пятнистым плотным суглинком, испещренным норами животных. Он зафиксирован на глубине 0,9–1,15 м.

Под насыпью кургана исследовано 15 погребений, из которых к эпохе бронзы относятся погребения 2–15. Погребение 1 совершено в железном веке и в данной публикации не рассматривается.

Описание погребений

Погребение 2 (рис. 3; 4) – центральное в кургане. Погребальная камера погребения 2 представляла собой прямоугольную деревянную конструкцию из плах, установленных на древней дневной поверхности на специально подготовленной площадке, от которой сохранился золистый слой. Две пары плах составляли ее длинные стороны и две одиночные плахи лежали по торцам. Эта рама была поперек перекрыта плахами меньшей толщины. В целом конструкция имела размеры 4×3 м и была ориентирована длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Ширина плах рамы 0,15–0,25 м, толщина 0,10–0,12 м. Толщина плах перекрытия 0,07–0,10 м.

Под северной частью деревянной конструкции погребения 2 обнаружена квадратная в плане яма, ориентированная углами по сторонам света. Ее размеры 1,23×1,18 м. В северном углу эта яма углублена в материк на 0,2 м. Яма выкопана с уровня погребенной почвы. Ее заполнение составляет неоднородный по структуре коричневый суглинок и переслоение черного и желтого суглинка. Сверху яму перекрывает темно-коричневый суглинок, который частично лежит на уровне плах деревянного перекрытия погребения 2. Находки в яме не обнаружены. Назначение ямы не ясно. Сруб погребения 2 был сооружен после того, как яма была засыпана.

В центральной части деревянной конструкции погребения 2, на глубине -0,37–0,40 м от 0, находилось скопление кальцинированных костей. Оно имело подпрямоугольную форму. Его размеры 0,6×0,45 м. Еще одно скопление кальцинированных костей располагалось на той же глубине -0,40 м от 0, в 0,7 м к югу от первого. Второе скопление имело круглую форму, диаметром 0,20 м. Среди пепла и мельчайших обожженных частиц попадались фрагменты вполне различных костей, в частности ребер, однако после извлечения из земли кости рассыпались.

Рядом с центральным скоплением кальцинированных костей, на глубине -0,22 и -0,24 м от 0 находились два сосуда. Сосуд № 1 лежал на боку и был сильно раздавлен. Сосуд № 2 находился в 0,3 м к северо-северо-востоку от сосуда № 1 и был перевернут вверх дном. В юго-западной части погребальной камеры, под перекрытием, южнее второго скопления костей, на глубине -0,28 м от 0 найдены три фрагмента сосуда (№ 3), лежащие на некотором расстоянии друг от друга. Рядом, но на плахе перекрытия погребения, находилась бронзовая обкладка деревянного сосуда.

Сосуд № 1 (рис. 5, 1) имеет горшковидную форму. Венчик отогнут, тулово выпуклое. Дно плоское, слегка овальное, с хорошо примятыми закраинами. Придонная часть сосуда вогнута. Срез венчика округлый, без закраин. Поверхность сосуда серого цвета. На внешней его поверхности есть тонкие следы обработки, идущие на-

клонно. Орнамента нет. Сосуд имеет вертикальные пропорции, так как его высота чуть больше диаметра венчика. Высота сосуда 14,5 см, диаметр венчика 14,3 см, диаметр дна 8,4–9,1 см.

Сосуд № 2 (рис. 5, 2) имеет горшковидную форму. Венчик короткий, отогнутый, с закраинами. Срез венчика уплощенный. Дно плоское, с уплощенными закраинами. Внешняя поверхность сосуда серая, с черными пятнами нагара. На внешней стороне сосуда есть следы заглаживания зубчатым штампом. В верхней части сосуда эти следы горизонтальные и наклонные, а в нижней – вертикальные. Внутренняя поверхность бугристая, серая. На дне сосуда есть нагар. Внутренняя поверхность заглажена зубчатым штампом, а потом рукой. Орнамент расположен по линии наибольшего диаметра тулова. Орнамент состоит из ряда вертикальных отпечатков короткого штампа с пятью крупными зубцами. Высота сосуда 14,3 см, диаметр венчика 16 см, диаметр дна 9,2–9,4 см.

Сосуд № 3 (рис. 5, 3) баночной формы, с прикрытым устьем и сильно выпуклым округлым туловом. Срез венчика плоский, скошенный внутрь. Закраин у венчика нет. Внешняя поверхность гладкая, коричневая, с серыми пятнами и следами нагара. На внешней поверхности есть наклонные следы зачистки зубчатым штампом. Внутренняя поверхность черная, со следами нагара, заглажена рукой. Орнамент расположен в верхней части сосуда от края венчика до линии максимального диаметра тулова. Композиция орнамента не совсем ясна. По-видимому, это косая сетка, состоящая из отпечатков штампа с пятью крупными прямоугольными зубцами. Орнамент в целом небрежен. Сохранилась только верхняя часть сосуда, поэтому его размеры не восстанавливаются.

Бронзовая обкладка (рис. 5, 4) сделана из тонкой ковanej пластины, сложенной вдвое, и имеет прямоугольную форму, размерами 4,2×5,0 см. Толщина пластины 1 мм. По профилю обкладки ясно, что она охватывала венчик сосуда, предположительно деревянного. Две половины обкладки соединены четырьмя штырьками, расположенными по периметру обкладки. Штырьки имеют загнутые концы, что позволяет им держаться в пластине. Длина штырька 16 мм, размеры прямоугольного сечения 4×3 мм.

Погребение 3 (рис. 6, 1) находилось в 6,7 м к северо-востоку от погребения 2, на глубине -1,02 м от 0. Могильная яма имела прямоугольную форму с округлыми углами и дуговидным северо-западным торцом. Размеры ямы 0,82×0,55 м, глубина в материке 0,24 м. Дно ямы зафиксировано на глубине -1,26 м от 0. Могила ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. На дне, в северо-западной ее части расчищены остатки черепа ребенка в возрасте около 2 лет¹. К юго-востоку от черепа стояли два глиняных сосуда.

¹ Антропологические определения выполнены А.А. Хохловым.

Сосуд № 1 (рис. 6, 2) баночной формы, с прикрытым устьем, округлыми выпуклыми боками и плоским дном. Срез венчика плоский, чуть скошен внутрь, почти не имеет закраин. Внешняя и внутренняя поверхность сосуда бугристая, светло-коричневого цвета. Орнамента нет. Сохранилась половина сосуда. Высота сосуда 5 см, диаметр венчика 8 см, дна 6,4 см.

Сосуд № 2 (рис. 6, 3) баночной формы с прямым венчиком и слабовыпуклым туловом. Срез венчика плоский, с небольшими внешними закраинами. Дно плоское, выделенное, без закраин. Поверхности сосуда бугристые. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета, заглажена зубчатым штампом, а потом рукой. Внутренняя поверхность серая, без нагара, заглажена рукой. Орнамента нет. Высота сосуда 10,4 см, диаметр венчика 12,7 см, дна 7,8 см.

Погребение 4 (рис. 6, 4) находилось в 3 м к юго-западу от погребения 3, на глубине –1,13 м от 0. Могила имела прямоугольную форму со скругленными углами и была ориентирована длинной осью по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Размеры ее 1,15×0,9 м, глубина в материке 0,6 м. Дно погребения зафиксировано на глубине –1,73 м от 0.

На дне ямы, в центральной ее части лежал скелет ребенка 10–11 лет. Умерший ориентирован головой на северо-северо-запад. Он был скорчен на левом боку. Руки погребенного согнуты в локтях под прямым углом и направлены к сосудам, стоявшим рядом. Ноги согнуты в коленях – одна нога под прямым, а другая под тупым углом. Перед костяком, против туловища стояли два сосуда.

Сосуд № 1 (рис. 6, 5–6) баночной формы, с прикрытым устьем и округлыми боками. Наибольший диаметр тулова находится в верхней части сосуда. Срез венчика плоский. Под краем венчика есть два отверстия, расположенные друг против друга. Отверстия сделаны по мокрой глине. Дно сосуда плоское. Поверхности сосуда серые, гладкие, заглажены рукой. Орнамент расположен в верхней половине сосуда. Он нанесен штампом с крупными прямоугольными зубцами. Орнаментальный мотив состоит из отдельных фрагментов однорядного зигзага, углов, вертикальных и горизонтальных линий, расположенных в ряд. Этот мотив подчеркнут горизонтальной неровной линией, которая в одном месте удвоена и утроена. Высота сосуда 8,7 см, диаметр венчика 10,9 см, дна 8,9 см.

Сосуд № 2 (рис. 6, 7) баночной формы. Наибольший диаметр тулова находится в верхней части сосуда. Срез венчика уплощенный, закраин нет. Дно плоское. Поверхности сосуда серого цвета. На внутренней поверхности есть большие пятна нагара. На внешней поверхности видны следы зачистки зубчатым штампом – вертикальные по венчику и наклонные по тулову. Орнамент расположен под краем венчика. Это две не-

брежно прочерченные горизонтальные линии. Высота сосуда 14,4 см, диаметр венчика 15–16 см, дна 10,7 см.

Погребение 5 (рис. 7, 1) располагалось в 1,8 м к юго-западу от погребения 4, на глубине –1,11 м от 0. Могила имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной осью по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Могила имела размеры 0,75×0,6 м и была впущена в материк на 0,4 м. Дно погребения зафиксировано на глубине –1,51 м от 0. Верхняя часть могилы заполнена темно-серым мешаным суглинком. На уровне костяка юго-юго-восточная часть погребения, там, где находились ноги, была засыпана материковой глиной. На дне могильной ямы, в ее западной части, скорчено на левом боку, головой на северо-северо-запад лежал скелет ребенка 5–6 лет. Ноги костяка согнуты под прямым углом к позвоночнику. Одна тазовая кость лежит на месте, другая – за спиной, у черепа. Руки согнуты в локтях. Левая рука лежит кистью у лица, а правая – кистью на локте левой. Между коленями и животом стояли два сосуда.

Сосуд № 1 (рис. 7, 2) баночной формы с прикрытым устьем. Срез венчика уплощенный. На внутренней стороне венчика видны следы прилепа верхней ленты глины. Дно плоское, без закраин. Поверхности сосуда светло-коричневого цвета, заглажены рукой. Орнамент расположен в верхней части сосуда и нанесен штампом с мелкими квадратными зубцами. Под краем венчика расположен ряд коротких, наклонных, параллельных отпечатков штампа. Ниже нанесены три неровные горизонтальные линии из таких же отпечатков зубчатого штампа. В одном месте между тремя горизонтальными линиями добавлены еще два горизонтальных отпечатка. Высота сосуда 7,5 см, диаметр венчика 10,5 см, дна 8,9 см.

Сосуд № 2 (рис. 7, 3) баночной формы, с прикрытым устьем и округлыми боками. Дно плоское, выделенное, с небольшими закраинами. Срез венчика плоский, без закраин. Поверхности сосуда серые, гладкие, заглажены зубчатым штампом, потом рукой. Следы обработки поверхности наклонные. Внутренняя поверхность серого цвета, с пятнами нагара на дне и венчике. Орнамента нет. Высота сосуда 14,7 см, диаметр венчика 16,4 см, дна 11,5 см.

Погребение 6 (рис. 7, 4) расположено в 3 м к югу от погребения 5 на глубине –1,04 м от 0. Могила имела подквадратную форму со скругленными углами и была ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Яма имела размеры 0,9×0,78 м и была впущена в материк на 0,44 м. В заполнении могильной ямы, представлявшем собой темно-серый мешаный суглинок, встречались фрагменты деревянного перекрытия могильной ямы. В центре ямы лежал неполный скелет ребенка 6–7 лет. Умерший был положен в скорченном положении на левом боку, головой на северо-северо-восток. Ноги согнуты в коленях под прямым углом к по-

звончику. Между коленями и животом погребенного стояли два сосуда.

Сосуд № 1 (рис. 7, 5) баночной формы с сильно прикрытым устьем. Срез венчика округло-уплощенный, без закраин. Дно плоское. Внешняя поверхность сосуда бугристая, с наклонными следами зачистки зубчатым штампом. На дне сосуда есть следы от вдавления прутьев. Орнамент расположен в верхней части сосуда. Он состоит из трех неровных горизонтальных линий, составленных из отпечатков штампа с крупными квадратными зубцами. Высота сосуда 7,2 см, диаметр венчика 8,3–9,5 см, дна 8,8 см.

Сосуд № 2 (рис. 7, 6) баночной формы, с прикрытым устьем и округлыми, выпуклыми боками. Срез венчика уплощенный, широкий, с внешними и внутренними закраинами. Дно плоское. Поверхности сосуда светло-коричневого цвета. На внешней поверхности есть следы зачистки зубчатым штампом – горизонтальные в верхней половине, наклонные в нижней и опять горизонтальные в придонной части. Орнамент состоит из двух горизонтальных линий под краем венчика, ниже которых расположен широкий двойной зигзаг. Орнамент нанесен штампом с крупными квадратными зубцами. Сосуд имеет вертикальные пропорции, так как его высота и диаметр венчика примерно равны. Высота сосуда 13,1 см, диаметр венчика 13,5–12,9 см, дна 10,2–11,0 см.

Погребение 7 (рис. 8, 1) находилось в 14,5 м к западу от погребения 6, на глубине –0,76 м от 0. Могила имела прямоугольную форму со слегка скругленными углами и была ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Размеры могильной ямы на уровне фиксации 0,93–1,16 м. Вдоль восточно-юго-восточной стенки погребения устроена материковая ступенька шириной 0,32–0,34 м, поэтому размеры погребальной камеры по дну уменьшились до 0,93х0,84 м. Дно погребения зафиксировано на глубине –0,97 м от 0, в материк могила впущена на 0,21 м. На дне могилы обнаружен плохо сохранившийся скелет младенца, приблизительный возраст которого 4–6 месяцев. Судя по сохранившимся диафизам обеих бедренных костей, находящимся *in situ*, погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на северо-северо-восток. Перед умершим был поставлен сосуд № 1. Сосуд № 2 стоял на одной линии с сосудом № 1, но почти у стенки могильной ямы.

Сосуд № 1 (рис. 8, 2) баночной формы, со слабо выпуклым туловом. Срез венчика плоский и скошен внутрь. У венчика есть небольшие внутренние закраины, но не по всему диаметру. Придонная часть с одной стороны сосуда выпуклая, а с другой стороны – вогнутая. Дно ровное, плоское. Внешняя поверхность сосуда светло-коричневого цвета, бугристая, с серыми пятнами, заглаженная сначала зубчатым штампом (следы вертикальные и наклонные), а потом рукой. Внутренняя

поверхность серая, бугристая, заглаженная рукой. Сосуд не орнаментирован. Высота сосуда 7,2 см, диаметр венчика 9,9–10,1 см, дна 6,3 см.

Сосуд № 2 (рис. 8, 3) баночной формы, с прикрытым устьем и неравномерно выпуклым туловом. Срез венчика уплощенный, закраин нет. Дно плоское, с вмятинами от пальцев в придонной части. Поверхности сосуда гладкие, заглажены рукой. Сосуд не орнаментирован. Высота сосуда 13,6 см, диаметр венчика 15,7–16,3 см, дна 9,2–10,0 см.

Погребение 8 (рис. 8, 4) находилось в 3 м к северо-западу от погребения 7 на глубине –0,93 м от 0. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована длинной осью по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Размеры могилы 1,0х0,8 м, она углублена в материк на 0,44 м. В темно-сером заполнении могилы встречались мельчайшие включения истлевшего дерева. На дне могилы обнаружен плохо сохранившийся скелет ребенка, приблизительный возраст которого 6–8 лет. Судя по сохранившемуся черепу (без лицевой части), фрагменту плечевой кости, пяточной кости и фалангам ступней, погребенный был положен на левый бок, головой на северо-восток, то есть по диагонали могильной ямы. Южнее черепа, там, где, вероятно, были руки погребенного, на боку лежал сосуд № 1. Сосуд № 2 стоял в южном углу могильной ямы.

Сосуд № 1 (рис. 8, 5–6) баночной формы, асимметричный, с одной стороны бок выпуклый, с другой стороны – нет. Срез венчика уплощенный, без закраин. Дно плоское. Поверхности бугристые, светло-коричневого цвета, заглажены сначала штампом, а затем мягким предметом. Орнамент расположен в верхней трети сосуда. Это широкий однорядный небрежно нанесенный зигзаг, который заключен между двумя горизонтальными (слегка волнистыми) линиями. Верхняя линия, расположенная прямо под венчиком, состоит из отпечатков зубчатого штампа, а нижняя – из отпечатков поллой косточки, перемежающихся с отпечатками штампа. Нижняя линия неровная. Штамп имеет небольшие, узкие, поперечные зубцы. Высота сосуда 5,7 см, диаметр венчика 9,0–9,5 см, дна 6,2 см.

Сосуд № 2 (рис. 8, 7) баночной формы, с выпуклым округлым туловом. Срез венчика ровный, плоско срезан, без закраин. Дно плоское. Поверхности сосуда темно-серые, с черными пятнами нагара. Внешняя поверхность заглажена сначала зубчатым штампом (следы вертикальные), а потом предметом с мягким рабочим краем. Внутренняя поверхность сосуда заглажена рукой. Орнамента нет. Высота сосуда 10,4 см, диаметр венчика 14,9–15,5 см, дна 8,0–8,3 см.

Погребение 9 (рис. 9, 1) находилось в 2,7 м к северо-западу от погребения 8 и зафиксировано на глубине –1,08 м от 0. Могильная яма имела прямоугольную форму со скругленными углами. Длинной осью яма ориентирована по линии северо-восток – юго-запад.

Размеры ямы 0,98×0,76 м, в материк она впущена на 0,20 м. Стенки ямы по длинным сторонам прямые, а по коротким – слегка наклонные. У западной стенки могильной ямы находился скелет ребенка 7–8 лет. Он лежал головой на северо-восток, скорчено на левом боку. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу. Ноги согнуты в коленях. Правая нога лежит под прямым углом к позвоночнику, а левая – под тупым. Перед погребенным против его рук стоял сосуд.

Сосуд (рис. 9, 2) баночной формы с прямыми стенками. Срез венчика округлый, неровный, скошенный внутрь. Венчик имеет внутренние закраины. Дно плоское. Поверхности сосуда бугристые, светло-коричневого цвета, без нагара, обработаны предметом типа щепы, а затем рукой. Орнамента нет. Высота сосуда 6,3 см, диаметр венчика 8,8 см, дна 6,1 см.

Погребение 10 (рис. 9, 3) находилось в 3 м севернее погребения 9, на глубине –1,13 м от 0. Могильная яма имела прямоугольную форму со скругленными углами и слегка наклонными стенками. Могила была ориентирована длинной осью по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Размеры ямы 1,0×0,79 м. В материк могила впущена на 0,43 м. В заполнении погребальной камеры зафиксированы включения остатков сгнившего деревянного перекрытия. На дне могильной ямы находились остатки костяка ребенка 5 лет. У северо-северо-восточной стенки залежали фрагменты черепной коробки, что указывает на ориентацию умершего головой на северо-северо-восток. От скелета сохранилась плечевая кость, лежавшая южнее черепа, несколько фаланг кистей, ребро, а также тазовая кость. Ближе к юго-восточному углу погребения стоял сосуд.

Сосуд (рис. 9, 4) горшковидной формы, с коротким, плавно отогнутым венчиком и ребром в верхней части тулова. Поверхности сосуда бугристые, со следами нагара, внешняя – светло-коричневого цвета, внутренняя – серого. На внешней поверхности есть вертикальные и наклонные следы зачистки сначала пучком соломы (?), а затем мягким предметом. Дно плоское, имеет вмятины. Сосуд орнаментирован штампом с крупными прямоугольными продольными зубцами. Орнамент расположен в верхней части сосуда. Под краем венчика нанесены две горизонтальные линии из отпечатков штампа. Ниже расположен широкий однорядный зигзаг, снизу и сверху заполненный вертикальными короткими отпечатками зубчатого штампа. В верхних углах зигзага по 2 таких отпечатка, а в нижних – по 3. Высота сосуда 15,4 см, диаметр венчика 14,2–14,7 см, дна 9,6 см.

Погребение 11 (рис. 9, 5) находилось в 3 м к северо-западу от погребения 10, на глубине –1,16 м от 0. Могила имела прямоугольную форму со скругленными углами и была ориентирована длинной осью по линии север-юг. Размеры ямы 0,77×0,62 м, яма впущена в материк на 0,24 м. У западной стенки погребальной

камеры лежал костяк ребенка 3–5 лет, головой на север. Костяк был скорчен на левом боку. Руки согнуты в локтях и лежат кистями у лица. Ноги согнуты в коленях и находятся под прямым углом к позвоночнику. Перед лицом и руками погребенного стояли два сосуда.

Сосуд № 1 (рис. 9, 6) баночной формы, с почти прямыми стенками. Срез венчика уплощенный. Венчик имеет внешние и внутренние закраины. Дно плоское, без закраин. Поверхности сосуда светло-коричневые, бугристые, заглажены рукой. На внешней поверхности сосуда в придонной части есть следы потеков темно-коричневого цвета. Орнамента нет. Сохранилась половина сосуда, но размеры его восстанавливаются. Высота сосуда 6,5 см, диаметр венчика 9,1 см, дна 6,5 см.

Сосуд № 2 (рис. 9, 7–8) баночной формы, с немного прикрытым устьем. Срез венчика уплощенный, скошен внутрь. У венчика есть внутренние и внешние закраины, получившиеся при орнаментации среза венчика. Дно плоское, выделено. Поверхности серые, без следов нагара, заглажены внутри сосуда рукой, а снаружи мягким предметом. Орнамент расположен по срезу венчика, в виде коротких наклонных отпечатков штампа, и по верхней части тулова, в виде однорядного широкого небрежного зигзага. Орнамент нанесен гладким штампом. Высота сосуда 13 см, диаметр венчика 14,6–15,3 см, дна 8,8–9,3 см.

Погребение 12 (рис. 10, 1) расположено в 2 м к востоку-юго-востоку от погребения 13, на глубине –1,14 м от 0. Могильная яма имела прямоугольную форму со скругленными углами и была ориентирована длинной осью по линии север-юг. Размеры ямы 0,72×0,45 м, в материк она впущена на 0,19 м. В северо-западной части могильной ямы лежал костяк грудного ребенка, возраст которого определить не удалось. Погребенный был положен на левый бок, в скорченном положении, головой на северо-северо-восток. Руки согнуты в локтях под прямым углом и направлены кистями к лицу. Ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику. Перед лицом и руками умершего стояли два сосуда. Южная половина погребальной камеры оставалась свободной.

Сосуд № 1 (рис. 10, 3) баночной формы, с прикрытым устьем, асимметричный, с одной стороны в придонной части бок сосуда выпуклый, а с другой стороны – вогнутый. Край венчика тонкий, округлый, неровный. Дно плоское, с закраинами. В придонной части сосуда видны вмятины от пальцев. Внешняя поверхность сосуда светло-коричневого цвета, с темно-серыми пятнами, бугристая, заглажена рукой (в области дна видны папиллярные линии). Внутренняя поверхность сосуда серая, заглажена мягким предметом. Орнамента нет. Высота сосуда 5,8 см, диаметр венчика 7,3 см, дна 5,8 см.

Сосуд № 2 (рис. 10, 2) горшковидной формы, с коротким, плавно отогнутым венчиком. Наибольший диаметр тулова приходится на верхнюю часть высоты сосуда. Срез венчика округлый. Закраин у венчика

нет. Дно плоское, со слабо выраженными закраинами. Поверхности сосуда серого цвета. Внешняя поверхность заглажена сначала зубчатым штампом (следы вертикальные), а потом мягким предметом. Внутренняя поверхность заглажена рукой и имеет следы нагара. Орнамент занимает верхнюю часть тулова до его наибольшего расширения. Композиция состоит из длинных наклонных отпечатков зубчатого штампа, под которыми расположен горизонтальный ряд отпечатков полой кости. Сосуд имеет вертикальные пропорции, так как его высота почти равна диаметру венчика. Высота сосуда 13,6 см, диаметр венчика 13,9–14,8 см, дна 10,0 см.

Погребение 13 (рис. 10, 4) находилось в 1,8 м к северо-западу от погребения 12, на глубине –1,10 м от 0. Погребальная камера имела практически квадратную форму со скругленными углами и была ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Размеры ямы 0,76×0,7 м, в материк она впущена на 0,25 м. На дне погребения, занимая все его пространство, лежал костяк ребенка 4–5 лет. Часть костей скелета была перемещена в разные части могильной ямы. Умерший был положен на левый бок, головой на северо-северо-восток. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу. Ноги согнуты в коленях под прямым углом к позвоночнику. Рядом с голеностопным суставом находилась тазовая кость. Перед умершим, в восточной части могильной ямы поставлены 2 сосуда. Сосуд № 1 находился против головы погребенного. Сосуд № 2 стоял против живота умершего.

Сосуд № 1 (рис. 10, 5) баночной формы, с прямыми стенками. Срез венчика округло-уплощенный, с внутренними закраинами. Придонная часть сосуда с одной стороны выпуклая, с другой – прямая. На дне сосуда есть отпечатки прутьев в виде параллельных желобков. Вероятно, еще необожженный сосуд стоял на этих прутьях. Дно оттянуто защипами. В придонной части сосуда сохранились вмятины от пальцев. Поверхности сосуда серые, без следов нагара, с отдельными наклонными следами зачистки. Орнамента нет. Высота сосуда 5,8–6 см, диаметр венчика 9,6 см, дна 8 см.

Сосуд № 2 (рис. 10, 6) баночной формы, с закрытым устьем. Срез венчика плоский, с отдельными внешними закраинами. Дно плоское, с примятыми закраинами. Поверхности сосуда серые. Внутри сосуда на дне есть следы нагара. Внешняя поверхность зачищена сначала зубчатым штампом, оставившим вертикальные следы, а затем мягким предметом. Внутренняя поверхность заглажена рукой. Сосуд имеет вертикальные пропорции, так как его высота равна диаметру венчика. Высота сосуда 16,1 см, диаметр венчика 16,1 см, дна 9,5 см.

Погребение 14 (рис. 11, 1) находилось в 5,5 м к северо-востоку от погребения 13, на глубине –1,16 м от 0. Погребальная камера имела подпрямоугольную форму с сильно скругленными углами и слегка наклон-

ными стенками. Она была ориентирована длинной осью по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Яма имела размеры 1,1×0,81 м и была врезана в материк на 0,46 м. В центре погребальной камеры лежал костяк ребенка в возрасте около 5 лет. Умерший был похоронен на левом боку скорчено, головой на северо-северо-запад. Руки согнуты в локтях под прямым углом и кисти лежат против лица. Ноги согнуты в коленях, и лежат под тупым углом к позвоночнику. Перед руками и головой умершего стояли 2 сосуда.

Сосуд № 1 (рис. 11, 2) баночной формы, с закрытым устьем и сильно выпуклым, округлым туловом. Срез венчика плоский, скошенный внутрь. Дно выделено и оттянуто, причем сохранились отпечатки пальцев, зашпывавших глину. Сохранились и следы прилепа стенки ко дну. Внешняя поверхность сосуда бугристая, серая, со следами нагара, заглажена рукой. Внутренняя поверхность светло-серая, заглажена рукой. На дне есть нагар. Орнамента нет. Сосуд имеет вертикальные пропорции, так как высота его почти равна диаметру венчика. Высота сосуда 13,4 см, диаметр венчика 13,7–14,2 см, дна 8–8,7 см.

Сосуд № 2 (рис. 11, 3) баночной формы с закрытым устьем и выпуклыми стенками. Край венчика округлый, тонкий, закраин нет. Дно плоское, с выраженными закраинами. Сохранились отпечатки пальцев, зашпывавших глину. Сохранились и следы прилепа стенки ко дну. Внешняя поверхность сосуда очень бугристая, серая, заглажена рукой. Орнамента нет. Высота сосуда 7,8 см, диаметр венчика 8,7–10,8 см, дна 7,8–8,7 см.

Погребение 15 (рис. 11, 4) находилось в 3,5 м к востоку-северо-востоку от погребения 14, на глубине –1,18 м от 0. Могильная яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами и была ориентирована длинной осью по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Размеры ямы 1,05×0,81 м. В материк яма врезана на 0,39 м. В западной части могилы прослежена плотная материковая забутовка костяка, шедшая до самого дна могилы. У западной стенки погребальной камеры находился костяк ребенка 7–9 лет. Погребенный лежал на левом боку, головой на северо-северо-запад. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу. Ноги согнуты в коленях и лежат под острым углом к позвоночнику. Колени подтянуты к локтям погребенного. Одна лопатка лежит вместо тазовой кости, другая – у ног погребенного. Правая тазовая кость лежит на месте лопатки. Перед умершим поставлены 2 сосуда. Сосуд № 1 находился на уровне головы погребенного, сосуд № 2 – на уровне его живота.

Сосуд № 1 (рис. 11, 5–6) горшковидной формы, с плавно отогнутым венчиком, острым ребром в верхней трети высоты сосуда и плоским дном. У венчика есть небольшие и нерегулярные внутренние и внешние закраины. У дна есть примятые закраины. Поверхности сосуда серые, гладкие. В придонной части на внешней

поверхности есть следы нагара. Внешняя поверхность заглажена мягким предметом, в некоторых местах видно лощение поверхности. Внутренняя поверхность заглажена рукой. Орнамент нанесен штампом с узкими прямоугольными зубцами. Срез венчика орнаментирован зигзагом, состоящим из коротких отрезков. Орнамент расположен в верхней части сосуда до ребра. Центральным мотивом композиции является ряд больших косых двойных крестов. Сверху, между перекладинами креста, расположены парные или одиночные крупные каплевидные ямки. Снизу ряд крестов подчеркнут однорядным зигзагом. В ряде мест отрезки зигзага перекрещиваются. Высота сосуда 11,5 см, диаметр венчика 14,5–16 см, дна 7,1–8,0 см.

Сосуд № 2 (рис. 11, 7) асимметричен. Венчик с одной стороны профилирован и выделена шейка, с другой стороны шейка не выделена. Срез венчика плоский, закраин почти нет. Дно плоское. У дна есть глубокая вмятина, как будто не хватает глиняной ленты, обычно закрывавшей место прикрепления стенок ко дну. У дна видны вмятины от пальцев, причем с одной стороны глина оттянута больше, чем с другой. Поверхности сосуда серые, гладкие. Внутренняя — почти вся покрыта нагаром. Поверхности зачищены рукой, а внешняя — еще и мягким предметом, и в некоторых местах залощена. Орнамент расположен в верхней части сосуда. Это ряд крупной горизонтальной елочки, нанесенной ребром зубчатого штампа. Сосуд имеет вертикальные пропорции, так как его высота почти равна диаметру венчика. Высота сосуда 17,1 см, диаметр венчика 17,6–18,5 см, дна 9,5–10,3 см.

Анализ погребального обряда

Планиграфия. В центре погребальной площадки кургана 2 находилось погребение 2. Остальные захоронения располагались вокруг него по кругу. Можно отметить некую группировку периферийных погребений: погребения 3–6 составляли восточную дугу этого круга; погребения 7–11 — западную дугу, а погребения 12–15 — северную. С южной стороны круг не был заполнен. Погребения в круге не различаются ни по обряду, ни по инвентарю. Все они довольно стандартны. Только погребение 15, находившееся в центре северной дуги погребений, отличается наличием единственного в кургане острореберного горшка.

Такая планировка погребений на подкурганной площадке, при которой в центре находится одно погребение, а остальные располагаются вокруг него по кругу, является, по данным А.И. Крамарева, наиболее типичной планировкой для курганов срубной культуры (Крамарев, 2008. С. 146).

В центральном захоронении находилось два скопления кальцинированных костей. Все остальные захоронения содержали труположения. В них похоронены младенцы в возрасте 4–6 месяцев или дети и подростки от 2 до 11 лет.

Конструкция погребальной камеры. Погребальная конструкция погребений 3–15 представляла собой грунтовую яму, имевшую деревянное перекрытие. Остатки деревянного перекрытия зафиксированы в погребениях 6 и 10. По всей видимости, перекрытия остальных могильных ям состояли из более легких древесных материалов, вследствие чего они не сохранились до наших дней.

Погребальная камера центрального погребения 2 отличалась сложной конструкцией. Она состояла из сруба, поставленного на древнюю дневную поверхность и перекрытого плахами.

Захоронения в срубах на древней поверхности хорошо известны в памятниках срубной культуры (Крамарев, 2003. С. 283). Как правило, это центральные, большие по размерам погребения в кургане. Обычно умерший в них похоронен по обряду труположения, но есть и погребения с кремациями, как в публикуемом памятнике. Кремации известны в курганах срубной культуры, являясь одной из разновидностей ее погребального обряда (Крамарев, 2004. С. 174–175).

Могильная яма во всех погребениях кургана 2 могильника Тайдаково I, кроме центрального, небольшая как по размерам, так и по глубине. Глубина врезки в материк всех погребений не превышает 0,6 м. Могильная яма сделана «по костяку», то есть ее размеры таковы, что в ней помещался только умерший, причем в скорченном положении, и сопровождающие его сосуды.

Могильная яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами. Стенки ямы вертикальные, иногда слегка наклонные. Только в погребении 7 вдоль длинной стенки ямы устроена материковая ступенька. В погребении 15 прослежена плотная материковая забутовка костяка. В погребении 5 кости ног костяка были засыпаны материковой глиной.

Поза и ориентировка погребенного. Костяк занимает центральную часть могильной ямы. Лишь в погребении 4 костяк находился в восточной половине могилы, в погребении 12 — в северной. Остатки трупосождения в центральном погребении 2 также помещены в центр погребальной камеры.

Правилom является положение умершего скорченно на левом боку. Степень скорченности большинства костяков средняя. Сильная скорченность костяка в погребениях 5, 13, 15. Ноги погребенных согнуты в коленях. Бедренные кости находятся под острым или под прямым углом к позвоночнику. В некоторых погребениях одна нога костяка лежит под прямым, а другая под тупым углом. Берцовые кости всегда лежат под острым углом к бедренным костям. Кости стопы и голени находятся у таза. У всех погребенных руки согнуты в локтях, левая рука лежит на уровне лица, а запястье правой руки — на локте или костях предплечья левой руки.

Ориентировка костяка совпадает с ориентировкой могильной ямы. Независимо от своего расположения

в кольце, все погребенные ориентированы головой на север, с отклонением к западу или востоку. Лишь могильная яма погребения 8 в своей ориентировке имеет значительное отклонение к востоку, но ориентация костяка в ней не совпадает с ориентацией ямы, она более северная.

Погребальный инвентарь представлен сосудами и одной металлической обкладкой деревянного сосуда.

Место инвентаря. Сосуды всегда находятся перед костяком – перед лицом и руками или на уровне живота – между локтями и коленями. Лишь в погребении 8 один сосуд был в другой позиции – в юго-восточном углу погребения. Другой сосуд из этого погребения имеет стандартную позицию у черепа.

В большинстве погребений найдено по 2 сосуда. Только в центральном погребении 2 находилось 3 сосуда. По одному сосуду было в погребениях 9 и 10. Погребения с одним сосудом расположены рядом, в западной части круга погребений.

Таким образом, курган 2 могильника Тайдаково I представляет собой единый комплекс погребений, созданных по единому стандарту. Курган был оставлен одной родо-племенной группой срубной культуры. История создания кургана может быть реконструирована следующим образом.

Погребальная площадка перед совершением первого погребения была специально подготовлена. Об этом свидетельствует золистая прослойка, зафиксированная в центре кургана на уровне погребенной почвы. Возможно, эта прослойка образовалась в результате перегнивания некой подстилки органического происхождения. Аналогичная, специально оформленная площадка на уровне погребенной почвы, сделанная для центрального погребения, известна и в других погребальных памятниках, например, в Рождественском курганном могильнике (Крамарев, Кузьмина, 2012. С. 108).

На этой специально подготовленной площадке было сооружено первое, центральное захоронение 2. Оно представляло собой сруб, поставленный на древнюю дневную поверхность. Внутри сруба находилась кукла, в которую был зашит мешочек с остатками кремации умершего. Возможно, похороненных было двое, так как остатки трупосожжения лежали двумя кучками. На наличие куклы в погребениях с трупосожжениями указывают такие косвенные признаки, как нахождение украшений среди пережженных костей и установка сопровождающих сосудов в той же позиции, как при трупоположении. Аналогичные погребения известны, как в Самарском, так и в Ульяновском Поволжье (Кузьмина, 2015. С. 228; Кузьмина, 2022. С. 267).

Погребение 2 из могильника Тайдаково I можно отнести к числу неординарных. Об этом свидетельствует его центральное положение в кургане, большая по размерам и сложная по конструкции погребальная камера, сделанная из плах, редкий обряд трупосожжения и на-

личие 3-х керамических сосудов, в то время как в других погребениях этого кургана были только 1–2 сосуда. Именно в этом погребении находилась и деревянная чаша с металлической обкладкой. Есть мнение (Отрошенко, 1993), что такие погребения могут интерпретироваться как жреческие.

Погребение 2 отмечало центр погребальной площадки. Вокруг него было совершено 13 захоронений, после чего вся площадка была перекрыта общей земляной насыпью.

Анализ керамической коллекции

В кургане 2 могильника Тайдаково I в 14 погребениях эпохи бронзы обнаружено 27 сосудов. Правилком является сочетание двух сосудов в погребении: две банки (погребения 3–8, 11, 13); банка и горшок (погребение 12); горшок и остроруберный горшок (погребение 15). Исключением является погребение 2, в котором было три сосуда: два горшка и банка; и погребения с одним сосудом – банкой (погребение 9) или горшком (погребение 10).

Технология изготовления сосудов. Основу глиняного теста, из которого формовались сосуды, составляет слабозапесоченная, ожелезненная глина, содержащая в себе в качестве естественных включений мелкий, в основном остроугольный, реже окатанный песок². Вся керамика с шамотом, плотная по фактуре. В качестве примесей к формовочной массе использовался также навоз, в 4 случаях – органика в малых количествах (2/1³, 5/2, 7/1, 7/2) и в 4 случаях, также в малых количествах, кальцинированная кость (7/1, 7/2).

Большинство сосудов имеет гладкую поверхность, которая обработана орудием с мягкой рабочей частью или рукой. На стенках ряда сосудов есть следы расчесов зубчатым штампом, но они нерельефны, замыты, заглажены либо рукой, либо мягким предметом (2/1, 2/3, 3/1, 3/2, 6/2, 10/1). Исключительно зубчатым штампом заглажены поверхности одного сосуда (2/2). Это вертикальные и наклонные расчески в нижней половине сосуда.

Форма сосудов. Исходя из профилировки сосуда, коллекция делится на 3 группы:

Банки (21 экз.) – сосуды, венчик которых не отогнут наружу. Банки имеют прикрытое устье или прямой венчик. Придонная часть тулова прямая или слегка вогнутая у дна.

Горшки (5 экз.) – сосуды с отогнутым наружу венчиком. Наибольший диаметр тулова находится в верхней части сосуда, при переходе короткой шейки в тулово или ближе к середине высоты сосуда. Придонная часть сосуда прямая, у одного горшка слегка вогнутая.

² Технично-технологический анализ керамики выполнен Е.В. Симоновой.

³ 2/1 – в числителе номер погребения, в знаменателе номер сосуда.

Острорезерберный горшок (1 экз.) – сосуд с ребром на тулове. Острорезерберный горшок имеет вогнутую шейку, ребро в верхней части тулова и узкое дно.

У сосудов всех форм днища не имеют закраин или они примяты, кроме единичных сосудов (14/1, 14/2, 15/2), имеющих выраженные закраины.

Баночные сосуды четко делятся на две группы – большие банки, равные по размерам горшкам, и маленькие банки, размеры которых в 2 раза меньше размеров больших банок и горшков.

Если в погребении две банки, то сочетаются большая и маленькая банки. Если в погребении горшок и банка, то банка маленькая. Если в погребении только один сосуд (баночный), то это маленькая банка. По всей видимости, функции горшков и больших банок близки, а маленькие банки имели другие функции. В связи с этим предположением анализ керамики осуществлялся по 4 группам: острорезерберные горшки, горшки, банки большие, банки маленькие.

Размеры и пропорции. В целом, вся коллекция имеет общие размеры по трем основным параметрам:

- диаметр дна в одном интервале (7,1–11,5 см) для всех форм, кроме маленьких банок, у части которых диаметр дна меньше (5,8–8,9 см);

- диаметр венчика в одном интервале (12,7–18,5 см) для всех форм, кроме маленьких банок, у которых он меньше (7,3–10,9 см);

- высота сосуда в одном интервале (10,4–17,1 см) для всех форм, кроме маленьких банок (5,8–8,7 см).

Различаются выделенные группы керамики своими пропорциями:

- горизонтальные пропорции имеют острорезерберный горшок и маленькие банки (высота сосуда меньше диаметра венчика);

- вертикальные пропорции имеют горшки и большие банки (высота сосуда больше, равна или чуть меньше диаметра венчика);

- узкое дно (отношение диаметра дна к диаметру венчика 2,0–1,6) имеют все формы, кроме маленьких банок, у которых более широкое дно относительно диаметра венчика (1,0–1,2). Часть сосудов всех форм имеет одинаковое соотношение диаметра дна и венчика (1,4–1,5), что еще больше сближает все формы данной коллекции.

Орнамент. Орнаментирована только часть сосудов: острорезерберный горшок, почти все горшки (4 из 5), меньшая часть банок больших (3 из 9) и меньшая часть банок маленьких (5 из 12).

Место орнамента. Срез венчика орнаментирован у двух сосудов (11/2 и 15/1). В обоих случаях это зигзаг. На внешней поверхности орнамент располагается в верхней части сосуда.

Орнаментир. Как правило, орнамент нанесен штампом с квадратными зубцами (горшки, большие и маленькие банки). Вариантом этого штампа являет-

ся штамп с узкими прямоугольными зубцами (острорезерберный горшок) или штамп с узкими поперечными зубцами (маленькая банка). Исключением является орнаментир, оставивший прочерченный след (большие банки) и полая кость (горшок, маленькая банка).

Композиция орнамента. Самая сложная композиция на острорезерберном горшке (15/1). Она состоит из ряда двойных косых крестов, подчеркнутых сверху рядом ямок, а снизу – зигзагом.

На горшках, а в еще большей степени на банках, орнамент проще. Ведущим в орнаменте является мотив с горизонтальным зигзагом (однорядным или двойным). Он может быть подчеркнут горизонтальными линиями сверху или снизу. Этот орнамент есть на горшках (10), банках больших (6/2, 11/2) и маленьких банках (4/1 и 8/1). Надо отметить, что зигзаг на маленьких банках нанесен небрежно и сделано это, по всей видимости, преднамеренно.

Часть этой композиции – только 2–3 горизонтальные линии – есть на банке большой (4/2) и маленькой (6/1 и 5/1). В последнем случае горизонтальные линии дополнены рядом коротких вертикальных линий (5/1).

Простой орнамент – ряд вертикальных или наклонных линий, есть на горшках (2/2, 12/2). В последнем случае ряд наклонных линий дополнен горизонтальным рядом отпечатков полой кости (12/2).

В единичных случаях орнамент состоит из горизонтальной елочки (горшок) (15/2) или сетки (банка маленькая) (2/3).

Стиль. Орнамент на всех формах керамики простой, вдавленный, состоящий из углов или отдельных линий. В орнаменте нет геометрических фигур. На двух сосудах орнамент больше похож на стилизованный рисунок (4/1, 8/1).

Орнамент связан с формой сосуда. Наиболее сложный орнамент нанесен на сосуд сложной формы – острорезерберный горшок (15/1). Самая простая форма – банки – чаще всего не орнаментирована.

В целом, вся коллекция керамики из кургана 2 могильника Тайдаково I выглядит изготовленной по одним стандартам в рамках одного родового коллектива срубной культуры.

Анализ некерамического инвентаря

Некерамический инвентарь представлен только одним изделием – металлической обкладкой деревянного сосуда. Такие обкладки известны довольно широко. Упомянем здесь лишь накладки из могильников Поволжья эпохи поздней бронзы: Канадей V, 1/2 (Багаутдинов, 1991. С. 40. Рис. 8, 4), Кротовка, 1/1, 2 экз. (Сташенков, Кочкина, 2020. С. 42), Бутурлинские выселки, курган 2 (Кривцова-Гракова, 1955. Рис. 15, 8), Золотая Нива III, одиночный курган/3 (Агапов, Васильев, Кузьмина, Семенова, 1983. Рис. 6, 21), Песочное, 1/1 и 2/1 (Зудина, Скарбовенко, 1985. Рис. 5, 7), Покровский, 7/3 (Памятники срубной культуры..., 1993. Табл. 14, 33),

Карамыш (Максимов, 1956. Рис. 69), «Курганный», 2/5 (Попова, Каргин, 2012. Рис. 7, б), «Южный», 2/1 (Захариков, Цыбрий, 2009. Рис. 7, 14.), Кочетное, 5/11 и 12/5 (Юдин, Матюхин, 2006. Рис. 5, 9; 10, 9), I Быковский, 9/4 (Смирнов, 1960. Рис. 10–11), I Бережновский, 5/10 (Синицын, 1959. С. 69). Есть металлические обкладки в Бородинском кладе (Кривцова-Гракова, 1949. Табл. XII, 6–7).

Форма обкладки. Металлические обкладки тонко раскованы и имеют различную форму – прямоугольную (Тайдаково I, 2/2; Золотая Нива III, о.к./3; Кочетное, 5/11, 12/5; Кротовка; Бородинский клад), квадратную (Кротовка; Канадей V, 1/2), подромбовидную (Бутурлинский, 2), сегментовидную (Покровский, 7/3; I Бережновский, 5/10). Есть обкладки в виде ленты (Карамыш, I Быковский, 9/4; Песочное, 1/1; «Курганный», 2/5).

В ряде случаев пластина согнута пополам (Тайдаково I, 2/2; Золотая Нива III, о.к./3; Кочетное, 5/11, 12/5; I Бережновский, 5/10) или один край ее загнут (Бородинский клад; Песочное, 1/1; «Южный», 2/1).

Края обкладки. Края пластин ровные. У некоторых пластин углы закруглены (Кротовка). Есть обкладки с волнистым краем (Карамыш; I Быковский, 9/4).

Профиль обкладки. Пластина может быть, как плоской (Кротовка; Канадей V, 1/2; «Курганный», 2/5), так и изогнутой, показывающей профиль сосуда: чашевидного/баночного (Золотая Нива III, о.к./3; Кочетное,

5/11), горшковидного (Тайдаково I, 2/2; Кочетное, 12/5) или острореберного (I Быковский, 9/4; Песочное 1/1).

Орнамент. Некоторые пластины имеют пуансонный орнамент в виде волнистых или прямых горизонтальных, вертикальных, наклонных линий или косых крестов (Кочетное, 12/5; «Курганный», 2/5 (Отрощенко, 1984. Рис. 1, 7–10, 12).

Крепление обкладки к сосуду. Обкладка крепилась к деревянному сосуду с помощью металлических гвоздиков, отверстия для которых располагались по периметру пластины.

О деревянной посуде с металлическими накладками писал ряд авторов, рассматривая как вопросы её происхождения в срубной культуре, так и высокий социальный статус погребенных, которых такая посуда сопровождала (Отрощенко, 1984; Пятых, 1984; Ковалева, 1989).

Суда по погребальному обряду и инвентарю, курган 2 могильника Тайдаково I был сооружен носителями срубной культуры. По дереву из перекрытия погребения 2 в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН была получена дата. Некалиброванное значение даты 3400 ± 20 лет. Калиброванное значение (95%) 1741–1631 гг. до н.э. Эта дата вписывается в схему абсолютного датирования, предложенную для культур эпохи бронзы Восточной Европы (Трифонов, 2001. Табл. 1).

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневожской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 6–58.
- Багаутдинов Р.С. Курганы бронзового века у с. Канадей // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991. С. 36–58.
- Захариков А.П., Цыбрий В.В. Охранные раскопки курганного могильника «Южный» в 2003 году // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7. С. 98–122.
- Зудина В.Н., Скарбовенко В.А. Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 51–78.
- Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам левобережной Украины). Днепрпетровск, 1989. 88 с.
- Крамарев А.И. Характеристика погребальных сооружений срубной культуры Южного Средневожья // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3. С. 277–305.
- Крамарев А.И. Основные виды погребений срубной культуры Южного Средневожья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004. Вып. 2. С. 163–180.
- Крамарев А.И. Планировка могильников (взаиморасположение курганов) и внутрикурганная планиграфия в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневожья // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 143–169.
- Крамарев А.И., Кузьмина О.В. Раскопки Рождественского I курганного могильника на юге Самарской Луки // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара. 2012. С. 83–157.
- Кривцова-Гракова О.А. Бессарабский клад. М., 1949. 28 с.
- Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. 162 с.
- Кузьмина О.В. III Подстепкинский могильник // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2015. Вып. 5. С. 226–335.
- Кузьмина О.В. Покровская культура в Ульяновском Поволжье // История Симбирско-Ульяновского края с древнейших времен до наших дней в 6 т. Т. 1. Палеолит – Эпоха бронзы. Ульяновск, 2022. Глава 3. С. 260–306.
- Максимов Е.К. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области // Археологический сборник. Тр. Саратовского обл. музея краеведения. Са-

ратов, 1956. Вып. 1. С. 115–123.

Отрощенко В.В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1984. С. 84–96.

Отрощенко В.В. «Жреческие» комплексы в системе погребений срубной общности // Археологічні та історичні дослідження Херсонщини. Херсон, 1993. С. 17–31.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Вып. В1–10. Саратов, 1993. 200 с.

Попова Н.И., Каргин Ю.Ю. Исследование курганов на Натальинских островах в Балаковском районе Саратовской области // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2012. Вып. 10. С. 105–123.

Пярых Г.Г. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. 1984. № 2. С. 146–154.

Синицын И.В. Археологические исследования За-волжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Ниж-

него Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). МИА. М., 1959. Т. I. № 60. С. 39–205.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). МИА. М., 1960. Т. II. № 78. С. 169–272.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Страницы истории Самарской археологии: к юбилею В.В. Гольмстен. Самара, 2020. 48 с.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита - средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 71–82.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006. 115 с.

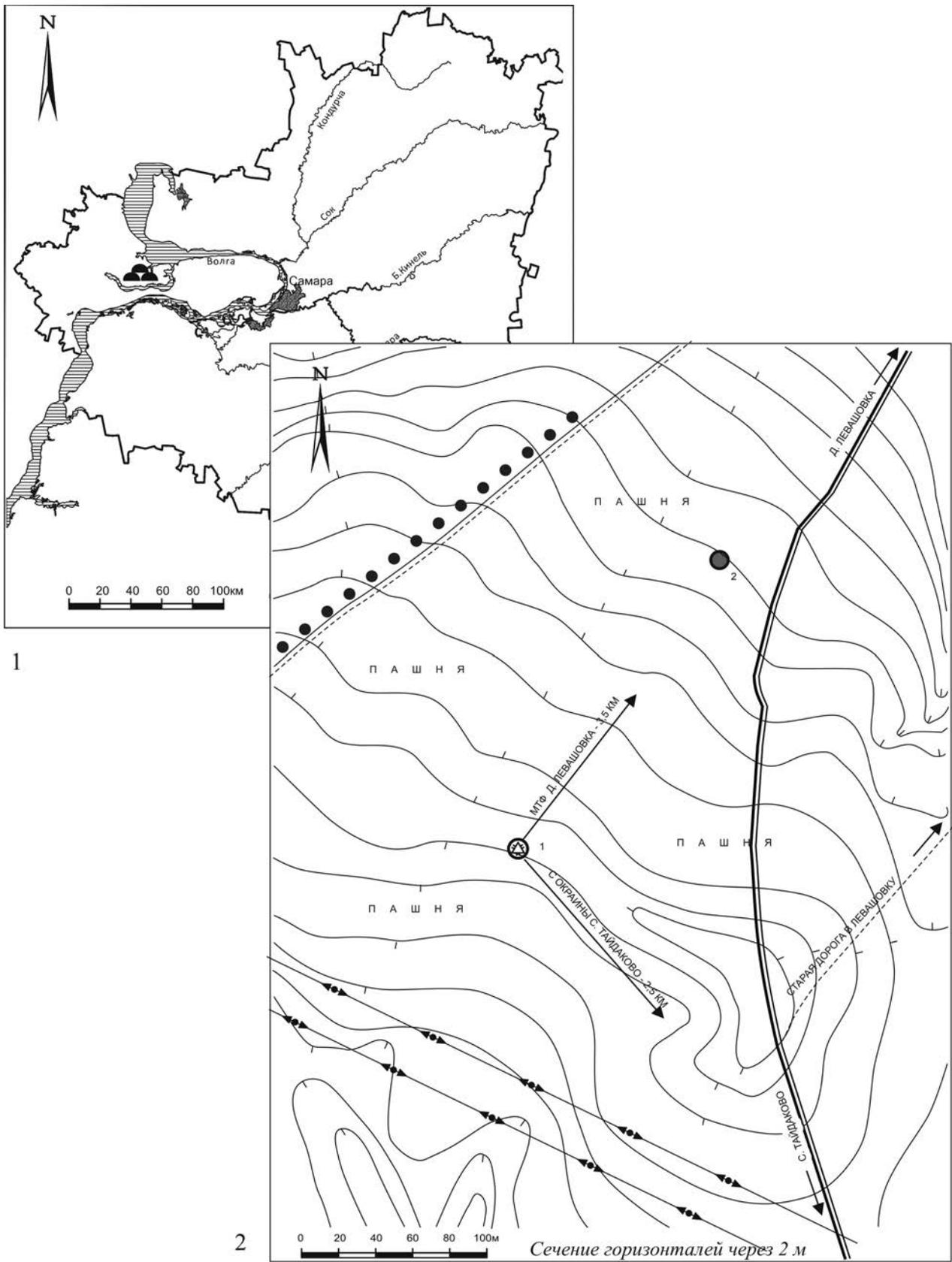
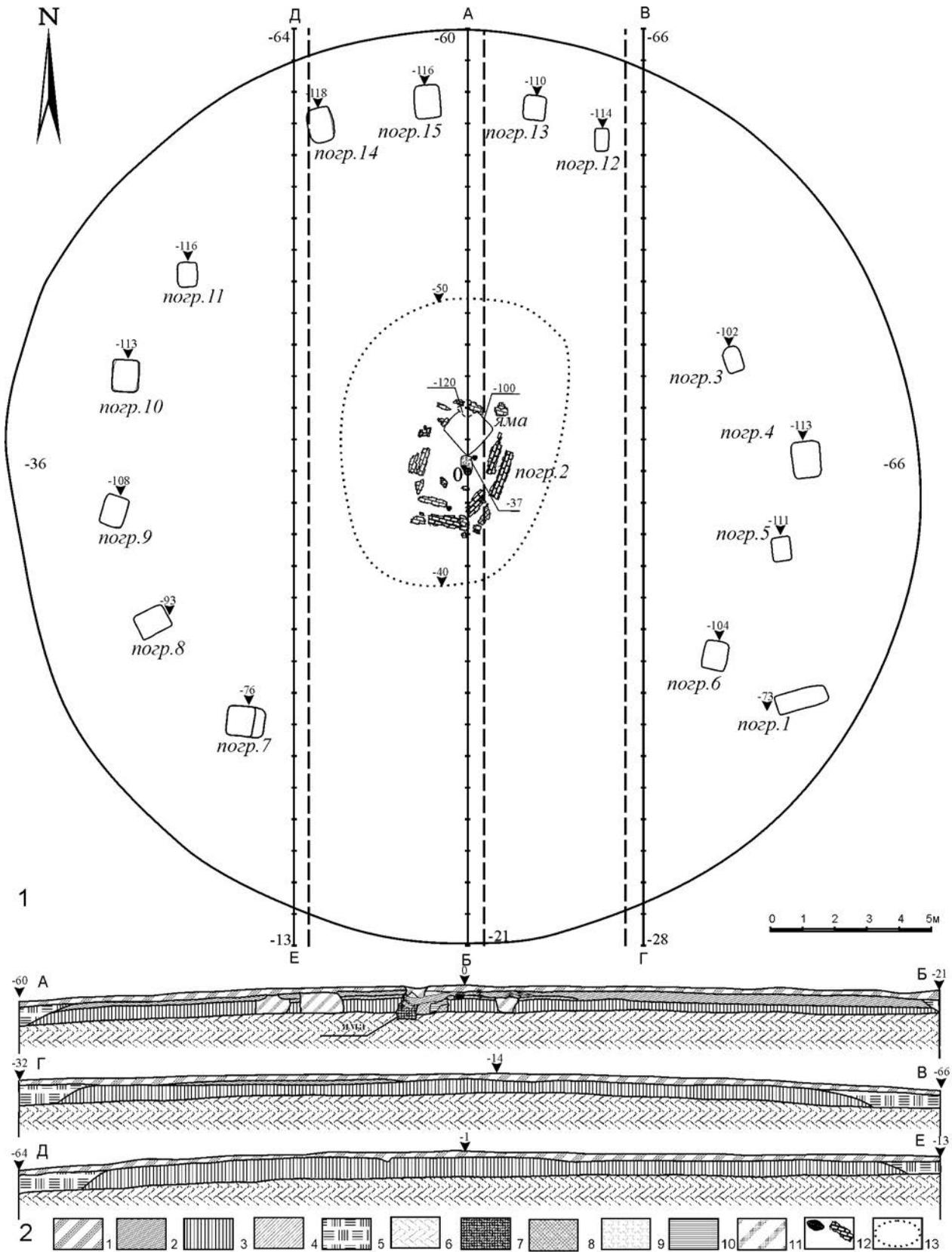

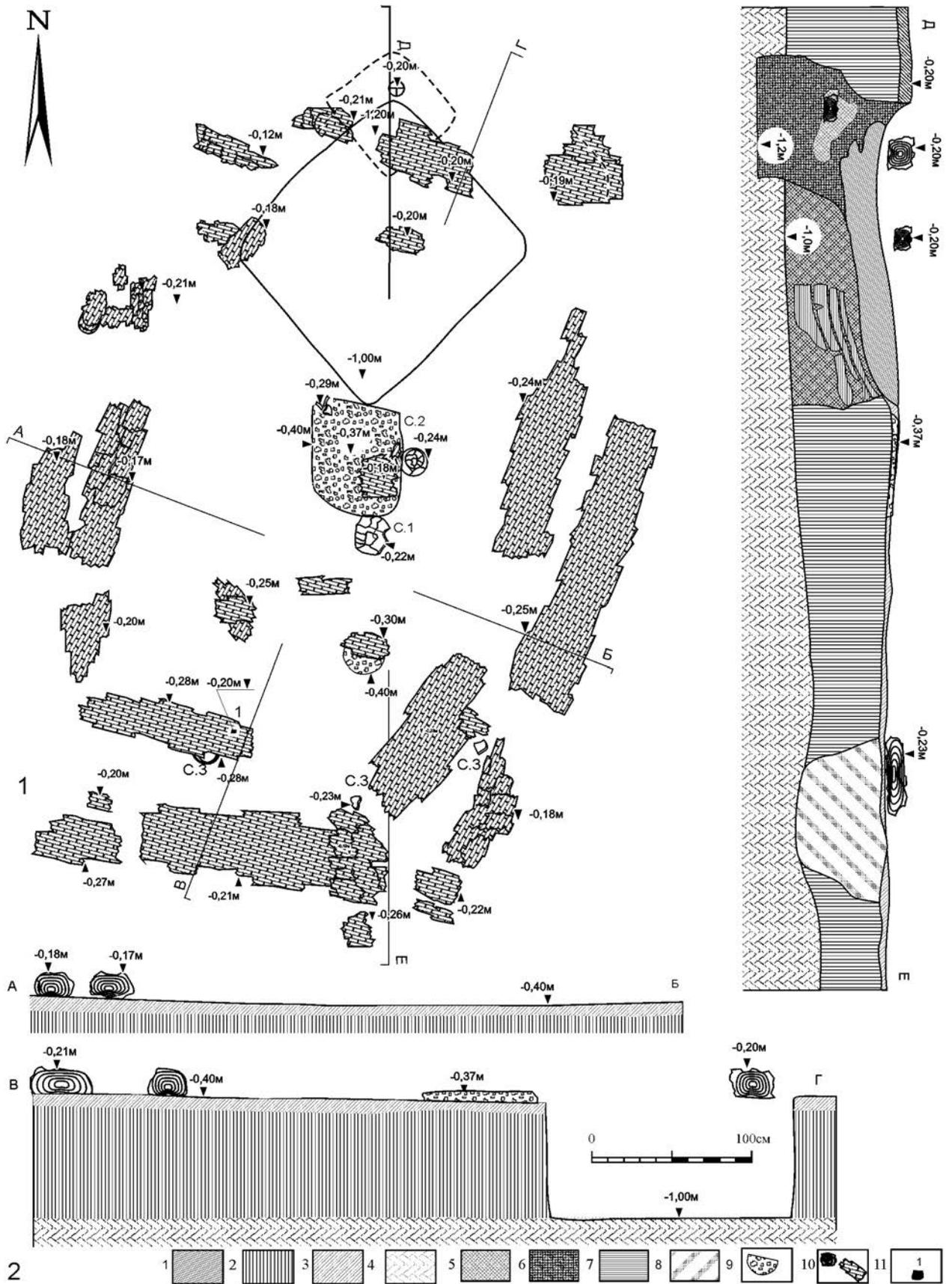
Рис. 1. Тайдаково I курганный могильник.

1 – месторасположение могильника на карте Самарской области; 2 – план курганного могильника (съемка О.В. Михайловой, 2000 г.).

Условные обозначения: 1 – пахотный слой (темно-серый мешаный суглинок); 2 – насыпь (серый суглинок); 3 – погребенная почва (темно-серый суглинок); 4 – светло-серый золистый суглинок; 5 – дерново-гумусный слой (черный суглинок); 6 – материк (желтый пятнистый суглинок); 7 – яма (темно-коричневый суглинок); 8 – желтый мешаный суглинок; 9 – коричневый суглинок; 10 – переслоение черного и желтого суглинков; 11 – сурчины; 12 – остатки деревянной конструкции погр. 2; 13 – границы зольника.

Рис. 2. Тайдаково I курганный могильник. План и профиль кургана 2.

Условные обозначения: 1 – серый суглинок; 2 – темно-серый суглинок; 3 – светло-серый золистый суглинок; 4 – материк (желтый пятнистый суглинок); 5 – желтый мешаный суглинок; 6 – темно-коричневый суглинок; 7 – переслоение черного и желтого суглинков; 8 – сурчина; 9 – скопление кальцинированных костей; 10 – остатки деревянной конструкции; 11 – бронзовое изделие.

Рис. 3. Тайдаково I курганный могильник. Курган 2. Погребение 2. План и профили погребения.

1

2

Рис. 4. Тайдаково I курганный могильник. Курган 2. Погребение 2.

1 – вид на деревянную конструкцию погребения, фото с ЮЮВ; 2 – вид на бронзовую обкладку сосуда и фрагмент сосуда № 3, фото с ЮЮВ.

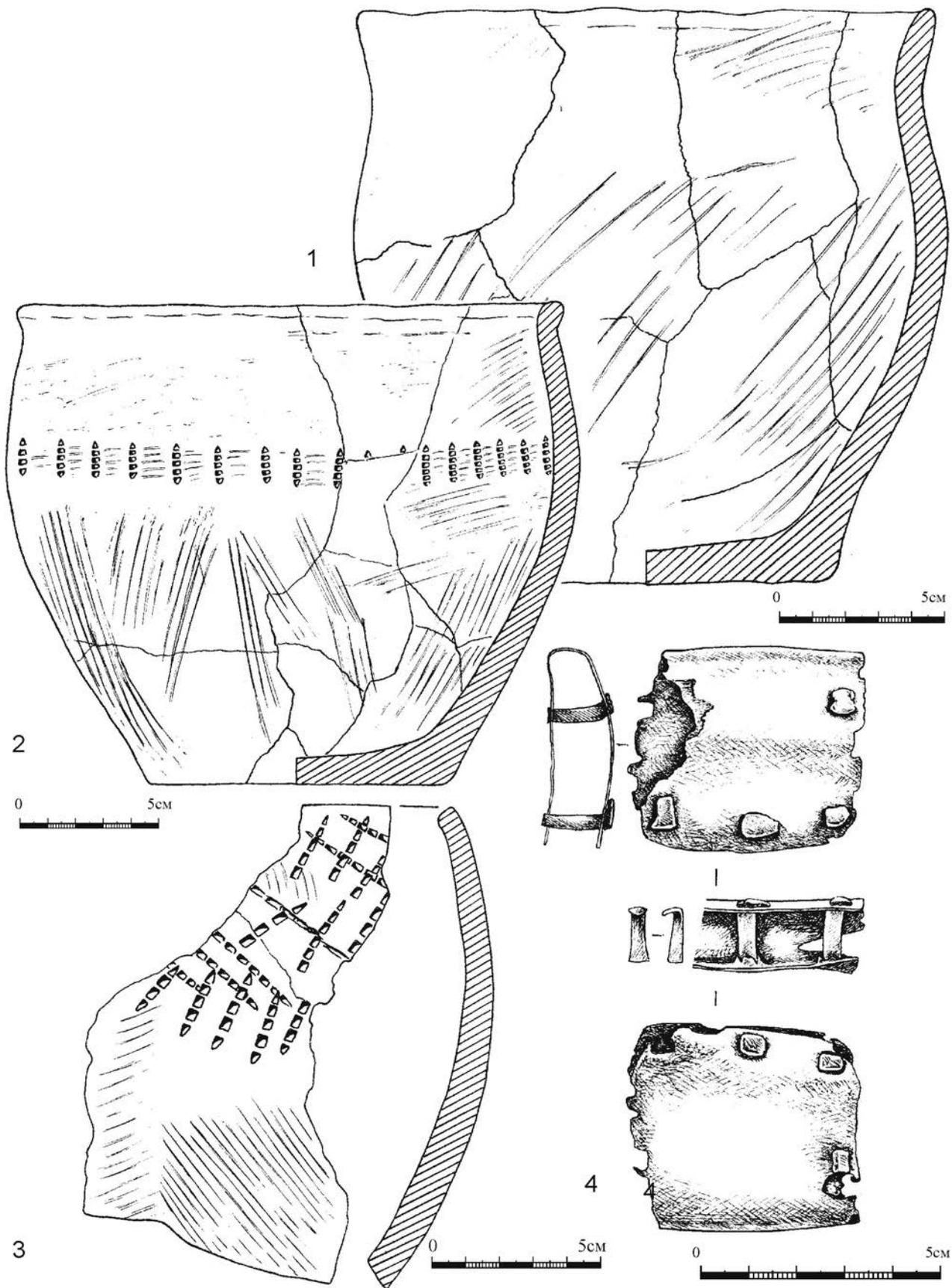

Рис. 5. Тайдаково I курганный могильник. Курган 2. Погребение 2.
1 – сосуд № 1; 2 – сосуд № 2; 3 – сосуд № 3; 4 – бронзовое изделие.

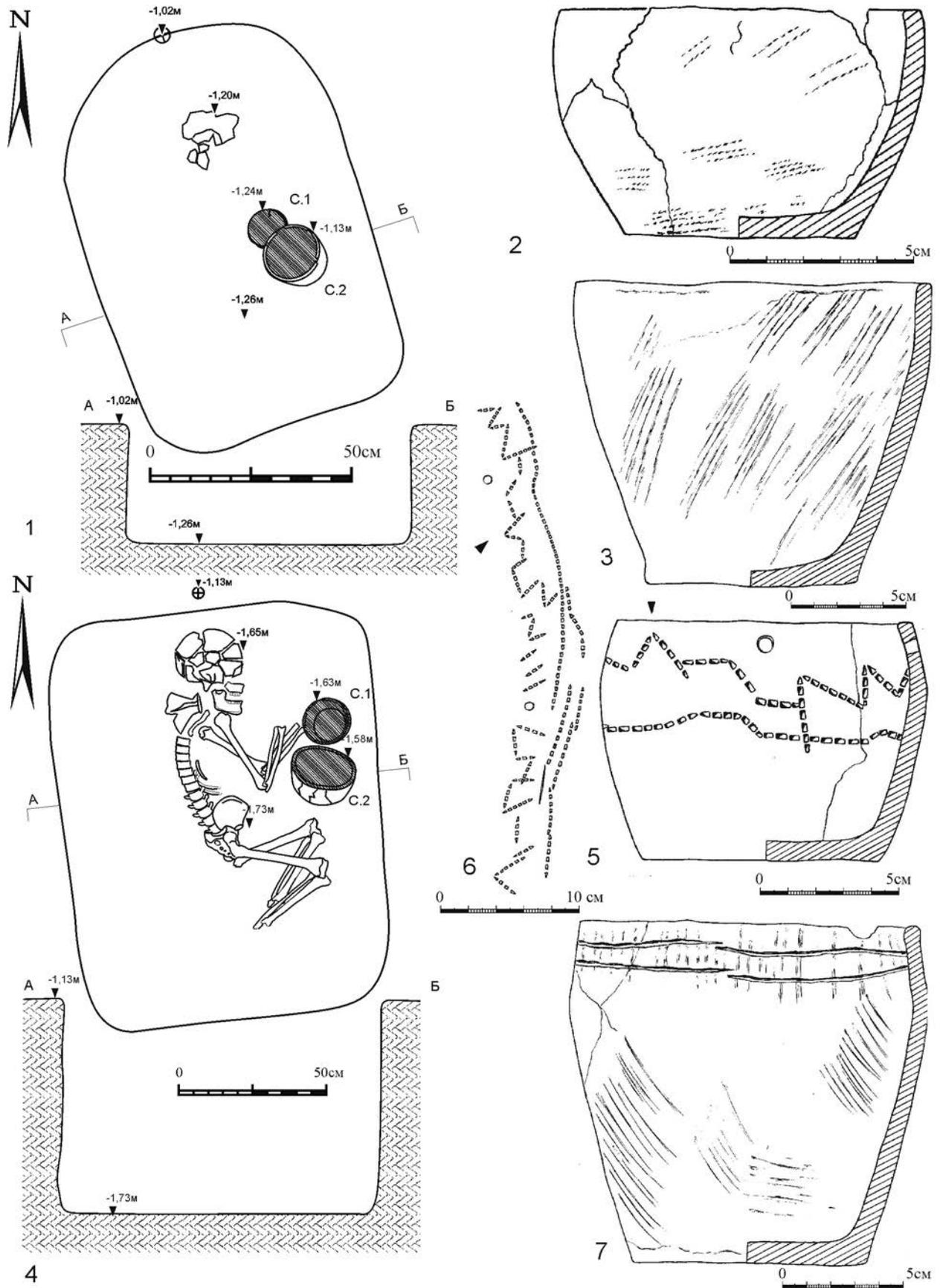

Рис. 6. Тайдаково I курганный могильник. Курган 2.

1 – план погребения 3; 2 – сосуд № 1 погребения 3; 3 – сосуд № 2 погребения 3; 4 – план погребения 4; 5, 6 – сосуд № 1 погребения 4; 7 – сосуд № 2 погребения 4.

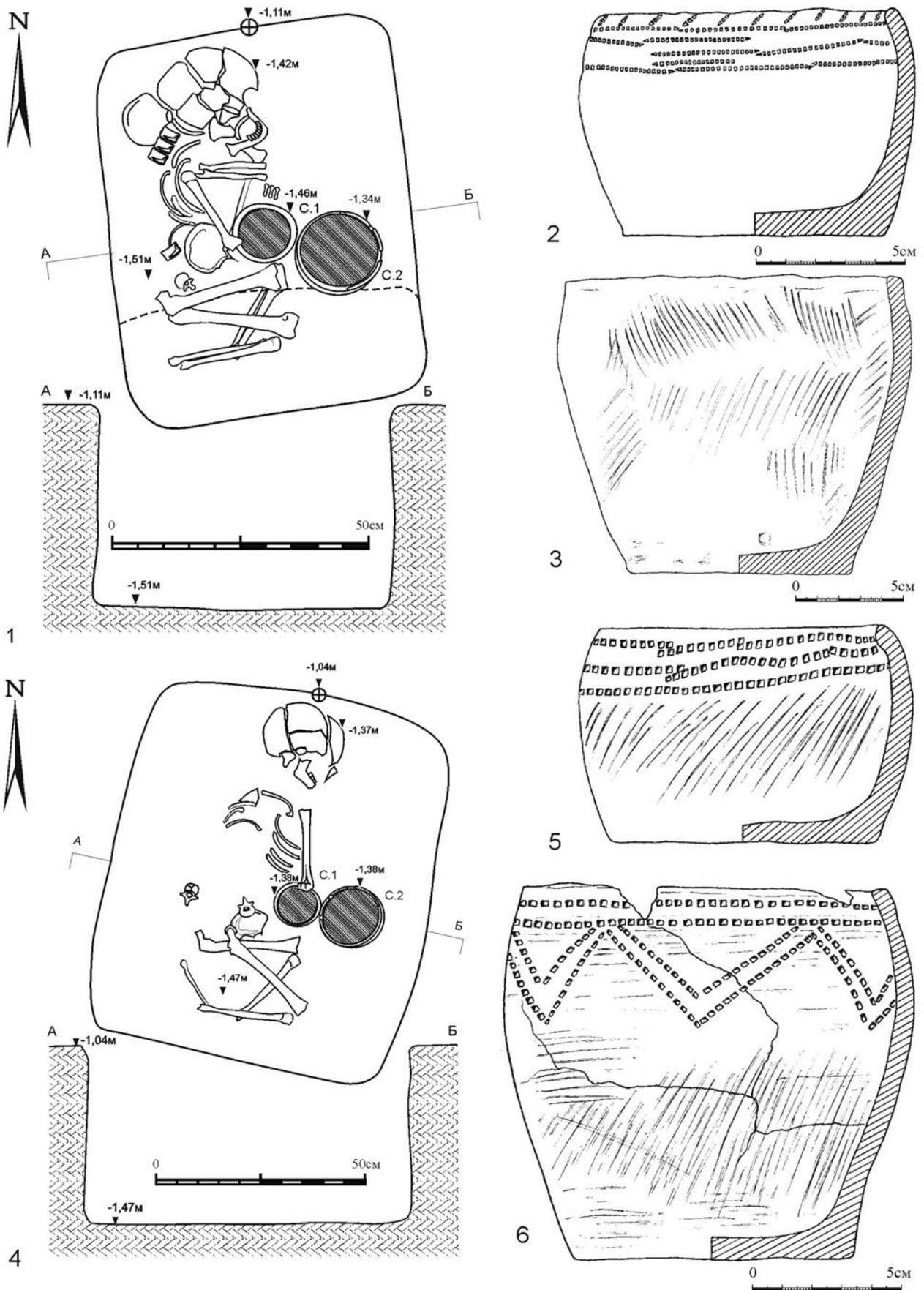

Рис. 7. Тайдаково I курганный могильник. Курган 2.

1 – план погребения 5; 2 – сосуд № 1 погребения 5; 3 – сосуд № 2 погребения 5; 4 – план погребения 6; 5 – сосуд № 1 погребения 6; 6 – сосуд № 2 погребения 6.

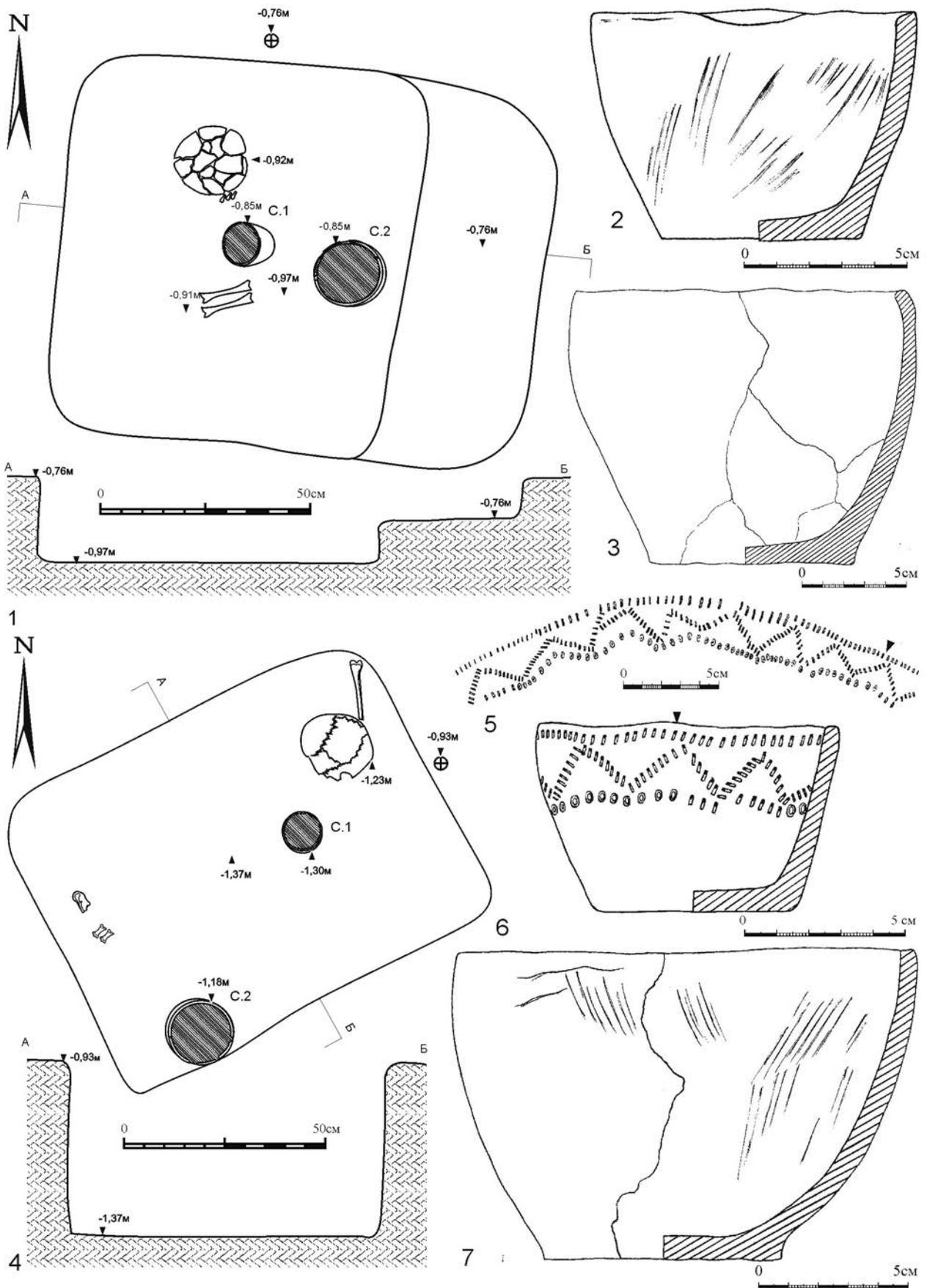

Рис. 8. Тайдаково I курганный могильник. Курган 2.

1 – план погребения 7; 2 – сосуд № 1 погребения 7; 3 – сосуд № 2 погребения 7; 4 – план погребения 8; 5, 6 – сосуд № 1 погребения 8; 7 – сосуд № 2 погребения 8.

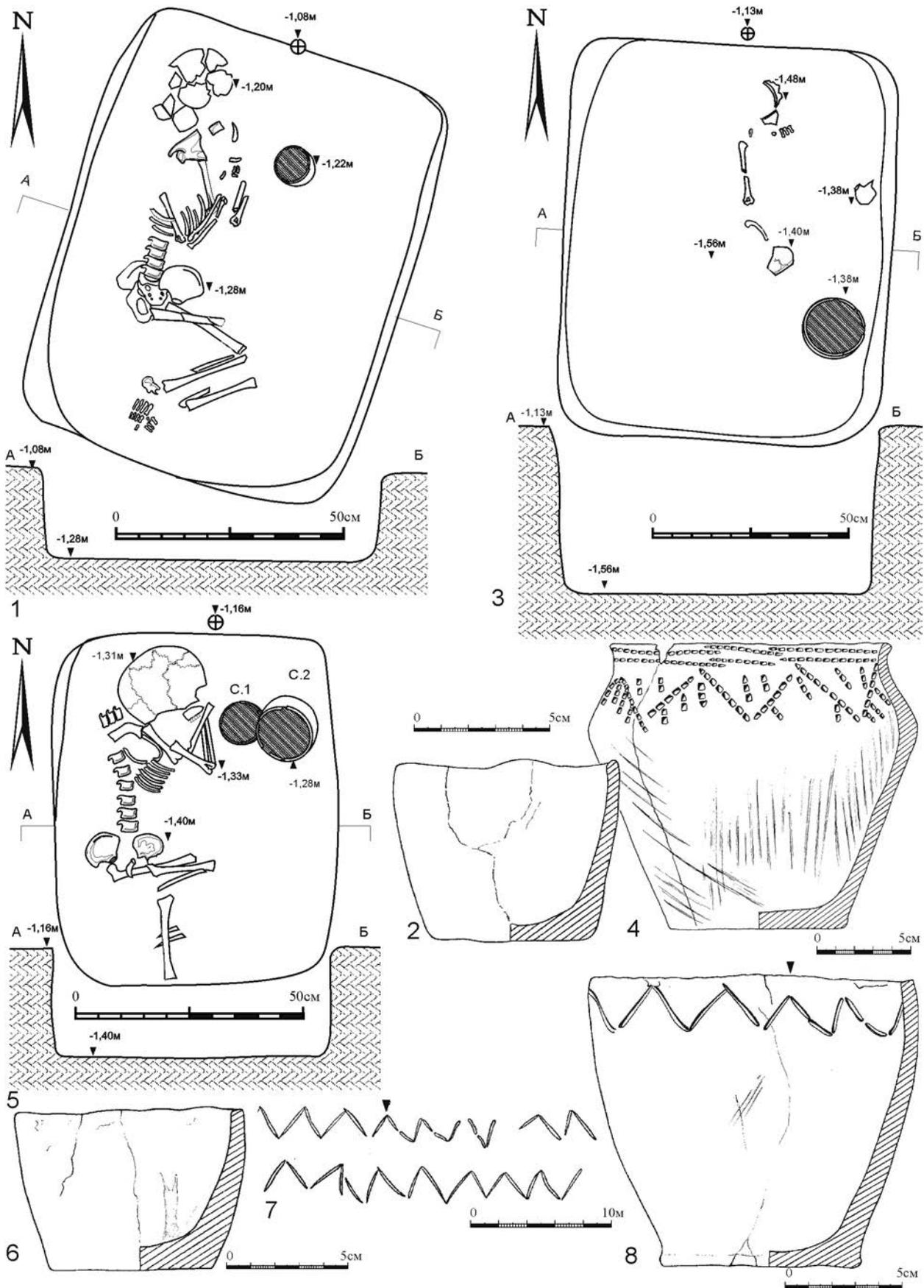

Рис. 9. Тайдаково I курганный могильник. Курган 2.

1 – план погребения 9; 2 – сосуд погребения 9; 3 – план погребения 10; 4 – сосуд погребения 10; 5 – план погребения 11; 6 – сосуд № 1 погребения 11; 7, 8 – сосуд № 2 погребения 11.

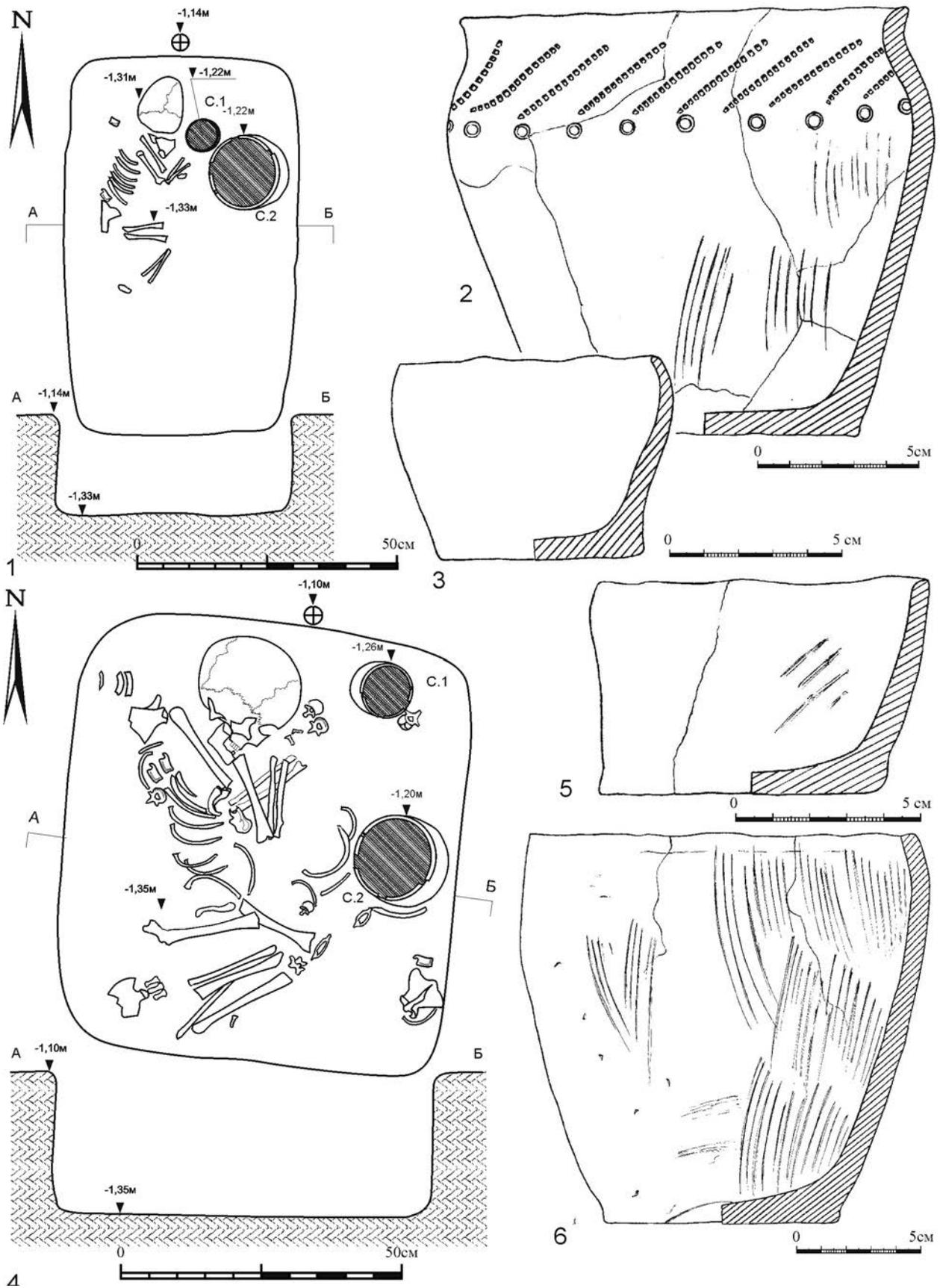

Рис. 10. Тайдаково I курганный могильник. Курган 2.

1 – план погребения 12; 2 – сосуд № 2 погребения 12; 3 – сосуд № 1 погребения 12; 4 – план погребения 13; 5 – сосуд № 1 погребения 13; 6 – сосуд № 2 погребения 13.

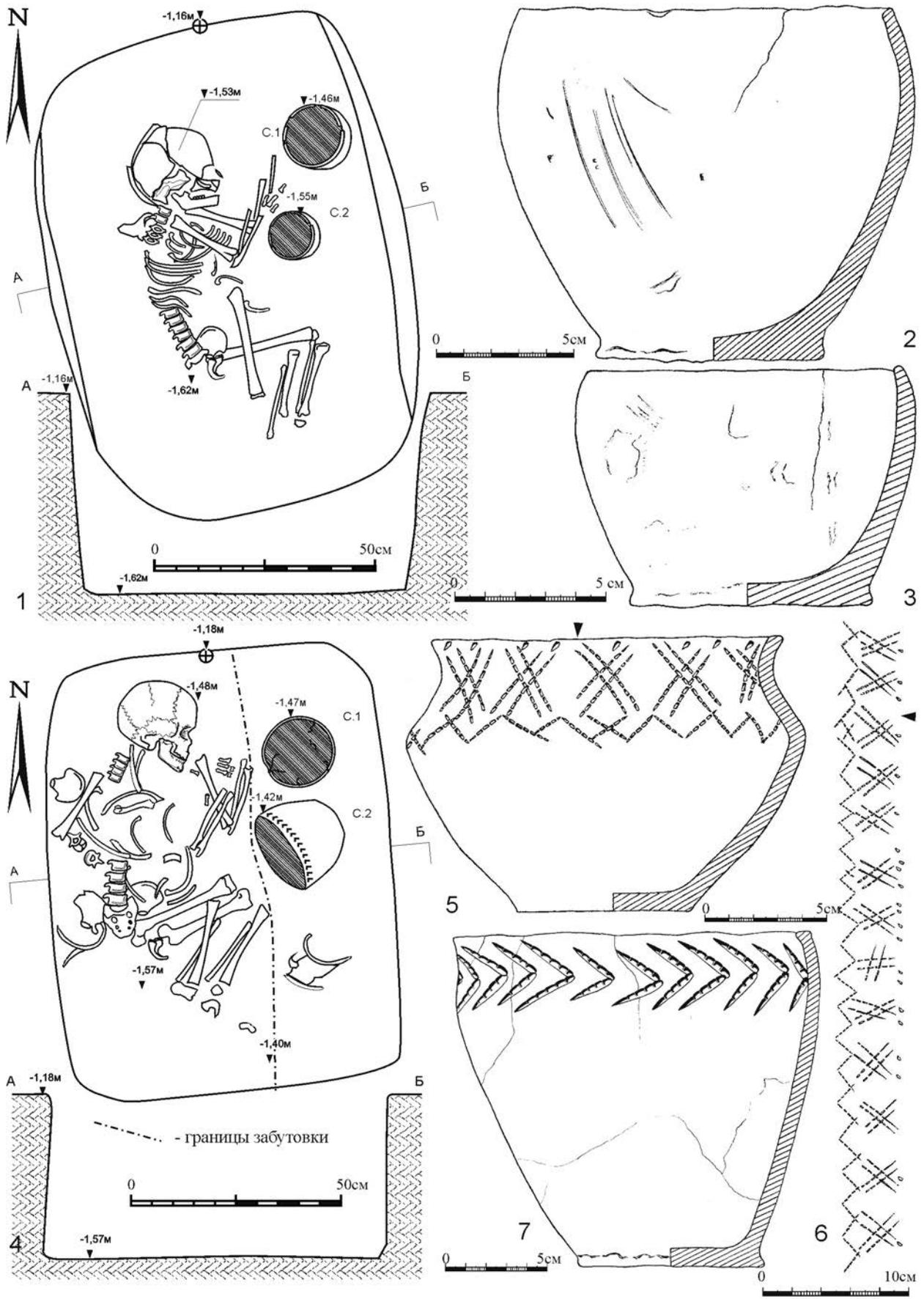

Рис. 11. Тайдаково I курганный могильник. Курган 2.

1 – план погребения 14; 2 – сосуд № 1 погребения 14; 3 – сосуд № 2 погребения 14; 4 – план погребения 15; 5, 6 – сосуд № 1 погребения 15; 7 – сосуд № 2 погребения 15.

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ТРОИЦКОЕ II

© 2023 О.В. Кузьмина, А.А. Ластовский

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов эпохи бронзы поселения Троицкое II. Памятник расположен в Безенчукском районе Самарской области. Раскопки имели охранной характер и проводились в зоне реконструкции действующего газопровода. Раскопом вскрыта площадь 91 кв. м. Исследована площадка хозяйственного назначения со скоплениями керамики, развалами сосудов и костями животных. Здесь же располагались 4 хозяйственные ямы. Интересной находкой являются глиняные лепешки. Одна из них орнаментирована. Есть мнение, что такие глиняные лепешки представляют собой ритуальные «хлебцы», а орнамент на них символизирует запеченные в них зерна. По другой версии дисковидные изделия с отверстием в центре являются моделью колеса. Памятник относится к срубной культуре и датируется 1 половиной II тыс. до н.э.

Ключевые слова: поселение, бронзовый век, керамика, глиняные лепешки.

THE BRONZE AGE OF THE TROITSKOYE II SETTLEMENT

© 2023 O.V. Kuzmina, A.A. Lastovskiy

Abstract. The article is devoted to the publication of materials from the Bronze Age of the Troitskoye II settlement. The monument is located in the Bezenchuksky district of the Samara region. The excavations were of a protective nature and were carried out in the zone of reconstruction of the gas pipeline. Opened area of 91 sq.m. A site for household purposes with accumulations of ceramics, collapsed vessels, and animal bones was explored. There were also 4 utility pits. Clay discs are an interesting find. One of them is decorated. There is an opinion that they are ritual «bread», and the ornament on them symbolizes baked grains. According to another version, disc-shaped products with a hole in the center are a wheel model. The monument belongs to the Srubnaya culture and dates back to the 1st half of the 2nd millennium BC.

Keywords: settlement, Bronze Age, ceramics, clay discs.

Публикуемый в настоящей статье памятник – Троицкое II – был обнаружен разведочным отрядом археологической экспедиции Самарского государственного педагогического института (СамГПИ) во время обследования трассы действующего газопровода в границах Безенчукского района Самарской области (рис. 1, 1). Работы проводились в связи с запланированной реконструкцией газопровода. В 1992 году при осмотре поверхности мыса в обрыве берега реки были найдены отдельные фрагменты керамики и кости животных, что определенным образом указывало на наличие здесь археологического памятника. С целью уточнения его характеристики на краю обрыва был заложен шурф размерами 1×1 м, выявивший два культурных горизонта. Наиболее древний из них содержал кремневые изделия: отщепы, осколки кремня, пластины. Второй, выше лежавший горизонт, содержал фрагменты керамики срубной культуры.

Летом 1994 года экспедицией СамГПИ были проведены охранные раскопки в зоне реконструкции данного газопровода. Целью работ было создание «коридора» в месте укладки трубы большего диаметра, проходящего по территории древних памятников.

На территории памятника были заложены два раскопа (рис. 1, 2). Раскоп 1 дал находки каменного века. Он получил название «стоянка каменного века Троицкое I». Раскоп 2 дал находки эпохи бронзы и, в

меньшей степени, находки каменного века. Он получил название «поселение эпохи бронзы Троицкое II».

Результаты исследования стоянки каменного века Троицкое I и материалы каменного века из поселения эпохи бронзы Троицкое II опубликованы (Ластовский, 2008. С. 26–39).

Результатам исследования поселения эпохи бронзы Троицкое II посвящена данная статья.

Топография памятника

Поселение Троицкое II находится на левом берегу реки Чапаевки между селами Троицкое и Прибой в Безенчукском районе Самарской области. Основными ориентирами для памятника служат: село Прибой – в 600 м к западу от памятника; линия электропередачи – в 300 м к югу; водозаборное устройство для орошения близлежащих полей – в 700 м выше по течению реки.

Река Чапаевка в месте расположения памятника имеет почти прямое русло шириной 40–60 м и течет с юго-востока на северо-запад. Ручей впадает в реку перпендикулярно ее течению. Примерно в 800 м к юго-востоку, выше по течению, река делает крутой поворот под углом 90° и образует обширный меандр, глубоко врезаюсь в террасу.

Долина реки Чапаевки на данном отрезке узкая, каньонообразная. Ее течение в настоящее время подпружено водами Саратовского водохранилища, что,

возможно, приостановило размыв берега с расположенными на нем памятниками.

Неширокая пойма, шириной до 60 м, тянется вдоль правого берега реки и резко переходит в коренную террасу, высота которой от пойменного шва до верхнего уступа составляет около 40 м и далее полого повышается до 50–60 м на водоразделе (в Балтийской системе высот).

Пойма с ее характерными диагностирующими признаками вдоль левого берега не сформирована, и памятник залегает на уровне I террасы или высокой незатопляемой поймы, на относительно ровной площадке, обрывающейся к воде. Терраса очень полого повышается к югу.

Некоторые детали рельефа мыса с расположенным на нем памятником и прилегающей площади террасы допускают возможность ее формирования относительно недавно, что опять-таки позволяет рассматривать данный уровень как высокую пойму. Несомненно, что современный мыс какое-то время назад являлся участком поймы, о чем говорит ныне заполненная отложениями древняя протока. Ее положение устанавливается по слабо различимой впадине к югу от мыса и кромке крутого берега. Впадина расположена под небольшим углом, почти параллельно современному руслу реки Чапаевки. Продолжение впадины фиксируется и на противоположном берегу ручья. Очевидно, в данном случае, мы имеем дело с одной из древних протоков основного русла реки Чапаевки.

Площадка, на которой расположено поселение, в настоящее время хорошо задернована. Следы от прокладки ныне действующего газопровода, построенного более полувека назад, выражены в виде двух заплывших широких бульдозерных траншей, связанных с укладкой трубы и устройством спуска газопровода к реке. Строительные отвалы также задернованы, но заметны по краю надпойменной террасы в виде небольших возвышенностей, высотой от 50 до 100 см.

По сведениям местных старожилов в двадцатых годах XX столетия на мысу был расположен хутор с несколькими постройками. Впадины от построек этого хутора расположены на мысу вдоль балки и течения ручья. Их котлованы, заплывшие и заросшие сорной растительностью, различимы с напольной стороны памятника и фиксируются как впадины диаметром 5–6, 7–8 м и глубиной до 0,5 м.

Раскоп 2 заложен у края обрыва и выемки, образованной при укладке трубы газопровода в шестидесятые годы. На современной поверхности в месте расположения раскопа отсутствуют какие-либо следы почвенных нарушений. Площадь раскопа составила 91 кв. м. Для фиксации находок на плане квадраты 2×2 м были разделены на 4 части, обозначенные буквами «А», «Б», «В», «Г» (рис. 2а-2б).

Стратиграфия

1. Дерн мощностью до 10 см (рис. 3).
2. Делювиальный суглинок, глыбоватый, темно-серый, плотный и сухой, с небольшим содержанием песка, мощностью 10–20 см. Прослежен на всей площади раскопа.

3. Комковатый, светло-серый, со слабо заметными белесыми карбонатными включениями опесчаненый суглинок, мощностью 20–25 см. Почва прослежена на периферийных участках раскопа, дальних от обрыва.

4. Слой суглинка комковатый, рыхлый, темно-бежевого цвета, мощностью 10–30 см. Этот слой распространяется только в квадратах, примыкающих к обрыву. Подошва и кровля слоя имеют четкий контакт с верхним и нижним горизонтами. Местами, в пределах фиксации, этот слой распадается на отдельные пятна или линзы.

5. Слой светло-серого (гумусированного) супесчаного суглинка, плотного, окаربончатого по корням и трещинам. Толщина слоя 15–35 см. Данный слой фиксируется только под вышележащим слоем 4 и по площади распространения ненамного превосходит его. Хорошо прослеживается контакт со слоем 3, залегающим на такой же глубине по краю раскопа.

6. Материк – оранжевый или ярко-оранжевый суглинок с небольшим количеством нор.

На квадратах, примыкающих к обрыву, перечисленные выше слои залегают наклонно, в смещенном состоянии, что, возможно, отражает начальную стадию оползневых явлений.

Находки, встреченные в раскопе 2, представляют собой развалы сосудов эпохи бронзы, фрагменты керамики и костей животных, а также отдельные кремневые предметы. По глубине нахождения находки были спроецированы на соответствующий профиль, что показало их связь, прежде всего, со слоем 4. В меньшей степени находки связаны со слоем 5, и крайне редко встречаются в остальных горизонтах стратиграфической колонки. Планиграфически скопление находок занимает такую же площадь, как и указанные выше слои.

В раскопе обнаружено несколько развалов сосудов: развал сосуда 1 (рис. 9, 1; 13, 8) зафиксирован в кв. 1 б на глубине +2 и кв. 2 а на глубине +2 см от 0; развал сосуда 2а (рис. 9, 2) находился в кв. 1 в на гл. -10 от 0; развал сосуда 2 б (рис. 8, 1) находился в кв. 1 в на глубине -14 см от 0; развал сосуда 3 (рис. 13, 5) находился в квадрате 1 г на глубине -1 см от 0; развал сосуда 4 (рис. 5, 1) находился в кв. 2 в на глубине +8 см от 0.

Кроме того, на исследованной части поселения исследованы 4 сооружения, которые в древности являлись ямами хозяйственного назначения.

Таким образом, слой 4, с содержащимися там остатками культурного слоя, как представляется, был сформирован в результате активной хозяйственной деятельности древнего населения и может быть интер-

претирован, как площадка хозяйственного назначения. Интенсивная жизнедеятельность в пределах жилой площадки привела к формированию на ее месте относительно мощного и специфически окрашенного почвенного горизонта, выраженного, прежде всего, как участок культурного слоя, насыщенного гумином. Стратиграфическая позиция развалов сосудов и скоплений керамики и костей, не подвергшихся разрушению и растаскиванию, наличие объектов хозяйственно-бытового назначения подтверждают это предположение. Исследована только часть этой площадки, так как другая ее часть была разрушена траншеей газопровода.

Описание сооружений

Сооружение № 1 (рис. 4, 1) обнаружено в квадрате 8 на глубине -21 см от 0. Оно имело вид ямы, в плане правильной округлой формы. Стенки ямы вертикальные, дно ровное. Диаметр ямы по верху около 90 см, дно находится на глубине -47 см от 0. Следовательно, зафиксированная глубина ямы составляет 26 см. Яма была заполнена темно-серым гумусированным суглинком. Находки в яме отсутствуют.

Сооружение № 2 (рис. 4, 2) выявлено на стыке квадратов 3 и 4, на глубине -25 см от 0. Сооружение имело вид округлой в плане ямы, с сужающимися ко дну стенками и округлым дном. Яма заполнена темно-серым гумусированным суглинком. Диаметр ямы на уровне фиксации около 60 см, зафиксированная глубина 18 см. В яме, вплотную друг к другу, лежало несколько костей – челюсти и кости ног животного. Кости, предположительно, принадлежат свинье или овце.

Сооружение № 3 (рис. 4, 3) обнаружено на стыке квадратов 5 и 6, на глубине -29 см от 0. Оно имело вид ямы, в плане правильной округлой формы. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Диаметр ямы 80 см, глубина дна -43 см от 0. Зафиксированная глубина ямы 14 см. Яма была заполнена темно-серым гумусированным суглинком. В ней найдены мелкие фрагменты керамики эпохи бронзы и фрагменты костей животных.

Сооружение № 4 (рис. 4, 5) обнаружено на границе квадратов 17 и 18, примыкающих к траншее газопровода. Сооружение зафиксировано с подернового уровня в виде ямы аморфных очертаний, с сужающимися пологими стенками и неровным дном. Заполнением ямы являлся темно-серый глыбоватый делювиальный суглинок, в котором присутствует примесь материкового суглинка. Размеры сооружения по верху около 210×70 см. В заполнении находок не обнаружено. Данное сооружение допустимо связывать с историческим временем, возможно, с устройством существующего газотрубопровода.

Сооружение № 5 (рис. 4, 4) обнаружено на стыке квадратов 6, 7, 10, 11, на глубине -5 см от 0. Яма имела овальную в плане и корытообразную в профиле форму с округлым дном. Размеры ямы на уровне

фиксации 44×55 см. Яма была заполнена темно-серым суглинком. В заполнении ямы находок нет.

Таким образом, конструкция сооружений № 1 и № 3, а также сооружений № 2 и № 5 близки между собой. В целом, ямы расположены, как бы по углам большого прямоугольника, в котором сооружения № 1 и № 3 находятся на одной линии, на расстоянии 4 м друг от друга. Сооружения № 2 и № 5 также расположены на одной линии и расстояние между ними примерно 3 м.

Судя по тому, что сооружения № 1–3 и № 5 сделаны с уровня древней поверхности и в сооружениях № 2 и № 3 обнаружены находки фрагментов керамики и костей животных, время их создания можно отнести к эпохе бронзы. По всей видимости, они служили хозяйственными ямами.

Описание керамической коллекции

В керамическую коллекцию поселения Троицкое II входит около 300 фрагментов керамики, на основе которых выделяется 44 сосуда. Вся керамика имеет пятнистый цвет – от светло-коричневого до темно-коричневого и черного цвета. В изломе керамика черного цвета. На внутренней (придонной) части некоторых сосудов видны черные следы нагара. В глиняном тесте примесь мелкого шамота. Керамика представлена баночными и горшковидными формами.

Горшки (19 сосудов) – это сосуды с отогнутым венчиком и выпуклым туловом. По степени профилированности выделяются остросреберные горшки, горшки с внутренним ребром на венчике, горшки плавной профилировки, слабопрофилированные горшки.

Остросреберный горшок (рис. 5, 1) – это сосуд с коротким, отогнутым венчиком и ребром на середине высоты сосуда. Днище его не сохранилось. Поверхность горшка хорошо заглажена и орнаментирована от края венчика до ребра и ниже него. Орнамент нанесен штампом с 15-ю мелкими квадратными зубцами. Отпечаток штампа глубокий, длинный. Орнамент нанесен небрежно, но композиция его ясна.

Шейку сосуда украшает однорядный зигзаг, отрезки которого не соединены друг с другом. Верхние и нижние углы зигзага заштрихованы горизонтальными отпечатками штампа. Такая штриховка образует мотив из вписанных треугольников, верхний ряд которых обращен вершинами вниз, а нижний – вершинами вверх.

По ребру сосуда нанесен поясok из двух горизонтальных линий, пространство между которыми заштриховано наклонными линиями. Ниже ребра сосуда от пояса вершинами вниз спускаются треугольники с наклонной штриховкой.

Горшки с ребром на внутренней стороне венчика – это сосуды со слабо профилированным, почти прямым венчиком, но с внутренней стороны сосуда венчик переходит в тулово под небольшим углом. Такая профилировка указывает на покровские традиции в формировании керамики срубной культуры. Все эти сосуды

орнаментированы. Орнамент состоит из ряда наклонных отпечатков гладкого штампа или щепы в верхней части сосуда (рис. 6, 1), а у двух из них еще и из ряда таких же отпечатков по тулову (рис. 6, 4–5). Один сосуд орнаментирован рядом подтреугольных вдавлений под краем венчика (рис. 8, 7).

Горшки плавной профилировки – это сосуды с отогнутым венчиком и выпуклым туловом. Ряд сосудов имеет примятые внутренние закраины на венчике. Все сосуды орнаментированы. Орнаментом является гладкий штамп или щепка. Орнамент состоит из косой сетки (рис. 7, 1); ряда коротких отпечатков под краем венчика, а ниже ряда заштрихованных треугольников вершиной вверх (рис. 7, 2); из однорядного зигзага, дополненного рядами больших круглых ямок (рис. 8, 4); из ряда горизонтальной елочки (рис. 8, 5); из двух рядов крупных вертикальных овальных вдавлений (рис. 7, 3).

Один горшковидный сосуд (рис. 8, 3) орнаментирован однорядным зигзагом, нанесенным крупнозубчатым штампом. Этим же штампом обработана поверхность сосуда до нанесения орнамента. Следы зачистки поверхности зубчатым штампом не затерты, что указывает на покровские традиции в изготовлении керамики.

Слабопрофилированные сосуды – это сосуды с едва отогнутым венчиком и почти прямым туловом. Два сосуда не орнаментированы (рис. 6, 2–3). На их внешней поверхности видны вертикальные следы зачистки зубчатым штампом. Такая технология обработки поверхности сосуда, как уже отмечалось, указывает на предшествующие покровские традиции в изготовлении керамики. Один сосуд орнаментирован рядом коротких насечек по срезу венчика, рядом «гусеничек» по внешней стороне венчика, ниже которого расположен ряд овальных ямок (рис. 8, 6).

Баночные сосуды (25 экз.) по профилировке делятся на две группы – банки с прикрытым устьем и банки с прямым венчиком.

Банки с прикрытым устьем – это сосуды с загнутым внутрь венчиком, образующим прикрытое устье, и выпуклым туловом. Диаметр венчика у таких сосудов меньше диаметра тулова. У ряда сосудов венчик утолщен дополнительным налепом глины. Лишь к краю венчика толщина его уменьшается. При уплощении среза венчика у некоторых сосудов образовались внутренние или внешние закраины. Под краем венчика видны следы пальцев, уплотнявших глину, следы палочки или штампа.

Два баночных сосуда орнаментированы рядом ямок – овальной формы на одном сосуде (рис. 9, 1) и подтреугольной формы – на другом (рис. 11, 3). Один баночный сосуд (рис. 9, 3) орнаментирован рядом больших заштрихованных треугольников вершиной вниз, нанесенных щепой.

Сосуд (рис. 9, 2) интересен тем, что вся его внешняя поверхность покрыта неупорядоченными отчетливыми

узкими следами, оставшимися от обработки поверхности. Под краем венчика этого сосуда видны группы тонких ногтевых вдавлений.

Сосуд (рис. 12, 1) не орнаментирован, но на внешней его поверхности, в нижней половине, видны вертикальные следы обработки поверхности. На внутренней поверхности такие следы имеют горизонтальное направление. Как уже отмечалось, такая технология обработки поверхности была характерна для покровского керамического производства.

Банки с прямым верхом – это сосуды с прямым венчиком и не выпуклым туловом. Фактически, диаметр венчика и тулова таких сосудов равны. Стенки имеют одинаковую толщину по всей высоте сосуда.

Орнамент банок очень прост (рис. 10; 11, 1, 5). Это один, реже два ряда вертикальных коротких насечек в верхней части сосуда. В ряде случаев насечки нанесены палочкой с острым концом. У одного сосуда два ряда вертикальных коротких насечек разделены прочерченной горизонтальной линией (рис. 11, 4). Орнамент другого сосуда состоит из больших округлых вмятин под краем венчика (рис. 11, 2). Следы обработки поверхности у одного сосуда видны на внешней поверхности (следы наклонные), а у другого – на внутренней (следы горизонтальные). У последнего сосуда есть также сквозная дырочка на тулове.

Неорнаментированные банки (рис. 12, 2–10) с прямым верхом в единичных случаях имеют следы обработки внешней или внутренней поверхности (рис. 12, 3, 9).

Днища сосудов плоские, лишь два из них – уплощенные. В коллекции представлены два способа формовки дна сосуда.

При одном способе (рис. 13, 1–4) дно формовалось в виде лепешки и прикреплялось к готовому тулову сосуда, в результате чего при переходе стенок ко дну с внешней стороны сосуда образовывались закраины. Затем на внутреннюю часть дна накладывалась еще одна глиняная лепешка для того, чтобы заровнять переход ото дна к стенкам внутри сосуда и сделать его плавным. Обе глиняные лепешки дна примерно равны по толщине. Дно всегда толще стенок. Дно внутри сосуда в ряде случаев неровное, имеет следы уплотнения, вмятины. У других сосудов дно выровнено и не имеет следов подправки или есть следы от круговой штриховой зачистки, как и на стенках сосудов. При такой формовке лепешка дна сосуда часто отслаивается и расслаивается.

При другом способе формовки нижняя часть тулова сосуда вытягивалась из глиняной лепешки дна (рис. 13, 6–7, 9–10). При этом образовывался плавный переход ото дна к стенкам сосуда. Закраины у дна таких сосудов отсутствуют. При этом способе лепки лучше сохраняется вся нижняя часть сосуда. Одно днище имеет не круглую, а овальную в плане форму.

Анализ керамической коллекции поселения Троицкое II дал следующие результаты.

Ряд сосудов демонстрирует сохранение покровских традиций в технологии изготовления срубной керамики. Это намеченное ребро на внутренней стороне венчика у ряда горшковидных сосудов; способ формовки сосуда, при котором нижняя часть тулова сосуда вытягивалась из глиняной лепешки дна; обработка внешней или/и внутренней поверхности сосуда зубчатым штампом. Следы обработки штампом отмечены в единичных случаях, но на сосудах всех форм – горшковидных, слабопрофилированных, баночных. На внешней поверхности эти следы имеют вертикальное, реже наклонное направление, а на внутренней – горизонтальное.

В целом же керамика обладает всеми признаками посуды срубной культуры. Это касается набора форм сосудов, в который входят банки, составляющие большинство в коллекции, горшки плавной профилировки и острореберный горшок; способа обработки поверхности, при которой следы этой обработки заглаживались/затирались; орнаментов – гладкий штамп, щепка, палочка. Орнамент прост и характерен для срубной культуры. Он состоит из зигзагов, рядов ямок или насечек и реже заштрихованных треугольников или сетки. Наиболее простой орнамент на баночных сосудах, а наиболее сложный – на острореберном горшке.

Индивидуальные находки

На исследованной части поселения найдены бронзовый сплесь, размерами 1,5×0,5 см, и два фрагмента глиняных «лепешек».

1. Глиняная лепешка круглая, орнаментированная (рис. 5, 2). От нее сохранился фрагмент, по которому восстанавливается ее примерный диаметр – 16 см. Лепешка имеет толщину 1,6 см. По ребру лепешки продавлен неглубокий желобок. Одна ее сторона орнаментирована короткими продолговатыми семечковидными вдавлениями, из которых составлена горизонтальная елочка в несколько рядов.

2. Глиняная лепешка круглая, не орнаментированная (рис. 5, 3). От нее сохранился фрагмент, судя по которому она имела небольшой бортик по краю одной из широких сторон. Трудно судить по такому небольшому фрагменту, но, возможно, она была больше по диаметру, чем орнаментированная лепешка, хотя толщина ее чуть меньше – 1,3 см.

По мнению А.Д. Пряхина, такие глиняные лепешки являлись ритуальными «хлебцами». В некоторых из них были обнаружены запеченные зерна злаков. Такие лепешки могли иметь отверстие в центре (Мосоловское поселение) или вдавление в центре (поселении Чижовка-4). Известны лепешки с отпечатками пальцев (Шиловское поселение) (Пряхин, 1971. С. 146; Пряхин, 1996. Рис. 68, 3–5).

Подобные находки есть и на других памятниках Среднего Дона. Так, на поселении Журавка 3 в построй-

ке 1 найдено глиняное толстое колесико с отверстием в центре, с обеих сторон орнаментированное рядами тонких коротких насечек (ногтевых вдавлений?) (Сурков, 2023. Рис. 33, 2), а в постройке 2 на этом же поселении – фрагмент колесика/круглой лепешки, орнаментированной по торцу рядом тонких коротких нарезок и овальными ямками в ряд по широкой поверхности (Сурков, 2023. Рис. 41, 4). На поселении Журавка 1 глиняные лепешки круглой, овальной и подпрямоугольной формы не имели орнамента (Сурков, 2023. Рис. 63, 5–8; 64, 1–2; 70, 1, 3–9).

В Среднем Поволжье на поселении Светлое Озеро найден фрагмент глиняного изделия с закругленным краем, с одной стороны которого есть неширокий бортик. Изделие орнаментировано беспорядочными узкими наколами концом острого предмета (Истомин, Кочкина, Салугина, Сташенков, 2017. Рис. 8, 18).

В Нижнем Поволжье на поселении Максютново обнаружено изделие, которое исследователи называют моделью колеса с прочерченными спицами (Памятники срубной культуры..., 1993. С. 70. Табл. 37, 23). Это глиняный диск с центральным отверстием, обе стороны которого имеют прочерченный узор, как в виде расходящихся от центра линий, так и линий, нанесенных по периметру диска, а также без видимого порядка.

На другом поселении в Нижнем Поволжье – Озименки I – обнаружены фрагменты глиняной лепешки, орнаментированной большими круглыми ямками в два ряда вдоль края и фрагмент неорнаментированного диска, с бортиком вдоль одной из широких сторон (Памятники срубной культуры..., 1993. Табл. 39, 15–16).

Таким образом, анализируемые изделия из глины, как правило, имеют округлую форму. Часто они представлены только фрагментами. В ряде случаев эти фрагменты довольно большие, и они позволяют судить о том, что целое изделие имело сквозное отверстие в центре или оно было намечено. Некоторые из этих изделий имеют бортик вдоль края. Орнамент есть далеко не на каждом из них. Если орнамент есть, то он располагается только на одной стороне или на обеих широких сторонах изделия, а в некоторых случаях и по торцу. В большинстве случаев орнамент состоит из ямок или наколов круглой, семечковидной или подтреугольной формы.

Функциональное назначение этих глиняных изделий определяется по-разному. Одни исследователи считают их ритуальными хлебцами, другие – моделью колеса. Возможно, в каждом конкретном случае эти определения верны, но, накопление материалов и специальное исследование этих предметов, по всей видимости, приведут к возникновению и других версий.

Остеологическая коллекция

На поселении Троицкое II собрана небольшая остеологическая коллекция, определение которой проведено Н.В. Росляковой. В коллекцию входят 200 фраг-

ментов костей животных. Планиграфия этих находок такова: наиболее насыщен костями квадрат 17 (37 экземпляров), в меньшей степени кости животных найдены в квадратах 1–2, 4, 5–6, 18, 25 (10–25 экз. в каждом квадрате). На остальной территории раскопа находки костей животных единичны (2–6 экз. в каждом квадрате). Кроме того, кости животных есть в сооружении 2, в сооружении 3 (6 фрагментов), в сооружении 5 (2 фрагмента), а также небольшие скопления костей животных были в неглубоких ямках в квадратах 3, 17 и 23.

Среди костей животных присутствуют кости крупного рогатого скота (*Bos taurus*) – 38 фрагментов; мелкого рогатого скота – овцы (*Ovis aries*) или козы (*Capra hircus*) – 7 фрагментов; лошади (*Equus caballus*)

– 1 фрагмент. Остальные кости происходят от крупных и средних копытных (44 и 12 фрагментов соответственно). Еще 23 мелких фрагмента принадлежат млекопитающим, ближе неопределимых. На костях есть следы погрызов собаками (на 5 экземплярах), следы огня (на 1 экз.) и следы дробления (на 22 экз.). Такие следы на костях позволяют рассматривать весь костный материал как кухонные остатки. Не противоречит этому выводу и достаточно высокая степень его раздробленности при удовлетворительной естественной сохранности.

Таким образом, исследования показывают, что поселение Троицкое II было оставлено в эпоху бронзы носителями срубной культуры. Памятник может быть датирован первой половиной II тыс. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Истомин К.Э., Кочкина А.Ф., Салугина Н.П., Сташенков Д.А. Археологические исследования селища Светлое Озеро в Нурлатском районе Республики Татарстан // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2017. Вып. 6. С. 502–525.

Ластовский А.А. Неолитическая стоянка Троицкое // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 26–39.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское

междуречье // САИ. Вып. В1-10. Саратов, 1993. 200 с.

Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971. 214 с.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая. Воронеж, 1996. 176 с.

Сурков А.В. Памятники поздней и финальной бронзы Среднего Дона (материалы исследований). Ростов-на-Дону, 2023. 140 с.

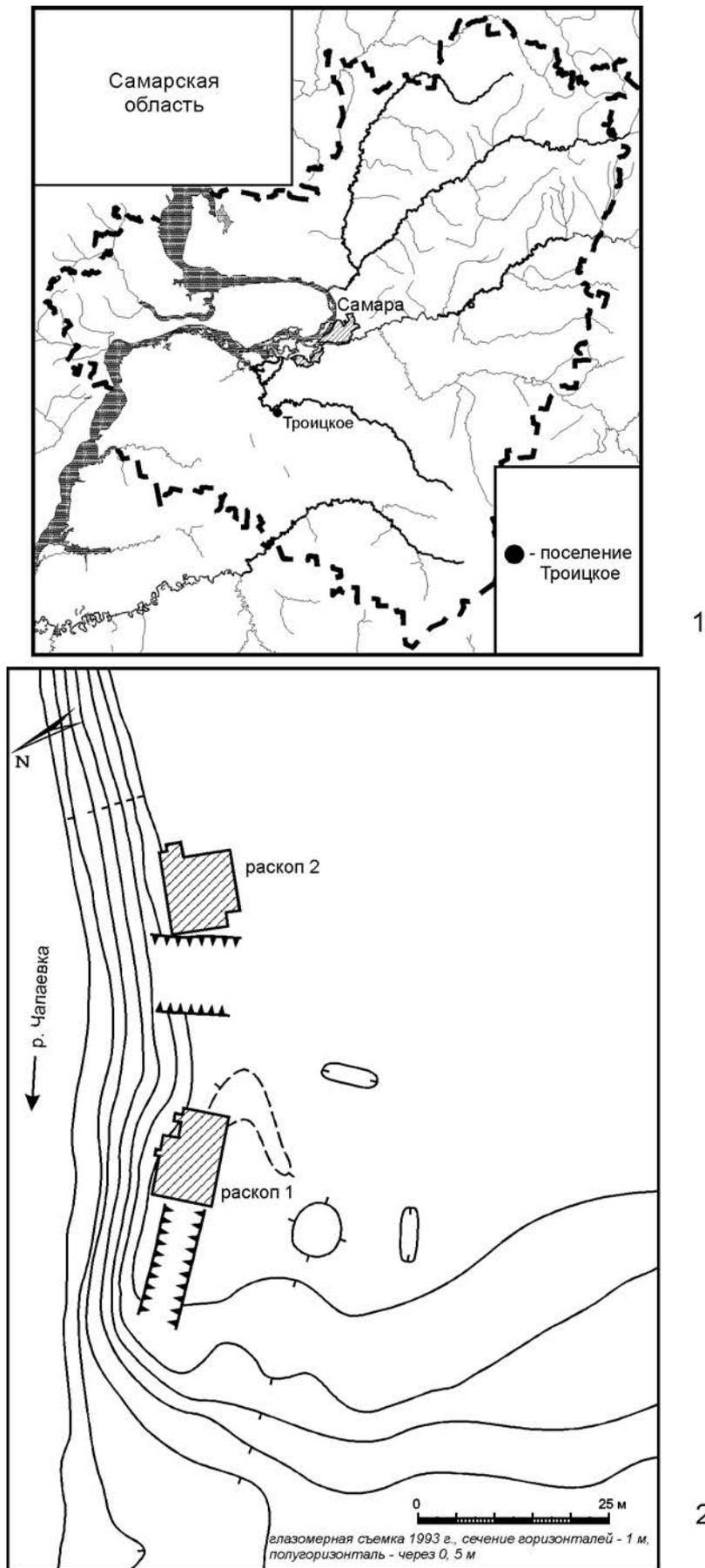

Рис. 1. Поселение Троицкое II.

1 – поселение Троицкое II на карте Самарской области; 2 – поселение Троицкое II (раскоп 2) на плане местности.

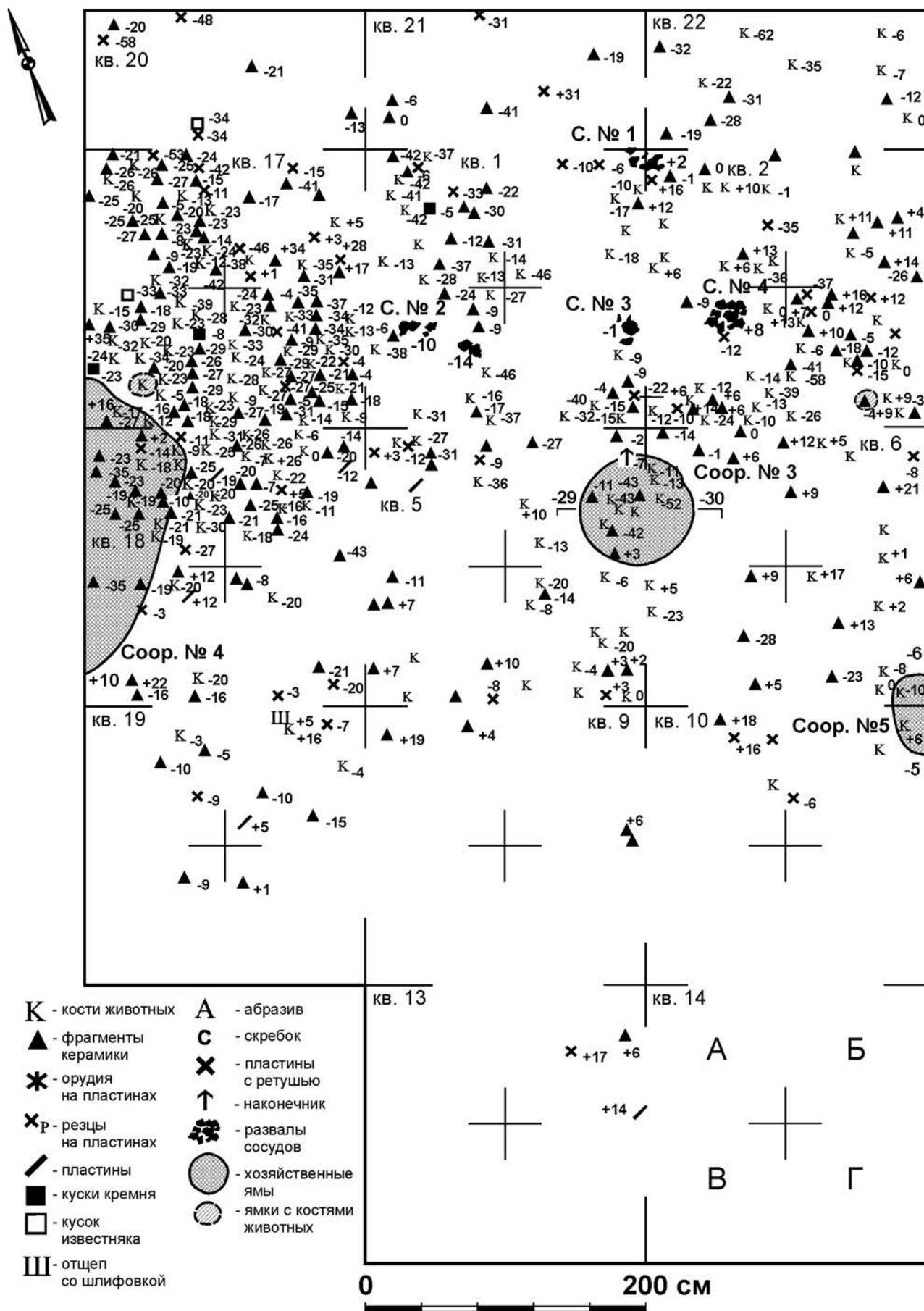

Рис. 2а. Поселение Троицкое II. План раскопа.

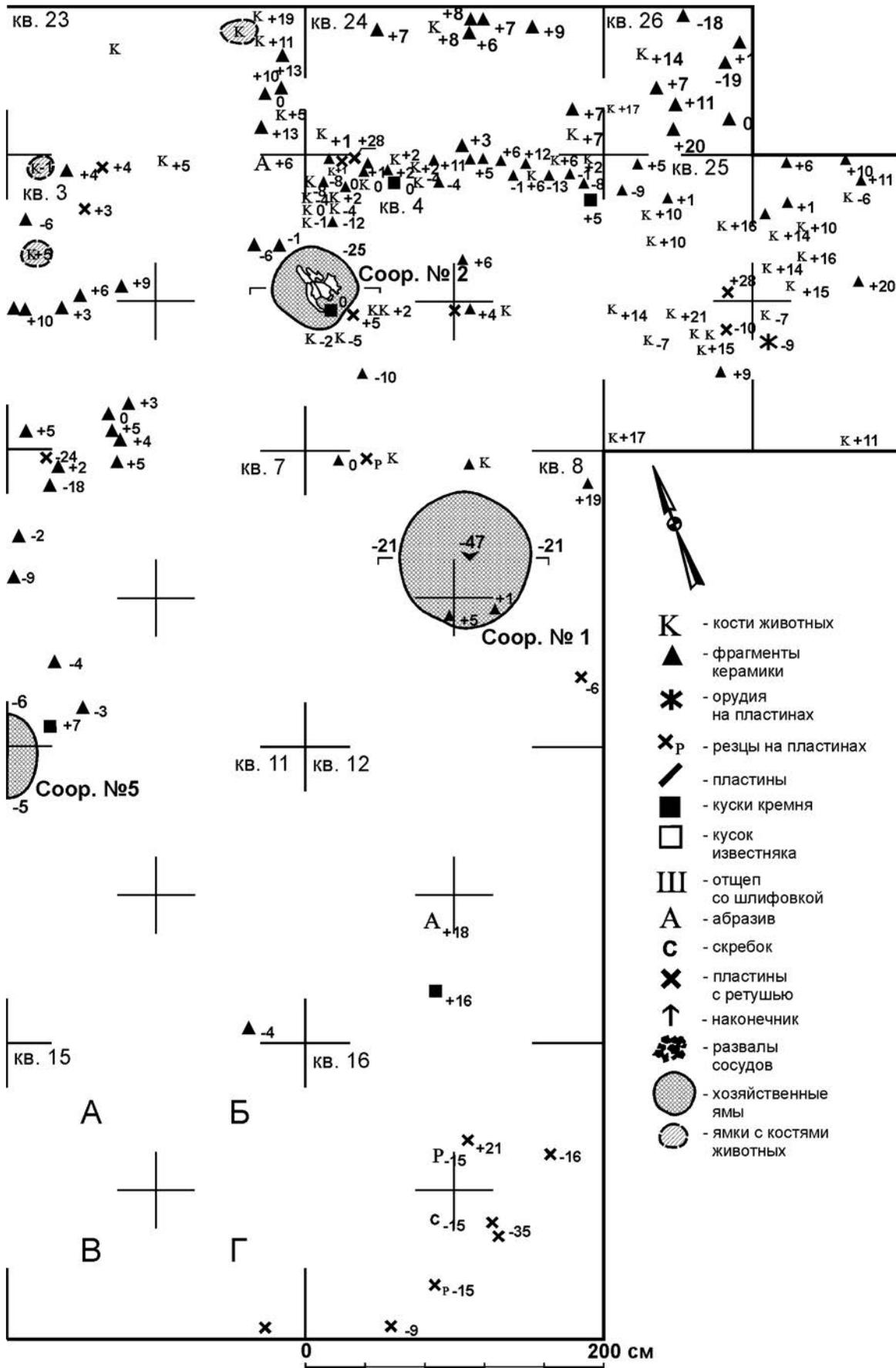
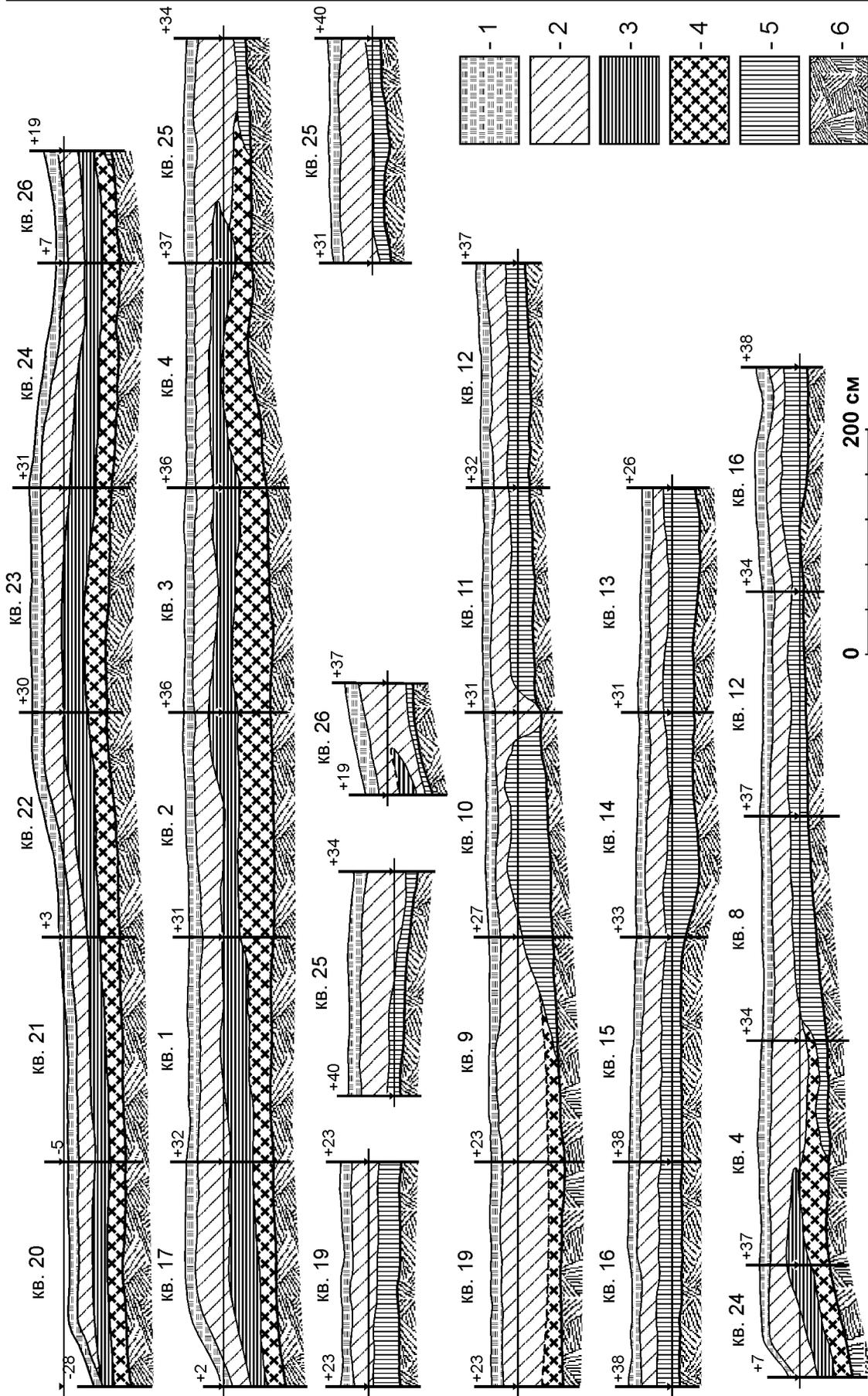

Рис. 26. Поселение Троицкое II. План раскопа. Продолжение.

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – глыбоватый темно-серый суглинок; 3 – рыхлый темно-бежевый суглинок; 4 – супесчаный суглинок с карбонатами; 5 – опесчаненный светло-серый суглинок; 6 – материковый суглинок.

Рис. 3. Поселение Троицкое II. Профили раскопа.

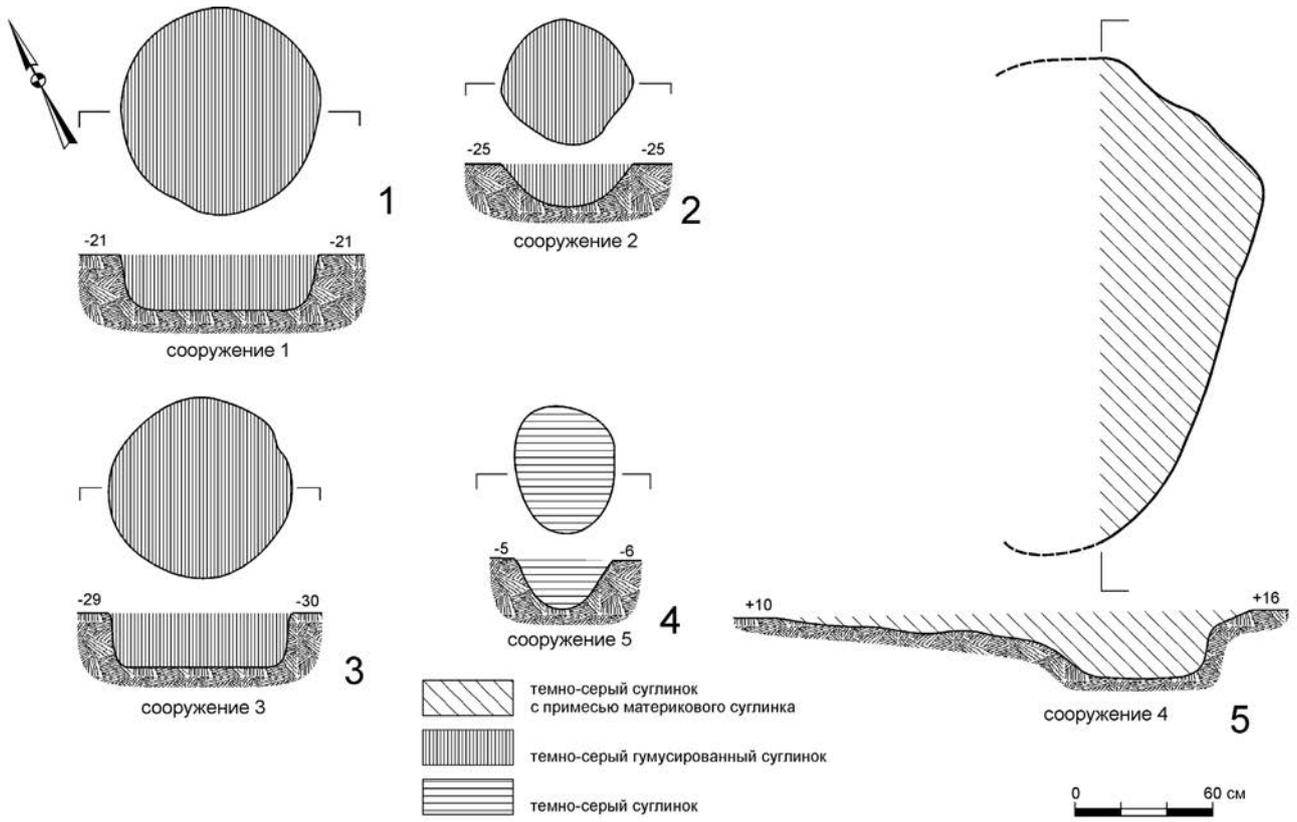

Рис. 4. Поселение Троицкое II. Планы и профили сооружений.

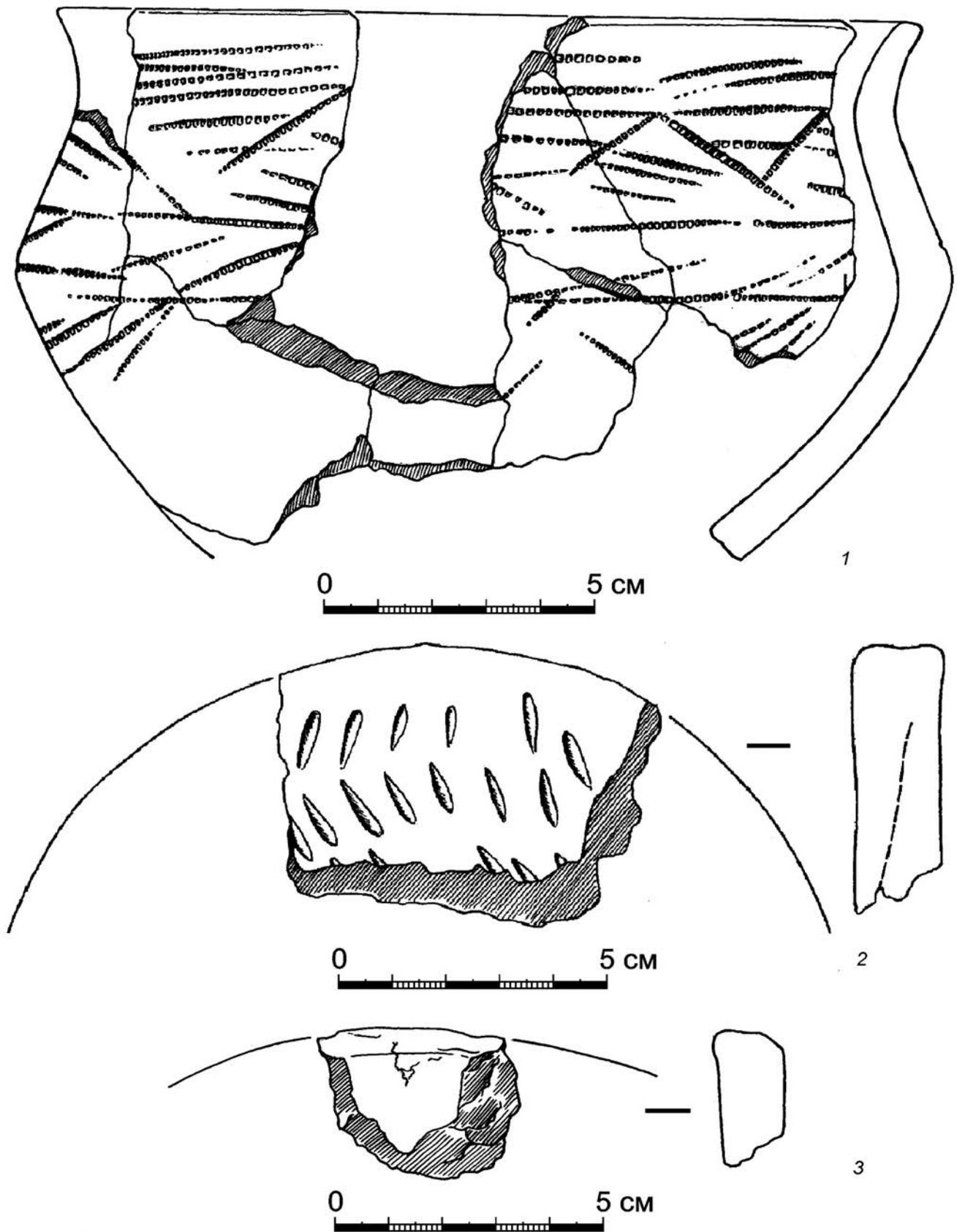

Рис. 5. Поселение Троицкое II. Острореберный горшок (1), глиняные лепешки (2–3).

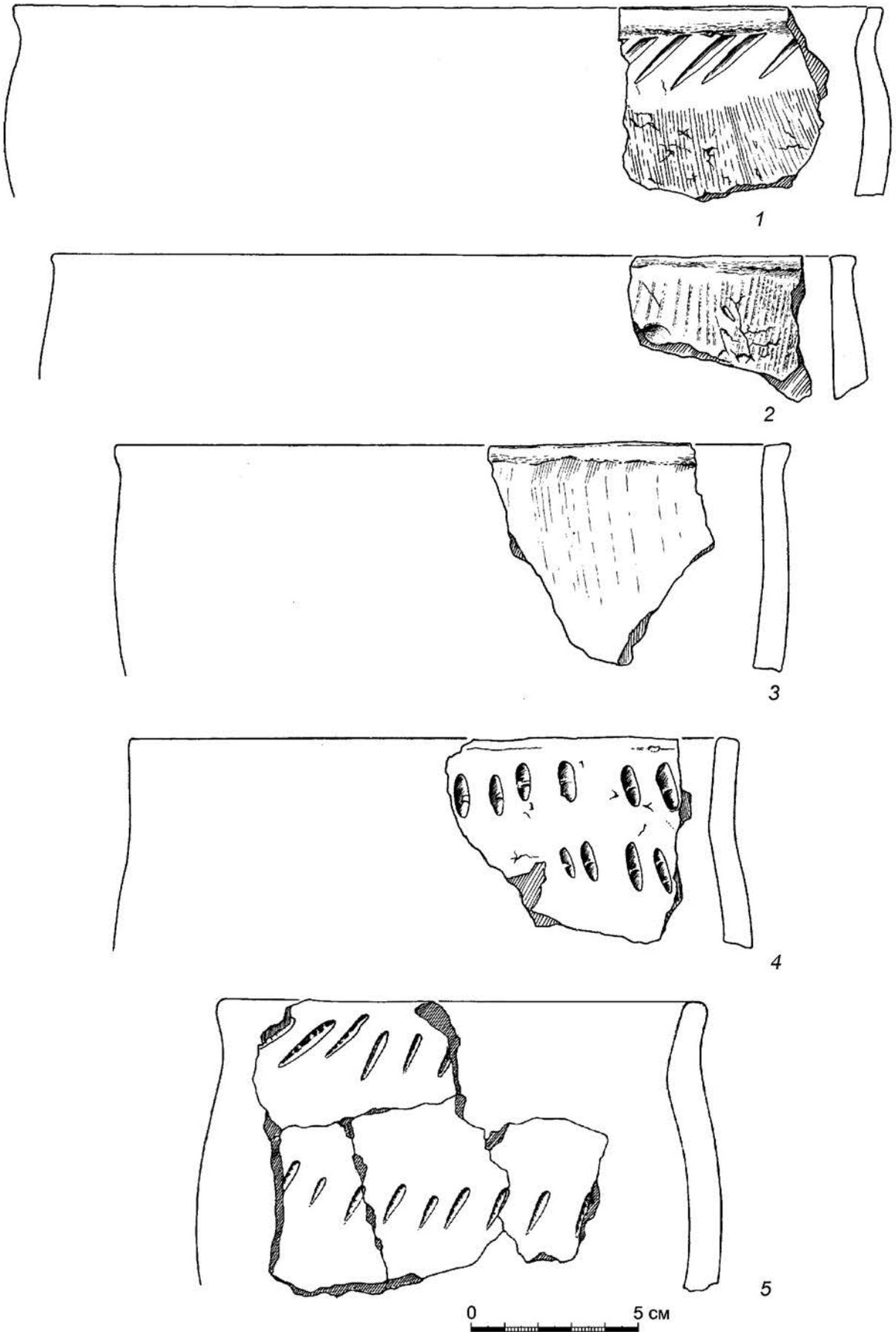

Рис. 6. Поселение Троицкое II. Горшковидные сосуды.

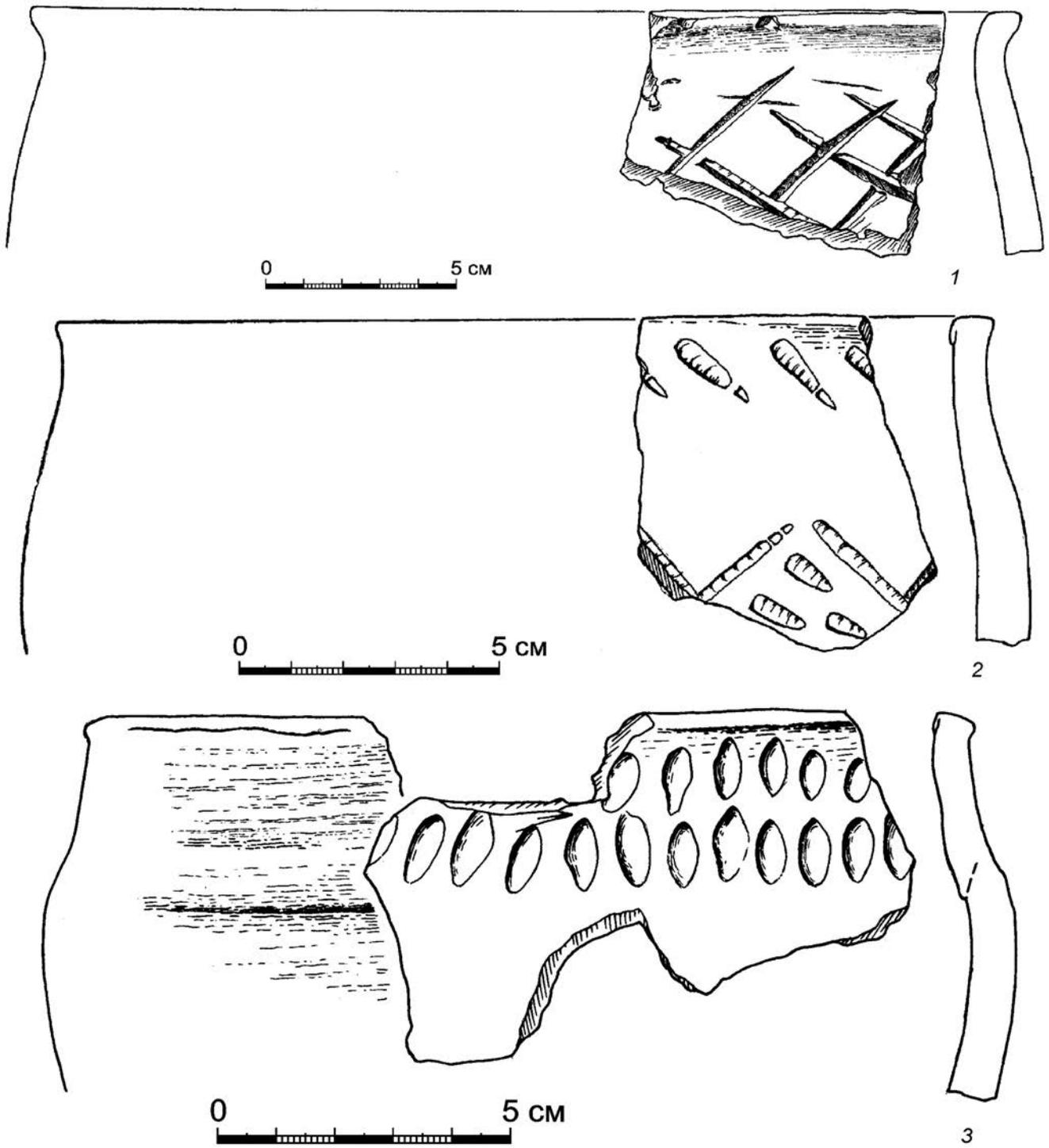

Рис. 7. Поселение Троицкое II. Горшководные сосуды.

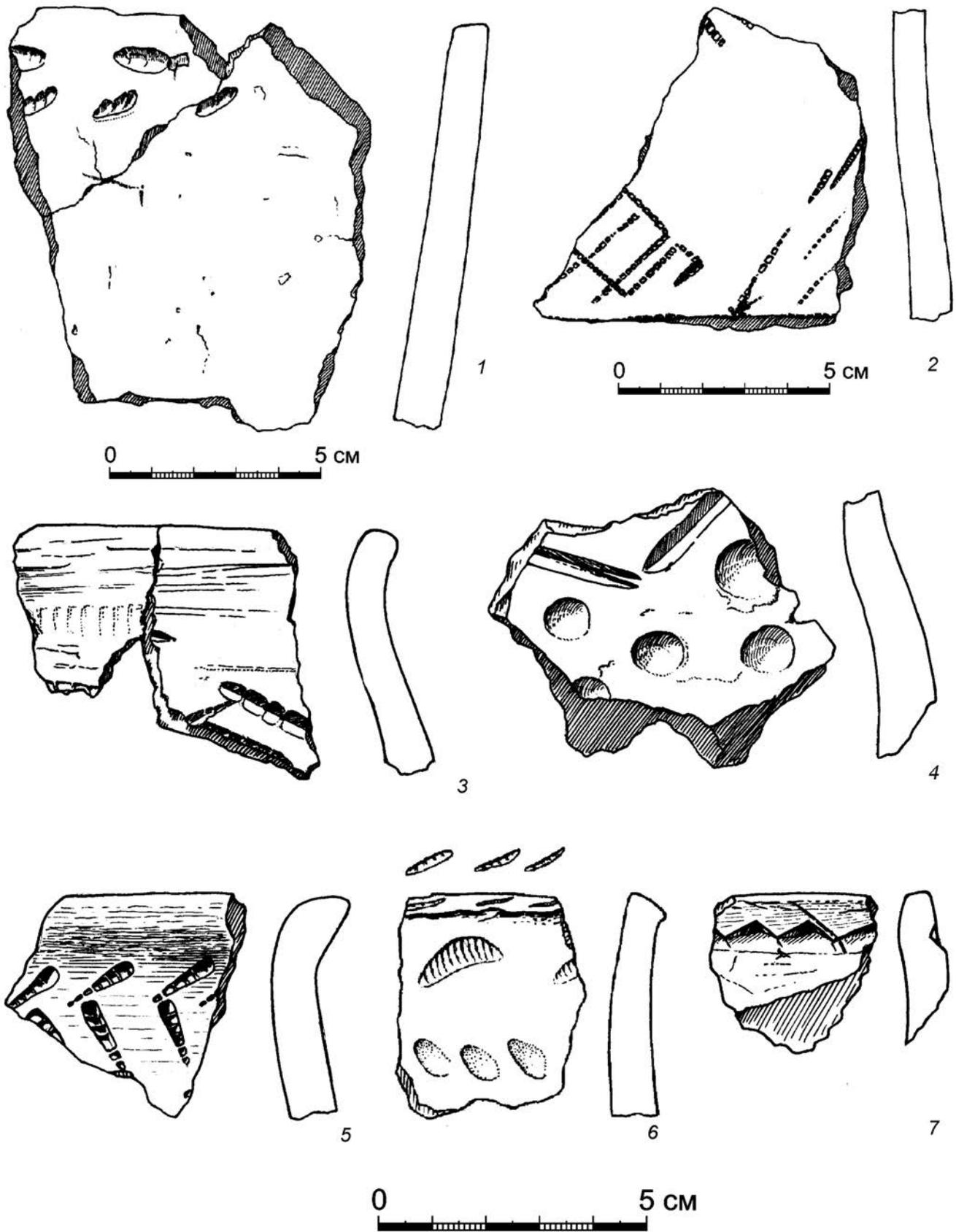

Рис. 8. Поселение Троицкое II. Горшковидные сосуды и стенки сосудов.

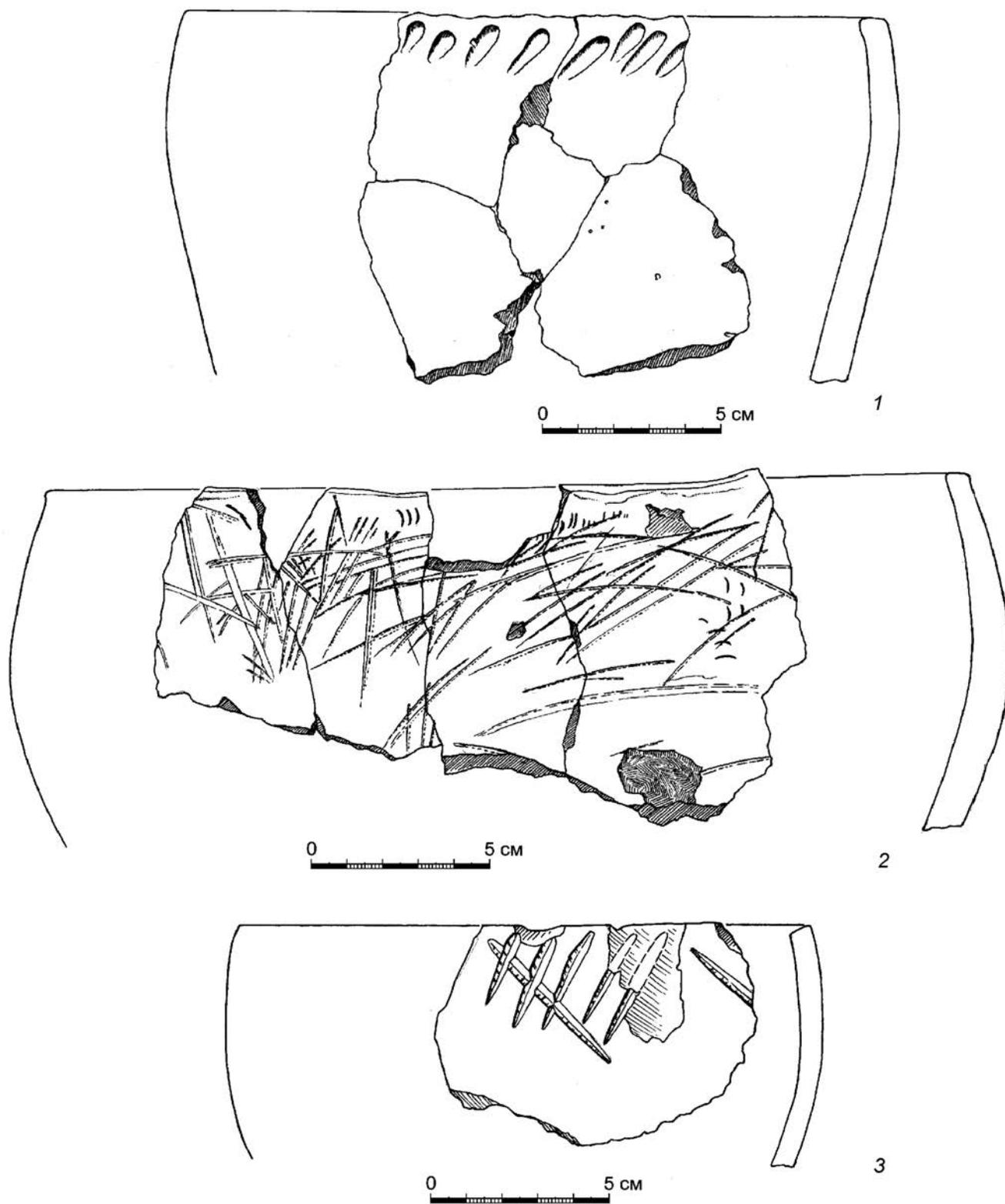

Рис. 9. Поселение Троицкое II. Баночные сосуды.

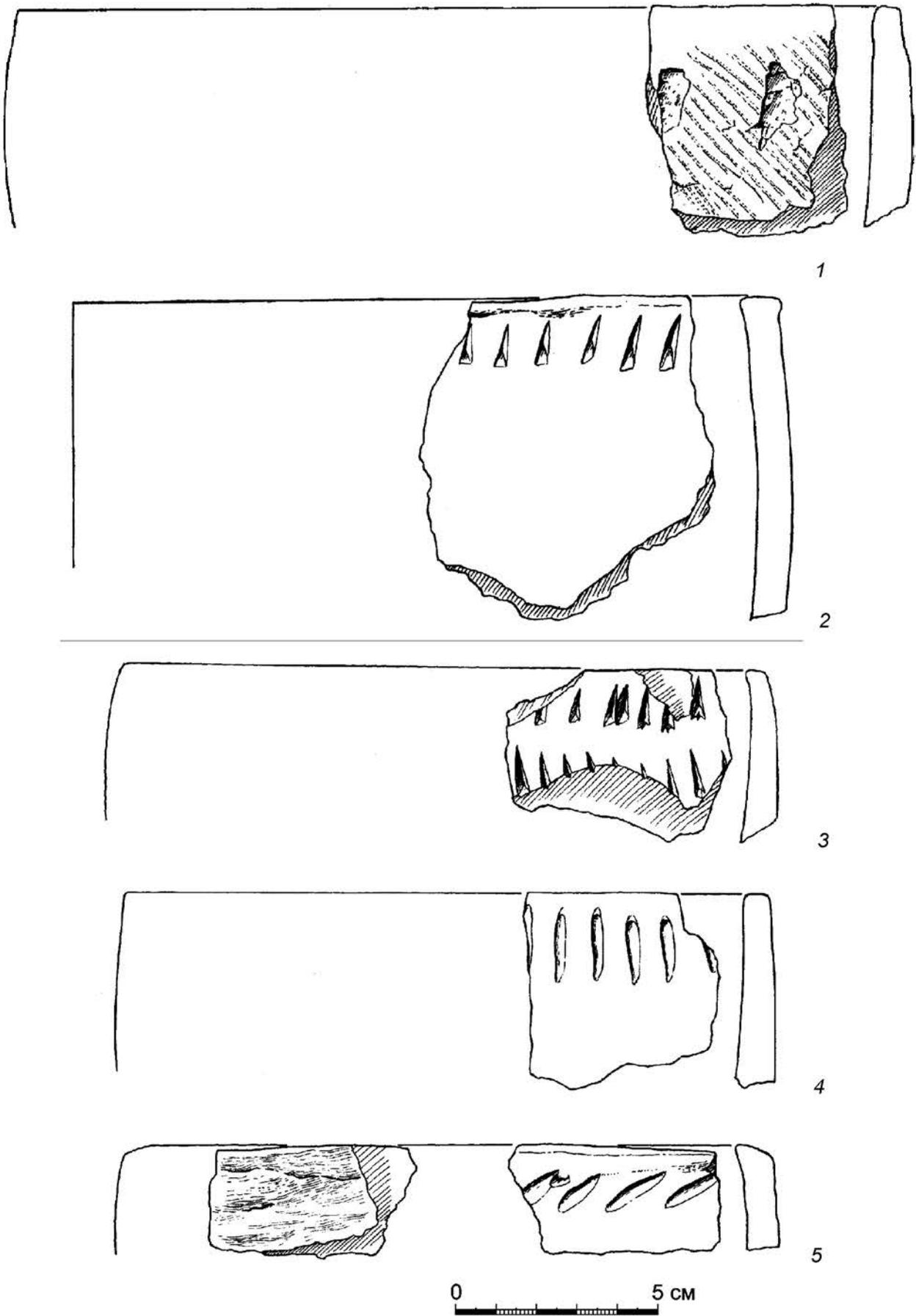

Рис. 10. Поселение Троицкое II. Баночные сосуды.

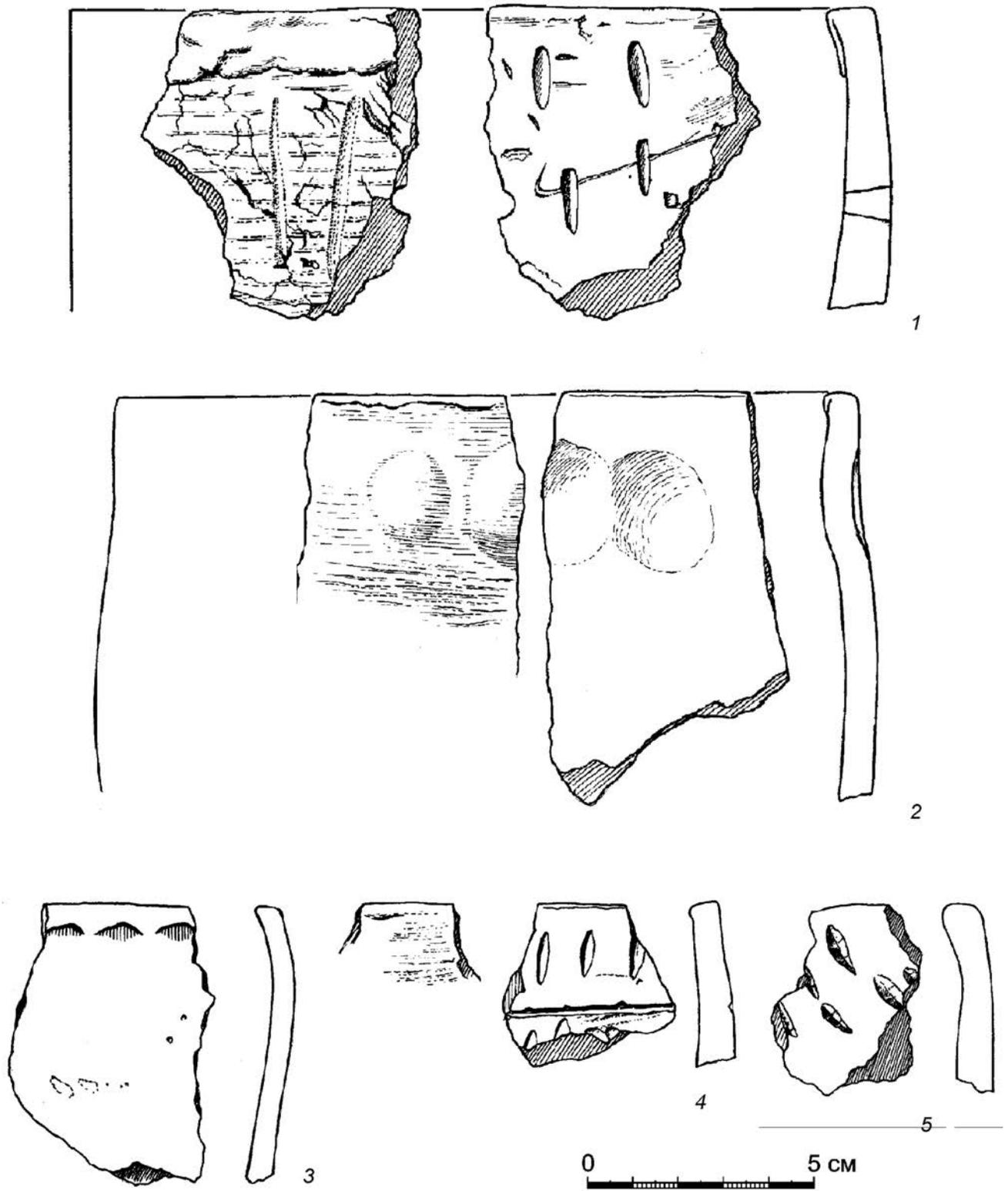

Рис. 11. Поселение Троицкое II. Баночные сосуды.

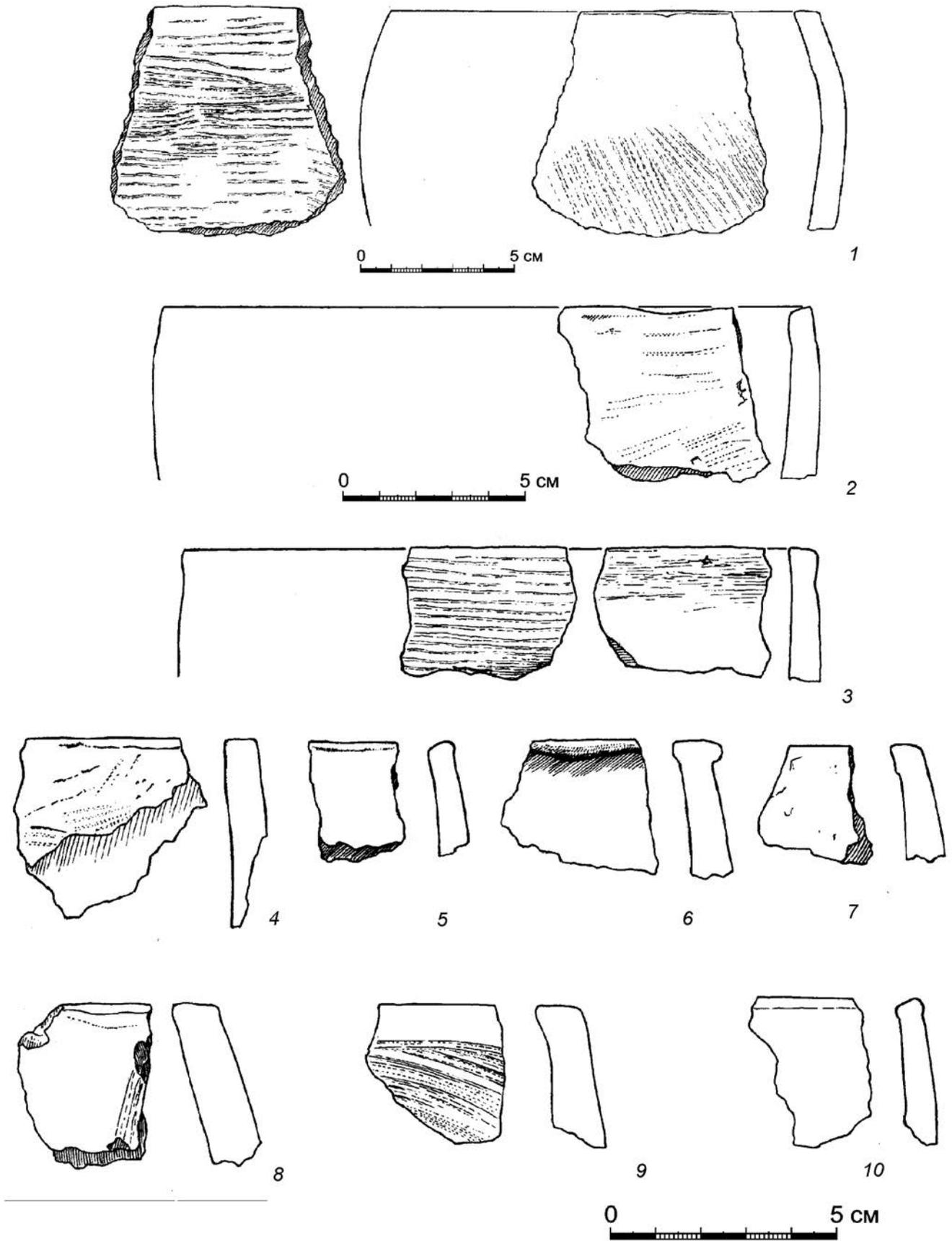

Рис. 12. Поселение Троицкое II. Баночные сосуды.

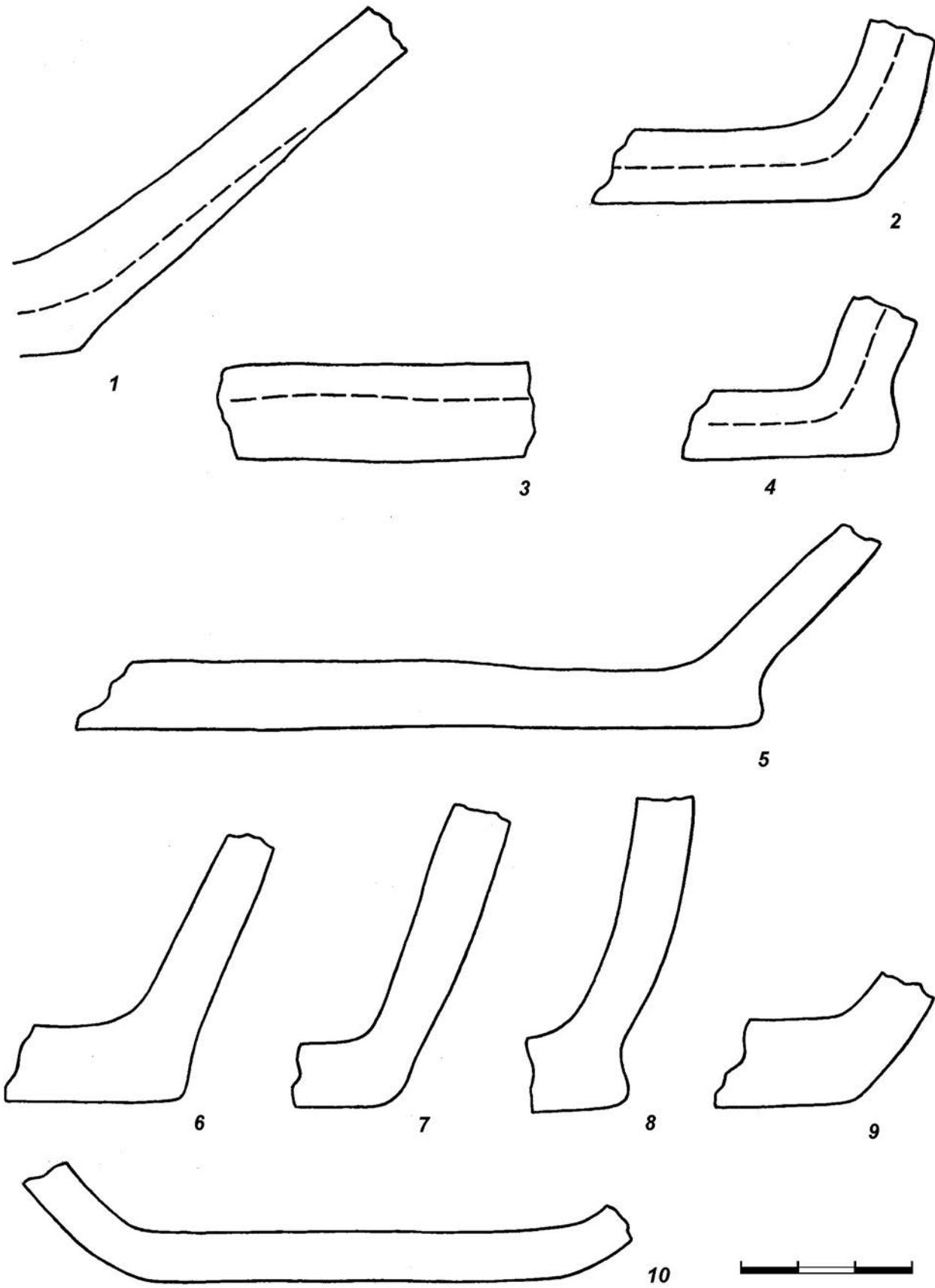

Рис. 13. Поселение Троицкое II. Днища сосудов.

О НАХОДКЕ ПАРЫ ПСАЛИЕВ НА СЕЛИЩЕ МАЛЯЧКИНО III (КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТТРИБУЦИЯ)

Ю.И. Колев, М.А. Турецкий

Аннотация. Статья посвящена паре псалиев, обнаруженной во время раскопок селища Малячкино III на р. Усе. Стержневидная форма псалиев, наличие центрального и периферийных отверстий позволяют сопоставить малячкинские псалии с предметами конской узды, характерными для культур позднего бронзового века карпато-дунайского бассейна, Северного Причерноморья и Поднепровья (бабадаг, ноуа, позднесабаатиновская, белозерская, белогрудовская) и памятников конца эпохи бронзы Западной Сибири и Центральной Азии (саргаринских, ирменских, лугавских).

Вместе с тем, своеобразие малячкинских псалиев, выраженное в сочетании грибовидных утолщений на концах с расположением отверстий в двух плоскостях, позволяет предположить, что они представляют особый культурно-хронологический тип, датирующийся, вероятно, IV периодом эпохи бронзы, представленным в Волго-Камье памятниками сусканского и луговского типов. Это может подтверждаться и керамикой сусканской культуры, которая встречена на селище и с которой, вероятнее всего, связано сооружение 41, где найдены псалии.

Ключевые слова: стержневидные псалии, сусканская культура, поздний бронзовый век.

ABOUT THE DISCOVERY OF A PAIR OF CHEEK-PIECES AT THE SETTLEMENT OF MALYACHKINO III (CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION)

© 2023 Yu.I. Kolev, M.A. Turetskiy

Abstract. The article is devoted to a pair of the cheek-pieces discovered during the excavations of the settlement of Malyachkino III on the Usa River. The rod-shaped shape of the cheek-pieces, the presence of central and peripheral holes, make it possible to compare the Malyachkino's cheek-pieces with horse bridle objects characteristic of the cultures of the Late Bronze Age of the Carpathian-Danube basin, the Northern Black Sea region and the Dnieper (Babadag, Noua, Latesabatinovskaya, Belozerskaya, Belogrudskaya) and monuments of the Late Bronze Age of Western Siberia and Central Asia (Sargarinsky, Irmensky, Lugavsky).

At the same time, the peculiarity of the Malyachkino's cheek-pieces, expressed in a combination of mushroom-shaped thickenings at the ends with the arrangement of holes in two planes, suggests that they represent a special cultural and chronological type, dating probably from the IV period of the Bronze Age, represented in the Volga-Kamye by monuments of the Suskansky and Lugovsky types. This can also be confirmed by the ceramics of the Susanaskaya culture, which is found in the settlement and with which, most likely, the structure 41, in which the cheek-pieces were found, is connected.

Keywords: rod-shaped cheek-pieces, Suskanskaya culture, Late Bronze Age.

В 2021 году «Межрегиональный центр археологических исследований» проводил спасательные археологические работы на селищах Малячкино III и IV в зоне строительства обхода г. Тольятти с мостовым переходом через р. Волгу в составе международного транспортного маршрута «Европа - Западный Китай» в Шигонском районе Самарской области. Памятники были открыты Р.Р. Саттаровым в результате археологических разведок в 2019 г. (Саттаров, Денисов, 2020. С. 41–42).

Селища расположены на правом и левом берегах р. Усы, правобережного притока р. Волги, на расстоянии 900 м друг от друга, к северу и северо-востоку от северной окраины с. Малячкино (рис. 1).

Селище Малячкино III занимало полосу между древним руслом и первой надпойменной террасой правого берега р. Усы шириной от 50 до 100 м и длиной 250 м.

В результате работ была исследована площадь 11552 кв. м, т.е. территория селища, попавшая в створ проектируемой автодороги (Турецкий, Китов и др., 2022. С. 19–20) (рис. 2).

Мощность культурного слоя составляла от 0,6 м до 1,4 м. На исследованной части селища были зафиксированы 57 объектов хозяйственного назначения и котлованы двух построек. Хозяйственные ямы представляли собой в основном сооружения округлой в плане формы и различной глубины. Два сооружения являлись колодцами с хорошо сохранившимися деревянными конструкциями внутри.

Постройка 1 представляла собой неглубокий котлован размерами 11,6×7,2 м со столбовыми ямками по периметру сооружения, что свидетельствует о каркасно-столбовой конструкции. По центру сооружения прослежены две ямы, одна из которых была колодцем, а другая – хозяйственной ямой.

Рис. 1. Местоположение селищ Малячкино III и Малячкино IV на карте Самарской области.

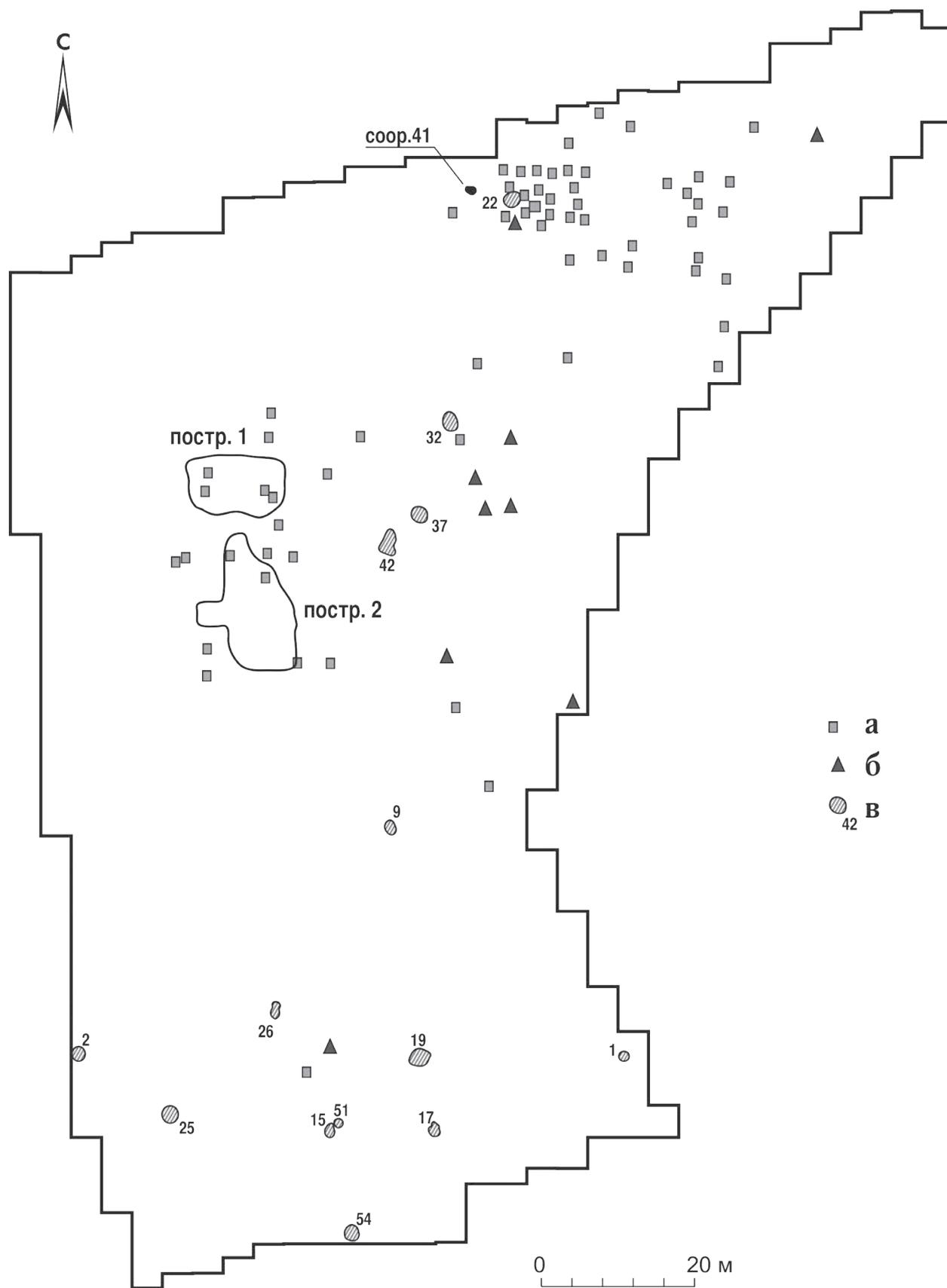

Рис. 2. Селище Малячкино III. План раскопа. Схема расположения сооружений и некоторых типов находок.

Условные обозначения: а – керамика финальная (сусанская и валиковая); б – фрагменты кубковидных сосудов; в – сооружения с керамикой бронзового века.

Постройка 2 имела размеры 18,2×7,1 м и представляла собой неглубокий котлован, также окруженный столбовыми ямками по периметру сооружения каркасно-столбового типа. С юго-западной стороны постройки 2 был сооружен тамбур – вход в жилище. В центральной части постройки 2 находились хозяйственная яма и колодец с остатками деревянной конструкции.

О времени сооружения построек 1 и 2 свидетельствуют находки развалов сосудов в хозяйственных ямах и колодцах (рис. 3). Многочисленные фрагменты керамического материала (в основном, сосуды баночного типа, орнаментированные насечками или зачипами по венчику), фрагменты сосудов с венчиком, отогнутым в виде раструба, а также сосуды, внешняя поверхность которых покрыта расчесами, встреченные по всей территории исследованного селища, свидетельствуют, что основная часть культурного слоя селища относится к срубной или покровской культуре. Датировка по крайней мере части культурного слоя покровской эпохой подтверждается находкой бронзового проушного топора так называемого владимировского типа (Бочкарев, Кузьмина, 2015. С. 107–114), который характерен для памятников покровского типа.

Небольшая коллекция керамики относится к заключительному этапу бронзового века и представлена керамикой сусканской культуры и единичными фрагментами валиковой (ивановской) и маклашеевской керамики.

Среди находок бронзового века несомненный интерес представляет пара стержневидных роговых псалиев, которая характеризуется хорошей сохранностью одного из них, выраженностью конструктивных деталей, богатой орнаментацией, позволяющими на широком круге аналогий определить вероятное время их изготовления.

Один из псалиев сохранился практически полностью (рис. 4, 1; 5, 1б, 2б, 3б, 4б). Он имеет стержневидную, слегка изогнутую форму. Длина псалия 13,8 см. Концы псалия имеют округлые утолщения, отделенные от основной части псалия желобком, придающим им грибовидную форму. Ширина псалия в центральной части 18 мм, толщина у концевых отверстий – 13 мм. Псалий снабжен тремя сквозными отверстиями. В центральной утолщенной части расположено прямоугольно-овальное отверстие, служившее для крепления удила. Судя по форме отверстия, оно было образовано просверливанием первоначально двух круглых отверстий диаметром до 4 мм на расстоянии около 4–5 мм друг от друга и последующего объединения их в одно путем пропиливания. Такая технология изготовления отверстий с помощью последовательного сверления в ряд отмечена и для некоторых псалиев с Суботовского городища (Гершкович, 2016. С. 126). Два других округло-овальных отверстия расположены у концов псалия в плоскости перпендикулярной плоскости центрального

отверстия и имеют размеры 4×7 мм. Эти периферийные отверстия пересекаются дополнительными маленькими круглыми отверстиями, в которые вставлены шпеньки диаметром около 3 мм для закрепления нащечных ремней. Псалий орнаментирован с одной стороны. В основе композиции прорезанные тонкие линии и циркульный орнамент (круги с точкой в центре) на концах псалия и выполненные тем же тонким резцом волнистые линии с точками на основной части псалия.

Второй псалий (рис. 4, 2; 5, 1а, 2а, 3а, 4а), составивший пару с первым, имеет такую же стержневидную слегка изогнутую форму, отверстие подпрямоугольной формы с закругленными углами в центральной части. Концы псалия утрачены, а два периферийных отверстия по краям псалия повреждены, наличие дополнительных отверстий со шпеньками можно только предполагать. Длина сохранившейся части псалия 8,2 см, ширина в срединной части 17 мм, толщина у концевых отверстий 13–14 мм. Предмет орнаментирован только с одной стороны, обращенной во вне от морды лошади. Орнамент, судя по сохранившейся части псалия, аналогичен орнаменту на первом изделии. На обоих псалиях на лицевой стороне видны потертости вокруг центрального отверстия.

Найденные псалии относятся к числу стержневидных псалиев, получивших наибольшее распространение в степной Евразии в позднем бронзовом веке, хотя их появление в Подунавье может относиться еще к эпохе средней бронзы (Бочкарев, Кузнецов, 2010. С. 292–293; Григорьев, 2022. С. 170, 174). Значительная территория распространения стержневидных псалиев, бытование их на протяжении длительного периода, в течение которого шел поиск оптимальной конструкции узды, послужили причиной большого разнообразия этих предметов конской сбруи. Псалии из Малячкино III также демонстрируют своеобразное сочетание конструктивных деталей и типобразующих характеристик, которые, с одной стороны, позволяют сопоставлять их с широким кругом стержневидных псалиев позднего бронзового века, а с другой стороны, дают повод для выделения их в особый тип.

Прежде всего обращают на себя внимание форма и расположение отверстий. Псалии снабжены тремя основными отверстиями, одно из которых, более крупное подпрямоугольное, расположено в срединной части псалия, а два других овально-прямоугольных меньшего размера пересекают концы псалия в плоскости, перпендикулярной плоскости центрального отверстия. Расположению центрального и периферийных отверстий в одной или двух плоскостях придается особое значение практически во всех работах, посвященных классификации стержневидных псалиев (Пыслару, 2000. С. 341. Рис. 6; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014. С. 88). Расположение отверстий в двух плоскостях характерно для широкого круга псалиев, включая костяные желобча-

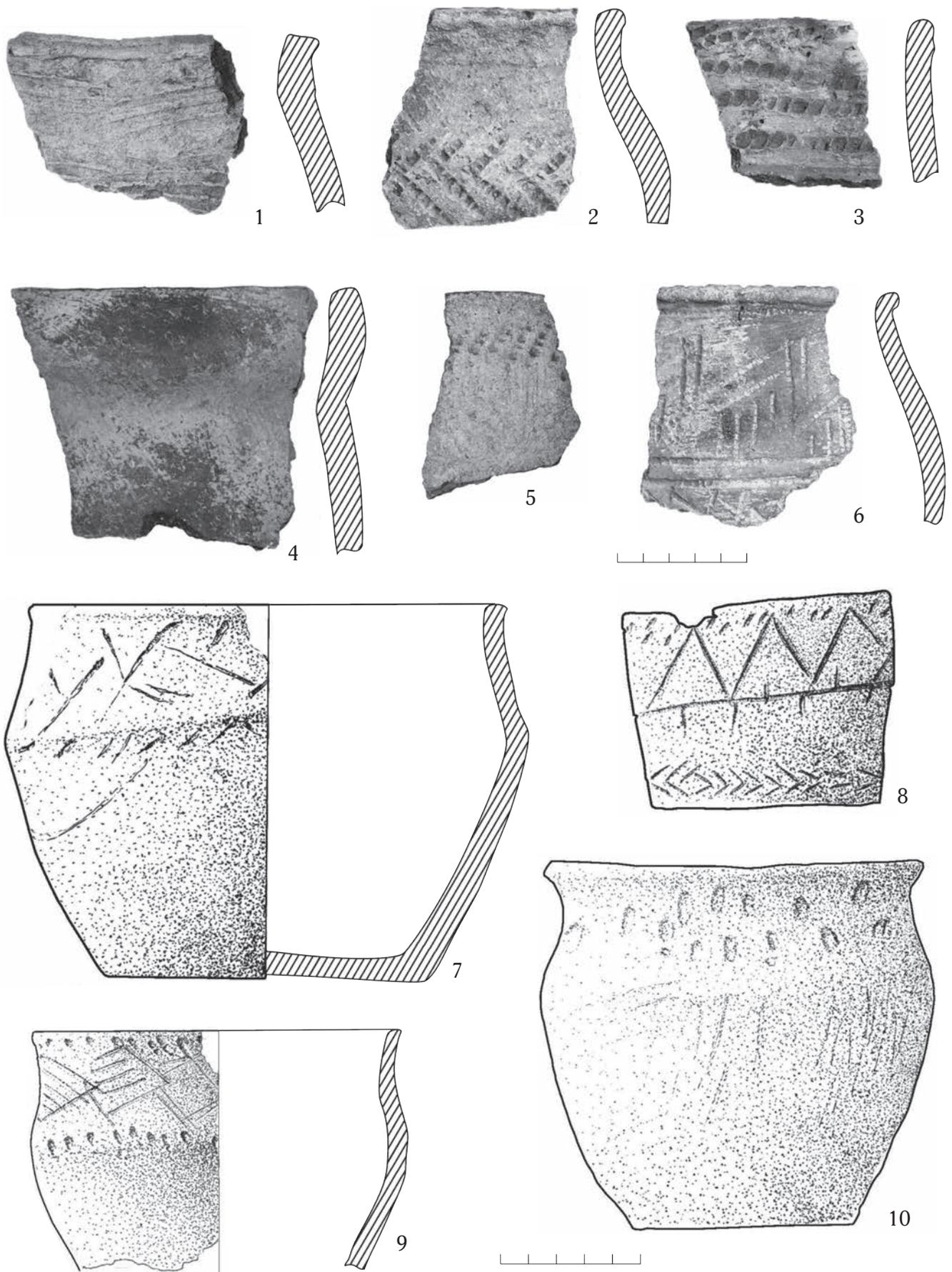

Рис. 3. Селище Малячкино III. Керамика срубной культуры из культурного слоя.

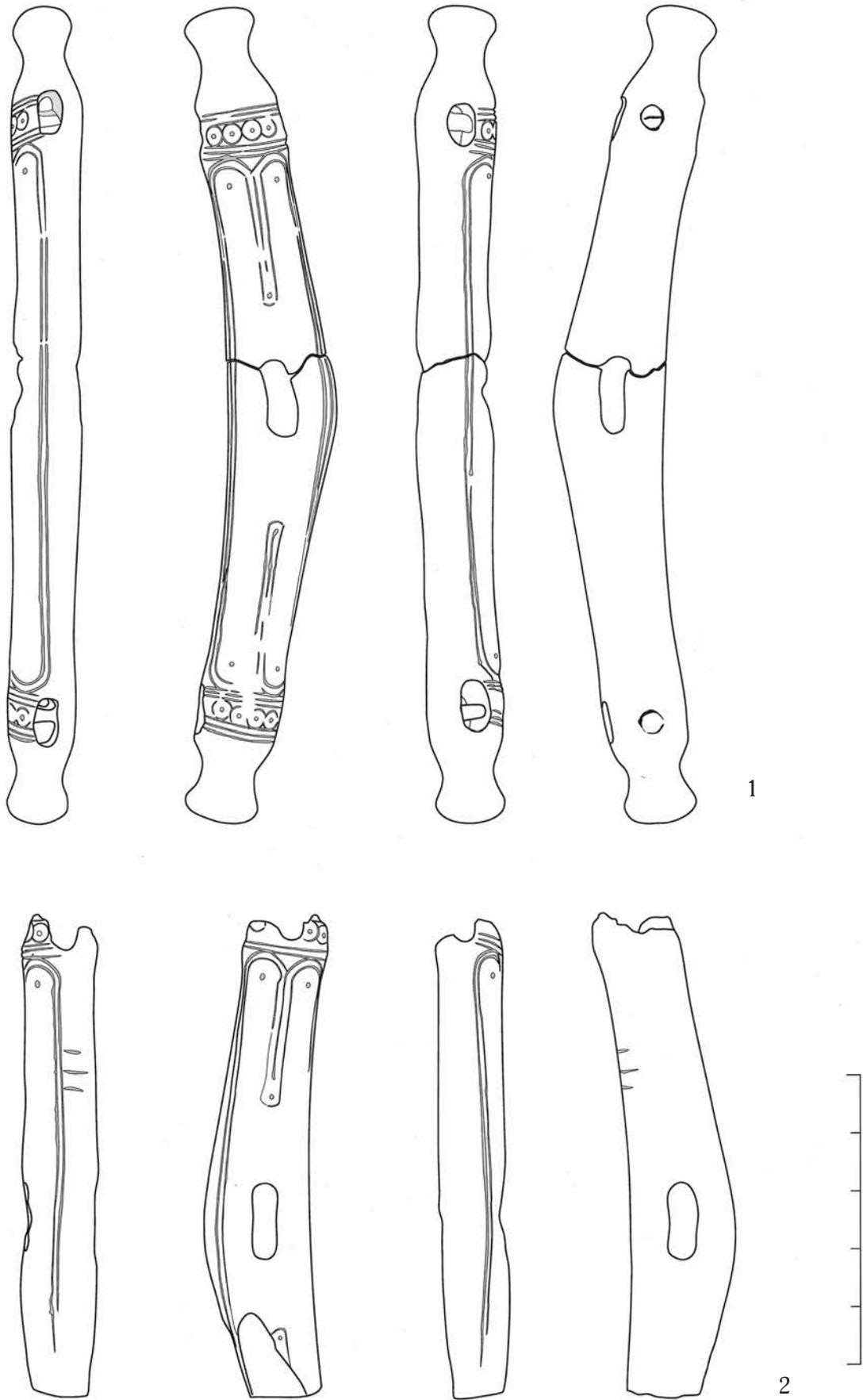

Рис. 4. Селище Малячкино III. Псалии из сооружения 41.

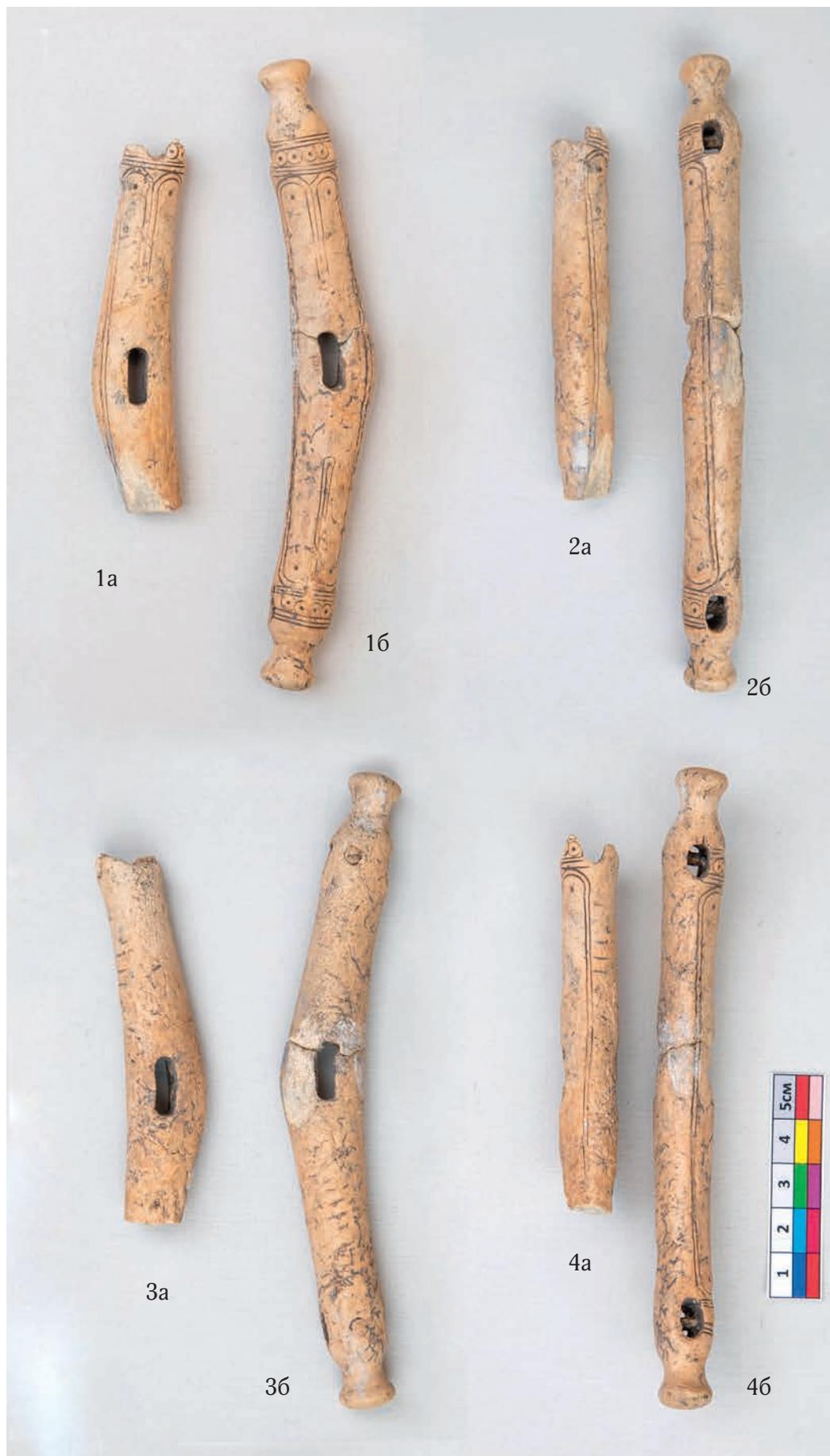

Рис. 5. Селище Малячкино III. Псали из сооружения 41.

тые псалии, объединенные К.Ф. Смирновым в тип I, и венгерские стержневидные псалии типа Фюзешабонь и Тосег, которые, по А. Можолитч, появляются уже во II периоде эпохи бронзы и распространяются в III периоде (Mozsolics, 1953. С. 70–74, 80). Встречается расположение отверстий в двух плоскостях и среди дисковидных псалиев, которые К.Ф. Смирнов отнес к типу II своей классификации. Но от малячкинских упомянутые типы псалиев отличает не только форма, но и ряд других деталей в их конструкции, указывающих на существенные отличия в способе крепления псалия и принципах его использования. Так, для псалиев типа Борияш (тип III, по К.Ф. Смирнову) характерно расположение основных отверстий близко друг к другу в одной плоскости и наличие малого дополнительного отверстия, расположенного в другой плоскости, а также оформление одного из концов в виде головки-утолщения (Смирнова, 1970. С. 109).

Конструктивно псалиям из Малячкино III ближе всего псалии с тремя основными отверстиями, одно из которых, центральное, расположено в срединной части псалия, а два других, периферийных - на концах псалия в плоскости перпендикулярной плоскости центрального отверстия. В Подунавье псалии с таким расположением отверстий встречаются на поселении Кослоджени (рис. 6, 3) (Boroffka, 1998. Abb. 5, 1, 2), а также на одном из укрепленных гальштатских поселений Венгрии (рис. 6, 2) (Mozsolics, 1953. Fig. 23–26). Для датировки последних А. Можолитч не нашла точных ориентиров, так как согласно ее наблюдениям, для псалиев предскифского и скифского времени характерно расположение отверстий в одном плане, а упоминаемые псалии с отверстиями в двух плоскостях, по ее мнению, относятся к эпохе бронзы и, по Рейнеке, датируются, вероятно, начальной стадией гальштата (Mozsolics, 1953. P. 89). Раннегальштатское время этого типа псалиев подтверждается находкой псалия с отверстиями в двух плоскостях на фракийском поселении Асеновец (рис. 6, 4) в слое с керамикой типа Пшеничево, что позволило Мелюковой датировать псалий в пределах конца XII – конца IX в. до н.э., опираясь, в частности, на датировку венгерских псалиев сходного облика, предложенную А. Можолитч (Мелюкова, 1979. С. 23–24). Н. Боровка псалии из Кослоджени с основными отверстиями в двух плоскостях отнес к варианту Id. По его наблюдениям, этот тип псалиев, включая псалии Мёриген (рис. 6, 1), распространен преимущественно в альпийском регионе Европе датируется в основном периодом поздней бронзы и прослеживается в Подунавье вплоть до периода HaB культуры полей погребальных урн (Boroffka, 1998. P. 104–105. Abb. 12).

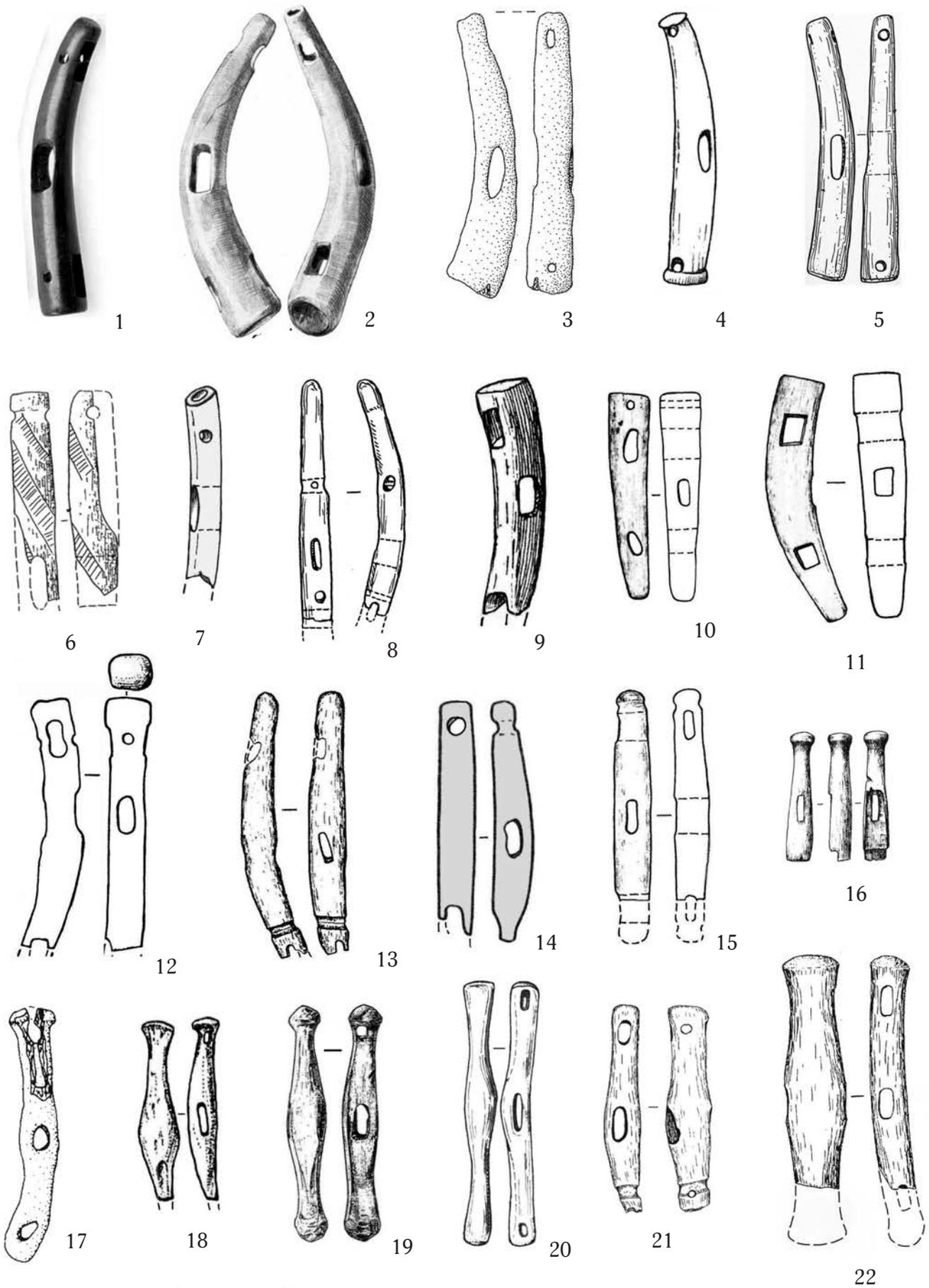
В Поднепровье псалии с тремя основными отверстиями в двух плоскостях обнаружены на городище Суботово вне какого-либо культурного комплекса (рис. 6, 5), на поселении Ушкалка (рис. 6, 6) среди материалов

сабаатиновского и белозерского времени и на сабаатиновском поселении Ташлык (рис. 6, 7). В Донецком бассейне псалии сходного типа найдены на поселении Ильичевка позднесабаатиновского времени (рис. 6, 8). Эта группа псалиев также дает возможность датировать псалии с бипланным расположением основного и периферийных отверстий в довольно широких пределах – XIV–X вв. до н.э.

В Западной Сибири, Центральном Казахстане и на Алтае стержневидные псалии с тремя основными отверстиями, расположенными в двух плоскостях и составляющие тип I, по классификации донецких археологов (Подобед и др., 2014. С. 88–89), встречены в могильнике Тапхар культуры плиточных могил (рис. 6, 9), в могильнике Устинкино лугавской культуры (рис. 6, 10, 11), на поселениях ирменской культуры Большой Лог и Еловка (рис. 6, 12, 14), на поселениях алексеевско-саргаринской культуры Рублево-6 и Каратал-1 (рис. 6, 13, 15).

На территории Самарского Поволжья фрагмент псалия с отверстиями, расположенными в двух плоскостях, был обнаружен на поселении Лебяжинка V в слое позднего бронзового века (Кузьмина, Колев, Ластовский, Турецкий, 2017. С. 171. Рис. 75, 4) (рис. 6, 16). Нельзя не обратить внимание на тот факт, что псалий из Лебяжинки V, как и псалии из Малячкино III, имеет выраженное грибовидное утолщение на сохранившемся конце и утолщенную среднюю часть. Для известных псалиев с бипланной схемой расположения отверстий такие утолщения вокруг отверстий нехарактерны, псалии имеют, как правило, плоскосрезанные концы или один конец у них срезан, другой – округло-приостренный. Едва намечены утолщения на концах псалиев из ирменской Еловки (рис. 6, 14) и с поселения времени валиковой керамики Каратал-1 (рис. 6, 15). Но в целом, утолщения на концах и вокруг отверстий характерны для псалиев другого типа – с монопланной схемой расположения отверстий, которые К.Ф. Смирнов объединил в тип V.

Псалии с утолщениями на концах и в срединной части с тремя отверстиями в одной плоскости встречаются на поселении Бабадаг (рис. 6, 17; 7, 13) (Boroffka, 1998. Abb. 7, 9–11) в Подунавье, на поселении Кавадинешти в Попрутье (Boroffka, 1998. Abb. 7, 13), на Кишиневском поселении в Поднестровье (Шарафутдинова, 1982. Рис. 55, 9), на поселениях Фонтаны (рис. 7, 17) и Дружное (рис. 7, 18) в Крыму. В Поднепровье этот тип псалиев, получивший известность по находкам на поселениях позднелозерских поселений Деревка и Усатово (рис. 7, 19, 20), встречен на Суботовском городище в материалах белогрудовской культуры (рис. 7, 15). В Волго-Камье псалии этой формы обнаружены в Мурзихинском (рис. 7, 16), в могильнике Девичий Городок IV (Казаков, 2002. Рис. 13, 19) раннеананьинского времени.

2-3, 5-6, 8-16, 18-22 - 0 5 см 1, 4, 7, 17 - без масштаба

В азиатских памятниках утолщения концов и срединной части также характерны для псалиев с расположением основных отверстий в одной плоскости. Среди них псалии с алексеевско-саргаринских памятников Язев-1 (Подобед и др., 2014. Рис. 6, 1), Гусиная Ляга-1 (рис. 6, 21), Чекановский Лог-1 (рис. 6, 22), с поселения лугавской культуры Тамбарское водохранилище (Подобед и др., 2014. Рис. 6, 5), псалии с ирменских поселений Чингис-1 и Омь-1 (Подобед и др., 2014. Рис. 5, 1; 6, 4). Высказывалось предположение, что степень выраженности утолщений на концах псалиев и вокруг их отверстий в средней части является хронологическим признаком, поскольку четкие грибовидные шляпки характерны для раннечерногоровских памятников Поволжья и Северного Причерноморья (Гершкович, 2016. С. 125).

Таким образом, псалии из Малячкино III и Лебяжинки V демонстрируют редкое сочетание конструктивно-морфологических особенностей, характерных для двух различных групп псалиев. С одной стороны, расположение отверстий в двух плоскостях отличает, как принято считать, относительно ранние стержневидные псалии, время появления которых связывают с культурами сабастиновской, ноуа, кослоджени. Вместе с тем, расширения на концах псалия и в его срединной части характерны для псалиев предскифской эпохи – поздне-белозерских, белогрудовских, раннечерногоровских, у которых отверстия расположены в одной плоскости.

При поиске аналогий малячкинским псалиям можно обратить внимание также на форму и размеры отверстий. Принято считать, что у псалиев с отверстиями в двух плоскостях первоначально преобладает овальная форма этих отверстий, но со временем периферийные отверстия чаще становятся небольшими округлыми. Для псалиев с отверстиями, расположенными в одной плоскости, к которым относятся практически все псалии с расширениями на концах и в срединной части, признается обратная закономерность – увеличение со временем размеров крайних отверстий, а также появление наряду с круглыми ещё овальных и прямоугольных. Первые характерны в целом для эпохи поздней бронзы, вторые – для начальной фазы раннего железного века (Брумяко, 2019. С. 143).

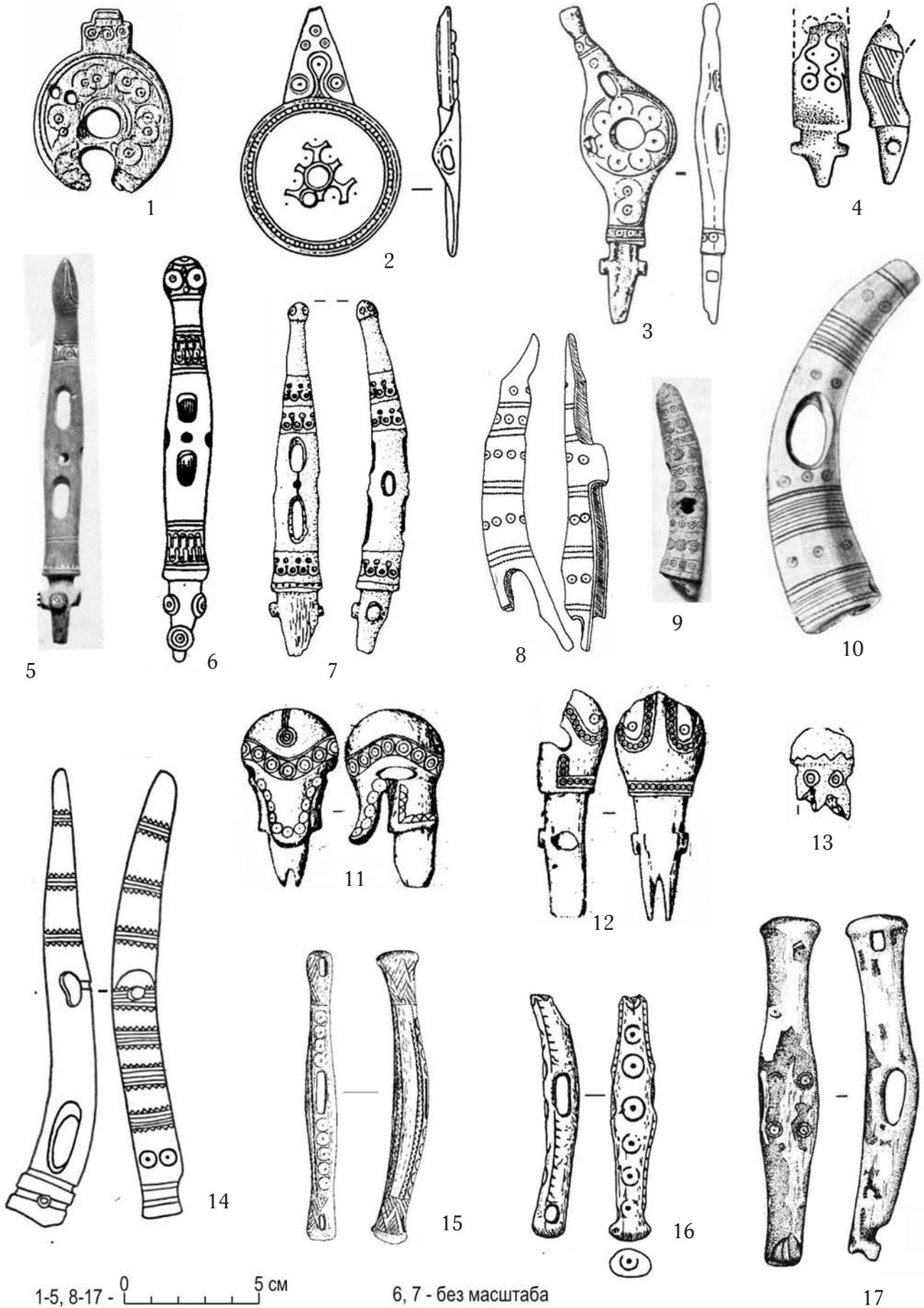
В действительности известные к настоящему времени стержневидные псалии демонстрируют огромное разнообразие сочетаний формы и размеров центрального и периферийных отверстий, и это разнообразие растет практически с каждой новой находкой. К тому же форма отверстий не всегда может быть определена однозначно как овальная или прямоугольная. Малячкинские псалии тому подтверждение – их отличает не только сочетание формы с утолщениями на концах и в срединной части с расположением отверстий в двух плоскостях, но и форма отверстий, крупного подпрямоугольного центрального отверстия и небольших овальных периферийных.

В сводке-классификации стержневидных псалиев Зауралья, Сибири и Центральной Азии, предложенной донецкими археологами, среди псалиев блока 1 (с бипланной схемой расположением основных отверстий) выделено несколько подтипов, различающихся некоторыми деталями. В частности, обращается внимание на псалии с прямоугольной формой отверстий. Среди них псалии с поселений Тапхар и Устинкино (рис. 6, 9, 10). Прямоугольные отверстия встречаются и на псалиях с отверстиями в одной плоскости с ирменских поселений Фирсово-XVIII, Еловка (Подобед и др., 2014. Рис. 5, 4–6). По мнению авторов работы, в Восточной Европе псалии с прямоугольными отверстиями появились в позднебелозерское время, широкого распространения не получили и представлены всего тремя находками – с белозерских поселений Бай-Кият в Крыму и Дикий Сад на р. Ингул, а также с Суботовского городища (Подобед и др., 2014. С. 96). В Центральной Европе отверстия прямоугольной формы встречены на псалиях Мёриген (рис. 6, 1). Очень редки прямоугольные отверстия и на венгерских псалиях (рис. 6, 2). В Волго-Камье псалии с прямоугольными (щелевидными) отверстиями найдены в погребении 16 могильника Девичий Городок IV, отнесенном Е.П. Казаковым к маклашеевской культуре (Казаков, 2002. С. 84; Рис. 4). Таким образом, подпрямоугольная форма центрального отверстия псалиев из Малячкино III дает возможность сопоставить их с очень небольшим числом псалиев конца бронзового века. Но при этом следует отметить, что единственным псалием с прямоугольными отверстиями, сходным с малячкинскими сразу по двум параметрам – по наличию утол-

Рис. 6. Псалии, конструктивно близкие псалиям с селища Малячкино III.

1 – Мёриген; 2 – Saghegy; 3 – Кослоджени; 4 – Асеновец; 5 – Суботовское городище (Усадьба Хмельницкого); 6 – Уш-калка; 7 – Ташлык; 8 – Ильичевка; 9 – Тапхар, мог. 69; 10 – Устинкино, соор. X, мог. 2; 11 – Устинкино, яма 3; 12 – Большой Лог; 13 – Рублево-6; 14 – Еловка, сел.; 15 – Каратал-1; 16 – Лебяжинка V; 17 – Бабадаг; 18 – Дружное 2; 19 – Деревка; 20 – Усатово; 21 – Гусиная Ляга-1; 22 – Чекановский Лог-1.

Рисунки по: 1 – Samuel van Willigen und Andreas Mäder, 2012. Abb. 2; 2 – Mozsolics, 1953. Fig. 24; 3 – Boroffka, 1998. Abb. 5, 2; 4 – Подобед и др., 2014. Рис. 7, 3; 5 – Тереножкин, 1976. Рис. 85, 5; 6 – Гершкович, 1998. Рис. 9, 3; 7 – Шарфутдинова, 1986. Рис. 29, 6; 8 – Подобед и др., 2014. Рис. 2, 3; 9 – Шаповалов, 1976. Рис. 4; 10–12 – Подобед и др., 2014. Рис. 2, 4; 2, 2; 2, 5; 13 – Подобед и др., 2014. Рис. 2, 1; 14 – Подобед и др., 2014. Рис. 1, 5; 15 – Подобед и др., 2014. Рис. 1, 6; 16 – Кузьмина и др., 2017. Рис. 75, 4; 17 – Boroffka, 1998. Abb. 7, 11; 18 – Колотухин, 2003. Рис. 65, 4; 19, 20 – Подобед и др., 2014. Рис. 10, 1; 7, 7; 21 – Ситников, 2015. Рис. 13, 1; 22 – Ситников, 2015. Рис. 86, 1.

1-5, 8-17 - 0 5 см

6, 7 - без масштаба

17

щений на концах и по расположению отверстий в двух плоскостях, является псалий с поселения Лебяжинка V (рис. 6, 16), который связывается авторами публикации с комплексами заключительного этапа эпохи бронзы поселения (Кузьмина и др., 2017. С. 171).

Следует отметить еще одну деталь, а именно дополнительные отверстия, пересекающие отверстия на концах псалиев из Малячкино III. Наличие дополнительных отверстий на псалии Ирмень I К.Ф. Смирнов счел признаком древности по отношению к другим псалиям типа V с тремя основными отверстиями в одной плоскости (Смирнов, 1961. С. 7). Кроме ирменского, дополнительные отверстия встречаются на псалиях с алексеевско-саргаринских селищ Гусиная Ляга-1 (рис. 6, 21) и Язево I (Подобед и др., 2014. Рис. 6, 1). На псалиях с отверстиями в двух плоскостях такие дополнительные отверстия также встречаются нечасто, в том числе на псалии с селища ирменской культуры Большой Лог (рис. 6, 12), на псалии с сабаатиновско-белозерского поселения Ильичевка (рис. 6, 8), на котором в дополнительных отверстиях сохранились такие же шпеньки, как и псалии из Малячкино III. В Центральной Европе дополнительные отверстия имеют псалии с поселения Мёриген (рис. 6, 1). Таким образом, малячкинские псалии пополнили число псалиев с дополнительными отверстиями, но количество их все равно недостаточно для определенных выводов о связи этой конструктивной детали с каким-то определенным типом псалиев. Ясно лишь, что дополнительные отверстия служили для закрепления уздечных ремней и встречаются как на псалиях с монопланной схемой расположения отверстий, так и на псалиях с отверстиями в двух плоскостях.

К числу ярких особенностей псалиев из Малячкино III относится их богатая орнаментация. Хотя может показаться, что циркульные отпечатки относятся к распространенному приему орнаментации, следует заметить, что этот орнаментальный мотив совершенно не характерен для дисковидных псалиев среднего и начала позднего бронзового века и для так называемой микенской орнаментальной традиции. Исключение составляют несколько экземпляров бесшипных псалиев типа Тосег (рис. 7, 1, 3) и Ватина (рис. 7, 2). Известен желобчатый псалий, орнаментированный циркульным узором и волнистыми линиями из Бейджесултана (Григорьев, 2022. Рис. 6, 10).

Намного чаще орнамент с циркульными мотивами встречается на стержневидных псалиях. В их числе венгерские псалии Борияш (рис. 7, 5, 6) и близкие

им типологически псалии культуры ноуа (рис. 7, 14), стержневидные псалии из Тосега (рис. 7, 8, 9), псалии типа Фюзешабонь (рис. 7, 10), псалий с поселения Тринка культуры Кишинэу-Корлэтеень (Подобед и др., 2017. Рис. 2, 5). Циркулярный орнамент встречается на псалиях из Бабадага (рис. 7, 13), на псалиях Западной Украины и Центрального Казахстана (Кукушкин, 2023. Рис. 2). Подобными циркульными мотивами отличается и орнамент на псалии из сабаатиновского Волошского поселения (рис. 7, 4), на трехдырчатых псалиях из Суботовского городища (рис. 7, 15), на псалиях из позднебелозерского поселения Фонтаны (рис. 7, 17) и из маклашеевского Мурзихинского могильника (рис. 7, 16). Циркулярный орнамент встречается и на псалиях с саргаринского поселения Кент (рис. 7, 11, 12).

Таким образом, орнаментация псалиев из Малячкино III в целом соответствует предполагаемой дате их изготовления, устанавливаемой по таким характеристикам, как стержневидная чуть изогнутая форма с расширением концов и срединной части, расположение трех овальных отверстий в двух плоскостях. Круг культур, с которыми можно связать подобную конструкцию псалиев, достаточно широк – это памятники типа Бабадаг, Ноуа в Нижнем Подунавье, позднесабаатиновская, белозерская и белогрудовская культура в Поднепровье и Крыму, постсрубные памятники Подонья (Усово Озеро), культуры алексеевско-саргаринского типа на востоке. Датировки азиатских стержневидных псалиев устанавливаются на основании вероятной сопряженности некоторых из них с материалами алексеевско-саргаринской культуры (Каратал-1, Рублево-6), даты которой предлагаются в пределах XII-VIII вв. (Варфоломеев, 1988. С. 88) или X-VIII (VII) вв. до н.э., ирменской (Еловка, Большой Лог) и лугавской (Устинкино) культур XI/X-IX/VIII вв. до н.э.

Но малячкинские псалии, как и псалий из Лебяжинки V, не только обнаруживают черты сходства с обширным кругом стержневидных псалиев Европы, Западной Сибири и Центральной Азии, но и демонстрируют своеобразие, выраженное в сочетании схемы расположения отверстий, их формы, близкой к прямоугольной, и формы стержня – с грибовидными утолщениями на концах. Учитывая близкий культурный контекст, в котором обнаружены псалии из Малячкино III и Лебяжинки V, можно предположить существование в Поволжье особого типа псалиев, получившего распространение на заключительном этапе эпохи бронзы. Типологически эти псалии могут предшествовать маклашеевским

Рис. 7. Стержневидные псалии с циркульным орнаментом.

1, 3, 8, 9 – Тосег; 2 – пос. Ватина; 4 – пос. Волошское; 5 – Будапешт-Ладьяманьош; 6 – Белз; 7 – Сэлача; 10 – Пакоздвар; 11, 12 – пос. Кент; 13 – Бабадаг; 14 – Островец; 15 – Суботовское городище; 16 – Мурзихинский мог.; 17 – Фонтаны.

Рисунки по: 1–3 – Бочкарев, Кузнецов, 2013. Рис. 7, 6; 8, 8, 6; 4 – Шарафутдинова, 1982. Рис. 55, 1; 5 – Смирнов, 1961, Рис. 10, 3; 6 – Смирнова, 1970. Рис. 35, 3; 7, 13 – Boroffka, 1998. Abb. 6, 12; 8–10 – Mozsolits, 1953. Fig. 13; 12; 4; , 11–12 – Варфоломеев, 1988. Рис. 6, 1, 3; 14 – Шарафутдинова, Рис. 55, 1; 15 – Гершкович, 2016. Рис. С15, 2; 16, 17 – Махортых, 2014. Рис. 1, 2; 3, 1.

псалиям, происхождение которых остается неясным, а поиск истоков маклашеевской конской узды ведется преимущественно на юге Восточной Европы (Подобед и др., 2017. С. 91).

В этой связи представляется важным определить культурный контекст, с которым малячкинские псалии могут быть связаны. Как уже отмечалось, псалии были найдены в сооружении 41 на северной окраине исследованной части селища. Яма подовальной в плане формы размерами 75×105 см была углублена в материк на 30 см и имела пологие стенки, переходящие в дно. В яме, кроме псалиев, было обнаружено лишь несколько неорнаментированных фрагментов стенок сосудов, культурную принадлежность которых определить не представляется возможным. Очевидно лишь, что и сооружение, и найденные в нем псалии связаны с культурным слоем бронзового века. Однако, вряд ли псалии могут быть соотнесены с основным комплексом эпохи бронзы, представленным керамикой и изделиями срубной культуры. Тем более, что часть коллекции составляет керамика покровского типа, что указывает на относительно ранний возраст срубного комплекса поселения. С комплексами покровской и срубной культур до сих пор уверенно связывались только псалии дисковидные бесшпильные (в покровских комплексах) и псалии желобчатые, представленные несколькими типами, в том числе новоключевским, характерным для позднепокровской культуры и усатовским и комаровским типами, получившими распространение в срубных памятниках (Смирнов, 1961; Бочкарев, Кузнецов, 2010. С. 297, 303–310).

При определении возраста и культурной принадлежности псалиев из Малячкино III нельзя не обратить внимание на небольшую коллекцию керамики, форма и орнаментация которой характерна для керамических комплексов сусканской культуры Поволжья. Найдено около 80 фрагментов сосудов, основная часть которых была сосредоточена в северной части раскопа, на участках, прилегающих к месту расположения сооружения 41 (рис. 2). Сосуды этой группы (рис. 8) отличаются сравнительной тонкостенностью, тщательно обработанной поверхностью. Сосуды имеют слабопрофилированную форму со стянутым устьем и скошенным внутрь срезом венчика. Орнамент в большинстве случаев нанесен гладким штампом или щепой, в некоторых случаях – зубчатым штампом. Основные орнаментальные мотивы – горизонтальные линии и полосы из наклонно поставленных оттисков штампа и угловых вдавлений, елочка горизонтальная и вертикальная, решетка, заштрихованные треугольники с вершинами, обращенными вниз, и косоугольные треугольники. Реже встречаются заштрихованные ромбы, меандры и орнамент из горизонтальных желобчатых полос. Встречается такой элемент орнамента, как горизонтальный наклепной валик, составляющий часть орнаментальной композиции

(рис. 8, 11, 12). Встречаются сосуды с элементами орнаментации, сопоставимыми с андроновской (Федоровской) традицией (рис. 8, 16, 17, 20–22). Вероятно, к сусканскому керамическому комплексу следует отнести и фрагменты от кубковидных сосудов, которые отличаются как от срубной, так и от сусканской керамики особой тщательностью обработки поверхности, наличием четко выделенной сильно отогнутой шейки, образующей ребро при переходе к тулову, богатой орнаментацией и наличием ножки-поддона (рис. 9, 7–11).

Кроме сусканской керамики, в северной части раскопа встречено несколько фрагментов сосудов, которые по форме и орнаментации могут быть отнесены к ивановской культуре валиковой керамики. Это сосуды с отогнутым венчиком и утолщением в виде воротничка, с вдавлениями в виде жемчужин или с наклепным валиком по горлу сосуда (рис. 9, 6, 7, 9, 10).

Время существования сусканской культуры определено в рамках постсрубной эпохи или преданьинского хронологического горизонта (Колев, 2000. С. 250). Известные находки бронзовых изделий, встреченные с сусканскими керамическими комплексами, валиковой и воротничковой керамикой, относятся к типам, характерным для горизонта кладов Лобойково, Головуров, Терешково, Дербедень (Дергачев, Бочкарев, 2002. Рис. 1), которые составляют IV хронологическую группу комплексов металлических изделий Восточной Европы, связаны с культурами ноуа-I, раннесабатиновская, бережново-маевская, сусканская, отчасти ивановская (Бочкарев, 2016. С. 119–120).

Еще один сосуд может сопоставлен с керамикой маклашеевского типа, представленный фрагментом венчика (рис. 9, 1). К числу маклашеевских этот сосуд позволяет отнести цилиндрическая форма шейки, орнамент на горле сосуда в виде сетки, обрамленной горизонтальными линиями, выполненный мелкозубчатым штампом, а также примесь толченой раковины в тесте. Есть и отличия от собственно маклашеевской керамики Нижнего Прикамья – это орнаментация верхней части тулова в виде косоугольных заштрихованных треугольников, обращенных вершиной вниз, и замена круглых ямочных вдавлений узкими отпечатками штампа, образующими характерные для маклашеевской керамики треугольники. Маклашеевские традиции можно увидеть и в еще одном фрагменте венчика с утолщением в виде широкого воротничка и орнаментированного сеткой из веревочных отпечатков (рис. 9, 2). Маклашеевская керамика до сих пор была встречена только на нескольких памятниках Самарского Поволжья. Самая большая коллекция маклашеевской керамики собрана на поселении Нижняя Орлянка II, где она также имеет некоторые специфические черты (Колев, 2000. Рис. 32, 8–15; 33–35).

Наличие небольшой коллекции керамики финального бронзового века (сусканской, ивановской),

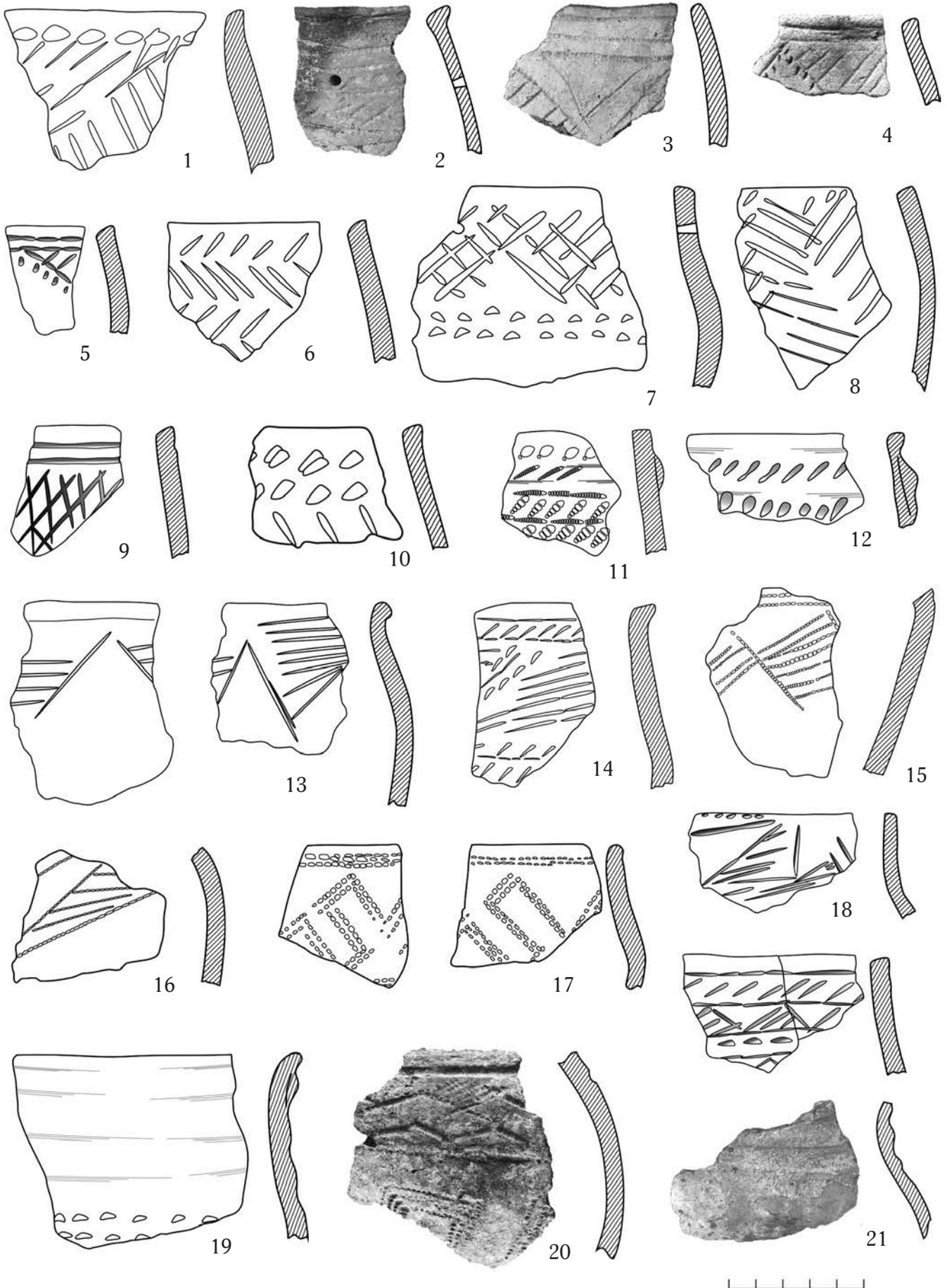

Рис. 8. Селище Малячкино III. Керамика сусканской культуры из культурного слоя.

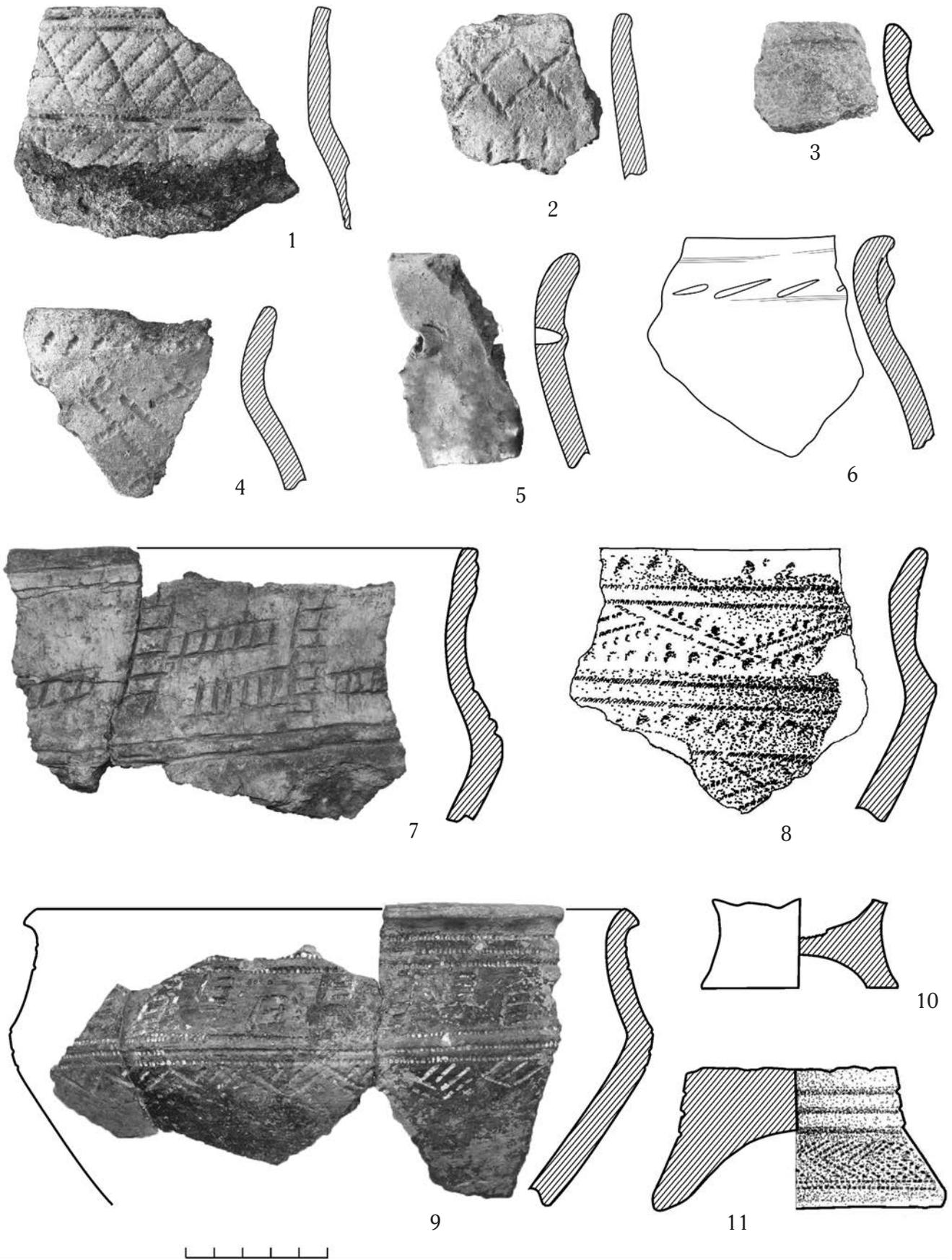

Рис. 9. Селище Малячкино III. Керамика финального бронзового века из культурного слоя.

единичных фрагментов маклашеевской керамики в северной части раскопа может свидетельствовать о существовании культурного слоя пострубной эпохи севернее исследованного участка памятника. На вероятную связь псалиев с этим культурным слоем указывает не только расположение сооружения 41, в котором они найдены, на северной окраине раскопа, но и что более важно, их технико-типологические особенности, которые, как было показано, позволяют их сопоставлять со стержневыми псалиями Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана, относящихся к культурам второй половины II тыс. до н.э.

Вместе с тем, сочетание расположения отверстий в двух плоскостях с грибовидными утолщениями на концах позволяют отнести найденные псалии к особому типу, представленному пока только на двух памятниках лесостепного Поволжья. Примечательно, что на поселении Лебяжинка V находка псалия сопровождалась керамикой сусканской культуры. Это позволяет предложить датировку псалиев малячкинского типа в пределах XIV–XII вв. до н.э., так как для белозерского времени, как и для псалиев предананьинской эпохи Волго-Камья характерны преимущественно псалии с отверстиями

в одной плоскости (Лесков, 1971. Табл. 4; Махортых, 2014. С. 456)

В заключение одно замечание относительно обстоятельств находки малячкинских псалиев. Замечено, что псалии довольно часто обнаруживают на дне построек, у стен, в оборонительных рвах и «хозяйственных» ямах. В связи с этим выдвинуто предположение, что размещение псалиев у объектов, маркирующих границы, отделяющие обжитой (сакральный) мир от внешнего враждебного, а также в ямах и сооружениях, имевших, возможно, функцию жертвенников, может указывать на использование предметов конской упряжи в ритуальных целях (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2010; 2016). Нельзя исключать, что в Малячкино III мы имеем дело с еще одним случаем преднамеренного размещения поврежденных частей конской узды в яму с сакральными целями. Яма, возможно, приурочена к краю поселения, точнее, той его части, которая относится к финальному бронзовому веку, и маркирует границы сакрального пространства. Но поскольку других, более конкретных признаков ритуального использования ямы 41, в которой псалии были обнаружены, не зафиксировано, придется пока воздержаться от такой однозначной интерпретации находки.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарев В.С.* Периоды развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской степи. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2016. Вып. 12. С. 109–160.
- Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф.* Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Коллективная монография. Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010. С. 292–293.
- Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф.* Культурно-типологические характеристики древнейших дисковидных псалиев Северной Евразии // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 61–79.
- Бочкарев В.С., Кузьмина О.В.* О новом типе проушных топоров начальной поры эпохи поздней бронзы Дно-Волго-Уралья // Самарский край в истории России. Самара, 2015. Вып. 5. С. 107–114.
- Бруяко И.В.* Комплекс эпохи раннего гальштата с костяными псалиями (городище Картал на Нижнем Дунае) // Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic. Chișinău, 2019. С. 137–150.
- Варфоломеев В.В.* О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Межвузовский сборник. Челябинск, 1988. С. 80–99.
- Гершкович Я.П.* Суботовское городище. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2016. 508 с.
- Гершкович Я.П.* Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье) // Археологический альманах. № 7. Донецк, 1998. С. 61–92.
- Григорьев С.А.* Роговые и костяные псалии Евразии начала позднего бронзового века // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2022. Том 22. № 1. С. 162–177.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002. 348 с.
- Казаков Е.П.* О некоторых итогах работы Раннеболгарской экспедиции в 2001 году // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань: Школа, 2002. С. 83–86.
- Колев Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 242–301.
- Колотухин В.А.* Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму // СА, 1982. № 1. С. 105–119.
- Колотухин В.А.* Поздний бронзовый век Крыма. Киев, Издательский дом «Стилос». 2003. 139 с.
- Кузьмина О.В., Колев Ю.И., Ластовский А.А., Турецкий М.А.* Материалы эпохи бронзы поселения Лебяжинка V // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во «Книжное Издательство», 2017. Вып. 6. С. 124–274.

- Кукушкин И.А.* Этнокультурные процессы на территории Центрального Казахстана // Страсти по детям. *Stratum plus*. 2023. № 2. С. 291–386.
- Лесков А.М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии / МИА. 1971. № 177. С. 75–91.
- Махортых С.В.* Киммерийцы и население Волго-Камья в раннем железном веке // АЕС. Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Казань, 2014. Вып. 20. С. 455–477.
- Мелюкова А.И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. 256 с.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) // Древности Сибири и Центральной Азии. / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 14–33.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Взнуздавшие лошадь (стержневидные псалии Евразии конца II – начала I тыс. до н.э.: типологические и хронологические сопоставления) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2014. № 7 (19). С. 85–118.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Псалии Центральной и Южной Европы от Оарца де Сус и Микен до Бабадага: археологические контексты // *Revista Arheologică. Serie nouă*. Vol. XII. Nr. 1–2. Chişinău, 2016, 61–79.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Конская узда маклашеевской культуры: проблема происхождения // АЕС. Казань, 2017. № 3. С. 89–107.
- Пыслару И.* Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 322–345.
- Саттаров Р.Р., Денисов А.В.* Археологические разведки в Шигонском районе Самарской области в 2019 году // Археологические открытия в Самарской области 2019 года. Самара, 2020. С. 41–42.
- Ситников С.М.* Псалии саргаринско-алексеевской культуры (по материалам лесостепного и степного Алтая) // Археологический альманах. Донецк, 2004. № 15. С. 139–142.
- Ситников С.М.* Культура алексеевско-саргаринского населения лесостепного и степного Алтая: монография. Барнаул; АлтГПУ, 2015. 254 с.
- Смирнов К.Ф.* Археологические данные о древних данных всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1. С. 46–72.
- Смирнова Г.И.* Псалии типа Борьяш в культуре Ноа // КСИА. М., 1970. Вып. 123. С. 106–110.
- Турецкий М.А., Китов Е.П., Гальцов К.Д., Ковалевский В.Н.* Раскопки селища Малячкино III в Шигонском районе Самарской области // Археологические открытия в Самарской области 2021 года. Самара, 2022. С. 19–20.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.
- Шаповалов Т.А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976. С. 150–172.
- Шарафутдинова И.Н.* Сабатиновская культура // Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. С. 83–116.
- Шарафутдинова И.Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка, 1982.
- Boroffka Nikolaus.* Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud, Teil II // *Eurasia Antiqua* 4, 1998. P. 81–135.
- Mozsolics A.* Mors en bois de serf sur le territoire du Bassin des Carpathes // *Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae*. T. III. Budapest, 1953.
- Samuel van Willigen und Andreas Mäder.* Zwischen Zürichsee und Kaukasus: Die Trense von Zürich-Alpenquai // *Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*. Band 69. 2012. Heft 2. Verlag Karl Schwegler AG, Zürich.

ДОЛОТО ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ СЕЛИЩА ЛЕБЯЖИНКА IX НА Р. СОК В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ

© 2023 С.А. Агапов, А.П. Григорьев *, С.В. Кузьминых **

** Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит — ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».*

*** Статья подготовлена С.В. Кузьминых по госзаданию Института археологии РАН, № НИОКТР 122011200264-9.*

Аннотация. В статье обсуждаются результаты исследования медного долота, обнаруженного в культурном слое селища Лебяжинка IX. По химическому составу и морфологическим характеристикам орудие тяготеет к группе аналогичных артефактов финала бронзовой эпохи лесостепного Волго-Уралья, связанных с культурами андронидного круга.

Ключевые слова: лесостепное Поволжье, финал эпохи бронзы, долото, медь, рентгенофлуоресцентный анализ.

LATE BRONZE AGE CHISEL FROM THE LEBYAZHINKA IX SETTLEMENT ON THE SOK RIVER IN THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION

© 2023 S.A. Agapov, A.P. Grigorev, S.V. Kuzminykh

Abstract. The article discusses the results of the study of a copper chisel found in the cultural stratum of the Lebyazhinka IX settlement. The chemical composition and morphological characteristics of the tool belongs to the group of similar artefacts of the Final Bronze Age of the forest-steppe Volga-Urals associated with the cultures of the andronoid circle.

Keywords: forest-steppe Volga region, final Bronze Age, chisel, copper, X-ray fluorescence analysis.

Введение

С 1970-х гг. в бассейне р. Сок активно ведутся поиски и исследования стоянок и поселений позднего каменного и бронзового веков. Участок поймы длиной более 150 км от впадения реки в Волгу является, пожалуй, самой изученной в археологическом отношении территорией Самарской области. Тем не менее практически ежегодно здесь выявляются новые объекты археологического наследия. Среди всего массива древностей позднего бронзового века (ПБВ) материалы его заключительного этапа представлены здесь наиболее скромно (Колев, 2000; 2008). В Сокском археологическом микрорайоне к настоящему времени исследовано всего около 10 бытовых памятников, содержащих материалы финала ПБВ. Погребения, надёжно относимые к этой эпохе, выявлены лишь в одном исследованном курганном могильнике (илл. 1), при том что раскопки погребальных памятников также ведутся здесь довольно активно. В связи с этим каждый вновь выявляемый в данном микрорайоне памятник конца ПБВ представляет высокую источниковую ценность.

Археологический контекст

Селище Лебяжинка IX было обнаружено отрядом Средневолжской археологической экспедиции под руководством А.П. Григорьева в 2021 году. Памятник располагается в левобережной пойме р. Сок у левого бере-

га старичного озера Косулькино на небольшом останце округлой формы шириной 90 м и высотой 50–75 см (илл. 2). Археологический материал был зафиксирован в шурфе № 1. Находки представлены невыразительными фрагментами сосудов и костями животных. Кроме этого, в третьем пласте шурфа в слое коричневой гумусированной супеси был обнаружен металлический предмет.

Орудие принадлежит к категории втульчатых криволезвийных (желобчатых) тесел-долот с закрытой («слепой») втулкой, округлое устье втулки которых укреплено массивным валиком или манжетой, тулово орудия слегка заужено по всей длине, желобок длинный и глубокий, с литейным изъяном в центре. Орудие отлито в двухстворчатой форме, скорее всего, глиняной, с плохо притертыми или чуть разошедшимися створками – затеки хорошо видны на фото, рисунке и сечении верхней и центральной части (илл. 3). Размеры: масса 76 гр, общая длина 85 мм, длина желобка 67 мм, устье втулки 12×12 мм, длина рабочей части 13 мм.

Обсуждение

По комплексу морфологических характеристик (слепая втулка, кривое лезвие, закругленный желобок, валик-ободок) ранее такие тесла-долота относились к типу Т-22 для восточноевропейской зоны культур ПБВ (Черных, 1976. Рис. 47) и/или типу П-2 – для культур

азиатской зоны (Аванесова, 1991. С. 52). В классификациях Е.Н. Черных и Н.А. Аванесовой были объединены все разновидности желобчатых долот. Позднее С.А. Агапов (Агапов, 1990а; 1990б) и С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1995) предложили более дробную классификацию этих орудий с учетом их размеров (длинные, средние и миниатюрные), дополнительных желобков (внутри основного), валиков и орнамента под венчиком.

Тесло-долото из Лебяжинки IX соответствует в данной классификации орудиям среднего и миниатюрного размера – типы ТД-84 и ТД-86 (Агапов, 1990б. С. 99, 100). Большая их часть найдена в лесостепи Волго-Уралья и Зауралья и незначительная – в степных районах. Ряд находок (Ананьинское, Луговское 2, Чупинское, Черемуховый Куст и др.) определенно связан с культурами андронидного круга (луговская, сусканская, черкаскульская) и в меньшем числе – с маклашевской, ивановской и алексеевско-саргаринской. Длинные желобчатые орудия (ТД-80 и ТД-82) составляют гораздо большую серию, причем в основном степную азиатскую. Их немало найдено в ареале алексеевско-саргаринской культуры, в том числе в известных кладах (Новоалексеевский, Шамшинский, Туюкский, Сокулукский и др.) (Агапов, 1990. С. 99). Меньшая часть этих орудий связана с андронидными древностями, включая знаменитый клад из Сосновой Мазы. Ареалы длинных и средних/миниатюрных тесел-долот заметно расходятся, отражая, по всей вероятности, их культурную и хронологическую специфику.

Хронологически такие тесла-долота характерны для горизонтов ПБВ-3 и ПБВ-4 Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (Черных, 1978; Агапов, 1990а; Кузьминых, 1995; Кузьминых, Дегтярева, 2006; Агапов и др., 2012) или IV (лобойковско-дербедневской) и V (красномаяцкой) группы металлопроизводства эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы согласно периодизации В.С. Бочкарёва (Бочкарёв, 2017).

Рис. 9–11). Подобные орудия широко распространены в ареале Европейской металлургической провинции – на ее пограничье с Западноазиатской (Среднее и Нижнее Поднепровье) и в Буго-Днестровском регионе (Черных, 1976. С. 109–110; Воškarev, Leskov, 1980; Ключко, 2017). В системе Западноазиатской провинции они производились в Волго-Уралье (в основном в лесостепных производящих центрах андронидных культур), но главным образом – в ее Азиатской зоне, прежде всего в центрах алексеевско-саргаринской культуры (Агапов, 1990б. С. 98–101; Агапов и др., 2012).

Связь тесла-долота из Лебяжинки IX с серией аналогичных волго-уральских орудий очевидна не только по его морфологическому облику, но и по химическому составу металла. Рентгенофлюоресцентный анализ (ан. 50901), проведенный в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН В.Ю. Луньковым, показал, что предмет изготовлен из т.н. «загрязненной» меди (Черных, 2007. С. 57). Методом РФА выявлены примеси не ниже сотых долей процента: Pb – 0,06; Zn – 0,05; Bi – 0,02; Ag – 0,03; Sb – 0,07; As – 0,15; Fe – 1,07; Ni – 0,27; Co – 0,12. По ранее принятой номенклатуре химических групп Волго-Уралья и Поволжья (Черных, 1970. С. 15 и др.) изделия с таким химическим составом относились к группе ВУ (волго-уральская). Такой «загрязненной» меди немало в коллекциях ПБВ-3 и ПБВ-4 и в Европейской, и в Азиатской зонах Западноазиатской провинции, включая «андронидные» и «валиковые» культуры (Агапов, 1990а; Кузьминых, 1995; Агапов и др., 2012).

В территориальном и морфологическом отношении ближайшими аналогиями теслу-долоту из Лебяжинки IX является образцы из Луговского 2 поселения (Збруева, 1960. Рис. 10: 8), окрестностей бывшего с. Мордово (Штукенберг, 1901. С. 282) и из Билярска (Лихачев, 1891. Табл. II: 6) в Татарстане.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 200 с.
- Агапов С.А. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1990а. 17 с.
- Агапов С.А. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1990б. Т. 2. 282 с. // Архив ИА РАН.
- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2012. № 3 (18). С. 44–59.
- Бочкарёв В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.
- Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. 1960. № 80. С. 10–95.
- Ключко В.И. Древнейшие этапы развития металлургии на Украине (типохронология древних металлических изделий Украины) // Ключко В.И., Козыменко А.В. Древний металл Украины. Киев, 2017. 368 с.
- Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 242–301.
- Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 2008. С. 208–240.

Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция (лесные и лесостепные производящие центры). М.: ИА РАН, 1995 / Архив лаборатории естественных методов ИА РАН.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учебник / Под ред. В.Л. Янина. М.: МГУ, 2006. С. 219–270.

Лихачев А.Ф. Следы бронзового века в Казанской губернии // Труды VII Археологического съезда. М., 1891. Т. 2. С. 125–168.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 301 с.

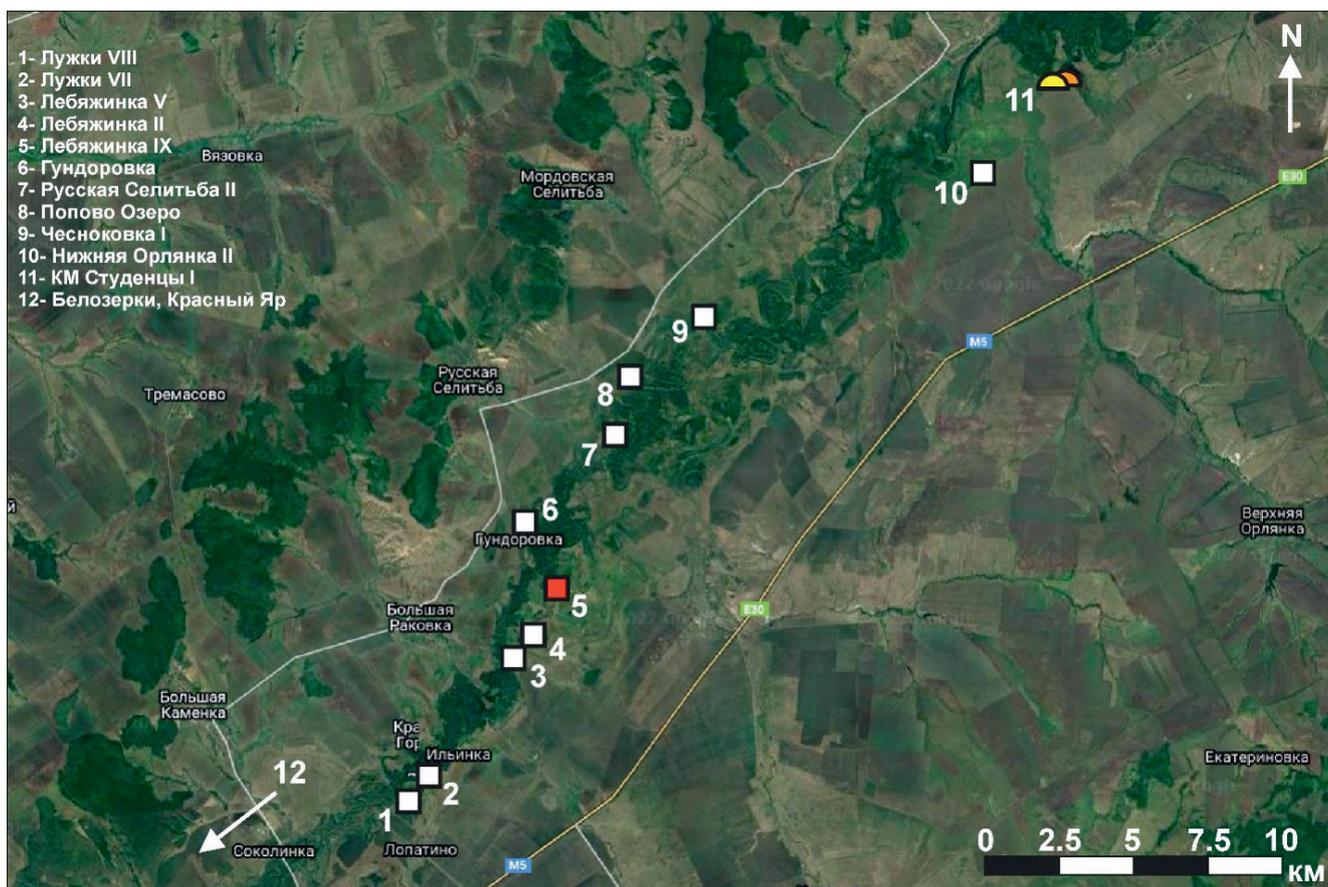
Черных Е.Н. Металлургические провинции и пери-

одизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.

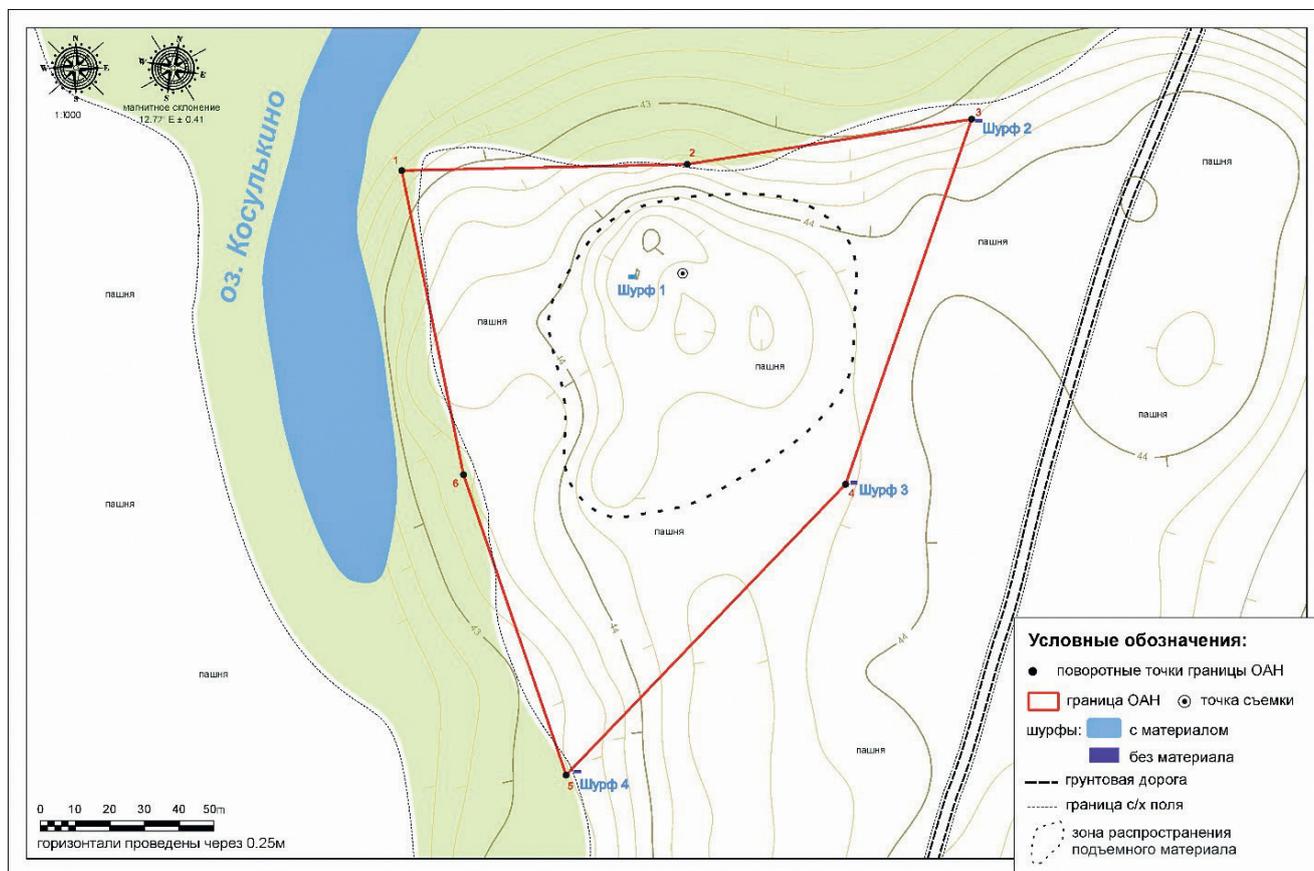
Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития: (Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаических горняков и металлургов) / Каргалы. Москва: Языки славянской культуры, 2007. Т. V. 200 с.

Штукенберг А.А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы России // ИОАИЭ. 1901. Т. 17. Вып. 4. С. 165–213.

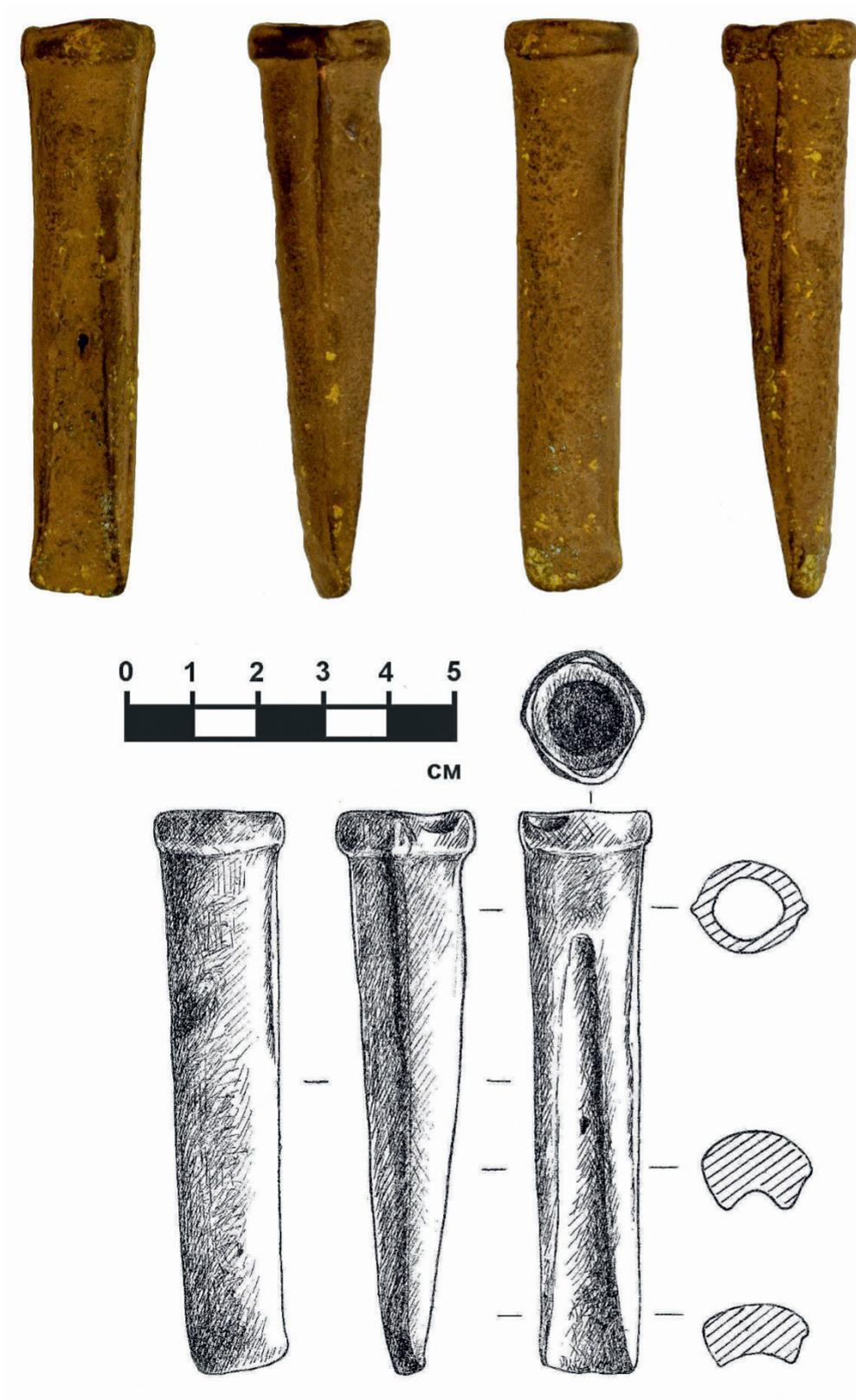
Vočkarev V.S., Leskov A.M. Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet / Prähistorische Bronzefunde. Abt. XIX. Band 1. München, 1980. 122 s.

Илл. 1. Селище Лебяжинка IX в ареале распространения памятников заключительного этапа ПБВ в бассейне р. Сок.

Илл. 2. Топографический план селища Лебяжинка IX.

Илл. 3. Долото из селища Лебяжинка IX.

УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ САРМАТИЯ VI – VII ВВ. Н.Э.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2023 Е.П. Казаков

Аннотация. Во второй половине XX в. в Урало-Поволжье было открыто много новых памятников со своеобразным и даже неожиданным материалом. Среди археологов велись долгие дискуссии о датировке и происхождении оставившего их населения, хотя многие из них связывали со славянами, сарматами и др. Новые полученные материалы (II Коминтерновский могильник и пр.) позволяют отнести комплексы к сарматам VI – VII вв. н.э., проживавшим в это время на широких пространствах Урало-Поволжья. В статье отмечается нелегкий, а иногда и долгий путь археологов в процессе получения материалов для обоснованных выводов.

Ключевые слова: бахмутинская, турбаслинская, именьковско-романовская, неволинская, кушнаренковская культуры.

URAL-VOLGA SARMATIA IN THE 6TH - 7TH CENTURIES A.D.: PROBLEMS OF RESEARCH

© 2023 E.P. Kazakov

Abstract. In the second half of the 20th century many new archaeological sites with original, and even unexpected, materials were discovered in the Ural-Volga region. Among archaeologists, there were a lot of discussions about the dating and origin of the population that left them, though many of these sites were connected with Slavs, Sarmatians and others. The new materials obtained (II Kominternovskiy burial ground etc.) allows these complexes to be attributed to the Sarmatians of the 6th – 7th centuries AD who lived at that time over wide areas of the Volga-Urals region. The article points out the archaeologists' uneasy, and sometimes long, way in the process of obtaining a number of materials enough for proper conclusions.

Keywords: Bakhmutinskaya, Turbaslinskaya, Imen'kovo-Romanovskaya, Nevolinskaya, Kushnarenkovskaya archaeological cultures.

Жарким летом 1959 г. мы, студенты Казанского государственного университета, только окончившие первый курс истфака, под руководством В.Ф. Генинга в райцентре Кушнаренково Башкирской АССР вели раскопки могильника, открытого А.П. Шокуровым. На некрополе были вскрыты ямы, где погребенные, ориентированные головой на север, сопровождалась погребальным инвентарём в виде крупных лепных круглодонных и плоскодонных сосудов. Выделялись длинные могильные ямы с характерными заплечиками-уступами и подбоями, сопровождаемые комплексами из черепа и костей ног коня, были также изучены захоронения с трупосожжениями, сопровождаемые плоскодонными горшками, которые тогда отнесли к романовскому типу.

В окрестностях села исследованы также селища, где, кроме вышеуказанных, выявлены группы круглодонной посуды, украшенной ямочными наколами, а также посуды с изящным резным, гребенчатым и штампованным орнаментом, позднее названным кушнаренковским. По вещевому инвентарю все указанные памятники отнесены к VI – VII вв. н.э. (Генинг, 1977. С. 90–136).

В этом же году после указанных работ наш отряд переехал в другой райцентр, где несколько дней участвовал в раскопках Бирского могильника, которые вели башкирские коллеги под руководством Н.А. Мажитова. Этот исследователь разделил комплексы па-

мятника на ранние и поздние, и позже выделил на их основе бахмутинскую культуру (Мажитов, 1968).

Поздняя часть Бирского могильника фактически аналогична материалу вышеуказанных памятников у с. Кушнаренково. Тот же погребальный обряд с северной ориентацией умерших, те же могилы с заплечиками и подбоями, тот же культ коня, те же группы керамики и та же датировка VI – VII вв. н.э. (Мажитов, 1968. С. 29–66).

Выдающимся было исследование этим автором в 1957–1958 гг. Ново-Турбаслинского поселения и курганного могильника в Благовещенском районе, пограничном Кушнаренковскому и Бирскому районам Башкирской АССР (Мажитов, 1959). В них объединились те же отмеченные ранее элементы культуры. Таким образом, изученные три памятника в соседних районах отражали северный вариант выделенной турбаслинской культуры, центр которой находился в излучине рек Белая и Уфа (Археологическая карта Башкирии, 1976. С. 260, карта 8). Здесь на небольшой территории выявлено три городища и погребения, возможно, вождей, с изделиями из драгоценных металлов.

Полученные материалы свидетельствовали, что на территории Башкирии имелись различные группы пришлого населения. В.Ф. Генинг отметил на данной территории десять родоплеменных образований, различаемых по обряду и вещевому инвентарю (Генинг, 1971. С. 44–54). Среди них выявлены комплексы кру-

гладонной посуды с ямочным орнаментом, которые, в основном, формируются в северо-восточных районах Башкортостана.

Появление такого населения в Приуралье, скорее всего, было связано с бурными событиями времени образования Первого Тюркского каганата. Неожиданный, страшный военный удар был нанесён [тогда] по территории западносибирской лесостепи, где вместе с сарматами проживали восточные угры (предки хантов) и палеоазиатские племена (предки селькупов). Спасаясь, это население вынуждено было уйти далеко на северо-запад, в таёжную зону Республики Коми. Здесь они оставили памятники ванвиздинской культуры, в которой сохранились явные следы культуры степей: курганный обряд, культ коня, вещи среднеазиатского происхождения и т.д. Угорское население Урала также было сдвинуто к северу: в верховьях рек Камы и Вятки оно образовало неволинскую и полонскую культуры (Казаков, 2022а. С. 102–113).

События этого времени привели к тому, что в Приуралье, в районе их летних кочевий, вынуждены были осесть сарматы. Среди них были как племена с лепной горшковидной плоскодонной посудой, переселяющиеся из районов джетысарской культуры Приаралья, так и племена из лесостепи Западной Сибири с лепной круглодонной керамикой. Р.Д. Голдина опубликовала богатые материалы неволинской культуры с лепной круглодонной, часто чашевидной, посудой из бассейна р. Сылва Пермского края.

Таким образом, отмеченные события можно назвать очередным «великим переселением народов», охватившим огромную территорию Евразии. Время совершения его, судя по письменным источникам, относится к середине VI в., когда тюркюты разбили в Приаралье упорно сопротивляющиеся племена хуни, оговров и авар.

В Татарстане изучение этих древностей шло своим путём. В основном малоинформативную плоскодонную посуду связывали с местным «буртасским» населением (Калинин, Халиков, 1954. С. 46–50). В 1958 г. В.Ф. Генинг впервые изучил некрополь с трупосожжением у с. Рождествено Татарской АССР. Он предложил отнести его к именьковской культуре, учитывая то, что в ней отмечена керамика, полученная Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым при раскопках Именьковского городища (Генинг и др., 1962). В последующие годы на территории Татарстана были изучены десятки памятников этой культуры как некрополей, так и городищ и поселений. Материал их был обобщён в монографии П.Н. Старостина (Старостин, 1967), который также отметил полную и несомненную близость по материалу романовских и именьковских памятников (Старостин, 1971. С. 148–150).

Многие элементы культур этих памятников отмечены в древностях других селищ и городищ Татарста-

на: так, несомненный интерес представляют материалы группы памятников в Альметьевском районе республики. В числе последних – уникальное селище Шихан со следами пребывания оседлого земледельческо-скотоводческого населения, проживавшего в наземных домах (Казаков, Рафикова, 1999. С. 29–31). Крупные сосуды из них, иногда с шишкообразными налепами, явно входят в турбаслинский круг (Казаков, Рафикова, 1999. С. 65, рис. 19).

Целый куст именьковской культуры выявлен у с. Сунчелеево Аксубаевского района республики, в который входили городище и несколько поселений. На одном из последних найдено два бронзовых котла (Археологические памятники бассейна р. Черемшан, 1990. С. 23, № 142; там же. С. 98, рис. 4). Хотя эти изделия связывали с гуннами, они, несомненно, относятся к именьковскому времени (Казаков, 1999. С. 26).

В изучение именьковской культуры огромный вклад внесли самарские археологи. Они, что важно, провели исследования на сильно укрепленных оборонительными сооружениями городищах на Самарской Луке: Кармалинском, Стенькин городок и др. Размеры этих памятников, сильное укрепление их свидетельствует, что они, скорее всего, были не родовыми, но племенными центрами, находящимися в зоне постоянной опасности. Керамика этих городищ по форме и составу теста идентична посуде турбаслинских памятников, встречаются также изделия с ямочным орнаментом (Богачев и др., 2013. С. 157, рис. 19,9); на Кармалинском городище найден клад серебряных монет середины VI в. н.э. (Богачев и др., 2013. С. 128).

Несмотря на многочисленность именьковских памятников, источниковедческая база их была, – и всё ещё является, – слабой, особенно это верно в отношении некрополей, где огнём при проведении погребального обряда уничтожен или необратимо повреждён практически весь, кроме керамики, вещевой материал. Огромная территория, занятая такими памятниками, вызвала широкий интерес в отношении их этнокультурной атрибуции. Г.И. Матвеева убеждала коллег, что памятники именьковской культуры оставлены славянами, А.Х. Халиков полагал их балтоязычными (Казаков, 2011. С. 12–13), высказывались и иные точки зрения.

Г.И. Матвеева, создатель археологической школы в г. Куйбышеве (Самаре), обладала исключительным трудолюбием и организаторскими способностями. При ней сформировался коллектив молодых талантливых археологов, работы которых выдвинули Самарский центр на важное место среди практикующих археологических научных школ СССР и, впоследствии – РФ. В отношении именьковской культуры при явной нехватке сравнительного материала Г.И. Матвеева вполне обоснованно обратила внимание на формально-логические моменты: трупосожжение, плоскодонная посуда и т.д. Для доказательства связи именьковского населения

со славянами она скрупулёзно собрала и использовала все доступные на тот момент материалы (Матвеева, 1981); в результате все, даже крупные, российские археологи, признали тогда её правоту.

Положение изменилось, когда в 1984 г. был открыт такой реперный памятник, как II Коминтерновский могильник в Спасском районе Республики Татарстан. В нём от продолжающегося разрушения водохранилищем удалось спасти около сотни захоронений с богатыми вещевыми комплексами. Материал их в целом был опубликован в отдельной статье (Казаков, 1998. С. 97–150) и монографии (Казаков, 2021). В результате проведённых многолетних исследований выявлено, что памятник, в основном, датируется второй половиной VI – началом VII в. н.э. и появление его связано с миграцией приаральских племён хуни, вар и огоров, потерпевших военное поражение от Первого Тюркского каганата в середине VI в. н.э.

В памятнике фактически отражены объёмные материалы всех основных вышеупомянутых культур Урало-Поволжья, причём массовые вещевые комплексы II Коминтерновского могильника позволили датировать их в пределах VI – VII вв. н.э. Так, в одном ряду находились захоронения как с трупосожжением, так и с трупоположением, т.е. речь идёт о биритуальности погребального обряда, как характерной черте оставившего данный памятник населения: в могильнике в тесной связи находились комплексы именьковско-романовской, бахмутинской и турбаслинской культур.

В округе памятника, в 2 км от него, изучено селище с круглодонной посудой, орнаментированной ямочными (бахмутинскими) наколами. Учитывая, что погребения с кремацией, как и трупоположения, также были ориентированы по линии север – юг и (там, где он в достаточной степени сохранился) содержали идентичный вещевой материал, можно утверждать, что рассматриваемый некрополь оставлен группой населения, практикующей биритуальность погребального обряда – как это, согласно письменным источникам, имело место у сарматоязычных буртас. Уникальные для региона находки, имеющие аналогии на обширной территории Евразии, специфические культовые изделия, искусственная деформация черепов и ряд иных признаков не оставляют сомнения в принадлежности памятника средневековым сарматам (Казаков, 2021. С. 36–38), с чем были согласны и археологи Башкирии относительно подобных памятников турбаслинской культуры.

В настоящее время памятники средневековых сармат, представленные рассматриваемыми в этой публикации культурами, распространены на огромной территории от Приаралья до Пензенского края (около 250 000 кв. км территории, в основном в лесостепной зоне). На востоке оставившее их сарматское население активно взаимодействовало с уральскими уграми, а на западных землях – с финно-уграми.

Несмотря на явное племенное разделение сарматской культурно-исторической общности, что прослеживается по материалам различных археологических памятников, общность их проявляла явные признаки идеологического и политического единства. Довольно развитое хозяйство, в том числе ремесло, способствовали развитию торговли. Активные торговые пути сармат – как внутри этого, своеобразного «Урало-Поволжского», объединения, – так и на территории Восточной Европы в целом, ещё ждут своих исследователей, центр же этого родоплеменного объединения мог, предположительно, находиться на территории современного г. Уфы, где, как отмечалось выше, на относительно небольшой территории в бассейне рек Кама и Белая выявлены три городища и, видимо, княжеские захоронения с богатым вещевым материалом турбаслинской культуры.

Исключительно важным было открытие Р.Р. Валиевым в 2015 г. также в Приустьевом Закамье и неподалеку от II Коминтерновского могильника II Новославского могильника (Валиев, 2018. С. 211–226), при этом необходимо отметить, что памятники эти практически аналогичны по вещевому материалу. Сейчас в низовьях р. Камы изучено уже пять некрополей, в которых совместно, в органическом единстве, отмечены именьковские захоронения с трупосожжением и турбаслинские – с трупоположением; такие же некрополи известны и в Башкирии.

Таким образом, на огромной территории Урало-Поволжья существовало фактически предгосударственное объединение, которое условно можно назвать «Урало-Поволжская Сарматия». Его достаточно развитая, сформировавшаяся за много веков кочевания культура, оказывала влияние и на культуру угров, поволжских и пермских финнов; так, например, в марийском языке выявлены различные по времени пласты сарматской лексики (Казаков, 2007. С. 268–273).

Дальнейшая судьба именьковско-турбаслинской общности совпадает с судьбой других племенных объединений с непрочной оседлостью, которых привлекало Урало-Поволжье. В последней трети VIII в., на маняжском этапе её развития, отряды кочевых угров формирующейся «Великой Венгрии» – Magna Hungaria нанесли сокрушительный удар по сарматам, торговые центры которых были разгромлены, о чём можно судить по обнаруженным на них скоплениям человеческих костей (Казаков, 2021. С. 38); именьковская культура прекратила своё существование. Были уничтожены многочисленные селища, городища – вместо них у богатых пастбищами долин рек появились сезонные стоянки с характерной кушнаренковской посудой.

Угры даже переправились через Волгу и захватили сарматское II Тетюшское городище. Чтобы остановить их движение на запад, на земли буртас, сарматы в экстремальных условиях в овражно-лесистой местности

к югу от современного г. Тетюши построили громадное Большетарханское городище, размерами в плане 1200х600 м, укреплённое «волчьими ямами», валами, рвами, оборудованное дозорно-оборонительными башнями – практически непреодолимую преграду для конного войска кочевников. Этот памятник, без сомнения, следует считать самым крупным оборонительным сооружением Урало-Поволжья эпохи Средневековья, вплоть до периода возникновения городов Волжской Болгарии (Казаков, 2022б. С. 207–208).

Племена сармат, известные как «асы» или «ясы» (Г.Е. Афанасьев, О.Б. Бубенок) большими массами продолжали проживать в Восточной Европе вплоть до монгольского нашествия. Назовём только такие определения как буртас, эрзяс (отсюда и название современного г. Арзамас), предводитель части мордвы – Пургас и др. Период рассматриваемых масштабных этнокультурных изменений, можно с полным основанием назвать очередным «Великим переселением народов»: оно занимает период в 60–70 лет – от последней четверти IX в. до середины X в. В это время печенеги изгнали на запад, за Волгу, мадьяр и, возможно, из-за огузов сами последовали за ними. Часть северо-салтовского, в основном, кочевого населения переселилась в Среднее Поволжье. В это время исчезает богатейшая салтовская культура, но в то же время возникают уже первые государственные образования: Волжская Болгария, Киевская Русь, Венгрия.

Судя по языческим могильникам Волжской Болгарии и отсутствию селищ с круговой (аланской) керамикой, переселившиеся в Среднее Поволжье в конце IX в. группы представителей салтовской культуры, состав населения которой включал в себя массы сармат, состояли из тюркоязычных и сарматских племён (Казаков, 2020. С. 168–170). По сообщению Ибн-Фадлана, этот образ жизни в Среднем Поволжье, продолжался у них практически всю первую четверть X в.

И последний раздел, который можно назвать «post scriptum». Известно, что многие, наиболее древние географические названия не сохранились; но с появлением государственности и письменности они уже достигают современности. Не являясь языковедом, знаю, что многие специалисты этого направления пытались определить, какой именно народ оставил на широкой территории географические названия с окончаниями на -ГА, -МА, -ША; вызывает особый интерес, в частности, то, что последнее окончание обозначает, скорее всего, реку. И часто на реке с таким окончанием в названии фиксируются памятники средневековых сармат или же народов, тесно связанных с ними – например, мордвы. Так, в низовьях р. Меша в Татарстане изучен целый куст сарматских памятников VI – VII вв.: селищ, городищ, могильников. В Нижегородской области, через г. Арзамас (Эрзяс) протекает р. Теша. В окрестностях этого города В.Н. Мартынов изучил несколько могильников эрзи эпохи Средневековья. В этой же области имеется речка Кетарша – правый приток р. Пьяны, левого притока р. Суры в Бутурлинском районе; в низовьях этой речки, имеется эрзянское селище и могильник. Наконец, мордовское название р. Мокша, могло сохраниться от сармат.

Различные племена сармат проживали, как уже отмечалось выше, на широкой территории Восточной Европы. Название реки у одного из них могло оканчиваться на -РА: так, г. Самара стоит на реке того же названия, также можно указать и вышеупомянутый топоним р. Сура, а в Калужской области есть реки Угра, Жиздра. Скорее всего, также с языком сармат, проживавших в эпоху Средневековья в Причерноморско-Приазовском регионе, связано название р. Самары, на которой стоит г. Днепропетровск и р. Мокрая Сура, правого притока р. Днепр. Возможно, что и само древнее название р. Волга, известное в античном мире как Ра, также происходит от предков сармат.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта Башкирии. М: Наука, 1976. 263 с.
- Археологические памятники бассейна реки Черемшан. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.
- Валиев Р.Р. Новый памятник «коминтерновского типа» имениковской культуры // АЕС. Казань, 2018. № 1. С. 211–226.
- Богачёв А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышкин В.Н., Серых Д.В. Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара, 2013. С. 119–163.
- Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н.э.) // АЭБ. Уфа, 1971. Т. IV. С. 43–53.
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI – VII вв.) // Исследования по археологии Южно-Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено // Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 127 с.
- Голдина Р.Д., Водолого Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье // Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1990. 173 с.
- Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Материалы II Международной археологической конференции. Самара: СОИКМ, 1998. С. 97–150.
- Казаков Е.П. Новые археологические материалы к

- проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // ТА. 1999. № 1–2 (4–5). С. 23–38.
- Казаков Е.П.* Индоиранское воздействие на культуру поволжских финнов в раннем средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола, 2007. С. 268–273.
- Казаков Е.П.* Этнокультурная ситуация IV – VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // FU. № 12–13, 2011. С. 8–39.
- Казаков Е.П.* Сарматское наследие в Волжской Болгарии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара, 2020. Т. II. С. 168–170.
- Казаков Е.П.* Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник // АЕС. Казань: Изд-во «Фэн», 2021. Вып. 26. 148 с.
- Казаков Е.П.* Постпетрогром в системе средневековых угорских культур Урало-Поволжья // ПА. Казань: АН РТ, 2022а. № 2 (40). С. 102–113.
- Казаков Е.П.* Турбаслинско-именьковская общность: проблемы изучения // АЕС. Казань: АН РТ, 2022б. № 6. С. 206–217.
- Казаков Е.П., Рафикова З.С.* Очерки древней истории Восточного Закамья // Альметьевск: Альметьевнефть, 1999. 119 с.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.
- Мажитов Н.А.* Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 114–142.
- Матвеева Г.И.* О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: Куйбышевский госуниверситет, 1981. С. 52–73.
- Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 95 с.
- Старостин П.Н.* О романовских и именьковских памятниках // АЭБ. Уфа, 1971. Т. IV. С. 148–150.

АСЫ И БУРТАСЫ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И В ПРЕДУРАЛЬЕ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

© 2023 А.В. Богачев

Аннотация. Статья посвящена проблеме локализации сармат-асов и буртасов в Волго-Уралье на основе анализа данных топонимики. Выявлено около 90 топонимов с морфемой –ас/аз, которая вероятно восходит к этнонимам асы и буртасы. Карта топонимов была сопоставлена с картами распространения артефактов, связываемых с сарматами. Установлено, что в Волго-Уралье на границах именьковской культуры в V – VI вв. жили сарматы-асы. На рубеже VI – VII вв. они переселились на правый берег Средней Волги. Арабские письменные источники сообщают о существовании в «долине Итиля» буртасов. Согласно Ибн Са'иду в районе расселения буртасов имеется два гидронима *Мазга*. Рядом с Волгой (в бассейне реки Терешка) выявлена группа топонимов (включая гидронимы) *Маза* и *Буртас*. На рубеже I – II тыс. буртасы переселились в более западные районы (Пензенская обл., Мордовия), а в XIII в. – на территорию современной Чувашии и Татарстана.

Ключевые слова: сарматы, асы, буртасы, именьковская культура, турбаслинская культура, топонимы, Средняя Волга, Урал, средние века.

THE AS AND THE BURTAS IN THE MIDDLE VOLGA REGION AND THE URALS ACCORDING TO THE PLACE NAMES DATA

© 2023 A.V. Bogachev

Abstract. The article is devoted to the issue of the As(Az)-Sarmatians' and the Burtas' place of habitation in the Volga-Ural region on the basis of the place names analysis. About 90 place names with the morpheme «as/az» have been found. This morpheme probably can be traced to the ethnonyms «As/Az» and «Burtas». The place names map was compared to the map of the distribution of artifacts related to the Sarmatians. It has been found that the As(Az)-Sarmatians lived in the Volga-Ural region along the borders of the Imenkov Culture in the 5th-6th centuries. At the turn of the 6th and 7th centuries they migrated to the right coast of the Middle Volga. According to the Arabic written sources, the Burtas did live in the «Itil (Atil) region». According to Ibn Sa'īd, there are two hydronyms «Mazga» in the Burtas settlement area. A group of place names «Maza» and «Burtas», including hydronyms, has been found near the Volga in the Tereshka River region. At the turn of the 1st and 2nd millennium the Burtas migrated to the western areas (the Penza region, Mordovia) and then in the 13th century they moved to the area of present-day Chuvashia and Tatarstan.

Keywords: Sarmatians, aces, burtases, Imenkovskaya culture, Turbasli culture, toponyms, Middle Volga, Ural, Middle Ages.

Согласно одной из версий этноним «буртасы» переводится как *потомки асов* (Афанасьев, 1987. С. 167; и др.). Нам представляется важным попытаться найти места обитания собственно алан-асов, до того момента как они «переформатировались» в буртасов. И как мы покажем ниже, следы асов достаточно отчетливо представлены в топонимическом наследии Среднего Поволжья и Предуралья (рис. 1), которое определенно коррелирует с данными археологии и письменных источников.

В январе 1990 года на базе Пензенского государственного объединенного краеведческого музея была проведена межобластная научная конференция «Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов». Ее организатору Александру Васильевичу Расторопову удалось собрать ведущих специалистов (археологов, историков, лингвистов) по обозначенным вопросам из Москвы, Баку, Казани, Свердловска (Екатеринбург), Уфы, Самары, Элисты, Волгограда и Пензы. Вероятно, проведение этого форума было стимулировано, выходом в свет в

1987 году монографии Г.Е. Афанасьева, в которой автор предложил оригинальную идею отождествления буртасов с носителями лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры: «эта связь подтверждается также правомочностью отождествления реки Буртас с Доном. Согласуются с нашим выводом и возможные варианты перевода этнонима «буртас» сложносоставным словом «бурт/фурт-ас», обозначающим название аланских племен Северного Кавказа – асов, которые в середине VIII в. мигрировали в лесостепную зону бассейна Среднего Дона» (Афанасьев, 1987. С. 167).

Далеко не все участники форума согласились с этой трактовкой. И дискуссия о буртасах, начатая исследователями XIX – первой половины XX вв. (Д.А. Френ, В.В. Гольмстен, Е.И. Горюнова, А.Е. Алихова и др.), получила новый импульс. Справедливости ради заметим, что уже первые статьи Г.Е. Афанасьева с гипотезой об алано-аской этнолингвистической интерпретации буртасов вызвали горячее обсуждение на страницах авторитетного академического журнала «Советская этнография». В частности, достаточно одно-

значно высказался А.Х. Халиков: «попытка Г.Е. Афанасьева отождествить буртасов с носителями лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры не подтверждается ни письменными, ни археологическими материалами» (Халиков, 1985. С. 164). Отповедь оппоненту со стороны Г.Е. Афанасьева была не менее аргументированной и однозначной: «Старая система аргументов, использованная А.Х. Халиковым, для доказательства изначальной тюркоязычности буртасов и их волжской локализации мне представляется несостоятельной, а его попытки найти несоответствия в культуре буртасов и носителей лесостепного (аланского) варианта СМК – не имеющими под собой достаточной источниковедческой базы» (Афанасьев, 1985. С. 169).

Следует отметить, что в «сухом остатке» суть дискуссии двух замечательных исследователей сводилась к констатации факта узости источниковой базы.

И если внимательно посмотреть на материалы конференции, проведенной в Пензе в 1990 году, то ссылок на какие-то принципиально новые источники, позволяющие как-то по-иному взглянуть на проблему буртасов, там не было¹. Исследователи, как правило, ограничились *своим видением* отдельных ее составляющих. Исключением стала публикация Т.М. Калининой, в которой был предложен оригинальный сравнительный анализ текстов о буртасах ал-Истахри, Ибн Хаукала и ал-Масуди (Калинина, 1990), а также статья И.Г. Коноваловой, в которой сравнивались фрагменты текстов о буртасах Ибн Са'ида и Абу-л-Фиды (Коновалова, 1990). Однако, сам факт проведения конференции, привлекавший внимание исследователей к проблеме этнокультурной идентификации буртасов, вне всякого сомнения заслуживает положительной оценки и добрых слов в адрес его организатора А.В. Расторопова.

Вторая конференция в Пензе состоялась два года спустя в 1992 году. Она была не менее представительной, чем первая. Были представлены научные центры Москвы, Киева, Харькова, Казани, Самары, Пензы, Ельца, Воронежа, Волгограда, Ульяновска, Элисты. Однако в теме конференции – Вопросы этнической истории Волго-Донья – буртасский вопрос специально обозначен не был. Впрочем, в заявленных участниками темах докладов его тоже не было.

Эта ситуация нам представляется вполне объяснимой и объективной – все, что можно было сказать о буртасах было сказано два года назад. Новых источников и новых идей не появилось, и буртасская проблематика временно отошла в тень.

Таким образом, к 90-м годам XX века в историографии оформилось четыре основных версии этнолингвистической принадлежности буртасов: финская (мордовская), угорская (мадьярская), тюркская (мишарская)

и иранская (алано-асская)². Несмотря на различные варианты географической локализации буртасов (Полдонье, Поволжье, Приуралье, Кавказ), все исследователи были вынуждены, так или иначе, «привязываться» к Волге. Именно с этой рекой связан исторический и географический контекст событий в повествованиях средневековых авторов о буртасах.

Однако археологическое изучение различных регионов Поволжья к 1990-м годам было неравнозначным. Археологические работы в ряде областей носили сугубо эпизодический характер и были связаны главным образом с новостройками. В этих обстоятельствах трудно было ожидать появления какой-то стройной концепции этнокультурного развития Среднего Поволжья и сопредельных территорий I тыс. н.э.

Однако появление собственных археологических центров в целом ряде регионов Волго-Камья, формирование собственных кадров привело к интенсификации полевых исследований. Следствием всего этого стали раскопки знаковых памятников (Лбище, Коминтерн, Старая Майна, Большие Тиганы, Танкеевка, Новинки, Брусяны, Уфа II и др.), материалы которых позволили исследователям скорректировать (а порой кардинально изменить) свои взгляды на этнокультурную историю региона. Достаточно показательна в этой связи дискуссия об именьковской культуре, которую связывали и с восточными буртасами, и с угро-мадьярами, и с тюрками, и с финнами, но в конечном итоге признали славянской (Богачев, Кузнецов, Хохлов, 2019; 2021; 2022).

Принципиально важным представляется то, что были введены в научный оборот и опубликованы как монографии материалы многих исследованных знаковых памятников региона (Матвеева, 1997; 2004; Мажитов, 1968; 1981; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Богачев, 1998; История Самарского..., 2000; Сташенков, 2005; 2007; Сунгатов, 1998; История татар..., 2002; и др.).

Лингвистика (Напольских, 1996), археозоология (Рослякова, 2007), антропология (Хохлов, 2007; Газимзянов, 1995; Богачев, Ермаков, Хохлов, 1996), почвоведение (Васильева, 2007), новые методы изучения техники и технологии древнего гончарства (Бобринский, 1991; 1999; Салугина, 1988; 2000) и металлургии (Семькин, 1997; Кондрашин, 2003), компьютерная обработка источников (Ковалевская, 1995; 2000) в 1990-е годы начали давать археологам новое знание. Структурирование методик и процедур классификации и хронологического анализа археологического материала позволило, в частности, установить последовательность смены археологических культур Среднего Поволжья I тыс. н.э. и сопредельных территорий (Айбабин, 2003; Амброс, 1989; Засецкая, 1994; Ковалевская, 1981; Бо-

¹ И это отчетливо видно 33 года спустя. Публикации из указанного сборника практически не цитируются.

² Авторство различных версий см.: Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции). Пенза, 1990.

гачев, 1992а, 1992б; Голдина, 1999; Голдина, Водолаго, 1990; Гавритухин, Малашев, 1998; Могильников, 1981; Останина, 1997).

Вместе с тем объективно существующая инерция человеческого мышления тормозила принятие нового знания, особенно если это знание действительно прорывное, идущее в разрез с существующей исследовательской парадигмой, которой придерживается большинство. Порой от полного неприятия новой гипотезы научным сообществом, до полного ее принятия проходят десятилетия (Богачев и др., 2022).

Все сказанное самым непосредственным образом связано с проблемой бургасов.

Новый взгляд на вопросы формирования этого этноса был предложен Е.П. Казаковым. Интересно и важно, что исследователь в своем анализе базировался на уникальных материалах Коминтерновского II могильника, который исследовался им в 1984–1992 гг. (Казаков, 2021).

Уже в одной из первых (предварительных) публикаций этого могильника Е.П. Казаков, оттолкнувшись от факта его биритуализма (кремации и ингумации), писал о возможности существовании некоей турбаслинско-именьковской общности. «Соблазнительно связывать, учитывая находки VII – VIII вв. в Саратовском Поволжье сложных по конструкции могил со шкурами лошади, дальнейшие судьбы турбаслинского населения с бургасами (заметим, что с последними Н.Ф. Калинин соотносил именьковскую культуру). Привлекает внимание значительное сходство важнейших элементов турбаслинской культуры и бургас, известной по письменным источникам: совершение захоронений как по обряду трупосожжения, так и по обряду трупоположения, важная роль женщины, которая сама выбирала себе мужа, отличие культуры от болгарской и пр. Однако, отсутствие изученных памятников IX в., генетически продолжающих традиции, оставляя эту связь лишь на гипотетическом уровне» (Казаков, 1996. С. 49).

Турбаслинцы же, по мнению Е.П. Казакова, наследуют культуру поздних сармат: «Судя по детально представленному костюму в именьковско-турбаслинских памятниках, включающему парные плечевые фибулы, застежки и ряд нагрудных (бутыльчатых в виде «медведок», пластинчатых и др.) подвесок на ремешках, украшенных бронзовыми пронизками и др., данное население, скорее всего, связано с поздними сарматами» (Казаков, 2004, С. 283–284).

Гипотеза Е.П. Казакова вызвала критику Г.И. Матвеевой: «нет оснований связывать появление обряда ингумации с проникновением в Среднее Поволжье турбаслинских племен. Особенно много общих черт именьковская культура имеет с черняховской, для могильников которой характерен биритуализм. В черняховских погребениях, совершенных по обряду ингумации, можно найти некоторые параллели обряду и инвентарю

коминтерновских погребений. Так, наряду с простыми прямоугольными могилами встречаются могильные ямы с заплечиками круговыми или в длинных стенках. В могилах иногда встречаются следы дерева от каких-то внутримогильных конструкций, возможно, гробов. Северная ориентировка, иногда с отклонением к западу, отмеченная в Коминтерновском II могильнике, является типичной и для черняховских погребений» (Матвеева, 1996. С. 62–63).

В более поздней своей работе Г.И. Матвеева не возвращалась к идее о черняховских истоках коминтерновских ингумаций и высказала несколько иной взгляд на эту проблему: «Сложнее решить вопрос о происхождении обряда трупоположения в Коминтерновском II могильнике. Скорее всего, появление этого обряда у именьковского населения, оставившего этот могильник, связано с притоком иноэтничных групп населения на территорию именьковской культуры. Об исходном районе миграции иноэтничного населения судить пока трудно, однако наличие в составе погребального инвентаря некоторых вещей (пряжки, ленточки седел) позволяет видеть в пришельцах племена степной полосы Восточной Европы гуннского времени» (Матвеева, 2004. С. 73).

По мнению Е.П. Казакова, в VII в. кочевнические племена кушнаренковской культуры вытеснили представителей турбаслинско-именьковской общности «в правобережье Саратовского Поволжья, где они проживали в соседстве с салтовскими болгарами» (Казаков, 2013. С. 25).

И в настоящее время Е.П. Казаков продолжает считать, что «часть сарматских племен уже в раннем средневековье, в южных районах Среднего Поволжья и Приуралья вели оседлый образ жизни, занимаясь земледелием. Они оставили памятники именьковской культуры» (Казаков, 2020. С. 523). В недавней своей работе исследователь предположил, что вождь «Пургасовой Руси» «был, вероятно, одним из потомков асов-сармат, судя по его имени» (Казаков, 2020. С. 169).

Таким образом, именно новые археологические материалы (Коминтерн II, Ташкирмень, Новослободское и др.) позволили Е.П. Казакову прибавить к существующим этнолингвистическим гипотезам идентификации бургасов, еще одну: бургасы – это потомки ираноязычных асов-сармат, выделившихся из турбаслинско-именьковской общности (рис. 2) и переселившихся в VII веке на правый берег Средней Волги под натиском продвигавшихся из Приуралья угров (кушнаренковская культура).

В целом я поддерживаю эту гипотезу. В ряде недавних публикаций (Богачев, 2013; 2016; Богачев и др., 2019; 2022) мы привели ряд аргументов в пользу того, что сарматы, аланы, гото-аланы и готы проживали на Средней Волге вместе с собственно славянами,

образуя сложное полиэтничное этнокультурное образование, известное в науке как именьковская культура.

В своем энциклопедическом труде «Готский путь» М.Б. Щукин отмечал, что «Аланы практически никогда не действуют самостоятельно, а всегда в союзе с кем-нибудь, всегда сравнительно небольшими, но всегда боеспособными отрядами конников» (Щукин, 2005. С. 357).

Картографирование артефактов (рис. 3–5), традиционно связываемых в Восточной Европе с сарматским миром (кольцевые подвески с выпуклинами, полиэдрические серьги, антропоморфные металлические фигурки), показывает, что на Средней Волге и в Предуралье они не найдены в комплексах-кремациях на моноритуальных (славянских) могильниках. Но на памятниках, где присутствует аланский (гото-аланский), они представлены. Интересно, что все эти памятники находятся на периферии (на пограничье) именьковского мира (Богачев, 2016).

Однако границы этнокультурных сообществ в древности не равны государственным границам современности. По причине разного рода естественных явлений – природных (засуха и т.п.) и социальных (эпидемии и т.п.), первые были в значительной степени подвижны. Зачастую различные в культурном и языковом отношении этносы мирно жили бок о бок друг с другом, занимая, тем не менее, различные природные ниши.

В пределах Среднего Поволжья выделяются ландшафты лесной, лесостепной и степной зон (Физико-географическое районирование..., 1964. С. 7). Причем территориально доминирует именно лесостепь. И в определенном (природно-географическом) смысле Север сошелся здесь с Югом.

Лесостепь – устойчивое динамическое явление, характеризующееся комплексом факторов абиотической среды и специфической биотой. Она имеет автохтонное происхождение и обособилась уже в плиоцене (Мильков, 1950).

В современный геологический период лесостепная зона представлена островными водораздельными лесами и значительными безлесными степными пространствами. Характерно, что обычно они резко отграничены друг от друга. Нередко для обозначения лесостепной зоны употребляется понятие «луговые» или «северные» степи. Последние пространственно сочетаются с лесами и представляют собой флористически богатые злаково-разнотравные сообщества (Ильина, Симонова, 1996. С. 69).

В природном отношении специалисты рассматривают лесостепь как «арену» двух борющихся за площадь типов растительности – леса и степи (Берг, 1952; Зозулин, 1973). В этой связи, границы лесостепи (физиономически, климатически, экологически и т.д.) в разные эпохи несколько различались. В частности, на территории Самарского Поволжья (южное пограничье лесосте-

пи) эта граница «ранее проводилась по реке Самаре, но на последних геоботанических картах она отодвинута к северу и ныне проходит по р. Самаре лишь в нижнем ее течении, а восточнее – по р. Большой Кинель, правому притоку Самары» (Ильина, Симонова, 1996. С. 68). Северная граница лесостепного Поволжья традиционно обозначается на широте приустьевой части Камы.

Исследователи отмечают, что «лесостепь можно рассматривать как своеобразный природный накопитель необходимых условий жизнеобеспечения, куда время от времени были направлены миграционные процессы» (Синюк, 1996. С. 35). Наряду с громадной кормовой базой в виде злакового разнотравья, благоприятствовавшей ведению скотоводческого хозяйства, лесостепь обладала и особенно богатым животным миром, и ихтиофауной, позволявшими на длительное время сохранять рентабельность присваивающей экономики. Такая экономика предполагала вдвое большую, в сравнении с сопредельными зонами, демографическую емкость (Долуханов, 1979).

Таким образом, Средневожье с древности влекло к себе человеческие коллективы не столько эстетикой ландшафтов, сколько природным изобилием. Люди во все времена искали «гарантированный прожиточный минимум». Природные ресурсы данной местности им эти гарантии предоставляли.

Столь подробный экскурс в вопросы, связанные с природой и географией нам понадобился для того, чтобы, в частности, подчеркнуть, что кочевникам-сарматам, было совсем не обязательно вести «оседлый образ жизни, занимаясь земледелием» (Казаков, 2020. С. 523). Степных пространств для разведения и выпаса скота в лесостепном Поволжье было предостаточно. В частности, подкурганые погребения VI в., близкие по обряду и инвентарю турбаслинским, были выявлены в степи на правом берегу Волги (Богачев, 1990. С. 15–19) (рис. 6).

Биритуальные могильники – свидетельство межэтнических браков. Они не обязательно являются маркером смены хозяйственно-культурного уклада. Оседло-земледельческие племена славян-именьковцев и скотоводческие полусоседские племена иранцев-турбаслинцев в массе своей оставались таковыми вплоть до вытеснения их из региона мадьярами-кушнарковцами.

Именно по этой причине в VII веке они безболезненно разошлись. Первые ушли на Днепровское Левобережье и переформатировались в «волынцевцев», а вторые заняли правый берег Волги и стали буртасами – «речными асами» (по одной версии дешифровки этнонима) или «потомками асов» (по другой).

Вероятно, именно к буртасам примкнули и те родоплеменные объединения, которые оставили на Нижней Каме и на Средней Белой биритуальные могильники, прекратившие функционировать на рубеже VI – VII в. Этим можно объяснить двойственный характер погребальной обрядности и смешанный тип хозяйства

(включая домостроительство) буртасов письменных источников.

Однако если волынцевская археологическая культура на Днепре представлена массой материалов, то археологические свидетельства пребывания буртасов на Волге в настоящее время отсутствуют.

Тем не менее, данные топонимики дают нам возможность разглядеть на Средней Волге следы пребывания не только буртасов, но и собственно их предков – асов.

Нам удалось выявить на Средней Волге и в Предуралье 86 топонимов³ с морфемой *-ас/аз*, 15 из которых – этнопонимы (13 – *буртасы* и 2 – *асы/ассы*).

Подавляющее большинство топонимов с морфемой *-ас* сконцентрированы в бассейне Средней Белой и на сопредельных с ней территориях. Именно в этих местах, по мнению исследователей (Казаков, 2021; Мажитов, 1959; 1968; Сунгатов, 1998), концентрируется большинство памятников классической турбаслинской культуры (рис. 2), в материалах которых найдены кольцевидные подвески с выпуклинами, серьги с многогранником и антропоморфные амулеты.

Вторым центром, где достаточно определенно накапливаются друг на друга топонимы с морфемой *-ас/аз* и вышеперечисленные типы артефактов, является Самарская Лука.

Между двумя этими центрами имеется своего рода «мосток» из нескольких топонимов с морфемой *-ас/аз*.

Хочу обратить внимание читателей, что в своего рода кольце топонимов с морфемой *-ас/аз* достаточно определенно фиксируется область, границы которой практически полностью повторяют контур именниковской археологической культуры (рис. 2). Кольцевые подвески с выпуклинами, полиэдрические серьги и антропоморфные амулеты также найдены исключительно на границах обозначенной территории. Изначально эти типы вещей появились в сармато-аланской культурной среде и распространились достаточно широко, и их присутствие в тех или иных районах Европы маркирует сармато-аланский след (Богачев и др., 2022).

Считается, что природные топонимы (названия рек, озер, гор, холмов, урочищ, заливов, островов) имеют более глубинные (более древние) корни, нежели названия населенных пунктов (общеизвестно, что, например, город Самара поименован по реке Самара, а не наоборот). В этой связи карты природных топонимов могут, что называется, заострить внимание исследователя.

На созданной нами карте (рис. 7) обособленно смотрится достаточно компактная группа, состоящая из пяти гидронимов с одинаковым названием – *Маза*. Это небольшие реки, одна из которых (самая северная) является притоком реки Уса, одна – притоком непо-

средственно Волги, а три – притоком реки Терешка, которая берет начало на Приволжской возвышенности (высота истока 320 м), течет параллельно Волге в 30–50 км от нее и впадает в Волгу в 45 км выше от Саратова. На 273 км протяженности Терешки приходится 28 впадающих в нее речек.

Так может быть это и есть страна буртасов – речных асов? А река Терешка, возможно, и есть река Буртас⁴, впадающая в Итиль, согласно письменным источникам?

Мы намеренно не будем цитировать сотни раз воспроизведенные фрагменты о буртасах из ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал Масуди и других арабских авторов лишь для того, чтобы сконцентрировать внимание читателя на сведениях, содержащихся в географическом сочинении испано-арабского ученого, писателя и путешественника XIII в. Ибн Са'ида ал Магриби. Ниже воспроизведен небольшой фрагмент из сочинения Ибн Са'ида по публикации И.Г. Коноваловой.

«Буртасы занимают значительную территорию на реке Атил, текущей к юго-востоку от них. К востоку от буртасов находится большой залив огромного моря Таб̄аристан, а к востоку от залива – озеро М̄азг̄а, размер которого по окружности равен приблизительно 8 дням пути. В это озеро впадают полноводные реки, берущие начало на большой горе Асгарун, о которой говорится в 7 климате. С этой горы течет полноводная река М̄азг̄а. Она также впадает в озеро и вытекает из него в длинную реку Атил» (Коновалова, 1990. С. 45).

В настоящем фрагменте, прежде всего, буквально бросаются в глаза два гидронима (озеро М̄азг̄а, и впадающая в Атил река М̄азг̄а), практически аналогичные названиям пяти современных рек волжского бассейна – Маза.

Акцентировать внимание на факте наличия в рукописи слова ОЗЕРО М̄азг̄а не следует по одной простой причине: все реки, и Волга, в частности, периодически меняют свои русла. Старые русла рек, как правило, называются старицами. Таковые по факту представляют собой замкнутые водоемы – озера, протяженность которых порой составляет десятки километров.

Полноводность рек также величина переменная. Жителям городов, стоящих на судоходных реках, наверняка известно название «земснаряд» – судно, технического флота, предназначенное для дноуглубительных работ. Таким образом, все водоемы, по факту, достаточно подвижная *переменная* любого ландшафта, в отличие, скажем, от гор, хотя эрозию почвы также не стоит сбрасывать со счетов.

Кроме того, в этом фрагменте из Ибн Са'ида важна территориальная привязка буртасов к реке Атил, а также факт впадения реки М̄азг̄а именно в Атил. Напомним, что река Буртас арабских авторов (Масуди, Димашки) – приток Итиля.

³ Благодарю Виталия Федорова, Сергея Захарова, Михаила Андреева за предоставление не известной мне ранее информации.

⁴ Дискуссия о локализации реки Буртас см.: Тортика, 2004.

Полноводные реки, включая собственно Мāзгу, согласно Ибн Са'иду, берут начало на горе Асгарун. В регионе, который мы предположительно рассматриваем, как область первоначального расселения буртасов, есть три горных массива. Прежде всего, это наивысшая точка Приволжской возвышенности, где находится исток реки Терешки (320 м), а также Хвалынские горы (369 м) и Жигулевские горы (381 м).

Важный вывод в этой связи есть в докторской диссертации И.Г. Коноваловой, посвященной анализу текстов арабских географов XII – XIV вв., в том числе Ибн Са'ида: «Появление подобных топонимов связано, прежде всего, с неизбежной особенностью субъективного пространственного восприятия – с тем, что в сознании отдельных людей крупные природные объекты (морья, реки, горы) не имеют четких границ и не осознаются в качестве целостных гидрографических или орографических систем. Вследствие этого средневековый географ в той мере, в какой он опирался на сообщения информаторов о таких объектах, оперировал отрывочными данными, которые он сам должен был систематизировать тем или иным способом. Однако причины формирования рассматриваемых топонимов могли быть обусловлены не только нехваткой конкретных сведений, но и отсутствием в них потребности у той аудитории, для которой предназначалось создаваемое сочинение. По-видимому, для потребителей такой топонимии, в первую очередь, была важна определенная географическая идея – воплощением которой и служил топоним, – а не ее детализация» (Коновалова, 2004).

Топоним Асгарун, в нашем исследовательском контексте важен наличием у него морфемы –ас. На Самарской Луке, в непосредственной близости от Жигулевских гор, есть четыре топонима (№ 10–13) *Аскулы*.

Если же вернуться к тезису И.Г. Коноваловой о «потребителе» сочинения Ибн Са'ида, то, возможно, для читателя того времени название горы Асгарун перекликалась с географической идеей небесного города скандинавских богов-асов – Асгарда. С учетом того, что в памяти европейцев того времени были свежи воспоминания о норманнских набегах, это предположение кажется нам вполне уместным.

Современник Ибн Са'ида (1213–1286 гг.) исландский скальд Снорри Стурлсон (1179–1241 гг.) в «Саге об Инглингах» писал, что столица асов – Асгард помещается в Азии на земле восточнее Танаиса-Дона (Асгард, 1990. С. 67). Известный норвежский ученый Тур Хейердал в этой связи усматривал определенную причинно-следственную связь между исторической информацией о сарматах-асах и сюжетами исландских саг, где говорилось о богах-асах, вождем которых был Один. Поиски легендарного Асгарда привели Хейердала в Азов, где в 2001 году им были проведены археологические раскопки.

Таким образом сбор, точное (на основе современных компьютерных программ) картирование современных топонимов с морфемой –ас, а также сопоставление их с картами распространения артефактов, связываемых с сарматами, мы пришли к выводу о существовании в Волго-Уралье на границах имениковского мира (главным образом на юге и востоке) крупной группировки поздних сармат – асов (ясов).

Судя по всему, тесным с востока уграми (кушнаренковская культура), а с юга – праболгарами (новинковский тип памятников) этот народ в VII веке был вынужден переселиться на правый берег Волги.

Привлекает внимание скопление группы топонимов (№ 20–27) *Маза*, расположенных от устья реки Усы – на севере и до устья реки Терешки – на юге. Современный топоним *Маза* практически повторяет гидронимы *Māzā* из сочинения Ибн Са'ида. Не исключено, что современная река Терешка с десятками притоков (три из которых – Маза) и была рекой Буртас арабских географов. К группе топонимов Маза территориально примыкают два топонима *Бурасы* (№ 30–31). По всей видимости, все это маркеры раннего пребывания асов/буртасов, которые согласно ал-Истахри и Ибн Хаукалю – «народ, расстилающийся по долине Итиля» (Калинина, 1990. С. 35).

Вероятно, наличие топонимов *Буртас* в современной Пензенской области и в Мордовии – свидетельство продвижения этого народа в более западные регионы. Возможно, это переселение связано с походом князя Святослава Игоревича в 965 году.

Финальной территориально-географической точкой миграции этой группы иранского населения стали районы современной Чувашии и западные районы Татарстана (рис. 8).

По всей видимости, русский источник «Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава», датируемый XIII веком, повествует о буртасах, осевших именно на этих территориях: «от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы – то все покорил бог народу христианскому поганые страны.... Буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на князя великого Владимира» (Слово о погибели..., 1969. С. 326–327).

Пожалуй, следует сказать и о том, что единственным ученым-путешественником, лично (в качестве секретаря посольства из Багдада в Болгар) посетившим Среднее Поволжье в 922 году, был Ахмед Ибн Фадлан. Согласно его «Записке», на последнем отрезке пути, помимо собственно болгар, он встретил гузов, печенегов, башкир и даже русов. Он подробно описал их одежду, нравы и обычаи. И если бы ему встретились славяне, аланы, асы или буртасы, он не преминул бы хотя бы упомянуть их. Но эти народы ему не встретились. И это явное свидетельство того, что в X в. на правом берегу Волги этих народов уже не было.

Однако они оставили нам археологические свидетельства своего пребывания здесь, а также отголоски

своего языка, продолжающие звучать в названиях рек, озер, гор, оврагов, урочищ и населенных пунктов.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV – XIII века. М., 2003.
- Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V – VII вв. М., 1989. 234 с.
- Асгард* // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 67.
- Афанасьев Г.Е.* Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры // СЭ. 1985. № 5. С. 164–169.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–IX вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука, 1987. 167 с.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.
- Берг Л.С.* Географические зоны Советского Союза. М., 1952. Т. III.
- Бобринский А.А.* Современное состояние и перспективы исследований керамики как исторического источника // Керамика как исторический источник. Куйбышев, 1991.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- Богачев А.В.* Погребение VI века на юго-западе Татарики // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Богачев А.В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара: «Артефакт», 1992а. 208 с.
- Богачев А.В.* К хронологии погребальных комплексов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья IV – VIII вв. // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992б. С. 25–36.
- Богачев А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V – VIII вв. Самара, 1998.
- Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 340 с.
- Богачев А.В.* К истокам биритуализма погребальной обрядности племен именьковской культуры // Вестник Самарского муниципального института управления. Самара, 2013. № 4. С. 33–39.
- Богачев А.В.* Серьги с многогранником V – VII вв. на Средней Волге и в Предуралье (к вопросу о гото-аланском присутствии в регионе) // Вояджер: мир и человек. 2016. № 6. С. 7–56.
- Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А.* Выполнивший I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996.
- Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А.* Рутены – руги – русь: века, дороги, судьбы. Самара: Изд-во «Вояджер: мир и человек», 2019. 336 с.
- Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А.* Венеды: индоевропейский контекст. Самара: Изд-во «Вояджер: мир и человек», 2022. 336 с.
- Васильева Д.И.* Археологическое почвоведение // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский дом печати», 2007. С. 369–378.
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. Самара, 1998.
- Газимзянов И.Р.* Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Долуханов П.М.* География каменного века / Отв. ред. А.А. Величко. М.: Наука, 1979.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.
- Зозулин Г.М.* Исторические свиты растительности европейской части СССР // Ботанический журнал. Т. 58. Вып. 8. 1973.
- Ибн Фадлан* // История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая степь: Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 714–745.
- Ильина Н.С., Симонова Н.И.* Динамика растительного покрова лесостепи Заволжья под влиянием антропогенных факторов // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара, 1996.
- История татар с древнейших времен.* Т. II. Казань, 2006.
- Казаков Е.П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. Самара, 1996.
- Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Изд-во Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 97–150.
- Казаков Е.П.* Новые материалы к проблеме интерпретации именьковских древностей // Вопросы археоло-

логии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. Вып. 2. С. 281–284.

Казаков Е.П. Раннеболгарские погребальные комплексы правобережья р. Волги в системе средневековых древностей Восточной Европы // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань: РИЦ, 2012. С. 117–132.

Казаков Е.П. О типологии и хронологии ранней Волжской Болгарии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Материалы к V Международной археологической конференции. Самара: «Издательство СНЦ РАН», 2013. С. 24–26.

Казаков Е.П. Сарматское наследие в Волжской Болгарии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. редакторы А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 168–170.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Коминтерновский II могильник. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 148 с.

Калинина Т.М. Восточная Европа в представлениях ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Масуди (в связи с проблемой буртасов) // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции). Пенза, 1990. С. 34–43.

Коновалова И.Г. Сведения о буртасах в «Географии» Ибн Са'ида // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции). Пенза, 1990. С. 43–46.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в арабской географии XII – XIV вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2004.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 83–97.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН, 2000. 364 с.

Ковалевская В.Б. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М., 1995.

Кондрашин В.В. Железообработка в Среднем Поволжье и Прикамье в III в. до н.э. – VII в. н.э. (технологический аспект). Самара, 2003. 16 с.

Ледяйкин В.И. Пургасовское городище // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1976. С. 107–126.

Мажитов Н.А. Ново-Турбаслинский курганный могильник // Башкирский археологический сборник. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1959. С. 114–142.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968. 162 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. М., 1981. 164 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Уфа, 2009. Т. III. 368 с.

Матвеева Г.И. К вопросу о происхождении погребений с труположениями на территории именьковской культуры // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара: «СамВен», 1996. С. 58–65.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. 226 с.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV – VII вв.: Именьковская культура. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 168 с.

Матвеева Г.И., Богачев А.В. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III – V вв. Ижевск, 1997.

Расторопов А.В. К вопросу о локализации буртасов по письменным и археологическим источникам // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции). Пенза, 1990. С. 75–84.

Рослякова Н.В. Археозоология // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский дом печати», 2007. С. 399–403.

Салугина Н.П. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 119–144.

Салугина Н.П. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 216–246.

Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка Волжской Булгарии: Раннеболгарский и домонгольский периоды: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии. М., 1997. 29 с.

Синюк А.Т. Природно-географическая среда, этногенетические процессы и основы экономики в бронзовом веке Донской лесостепи // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара, 1996.

Слово о гибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава // Изборник. М.: Изд-во «Художественная литература», 1969. С. 326–327

Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Старостин П.Н., Хомутова Л.С. Железообработка у племен именьковской культуры // СА. 1981. № 3.

Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I – V вв. н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 7). М.: ИА РАН, 2005. 150 с.

Сташенков Д.А. Население Самарского лесостепного Поволжья I – V вв. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 25 с.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. Уфа: Изд-во «Гилем», 1998. 168 с.

Физико-географическое районирование Среднего Поволжья / Под ред. А.В. Ступишина. Казань, 1964.

Тортика А.А. Река «Буртас» средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации // Хазарский альманах. 2004. Т. 3. С. 186–185.

Халиков А.Х. К вопросу об этнической территории буртасов во второй половине VIII – начале X в. // СЭ. 1985. № 5. С. 161–164.

Халиков А.Х. Буртасы и их историко-археологическое определение // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции). Пенза, 1990. С. 88–97.

Хохлов А.А. Антропология // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский дом печати», 2007. С. 379–398.

Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

Таблица топонимов с морфемой –ас и топонимы буртасы

№	Топоним / название на национальном языке	Страна / область	Координаты	№	Топоним / название на национальном языке	Страна / область	Координаты
1	Ново-Турбаслы Яңы Турбаслы	РФ / Башкортостан	54°56'56" с. ш. 56°00'48" в. д.	19	Асапус (чуваш. назв. с. Смолькино. Голова или начало реки Усы)	РФ / Самарская	53°26'39" с. ш. 48°07'27" в. д.
2	Старые Турбаслы Иске Турбаслы	РФ / Башкортостан	54°56'38" с. ш. 56°07'25" в. д.	20	Маза река. Приток р. Усы	РФ / Самарская, Ульяновская	53°24'59" с. ш. 48°10'25" в. д.
3	Кармаскалы Кырмыскалы	РФ / Башкортостан	54°22'10" с. ш. 56°10'40" в. д.	21	Маза село	РФ / Самарская, Шигонский р-н	53°30'52" с. ш. 48°51'18" в. д.
4	Ассы Асы	РФ / Башкортостан	54°22'09" с. ш. 57°33'15" в. д.	22	Маза река. Правый приток Волги.	РФ / Самарская	53°19'39" с. ш. 48°45'24" в. д. (устье)
5	Асы Асы	РФ / Башкортостан	54°28'05" с. ш. 56°37'33" в. д.	23	Маза река. Приток р. Терешки	РФ / Ульяновская, Радищевский р-н	52°51' с. ш. 47°53' в. д.
6	Азово Азау	РФ / Башкортостан	54°27'13" с. ш. 57°05'52" в. д.	24	Маза река. Приток р. Терешки	РФ / Саратовская, Хвалынский р-н	52°29'00" с. ш. 48°06'00" в. д.
7	Асылыкул (озеро) Асылыкул	РФ / Башкортостан	54°18'46" с. ш. 54°34'38" в. д.	25	Маза река. Приток р. Терешки	РФ / Саратовская, Вольский р-н	52°03'00" с. ш. 47°23'00" в. д.
8	Асекеево	РФ / Оренбургская	53°34'00" с. ш. 52°48'00" в. д.	26	Сосновая Маза	РФ / Саратовская	52°29'49" с. ш. 47°52'51" в. д.
9	Аслыялы	РФ / Чувашия	55°41'37" с. ш. 47°21'09" в. д.	27	Акатная Маза	РФ / Саратовская	52°28'58" с. ш. 47°41'02" в. д.
10	Аскулы село	РФ / Самарская	53°16'52" с. ш. 49°36'36" в. д.	28	Туймазы	РФ / Башкортостан	54°36' с. ш. 53°42' в. д.
11	Аскульский овраг	РФ / Самарская	53°10'10" с. ш. 49°37'00" в. д.	29	Астанай (Астанаевка) урочище	РФ / Самарская	53°39'00" с. ш. 52°08'00" в. д.
12	Сосново-Аскульский (Тайбакский) овраг	РФ / Самарская	53°17'16" с. ш. 49°32'06" в. д.	30	Новые Бурасы	РФ / Саратовская	52°07'51" с. ш. 46°04'44" в. д.
13	Аскульская высота урочище	РФ / Самарская	53°16'52" с. ш. 49°36'36" в. д.	31	Старые Бурасы	РФ / Саратовская	52°15'30" с. ш. 46°08'57" в. д.
14	Вторые Вурманкасы	РФ / Чувашия	55°54'57" с. ш. 47°22'44" в. д.	32	Талкас озеро (башк. Талкас)	РФ / Башкортостан	52°50'13" с. ш. 58°15'14" в. д.
15	Чермасан река Сэрмәсэн	РФ / Башкортостан	55°10'26" с. ш. 55°18'18" в. д.	33	Миасс река башк. Мейәс, рус. дореф. Миясь, Миассь)	РФ / Башкортостан, Челябинская, Курганская	54°47'09" с. ш. 59°37'16" в. д.
16	Кармасан река Кармасан	РФ / Башкортостан	55°07'14" с. ш. 55°43'04" в. д.	34	Миасс город	РФ / Челябинская	55°03' с. ш. 60°06' в. д.
17	Арзамас	РФ / Нижегородская	55°23'00" с. ш. 43°48'00" в. д.				
18	Пургасовское городище (Ледайкин, 1976)	РФ / Мордовия	54°40'04" с. ш. 43°32'53" в. д.				

№	Топоним / название на национальном языке	Страна / область	Координаты	№	Топоним / название на национальном языке	Страна / область	Координаты
35	Миасские горы (Большой и Малый Миасс)	РФ / Челябинская	55°20' с. ш. 59°26' в. д.	65	Асянь (тат. <i>Әсән</i>)	РФ / Татарстан	56°09'15" с. ш. 49°06'34" в. д.
36	Асмётовка	РФ / Саратовская	52°20'13" с. ш. 44°55'59" в. д.	66	Азнáлкино, <i>Азнáлы</i> (башк. <i>Азналы</i>)	РФ/ Башкортостан	53°55'36" с. ш. 58°09'06" в. д.
37	Асекеевская ж/д станция	РФ / Пензенская	53°05'00" с. ш. 45°42'00" в. д.	67	Азикеево (башк. <i>Әзекәй</i>)	РФ / Башкортостан, Белорецкий р-н	53°55'52" с. ш. 58°14'18" в. д.
38	Асаново	РФ / Чувашия	55°31'40" с. ш. 47°40'36" в. д.	68	Азикеево (башк. <i>Әзекәй</i>)	РФ / Башкортостан, Мечетлинский р-н	56°01'41" с. ш. 58°15'36" в. д.
39	Стемасы	РФ / Чувашия	54°47'40" с. ш. 46°37'11" в. д.	69	Азнаево (башк. <i>Азнай</i>)	РФ / Башкортостан, Ишимбайский р-н	53°24'21" с. ш. 56°21'49" в. д.
40	Асхва	РФ / Чувашия	55°31'23" с. ш. 47°26'11" в. д.	70	Азнаево (башк. <i>Азнай</i>)	РФ / Башкортостан, Бижбулякский р-н	53°29'23" с. ш. 54°24'09" в. д.
41	Медикасы (чуваш. <i>Метикасси</i>)	РФ / Чувашия	55°42'07" с. ш. 47°20'42" в. д.	71	Азангúлово (башк. <i>Азангол</i>)	РФ / Башкортостан, Мечетлинский р-н	55°44'47" с. ш. 58°26'28" в. д.
42	Большие Абакасы			72	Азангúлово (башк. <i>Азангол</i>)	РФ / Башкортостан, Белорецкий р-н	53°50'04" с. ш. 57°58'45" в. д.
43	Асакасы	РФ / Чувашия	56°03'27" с. ш. 47°15'39" в. д.	73	Азангúлово (башк. <i>Азангол</i>)	РФ / Башкортостан, Кугарчинский р-н	52°38'19" с. ш. 56°14'05" в. д.
44	Яранкасы			74	Тарказы (башк. <i>Тарказы</i>)	РФ / Башкортостан	53°50'11" с. ш. 53°37'58" в. д.
45	Астакасы	РФ / Чувашия	56°02'28" с. ш. 47°48'43" в. д.	75	Акбасар (башк. <i>Ақбасар</i>)	РФ / Башкортостан	54°18'32" с. ш. 54°10'59" в. д.
46	Асакасы (чуваш. <i>Ассакасси</i>)	РФ / Чувашия	55°42'07" с. ш. 46°53'10" в. д.	76	Буртас река	РФ / Пензенская	53°23'02" с. ш. 42°53'27" в. д.
47	Азнакаево (тат. <i>Азнакәй</i>)	РФ / Татарстан	54°51' с. ш. 53°04' в. д.	77	Буртасы (Расторопов, 1990)	РФ / Пензенская, Краснослободской уезд. Перепись 1926 г. Совр. Мордовия	54°26' с. ш. 43°47' в. д.
48	Асаво-Зубово (башк. <i>Асау-Зубов</i>)	РФ / Башкортостан	53°44'30" с. ш. 55°55'33" в. д.	78	Буртасы (Расторопов, 1990)	РФ / Пензенская, Краснослободской уезд. Перепись 1926 г. Совр. Мордовия	54°26' с. ш. 43°47' в. д.
49	Асавбашево (башк. <i>Асаубаш</i>)	РФ / Башкортостан	53°50'32" с. ш. 55°41'41" в. д.	79	Буртасы (Расторопов, 1990)	РФ/ Пензенская, Чембарский уезд. Перепись 1926 г.	52°58'00" с. ш. 43°25'00" в. д.
50	Аскино (башк. <i>Аскын</i>)	РФ / Башкортостан, Архангельский р-н	54°15'03" с. ш. 56°52'20" в. д.	80	Буртасы (Расторопов, 1990)	РФ / Пензенская, Чембарский уезд. Перепись 1926 г.	52°58'00" с. ш. 43°25'00" в. д.
51	Аскино (башк. <i>Аскын</i>)	РФ / Башкортостан, Аскинский р-н	56°05'13" с. ш. 56°34'45" в. д.	81	Буртасы	РФ / Мордовия, Темниковский р-н	54°38'13" с. ш. 43°33'44" в. д.
52	Асканыш (башк. <i>Асканыш</i>)	РФ / Башкортостан	54°31'19" с. ш. 56°29'57" в. д.	82	Буртасы (чув. <i>Пъртас</i>)	РФ / Чувашия, Вурнарский р-н	55°29'48" с. ш. 46°51'30" в. д.
53	Асканыш (башк. <i>Асканыш</i>) озеро	РФ / Башкортостан	54°31'19" с. ш. 56°29'57" в. д.	83	Буртасы (чув. <i>Пъртас</i>)	РФ / Чувашия, Урмарский р-н	55°45'03" с. ш. 47°44'19" в. д.
54	Асяново (башк. <i>Әсән</i>)	РФ / Башкортостан	55°26'40" с. ш. 54°43'09" в. д.	84	Большие Буртасы (тат. <i>Олы Бортас</i>)	РФ / Татарстан, Камско-Устинский р-н	55°16'18" с. ш. 48°54'43" в. д.
55	Асавтамак (башк. <i>Асаутамак</i>)	РФ / Башкортостан	55°59'33" с. ш. 55°31'02" в. д.	85	Малые Буртасы (тат. <i>Кече Бортас</i>)	РФ / Татарстан, Камско-Устинский р-н	55°15'51" с. ш. 48°55'38" в. д.
56	Асавды (башк. <i>Асаузы</i>)	РФ / Башкортостан	56°11'18" с. ш. 55°53'18" в. д.	86	Буртасы	РФ / Татарстан, Камско-Устинский р-н	55°23'20" с. ш. 49°02'23" в. д.
57	Калтасы			87	Большая Маза	РФ / Нижегородская	56°08'23" с. ш. 45°12'26" в. д.
58	Асавдыбаш (башк. <i>Асаузыбаш</i>)	РФ / Башкортостан	56°10'40" с. ш. 55°10'46" в. д.	88	Аскинка река	РФ / Башкортостан	56°05'58" с. ш. 56°35'59" в. д.
59	Аскиш (башк. <i>Аскыш</i>)	РФ / Башкортостан	55°55'01" с. ш. 56°35'42" в. д.				
60	Аскыш (устар. Аскиш) река	РФ / Башкортостан	55°52'47" с. ш. 56°37'13" в. д.				
61	Асавка (башк. <i>Асау</i>)	РФ / Башкортостан	56°08'17" с. ш. 56°06'27" в. д.				
62	Асавка река	РФ / Башкортостан	55°59'57" с. ш. 55°34'23" в. д.				
63	Асинер	РФ / Удмуртия	56°24'33" с. ш. 51°39'38" в. д.				
64	Асан-Елга	РФ / Татарстан	56°07'11" с. ш. 50°56'38" в. д.				

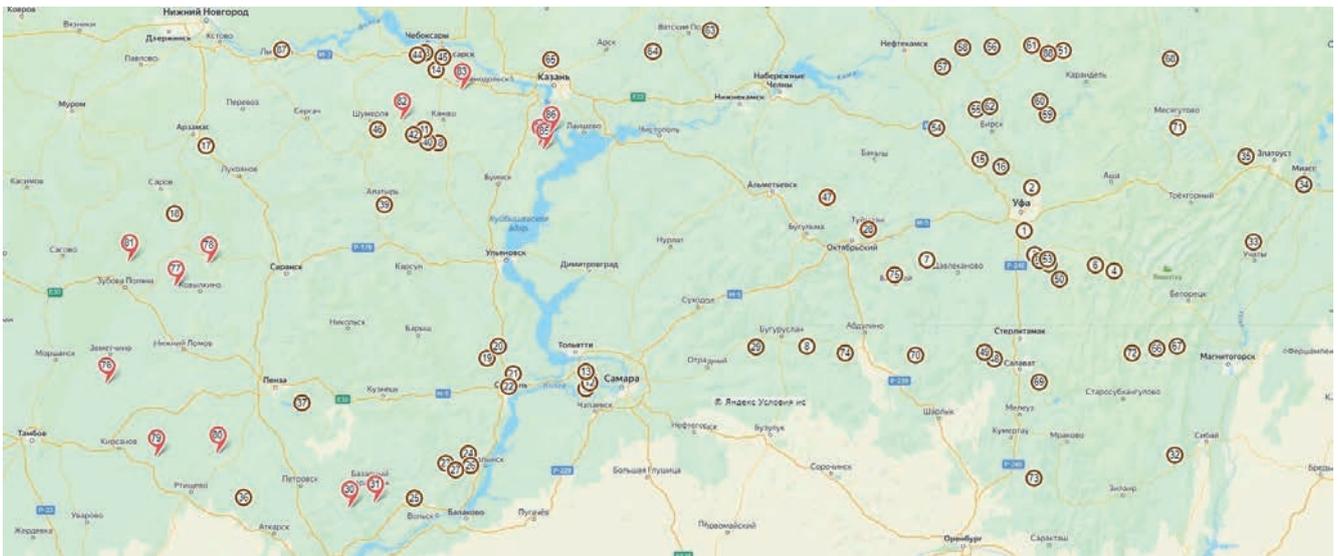

Рис. 1. Карта топонимов с морфемой –ас (кружочки) и топонимы буртасы («запятые»). Расшифровка номеров см. Таблицу топонимов.

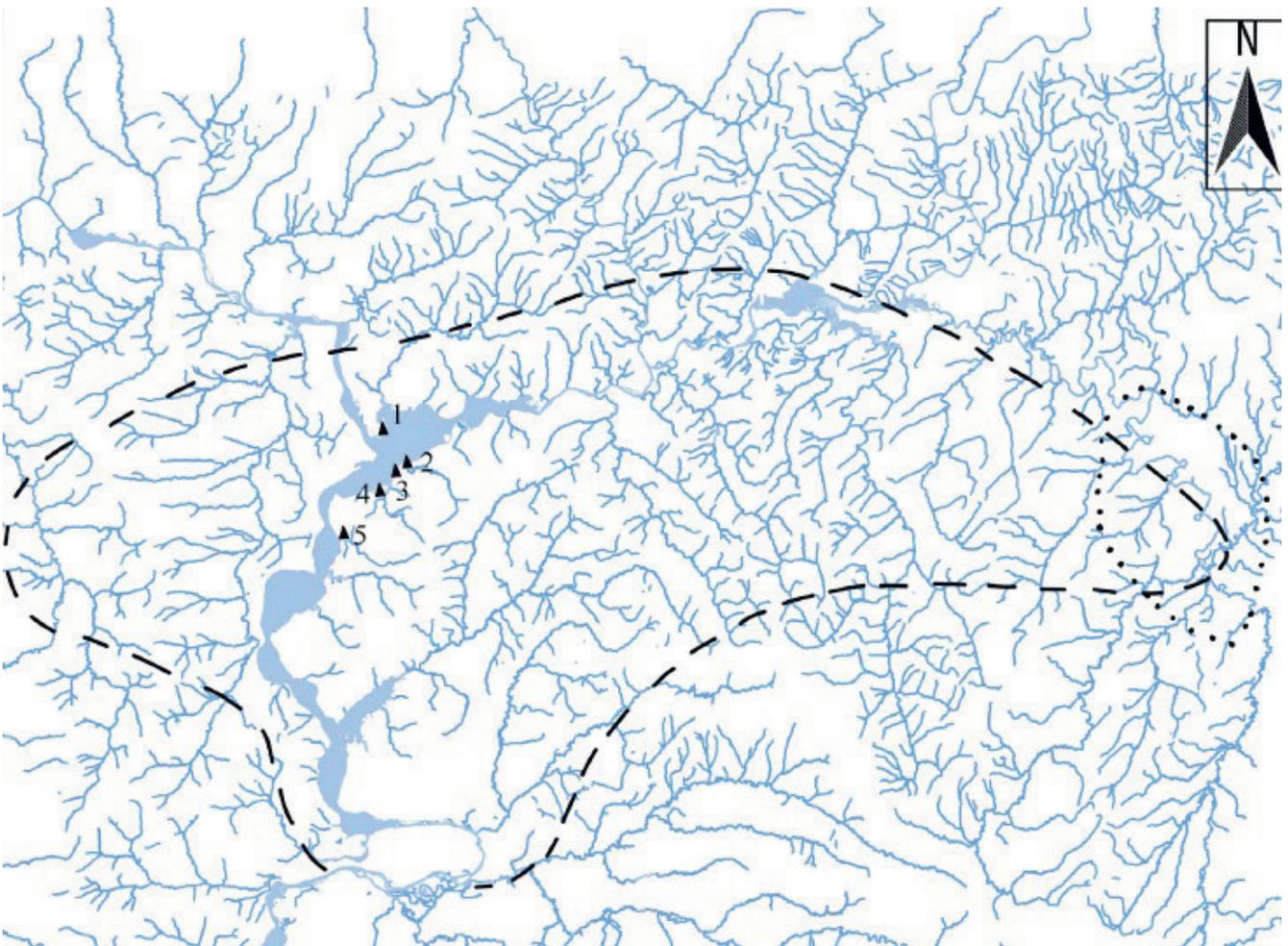

Рис. 2. Карта именьковской (пунктир) и турбаслинской (линия точек) культур, а также памятников типа Коминтерновского II могильника (треугольники). По Е.П. Казакову (2021).

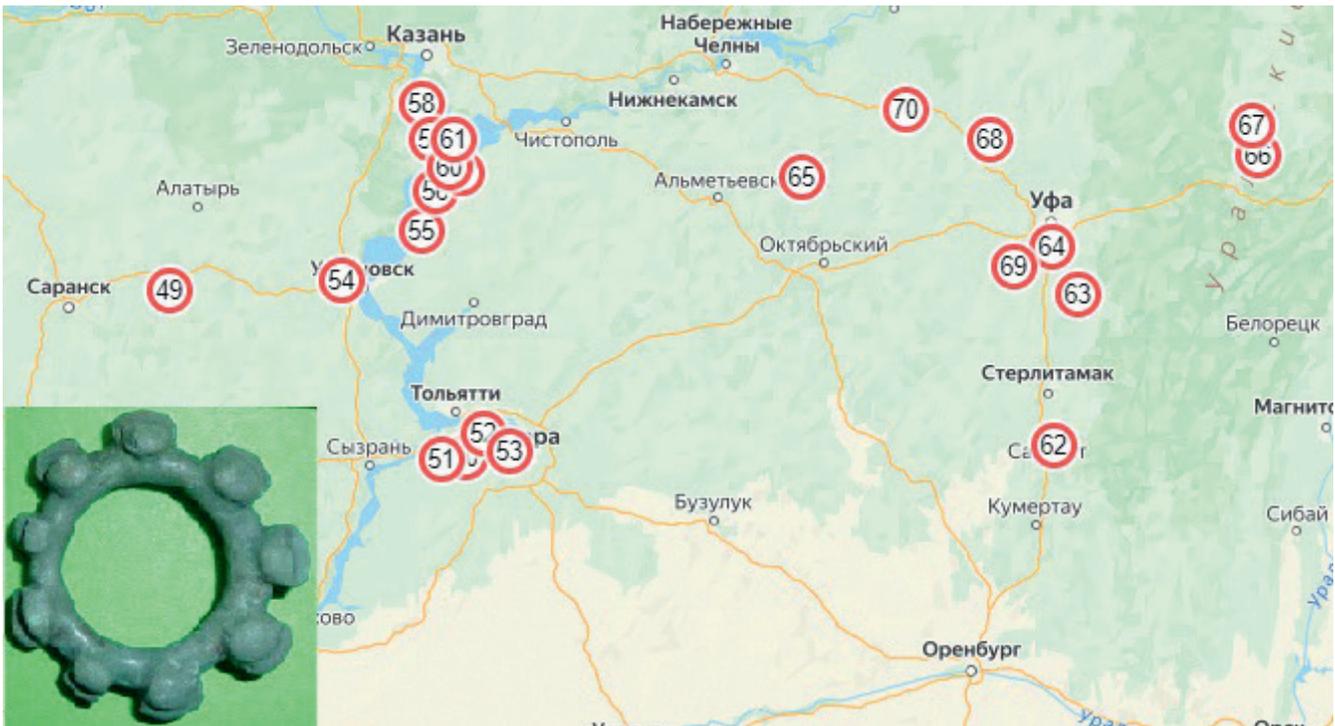

Рис. 3. Карта распространения в Волго-Урале кольцевых подвесок с выпуклинами. Расшифровка номеров см.: Богачев и др., 2022. Табл. 8.

Рис. 4. Карта распространения в Волго-Урале полиэдрических серег. Расшифровка номеров см.: Богачев, 2016. Рис. 3.

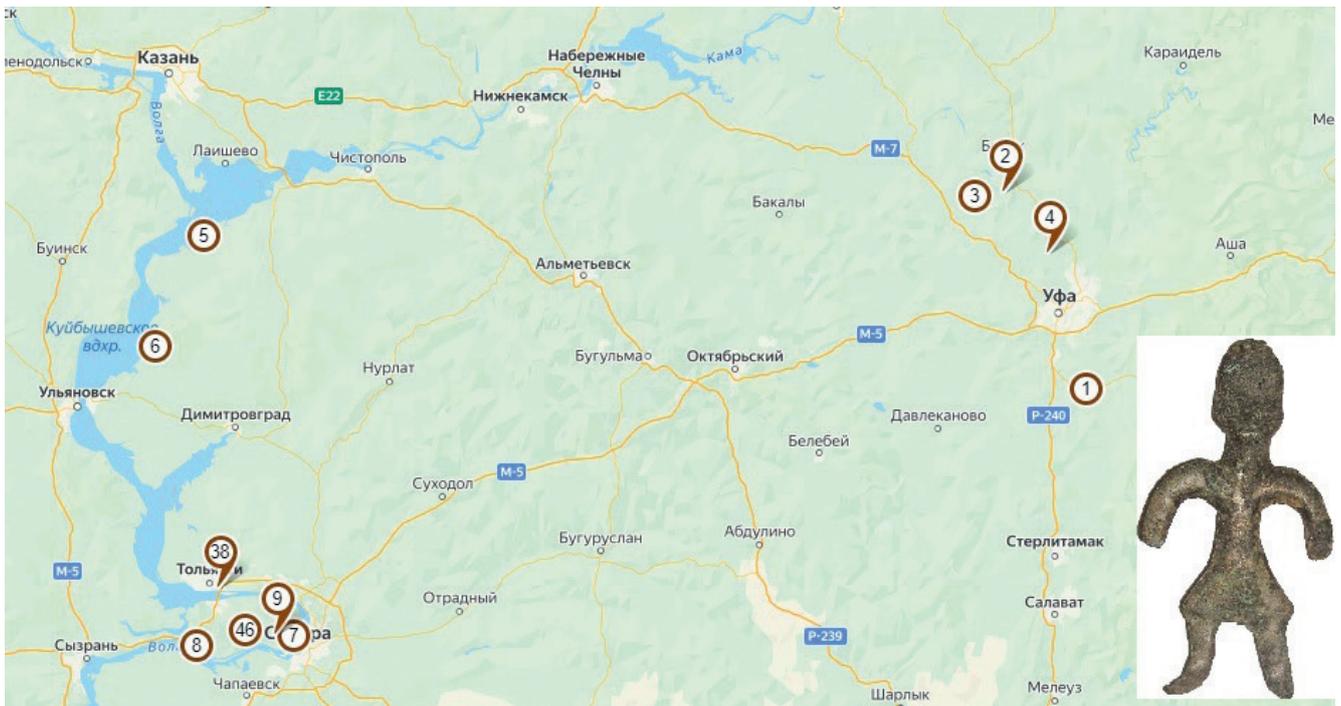

Рис. 5. Карта распространения в Волго-Уралье антропоморфных амулетов. Расшифровка номеров см.: Богачев и др., 2022. Табл. 9.

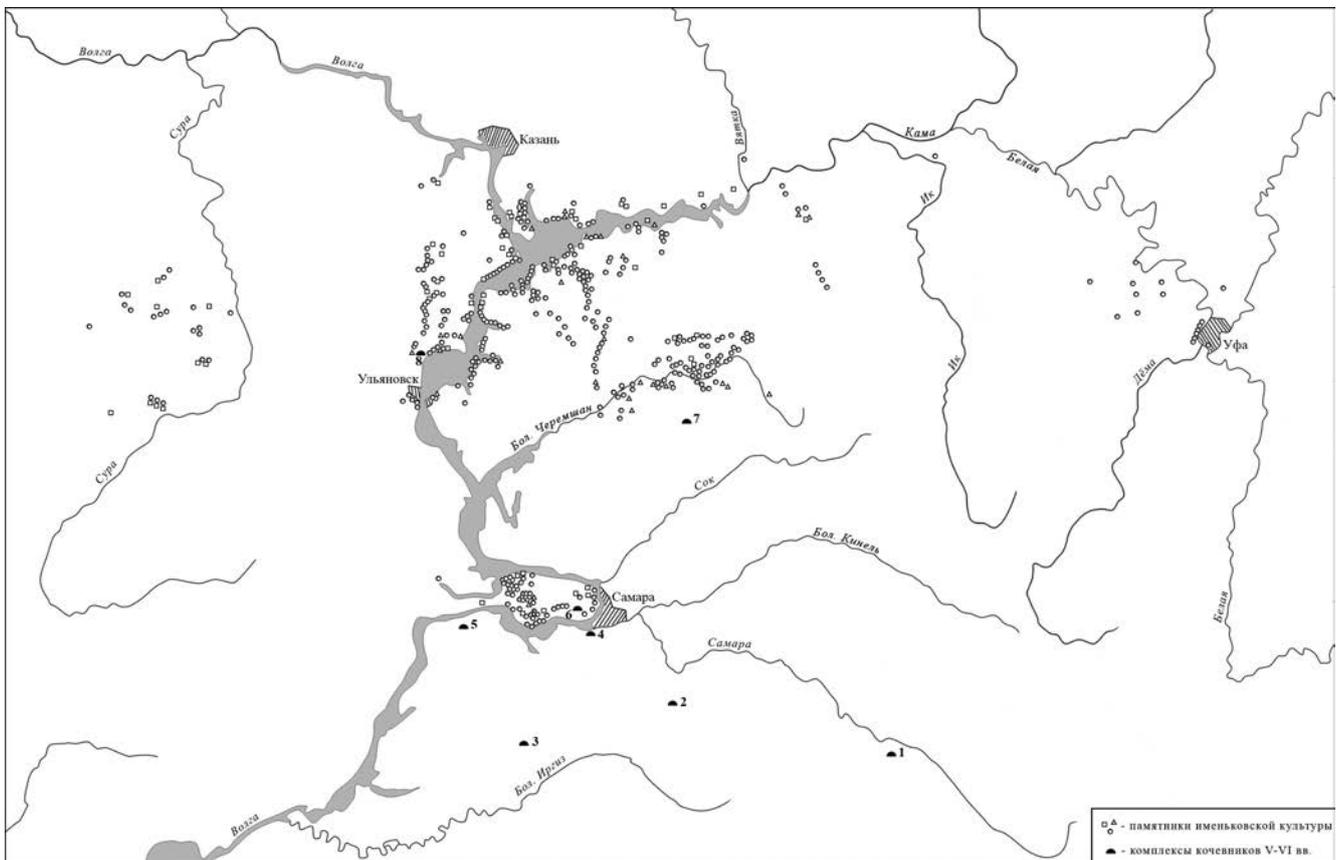

Рис. 6. Карта распространения памятников именьковской культуры и кочевнических погребений. Расшифровка номеров см.: Богачев, 2011. Рис. 65.

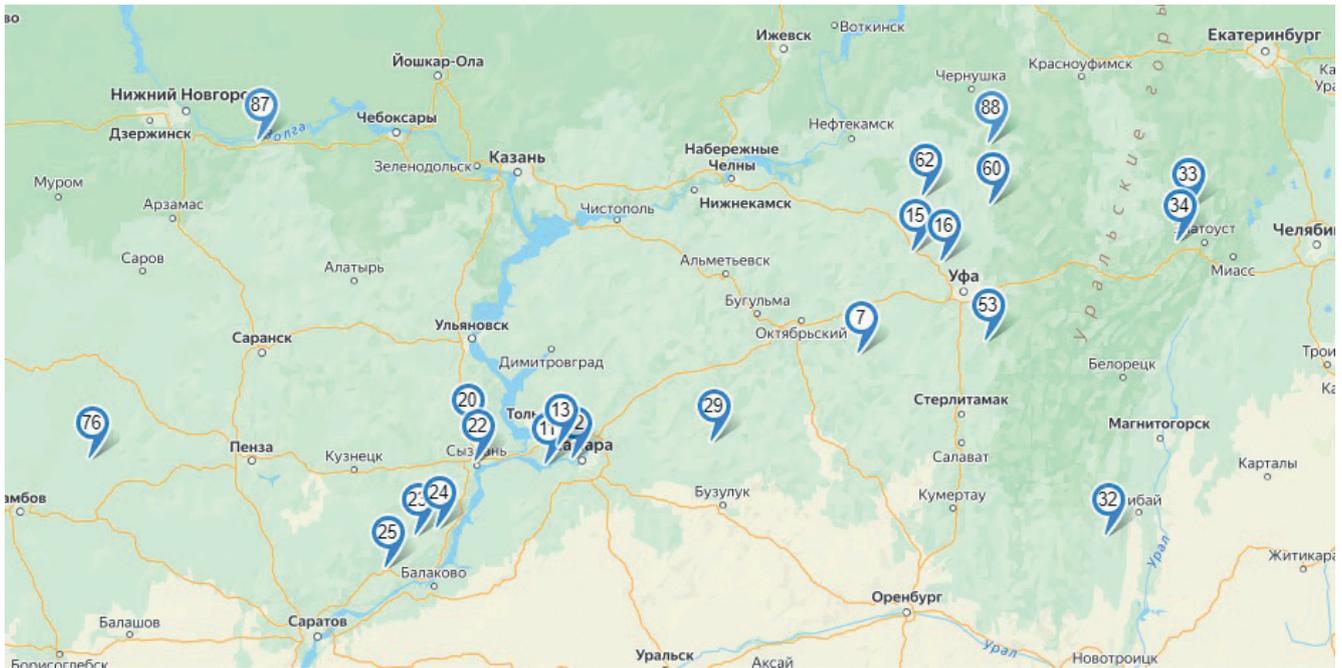

Рис. 7. Карта природных топонимов (водоемы, овраги, горы, урочища) с морфемой –ас. Расшифровка номеров см. Таблицу топонимов.

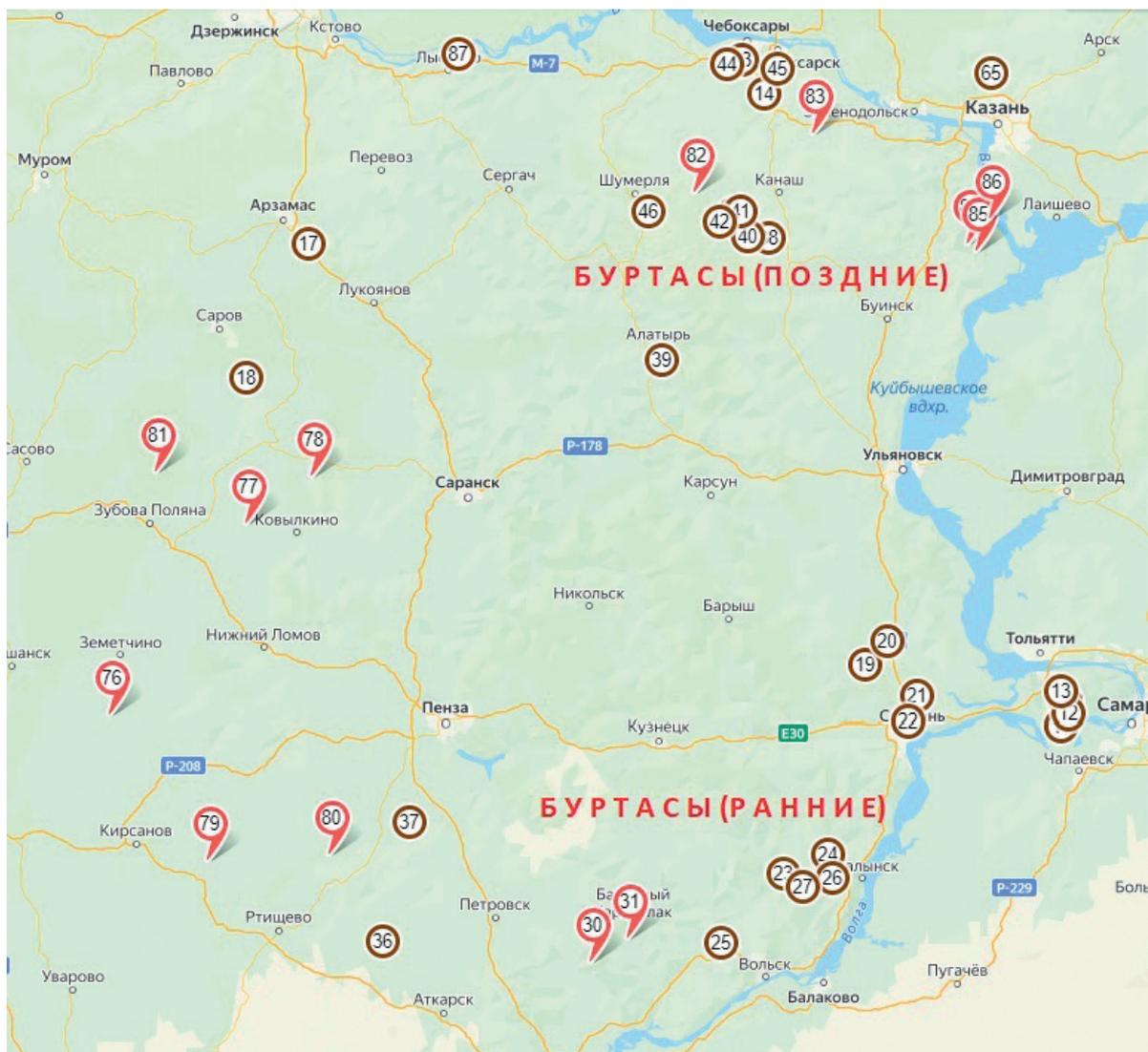

Рис. 8. Карта топонимов с морфемой –ас (кружочки) и топонимы буртасы («запяты») на Правобережье Волги.

**КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ УСИНСКОГО II МОГИЛЬНИКА
(К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ
В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ)**

© 2023 И.Р. Газимзянов

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот антропологические материалы, полученные в ходе раскопок Усинского II могильника золотоордынского времени на Самарской Луке в 1988 г. под руководством И.Н. Васильевой. Данные краниологического исследования – в совокупности с археологическими материалами могильника – наглядно демонстрируют начало процесса смешения этнически разнородных групп, которое проходило в рамках Золотой Орды в фазе ее наивысшего развития: в кон. XIII – пер. пол. XIV в. В этом процессе принимали участие как кочевые группы населения, прежде всего, половецко-кыпчакского круга, так и группы населения с оседло-земледельческими традициями. Среди последних автор раскопок по элементам погребального обряда выделяет представителей мордвы-мокши и мордвы-эрзи, а также болгарский (мусульманский) этнокультурный компонент. Биологический процесс смешения между этими группами, имеющими разные генетические истоки, выразился в нивелировании некоторых черт их физического облика.

Ключевые слова: краниология, Золотая Орда, Самарское Поволжье, антропологический тип, этногенетические процессы.

**CRANIOLOGICAL MATERIALS OF THE USINSKY II BURIAL GROUND
(TO THE QUESTION OF ETHNOGENETIC PROCESSES IN THE SAMARA VOLGA REGION
IN THE GOLDEN HORDE PERIOD)**

© 2023 I.R. Gazimzyanov

Abstract. The article introduces anthropological materials obtained during the excavations of the Usinsky II burial ground of the Golden Horde period on Samarskaya Luka in 1988 under the guidance of I.N. Vasilyeva. Craniological data – together with the archaeological materials of the burial ground – demonstrate the beginning of the process of mixing ethnically diverse groups, which took place within the framework of the Golden Horde in the phase of its highest development: at the end of the 13th – the first half of the 14th century. Both nomadic population groups, primarily of the Polovetsian-Kypchak circle, and populations with settled agricultural traditions participated in this process. Among the latter, the author of the excavations identifies representatives of the Mordovians-Moksha and Mordovians-Erzi, as well as the Bulgar (Muslim) ethno-cultural component, based on the elements of the burial rite. The biological process of mixing between these groups, which have different genetic origins, was expressed in the leveling of some features of their physical appearance.

Keywords: craniology, Golden Horde, Samara Volga region, anthropological type, ethnogenetic processes.

Время образования империи Улуса Джучи (Золотой Орды), его развития и упадка является одним из ключевых этапов в истории Среднего Поволжья, которое непосредственно входило в состав этого государства и более 200 лет являлось ареной политических, экономических и этнических изменений внутри его, итогом чего стало формирование новых политических объединений и народов. Справедливо считается, что Золотая Орда послужила «этнической колыбелью» для многих современных народов, проживающих сегодня на просторах евразийского континента, в том числе и в Самарском Поволжье, которое являлось и является одним из центров сложения этнических основ поволжских татар. В этом контексте актуально рассмотрение этногенетических процессов на территории края в золотоордынский период через призму антропологических материалов, которые, как известно, в совокупности с данными археологии и письменных источников высту-

пают в качестве исторического источника. В этом отношении особую важность приобретают антропологические материалы (пусть и небольшие по численности и не всегда хорошей сохранности), полученные в ходе археологических раскопок Усинского II могильника золотоордынского времени на Самарской Луке в 1988 г. Их важность определяется, прежде всего, тем, что сам могильник являлся местом совместного захоронения как мусульман, так и представителей языческой веры. Среди последних – по деталям погребального обряда – выделяются группы, имеющие не только разные этнокультурные традиции, но и, вероятно, генетические истоки. Поэтому данная статья посвящена не только характеристике антропологического статуса погребенных на Усинском II могильнике, что само по себе тоже имеет огромное значение, но и определению степени их генетического взаимодействия. Другими словами, выяснить, что размещение на одной площадке могильни-

ка мусульманских и языческих захоронений является, в силу разных обстоятельств, делом случая или отражает некий общий момент межэтнических интеграционных процессов, в которые, судя по письменным источникам, археологическим и антропологическим данным, были вовлечены (в разной форме и направленности) широкие слои населения Улуса Джучи (Мэн-да бэй-лу, 1975; Плано Карпини, 1997; Федоров-Давыдов, 1994; Васильев, 2009; Мыськов, 2015; Иванов, 2015; Трофимова, 1949; Яблонский, 1987; Газимзянов, 2000).

Итак, Усинский II могильник расположен на Самарской Луке, напротив Самары, на северной окраине пос. Усинский Волжского района Самарской области. Впервые был открыт и частично исследован А.В. Богачевым в 1987 г. В 1988 г. раскопки памятника были продолжены И.Н. Васильевой. На площади 512 кв. м ею было изучено 18 погребений золотоордынского времени. По особенностям погребального обряда захоронения могильника делятся на две группы: I – безынвентарные, совершенные по мусульманскому обряду; II – совершенные по языческому обряду, содержащие погребальный инвентарь. По элементам погребального обряда и составу вещевого инвентаря автором раскопок выделяются группы захоронений разных этнокультурных истоков: мордва-мокша и эрзя, а также кочевники южнорусских степей (половцы?) (Васильева, 1993. С. 61–63).

Антропологический материал из раскопок 1988 г. в большинстве случаев имел очень плохую сохранность. После частичных реставрационных работ нам удалось с той или иной степенью полноты изучить по краниометрической программе семь мужских и восемь женских черепов. Разнохарактерный обряд погребения и, соответственно, этническая неоднородность населения, оставившего Усинский II могильник, заставляет нас анализировать краниологическую серию не в целом, а согласно выделенным по археологическим (этнокультурным) маркерам группам. Индивидуальные краниометрические измерения приведены в таблицах 1 и 2.

1. Мусульманские погребения

В эту наиболее многочисленную группу вошли три мужских и четыре женских черепа. Отсутствие некоторых измерений таксономически важных признаков затрудняет их исчерпывающую, индивидуальную морфологическую диагностику (это относится ко всем группам). Однако даже визуально среди этой группы черепов можно выделить два морфотипа, в основе которых лежит брахикранный или долихокранный форма черепной коробки. Брахикранным черепакам более всего присуще широкое и высокое лицо с некоторой его уплощенностью на уровне орбит. Долихократные черепа демонстрируют обратную взаимосвязь. Угол выступления носа не имеет приуроченности к какому-либо типу и варьирует в пределах средних параметров. Небольшое количество наблюдений не позволяет кате-

горично судить о механической смешанности данной группы черепов или о широком проявлении индивидуальной изменчивости начала метисационного процесса.

2. Погребения с южной и юго-западной ориентировкой костяков (мордва-мокша)

Эта группа представлена двумя мужскими и двумя женскими черепами. В серии также выделяется брахикранный и долихокранный компоненты, последний количественно преобладает. Женские черепа длинноголовые и характеризуются узким, низким и слабоуплощенным лицом, т.е. в целом европеоидным морфокомплексом с небольшой долей монголоидной примеси. Мужской долихокранный череп обладал несколько иным краниотипом – он имел относительно широкое, но низкое лицо и низкие орбиты, покатый, средней ширины лоб с ярко выраженным мышечным рельефом, сильно выступающий нос в сочетании с сильной уплощенностью нижнего отдела лица. Единственный в этой группе мужской брахикранный череп выделяется, кроме своей короткоголовости, явно монголоидным обликом – широкое, высокое и плоское лицо со слабо выступающим носом.

3. Погребения с северо-восточной ориентировкой костяков (мордва-эрзя)

Имеется два черепа: мужской – плохой сохранности и женский – хорошей. Мужской череп визуально широколицый, высоколицый и резко профилирован на уровне орбит. Череп брахикранный с высоким сводом и хорошо выраженным мышечным рельефом в области лба и затылка. Вероятно, череп имеет черты смешанного краниокомплекса.

Женский череп – долихокранный, узколицый и низколицый. Резкая горизонтальная профилировка лица сопровождалась некоторой его прогнатностью в альвеолярной части и слабым – по европеоидному масштабу – выступанием носа. Череп также смешанного облика, вероятно, субуральского морфотипа.

4. Погребения с западной ориентировкой костяков (кочевники-половцы?)

Эта группа погребений представлена одним мужским и одним женским черепами. Фрагментарно сохранившийся мужской череп визуально имел брахикранный черепную коробку с умеренно выраженным мышечным рельефом, плоское и прогнатное в альвеолярной части лицо. С определенной долей осторожности данный череп по антропологическому типу можно отнести к монголоидным или определить как имеющий монголоидные особенности. Почти таким же краниокомплексом описывается и женский череп. Он характеризуется резко брахикранный черепной коробкой с низким сводом. Лицевой скелет визуально узкий и слабо профилирован в горизонтальной плоскости на уровне орбит. При этом выступание носовых косточек оценивается как среднее, что для «классических» монголоидных форм не характерно. Вероятно, женский че-

реп относится к смешанным антропологическим типам, сочетающим в своем краниокомплексе монголоидные и европеоидные признаки.

Таким образом, краткий анализ черепов Усинского II могильника показал, что серия морфологически неоднородна как в целом, так и по отдельным этнокультурным группам. В ее составе можно выделить как черепа европеоидного и монголоидного типа, так и черепа явно смешанного физического облика. Имеющийся в нашем распоряжении краниологический материал (пусть небольшой и фрагментарный по сохранности) не позволяет также установить прямую зависимость между типом погребального обряда и антропологическим типом погребенного. Черепа с различными морфологическими характеристиками распределены в выделяемых этнокультурных группах дисперсно. Вероятно, археологические и антропологические материалы Усинского II могильника наглядно демонстрируют начальную фазу широких интеграционных процессов, которые проходили на территории Золотой Орды между населяющими ее различными этническими группами. В этом плане, наряду с другими регионами Улуса Джучи (например, Нижняя Волга, Северный Кавказ, Крым и т.д.), можно выделить и Самарское Поволжье, где, судя по археологическим и антропологическим данным, в золотоордынское время активно протекали этногенетические процессы.

На сегодняшний день здесь, на Самарской Луке и в прилегающих к ней районах выявлено более 120 археологических памятников XIII – XIV вв. (Кочкина, Сташенков, 2021; Сташенков, Кочкина, 2022). Они оставлены вперемежку, судя по данным археологии, разными этническими группами: Муранское селище и могильник – мордва-мокша, Барбашинский могильник и селище – мордва-эрзя, Сухореченское поселение – болгары, Березовское селище – древнерусское население и т.д. (Васильев, Матвеева, 1986; Сташенков, Кочкина, 2021). На межгрупповом уровне они также были разнородны и по расовому составу. Среди них выявляются как группы резко европеоидного облика (серия черепов из Березовского и Малорязанского могильников), так и группы (серия черепов средневековых кочевников Среднего Поволжья) монголоидного морфотипа южно-сибирского или центрально-азиатского генезиса (Алексеева, 1958; 1959; Газимзянов, 2000; Газимзянов, Хохлов, 2018; Хохлов, 2012; Сташенков и др., 2021). Однако основу населения региона в золотоордынское время составляли группы смешанного физического типа, у которых при наличии отдельных монголоидных элементов преобладал европеоидный морфологический компонент, связанный своим происхождением (в широком плане) с местной этнической средой. Так средневековая

мордва, независимо от этнокультурной принадлежности (мордва-мокша или мордва-эрзя), характеризуются в антропологическом плане долихокранной формой черепа, узким лицом и ослабленным выступанием носа, а серия из некрополя «Жигули-I» – брахикранная мезоморфного типа – маркирует присутствие в крае представителей мусульманской общины, возможно, болгарских истоков и т.д. (Алексеева, 1958; 1959; Газимзянов, 2010; Газимзянов, Хохлов, 2022). При этом, отмечая неоднородный этнический и расовый состав населения Самарского Поволжья в джучидский период (особенно на ранних его этапах), нельзя не отметить, что между ними проходили разного рода контакты как на хозяйственно-бытовом уровне, так и на этнокультурном, а впоследствии – и на генетическом. В этом отношении показательны и достаточно уникальны материалы Усинского II грунтового могильника, где совместно погребены как последователи мусульманских традиций, так и приверженцы языческих воззрений, что само по себе явление неординарное для средневековой эпохи из-за запрета хоронить рядом с мусульманином «неверного» язычника. Вероятно, данная ситуация характерна, прежде всего, для этапа, когда принятие ислама в качестве государственной религии во время правления Узбек-хана, видимо, способствовало переходу части населения края от язычества к идеологии единобожия (Васильев, 2007; 2009).

Таким образом, данные краниологического исследования, проведенного нами, позволяют говорить, что размещение на одной площадке Усинского II могильника разнохарактерных по погребальному обряду захоронений явление во многом не случайное. Антропологические материалы могильника в совокупности с археологическими данными наглядно демонстрируют начало закономерного процесса (от механического к биологическому) смешения этнически разнородных групп, которое проходило в рамках Золотой Орды в фазе ее наивысшего развития в конце XIII – первой половине XIV в. В этом процессе, по справедливому замечанию И.Н. Васильевой, принимали участие как кочевые группы населения, прежде всего, половецко-кыпчакского круга, так и группы населения с оседло-земледельческими традициями, такие как мордва-мокша, мордва-эрзя, болгары, русские, армяне и другие представители иных этносов (Васильева, 1979; 1993; 2000). К сожалению, с распадом Золотой Орды этногенетические процессы, которые вели к интеграции золотоордынского общества, были прерваны и остались незавершенными. Они продолжились уже в других политических реалиях, на новых территориях и в других условиях исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Т.И.* Черепа из Березовского могильника // Советская антропология. 1958. № 3. С. 85–89.
- Алексеева Т.И.* Черепа из Муранского могильника // Советская антропология. 1959. № 1. С. 67–79.
- Васильев Д.В.* Исламизация и погребальный обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Издательский дом «Астраханский ун-т», 2009. 179 с.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книж. изд-во, 1986. 232 с.
- Васильева И.Н.* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. С. 202–240.
- Васильева И.Н.* II Усинский грунтовый могильник XIII – XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: Артефакт, 1993. С. 58–76.
- Васильева И.Н.* Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 293–346.
- Газимзянов И.Р.* Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть II. М.: Изд-во «Старый сад», 2000. С. 189–216.
- Газимзянов И.Р.* Антропология средневекового Барбашинского могильника // Краеведческие записки. Вып. XIV. Самара: Изд-во СОИКМ (ООО «Глагол»), 2010. С. 149–172.
- Газимзянов И.Р., Хохлов А.А.* Антропология средневекового населения Самарского Поволжья по материалам Малорязанского некрополя // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 282–283.
- Газимзянов И.Р., Хохлов А.А.* Краниологическая характеристика антропологических материалов из погребений грунтового могильника Самарской Луки «Жигули-1» (Самарская область, Ставропольский район) // Археология евразийских степей. Казань, 2022. № 3. С. 190–195.
- Иванов В.А.* Кочевники Золотой Орды. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 208 с.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Материалы к характеристике системы расселения в Самарском Поволжье в золотоордынский период // Поволжская археология. Казань, 2021. № 2. С. 178–192.
- Мыськов Е.П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Мэн-да бэй-лу* (Полное описание монголо-татар) / Пер. Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 288 с.
- Плано Карпини.* История монгалов // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 29–85.
- Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.* Кочевое население Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Археология евразийских степей. Казань, 2022. № 6. С. 133–143.
- Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Турецкий М.А., Газимзянов И.Р., Гасилин В.В., Хохлов А.А.* Элитное погребение золотоордынской эпохи в Самарском Поволжье: человек, лошади и культовый комплекс // Stratum plus. 2021. № 5. С. 309–333.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.
- Хохлов А.А.* Физический облик людей Самарского Поволжья золотоордынской эпохи (по материалам Барбашинского и Малорязанского могильников) // «Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII – XVI в.): Материалы научно-практической конференции. Самара: ООО «Офорт», 2012. С. 160–167.
- Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // ТИЭ (нов. сер.). Т. 7. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 264 с.
- Яблонский Л.Т.* Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. С. 142–236.

Таблица 1. Индивидуальные краниометрические данные по мужским черепам Усинского II могильника.

Погребения	Погр. 1	Погр. 3	Погр. 8	Погр. 9	Погр. 10	Погр. 14	Погр. 16
Группы, выделенные по элементам погребального обряда	II А	II Б	Мусульм.	Мусульм.	Мусульм.	II В	II А
Возраст	maturus	similis	adultus	maturus	maturus	maturus	maturus
1. Продольный диаметр	-	175.0	177.0 ?	-	198.0 ?	-	189.0
8. Поперечный диаметр	-	-	133.0 ?	-	-	-	136.0
17. Высотный диаметр	-	-	-	-	-	-	137.0
5. Длина основания черепа	-	-	-	-	-	-	109.0
9. Наименьшая ширина лба	101.0	97.0	91.0	98.0	-	-	96.0
10. Наибольшая ширина лба	-	116.0 ?	113.0	-	-	-	117.0
11. Ширина основания черепа	-	130.0 ?	125.0	-	-	-	126.0
12. Ширина затылка	-	-	115.0	115.0	103.0	120.0	104.0
25. Высота изгиба лба	25.5	22.3	20.0	22.8	25.0	-	23.5
26. Высота изгиба затылка	-	-	-	-	23.0 ?	-	30.3
40. Длина основания лица	-	-	-	-	-	101.0	100.0
45. Скуловой диаметр	-	144.0 ?	135.0 ?	-	-	-	137.5
48. Верхняя высота лица	75.0	-	-	82.0	73.5	-	66.0
47. Полная высота лица	-	-	-	-	-	-	112.0
43. Верхняя ширина лица	109.0	109.0	101.0	110.0	-	-	104.0
46. Средняя ширина лица	100.0	-	-	-	91.0 ?	-	100.5
55. Высота носа	53.0	-	-	60.0	56.0	-	47.0
54. Ширина носа	26.0	-	24.0 ?	28.0	22.5	-	27.0
51. Ширина орбиты	42.5	40.0	39.0 ?	44.0 (пр.)	42.0	-	40.0
52. Высота орбиты	36.0	34.0	30.0 ?	36.5 ?	-	-	31.0
20. Ушная высота	-	114.0	104.0	-	-	-	110.0
77. Назомалярный угол	144.1	136.6	141.6	148.5 ?	-	-	135.2
Зигмаксиллярный угол	132.7	-	-	-	-	-	135.8
SS. Симотическая высота	2.3	-	-	-	3.3	-	5.2
SC. Симотическая ширина	8.0	-	-	-	8.5	-	11.0
DS. Дакриальная высота	8.5	-	-	-	11.5	-	13.8
DC. Дакриальная ширина	22.0	-	-	-	21.0	-	23.0
FC. Глубина клыковой ямки	3.5	-	5.0	-	-	3.0 (пр.)	6.6
32. Угол профиля лба	-	-	-	-	-	-	77.0
72. Общий лицевой угол	-	-	-	-	-	-	86.0
73. Средний лицевой угол	-	-	-	-	-	-	85.0
74. Угол альвеолярной части	-	-	-	-	-	-	87.0
75(1). Угол выступления носа	20.0	-	-	-	25.0	-	35.0
8:1. Черепной указатель	-	-	75.1 ?	-	-	-	71.9
17:1. Высотно-продольный ук-ль	-	-	-	-	-	-	72.5
17:8. Высотно-поперечный ук-ль	-	-	-	-	-	-	100.7
9:8. Лобный указатель	-	-	68.4	-	-	-	70.6
40:5. Указатель выступления лица	-	-	-	-	-	-	91.7
48:45. Верхне-лицевой указатель	-	-	-	-	-	-	48.0
54:55. Носовой указатель	49.1	-	-	46.7	40.2	-	57.4
52:51. Орбитный указатель	84.7	85.0	76.9	85.9	-	-	77.5
SS:SC. Симотический указатель	28.8	-	-	-	38.8	-	47.3
DS:DC. Дакриальный указатель	38.6	-	-	-	54.8	-	60.0
Форма черепа сверху	-	Сфеноид	Пентаг.	-	Овоид	-	Пентаг.
Надпереносье (1-6)	2.0	4.5	5.5	4.5	3.5	-	5.0
Надбровные дуги (1-3)	2.0	2.5	2.0	2.0	2.0	-	2.5
Наружн. затылочный бугор (0-5)	-	2.0	2.0	2.5	2.0	2.0	3.5
Сосцевидный отросток (1-3)	2.5	2.0	2.0	2.5	2.5	2.5	2.0
Передне-носовая кость (1-5)	-	-	3.0	2.0	2.0	3.0	5.0
Нижний край груш-го отверстия	F. Pr.	-	Antr.	F. Pr.	Antr.	Antr./F.Pr.	Antr./F.Pr.

Таблица 2. Индивидуальные краниометрические данные по женским черепам Усинского II могильника.

Погребения	Погр. 2	Погр. 6	Погр. 7 (нижнее)	Погр. 7 (верхнее)	Погр. 11	Погр. 12	Погр. 15	Погр. 18
Группы, выделенные по элементам погребального обряда	Мусульм.	Мусульм.	II Б	Мусульм.	II А	Мусульм.	II В	II А
Возраст	maturus	adultus	adultus	adultus	adultus	maturus	adultus	adultus
1. Продольный диаметр	-	163.0	176.0	-	183.0	192.0	168.0	193.0
8. Поперечный диаметр	-	134.0	133.0	-	-	-	148.0 ?	-
17. Высотный диаметр	-	124.0	127.0	-	-	-	-	-
5. Длина основания черепа	-	101.0	96.5	-	-	-	-	-
9. Наименьшая ширина лба	90.0	86.0	88.0	90.0	90.0	95.0	87.0	87.0
10. Наибольшая ширина лба	-	106.0	109.0	-	111.0	112.0	116.0	110.0
11. Ширина основания черепа	-	121.5	113.5	-	-	-	132.0 ?	-
12. Ширина затылка	-	104.0	106.0	-	-	-	120.0	-
25. Высота изгиба лба	21.2	17.0	25.5	27.5	-	-	20.5	-
26. Высота изгиба затылка	-	24.3	25.5	-	-	-	28.5	-
40. Длина основания лица	-	99.0	98.0	-	-	-	-	-
45. Скуловой диаметр	-	128.0	123.0 ?	-	-	-	-	-
48. Верхняя высота лица	-	64.0	64.5	-	-	-	74.0	65.0
47. Полная высота лица	-	107.0	103.0	-	-	-	114.0	103.0
43. Верхняя ширина лица	99.0	100.0	101.0	99.0	96.0	102.0	103.0	91.0
46. Средняя ширина лица	-	88.0	93.0	-	-	-	92.5	-
55. Высота носа	-	47.0	48.0	-	-	-	52.0	46.0
54. Ширина носа	-	22.0	23.0	28.0 ?	26.0	-	28.0	22.0
51. Ширина орбиты	42.0 ?	40.0	40.0	-	-	-	39.5	40.0
52. Высота орбиты	29.0	30.0	30.0	-	-	-	33.0	32.0
20. Ушная высота	-	106.0	106.0	-	-	-	107.0 ?	-
77. Назомалярный угол	139.4	136.0	136.8	-	134.8	136.6	146.0	134.8
Зигомаксиллярный угол	-	126.5	124.0	-	-	-	129.3	-
SS. Симотическая высота	2.8	3.6	2.8	-	5.3	-	3.6	3.3
SC. Симотическая ширина	7.3	8.5	7.0	-	8.3	-	10.0	7.8
DS. Дакриальная высота	-	11.0	9.5	-	-	-	9.3	-
DC. Дакриальная ширина	-	20.0	22.0	-	-	-	24.0	-
FC. Глубина клыковой ямки	-	4.3	1.0	3.0	-	-	5.5 (пр.)	4.5
32. Угол профиля лба	-	78.0	83.0	-	-	-	79.0	-
72. Общий лицевой угол	-	82.0	83.0	-	-	-	85.0	-
73. Средний лицевой угол	-	84.0	84.0	-	-	-	84.0	-
74. Угол альвеолярной части	-	79.0	78.0	-	-	-	84.0	-
75(1). Угол выступания носа	-	23.0	23.0	-	-	-	26.0	35.0
8:1. Черепной указатель	-	82.2	75.6	-	-	-	88.1	-
17:1. Высотно-прод. указатель	-	76.1	72.2	-	-	-	-	-
17:8. Высотно-попер. указатель	-	92.5	95.5	-	-	-	-	-
9:8. Лобный указатель	-	64.2	66.2	-	-	-	58.8	-
40:5. Указатель выступ-я лица	-	98.0	101.6	-	-	-	-	-
48:45. Верхне-лицевой ук-ль	-	50.0	52.4	-	-	-	-	-
54:55. Носовой указатель	-	46.8	47.9	-	-	-	53.8	47.8
52:51. Орбитный указатель	69.0	75.0	75.0	-	-	-	83.5	80.0
SS:SC. Симотический указатель	38.4	42.4	40.0	-	63.8	-	36.0	42.3
DS:DC. Дакриальный указатель	-	55.0	43.2	-	-	-	38.8	-
Форма черепа сверху	-	Сфеноид	Пентаг.	-	Овоид	Овоид	Сфеноид	Овоид
Надпереносье (1-6)	-	2.5	3.0	1.5	2.0	2.0	2.0	3.5
Надбровные дуги (1-3)	1.5	1.5	1.5	1.0	1.0	1.5	1.0	1.5
Наруж. затылочный бугор (0-5)	-	1.0	1.0	-	1.0	1.0	2.0	1.0
Сосцевидный отросток (1-3)	1.5	2.0	1.5	1.5	1.0	2.0	1.5	1.5
Передне-носовая кость (1-5)	-	2.0	3.0	-	-	-	2.0	3.5
Нижний край груш-го отверстия	Antr.	Antr./F.Pr.	Antr.	-	Antr.	-	Antr.	Antr.

Примечание к таблицам: Мусульм. – погребения, совершенные по мусульманскому погребальному обряду или с некоторыми отклонениями от него; II А – объединяет погребения с южной и юго-западной ориентировкой (мордва-мокша); II Б – объединяет погребения с северо-восточной ориентировкой (мордва-эрзя); II В – объединяет погребения с западной ориентировкой (кочевники). Все данные по рубрикации погребального обряда и этнокультурной принадлежности отдельных захоронений приведены по публикации И.Н. Васильевой (Васильева, 1993).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Агапов Сергей Александрович

Кандидат исторических наук, директор
Самарская региональная общественная организация Истори-
ко-эко-культурная ассоциация «Поволжье»
Адрес служебный: 443086, ул. Часовая, д. 6, к. 201, г. Са-
мара, Россия

Agarov Sergey Alexandrovich

Candidate of History, Director
Samara Regional Public Organization Historical-Eco-Cultural
Association «Povolzje»
Address: 443086, Chasovaj str., 6, 201, Samara, Russia
E-mail: serg52@yandex.ru

Андреев Константин Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент
Кафедра отечественной истории и археологии
Самарский государственный социально-педагогический
университет
Адрес служебный: 443010, ул. М. Горького, д. 65/67,
Самара, Россия

Andreev Konstantin Mikhailovich

Candidate of History, Associate Professor,
Department of Russian History and Archaeologists
Samara State University of Social Sciences and Education
Address: 443010, M. Gorky str., 65/67, Samara, Russia
E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru

Богачев Алексей Владимирович

Доктор исторических наук
Адрес: 443125, Проспект Кирова, д. 328, кв.92, Самара,
Россия

Bogachev Aleksey Vladimirovich

Doctor of History
Address: 443125, Kirov Avenue, 328, 92, Samara, Russia
E-mail: figaro9@rambler.ru

Волкова Елена Витальевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдел теории и методики (Группа истории керамики)
Институт археологии Российской академии наук
Адрес служебный: 117292, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Мо-
сква, Россия

Volkova Elena Vitalievna

Candidate of History, Senior Researcher
Department of Theory and Methodology (Ceramics History
Group)
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
Address: 117292, Dmitry Uljanov str., 19, Moscow, Russia
E-mail: VolkovaEV@iaran.ru

Газимзянов Ильгизар Равильевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник
ООО «ЦМП (Центр музейного проектирования)»
Адрес служебный: 420111, ул. Чернышевского, д. 16,
кв. 82, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Gazimzyanov Ilgizar Ravilevich

Candidate of History, Researcher
CMP (Museum Design Center)
Address: 420111, Chernyshevsky str., 16, sq. 82, Kazan,
Republic of Tatarstan, Russia
E-mail: g-ilgizar@yandex.ru

Гасилин Вячеслав Владимирович

Кандидат биологических наук, старший научный сотруд-
ник
Лаборатория палеоэкологии
Институт экологии растений и животных Уральского от-
деления РАН
Адрес служебный: 620144, ул. 8 Марта, д. 202, г. Екатеринбу-
рг, Россия

Gasilin Vyacheslav Vladimirovich

Candidate of Biology, Senior Researcher

Laboratory of Paleoecology

Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences
Address: 620144, 8 Marta str., 202, Yekaterinburg, Russia
E-mail: gasilinv@yandex.ru

Горащук Игорь Владиславович

Кандидат исторических наук, начальник группы археоло-
гии
АО «Волжский научно-исследовательский и проектно-
изыскательский институт по землеустройству»
Адрес служебный: 443063, ул. Ставропольская, д. 45,
г. Самара, Россия

Gorashchuk Igor Vladislavovich

Candidate of History, Head of the Archaeology Group
JSC «Volga Research and Design and Survey Institute for
Land Management»
Address: 443063, Stavropolskaya str., 45, Samara, Russia
E-mail: gorashchuk@mail.ru

Григорьев Артем Петрович

Младший научный сотрудник
Волго-Уральский центр палеоантропологических исследо-
ваний
Самарский государственный социально-педагогический
университет
Адрес служебный: 443090, ул. Антонова-Овсеевко, д. 24,
г. Самара, Россия

Grigorev Artem Petrovich

Junior Researcher
Volga-Ural Center for Paleoanthropological Research
Samara State University of Social Sciences and Education
Address: 443090, Antonov-Ovseenko str., 24, Samara, Russia
E-mail: grap9@bk.ru

Иванов Владимир Александрович

Доктор исторических наук, профессор, главный научный
сотрудник
Научно-образовательная лаборатория патриотического
воспитания молодежи и истории казачества
Башкирский государственный педагогический универси-
тет им. М. Акмуллы
Адрес служебный: 450008, ул. Октябрьской Революции,
3-а, г. Уфа, Россия

Ivanov Vladimir Alexandrovich

Doctor of History, Professor, Principal Researcher
Scientific and Educational Laboratory of Patriotic Education
of Youth and the History of the Cossacks
Akmulla Bashkir State Pedagogical University
Address: 450008, October Revolution str., 3-a, Ufa, Russia
E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Казаков Евгений Петрович

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук
Республики Татарстан
Адрес служебный: 420012, ул. Бутлерова, д. 30, г. Казань,
Республики Татарстан, Россия

Kazakov Evgeniy Petrovich

Doctor of History, Principal Researcher
A.H. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of
Sciences of the Republic of Tatarstan
Address: 420012, Butlerov Str., 30, Kazan, Republic of
Tatarstan, Russia
E-mail: epkaz@mail.ru

Колев Юрий Иванович

Заведующий отделом современных технологий
Самарский областной историко-краеведческий музей
им. П.В. Алабина
Адрес служебный: 443041, ул. Ленинская, д. 142, г. Сама-
ра, Россия

Kolev Yuri Ivanovich

Head of the Department of Modern Technologies
The Samara Regional Museum of History and Local Lore
named after Pyotr Vladimirovich Alabin Address: 443041,
Leninskaya str., 142, Samara, Russia
E-mail: kolev@alabin.ru

Кудашов Александр Сергеевич

Лаборант
Научно-исследовательская часть
Самарский государственный социально-педагогический
университет
Адрес служебный: 443010, ул. М. Горького, д. 65/67, г. Са-
мара, Россия

Kudashov Alexander Sergeevich

Laboratory assistant
Research part
Samara State University of Social Sciences and Education
Address: 443010, M. Gorky str., 65/67, Samara, Russia
E-mail: aleksandr.kudashov@gmail.com

Кузнецов Павел Федорович

Кандидат исторических наук, заведующий
Музей археологии Поволжья
Самарский государственный социально-педагогический
университет
Адрес служебный: 443041, ул. Ленинская, д. 123, Самара,
Россия

Kuznetsov Pavel Fedorovich

Candidate of History, Head
Museum of Archaeology of the Volga Region
Samara State University of Social Sciences and Education
Address: 443041, Leninskaya str., 123, Samara, Russia
E-mail: pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com

Кузьмина Ольга Викторовна

Кандидат исторических наук, независимый исследователь
Адрес: 443080, пр. Карла Маркса, д. 203, кв. 31, г. Самара,
Россия

Kuzmina Olga Viktorovna

Candidate of History, Independent Researcher
Address: 443080, Karl Marks str., 203, 31, Samara, Russia
E-mail: kuzmina.o.v@gmail.com

Кузьминых Сергей Владимирович

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Лаборатория естественнонаучных методов в археологии
Институт археологии Российской академии наук
Адрес служебный: 117292, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Мо-
сква, Россия

Kuzminykh Sergey Vladimirovich

Candidate of History, Leading Researcher
Laboratory of Natural Science Methods in Archaeology
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
Address: 117292, Dmitry Uljanov str., 19, Moscow, Russia
E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Ластовский Алексей Алексеевич

Независимый исследователь
Адрес: 443080, пр. Карла Маркса, д. 203, кв. 31, г. Самара,
Россия

Lastovskiy Aleksey Alekseevich

Independent Researcher
Address: 443080, Karl Marks str., 203, 31, Samara, Russia
E-mail: al_al_lastovskiy@mail.ru

Ломейко Павел Владимирович

Лаборант кафедры российской истории
Социально-гуманитарный институт
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва
Адрес служебный: 443034, ул. Академика Павлова, д. 1,
корпус 22, г. Самара, Россия

Lomeyko Pavel Vladimirovich

Laboratory assistant, Department of Russian History
Institute of Social Sciences and Humanities

Samara National Research University named after
Academician S.P. Korolev
Address: 443034, Akademik Pavlov str., 1, building 22,
Samara, Russia
E-mail: lomeyko_p@mail.ru

Михайлова Ольга Викторовна

Консультант аппарата
Самарская Губернская Дума
Адрес служебный: 443010, ул. Молодогвардейская, д. 187,
г. Самара, Россия

Mikhailova Olga Viktorovna

Consultant of the apparatus
Samara Regional Duma
Address: 443010, Molodogvardeyskaya str., 187, Samara,
Russia
E-mail: michail.sam-gd@mail.ru

Моргунова Нина Леонидовна

Доктор исторических наук, профессор, главный научный
сотрудник
Археологическая лаборатория
Оренбургский государственный педагогический универ-
ситет
Адрес служебный: 460014, ул. Советская, 19, г. Оренбург,
Россия

Morgunova Nina Leonidovna

Doctor of History, Professor, Principal Researcher
Archaeological Laboratory
Orenburg State Pedagogical University
Address: 460014, Sovetskaya str., 19, Orenburg, Russia
E-mail: nina-morgunova@yandex.ru

Мышкин Владимир Николаевич

Кандидат исторических наук, заведующий
Археологическая лаборатория
Самарский государственный социально-педагогический
университет
Адрес служебный: 443041, ул. Ленинская, д.127, Самара,
Россия

Myshkin Vladimir Nikolaevich

Candidate of History, Head
Archaeological Laboratory
Samara State University of Social Sciences and Education
Address: 443041, Leninskay str., 127, Samara, Russia
E-mail: vnm59@bk.ru

Рослякова Наталья Валерьевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдел научных исследований и грантов
Самарский государственный социально-педагогический
университет
Адрес служебный: 443099, ул. Максима Горького, 65/67,
г. Самара, Россия

Roslyakova Natalia Valerievna

Candidate of History, Senior Researcher
Research and Grants Department
Samara State University of Social Sciences and Education
Address: 443099, M. Gorky str., 65/67, Samara, Russia
E-mail: roslyakova_n@mail.ru

Семин Дмитрий Валерьевич

Старший научный сотрудник
ООО Научно-производственный центр «УТР»
Адрес служебный: 443099, ул. Водников, д. 60, офис 910,
г. Самара, Россия

Semin Dmitry Valerievich

Senior Researcher
LLC Scientific and Production Center «UTR»
Address: 443099, Vodnikov str., 60, office 910, Samara,
Russia
E-mail: viator.dmitrii@gmail.com

Скарбовенко Вера Александровна

Хранитель археологических фондов кафедры российской
истории

Социально-гуманитарный институт
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва
Адрес служебный: 443034, ул. Академика Павлова, д. 1,
корпус 22, г. Самара, Россия

Skarbovenko Vera Aleksandrovna
Curator of archaeological funds, Department of Russian
History
Institute of Social Sciences and Humanities
Samara National Research University named after
Academician S.P. Korolev
Address: 443034, Academic Pavlov str., 1, building 22,
Samara, Russia
E-mail: skarbovenko_va@mail.ru

Сомов Анатолий Владимирович
Старший преподаватель
Кафедра отечественной истории и археологии
Самарский государственный социально-педагогический
университет
Адрес служебный: 443010, ул. М. Горького, д. 65/67,
Самара, Россия

Somov Anatoly Vladimirovich
Senior Lecturer
Department of Russian History and Archaeologists
Samara State University of Social Sciences and Education
Address: 443010, M. Gorky str., 65/67, Samara, Russia
E-mail: somov.anatoly@gmail.com

Турецкий Михаил Александрович
Кандидат исторических наук, главный научный сотрудник
Самарский областной историко-краеведческий музей им.
П.В. Алабина
Адрес служебный: 443041, ул. Ленинская, д. 142, г. Сама-
ра, Россия

Turetskiy Mikhail Alexandrovich
Candidate of History, Principal Researcher
The Samara Regional Museum of History and Local Lore
named after Pyotr Vladimirovich Alabin
Address: 443041, Leninskaya str., 142, Samara, Russia
E-mail: maturet@mail.ru

Файзуллин Айрат Асхатович
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Археологическая лаборатория
Оренбургский государственный педагогический универ-
ситета
Адрес служебный: 460014, ул. Советская, 19, г. Оренбург,
Россия

Fayzullin Airat Askhatovich
Candidate of History, Researcher
Archaeological Laboratory
Orenburg State Pedagogical University
Address: 460014, Sovetskaya str., 19, Orenburg, Russia
E-mail: faizullin.airat@yandex.ru

Хохлов Александр Александрович
Доктор исторических наук, профессор, заведующий
Волго-Уральский центр палеоантропологических исследо-
ваний
Самарский государственный социально-педагогический
университет
Адрес служебный: 443010, ул. М. Горького, д. 65/67, г. Са-
мара, Россия

Khokhlov Alexandr Alexandrovich
Doctor of History, Professor, Head
Volga-Ural Center for Paleoanthropological Research
Samara State University of Social Sciences and Education
Address: 443010, M. Gorky str., 65/67, Samara, Russia
E-mail: Khokhlov_aa@mail.ru

Цетлин Юрий Борисович
Доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Отдел теории и методики (Группа истории керамики)
Институт археологии Российской академии наук
Адрес служебный: 117292, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Мо-
сква, Россия

Tsetlin Yuri Borisovich
Doctor of History, Senior Researcher
Department of Theory and Methodology (Ceramics History
Group)
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
Address: 117292, Dmitry Uljanov str., 19, Moscow, Russia
E-mail: TsetlinUB@iaran.ru

Шишлина Наталья Ивановна
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Отдел археологических памятников
Государственный Исторический музей
Адрес служебный: 109012, Красная пл., д. 1, г. Москва,
Россия

Shishlina Natalia Ivanovna
Doctor of History, Principal Researcher
Department of Archaeological Monuments
State Historical Museum
Address: 109012, Red sq., 1, Moscow, Russia
E-mail: nshishlina@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбхИЯЛИ	– Абхазский институт языка, литературы и истории.
АГУ	– Алтайский государственный университет.
АЕС	– Археология евразийских степей. Казань.
АН РТ	– Академия наук Республики Татарстан.
АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
АО	– Археологические открытия. М.
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии. Уфа.
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БГУ	– Башкирский государственный университет.
ВАУ	– Вопросы археологии Урала. Екатеринбург – Сургут.
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет.
ВГУ	– Воронежский государственный университет.
ВолГУ	– Волгоградский государственный университет.
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук.
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИИ АН РТ	– Институт истории Академии наук Республики Татарстан.
ИИА УрО РАН	– Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
ИИФФ СО АН СССР	– Институт истории, филологии и философии СО АН СССР.
ИИЯЛ БФАН СССР	– Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.
ИИЯЛ УНЦ РАН	– Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук.
ИНКВА	– Международный союз по изучению четвертичного периода.
ИОАИЭ	– Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань.
ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук.
ИЯЛИ КФАН СССР	– Институт языка, литературы и истории им. г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР.
КГПИ	– Куйбышевский государственный педагогический институт.
КГУ	– Куйбышевский государственный университет.
КЕС	– Культуры евразийских степей. Самара.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МарГУ	– Марийский государственный университет.
МарНИИЯЛИ	– Марийский Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук.
МГМЦ СУ	– Межвузовский гуманитарный музейный центр Самарского университета.
МГУ	– Московский государственный университет.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет.
ПА	– Поволжская археология. Казань.
ПГГПУ	– Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
ПГСГА	– Поволжская государственная социально-гуманитарная академия.
РА	– Российская археология. М.
РАН	– Российская академия наук.
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд.
РНФ	– Российский научный фонд.

РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СамГУ	– Самарский государственный университет.
СамНЦ РАН	– Самарский научный центр Российской академии наук.
САО	– Самарское археологическое общество.
СГПИ (СамГПИ)	– Самарский государственный педагогический институт.
СГПУ (СамГПУ)	– Самарский государственный педагогический университет.
СГСПУ	– Самарский государственный социально-педагогический университет.
СГУ	– Саратовский государственный университет.
СНВ	– Самарский научный вестник. Самара.
СНЦ (СамНЦ) РАН	– Самарский научный центр Российской академии наук.
СО АН СССР	– Сибирское отделение АН СССР.
СОИКМ	– Самарский областной историко-краеведческий музей. им. П.В. Алабина.
СОУНБ	– Самарская областная универсальная научная библиотека.
СПГУ (СПбГУ)	– Санкт-Петербургский государственный университет.
СРО ВООПИиК	– Самарское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.
СРОО ИЭКА	– Самарская региональная общественная организация Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье».
СЭ	– Советская этнография. М.
СЭИИДГ	– Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства.
ТА	– Татарская археология. Казань.
Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея. М.
УдГУ	– Удмуртский государственный университет.
Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР	– Удмуртский институт истории языка, литературы Уральского отделения АН СССР.
УПАСК	– Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция.
УрО АН СССР/РАН	– Уральское отделение АН СССР/ РАН.
ЮУрГУ	– Южно-Уральский Государственный университет.
FU	– Finno-Ugrica. Казань.
ІА НАН України	– Інститут археології Національної академії наук України.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.А. Турецкий</i> Они были первыми	3
<i>П.В. Ломейко</i> Вера Александровна Скарбовенко.....	15
Нина Леонидовна Моргунова	19
Сергей Александрович Агапов	21
Людмила Валентиновна Кузнецова	26
Ирина Николаевна Васильева	29
Валентина Николаевна Зудина.....	35
Наталья Петровна Салугина.....	38
<i>В.А. Иванов</i> Всё это было, было.....	42
<i>С.В. Кузьминых</i> К 70-летию Сергея Александровича Агапова.....	52
<i>Ю.Б. Цетлин, Е.В. Волкова</i> К юбилею И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной	62
<i>В.Н. Мышкин</i> Кремень, палаша, венеды... (к юбилею друзей и коллег)	68
Аркадий Иванович Королев.....	73
Сергей Эдгарович Зубов	77
Алексей Владимирович Богачев	82
<i>К.М. Андреев, А.С. Кудашов, А.В. Сомов</i> Комплексы неолитической керамики, орнаментированной наколами, Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий	85
<i>О.В. Кузьмина, А.А. Ластовский, Н.В. Рослякова, М.А. Турецкий</i> Поселение Волгарь III	100
<i>Н.И. Шишлина</i> Хвалынский I энеолитический могильник: новые радиоуглеродные даты	123
<i>Н.Л. Моргунова, А.А. Файзуллин, И.В. Горащук, Д.В. Семин</i> Макролитические орудия труда как особая категория погребального инвентаря в ямной культуре (по данным Оренбургской и Самарской областей)	130
<i>В.А. Скарбовенко, П.В. Ломейко, В.В. Гасилин, А.А. Хохлов</i> Курган эпохи средней бронзы в могильнике Бобровка I на р. Самаре.....	144
<i>П.Ф. Кузнецов, В.Н. Мышкин, А.А. Хохлов</i> Лопатинский II курганный могильник в Самарском Заволжье	156
<i>О.В. Кузьмина, О.В. Михайлова</i> Материалы эпохи бронзы курганного могильника Тайдаково I	172
<i>О.В. Кузьмина, А.А. Ластовский</i> Поселение эпохи бронзы Троицкое II	194
<i>Ю.И. Колев, М.А. Турецкий</i> О находке пары псалиев на селище Малячкино III (культурно-хронологическая атрибуция).....	214
<i>С.А. Агапов, А.П. Григорьев, С.В. Кузьминых</i> Долото позднего бронзового века из селища Лебяжинка IX на р. Сок в лесостепном Заволжье.....	231
<i>Е.П. Казаков</i> Урало-Поволжская Сарматия VI – VII вв. н.э.: проблемы изучения	236
<i>А.В. Богачев</i> Асы и буртасы на Средней Волге и в Предуралье по данным топонимики	241
<i>И.Р. Газимзянов</i> Краниологические материалы Усинского II могильника в золотоордынское время).....	255
Сведения об авторах.....	261
Список сокращений	264

CONTENTS

<i>M.A. Turetskiy</i>	
THEY WERE THE FIRST	3
<i>P.V. Lomeyko</i>	
VERA ALEXANDROVNA SKARBOVENKO	15
NINA LEONIDOVNA MORGUNOVA	19
SERGEY ALEXANDROVICH AGAPOV	21
LYUDMILA VALENTINOVNA KUZNETSOVA	26
IRINA NIKOLAEVNA VASILYEVA	29
VALENTINA NIKOLAEVNA ZUDINA	35
NATALIA PETROVNA SALUGINA	38
<i>V.A. Ivanov</i>	
ALL THIS HAS BEEN, HAS BEEN	42
<i>S.V. Kuzminykh</i>	
TO THE 70TH ANNIVERSARY OF SERGEI ALEXANDROVICH AGAPOV	52
<i>Yu.B. Tsetlin, E.V. Volkova</i>	
TO THE ANNIVERSARY OF I.N. VASILYEVA AND N.P. SALUGINA	62
<i>V.N. Myshkin</i>	
FLINT, BROADSWORDS, VENEDS ... (TO THE ANNIVERSARY OF FRIENDS AND COLLEAGUES)	68
ARKADIY IVANOVICH KOROLEV	73
SERGEY EDGARDOVICH ZUBOV	77
ALEXEY VLADIMIROVICH BOGACHEV	82
<i>K.M. Andreev, A.S. Kudashov, A.V. Somov</i>	
COMPLEXES OF NEOLITHIC CERAMICS DECORATED WITH PRICKS IN THE MIDDLE VOLGA REGION, KAMA-VYATKA AND SURА-MOKSHA INTERFLUVES	85
<i>O.V. Kuzmina, A.A. Lastovskiy, N.V. Roslyakova, M.A. Turetskiy</i>	
VOLGAR III SETTLEMENT	100
<i>N.I. Shishlina</i>	
THE ENEOLITHIC KHVALYNSK I CEMETERY: NEW RADIOCARBON DATES	123
<i>N.I. N.L. Morgunova, A.A. Fayzullin, I.V. Gorashchuk, D.V. Semin</i>	
MACROLITHIC TOOLS AS A SPECIAL CATEGORY OF BURIAL EQUIPMENT IN THE YAMNAYA CULTURE (ACCORDING TO THE ORENBURG AND SAMARA REGIONS)	130
<i>V.A. Scarbovenko, P.V. Lomeyko, V.V. Gasilin, A.A. Khokhlov</i>	
THE MOUND OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN THE BOBROVKA I BURIAL GROUND ON THE SAMARA RIVER	144
<i>P.F. Kuznetsov, V.N. Myshkin, A.A. Khokhlov</i>	
LOPATINSKY II BURIAL MOUND IN THE SAMARA TRANS-VOLGA REGION	156
<i>O.V. Kuzmina, O.V. Mikhailova</i>	
MATERIALS OF THE BRONZE AGE OF THE TAIDAKOVO I BURIAL GROUND	172
<i>O.V. Kuzmina, A.A. Lastovskiy</i>	
THE BRONZE AGE OF THE TROITSKOYE II SETTLEMENT	194
<i>Yu.I. Kolev, M.A. Turetskiy</i>	
ABOUT THE DISCOVERY OF A PAIR OF CHEEK-PIECES AT THE SETTLEMENT OF MALYACHKINO III (CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION)	214
<i>S.A. Agapov, A.P. Grigorev, S.V. Kuzminykh</i>	
LATE BRONZE AGE CHISEL FROM THE LEBYAZHINKA IX SETTLEMENT ON THE SOK RIVER IN THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION ...	231
<i>E.P. Kazakov</i>	
URAL-VOLGA SARMATIA IN THE 6TH - 7TH CENTURIES A.D.: PROBLEMS OF RESEARCH	236
<i>A.V. Bogachev</i>	
THE AS AND THE BURTAS IN THE MIDDLE VOLGA REGION AND THE URALS ACCORDING TO THE PLACE NAMES DATA	241
<i>I.R. Gazimzyanov</i>	
CRANILOGICAL MATERIALS OF THE USINSKY II BURIAL GROUND (TO THE QUESTION OF ETHNOGENETIC PROCESSES IN THE SAMARA VOLGA REGION IN THE GOLDEN HORDE PERIOD)	255
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	261
LIST OF ABBREVIATIONS	264

Научное издание

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ

ВЫПУСК 10

Ответственные редакторы М.А. Турецкий, В.Н. Мышкин

Макет Ю.И. Колев

Главный редактор О.И. Сердюкова

Сдано в набор 16.11.2023. Подписано в печать 30.11.2023

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Объем 34 п.л. Тираж 120 экз. Заказ №...

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82